НЕЗАВИСИМЫЙ ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БУДУЩЕЕ БЕЛАРУСИ

Взгляд независимых экспертов

Под редакцией
профессора Олега Манаева

Санкт-Петербург
«Невский простор»
2012

УДК 316.3 (476)
ББК 60.56 (4Беи-Рус)
М 23

Печатается по решению Редакционно-издательского совета НИСЭПИ

Рецензенты: проф. Станислав Богданкевич (Минск), Мичитака Хаттори (Токио)

М 23 Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов. Под редкцией профессора Олега Манаева. – Санкт-Петербург: «Невский простор», 2012. – 534 с.

Книга представляет взгляд ведущих независимых отечественных и зарубежных экспертов на будущее Беларуси, основанный на анализе ключевых проблем ее современного развития: формирования национальной идентичности, политического и социально-экономического развития, геополитического самоопределения. Ученые, представляющие различные сферы социальных наук (социологию, экономику, политологию, историю, культурологию), и лидеры гражданского общества рассматривают различные сценарии развития белорусского общества и государства, дают краткосрочные и долгосрочные прогнозы.

Для полисимейкеров и лидеров мнений, ученых и журналистов, всех, кто интересуется проблемами и будущем Беларуси.

УДК 316.3 (476)
ББК 60.56 (4Беи-Рус)

ISBN

© Независимый институт социально-экономических и политических исследований, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

I. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 24

Олег Манаев
Особенности современной белорусской идентичности 24

Белорусская идентичность как проблема 24
Психологическая структура национальной идентичности и ее факторы 27
Эмоциональный компонент национальной идентичности 28
Когнитивный компонент национальной идентичности 29
Мотивационный компонент национальной идентичности 34
Особенности геополитической идентичности белорусов 48
Главная особенность современной белорусской идентичности и ее перспективы 57

Рышард Радзик
Будущее Беларуси сквозь призму ее идентичности 69

Проблема Беларуси 69
Быть или иметь? 71
«С Востока свет, с Запада шик» 74
Государство, историческое сознание и власть 87
Перспективы изменений 107

Юлия Чернявская
Беларусь как лаборатория *(К антропологии «быдла» и «антибыдла»)* 115

Почему Беларусь – лабораторная страна? 115
Быдло и элита: к постановке вопроса 115
Запрограммированность на проигрыш и сорочьи заимствования 116
Комплекс духовного райцентра 118
Пути преодоления «комплекса райцентра» 120
Наш родной национальный миф... 122
Страна тактик: несколько неудобных мыслей 125
Наш родной менталитет... 126
Самостирание как механизм самоидентификации 129
Нелирическое отступление: являются ли белорусы нацией? 131
Матчына мова 134
Мазохизм как монополия на любовь к Родине 136
Черное и белое 138
Мягкий тоталитаризм 140
Возможные перспективы или попытка ответа на вопросы без ответов 142

Григорий Иоффе
В тупике этнического национализма 152
Введение в проблему 152
Язык и самосознание 153
Слабость белорусского национализма и три национальных проекта Беларуси 155
Радикализация мыслящей части общества и возрастание роли западнорусизма 159
Взгляд на проблему глазами Александра Лукашенко 162
Перспективы 167

Дэвид Марплз
Формирование нации на основе прошлого: увековечивание героев Великой Отечественной войны в Беларуси 171
Постановка проблемы 171
Герои Советского Союза 173
Герои-летчики 177
Молодые герои 181
Герои-разведчики 183
Проходя войну от начала до конца 186
Герои последнего периода войны 190
Поныне здравствующие ветераны 191
Герои-женщины 197
Военно-патриотическое воспитание 204
Итоги и перспективы: будущее из прошлого? 208

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 217

Сергей Николюк
Белорусское общество: от объектного состояния к субъектному 217
Будущее как проекция настоящего 217
Электоральный «ванька-встанька» 222
Есть ли шанс у новой Перестройки? 227
Экономика социальной стабильности 232
Перспективы: кто подпишет новый «социальный контракт»? 236

Вадим Дубнов
Александр Лукашенко: хроника недалекого будущего 242
Проблема Беларуси 242
Лукавство – орудие реформатора 243
Технология мифа 244
История прощает все? 246

Режим нашего времени 249
Общественный договор по-белорусски 250
Идеальное отчуждение 252
Элита: кошмар в раю 254
Кризис как спасение 256
Самовоспроизведение режима 257
Ближайшие перспективы: без видимых изменений 259
Руссо – II 260
Эволюция по-белорусски: бесконфликтная автократия 262

Анатолий Лысюк
Культурная травма и перспективы ее преодоления в независимой Беларуси 265

Введение 265
Основные параметры культурной травмы в Республике Беларусь 267
Белорусский модерн и постмодерн в контексте культурной травмы 282
Способы преодоления культурной травмы 286
Итоги и перспективы 290

Ольга Карач
Гражданское общество и его роль в демократизации 295

Особенности социально-исторического контекста формирования общественных организаций Беларуси 296
Репрессии в Беларуси: типология 297
Новые возможности и их специфика 300
Работа гражданского общества с группами интересов 307
Перспективы развития гражданского общества в обозримом будущем 308

Юрий Зиссер
Интернет в Беларуси и демократия 317

Технологические предпосылки 317
«Новая экономика» 319
Государство, демократия и интернет 322
Революции через социальные сети: мнения экспертов 325
Влияние интернета на политические взгляды 327
Основные выводы 337
Проблемы и перспективы 338

Олег Манаев
Сотворение будущего Беларуси: роль независимых исследований 342

Специфика независимых исследований 342
Будущее как процесс 343
«Между Сциллой и Харибдой» 346
Независимые исследования глазами общества 352

Опыт НИСЭПИ 361
Перспективы независимых исследований 372

Александр Соснов
Белорусский экономический менталитет 375
Экономический менталитет как проблема 375
Экономический менталитет белорусов на начальном этапе становления независимости государства 378
Экономические взгляды на этапе перехода к «белорусской модели экономического развития» 381
Деградация «белорусской модели экономического развития» и экономический менталитет 385
Экономический менталитет как основа социально-политического раскола белорусского общества 388
Белорусский экономический менталитет в ближайшей перспективе 394

Александр Ярошук
Тернистый путь к будущему 397
Дороги, которые мы выбираем 397
Плата за свободу 401
Как золотое десятилетие стало потерянным временем 406
Сегодняшняя Беларусь – плохая копия Советского Союза 410
Нынешняя власть выработала свой исторический ресурс 415
Смена власти не за горами 420
Встретимся через двадцать лет 426

III. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ 429

Леонид Заико
Беларусь «инсайт футурума»: долгосрочное геополитическое форматирование 429
Предметно-методологический инструментарий: сущность и специфика 429
Плюрализм как отказ от выбора 431
Экономическая эволюция Беларуси – отрицание будущего 435
Геоэкономические вводные и траектории 440
Персонификация будущего 443
Системная эволюция: формирование евразийского будущего? 447

Эндрю Уилсон
Моделируя Беларусь 455
Национальная идентичность 455
«Лукашизм» как явление 458

Авторитаризм 459
Внешняя политика: посттитоизм 462
Оппозиция 466
Белорусско-российско-арабская «цветная весна» 467
Экономика 468
Итоги и перспективы 471

Юрий Дракохруст
Беларусь – «расколотое» государство: вчера, сегодня, завтра 476

«Расколотое» государство 476
Тренды геополитического выбора 477
Единство в расколе 479
Прагматика и культурная близость 483
Парадокс геополитического выбора: антироссийские «белороссы» 485
Ветер странствий и геополитический выбор 489
Прогноз геополитической перспективы 491
Парадокс геополитического выбора: пророссийские «евробелорусы» 492
Культурная идентичность как фактор геополитического выбора 497
Геополитический выбор и идеалы 500
Европейские ценности 501
Беларусь в Евросоюзе? 503
Итоги и перспективы 505

Ханс-Георг Вик
Трансформация Беларуси: на перекрестке 510

I. Судьба Беларуси в меняющемся европейском пейзаже 510
Президент Лукашенко – навсегда? 510
Исторические вехи, о которых необходимо помнить 511
Европейский союз – фактор страха для России и Беларуси или образец для подражания? 511
II. Основная задача гражданского общества: изменить менталитет людей 514
Гражданское общество – политический фактор возрастающего значения 514
Авторитарные режимы – режимы прошлого 515
Недостатки плановой социалистической экономики 516
Гражданское общество и понимание ключевых проблем Беларуси 518
Перспективы Беларуси в европейском контексте 520

Об авторах 522
Именной указатель 525
Основные сокращения 531

ПРЕДИСЛОВИЕ

Парадоксально, но за двадцать лет развития независимой Беларуси о ее настоящем, будущем и даже прошлом возникло больше вопросов, чем ответов. Черно-белой картине, которую уже много лет рисуют власти и оппозиция – по мнению одних, это «островок стабильности» в хаосе окружающего мира (зрители Белорусского телевидения постоянно видят картины социальных и природных катаклизмов от США до Японии и от России до Египта), а, по мнению других, это «черная дыра в центре Европы» (пользователи политического байнета постоянно потчуются «ужасами режима» и прогнозами приближающейся революции) – перестало доверять большинство белорусов и международного сообщества.

Очевидно, что образ «стабильного, процветающего государства», который рисуется бесчисленными биллбордами в белорусских городах и весях, не соответствует действительности. Согласно рейтингу, опубликованному несколько месяцев назад изданием «Business Insider», Беларусь занимает десятое место среди беднейших стран мира (поскольку при уровне безработицы 1% рост индекса потребительских цен достиг 52.4%), располагаясь между балканским Косово и африканским Лесото[1]. По индексу потребительских цен она остается безусловным лидером даже среди стран СНГ (за январь-август 2012 г. данный индекс составил 183.9% по сравнению с аналогичным периодом 2011 г.)[2].

Попытки официоза прикрыть нарастающие социально-экономические проблемы аргументами типа «зато у нас мирная и спокойная жизнь» также не выдерживают критики. Согласно Global Peace Index – ежегодному рейтингу мирной и спокойной жизни в 153 странах, опубликованному в прошлом году Institute for Economics and Peace, Бела-

русь находится на 112 месте (Украина на 69). Хотя по показателям количества конфликтов на территории страны, уровню смертности от них или доступности оружия для населения наша страна действительно выгодно отличается от многих других, нарушения прав человека, количество заключенных в тюрьмах, число сотрудников правоохранительных органов и отношения с соседними странами «тянут» ее на «дно» списка[3].

Неудивительно, что, согласно Satisfaction with Life Index – международному рейтингу стран по уровню удовлетворенности жизнью («индексу счастья»), Беларусь занимает 170 место из 178[4].

Из известной триады реакций на неблагоприятные социальные обстоятельства, описанной Альбертом Хиршманом – «лояльность», «выход» и «голос» – все больше белорусов выбирают «выход», «бегство», понимаемое в самом широком смысле: от бегства из страны до бегства в мир наркотических иллюзий или криминалитета[5]. Так, согласно Глобальному докладу Всемирной организации здравоохранения, Беларусь входит в первую десятку стран по уровню потребления алкоголя: на каждого жителя нашей страны в год приходится 13,3 литра в пересчете на чистый спирт. «Подсчитано, что в последние пять лет на среднюю зарплату в Беларуси можно купить в 5 раз больше водки, чем это было в 1990-х гг.», – заявил недавно на пресс-конференции главный нарколог Министерства здравоохранения Алексей Александров[6]. Сотни тысяч белорусов предпочитают иной «выход» – уезжают на заработки за границу: по данным экспертов, «за последние годы из страны исчез миллион работников»[7].

Конечно, есть и те, кто предпочитает «лояльность»: прежде всего – это 166 тысяч работников сферы государственного управления (количество которых с конца 1990-х гг. выросло в полтора раза) и свыше 100 тысяч сотрудников правоохранительных органов[8]. Обеспечивается она довольно просто: «Всего за полгода зарплаты силовиков и чиновников увеличены трижды, общее увеличение составило более чем в два раза»[9].

По мнению многих экспертов, нарастающие внутренние проблемы Беларуси обусловлены, прежде всего, особенностями формирования ее национальной идентичности. Горячие дискуссии на эту тему не стихают на протяжении двух десятилетий существования независимого белорус-

ского государства. Причем, в отличие от темы внутриполитического и социально-экономического развития, эти дискуссии раскалывают саму оппозицию или, шире говоря, гражданское общество. Одна его часть – преимущественно белорусскоязычная – продвигает проект «белорусской Беларуси» (основанный на тезисе, что белорусы – это на самом деле литвины, по происхождению имеющие не славянские, а балтские корни, их главный идентификатор – *мова*), а другая – преимущественно русскоязычная – проект «гражданской нации» (основанный на тезисе, что белорусы – это все граждане Республики Беларусь, их главный идентификатор – *гражданство*). Этот раскол оказался настолько глубоким, что ни научно доказанные факты (по мнению генетиков, *«белорусы – это славяне, а никакие не балты» (здесь и далее курсив мой – О. М.)* [10]), ни глубоко аргументированные призывы к примирению и объединению усилий *(заключить своеобразную «Женевскую конвенцию для войны культур»),* раздающиеся с обеих сторон[11], так и не дали ощутимого результата.

Например, оценивая последствия нашумевшего «медвежьего десанта», осуществленного в Беларуси летом нынешнего года шведскими правозащитниками, политический лидер «белорусского проекта» З. Позняк (с 1996 г. в эмиграции) выразил возмущение заменой проштрафившихся генералов белорусского происхождения генералами, родившимися в России *(«Ну, «затурбавалі». Цяпер – кіруюць расейцы»*[12]). Ответ другой стороны не замедлил себя ждать: «Спадар Пазьняк, калі вы не разумееце, то я вам скажу - гэта глупства! Таму *дзяліць людзей, так як вы гэта робіце на беларусаў і небеларусаў (якія ў вас асацыююцца з людаедамі) я б не стаў, глядзіце аб'ектыўна* і індывідуальна. Але калі ж вы працягваеце змагацца з пытаннем аб нацыянальнай ідэнтыфікацыі некаторых беларускіх генералаў, успомніце лепш такіх карэнных «абарыгенаў» як Шэйман ды Паўлічэнка. *Калі б… у краіне павалілася дыктатура і праводзіліся сумленныя і свабодныя выбары, то я б за вас, хутчэй за ўсё, не галасаваў»*[13]. Причем ответ одному политическому эмигранту дал другой политический эмигрант (В. Дудкин, бывший руководитель отдела по борьбе с коррупцией в органах государственной власти, в 2009 г. из-за угрозы ареста вынужденный бежать в Западную Европу).

Политическому лидеру вторит и известный идеолог «белорусского проекта» С. Дубовец: «*Мова застаецца галоўным крытэрам адрозь-*

неньня апазыцыі і ўлады, дэмакратыі і сатрапства, незалежнасьці і правінцыйнасьці, культуры і сэрвіроўкі царскага стала. І калі сёньня я чытаю старонку вядомага апазыцыйнага палітыка ці знанага дэмакратычнага журналіста ў фэйсбуку па-расейску, я гіпофізам адчуваю, што *мы па розныя бакі гэтай лініі фронту*»[14]. Еще дальше пошел автор «Нашай Нівы», недавно прямо заявивший: «Адкрытасць на свет не заўсёды добра. Не трэба гнацца за прызнаннем свету. *Не трэба баяцца гета, калі толькі ў гета можа захавацца беларускасць*»[15].

Очевидно, что до «Женевской конвенции для войны культур» нам еще далеко.

Третьей важнейшей проблемой Беларуси, также тесно связанной с формированием национальной идентичности, является амбивалентность или дуализм ее геополитического самоопределения. Одна часть белорусов ориентируется на Европу, а другая на Россию[16].

С одной стороны, «за последние 12 лет паспорт ЕС получили около 11 тысяч наших бывших соотечественников»[17]. Согласно «индексу интеграции с ЕС для стран Восточного партнерства», разработанному международной командой экспертов, «белорусы путешествуют больше, чем их соседи, и вообще Беларусь на первом месте в мире по количеству выданных шенгенских виз на душу населения»[18].

С другой стороны, широко известны высказывания президента России о Беларуси: «Требуется создание в полном смысле этого слова единого государства. Я могу себе представить, что это может пройти в определенных временных рамках», «Прямая или скрытая поддержка белорусской экономики будет продолжена Россией на протяжении длительного времени», возможное объединение Беларуси и России «а) возможно, б) очень желательно и в) полностью, на 100%, зависит от волеизъявления белорусского народа»[19]. О том, что это не просто слова, говорят многочисленные факты. Например, «Российские компании являются лидерами в рейтинге крупнейших налоговых плательщиков Минска. Об этом свидетельствуют данные Министерства по налогам и сборам Беларуси»[20], «В Москве по инициативе Русской православной церкви начался сбор подписей за всенародный референдум о воссоединении России, Украины и Беларуси. Идею поддержали спикеры обеих белорусских палат»[21].

Руководство Беларуси использует эту исторически (и, отчасти, географически) обусловленную амбивалентность уже много лет, а когда «похолодание» наступает с обеих сторон, пытается «сформировать третий вектор» («Беларусь, Сирия и Венесуэла создадут альянс»[22]). Неудивительно, что со стороны подобные геополитические «метания» вызывают недоумение: «Никто не понимает, чего хочет сама Беларусь; никто не понимает, в чем ее национальный интерес – они не могут меняться в зависимости от настроения Путина или Миллера: должны быть фундаментальные интересы, которые не меняются в зависимости от того, кто лидер страны»[23].

Но как бы ни было важно прошлое и противоречиво настоящее Беларуси, ключевой вопрос, волнующий не только политиков и ученых, но миллионы белорусов, заключается в будущем нашей страны: каким оно будет – «при Лукашенко» и после? Как ни странно, о будущем ведется меньше дискуссий, чем о прошлом. В этих дискуссиях также сказывается «белорусский раскол»: власти чаще рисуют его в радужных красках, а оппозиция/гражданское общество – в мрачных. Известно, например, весьма пессимистическое отношение к будущему Беларуси Василя Быкова в последние годы жизни. По мнению известного оппозиционного политика генерала В. Фролова, рассуждавшего недавно о будущем «после Лукашенко», «*Люстрации окажутся детским лепетом по сравнению с возможным развитием событий.* Лепет оппозиционных политических партий о демократии, о правах человека, народные программы, программы по созданию миллиона рабочих мест будут погребены вместе с партиями под свободой, которая преобразится во вседозволенность после вседозволенности власти и многолетнего ига страха, под которым пребывает народ»[24].

Не отличаются оптимизмом и сценарии будущего Беларуси, публикуемые сегодня ведущими геополитическими аналитиками Запада. Так, анализируя, что может произойти в Беларуси, если режим Лукашенко рухнет, Эдвард Лукас, иностранный член Центра анализа европейской политики и международный редактор *The Economist* (Великобритания), подчеркивает: «То, что наступит потом, не будет сказочным переходом. *Процесс будет мутным, несправедливым, разочаровывающим и расстраивающим*. Если нам повезет, то спустя десять лет Белоруссия

может выглядеть как Сербия. Если не повезет, она будет выглядеть как Украина или даже как Россия. *Словом, ментальное, культурное и духовное излечение, которое должно последовать за окончанием эпохи авторитарного правления, – это болезненный и ухабистый процесс.* Его нельзя поторапливать. Внешний мир должен набраться терпения. Как и Белоруссия»[25].

Прогноз самого известного западного советолога Збигнева Бжезинского, опубликованный недавно в *Foreign Affairs*, еще более определенный и негативный: «С упадком глобального первенства Америки, более слабые страны будут подвержены напористому влиянию ведущих региональных держав. Возможность региональных конфликтов в отсутствии международной активности Америки вполне реальна. *Двадцать лет спустя после падения Советского Союза последняя диктатура Европы остается политически и экономически зависимой от России. Соответственно, заметный упадок Америки может привести к почти неизбежному поглощению Беларуси Россией*»[26].

Джордж Фридман, руководитель одной из самых авторитетных структур стратегического прогнозирования Stratfor (США), расширяет негативные последствия такого прогноза на весь регион: «*На фоне политической и экономической изоляции от Запада Беларусь вынуждена обращаться за помощью к России – у нее просто не остается другого выбора. Однако эта помощь может обойтись ей дорого,* так как Москва ясно дала понять, что она хочет либо увеличить свою долю в нескольких ключевых принадлежащих государству компаниях в основном из энергетического сектора, либо напрямую их купить. *Такой рост влияния России на Белоруссию может иметь серьезные последствия для региона,* особенно для Польши и стран Прибалтики, поставки которым природного газа зависят от белорусской энергетической инфраструктуры»[27].

Мы решили восполнить пробел в дискуссиях о Беларуси, посмотреть на ее будущее не только с точки зрения глобальной геополитики, поскольку считаем, что есть все же области общественной и профессиональной жизни в нашей стране, где позитивные перемены заметны. Одна из них – развитие свободной мысли, независимых социальных исследований («Поэтому, – подчеркивает один из авторов книги д-р Вик, – несмотря на авторитарный характер режима, Беларусь стала

неотъемлемой частью международного сообщества свободной и независимой социально-политической науки»). Двадцатилетию этого процесса была посвящена международная конференция «Будущее Беларуси», состоявшаяся в Вильнюсе в мае этого года при поддержке Pact/USAID (Вашингтон-Киев) и Центра Восточно-Европейских исследований (EESC, Вильнюс). На ней и было принято решение об издании этой книги.

Несмотря на сложность многих проблем развития Беларуси, авторы книги постарались не сводить их анализ к бесконечному «плачу Ярославны», не обсуждать лишь очевидное, а сосредоточиться на том, чего пока не видно – на будущем нашей страны. Конечно, эта сложная задача, ведь чем дальше заглядываешь, тем меньше видишь: там, за горизонтом настоящего, реальность уступает место надеждам или страхам. Полагаем, однако, что сама структура книги, построенная вокруг вышеназванных ключевых проблем, а также состав ее авторов, включающий лучших отечественных и зарубежных экспертов по Беларуси – являются залогом того, что это трудная задача будет успешно решена.

Авторы первого раздела, посвященного формированию национальной идентичности, говорят о незавершенности этого процесса, возможных негативных последствиях в будущем и факторах, способных их предотвратить. Так, мо мнению польского социолога Рышарда Радзика, подчеркивающего, что он «не рассматривает белорусов в качестве пешек в чужой игре», «В Беларуси, в отличие от стран Балтии, советская идеология не накладывалась на национальную идеологию, но замещала её: *в итоге уровень национальной самоидентификации в белорусском обществе оказался намного ниже, чем обычно бывает в Европе. В результате восемнадцати лет правления Лукашенко у России оказалось больше карт в «белорусской игре»*. Вполне возможно, что длительный период тяжелого экономического кризиса в сочетании с адекватной русский просоюзной политикой может привести к массовому росту поддержку интеграции с Россией. В последние двадцать лет подход Запада к Беларуси слишком часто бывал близоруким, рассчитанным на краткосрочную перспективу, т.е. месяцы и годы, а не на десятилетия».

Американский эксперт Григорий Иоффе главным фактором искажения перспектив Беларуси называет «тупик этнического национализма»:

«В целях сохранения и упрочения своей государственности *белорусам следовало бы прекратить отлучать друг друга от белорусскости, им следовало бы прийти к согласию о том, что значит быть белорусом.* Если хотя бы какая-то общность представлений на эту тему возникнет, белорусам будет легче размежеваться политически. *До тех пор пока эта общность не сформируется, …само независимое существование Беларуси будет под угрозой*».

В том же духе высказывается и британский политолог Эндрю Уилсон: «Конечно, в таком обществе, как Беларусь, тяжело расширить социальную базу, создавать сети социальной поддержки и строить гражданское общество. Но *если бы оппозиция уделяла внимание реальным, насущным проблемам белорусов – это могло бы помочь.* Кажется, что она слишком сосредоточена на культурной политике, стратегических вопросах существующего режима и внешнеполитической ориентации. *Исторический разрыв между белорусскоязычной и русскоязычной интеллигенцией также должен быть преодолен.* Наоборот, могут произойти странные мутации, когда не оказывается никаких побуждений для того, чтобы вырваться из этого гетто (как например, в случае «литвинского» движения)».

Культуролог Юлия Чернявская предлагает два сценария возможного развития этого процесса. «*Сценарий неотягощенный* предполагает, что давление государства не усилится, а ослабнет, откатившись на уровень «до 19 декабря». Даже если нас и ожидают кризисы, это будет воздействовать на народ ситуативно (культура тактик). Как только точки экономических провалов будут рассасываться тем или иным путем (внешних кредитов, инвестиций, печатанием денег и т.д.) – параллельно им будут рассасываться точки недовольства. *Отягощенный сценарий* – радикализация социума продолжится, комплекс райцентра усугубится. Радикализация общества может поменять направленность, группы могут объединиться и отношения между ними переструктурироваться ввиду общей беды и/или ввиду внешнего врага. *Единственное основание для надежды на изменения к лучшему в этом плане – не революционное, а эволюционное. Говорить о заметных «ласточках» этих изменений возможно будет никак не раньше, чем через десять лет*».

Канадский историк Дэвид Марплз задается вопросом: «Какой будет Беларусь через десять лет, сможет ли она при таком развитии остаться независимым государством?» и дает на него вполне оптимистический ответ: «Думаю, что сможет, и апокалипсический прогноз может быть преодолен соответствующей политикой нового руководства. Это потребует трудного и запоздалого разрыва с советским прошлым, сталинизмом, легенд и мифов Великой Отечественной войны. *С точки зрения будущей перспективы нынешнее государственное устройство и политика оказываются несостоятельны, но белорусская нация должна сохраниться и развиваться дальше.* Это то, чего хочет большинство граждан Беларуси».

Авторы второго раздела, посвященного политическому и социально-экономическому развитию Беларуси, анализируют не только давление государства на общество, но и противоречия в оппозиции/гражданском обществе.

Наш брестский коллега Анатолий Лысюк делает акцент на эволюции ценностей белорусов: «Для того, чтобы в Беларуси утвердилась консолидированная демократия, *необходимы не только структурная перестройка экономики и реформа политической системы, но и новая культурная политика, своеобразная культурная революция, без которой не будет ни первого, ни второго.* Выбор А. Лукашенко и его командой в качестве способов преодоления культурной травмы воспроизводства в различных вариантах евразийских ценностей и практик, инструментов ритуализации и ретреативизма *блокирует на ближайшую перспективу (5 лет) европейский путь Беларуси, обрекая ее на стагнацию и национальную деградацию. Однако логика исторического процесса, несмотря на сопротивление влиятельных политических акторов, в среднесрочной перспективе (10 лет) приведет к доминированию европейского вектора развития страны».*

Известные белорусские эксперты делают еще более оптимистические прогнозы. Так, рассматривая *будущее как проекцию настоящего,* политолог Сергей Николюк говорит о «*перспективах ремейка Перестройки,* т.е. очередного инверсионного перехода от авторитарного идеала к либеральному (вечевому) в ближайшие 5-10 лет» и считает, «что она достаточно высока. *Не исключено, что уже в первой половине*

следующего года мы станем свидетелями очередной экономической либерализации (предыдущая была прервана 19 декабря 2010 г.), которая имеет все шансы сорваться в новую Перестройку (в течение 2-3 лет)».

По мнению экономиста Александра Соснова, «*Экономический менталитет населения трансформируется в направлении, противоположном официальному и вопреки проводимой в стране экономической политике.* Объяснить этот факт можно тем, что существуют объективные факторы, предопределяющие динамику экономического менталитета населения, элиминировать влияние которых нынешние власти просто не в состоянии. Скорее всего, это связано с глобализацией экономики вообще и открытостью белорусской экономики в частности, а также с невозможностью в современных условиях блокировать свободу информации. *Это обстоятельство должно во многом облегчить задачу будущему руководству страны, которому вне всяких сомнений рано или поздно придется переводить белорусскую экономику на действительно рыночные рельсы».*

Лидер независимых профсоюзов Беларуси Александр Ярошук считает, что «*Нынешняя власть выработала свой исторический ресурс. Смена власти не за горами.* Таким же анахронизмом в XXI-м веке является белорусский авторитаризм, который, по мнению некоторых экспертов, в последнее время имеет тенденцию трансформации в тоталитаризм. Мы можем также уверенно утверждать о его исторической обреченности. *Белорусский политический режим вступил в свою последнюю стадию.* Трудно загадывать, как долго она будет продолжаться. Здесь решающую роль играют не столько внутренние, сколько внешние факторы. Впереди у нас интересное время. Похоже на то, что белорусский режим выработал не только свой экономический, но и политический ресурс. *Рискну сделать прогноз: в течение пяти лет в Беларуси поменяется власть.* Вполне вероятно – не позже 2015 г.».

Гораздо менее оптимистичен российский политолог Вадим Дубнов: «У таких властителей как Лукашенко есть только одна легитимность: пластичность народного нрава. Совершенно не требуется уверить народ в том, что все хорошо. *Требуется одно-единственное: убедить большинство в том, что, во-первых, кроме Лукашенко никого не будет, а, во-вторых, если будет, то станет намного хуже. Вот и вся формула.* Вряд ли можно поддержать оптимистов, ожидающих голодного бунта.

Даже если экономическое чудо долгожданным образом рухнет, Лукашенко будет кому спасти кредитами. *Единственным предсказуемым политическим фактором, который может повлиять на эволюцию режима, станет, видимо, дальнейшее отчуждение власти от общества.* Белорусский режим – не социализм, и даже не развитой. Все наоборот, социализм – это частный случай того стиля власти, который вслед за Лукашенко нащупала вся бывшая необъятная страна. А поскольку по обыкновению, по пути, проложенному Беларусью, двинется и она, к этой реальности притерпится и мир, ведь прошли давно те времена, когда на Беларусь показывали пальцем, а на Россию – нет. *Отсюда и сроки – они неопределенны. В Египте прошло 30 лет. В СССР и вовсе вечность*. Но есть и хорошая новость: ни один диспетчер после Лукашенко в его стиле царствовать уже не сможет».

Близкого мнения придерживается и один из лидеров белорусского гражданского общества Ольга Карач: *«Лишь в очень отдаленной перспективе, когда деградация власти сравняется с деградацией гражданского общества, можно надеяться на открытие возможностей для свободного развития последнего.* В этом смысле Беларусь ничем не отличается от других стран, прошедших этим тернистым путем: только то, что завоевано самим обществом, что власть не смеет у общества отобрать, есть достояние гражданской свободы».

На внутренние факторы таких отдаленных перспектив в риторической форме указывает и Рышард Радзик: «Вопрос, который мы должны задать сегодня: если бы сегодня оппозиция пришла к власти, смогла ли бы ее элита успешно управлять государством? Есть ли среди оппозиции профессиональные менеджеры, которые понимали бы постсоветскую действительность, но получали образование за пределами ее ограничений? Есть ли среди оппозиции дальновидные лидеры, которые могли бы выйти за рамки политических дрязг и получить широкую социальную поддержку своих идей во время кризиса? Есть ли нее реалистичная и конкретная программа, особенно в экономической сфере? Есть ли у нее законопроекты и идеи о новых институциональных формах государства (включая Конституцию), которые могли бы получать поддержку большинства? Не говоря уже о многомиллиардной финансовой помощи, необходимой для управления страной…».

Надежды многих на роль новых информационных и коммуникационных технологий («революцию через социальные сети») остужает лидер белорусского интернета Юрий Зиссер: «Несмотря на массовое проникновение интернета в белорусский социум, результаты исследований не подтверждают тезис о том, что информационные технологии и интернет делают общество более демократичным и способны заставить людей изменить свои убеждения. Скорее верно обратное: убеждения и ценности приводят людей в интернет, где они ищут и находят подтверждение своим жизненным установкам, благо в интернете есть колоссальный выбор источников информации и инструментов социальной коммуникации. Впрочем, *в длительной (10 и более лет) перспективе дальнейшее развитие экономики, в том числе сферы услуг вообще и IT-отрасли в частности, может углубить новые экономические отношения и таким образом в конечном итоге повлиять на ценностные предпочтения белорусов*».

Прогнозы авторов третьего раздела, посвященного геополитическому самоопределению Беларуси, менее противоречивы, но более сдержанны.

Белорусский экономист Леонид Заико доказывает, что «*Экономическая эволюция Беларуси – отрицание будущего.* России нужна новая система зависимости новых стран. И Беларусь стала первой показательной республикой. А какова, что называется, историческая перспектива? Односторонний подход к тому, что Беларусь и аналогичные малые страны могут только торговать своей ориентацией не будет субстанциональным фактором геополитической и геоэкономической динамики. Восстановительный период экономики Беларуси закончился закономерным суицидом экономической теории» и считает, что «*Именно сейчас наступило время смены статуса проблем: пора переводить их из технических в ценностные, ориентационные. Экономические факторы Беларуси не повлияют практически никак на экономику России, а политические диссонансы могут серьезно изменить равновесие в самой России.* Если действительно заработают органы Евразийского союза».

Белорусский политолог и публицист Юрий Дракохруст обращает внимание на то, что «*У белорусов сейчас практически отсутствуют*

хоть какие-нибудь консенсусные герои, чья популярность превышала бы 25%. Не в том даже проблема, что их герои с чьей-то точки зрения не хороши – проблема в том, что героев в известном смысле вообще нет» и делает свой прогноз: «Представляется вполне обоснованной гипотеза, согласно которой в краткосрочной – до 5 лет – перспективе нынешнее примерное равновесие между «белороссами» и «евробелорусами» не изменится. Если прогнозировать динамику геополитических предпочтений на средне- и долгосрочную перспективу, то следует принимать во внимание их тренд. А он очевиден — на протяжении нулевых годов наблюдалось постепенное снижение ориентации на Россию. К тому же она в максимальной степени свойственна лицам преклонного возраста, и в минимальной молодежи. Поэтому *в среднесрочной перспективе – до 10 лет – даже не предполагая кардинальных политических изменений, можно прогнозировать дальнейшее снижение доли «белороссов», несмотря на колебания и попятные движения.* Возможно, хотя и не обязательно, оно будет сопровождаться увеличением доли «евробелорусов».

По мнению британского политолога Эндрю Уилсона, «У Беларуси А. Лукашенко на удивление много общего с консервативным авторитаризмом СССР времен Л. Брежнева. *Будущее Беларуси парадоксально. Конечный парадокс состоит в том, что Беларусь может измениться гораздо больше под воздействием нового лидера России, чем своего собственного».*

Патриарх германской дипломатии и международной политики д-р Ханс-Георг Вик также довольно скептически оценивает сложившуюся ситуацию: «*Сегодня создается впечатление, что Беларуси придется существовать при авторитарном режиме, если не сказать диктатуре, Александра Лукашенко вечно, и постепенно оказываться во все большей и большей зависимости от России. А белорусы, не довольные существующей ситуацией, стремятся устраивать свою жизнь за рубежом.* Постсоветская Беларусь – страна с расколотой исторической памятью и идентичностью. Политическая неопределенность будет еще долго преобладать в странах с авторитарными режимами, в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации». Но именно поэтому считает, что «*Европа не может позволить себе не обращать внимания на сложный процесс трансформации в Беларуси и других странах и должна оказывать поддержку в рамках гражданского общества. Мы*

вовлечены в цивилизационный процесс, а не в силовую игру, направленную на то, чтобы добиться быстрых успехов и изменений».

Как видно, краткосрочные перспективы (в пределах 3-5 лет) по всем трем важнейшим направления развития Беларуси, по мнению большинства авторов, вполне определенны и не слишком оптимистичны:

- формирование национальной идентичности остается незавершенным и противоречивым, что ставит под угрозу *«само независимое существование Беларуси»;*
- политическое и социально-экономическое развитие приводит к тому, что государства становится все больше, а личности и общества все меньше;
- геополитическое развитие приводит к тому, что России в Беларуси будет больше, а Европы меньше (хотя не исключен вариант и усиления самоизоляции).

Долгосрочные перспективы (в пределах 10-20 лет), наоборот, гораздо менее определенны, зато могут быть как более пессимистическими, так и более оптимистическими. В силу незавершенности самого «проекта Беларусь» (как нации, общества и государства), но, в то же время, наличия соответствующих политических сил и социальной базы, возможны самые разные, даже противоположные варианты:

- национальная идентичность формируется (скорее всего, как «гражданская нация») vs. неопределенность или даже национальный раскол резко возрастают;
- баланс государства и общества (демократия, рыночная экономика, права человека) восстанавливается vs. авторитаризм усиливается (возможно, обретая иную форму);
- геополитический выбор делается в пользу Европы vs. в пользу России.

Нужно также отметить, что, несмотря на единство рассматриваемых тем, стиль авторов книги очень различен. Одни из них, например, В. Дубнов, Г. Иоффе, Ю. Чернявская, Л. Заико, А. Ярошук, отличаются яркой экспрессией и по стилю ближе скорее к эссе, чем к аналитике (см. подзаголовки в тексте В. Дубнова – «Элита: кошмар в раю», «Кризис как спасение» или выдержки из интервью с А. Лукашенко в тексте Г. Иоффе), другие – Р. Радзик, Д. Марплз, А. Лысюк, А. Соснов Э. Уил-

сон – отличаются строгой логикой и массой исследовательских данных, представляя классический стиль научной аналитики. Однако, такое стилевое разнообразие не умаляет, а наоборот, усиливает общее впечатление: ведь в будущее нельзя смотреть ни без «холодного ума», ни без «горячего сердца».

Завершу предисловие одним личным впечатлением. Совсем недавно мне довелось проезжать мимо Чернобыльской зоны. Сосед по купе, простой человек, оказался из тех, кто не покинул ее в годы эвакуации, и прожил там четверть века. Я спросил его, почему он с семьей не уехал, как жил все эти годы? Он ответил кратко: «Я старался видеть не только плохое, настраивать себя на лучшее». И, подумав, добавил: «*Ведь если всей душой настроиться на лучшее, то и будет лучше*». Эта простая, но, в то же время, сильная формула ясно показывает, что *белорусы, несмотря на все испытания последних десятилетий, не теряют веру в то, что могут со-творять свое будущее.* От всей души надеюсь, что наша книга поможет укрепить эту веру.

Олег Манаев

---

1 http://www.belaruspartisan.org/economic/212690/
2 http://www.ej.by/news/economy/2012/09/17/v_belarusi_tseny_rastut_pochti_vdvoe_bystree_chem_v_drugih_stranah_sng_.html
3 http://www.svaboda.org/content/article/24195400.html
4 http://www.svaboda.org/content/article/1936665.html
5 Хиршман А.О. Выход, голос и лояльность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств/Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009.
6 http://naviny.by/rubrics/society/2011/11/19/ic_articles_116_175884/; http://news.tut.by/society/316488.html; http://naviny.by/rubrics/society/2011/11/19/ic_articles_116_175884/
7 http://naviny.by/rubrics/economic/2012/02/28/ic_articles_113_177002/
8 http://www.belaruspartisan.org/politic/220475/
9 http://telegraf.by/2012/08/lukashenko-taino-povisil-zarplati-chinovnikam-i-silovikam
10 http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=100&backPage=13&news=69674&newsPage=0; http://news.tut.by/167276.html; Юрий Дракохруст. «Белорусский национализм говорит по-русски», Белорусская деловая газета, 19 января 1998 г.
11 http://nn.by/2001/23/20.htm; http://arche.bymedia.net/2004-3/drakachrust304.htm
12 http://www.svaboda.org/content/article/24676289.html
13 http://www.belaruspartisan.org/blogs/dudkin/?view_author=y
14 http://www.svaboda.org/content/dubaviec-mova-demakratyi-i-mova-dyktatury/24737826.html
15 http://nn.by/?c=ar&i=81016
16 См.: Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения. Под ред.

Олега Манаева – Новосибирск, Водолей, 2007
17 http://www.belaruspartisan.org/life/184474/
18 http://www.belaruspartisan.org/politic/220921/
19 http://gazetaby.com/index.php?sn_nid=43386&sn_cat=32
20 http://www.region.ej.by/minsk/2012/09/18/rossiyskiy_biznes_lidiruet_po_obespecheniyu_byudzheta_minska.html
21 http://www.belaruspartisan.org/politic/220263/
22 http://www.ej.by/news/politics/2010/07/26/belarus_siriya_i_venesueyla_sozdadut_alyans.html
23 http://news.tut.by/politics/174366.html
24 http://www.belaruspartisan.org/politic/220432/
25 http://inosmi.ru/belorussia/20110803/172827819.html
26 http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/8_geopolitically_endangered_species?page=full
27 http://www.inosmi.ru/belorussia/20110603/170199297.html

I. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Олег МАНАЕВ

Особенности современной белорусской идентичности

Белорусская идентичность как проблема

Национальная идентичность белорусов стала осознаваться как серьезная проблема фактически только после того, как Беларусь стала независимым государством в результате коллапса СССР в декабре 1991 г. Причем очень быстро эта проблема из сугубо академической (привлекавшей внимание главным образом ученых) превратилась в политическую и даже геополитическую. В политическую она превратилась в связи с тем, что в конце 1980-х гг., на волне горбачевской «перестройки», идеи национального возрождения и независимости стали идеологической платформой политических сил (прежде всего, Белорусского народного фронта), как и во многих других республиках СССР, бросивших вызов советскому коммунизму. После прихода к власти А. Лукашенко политический аспект этой проблемы приобрел дополнительное измерение, поскольку первый белорусский президент, строивший свою политику на идее «воссоздания союза с братской Россией», стал воспринимать белорусскую национальную идею и политические силы, на нее опирающиеся, как своих главных врагов. Эта особенность нашла

отражение в его собственном определении национальной идентичности, которое, несомненно, войдет в анналы и науки, и политики: «белорусы – это русские, только со знаком качества»[1].В геополитическую эта проблема стала превращаться по мере того, как руководству Республики Беларусь пришлось «лавировать» между двумя мощными геополитическими полюсами – Россией и Европейским союзом. В зависимости от конъюнктуры, прежде всего экономической, акценты в национальной самоидентификации (в важных государственных решениях, политической риторике, массовой пропаганде и пр.) делаются то на близости к Европе, то на близости к России[2].

Если для руководства страны национальная идентичность стала своего рода инструментом внешней и внутренней политики, то для национальных элит, как правящей, так и оппозиционной, – предметом ожесточенных дискуссий и даже политического «размежевания»: если правящая элита подчеркивала историческую и культурную близость к России, то оппозиционная – к Европе. Однако, по мере осложнений отношений с Россией (вызванных, прежде всего, «прагматизацией» политики РФ в отношении стран «ближнего зарубежья»), руководство страны стало все чаще использовать тему национальной идентичности для сохранения и укрепления своей власти, в том числе и во внешней политике (диалог с Европой, споры с Кремлем и пр.). Все это заставляет не только ученых, но и политиков, дипломатов, журналистов относиться к национальной идентичности белорусов как к проблеме, требующей объективного изучения. Только за последние несколько лет появились серьезные книги как отечественных (государственных и независимых), так и зарубежных исследователей на эту тему [3].

Однако большая часть публикаций на эту тему (и научных, и публицистических) анализирует различные «расклады» в белорусских элитах, как правящих, так и оппозиционных, используя главным образом исторические и культурологические аргументы (значительно реже – демографические, экономические, социологические). «Массовый белорус» обычно либо становится «объектом», которому приписываются те или иные качества, либо вообще остается «за кадром». Его собственным мнением по этому поводу никто не интересуется (не считая референдумов, которые также стали объектом политических манипуляций).

В последнее время стали слышны голоса политиков и экспертов, с энтузиазмом неофитов «открывающие» для себя сложный, противоречивый, незавершенный характер национальной самоидентификации белорусов. Парадокс заключается в том, что именно эти люди «встречали в штыки» такие оценки и выводы, предлагавшиеся НИСЭПИ еще в 1990-х гг. (например, в известной статье Ю. Дракохруста «Белорусский национализм говорит по-русски», опубликованной в «БДГ» в 1998 г.). Теперь бесспорным является факт, что две трети белорусов считают благом обретение страной независимости в 1991 г. (противоположного мнения придерживается примерно 20 %) – на этом сегодня старается «делать политику» не только оппозиция, но и власть. Однако содержательные характеристики этого «блага», они, как правило, либо «оставляют за кадром», либо интерпретируют исключительно исходя из собственных интересов. Но именно эти характеристики раскрывают уникальность национальной идентичности белорусов. Так, на вопрос: «Скажите, что более важно – улучшение экономического положения Беларуси или независимость страны?», почти две трети (63.4 %) выбрали ответ «улучшение экономического положения» («независимость страны» – 28.2 %); на вопрос: «Какие государственные символы (герб, флаг) больше соответствуют историческому и культурному наследию белорусской нации – те, которые существовали с 1991 по 1995 г. (с гербом «Пагоня») или нынешние (напоминающие символы БССР)?» 54.7 % ответили «нынешние» («те, которые существовали с 1991 по 1995 г.» – 27.7%); на вопрос: «Белорусы, русские и украинцы – это разные народы или три ветви одного народа?» две трети ответили «три ветви одного народа» («разные народы» – одна треть); на вопрос: «Какой язык должен быть обязательным для использования в качестве официального в государственных учреждениях (правительство, армия, суды, школы и др.) – белорусский, русский или оба языка – белорусский и русский?», 65 % опрошенных ответили: «оба языка – белорусский и русский» («белорусский» – 16 %, «русский» – 14.9%); 60 % дома чаще всего пользуются русским языком, 36.6 % – смешанным, 3.4 % – белорусским. Из дюжины современных и исторических лидеров высшие оценки получили Владимир Путин (3.65 по 5-балльной шкале), Кастусь Калиновский (3.62), Петр Машеров (3.57) и Екатерина

Великая (3.43); а две самых низших достались Иосифу Сталину (2.63) и Зенону Позняку (2.53). Не подтвердилась и известная «теория» о «насильственном замещении подлинных белорусов контрактниками с Востока» в период послевоенного восстановления и урбанизации: 82.3 % опрошенных имеют хотя бы одного дедушку или бабушку, родившихся в Беларуси, а 55.6% – трех или всех четырех.

Психологическая структура национальной идентичности и ее факторы

Данный текст не претендует на исчерпывающий анализ, однако он целиком опирается на данные репрезентативных социологических опросов, т.е. на мнение самих белорусов.

В качестве структурных характеристик национальной идентичности были использованы следующие:

- Гордость за принадлежность к белорусской нации (в терминах психологии личности – скорее *эмоциональный компонент*)
- Сознание большей близости к русским или к европейцам, самоидентификация с культурной традицией – белорусской, русской, советской, общеевропейской, а также определение белорусской нации (скорее *когнитивный компонент*)
- Желание в будущем жить (или работать) в Беларуси, а также использование языка в повседневном общении (*мотивационный или поведенческий компонент*)
- Готовность к геополитическому выбору – голосование на гипотетическом референдуме о том, вступать Беларуси в Европейский союз или объединяться с Россией (*мотивационный компонент*).

А в качестве ее факторов были использованы следующие:

- Географический
- Исторический
- Культурный
- Психологический (национальный характер)
- Языковой.

Эмоциональный компонент национальной идентичности

Простой, казалось бы, вопрос – «Вы гордитесь тем, что Вы – белорус?» *(эмоциональный компонент национальной идентичности)* – дал интересный результат:

Таблица 1. Вы гордитесь тем, что Вы – белорус?*

Вариант ответа	**%**
Да	78.0
Нет	20.9
НО/ЗО	1.1

** Здесь и далее – по результатам национальных опросов НИСЭПИ. Таблицы, в которых не указана дата, – из опроса, проведенного в марте 2010 г.*

Интересно, во-первых, то, что количество опрошенных, которые гордятся своей принадлежностью к белорусам, почти совпадает с количеством этнических белорусов (по данным последней переписи – примерно 81 %). Во-вторых, каждый пятый респондент (= житель Беларуси) этим вовсе не гордится. В-третьих, как показал корреляционный анализ (табл. 33), если среди тех, кто гордится своей принадлежностью к белорусской нации, соотношение этнических белорусов и представителей других этносов (по переписи, русских в Беларуси проживает около 12 %, поляков – около 4 %, украинцев – 3 %) составляет 91.4 % vs. 8.1 %, то среди тех, кто не испытывает гордости по этому поводу, – 51.1 % vs. 48.3 %.

Отвечая на прямой вопрос, около 40 % респондентов главной причиной гордости назвали историю и культуру, немного меньше – национальный характер, и лишь немногие – язык:

Таблица 2. Если «да», то чем именно Вы гордитесь?
(возможно более одного ответа)

Вариант ответа	**%**
Историей	39.3
Культурой	38.4
Национальным характером	35.7
Языком	11.7
Иным	3.5

Однако большинство их оппонентов отсутствие национальной гордости объясняет совсем иной причиной:

Таблица 3. Если «нет», то почему? *(возможно более одного ответа)*

Вариант ответа	**%**
Не считаю себя белорусом	6.6
Мне не нравится Беларусь	2.0
Не вижу в этой стране никаких перспектив	12.3
По другой причине	2.8

Очевидно, что эта причина лежит в другой плоскости: ни история, ни культура, ни, тем более, национальный характер не могут *a priori* ограничивать жизненные перспективы. Судя по всему, есть и иные факторы.

Когнитивный компонент национальной идентичности

Анализ *когнитивного компонента национальной идентичности* обнаружил совсем другую картину – три четверти опрошенных считают себя более близкими к русским, и лишь одна пятая часть – к европейцам:

Таблица 4. Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?

Вариант ответа	**%**
К русским	74.5
К европейцам	19.4
НО/ЗО	6.1

Иную картину дает и анализ причин такой самоидентификации:

Таблица 5. Почему Вы считаете себя более близким к этому (этим) народу (народам)? *(возможно более одного ответа)*

Вариант ответа	**%**
По историческим причинам	49.5
По культурным причинам	39.9
По языковым причинам	36.2
По географическим причинам	31.2
По другим причинам	4.3

История оказалась самым сильным фактором, значительно опережающим и культуру, и географию. Другим очевидным отличием от факторов эмоциональной самоидентификации оказался язык. Но в данном случае этот фактор интерпретируется иначе, чем в случае с национальной гордостью. Если в первом случае национальный язык не является важным отличительным признаком «белорусскости» («инаковости») для большинства белорусов (возможно, в силу близости к русскому языку и ограниченного употребления), то в случае определения культурной близости (когнитивный элемент личности) «языковую причину» следует интерпретировать как «языковую близость» именно с русским, а не каким-либо европейским языком. Вероятно, именно поэтому власти чаще используют исторический фактор (в пропаганде, образовании, культурной политике) тогда, когда «интегрируются» с Россией, а языковой и культурный – когда «развивают диалог» с Европой.

Таблица 6. Причины близости в зависимости от объекта близости, %

Вариант ответа	**Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?**	
	К русским	**К европейцам**
По историческим причинам	55,6	32,9
По культурным причинам	40,5	43,4
По языковым причинам	43	14,2
По географическим причинам	31	36,3
По другим причинам	2,5	10,5

Более детальную картину дает анализ другого *когнитивного компонента национальной идентичности* – самоидентификации с культурной традицией:

Таблица 7. К какой культурной традиции Вы себя относите? *(возможно более одного ответа)* (10'06)

Вариант ответа	**%**
К белорусской	64.2
К русской	13.6
К советской	13.3
К общеевропейской	8.1

Вариант ответа	**%**
Иное	0.9
НО/ЗО	4.3

Любопытно, что хотя около половины белорусских граждан попрежнему считают себя советскими людьми (в июне 2012 г. на вопрос: «Считаете ли Вы себя скорее современным европейским человеком или советским человеком?» 45.6 % респондентов ответили «скорее советским человеком», а 47.2 % – «скорее современным европейским человеком)[4], лишь 13.3 % относят себя к советской культуре. Этот разрыв между долями считающих себе советскими людьми и относящих себя к советской культуре показывает, что в перспективе советских людей будет становиться меньше. Более того, многие, оценивающие себя так сегодня, несколько лукавят, возможно, и сами себе. Реальность самостоятельного национального государства размывает советскую идентичность.

Следует также обратить внимание на группу опрошенных, идентифицирующих себя с общеевропейской культурой. Она мала (8.1 %), но достаточно существенна. Стоит заметить, что она значительно меньше, чем число выступающих за интеграцию Беларуси в Евросоюз (в октябре 2006 г. – 36 %), и ощущающих себя европейцем (в марте 2006 г. – 36 %). Иными словами, с европейским выбором оказываются совместимы разные культурные самоидентификации, кроме, пожалуй, советской.

Данные следующей таблицы показывают, как культурная самоидентификация связана с некоторыми социально-демографическими характеристиками:

Таблица 8. Взаимосвязь культурной самоидентификации с возрастом и образованием, %*

Социально-демографические характеристики	**К какой культурной традиции Вы себя относите?**			
	К белорусской (64.2)	**К русской (13.6)**	**К советской (13.3)**	**К общеевропейской (8.1)**
Возраст:				
18-19	60.5	19.2	1.4	16.5
20-24	58.6	21.3	2.4	14.5
25-29	64.7	16.3	5.3	17.0

Социально-демографические характеристики	К какой культурной традиции Вы себя относите?			
	К белорусской (64.2)	К русской (13.6)	К советской (13.3)	К общеевропейской (8.1)
30-39	61.5	16.3	8.4	11.5
40-49	66.5	14.1	11.8	6.4
50-59	64.3	9.2	23.9	4.1
60 лет и выше	67.1	8.4	21.8	1.8
Образование:				
Начальное	66.3	11.3	20.7	1.8
Неполное среднее	64.3	9.4	20.9	3.3
Среднее	63.3	14.1	11.8	9.0
Среднее специальное	65.9	15.1	9.9	8.7
Высшее	62.0	15.4	9.1	14.4

**Таблица читается по горизонтали*

Как видно, белорусская культура остается доминирующей во всех возрастных и образовательных группах. Причем связь этого самоопределения с возрастом и образованием оказывается достаточно слабой. Зато «наполненность» остальных групп культурной самоидентификации оказывается сильно зависимой от социально-демографических характеристик. Относящие себя к русской культуре гораздо чаще встречаются среди молодежи, их доля монотонно убывает при переходе ко все более старшим возрастным группам.

Что касается относящих себя к советской культуре, то тут зависимость меняется на противоположную и становится более сильной – среди тех, кому 60 лет и более, доля людей советской культуры почти в 20 раз (!) превышает такую же долю среди самых молодых респондентов. В отношении носителей общеевропейской культуры возраст также оказывается весьма весомым фактором.

Похожие зависимости наблюдаются и при изучении связи культурных типов и образования. И тут носителей русской культуры больше среди образованных, хотя различие долей – чуть больше ошибки репрезентативности. Доля относящих себя к советской культуре среди опрошенных с низким уровнем образования вдвое больше, чем среди высокообразованных. Наконец, доля приверженцев общеевропейской культурной самоидентификации увеличивается при переходе к группе высокообразованных в 7 раз!

Таким образом, белорусская культурная самоидентификация является господствующей в Беларуси, она оказывается доминирующей во всех языковых, возрастных и образовательных группах. Идентификация себя с русской культурой в наибольшей степени свойственна русскоязычным и молодежи. Советская культурная идентификация в наименьшей степени присуща белорусскоязычным и молодым, в наибольшей – лицам преклонного возраста и людям с низким уровнем образования. Общеевропейская культурная идентификация наиболее распространена среди молодежи, образованных людей и русскоязычных.

Вопрос о том, что сегодня лежит в основе понимания белорусской нации – гражданская, культурная или этническая концепция – стал еще более важным индикатором *когнитивного компонента национальной идентичности* белорусов:

Таблица 9. Что такое для Вас белорусская нация? (10'06)

Вариант ответа	**%**
Все граждане Беларуси, независимо от этнической принадлежности, языка, которым они пользуются в общении, национальных традиций, которые они соблюдают	38.2
Все этнические белорусы, независимо от места их проживания и гражданства	26.8
Все граждане Беларуси, говорящие по-белорусски, соблюдающие белорусские традиции и воспитывающие на них своих детей	25.6
ЗО/НО	9.4

Очевидно, что ни одна из концепций нации не имеет в белорусском обществе абсолютного большинства, относительное большинство собирает определение гражданской нации – то, которое лежит в основе политики стран Европейского союза. В то же время, суммарное число сторонников определений белорусской нации как единства культуры и крови превышает 50 %. Такое значительное число сторонников определения нации через этничность отчасти является, по-видимому, отголоском советской системы, когда пресловутая пятая графа паспорта определялась именно таким образом.

Достаточно внушительное число тех, кто выбрал «культурное» определение нации, демонстрирует возможность расширения влияния (и «потолок» этого расширения) политических приверженцев такой концепции нации. Согласно тому же опросу, лишь 7.8 % респондентов

говорят в повседневном общении, в основном, по-белорусски, однако число тех, для кого белорус – это тот, кто говорит по-белорусски, более чем втрое больше. Можно предположить, что эти люди имеют определенную мотивацию, желание говорить по-белорусски и могли бы это делать при более благоприятных обстоятельствах.

Мотивационный компонент национальной идентичности

Мотивационный компонент национальной идентичности оказывается как бы «между» эмоциональным и когнитивным. В «бытовом» или «повседневном» измерении («структуры повседневности» по определению Ф. Броделя[5]) он практически совпадает с эмоциональным («чувством гордости»):

Таблица 10. В будущем Вы хотели бы жить (или работать) в Беларуси?

Вариант ответа	**%**
Да	78.3
Нет	21.7

Почти треть тех, кто положительно ответил на этот вопрос, хотели бы жить (работать) в Минске или его пригородах. Вероятнее всего, «урбаноцентризм» объясняется не достопримечательностями белорусской столицы, а возможностью больше зарабатывать и пользоваться благами цивилизации (по данным Белстата, месячная зарплата минчан на 35% превышает зарплату белорусов в целом[6]):

Таблица 11. Если «да», то в каком именно месте на территории Республики Беларусь Вы хотели бы жить (или работать)? *(только один ответ)*

Вариант ответа	**%**
В городе (кроме Минска)	28.3
В Минске	24.0
В сельской местности	19.2
Под Минском (в пределах 100-километровой зоны)	6.1
НО/ЗО	22.4

Сравнение реального расселения белорусов (сегодня в столице проживает 18 % населения, а в сельской местности 23 %) с желаемым ясно показывает, что сотни тысяч жителей села и малых городов хотели бы переехать в столицу «в поисках лучшей жизни».

Анализ желаемого «расселения» тех, кто ответил отрицательно на данный вопрос, обнаруживает интересную картину – желающих переселиться на Запад оказывается в 2.7 раза больше, чем в Россию:

Таблица 12. Если «нет», то в какой стране (или регионе мира) Вы хотели бы жить (или работать)? *(только один ответ)*

Вариант ответа	**%**
В стране Евросоюза	8.7
В США	5.2
В России	5.2
В Украине	0.6
В Азии	0.3
В Африке	0.2
В другом месте	0.8
НО/ЗО	79.0

На первый взгляд, это противоречит рассмотренному выше выводу – абсолютное большинство населения считает себя более близким к русским, а жить и работать хотело бы на Западе! Можно ли говорить о противоречии когнитивного элемента национальной идентичности мотивационному? Более глубокий анализ показывает, что на самом деле противоречия здесь нет. Так, по данным Белстата, реальное количество выехавших из Республики Беларусь в 2009 г. составило всего 7.643 человека, причем 70 % из них уехало в страны СНГ и только 30 % – в другие страны (включая страны Балтии). Динамика этого процесса выглядит еще более убедительно: с 2000 по 2009 г. число выехавших граждан Республики Беларусь уменьшилось на 45 %, причем если количество выехавших в страны СНГ уменьшилось на 23 %, то в другие страны – на 65 % [7]!Иными словами, «мечта о Западе» даже для реально выезжающих белорусов остается лишь мечтой, на деле большинство из них едут в Россию или Украину. Реальная мотивация белорусов, желающих сменить место жительства, раскрывается ответами на следующий вопрос:

Таблица 13. Если Вы хотели бы жить в другой стране (или регионе мира), то почему? *(только один ответ)*

Вариант ответа	**%**
Ради работы	8.5
Хотел бы жить там постоянно	7.9
Чтобы просто уехать из Беларуси	4.7
По другой причине	1.3
НО/ЗО	77.6

Как видно, главными мотивами потенциальных эмигрантов являются поиски работы и постоянного места жительства. Большинство решившихся на этот трудный шаг понимает, что ни просто жить в другой культуре и языковой среде, ни, тем более, работать, они не смогут по той причине, что и язык, и культура там – чужие, и освоить их дано не каждому.

Чрезвычайно важным *мотивационным или поведенческим компонентом национальной идентичности* является использование языка в повседневном общении. Во время последней переписи населения Беларуси 2009 г. 83.7 % граждан назвали себя белорусами (в переписи 1999 г. – 81.2 %), 60.8 % опрошенных заявили, что белорусский язык – их родной (в 1999 г. – 73.7 %), но в то же время лишь 26.6 % ответили, что говорят дома по-белорусски (в 1999 г. – 36.7 %). Согласно социологическим опросам, доля белорусскоязычных еще меньше, причем динамика не в пользу белорусского языка:

Таблица 14. Каким языком, в основном, Вы пользуетесь в повседневном общении? %

Вариант ответа	**06'95**	**11'97**	**09'98**	**11'99**	**11'00**	**09'02**	**03'03**	**03'04**	**05'05**	**10'06**	**05'07**	**06'08**	**12'09**	**09'10**	**06'11**
Белорусским	4.5	5.7	2.9	4.1	4.2	5.4	4.7	7.1	5.4	7.8	6.8	2.2	4.0	3.2	1.9
Русским	37.3	40.6	39.2	39.0	37.6	44.2	45.9	47.4	55.3	52.3	56.7	53.1	59.5	59.2	57.1

И русским, и белорусским	7.8	20.3	22.7	23.1	25.7	21.2	19.9	17.3	16.5	16.1	16.6	17.3	-	14.9	15.9
Смешанным («трасянкой»)	50.0	32.5	33.6	33.3	31.3	25.4	28.7	27.8	22.0	23.0	19.0	26.9	36.0	22.5	24.8
Другим	0.4	0.8	0.5	0.2	0.7	0.2	0.1	–	0.8	0.8	0.9	0.5	0.5	0.2	0.3

Почему на вопрос переписи о родном языке белорусский назвали родным значительно больше граждан, чем ответивших, что говорят на нем дома? Одно из возможных объяснений заключается в том, что вопрос о родном языке, несмотря на уточнение в переписи 2009 г. что это первый язык, усвоенный в детстве, многие воспринимали, как вопрос о национальной идентификации – моим родным языком должен быть белорусский, потому что я белорус (белоруска). Более того, разница между долями белорусскоязычных согласно переписям и согласно опросам также объясняется, по-видимому, тем же механизмом национальной идентификации – когда вопрос о языке общения дома задает белорусское государство, то многим делается неудобным сказать, что они, белорусы, общаются с супругами и детьми на языке, который не считают родным.

Таблица 15. «Социально-демографический портрет» белорусов, пользующихся разными языками, % (10'06)*

Социально-демографические характеристики	**Каким языком, в основном, Вы пользуетесь в повседневном общении?**				
	Белорусским	**Русским**	**И белорусским, и русским**	**Смешанным («трасянкой»)**	**Другим**
Возраст					
18-19	5.0	73,3	8,3	13,3	0.9
20-24	3,2	71,2	13,6	10,4	0.6

Социально-демографические характеристики	Каким языком, в основном, Вы пользуетесь в повседневном общении?				
	Белорусским	Русским	И белорусским, и русским	Смешанным («трасянкой»)	Другим
25-29	2,1	74,5	12,4	10,3	0.7
30-39	6,9	63,8	14,4	14,4	0.5
40-49	3,3	58,1	16,6	20,3	0.7
50-59	6,1	46,7	16,8	29,4	1.0
60+	14,1	27,3	19,3	39	0.3
Пол					
Мужской	5,6	56,2	14,1	23,2	0.9
Женский	8,1	51,4	17,4	22,3	0.8
Образование					
Начальное (до 4-х классов средней школы)	22,8	27,2	16,3	33,7	0
Неполное среднее (включая ПТУ без среднего образования)	10.2	37.0	18.1	33.5	0.3
Среднее общее (средняя школа, лицей, ПТУ со средним образованием)	5.8	56.3	14.7	22.4	0.8
Среднее специальное (техникум, колледж и т.п.)	5.3	60.3	13.9	19.7	0.8
Высшее (включая незаконченное высшее)	2.3	65.9	19.6	11.2	1.0
Тип поселения					
Столица	0.4	82.8	7.7	8.4	0.7
Областной центр	3.2	69.4	12.8	13.9	0.7
Большой город	7.4	63.8	16	12.2	0.6
Малый город	8.4	47.9	18.1	25.2	0.4
Село	12.5	20.1	21.7	44.2	0.5

**Таблица читается по горизонтали*

Почти 84 % назвавших себя белорусами во время переписи – достаточно убедительный показатель силы этнической идентификации. Выше уже приводились данные, демонстрирующие внушительную силу и культурной идентификации. Связь ответов на вопросы о культурной идентификации и о языке повседневного общения приводится в Таблице 16:

Таблица 16. Взаимосвязь культурной самоидентификации и языка повседневного общения, %*

Язык повседневного общения	**К какой культурной традиции Вы себя относите?**			
	К белорусской (64.2)	**К русской (13.6)**	**К советской (13.3)**	**К общеевропейской (8.1)**
Белорусский (7.8)	90.7	2.3	3.6	2.3
Русский (52.8)	55.4	22.0	13.9	9.7
Белорусский и русский (16.1)	78.6	3.2	10.2	7.4
Смешанный (23.0)	66.9	5.7	17.3	6.8

**Таблица читается по горизонтали. В скобках приводятся проценты по всем опрошенным.*

Во всех без исключения языковых группах большинство относит себя к белорусской культуре. Люди могут вкладывать разный смысл в понятие культуры, но представляется, что в данном случае важно не соответствие ответов неким априорным критериям принадлежности к той или иной культуре, а сам по себе декларированный выбор. При этом если этничность воспринимается как едва ли не природная характеристика, то ситуация с культурой более гибкая, культурная идентификация человека может изменяться, это в большей степени, чем этничность – результат выбора. С другой стороны, культура – более разносторонняя связь, чем единство происхождения. И если большинство, в том числе и большинство русскоязычных, относит себя к белорусской культуре, то это означает, что разговоры о том, что белорусской нации не существует и ее только предстоит создать, лишены оснований.

Многолетние исследования НИСЭПИ о языках общения, которыми пользуются белорусы, обычно вызывали резкую критику. В частности, утверждалось, что ответы на соответствующие вопросы анкеты отражают лишь внешнюю, принудительную сторону языкового поведения.

По мнению наших критиков, более корректно было бы спрашивать респондентов об их устремлениях, о том, на каком языке они хотели бы говорить. Представляется, что критики в данном случае экстраполировали на все общество собственный жизненный опыт или опыт людей своего круга, для которых сохранение белорусского языка или переход на него с русского были результатом сознательного духовного выбора.

Испытывая глубокое уважение к этому выбору, заметим все же, что языковое поведение подавляющего большинства людей обусловлено совсем иными мотивами, что подтверждается данными опроса:

Таблица 17. По какой причине Вы говорите на том языке, на котором говорите? *(возможно более одного ответа)* (10'06)

Вариант ответа	**%**
На этом языке я говорю с детства	63.7
Этот язык наиболее распространен в местности, где я живу	25.3
Это язык моего народа, моей Родины	13.0

Как можно видеть из данной таблицы, лишь 13 % опрошенных мотивировали свое языковое поведение высокими ценностями нации и страны. Следует заметить, что респонденты, отвечая на этот вопрос, могли выбрать несколько вариантов ответа. Отсюда, в частности, следует, что кроме 13 % опрошенных, большинству остальных респондентов мотивация «это язык моего народа, моей Родины» не только не близка, но и чужда.

В то же время подавляющее большинство – почти две трети – объясняют «выбор» языка общения куда более приземленным, естественным мотивом – «на этом языке я говорю с детства». Впрочем, такая мотивация является в определенном смысле тоже ценностной, только она основана не на ценностях нации, а на ценностях семьи.

Данные табл. 17 полезно сравнить с результатами опроса, проведенного примерно в то же время на Украине Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова[8].Согласно этому исследованию, на Украине естественная мотивация языкового поведения («на этом языке я говорю с детства») собирает абсолютное и относительное большинство во всех регионах страны – от 47 % на западе до 62 % на

востоке. Ценностная мотивация («это язык моего народа, моей Родины») наиболее распространена на западе Украины – 43%, в центре соответствующая группа составляет 22%, на востоке – 11%, на юге – 8%.

Доминирование естественной мотивации языкового поведения в Беларуси (и на Украине) свидетельствует о том, что большинство говорит на «матчынай мове» в буквальном смысле этого понятия – именно этот язык с детства они усвоили от родителей. Проблема заключается в том, какие именно языки и в какой пропорции являются для белорусов «матчынай мовай»:

Таблица 18. Взаимосвязь языка повседневного общения с причинами его использования, % * (10'06)

Язык повседневного общения	**По какой причине Вы говорите на том языке, на котором говорите?**		
	На этом языке я говорю с детства (63.7)	**Этот язык наиболее распространен в местности, где я живу (25.3)**	**Это язык моего народа, моей Родины (13.0)**
Белорусский (7.8)	57.3	16.3	27.4
Русский (52.3)	72.9	17.2	9.7
Белорусский и русский (16.1)	53.0	33.4	23.0
Смешанный (23.0)	53.2	41.9	8.9

** Таблица читается по горизонтали. В скобках приводятся проценты по всем опрошенным.*

То, что говорящие по-белорусски составляют меньшинство, а русскоязычные – абсолютное большинство, результат не новый.

Неожиданно, что почти три четверти говорящих по-русски избрали естественную мотивацию своего языкового поведения, ответив, что именно русский язык и есть их «матчына мова». Более того, среди говорящих только по-русски эта мотивация оказалась самой распространенной в сравнении с другими языковыми группами.

Численность русскоязычных, указывающих естественную мотивацию языкового поведения, составляет 38.1 % (52.3 х 72.9 : 100) всех опрошенных. С учетом того, что по переписи 1999 г. этнических белорусов в Беларуси – 81 %, по меньшей мере, половину из этих 38 % составляют белорусы по крови.

Ценностная мотивация «это язык моего народа, моей Родины» свойственна этой группе в меньшей степени по сравнению с другими. Здесь Беларусь структурно оказывается похожей на Украину – согласно приведенным выше данным Центра им. А. Разумкова, там существует тесная зависимость между распространенностью в регионе украинского языка и популярностью ценностной мотивации: на почти полностью украиноязычном западе ее указывают 43 %, на почти полностью русскоязычном юге – 8 %.

Однако в Беларуси другие соотношения и пропорции: среди собственно белорусскоязычных распространенность ценностной мотивации – на уровне украинского центра, среди русскоязычных – на уровне украинского востока. Хотя ценностная мотивация свойственна русскоязычным белорусским гражданам в значительно меньшей степени, чем белорусскоязычным и двуязычным, в абсолютном выражении русскоязычные, указывающие ценностную мотивацию, более многочисленны, чем представители других языковых групп с такой же мотивацией: среди всех опрошенных русскоязычные с ценностной мотивацией языкового поведения составляют 5 %, белорусскоязычные – 2 %, говорящие на двух языках – 3.7 %, говорящие на смешанном языке – 2 %.

В указанные 5 %, видимо, входят как те этнические русские, которые под «своей страной» и «своим народом» подразумевают Россию и русских, так и представители разных этносов, полагающие, что русский – это язык белорусов и Беларуси.

Как видим, такого радикального мнения придерживаются немногие. Обращает на себя внимание, что русскоязычные почти в столь же малой степени, как и белорусскоязычные, склонны объяснять свое языковое поведение прагматическими мотивами, воздействием окружения – «этот язык наиболее распространен в местности, где я живу». Такой мотив наиболее популярен среди переходных групп, а особенно – среди говорящих на смешанном языке. Носители «трасянки» скорее всего осознают, что говорят на не совсем правильном языке, и ссылка на прагматический мотив – своеобразное самооправдание: а мы что, мы говорим, как все вокруг нас.

Данные табл. 17 и 18 разрушают несколько устоявшихся мифов. В частности, из них следует, что отношение к использованию того или

иного языка как к сознательному выбору на основании национальных ценностей свойственно лишь незначительной части белорусских граждан. Кроме того, определение русскоязычных белорусов как «адцураўшыхся матчынай мовы» возможно и справедливо в общефилософском плане, но совершенно неверно в буквальном, фактическом смысле: в большинстве своем они усвоили тот язык, на котором говорят, именно от своих родителей.

Впрочем, с другой стороны, тот факт, что именно русскоязычные в наименьшей степени склонны считать свой язык общения языком белорусов и Беларуси, представляет собой определенное самоограничение этой языковой группы, что открывает возможность добиваться для белорусского языка более достойного положения в обществе по сравнению с тем, которое он имеет сегодня.

Ряд исследователей и политиков подвергали критике методологию измерения языковых предпочтений, используемую НИСЭПИ. По их мнению, вопрос о языке повседневного общения не совсем корректен, ибо в реальных условиях сегодняшней Беларуси белорусскоязычные нередко вынуждены, скажем, на работе, говорить по-русски. Поэтому, считают наши критики, в ответах на вопрос о языке повседневного общения численность белорусскоязычных существенно занижается, что обесценивает и весь последующий анализ. Чтобы выяснить степень справедливости этой критики, в ходе ноябрьского 2004 г. опроса НИСЭПИ задавал несколько иной вопрос о языковых предпочтениях.

Таблица 19. На каком языке Вы говорите в семье?
*(возможно несколько от*ветов)

Вариант ответа	**%**
На белорусском	20.8%
На русском	81.0%
На ином	5.4%

В отношении языка общения в семье говорить о некоем принуждении – административном или социальном, не приходится, именно в семье люди язык и усваивают, спутников жизни обычно выбирают добровольно, с учетом в том числе и культурной совместимости. По-

скольку при ответе на вопрос о языке общения в семье допускалось несколько вариантов ответа, данные табл. 19 следует дополнить данными о языковых «пересечениях»: 13.7 % опрошенных ответили, что говорят в семье только по-белорусски, 73.6 % – только по-русски, 6.8 % – по-белорусски и по-русски, 4.7 % – только на ином (не на белорусском и не на русском языках).

Другие сочетания – на белорусском и ином, на русском и ином, на белорусском, русском и ином, «набрали» каждое менее чем по 0.5 % и в дальнейшем не будут фигурировать в нашем рассмотрении.

Все годы независимости в Беларуси велись споры о том, должен ли быть государственным один белорусский язык или же два – белорусский и русский. Между тем выясняется, что в общественном сознании достаточно широко представлен третий, явно никем не формулируемый вариант.

Таблица 20. С каким из нижеприведенных высказываний Вы согласны?

Вариант ответа	**%**
В Беларуси должен быть один государственный язык – белорусский	16.8
В Беларуси должно быть два государственных языка – белорусский и русский	71.8
В Беларуси должен быть один государственный язык – русский	7.1
ЗО/НО	4.3

Следующая таблица дает представление о том, как распределены приверженцы различных вариантов государственного статуса языков среди изучаемых языковых групп.

Таблица 21. Взаимосвязь языка общения в семье с предпочитаемым статусом языков в государстве, %

Вариант ответа	**Язык общения в семье**			
	Только белорусский	**Только русский**	**Белорусский и русский**	**Иной**
В Беларуси должен быть один государственный язык – белорусский	42.5	11.2	14.4	35.1
В Беларуси должно быть два государственных языка – белорусский и русский	49.4	76.4	77.1	57.0

Вариант ответа	Язык общения в семье			
	Только белорусский	Только русский	Белорусский и русский	Иной
В Беларуси должен быть один государственный язык – русский	2.6	8.3	6.0	4.0

Даже среди тех, кто в семье говорит только по-белорусски, приверженцы государственного двуязычия составляют почти половину, при этом даже в этой языковой группе их больше, чем сторонников государственности только белорусского языка. Вновь же стоит отметить, что говорящие дома не по-белорусски и не по-русски оказываются на втором месте после белорусскоязычных по степени приверженности белорусскому языку и его государственному статусу. С другой стороны, желание лишить белорусский язык даже формального государственного статуса встречается не только среди русскоязычных, хотя среди них оно распространено в наибольшей степени.

Важно также подчеркнуть, что использование того или иного языка в повседневном общении в условиях Беларуси не сводится лишь к культурной составляющей национальной идентичности, оно очевидно связано и с социальными установками людей. Вот как, например, языковые предпочтения связаны с ценностями экономической свободы:

Таблица 22. Взаимосвязь языка общения в семье с отношением к приватизации, % (10'04)

Вариант ответа	Язык общения в семье			
	Только белорусский	Только русский	Белорусский и русский	Иной
Не следует разрешать продавать предприятия в частные руки	51.8	34.1	63.6	61.4
Следует разрешить продавать предприятия белорусским бизнесменам	32.4	31.7	23.6	26.2
Следует разрешить продавать предприятия западным бизнесменам	6.1	12.1	4.7	3.9
Следует разрешить продавать предприятия российским бизнесменам	6.6	6.0	1.8	2.4

Вариант ответа	Язык общения в семье			
	Только белорусский	Только русский	Белорусский и русский	Иной
Следует разрешить продавать предприятия любому, кто готов платить	10.4	21.8	9.7	10.4

Из таблицы следует, что русскоязычным в наибольшей степени свойственен либеральный подход к проблеме приватизации: среди них наименьшая доля тех, кто отвергает приватизацию в принципе, и наибольшая – выступающих за продажу госпредприятий Беларуси согласно чисто рыночным принципам, так сказать, не взирая на лица. Среди них также самая высокая доля тех, кто выступает за приватизацию белорусских заводов и фабрик западными инвесторами. При этом российским инвесторам русскоязычные белорусы особого предпочтения не оказывают, по крайней мере не в большей степени, чем их белорусскоязычные соотечественники.

Еще более красноречива взаимосвязь языковых и политических предпочтений:

Таблица 23. Связь языка общения в семье с политическими предпочтениями, % (10'04)

Вариант ответа	Язык общения в семье			
	Только белорусский	Только русский	Белорусский и русский	Иной
Считаете ли Вы, что А. Лукашенко следует вновь избрать президентом на следующих выборах?				
Да	57.6	36.3	56.3	48.4
Как Вы голосовали на референдуме 17 октября?				
За	66.0	43.5	66.9	53.1
Против	18.0	32.7	19.3	23.3
Были ли выборы 17 октября свободными и справедливыми?				
Да	52.9	45.8	67.5	47.4
Нет	23.8	39.0	12.4	37.5
Какой вариант интеграции с Россией Вам представляется предпочтительным?				
Союз независимых государств	49,0	48,1	55,0	36,2
Единое государство	10,4	11,1	15,6	8,8

Вариант ответа	Язык общения в семье			
	Только белорусский	Только русский	Белорусский и русский	Иной
Как в СНГ	31,7	32,5	24,8	45
Голосование на гипотетическом референдуме о союзной Конституции:				
За	39,6	41,1	50,5	27,5
Против	27,7	30,7	24,8	46,2
Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский союз, что бы Вы выбрали?				
Объединение с РФ	50,5	47,6	59,6	46,2
Вступление в ЕС	27,2	36,5	23,9	35
Голосование на гипотетическом референдуме о будущем Беларуси:				
За объединение с Россией	36.5	29.8	33.8	29.6
За интеграцию в Евросоюз	17.6	21.6	15.7	26.3
И за то, и за другое	11.8	20.6	23.0	12.5
Против и того, и другого	18.0	17.6	7.2	24.3
С каким из нижеприведенных высказываний Вы согласны?				
Внутреннюю политику Беларуси следует проводить, не учитывая мнение Запада	34,7	40,0	29,4	30
Внутреннюю политику Беларуси следует проводить, учитывая мнение Запада	64,4	59,1	69,7	68,8
С каким из нижеприведенных высказываний Вы согласны?				
Внутреннюю политику Беларуси следует проводить, учитывая мнение России	48,0	58,1	59,6	40
Внутреннюю политику Беларуси следует проводить, не учитывая мнение России	51,5	41,0	39,4	57,5

Как видно, русскоязычные в наименьшей степени испытывают симпатии к существующей в стране политической системе. Подчеркнем, речь идет именно о степени, скажем, проголосовавших на референдуме «за» среди них больше, чем проголосовавших «против», как и в других языковых группах, однако доля проголосовавших «за» среди них – наименьшая, а проголосовавших «против» – наибольшая.

По степени устремленности в Европу русскоязычные уступают только группе представителей национальных меньшинств. При этом

стремление к тому, чтобы Беларусь объединилась с «родиной их языка» у русскоязычных не больше, а меньше, чем у белорусскоязычных.

Очевидно, что и замена вопроса о языке повседневного общения на вопрос о языке общения в семье не меняет сравнительные характеристики языковых групп, установленных ранее: русскоязычные оказываются в наибольшей степени (по крайней мере в большей степени, чем белорусскоязычные) привержены ценностям экономической, политической и национальной свободы. Разумеется, причина таких соотношений вовсе не в том, что сам по себе белорусский язык и белорусская культура в меньшей степени сочетаемы с этими ценностями. Несмотря на наличие образованных городских белорусскоязычных кругов, приверженных этим ценностям, основная масса белорусскоязычных – люди главным образом преклонного возраста, низкого образования, живущие в деревне и малых городах. Среди русскоязычных существенно выше доля горожан, высокообразованных людей, молодежи; и эти социально-демографические факторы, а не сам по себе язык общения в семье оказываются определяющими.

Особенности геополитической идентичности белорусов

В геополитическом измерении мотивационный компонент национальной идентичности, в отличие от «повседневного», оказывается «между» эмоциональным и когнитивным. Анализ динамики готовности белорусов к геополитическому выбору позволяет сделать важные выводы:

Таблица 24. Динамика ответов на вопрос: «Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум с вопросом, вступать ли Беларуси в Европейский Союз, каким был бы Ваш выбор?», %

Вариант ответа	**12'02**	**03'03**	**09'05**	**11'06**	**12'07**	**09'08**	**03'09**	**09'09**	**03'10**	**03'11**	**X**
За	60.9	56.4	38.0	36.6	37.1	26.7	34.9	44.1	36.2	48.6	42.0
Против	10.9	11.9	44.0	36.2	35.0	51.9	36.3	32.8	37.2	30.5	32.7

Очевидно, что за последние годы проевропейская геополитическая ориентация становится более явной. Однако если рассматривать ее в

более глубокой перспективе, эта динамика все-таки нестабильна и в значительной мере зависит от внешних факторов (дефолт в России, операция НАТО в Югославии, российско-грузинская война, кризис в отношениях руководства Беларуси с Западом или Россией, «нефтегазовая», «молочная» и прочие «войны» с Россией и т.п.). Это значит, что геополитическая ориентация белорусов не является базовым элементом их национальной идентичности, а производна от других факторов.

Если в случае с Европейским союзом динамика «волнообразна», то в случае с Россией наблюдается явная тенденция к снижению сторонников интеграции:

Таблица 25. Динамика ответов на вопрос: «Если бы сегодня проходил референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали?», %

Вариант ответа	**11'99**	**10'01**	**12'02**	**03'03**	**06'04**	**11'06**	**12'07**	**09'08**	**03'09**	**03'10**	**03'11**	**X**
За	47.0	51.3	53.8	57.5	42.9	46.4	43.6	46.3	33.1	32.1	29.2	43.9
Против	34.1	26.4	26.3	23.8	25.0	33.5	31.6	35.8	43.2	44.5	53.1	34.3

Постепенное снижение пророссийской геополитической ориентации видно и при «черно-белом» выборе: в целом за последние годы пророссийская и проевропейская ориентации (количество «белороссов» и «евробелорусов») почти сравнялись. Это значит, что в принципе страна может быть «развернута» как в одном, так и в другом направлении:

Таблица 26. Динамика ответов на вопрос: «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступление в Евросоюз, что бы Вы выбрали?», %

Вариант ответа	**09'03**	**06'04**	**12'05**	**06'06**	**12'07**	**09'08**	**03'09**	**09'09**	**03'10**	**03'11**	**X**
Объединение с Россией	47.6	47.7	51.6	56.5	47.5	54.0	42.4	38.3	41.4	31.5	45.8
Вступление в Евросоюз	36.1	37.6	24.8	29.3	33.3	26.2	35.1	42.7	40.4	50.5	35.6

Важнейшей особенностью геополитической ориентации белорусов является ее очевидная амбивалентность. В декабрьском 2010 г. опросе на прямой вопрос, возможна ли для Беларуси интеграция одновремен-

но и с Россией, и с Евросоюзом, доля ответивших положительно составила 40.4 %, а отрицательно – 41 %. Как отмечалось нами еще в начале 2000-х гг., «то, что на первый взгляд кажется проявлением «раздвоения сознания», на самом деле есть выражение возрастающей открытости, гибкости и мобильности белорусов»[9].

Анализ национальной идентичности белорусов, особенно ее мотивационного компонента, позволяет сделать важный вывод о ее иерархическом характере. Следует различать, по меньшей мере, ее два (в реальности, конечно, больше) уровня: «оперативный» и «базовый». «Оперативный» уровень в значительной мере определяется «повседневностью» – текущими событиями, впечатлениями, мыслями и чувствами (его называют также «прагматическим уровнем»). Геополитический выбор или желание сменить место жительства, как видно из приведенных данных, чаще всего мотивируется именно такими прагматическими факторами. «Базовый» уровень определяется не столько текущими событиями, впечатлениями, мыслями и чувствами, сколько более общими, в том числе и архетипическими, культурно-психологическими структурами, позволяющими человеку идентифицировать себя в окружающем мире: «я – он/она», «мы – они», «свое – чужое», «близкое – далекое» (его называют также «ценностным уровнем»).

Этот вывод подтверждается многочисленными данными исследований НИСЭПИ. Один из самых ярких и убедительных случаев – сравнение отношения к странам («политическая дистанция») и к нациям их населяющим («социальная» или «культурно-психологическая дистанция»). Вот как выглядит отношение (и его динамика) белорусов к 36 странам:

Таблица 27. Динамика ответов на вопрос: «Назовите пять стран, которые, по Вашему мнению, наиболее дружественно относятся к Беларуси, и пять стран, которые относятся к Беларуси наиболее недружественно», %

Страна	**Относится дружественно**	**Относится недружественно**	**Индекс (09'05)**	**Индекс (04'06)**	**Индекс (12'07)**	**Индекс* (03'11)**	**Россия (05'09)****
Беларусь	–***	–	–	–	–	-	0.48
Венесуэла	68.2	0.9	–	–	0.35	0.67	0.08

Страна	**Относится дружественно**	**Относится не-дружественно**	**Индекс (09'05)**	**Индекс (04'06)**	**Индекс (12'07)**	**Индекс* (03'11)**	**Россия (05'09)****
Китай	48.0	2.6	0.19	0.42	0.54	0.45	0.15
Казахстан	38.3	2.5	0.20	0.21	0.26	0.36	0.37
Россия	50.1	19.3	0.69	0.84	0.65	0.31	-
Украина	29.6	10.2	0.24	0.11	0.45	0.19	–0.38
Азербайджан	19.2	3.0	0.02	0.02	–0.01	0.16	0.08
Кыргызстан	16.6	3.6	0.03	0.05	–0.03	0.13	0.09
Куба	15.0	5.3	0.11	0.18	0.21	0.10	0.10
Болгария	7.8	2.3	0.10	0.09	0.03	0.06	0.09
Армения	8.9	6.2	0.03	0.03	–0.02	0.03	0.14
Италия	9.7	7.8	0.10	0.05	0.03	0.02	0.04
Молдова	6.1	4.8	0.09	0.05	0.05	0.01	0.04
Узбекистан	4.4	4.8	0.06	0.03	0.01	0	0.08
Ливия	6.6	6.9	–0.02	–0.02	–0.01	0	
Швеция	4.7	4.8	0	–0.03	–0.02	0	0.02
Северная Корея	5.5	5.8	0.03	0.04	–0.04	0	
Япония	3.8	5.2	0.04	0.06	–0.02	-0.01	0.02
Туркменистан	4.8	6.2	0.01	0.02	–0.01	-0.01	0.05
Сербия	1.9	3.6	0.02	–0.02	0	-0.02	0.04
Сирия	1.5	3.2	0	–0.04	–0.02	-0.02	
Румыния	2.3	4.0	0.01	0	–0.03	-0.02	-0.03
Турция	2.8	5.8	0.01	0	–0.01	-0.03	0.03
Словакия	2.1	5.2	0.01	–0.01	–0.03	-0.03	
Германия	19.3	23.0	0.13	0.02	0.01	-0.04	0.14
Грузия	8.8	14.0	–0.06	–0.20	–0.18	-0.05	-0.62
Израиль	5.8	11.5	0.05	0.03	–0.06	-0.06	0
Франция	4.0	10.1	–0.07	–0.09	–0.08	-0.06	0.08
Чехия	2.1	10.0	0.03	–0.02	–0.02	-0.08	0
Иран	6.3	14.4	0.03	0.04	0.04	-0.08	-0.01
Великобритания	7.6	15.2	–0.10	–0.19	–0.18	-0.08	0.03
Эстония	1.5	10.2	–0.09	–0.11	–0.16	-0.09	-0.30
Латвия	4.8	14.8	–0.17	–0.14	–0.13	-0.10	-0.35
Ирак	4.5	16.5	–0.02	–0.03	–0.08	-0.12	-0.05
Литва	8.1	11.8	–0.14	–0.09	–0.11	–0.04	–0.35
Польша	17.2	34.5	–0.16	–0.03	–0.06	-0.17	-0.08
США	3.9	59.9	–0.53	–0.70	–0.61	-0.56	-0.43
X			0.25	0.16	0.20	0.23	- 0.14

**Индекс – разность числа отметивших данную страну как дружественную и как недружественную, деленная на 100.*
*** Представлены результаты опроса по России «Левада-центра» 2009 г. по вопросу «Назовите пять стран, которые, по Вашему мнению, наиболее дружественно относятся к России, и пять стран, которые относятся к России наиболее недружественно».*
**** Прочерк означает, что данная страна не присутствовала в списке соответствующего опроса.*

Очевидно, во-первых, что страны-соседи, с которыми Беларусь связана многовековыми экономическими, культурными и прочими отношениями, но которые сегодня являются частью Запада (членами Евросоюза и НАТО), имеют сегодня негативный имидж, а некоторые страны, расположенные на другой стороне земного шара, например, Китай и Куба – положительный. Во-вторых, динамика отношения такова, что «братские» Россия и Украина, которые совсем недавно были самыми близкими друзьями, всего за несколько лет «задвинуты» Венесуэлой и тем же Китаем. Но если на этом основании кто-то решит, что белорусы стали предпочитать рис картошке, а авторитет российского президента в их глазах уступил авторитету «команданте Уго», тот ошибается. Об этом убедительно говорят данные, представляющие геополитическую идентичность белорусов по видоизмененной шкале социальной дистанции Богардуса:

Таблица 28. Динамика распределения ответов на вопрос: «В какой степени для Вас приемлемы представители следующих национальностей?» и индексов социальной дистанции, %*

Вариант ответа	**Готов породниться**	**Готов вместе работать**	**Готов жить по-соседству**	**Готов жить в одном городе**	**Готов жить в Беларуси**	**Индекс (04'06)**	**Индекс (12'07)**	**Индекс** (03'11)**
Русские	50.4	18.3	13.7	5.8	10.8	2.05	2.14	2.08
Украинцы	26.0	26.3	24.4	9.5	12.3	2.44	2.38	2.55
Поляки	18.4	21.4	33.8	10.9	13.0	2.46	2.62	2.78
Западно-европейцы (англичане, французы, немцы и др.)	13.2	31.6	19.3	19.4	14.1	2.74	2.81	2.89

Вариант ответа	Готов породниться	Готов вместе работать	Готов жить по-соседству	Готов жить в одном городе	Готов жить в Беларуси	Индекс (04'06)	Индекс (12'07)	Индекс** (03'11)
Жители Центральной Европы (чехи, слова-ки, венгры, сербы и др.)	7.4	25.9	23.7	13.1	19.2	2.95	3.02	3.12
Американцы	11.2	29.1	18.9	12.1	25.4	3.08	3.04	3.12
Литовцы	6.7	21.7	25.3	14.3	21.2	3.00	3.19	3.39
Латыши	5.6	19.8	26.3	14.3	22.6	3.06	3.24	3.32
Евреи	4.7	20.8	25.7	15.7	22.4	2.98	3.31	3.33
Выходцы из стран Центр-альной Азии (узбеки, казахи и др.)	2.1	17.0	24.1	14.8	30.3	3.52	3.76	3.61
Выходцы из стран Юго-Восточной Азии (вьет-намцы, кита-йцы и др.)	1.9	14.4	23.7	13.5	34.0	3.83	3.93	3.72
Выходцы с Кавказа (азербайджанцы, армяне, грузины, че-ченцы и др.)	2.2	14.9	22.7	11.3	36.7	3.80	3.93	3.77
Арабы	2.1	12.8	24.1	11.4	37.1	3.81	3.87	3.78
Африканцы	1.5	12.2	24.3	12.8	36.6	3.83	3.91	3.81
X						3.11	3.22	3.23

**Таблица читается по горизонтали: число в левом верхнем углу таблицы означает, что 50.4 % опрошенных выразили готовность породниться с представителем русской национальности*
*** Индекс социальной дистанции – средневзвешенное показателей дистанции, исчисляемое следующим образом: если проценты опрошенных распределились по шкале как А, Б, В, Г, Д, то индекс вычисляется как (А + 2Б + 3В + 4Г + 5Д): (А + Б + В + Г + Д). Индекс изменяется от максимально положительного значения 1, когда все ответившие выразили готовность породниться с представителем данной национальности, до минимального 5, когда все ответившие готовы только терпеть его в качестве жителя Беларуси.*

Данные табл. 28 подкрепляет вывод об оперативном и базовом компонентах национальной, в том числе и геополитической идентичности белорусов. По «социальной дистанции» отношение белорусов к представителям Европы и США с одной стороны, и представителям стран Азии и Африки совсем не такое, как по «дистанции политической». Русские оказываются самыми близкими белорусам этносом в чисто гуманитарном, человеческом, бытовом аспекте – в среднем все готовы быть с ними коллегами по работе, а каждый второй готов принять их в семью. На почти одинаковой дистанции оказываются южные и за-

падные соседи-славяне. Интересно отметить, что и в основном православные украинцы и католики-поляки оказываются примерно в разной степени «своими». Как видим, белорусы совершенно однозначно идентифицируют себя как европейцев, как часть некоего «мы», дистанции внутри которого неизмеримо меньше, чем между «нами» и цивилизационными «ими». Представителей чужых культур большинство готово терпеть не более чем жителями одного с ними населенного пункта или даже только как жителей Беларуси, обитающих где-нибудь подальше. Особенно наглядно это видно в сравнении с социальной дистанцией с новоявленными союзниками Беларуси – венесуэльцами, китайцами, иранцами, которых от белорусов на бытовом уровне отделяет социально-культурная пропасть. Это противоречие как раз и объясняется иерархическим характером национальной идентичности белорусов: если «политическая дистанция» формируется в основном на оперативном уровне, который определяется «повседневностью», прежде всего, информационно-пропагандистской политикой государства, то «социальная дистанция» – архетипическими, культурно-психологическим структурами личности. «Зигзаги» внешней политики Беларуси по отношению к «братской» России в течение последних двух лет не прошли незамеченными для миллионов белорусов, но на базовый уровень идентичности это пока серьезно не повлияло. В то же время нельзя не заметить, что «политическая дистанция», разделяющая белорусов с окружающим миром, за пять лет ненамного, но увеличилась (средневзвешенное значение индекса уменьшилось с 0.25 до 0.23), хотя до отрицательного значения (что уже можно рассматривать как признак ксенофобии), как у россиян (-0.14), еще далеко. Причем почти за тот же период «социальная дистанция» также ненамного, но увеличилась (средневзвешенное значение индекса возросло с 3.11 до 3.23). Это значит, что целенаправленное формирование негативного образа иностранного государства с течением времени может приводить к постепенным изменениям не только оперативного, но и базового компонента геополитической идентичности (особенно с учетом того, что, как показал мартовский опрос 2011 г., почти 59 % белорусов в течение последнего года не выезжали за пределы страны, а почти 57 % за последние три годы не приходилось встречаться с иностранцами). Для того,

чтобы «развернуть» отношение на базовом уровне обратно, в отличие от оперативного, требуются годы.

Базовый характер «социально-культурной дистанции» подтверждается и анализом ее взаимосвязи с геополитическим выбором белорусов:

Таблица 29. Социальная дистанция и геополитический выбор*

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский союз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Русские	2.07	2.09	2.03
Украинцы	2.58	2.60	2.37
Поляки	3.05	2.72	2.50
Западноевропейцы (англичане, французы, немцы и др.)	3.26	2.70	2.78
Жители Центральной Европы (чехи, словаки, венгры, сербы и др.)	3.40	2.98	3.03
Американцы	3.55	2.93	2.92
Латыши	3.60	3.23	3.11
Евреи	3.64	3.20	3.25
Литовцы	3.56	3.11	3.09
Выходцы из стран Центральной Азии (узбеки, казахи и др.)	3.78	3.62	3.32
Выходцы из стран Юго-Восточной Азии (вьетнамцы, китайцы и др.)	3.81	3.82	3.35
Выходцы с Кавказа (азербайджанцы, армяне, грузины, чеченцы и др.)	3.89	3.78	3.44
Арабы	3.91	3.83	3.46
Африканцы	3.89	3.88	3.48

**В таблице приводятся индексы социальной дистанции внутри групп геополитического выбора*

Как видно из этой таблицы, культурно-психологическая близость белорусов с русскими и украинцами остается практически одинаково высокой при противоположных геополитических выборах – этим, в частности, и объясняется их «раздвоенное» геополитическое сознание. Точно так же при противоположных выборах почти одинаково низкой оказывается их близость с «чужими» цивилизациями.

Именно поэтому, выражая желание выехать в западные страны, реально белорусы уезжают не в Европу, а в Россию. Культурно-психологическая идентификация, представленная в табл. 4 – яркий тому пример. *Поэтому не исключено, что реальный геополитический выбор белорусов был бы иным, чем гипотетический: «сработал бы» не прагматический уровень, а ценностный.* О такой возможности говорят и следующие данные:

Таблица 30. Как Вы в целом относитесь сейчас к России? (09'09)

Вариант ответа	**%**
Очень хорошо	22.5
В основном хорошо	48.6
Безразлично	21.4
В основном плохо	5.3
Очень плохо	1.1

Таблица 31. Считаете ли Вы Россию заграницей? (09'09)

Вариант ответа	**%**
Нет	79.4
Да	17.4
ЗО/НО	3.2

Связь культурно-психологической близости и геополитического выбора подтверждается и следующими данными:

Таблица 32. Геополитический выбор в зависимости от культурно-психологической близости, % (12'10)

Геополитический выбор	**«К кому вы чувствуете себя ближе – к русским или к европейцам?»**	
	К русским	**К европейцам**
Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступление в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
Объединение с РФ	50.4	9.8
Вступление в ЕС	20.5	79.5
Возможна ли для Беларуси интеграция одновременно и с Россией, и с Евросоюзом?		

Геополитический выбор	«К кому вы чувствуете себя ближе – к русским или к европейцам?»	
	К русским	К европейцам
Да	40.6	40.0
Нет	37.1	50.4
Некоторые считают, что Беларуси стоит уменьшить степень интеграции с Россией и выйти из состава некоторых или всех интеграционных структур. Как вы относитесь к этим предложениям?		
Интеграцию углубить	38.4	13.6
Интеграцию оставить как есть	34.4	52.5
Интеграцию уменьшить	9.1	24.8
Зависит ли Ваша работа от того, насколько хорошие отношения между Беларусью и Россией?		
Сильно зависит	4.5	7.1
Отчасти зависит	26.2	25.7
Не зависит	65.9	66.1

Как можно заметить, эта взаимосвязь в большей степени выражена «в одну сторону»: те, кому ближе европейцы, больше склонны к евроинтеграции, чем те, кому ближе русские, – к интеграции с Россией. Впрочем, и больше половины тех, кому ближе европейцы, хотели бы сохранения нынешнего уровня интеграции с Россией. Особенно удивительным представляется то, что среди представителей двух культурных типов распределение оценок зависимости их работы от отношений с Россией практически идентично. Это доказывает, что прагматика, практические интересы людей – отнюдь не единственный фактор, обусловливающий геополитический выбор.

Главная особенность современной белорусской идентичности и ее перспективы

Как уже отмечалось, ни история, ни культура, ни, тем более, национальный характер не могут *a priori* ограничивать жизненные перспективы, отсутствие которых стало главной причиной резкого снижения национальной гордости белорусов: есть и иные факторы. Какие же именно? Для ответа на этот вопрос необходимо «нарисовать» сравни-

тельный «социологический портрет» белорусов, определяющих свою национальную идентичность противоположным образом. У этого «портрета» также есть два «измерения» – «внешний» и «внутренний». Под «внешним» в данном случае понимается «социально-демографический портрет». «Нарисуем» этот «портрет» по всем трем компонентам национальной идентичности (мотивационному, эмоциональному и когнитивному):

Таблица 33. Сравнительный «социально-демографический портрет» респондентов, определяющих свою национальную идентичность противоположным образом, %

Социально-демографические характеристики	Все опрошенные	Жизнь в Беларуси		Гордость		Близость	
		Да (78.3)	Нет (21.7)	Да (78.0)	Нет (20.9)	Рус. (74.5)	Евр. (19.4)
Ваш пол							
Мужской	46.4	42.2	54.4	44.1	54.7	45.9	50.5
Женский	53.6	55.8	45.6	55.9	45.3	54.1	49.5
Ваш возраст							
18-19	4.0	2.7	8.5	3.3	6.3	3.4	6.4
20-24	9.3	6.5	19.6	8.4	13.2	8.4	13.6
25-29	8.9	7.5	13.9	7.6	13.5	8.1	11.9
30-39	19.9	17.5	28.7	17.3	30.3	18.4	25.4
40-49	19.3	20.6	6.6	14.0	8.5	12.9	11.2
50-59	12.6	14.3	6.6	14.0	8.5	12.9	11.2
60 лет и старше	26.0	31.0	8.2	29.8	10.1	29.3	13.2
Ваше образование							
Начальное (до 4-х классов средней школы)	8.0	9.7	1.8	8.5	4.4	9.2	4.4
Неполное среднее (включая ПТУ без среднего образования)	13.9	16.0	6.3	15.9	6.6	14.8	8.4
Среднее общее (средняя школа, лицей, ПТУ со средним образованием)	37.9	36.3	43.8	37.2	40.3	38.2	38.9
Среднее специальное (техникум, колледж и т.п.)	25.6	24.1	30.8	23.8	33.6	24.3	29.4
Высшее (включая незаконченное высшее)	14.6	13.9	17.2	14.6	15.1	13.5	18.9

Социально-демографические характеристики	Все опрошенные	Жизнь в Беларуси		Гордость		Близость	
		Да (78.3)	Нет (21.7)	Да (78.0)	Нет (20.9)	Рус. (74.5)	Евр. (19.4)
Ваша национальность							
Белорус	82.6	85.2	73.3	91.4	51.1	86.9	67.8
Русский	10.4	8.6	17.0	5.2	30.3	8.9	14.2
Украинец	3.8	1.8	3.3	0.7	7.6	2.0	3.7
Поляк	2.2	4.3	5.5	2.0	9.5	1.6	12.2
Еврей	0.5	0.3	0.9	0.2	0.9	0.2	1.7
Ваш статус (по месту основной работы, учебы)							
Работник государственного предприятия, организации (включая колхозы)	37.5	37.6	37.0	38.4	35.0	38.0	34.3
Работник негосударственного предприятия, организации	24.6	21.8	34.3	21.4	36.7	21.9	35.0
Учащийся, студент	6.8	4.7	14.5	6.1	9.8	6.2	9.9
Пенсионер (пенсия по возрасту, по инвалидности)	26.9	32.4	7.2	31.1	10.1	30.5	13.3
Домохозяйка/безработный	4.2	3.4	6.9	3.0	8.2	3.4	7.5
Ваше место жительства (регион)							
Запад (Гродненская и Брестская области)	26.0	24.7	31.1	23.9	33.2	22.7	37.6
Центр (Минск и Минская область)	33.8	33.5	34.7	32.5	38.9	33.4	39.9
Восток (Витебская, Могилевская и Гомельская области)	40.2	41.8	34.2	43.6	27.9	43.9	22.5
Тип населенного пункта							
Столица – Минск	19.1	19.6	17.5	18.6	21.8	19.2	23.1
Областной центр	19.7	20.0	18.4	20.6	16.1	18.8	22.0
Большой город (более 50 тыс. жителей)	18.3	15.5	28.1	15.8	26.2	16.3	19.7
Малый город (менее 50 тыс. жителей)	17.1	17.6	15.4	17.5	15.5	18.6	14.2
Сельское поселение	25.8	27.3	20.5	27.4	20.5	27.1	21.0

Как видно из этой таблицы, «социально-демографические портреты» белорусов, определяющих свою национальную идентичность противоположным образом, заметно различаются. Если по полу различия меж-

ду ними незначительны, то по возрасту почти контрастны (в социологии такие различия называют «зеркальными», они говорят о наличии прямой и сильной связи между переменными): старшее поколение демонстрируют большую приверженность своей стране (такой, какая она есть) и, в то же время, близость к русской культуре (в широком смысле – как образу жизни и социальному устройству). Младшее поколение, наоборот, демонстрирует гораздо меньшую приверженность нынешней Беларуси и, в то же время, близость к европейской культуре. По уровню образования наблюдается похожая картина, но менее выраженная. Среди тех, кто хотел бы жить (или работать) в Беларуси и гордится принадлежностью к белорусской нации (назовем их условно «гордыми белорусами» или «националистами»), по социальному статусу также явно превалируют пенсионеры, жители малых городков и сел, представляющие восточные регионы страны, а среди тех, кто дал противоположный ответ (условно назовем их «разочарованными белорусами» или «космополитами») – работники частного сектора экономики, учащиеся/студенты и домохозяйки/безработные, жители больших городов, представляющие западные регионы. Как уже отмечалось, заметно различие и по национальности: представители титульной нации склонны скорее к «национализму», а остальных наций – к «космополитизму». В итоге, типичный «портрет националиста» выглядит так: сельский пенсионер с невысоким уровнем образования из восточных областей Беларуси, а типичный «космополит» – это молодой и образованный работник частного сектора, проживающий в большом городе на западе страны. Нельзя не заметить также, что различия по каждому из трех компонентов идентичности (левый-правый столбцы) очень близки (нередко даже совпадают по цифрам). Это значит, с одной стороны, что они релевантны анализируемому предмету (национальной идентичности), а с другой, что выявленные различия довольно устойчивы.

Однако эти «портреты» требуют объяснений, поскольку причины столь различных «красок» остаются неясными. Для их прояснения необходимо сравнить «портреты» и в их «внутреннем измерении», под которым в данном случае понимаются социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности «националистов» и «космополитов»:

Таблица 34. Сравнительный «социально-ценностный портрет» респондентов, определяющих свою национальную идентичность противоположным образом, %

Социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности	Все опрошенные	Жизнь в Беларуси		Гордость		Близость	
		Да (78.3)	Нет (21.7)	Да (78.0)	Нет (20.9)	Рус. (74.5)	Евр. (19.4)
Доходы							
До 260 тыс. руб. (до $ 90)	11.8	10.5	16.3	9.7	19.2	11.5	14.6
260-400 тыс. руб. ($ 138)	41.1	42.4	36.4	42.3	36.2	42.5	35.7
400-800 тыс. руб. ($ 276)	39.5	39.7	38.9	41.0	34.9	38.3	43.5
Свыше 800 тыс. руб. (свыше $ 276)	6.9	6.9	6.9	6.3	8.8	7.2	4.8
Как изменилось Ваше материальное положение за последние три месяца?							
Улучшилось	9.3	9.9	7.0	10.4	5.3	10.1	5.8
Не изменилось	59.8	63.9	45.2	63.0	48.7	62.6	52.0
Ухудшилось	29.8	25.1	47.0	25.5	45.0	26.5	40.5
Какая из точек зрения в отношении Беларуси Вам ближе?							
Нас ожидает углубление кризиса и нарастание связанных с ним проблем	25.6	20.3	44.7	21.8	39.7	22.8	35.1
Кризис уже «достиг дна» и хуже не будет	38.3	40.0	32.0	39.8	33.4	39.0	38.9
Беларусь уже начала выходить из кризиса	26.6	28.7	18.7	28.8	18.0	27.6	19.3
В какой мере экономический кризис в стране является следствием экономической политики руководства страны последних лет?							
Практически в полной мере	15.8	12.3	28.4	12.5	28.7	13.2	26.4
В значительной мере	32.3	30.6	38.1	30.6	38.5	31.7	36.3
В незначительной мере	28.5	30.6	21.1	31.2	18.6	28.3	28.8
Нельзя сказать, чтобы это было причиной экономического кризиса	15.8	17.8	8.5	17.8	8.8	18.0	6.4
Как Вы считаете, есть ли у правительства Беларуси продуманная программа по выходу из кризиса?							
Да, есть продуманная экономическая программа	27.2	32.1	9.7	33.1	6.3	32.0	9.2

Социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности	**Все опрошенные**	**Жизнь в Беларуси**		**Гордость**		**Близость**	
		Да (78.3)	**Нет (21.7)**	**Да (78.0)**	**Нет (20.9)**	**Рус. (74.5)**	**Евр. (19.4)**
Программы нет, есть лишь общие представления о том, что нужно делать	29.9	28.7	34.4	30.0	30.0	29.8	30.2
Никакой программы у правительства нет, решения принимаются под влиянием сиюминутных обстоятельств	32.1	27.2	49.8	26.9	52.1	27.0	50.5
Верите ли Вы в то, что власти смогут выполнить решение III Всебелорусского народного собрания, согласно которому к концу 2010 г. средняя зарплата в Беларуси должна составить 500 долларов?							
Да	21.0	24.9	7.3	24.2	9.7	23.8	14.2
Нет	68.3	63.6	85.2	64.8	82.1	65.7	74.9
Как, на Ваш взгляд, изменится социально-экономическая ситуация в Беларуси в ближайшие годы?							
Улучшится	29.3	34.5	10.6	34.1	11.4	34.1	11.2
Не изменится	46.0	46.7	43.5	47.2	42.3	45.9	48.1
Ухудшится	18.8	12.4	42.0	13.2	39.4	13.9	35.6
Вы гордитесь тем, что Вы – белорус?							
Да	78.0	88.7	39.6	100	0	83.7	55.3
Нет	20.9	10.4	58.3	0	100	15.7	42.4
Если «да», то чем именно Вы гордитесь? (возможно более одного ответа)							
Историей	39.3	45.4	17.6	50.3	-	43.2	29.5
Культурой	38.4	44.3	17.2	48.5	-	42.6	27.0
Национальным характером	35.7	41.2	16.0	45.4	-	39.1	21.0
Языком	11.7	13.7	4.5	14.9	-	10.8	16.6
Если «нет», то почему? (возможно более одного ответа)							
Не считаю себя белорусом	6.6	4.5	14.2	-	30.3	5.4	12.9
Мне не нравится Беларусь	2.0	0.6	7.3	-	8.5	1.3	5.1
Не вижу в этой стране никаких перспектив	12.3	3.5	44.1	-	57.5	7.7	30.5
Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?							
К русским	74.5	80.8	51.7	79.8	56.2	100	0
К европейцам	19.4	13.3	41.7	13.7	39.4	0	100
Почему Вы считаете себя более близким к этому (этим) народу (народам)? (возможно более одного ответа)							

Социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности	Все опрошенные	Жизнь в Беларуси		Гордость		Близость	
		Да (78.3)	Нет (21.7)	Да (78.0)	Нет (20.9)	Рус. (74.5)	Евр. (19.4)
По историческим причинам	49.5	54.1	32.9	52.1	40.4	55.6	32.9
По культурным причинам	39.9	40.9	36.6	40.4	38.2	40.5	43.4
По языковым причинам	36.2	38.1	29.6	36.9	34.1	43.0	14.2
По географическим причинам	31.2	32.3	27.5	32.2	27.4	31.0	36.3
За кого Вы проголосовали на президентских выборах в марте 2006 г.?							
За А. Лукашенко	44.0	52.1	13.6	51.5	15.8	52.2	14.5
За альтернативного кандидата (А. Милинкевича, А. Козулина, С. Гайдукевича)	19.1	16.3	29.5	17.1	27.1	15.9	32.1
Против всех	10.5	9.6	13.6	9.1	15.5	8.3	18.2
Не участвовал в голосовании	17.5	13.4	32.1	14.2	29.3	16.2	22.0
Если бы завтра состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы проголосовали? (открытый вопрос)							
За А. Лукашенко	42.7	50.3	15.4	51.1	11.3	50.3	14.2
Как Вы думаете, могут ли молодые люди сегодня сделать успешную карьеру в Беларуси?							
Да, успешную карьеру молодежь может сделать в Беларуси	54.5	65.8	13.6	63.7	20.5	61.8	30.1
Нет, для этого молодежи лучше уехать в другую страну	35.2	22.8	79.8	26.4	68.5	27.1	62.2
Некоторые люди считают, что наилучшим способом правления является «сильная рука», другие отдают предпочтение демократии. А чему отдаете предпочтение Вы?							
Демократии	53.9	50.2	67.1	52.4	60.7	50.0	69.2
«Сильной руке»	32.1	35.0	21.8	34.0	24.8	35.9	18.6
На Ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном направлении или в неправильном?							
В правильном направлении	49.5	58.8	15.7	59.6	12.6	59.1	14.2
В неправильном направлении	35.6	27.1	66.2	27.0	67.6	27.8	65.5
Доверяете ли Вы президенту?							
Да	49.8	58.3	19.3	59.0	15.5	57.9	19.0
Нет	37.0	28.7	66.8	28.5	69.1	29.7	65.1
Одни люди считают себя сторонниками нынешней власти, другие противниками, а к какой группе отнесли бы себя Вы?							
Считаю себя сторонником нынешней власти	36.4	43.5	10.9	43.9	8.2	44.4	6.5

Социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности	**Все опрошенные**	**Жизнь в Беларуси**		**Гордость**		**Близость**	
		Да (78.3)	**Нет (21.7)**	**Да (78.0)**	**Нет (20.9)**	**Рус. (74.5)**	**Евр. (19.4)**
Считаю себя противником нынешней власти	16.2	9.9	39.1	10.4	38.5	11.0	35.7
Не думал об этом и мне это безразлично	40.9	40.4	42.7	39.9	45.1	39.3	47.6
Деятельность «вертикали власти», созданной президентом А. Лукашенко, на Ваш взгляд, приносит стране больше пользы или больше вреда?							
Больше пользы	41.0	47.6	17.0	48.5	12.9	48.2	16.3
Больше вреда	33.8	27.2	57.9	26.5	61.8	26.6	62.4
Собираетесь ли Вы голосовать на выборах депутатов местных Советов в апреле 2010 г.?							
Да	62.9	69.3	40.2	70.5	36.0	69.6	35.3
Нет	37.1	30.7	59.8	29.5	64.0	30.4	64.7
Будут ли, на Ваш взгляд, официальные итоги выборов депутатов местных Советов соответствовать результатам голосования?							
Да	49.3	57.5	19.9	57.0	21.1	56.5	23.8
Нет	32.1	25.3	56.5	25.5	57.9	26.3	54.8
После дипломатического конфликта между Беларусью и США, который разгорелся весной 2008 г., отношения между двумя странами остаются напряженными (например, персонал посольства США в Минске сократился в пять раз, и белорусы вынуждены ездить за американскими визами в другие страны). Как Вы считаете, обязательно нужно восстановить нормальные отношения с США или это не обязательно?							
Обязательно нужно восстановить нормальные отношения с США	47.5	42.4	66.0	44.4	59.9	43.6	63.9
Это не обязательно	19.1	21.0	12.3	21.1	11.0	20.1	14.6
Мне это безразлично	29.3	32.1	19.3	30.5	24.9	31.6	19.0
Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум с вопросом, вступать Беларуси в Европейский союз или не вступать, каким был бы Ваш выбор?							
Вступать	36.2	29.5	60.5	32.2	52.5	31.7	54.9
Не вступать	37.2	41.6	21.4	40.6	24.2	41.7	22.4
Если бы сегодня проходил референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали?							
За объединение	32.1	32.9	29.0	33.5	26.2	37.2	10.5
Против объединения	44.5	42.0	53.8	42.3	53.6	39.7	67.6

Социально-экономические, культурные и (гео-) политические ценности	Все опрошенные	Жизнь в Беларуси		Гордость		Близость	
		Да (78.3)	Нет (21.7)	Да (78.0)	Нет (20.9)	Рус. (74.5)	Евр. (19.4)
Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский союз, что бы Вы выбрали?							
Объединение с Россией	41.4	46.6	22.7	47.0	20.1	48.8	11.2
Вступление в Европейский союз	40.4	33.1	66.7	34.7	62.3	31.4	76.6
Какое общество, на Ваш взгляд, является наиболее справедливым?							
Белорусское	29.0	34.7	8.5	34.5	8.8	35.1	7.1
Российское	5.0	5.0	4.8	5.0	5.0	5.6	3.1
Западное (немецкое, американское или польское)	37.8	30.9	62.4	32.9	56.3	30.1	64.3
Насколько информация, получаемая из официальных источников, соответствует Вашей реальной жизни?							
Полностью соответствует	16.8	20.5	3.3	20.3	2.8	20.4	4.7
Частично соответствует	36.7	38.9	28.8	39.2	28.0	39.1	26.4
Частично не соответствует	24.7	24.5	25.5	25.2	22.6	22.9	30.2
Полностью не соответствует	21.5	16.0	41.5	14.9	46.2	17.3	38.3
Есть ли у Вас достаточный доступ к информации о нынешней политической ситуации в Беларуси?							
Да	47.9	53.5	27.8	54.1	24.0	50.1	39.0
Нет	51.7	46.1	71.6	45.7	75.1	49.4	60.7
Пользуетесь ли Вы Интернетом?							
Да, ежедневно	16.9	13.6	29.0	15.0	24.6	13.8	28.2
Да, несколько раз в неделю	15.5	12.3	26.6	13.3	24.0	13.4	23.1
Да, несколько раз в месяц	12.2	10.8	17.2	10.9	17.0	10.8	16.3
Да, несколько раз в году	3.1	2.5	5.1	2.9	4.1	3.4	2.7
Нет, не знаю, что это такое	52.3	60.7	21.7	57.8	30.3	58.6	29.6
У каждого человека есть свои жизненные планы. Если принять общее число планов за 100 %, то как Вы оцените их реализацию?							
До 25%	18.0	14.5	30.5	15.8	26.1	16.5	24.4
26-50%	42.0	42.4	40.5	40.9	46.2	40.6	49.2
51-75%	28.9	30.4	23.3	31.0	21.7	29.5	23.4
76-100%	10.8	12.3	5.4	11.9	6.0	13.1	3.1

По материальному положению различий почти нет, но самооценки этого положения существенно различаются: «националисты» оценива-

ют его как относительно стабильное и смотрят в будущее с оптимизмом, а «космополиты» считают, что оно ухудшилось и будет ухудшаться дальше. Бросается в глаза, что первая группа вполне лояльно оценивает экономическую политику руководства страны, а вторая настроена критически.

Еще более контрастные различия обнаруживаются при сравнении политических ценностей этих типов. Очевидно, что «националисты» – это, в то же время, и «лоялисты», а «космополиты» – «критики» белорусской власти и нынешнего курса. Причем эти различия проявляются как на «оперативном» (оценка карьерных перспектив молодежи, деятельности «вертикали власти», голосование на выборах), так и на «базовом» уровне (предпочтение демократии или «сильной руки», оценка нынешнего курса в целом и др.). Особенно ярко эти различия проявляются в отношении к главному символу белорусской власти и нынешнего курса – президенту Лукашенко (доверие, реальное и гипотетическое голосование, показатели которых совпадают буквально до процента!).

Почти столь же контрастны и различия в геополитических ценностях этих типов. Если «националисты» имеют явно пророссийские, то «космополиты» – прозападные установки (особенно впечатляет выбор наиболее справедливого общества среди «космополитов»). Поразительной особенностью национальной идентичности белорусов является то, что больше испытывают национальную гордость и хотят жить в Беларуси те, кто считаете себя более близким к русским! Это, несомненно, говорит о «базовом» характере близости к русским в национальной идентичности белорусов. Главная составляющая этой близости – общая история, на втором месте (по разнице процентов) – общий язык.

Представляет также интерес различие в информационном поведении этих типов. Кажется парадоксальным, что «националисты» намного меньше пользуются Интернетом, но вполне удовлетворены доступом к политической информации и ее качеством, тогда как «космополиты», наоборот, регулярно пользуются Интернетом и считают совершенно недостаточным доступ к информации о нынешней политической ситуации в Беларуси. Объяснение тут простое: первый тип пользуется преимущественно официальными источниками информации (государственными СМИ) и «живет в их дискурсе», а второй пользуется

преимущественно альтернативными источниками и «живет совсем в другом дискурсе».

Вполне логичным выглядит и обобщающая оценка «реализации жизненных планов»: у представителей первого типа она намного выше, чем у второго.

Следует также подчеркнуть, что, как на «социально-демографическом (или «внешнем») портрете», так и на «социально-ценностном (или «внутреннем») портрете» все три компонента национальной идентичности (национальная гордость как эмоциональный компонент, сознание большей близости к русским или к европейцам как когнитивный компонент, желание в будущем жить/работать в Беларуси, а также готовность к геополитическому выбору как мотивационный или поведенческий компонент) очень тесно коррелируют. *Это значит, что самым важным фактором национальной идентичности большинства белорусов сегодня является не географический, исторический, культурный (языковой) или психологический, а политический. Главным «разделителем» белорусской идентичности стал президент Лукашенко, аккумулирующий и выражающий настроения и ценности большей (консервативной) части белорусского общества, в то же время игнорирующий, маргинализирующий ценности и ограничивающий жизненные перспективы его меньшей (более динамичной) части. Кто принимает президента и его политику, «принимает» и страну (идентифицирует себя с ней), кто его не принимает, «не принимает» и страну в ее нынешнем виде (не идентифицирует себя с ней).*

Парадоксально, но он стал именно тем самым «хотя бы каким-то общим институтом», который, согласно известному определению Энтони Смита, и образует «непрочное политическое сообщество» как важную часть национальной идентичности[10]. Его политика действительно способствовала национальной самоидентификации белорусов, но она же резко усилила исторически обусловленные дуализм и незавершенность этой идентичности, «нагрузила» ее такими социально-экономическими и политическими чертами, которые отталкивают от нее многих не только в самой Беларуси, но и за рубежом. О «едином коде прав и обязанностей» белорусов как нации сегодня говорить не приходится.

Это значит, что «при Лукашенко» – независимо от того, сколько времени он еще будет оставаться у власти – перспективы современной белорусской идентичности, скорее всего, будут развиваться по тренду, т.е. с некоторыми девиациями соответствовать вышеописанному. Для многих это звучит обидно. *Но это дает основание предполагать, что «после Лукашенко», т.е. при смене власти и политики, перспективы национальной идентичности белорусов могут быть иными: например, в случае проевропейской политики – становиться более проевропейской, а в случае пророссийской – более пророссийской. В среднесрочной (в пределах 5 лет) перспективе нынешнее состояние национального самосознания белорусов, вероятно, будет оставаться таким же, но в долгосрочной (в пределах 10 лет), оно может кардинально измениться. При таком варианте будущие эксперты станут определять его как «отложенную идентичность».*

---

1 Цитаты Лукашенко из коллекции Подгола (Минск 1994—2006 гг.) С. 73.

2 Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения / под ред. проф. О. Манаева. Новосибирск, 2007.

3 http://news.tut.by/160970.html, http://www.prastora.by/knihi/cierniavskaia-iuliia-bielorusy-ot-tutejsych-k-nacii
http://www.amazon.com/Understanding-Belarus-Western-Foreign-Policy/dp/0742555585
http://www.amazon.com/Struggle-over-Identity-Alternative-22Belarusianness-22/dp/9639776688

4 http://www.iiseps.org/6-12-4.html

5 Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1988.

6 http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/wages_may_10.php

7 http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/demogr.php
http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/demogr.pdf

8 http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/610/54246/

9 На Восток или на Запад? // Манаев О. Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991—2000. Минск, 2000. С. 302—321; «Раздвоение» белорусского сознания: «глобализм» против «фундаментализма» Манаев О. Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2001—2005. Рига, 2005. С. 630—639; Предисловие: взгляд автора // Манаев О. Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2006—2010. Санкт-Петербург, 2011. С. 25; Дракохруст Ю. Где кончается Белоруссия? // Неприкосновенный запас, 2006, № 3, http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/dr13.html.

10 «…'national' identity involves some sort of political community, however tenuous. A political community in turn implies at least some common institutions and a single code of rights and duties for all the members of the community. It also suggests a definite social space, a fairly well demarcated and bounded territory, with which the members identify and to which they feel they belong». Smith, Anthony D. National Identity. London: Penguine Books. 1991, p. 9.

Рышард РАДЗИК

*Будущее Беларуси сквозь призму ее идентичности**

Проблема Беларуси

Любая попытка обсудить вопрос будущего Беларуси требует анализа факторов, определяющих сегодняшнее положение белорусского общества, а также рассмотрения того, каким образом эти факторы могут измениться и повлиять на положение Беларуси на социально-политической карте Европы. Мое предположение заключается в том, что сами белорусы определяют ситуацию в своей стране и ее отношения с внешним миром. Таким образом, если белорусы становятся объектами манипуляции и пешками в чужой игре, то я, как социолог, предлагаю искать причины такой ситуации в основном в нынешнем состоянии сознания белорусов, в особенностях их общества, их политической культуры и т.д. Именно от этих факторов зависит и ограниченный характер белорусских отношений с Западом, и их близость к Востоку. В то же время, Запад проявляет гораздо меньше интереса к Беларуси по сравнению с Россией, которая видит белорусов как «продолжение» русского этнического сообщества, как свою «географическую» связь с Европой.

Беларусь не является демократическим государством, однако она и не является государством, где власть может прийти извне или где власть может полагаться только на применение силы и репрессий. На всех президентских выборах миллионы белорусов голосовали за Лукашенко, и его позиции в опросах общественного мнения ухудшаются только во времена экономических трудностей. Причем периоды низкой популярности Лукашенко, как правило, не приводят к серьезному

* Перевод с английского Натальи Манаевой.

и длительному росту популярности лидеров оппозиции. И возлагать вину за такую ситуацию целиком и полностью на средства массовой информации – значит упрощать ситуацию. Антиправительственные демонстрации, раз в несколько лет собирающие от одного до двух процентов населения Минска, были бы более успешными, если бы протестующих было в десять раз больше. Я не считаю вполне убедительным то, о чем говорят активисты белорусской оппозиции, – что Лукашенко является корнем проблемы и что было бы достаточно свергнуть его, чтобы направить страну по пути демократии, гражданского общества и Европы. Лукашенко не является причиной сложившейся ситуации. Наоборот, он является ее результатом.

Пример оранжевой революции показывает, что долговременные изменения должны опираться на социально-политический капитал, а также на определенное состояние социальной идентичности. Если сегодняшняя Беларусь является недемократическим государством, экономически зависимым от России, и более бедным по сравнению с западными и северными соседями, то это результ решений, принятых, прежде всего, в Минске, а не в Варшаве или Лондоне. Не следует также полностью винить Москву в сложившейся ситуации: она просто пользуется возможностями, созданными самими белорусскими властями. Запад может помочь белорусам в модернизации страны, но не может сделать это за них. Аналогичным образом, Украина не была принята в НАТО потому, что украинское общество не поддержало такой вариант развития событий. Для того, чтобы осуществить изменения, не достаточно просто захотеть этого. Кроме того, необходимо иметь более или менее четкое представление о другой, будущей Беларуси, для того чтобы выработать средства для достижения подобного результата, а также иметь опыт, необходимый для донесения этой концепции до большинства белорусского общества.

Задача этого текста заключается в том, чтобы ответить на вопрос, будет ли Беларусь (и может ли она вообще быть) сильным, независимым и демократическим государством, обществом свободных и процветающих людей. Не рассматривая белорусов в качестве пешек в чужой игре, я попытаюсь рассмотреть важнейшие социальные факторы, влияющие на становление белорусского суверенитета.

Быть или иметь?

Современное государство, которое, с одной стороны, стремится быть самостоятельным субъектом международных отношений, а с другой, адаптироваться к постоянным изменениям и модернизироваться за счет конкуренции, должно иметь, по крайней мере, одно из двух свойств, которые, в конечном счете, дают ему способность меняться: достаточно сильное чувство общности, а также социально сложившейся традиции эффективного государства и его институтов. Эти два фактора и являются главным объектом моего анализа.

Общество, которое в критические моменты истории считает социообразующие идеалы менее важными, чем базовые потребности жизни, обладает невысокой способностью артикулировать цели и ценности, чаще всего определяемые как национальные интересы. Если отложить в сторону потенциально разрушительные националистические силы, на протяжении последних двух веков европейской истории именно концепция национальной общности консолидировала общества в поворотные моменты истории. Гражданское общество, демократия и рыночная экономика, как правило, развиваются на фоне уже существующей национальной идентичности, которая служит неким объединяющим фактором общей системы ценностей в некоторых сферах социальной реальности.

В ситуации практически полного забвения традиций государственности (если не считать БССР – Белорусскую Советскую Социалистическую Республику), современное белорусское общество было сформировано на основе советской, а не национальной идеологии. Отношение к закону и собственности далеко от западной модели гражданского общества, кроме того, отсутствуют буржуазные традиции и значительный современный средний класс. «Иметь» доминирует над «быть» не только в контексте повседневной реальности, что было бы вполне понятно. Социологи часто цитируют результаты двух опросов, проведенных НИСЭПИ в 2003 и 2006 гг. На вопрос «Что важнее – улучшение экономического положения или независимость страны?» подавляющее большинство респондентов выбрали первый вариант.[1] Белорусы отличаются от немцев или голландцев с их сильным буржуазным духом, они

не похожи на французов или англичан с их традициями государственности, они также не поляки или венгры, связанные сильным чувством национальной принадлежности. Если быть более точным, даже если бы все эти характеристики присутствовали, их не хватало бы, чтобы успешно защитить белорусов от восприятия скорее в качестве объекта, нежели самостоятельного субъекта.

Если белорусы хотят принимать решения о себе и ставят перед собой самостоятельно выбранные цели, то они должны выйти за пределы подхода, ограниченного соображениями «здесь и сейчас», и продвигать элиты, мыслящие в более широких категориях, которые будут в состоянии поощрять и воспитывать в сознании людей расширение прав и возможностей, сплачивая, таким образом, все общество. Возникает вопрос: разработали ли белорусы такой механизм самосоздания, и если да, то в какой степени? Поскольку при Советском Союзе белорусы не могли развить сильное чувство национальной общности, на их крестьянский класс не распространилась национальная идеология, которая была бы в состоянии конкурировать с совесткой иделогией. Скорее, это чувство с некоторыми модификациями трансформировалось в реальность жизни городского рабочего класса. Таким образом, современная белорусскость – в том виде, в каком она реально существует – првратилась в более широкую советизированную общность, уходящую корнями в крестьянское прошлое. Крестьянские массы воспринимали переезд в города как социальный и классовый прогресс. В советских городах они не вступали в контакт с более общей национальной идеологией, которая была бы объединяющим элементом, преодолевающим классовые различия. Таким образом, фобии их социального класса остались на месте, и их культура не впитала понимание того, что они имеют право на свою долю политической власти. Разделение людей на «своих» и «чужих» перешло от феодализма к реальности советской системы. Категоризация людей на «своих» (тех, кто непосредственно связан или участвует в повседневном обмене услугами) и «чужих» (тех, кто находится в публичной сфере, которая оставалась более или менее опасной, холодной, способствующей «искусственному» или театрализованному поведению) вытекает непосредственно из сознания небольшой сельской общины. Усиленная традиционной крестьянской недоверчивостью и амбивалентной позицией

между восточной и западной культурными традициями, эта дихотомия была характерной чертой вездесущей амбивалентности советского сознания. Тенденция оставаться в закрытых ближайших группах была совмещена с остатками локальных («тутэйшых»), этнических и семейных традиций. В отсутствие отличительных национальных барьеров, все это способствовало тому, что белорусы приняли советское видение «белорусскости», ограниченной этнографией и фольклором. Личное восприятие преобладало в видении мира. Следовательно, идеологизированное и абстрактное видение, которое было сформировано политической и интеллектуальной элитой Советского Союза, было встречено с недоверием, ведь оно не исходило от людей, лично знакомых. Реальный мир был ощутимым, ежедневным, знакомым и предсказуемым. Наиболее распространенным отношением к реальности было использовать любую возможность и держаться на расстоянии от странного мира советских космополитических идей.

В Беларуси, в отличие от стран Балтии, советская идеология не накладывалась на национальную идеологию, но замещала её: в итоге уровень национальной самоидентификации в белорусском обществе оказался намного ниже, чем обычно бывает в Европе. В целом, нигде в СССР советская идеология не способствовала развитию сильных общин, так как они потенциально могли поставить под вопрос принципиальную позицию Москвы в централизованном и тоталитарном государстве. Скорее, целями идеологии были ослабление и распад общин, а также создание вертикали власти, с которой отдельным людям пришлось бы сталкиваться напрямую. Представительная функция мезоструктур была иллюзией, или, в лучшем случае, крайне слабой. Таким образом, в белорусском контексте, советский строй, наложившийся на сельские этнические структуры, способствовал выживанию типичной локальной крестьянской культуры. Существующая в такой культуре дихотомия социального восприятия продолжала существовать в массовом сознании белорусов: публичная сфера (где место помещиков заняли власти и государство) с одной стороны и «знакомый» мир непосредственной близости и общения (семья, друзья, своя деревня и, позже, колхоз) с другой. В этом контексте становится ясно, что любые попытки построить консолидированное белорусское национальное со-

общество потребуют фундаментальной деконструкции современной белорусской идентичности, которая сложилась за последние девяносто лет. Это может объяснить, почему трансформация такого рода не удалась в начале 1990-х гг. От белорусов потребовалось массово перейти от одной системы ценностей к другой: от советской версии классовой системы (образующей белорусскую идентичность) к национальной (к которой относились враждебно на протяжении десятилетий), не принимая во внимание, что тогда не существовало социального механизма, необходимого для подобного изменения[2].

Вышеуказанные факторы, особенно советские реалии, не способствовали формированию ценностей и мироощущения, таким изменениям в белорусском обществе, которые бы выходили за рамки повседневного опыта. Сфера политических и идеологических дискуссий рассматривалась только как слова, своего рода театрализованное шоу, которое редко было связано с индивидуальным кодом поведения. Именно по этим причинам национальные интересы по-прежнему рассматриваются скорее как термин, используемый в политических выступлениях и курсах «Основы идеологии белорусского государства», нежели как понятие, которое несет в себе определенный смысл и требует определенных действий.

«С Востока свет, с Запада шик»

Каждое государство, общество или нация принадлежат к неким культурным традициям, играющим важную роль в формировании культурной, иногда политической, реже военной и экономической ориентации страны. Точно так же, как поляки, литовцы и чехи твердо ориентированы на Запад, белорусы в основном обращены к России, с которой они связаны культурой, языком, на котором разговаривает большинство населения, семейными связями, общей историй на протяжении последних двух веков, а также советской традицией, которая в основном оценивается положительно.

Проблема, однако, заключается в другом. В то время как связь между Польшей или Чехией и Европейским оюзом в гораздо большей степени

является партнерством, приносящим значительные выгоды в модернизации, Россия имеет тенденцию подчинения более слабых партнеров. В то же время, Россия является экономически отсталой страной, которая обращает взгляд на Запад в поисках импульса модернизации.

Связь с Россией основана не на перспективе долгосрочной взаимной выгоды (краткосрочная финансовая помощь может всего лишь затормозить развитие белорусской экономики), она скорее коренится в эмоциональной и сентиментальной сфере. В случае Лукашенко, эта связь усилена принятием Москвой его недемократической власти. Белорусская самоидентификация, основанная на определенном наборе ценностей, определяет возможности социальных изменений и влияет на будущее страны, особенно в долгосрочной перспективе. Излишне говорить, что для изменений в культурном коде требуется длительное время.

Структура белорусской идентичности является более противоречивой, нежели у поляков. Упрощая белорусскую действительность ради этой дискуссии, можно рассматривать ее в контексте дихотомии, различая два основных вида белорусской коллективной идентичности, что и является центральным пунктом нашего анализа. Первый из них, изначально западнорусский (западнорусизм), а затем советский, а впоследствии, после 1991 г., постсоветский западнорусский, формировался на протяжении двухсот лет под влиянием русской культуры. Второй – националистический и прозападный, сформировался под влиянием контактов с западными соседями. Хотя в настоящее время позиции прозападного типа идентичности слабее, чем западнорусского, он имеет более долгую историю. Эти два типа белорусской коллективной идентичности радикально отличаются, и советский западнорусский заметно доминирует.

По сравнению с националистической (западной) идентичностью, та, которую называют постсоветской западнорусской, гораздо менее четкая, неопределенная, размытая, и иногда неоднозначная – по крайней мере, она так выглядит с точки зрения западного соседа Беларуси. В той или иной степени, подавляющее большинство населения Беларуси относит себя к «триединому русскому народу», к православному восточнославянскому сообществу, к автономному «Русскому миру», общему для белорусов, русских и украинцев.

Эта точка зрения уходит корнями в веру в существование и регенерацию наднационального сообщества, включающего «три племени (ветви) единого русского народа». Исторически российская историография продвигала существование единого восточнославянского сообщества, используя такие термины, как «древнерусский народ» или «единый русский народ». В XIX веке общепринятым подходом было включать «белорусов» в категорию «русские». Эта точка зрения сохранялась на протяжении всей советской эпохи, и, хотя она и пострадала в результате событий, последовавших после 1991 г., но все еще существует.

Отвечая на вопрос «В чем разница между белорусами и русскими?», задававшийся несколько раз в течение последнего десятилетия в опросах НИСЭПИ, как правило, более 40 % респондентов отвечали, что не видят разницы (это был наиболее часто выбранный ответ). Так, согласно опросу, проведенному в августе 2006 г., почти две трети респондентов выразили мнение, что белорусы, русские и украинцы образуют три ветви одного народа[3]. В марте 2005 г. почти 57 % респондентов согласились с Владимиром Путиным в том, что белорусы и русские – это один народ, и еще 7 % не считали такую позицию поводом для беспокойства[4].

Хотя белорусы – не русские, идеи и понятия, функционирующие в русской культуре, были в большей или меньшей степени приняты белорусами. Так как православные общества сохраняли богатый дохристианский фольклор в течение длительного времени, локальные сельские общины сравнительно поздно открылись внешнему миру и не чувствовали необходимости формирования идеологических связей, включая национальные. С другой стороны, Беларусь находилась под властью самодержавной монархии, а затем тоталитарного государства, которое затем сменилось авторитарной системой.

В обществе, которое не имело представления о своем подчиненном положении, где разрыв между элитами и народом было гораздо больше, чем в Западной Европе, значительная доля ответственности при широкой социальной поддержке была передана в руки правящих элит. В белорусских реалиях результатом этого стало подчинение московским элитам и их антинациональным советским помощникам в Минске. В XIX веке, став частью русского православного сообщества и русского государства (в независимости от последующих изменений названия

страны), белорусы как славянский народ превратились в региональную часть большого пан-русского сообщества.

Эти механизмы заключили значительную часть населения, особенно в сельской местности, в рамки локальной перспективы. В результате белорусская идентичность стала предметом записи в паспорте, осведомленности о самоназвании и о существовании границ территории Республики Беларусь (которые после 1991 г. остались теми же, что и у БССР), а также местными особенностями пан-русского фольклора. Такая идентичность была очень далека от хорошо развитой, идеологически окрашенной национальной идентичности западного типа.

В 1991 г., по данным опроса ВЦИОМ, только 24 % этнических белорусов идентифицировали себя как граждане БССР, а 69 % (!) определили себя в первую очередь как граждане СССР, и это было рекордным результатом среди всех национальностей, имевших собственные республики в составе СССР (например, в Эстонии результаты составили 97 % vs. 3 % соответственно)[5]. В ходе референдума о будущем СССР 17 марта 1991 г. поддержка белорусами членства в Советском Союзе была выше, чем у других – 83 %[6]. В декабре 1991 г., сразу после распада СССР, 69 % респондентов высказались в пользу независимости Беларуси и поддержали ее вступление в СНГ, против членства было 10 %, но уже в феврале 1992 г. 52,6 % выразили свое негативное отношение к разрыву Беларуси с Советским Союзом, а согласились с таким ходом развития событий 30.7 %[7]. Все эти данные указывают на значительные колебания отношения белорусов к вновь обретенной независимости.

За два десятилетия – с апреля 1992 г. до марта 2012 г. – число белорусов, поддерживающих идею восстановления СССР, уменьшилась с 45.5 % до 24.6 %. Интересно, что среди оппонентов нынешней власти доля тех, кто поддержал эту идею, была более чем в два раза выше, чем среди сторонников (29.8 % vs. 12.2 %)[8]. Наиболее вероятным объяснением этого факта является антисоюзная позиция, которую в данный момент занимает Лукашенко. Кроме того, оппоненты президента состоят из различных групп: с одной стороны, белорусские националисты (против Советского Союза), с другой – пророссийкая часть населения, которая при этом выступает против Лукашенко, страдает от белорусского экономического кризиса и смотрит на Восток в надежде на лучшее буду-

щее, а также испытывает сантименты в отношении бывшего союзного государства.

Сильные исторические, культурные и, главное, языковые связи между белорусами и русскими красноречиво отражаются в социологических опросах. Так, отвечая на вопрос по поводу высказывания Владимира Путина о необходимости реальной интеграции Беларуси и России (опрос проводился в сентябре 2011 г.), белорусы выразили свое мнение следующим образом: сторонники объединения, готовые за него бороться, составили 6,7 %, те, кто готов принять его, но не готов бороться – 34,0 %, противники этой идеи, готовые к борьбе – 11,6 %, те, кто ее отвергает, но не готов с ней бороться – 38,2 %[9]. Потенциальные сторонники объединения – это, в основном, пожилые люди, а те, кто готов с ним бороться – главным образом молодое поколение[10].

Однако, если бы Союз действительно был создан, только 2,4 % респондентов (в декабре 2011 г.) взяли бы в руки оружие, чтобы защитить белорусскую независимость; сегодня наиболее часто встречающееся отношение к этому – примирение с данным фактом[11]. Если, по словам Лукашенко, «танки пошли бы оттуда», т.е. с Запада, доля белорусов, готовых «умереть за Россию» выше (25,9 %), чем тех, кто готов бороться за или против интеграции (18,3 %), но большинство респондентов (51.4 %) высказались против такой идеи[12].

Такие результаты могут быть связаны с традицией Великой Отечественной (Второй мировой) войны. Кроме того, в то время, как борьба против «чужеродного» Запада идет в соответствии с русской и советской традициями, вооруженная борьба против России, т.е. ближайших родственников – не является частью современного белорусского опыта (хотя такие случаи и бывали в истории).

Регулярные исследования белорусских предпочтений в отношении гипотетического выбора между интеграцией с Россией и вступлением в Европейский союз выявили, что до 2010 г. Россия была однозначно более предпочтительным вариантом. Тем не менее, в последние два года ЕС стал иногда лидировать. Но уже в марте 2012 г. результат снова оказался в пользу России (47,0 %), а не ЕС (37,3 %)[13]. Результаты других опросов, где был задан воспрос только об интеграции с Россией, показывают, что до 2007 г. белорусы поддерживали эту идею, но с тех пор

большинство опросов показывает, что они отвернулись от нее[14]. Что касается вопроса о вступлении в ЕС, с середины 2000-х гг. результаты колебались между «за» и «против», а до этого респонденты часто выбирали вариант вступления в ЕС[15]. Довольно трудно установить, в какой степени респонденты всерьез задумывались об основных различиях между интеграцией с Россией и вступлением в ЕС в таких сферах, как степень самостоятельности, степень свободы, экономического процветания, культурной и национальной идентичности.

Что касается инициативы Евразийского Союза (Россия, Казахстан, Беларусь), то опрос, проведенный в декабре 2011 г., показал, что большинство белорусов относятся к этой идее или безразлично (38,2 %), или положительно (33,2 %), а тех, кто против, только 13,6 %[16]. Конечно, следует иметь в виду, что в эмпирических социологических исследованиях мнение респондентов, которое они высказывают в опросе, и мнение, исходя из которого они принимают решение в реальной жизни, – не одно и то же. На самом деле то, что анализируют социологи, – это сознание людей, а не фактические действия, которые они предпринимают. Глядя на все данные, упомянутые выше, и учитывая множество публикаций на тему белорусского общества и культуры, некоторые выводы могут быть очевидными для белорусов, но не для западных европейцев. В целом, хотя белорусский менталитет по-прежнему характеризуется сильным и стойким влиянием советской системы, привязанность к бывшему Советскому Союзу очевидно уменьшается, за исключением людей старшего поколения. С другой стороны, тесные отношения между Беларусью и Россией, а также между их народами и культурами по-прежнему существуют. В какой-то мере белорусы разделяют русское отношение к различным аспектам социальной активности и воззрения Москвы по отношению к остальному миру. На вопрос, считают ли они Россию иностранным государством (март 2010 г.), белорусы ответили следующим образом: «нет» 79,4 %, «да» 17,4 %, затруднились ответить только 3.2 %[17].

Большинство белорусов по-прежнему остаются постоянными зрителями российских телеканалов, и эти источники информации влияют на формирование их картины мира. Поэтому их взгляд на Запад в значительной степени совпадает с точкой зрения Москвы. На самом деле, они никогда не вступают в прямой, масштабный и активный контакт

с реальностью демократического гражданского общества. Их осведомленность о рыночной экономике обрывчатая, информация о Западе ограничена, визиты на Запад довольно редки. В то же время, часть белорусской элиты придерживается проевропейской позиции и подчеркивает факт, что Беларусь является частью европейской культуры, даже если она не относится к Европе в политическом или институциональном смысле[18].

Как показали опросы общественного мнения по вопросам интеграции, проевропейские настроения среди значительной части населения, безусловно, связаны с образом Европы как места желанного экономического процветания. Но у элиты нет сильной мотивации. В то же время белорусское общественное мнение меняется, особенно среди молодого поколения. Оно воспринимает свое государство как должное, и принимает некоторые идеалы гражданского общества. Но это мнение резко контрастирует с советскими реалиями. Тем не менее, я думаю, что до сих пор не хватает критической массы, которая бы обеспечила будущее Беларуси как государства и как нации. Несмотря на то, что до сих пор рост пророссийских настроений сдерживался Лукашенко, вполне возможно, что длительный период тяжелого экономического кризиса в сочетании с адекватной русской просоюзной политикой может привести к массовому росту поддержку интеграции с Россией.

Многие белорусы либо являются восприимчивыми к официальной пропаганде, либо не готовы открыто заявлять о своих реальных взглядах и намерениях. Учитывая колебания официальной политики, они также устали от обсуждения интеграции на протяжении восемнадцати лет. Принимая это во внимание, на самом деле трудно предсказать, насколько мнения, высказанные в ходе опросов общественного мнения, будут отражены в фактическом отношении к интеграции, если таковая произойдет.

Процесс культурной и языковой русификации страны продолжился на протяжении последнего десятилетия[19]. Русскоязычные СМИ имеют огромное социальное влияние. Хотя Беларусь не Россия, но она культурно гораздо ближе к своему восточному соседу, чем к Западной Европе. Это особенно заметно, если учесть тот факт, что русский язык является главным для значительной части белорусского народа. По-

добная близость наблюдается и в политической культуре. Что касается культурных различий, то белорусы свободны от любых имперских или националистических предубеждений, а белорусская «высокая культура» не так развита, как русская. Большинство белорусов не имеют отчетливого чувства национальной идентичности и, в отличие от России, их этническая принадлежность отличается сильным фокусом на локальность. Учитывая ограниченные (фактически утраченные) традиции государственности, белорусская правящая элита остается в значительной степени некомпетентной и сохраняет мнение о политическом подчинении России. В марте 2009 г. на вопрос: «Чувствуете ли вы себя европейцем и принадлежащим к европейской культуре и социальной традиции?» доля ответов была следующей: «да» 37,1 %, «нет» 52,8 %[20].

В других опросах, проведенных в 2010—2011 гг., белорусы следующим образом ответили на вопрос, считают ли они себя ближе к русским или европейцам[21]:

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос: «Считаете ли вы себя ближе к русским или европейцам?» %

Вариант ответа	**03'10**	**12'10**	**12'11**
Ближе к русским	74.5	69.9	68.0
Ближе к европейцам	19.4	29.6	25.8
НО/ЗО	6.1	0.5	6.2

Таблица 2. Взаимосвязь между культурной идентичностью и геополитическим выбором, % (12'11)

Вариант ответа	**За интеграцию с Россией**	**За вступление в ЕС**
Ближе к русским	90.6	40.4
Ближе к европейцам	5.9	53.4

Как видно из этих данных[22], 90 % тех, кто выступает за интеграцию с Россией, в то же время ощущают себя ближе к русским, чем к европейцам, что неудивительно. Интересно, что их удельный вес среди сторонников интеграции с Европейским союзом также достаточно высок (около 40 %). Другие исследования показывают, что некоторые белорусы готовы к интеграции с Россией и ЕС одновременно[23]. Очевидно,

что те, кто считает себя ближе к европейцам (по крайней мере, если сравнить с теми, кто ближе к России), являются группой, более определенной в своих суждениях.

Среди тех, кто выбирает связь с Россией, больше людей старшего возраста и с более низким уровнем образования; с другой стороны, среди их оппонентов существует несоразмерно большее соотношение молодых и хорошо образованных респондентов. По данным опроса, проведенного в марте 2010 г., группа тех, кто считает себя ближе к Европе, в основном состоит из жителей западных регионов, молодого поколения, хорошо образованных и живущих в крупных городах[24]. Очевидный вывод заключается в том, что группа, которая воспринимает себя ближе к русским, более неоднородна. Если они выражают пророссийские настроения и, в то же время, поддерживают европейский выбор, то вполне вероятно, что большинство из них рассуждают по принципу «ex oriente lux, ex occidente luxus», т.е. «с Востока свет, с Запада шик». Но, конечно, есть и те, кто принимает как культурные связи с Россией, так и западный экономический и политический либерализм. Учитывая тот факт, что тех, кто считает себя ближе к Европе, больше в западных регионах, но, в то же время, большинство там более склонно поддерживать интеграцию с Россией, можно сделать вывод, что остльная часть западного населения гораздо более последовательна в своих пророссийских позициях, чем их сограждане, живущие на востоке. Следовательно, если принятые во внимание факторы – это географическая близость россиян и европейцев, то разделение подходов к интеграции гораздо более отчетливо среди тех, кто живет на западе Беларуси.

Влияние советской власти на протяжении нескольких поколений белорусов можно увидеть в их ответах на вопрос: «Считаете ли вы себя современным европейским или советским человеком?» В двух опросах общественного мнения (март и апрель 2006 г.), большинство респондентов выбрали вариант «советским человеком» (52 % и 46,1 %), а не «европейским» (36,0 % и 41,3 %)[25]. Таким образом, большинство ответивших на этот вопрос определили себя как советского человека. Тем не менее, вполне вероятно, что самоидентификация в советской категории – концепция, уже уходящая в прошлое – будет снижаться, однако это не обязательно затронет положительное отношение к России.

Месяц спустя представители белорусской элиты ответили на следующий вопрос: «По вашему мнению, считает ли себя большинство белорусов современными европейцами или советскими людьми?» Подавляющее большинство ответов указывают на советский (87 %), а не европейский (10 %) вариант[26]. В какой-то степени такая точка зрения белорусской элиты на свое общество происходит из различий между их мнениями: 65 % представителей элиты считают себя европейцами (цифра среди представителей негосударственного сектора достигает 83 %), и только 22 % выбрали вариант советской идентичности[27].

В целом, как свидетельствуют опросы, неудивительно, что белорусская элита имеет более проевропейскую ориентацию и более открыта миру, поддерживает рыночную экономику и право на частную собственность. Особенно это относится к мнению тех, кто работает в негосударственном секторе, но это меньшинство в белорусской экономике.

Пророссийский вариант, как правило, гораздо более популярен, о чем свидетельствуют результаты опроса в апреле 2006 г. (табл. 3)[28]:

Таблица 3. Ответы на вопросы: «По вашему мнению, каков путь развития для Беларуси?» и «По вашему мнению, каков путь развития для России?» %

Вариант ответа	**Для Беларуси**	**Для России**
Общий путь европейской цивилизации	17.3	29.5
Возвращение к советскому пути развития	25.5	19.2
Свой собственный путь	56.8	51.2
НО/ЗО	0.4	0.1

Как видно, европейская перспектива для Беларуси была наименее популярным ответом. Хотя возвращение к советской системе было более популярным вариантом, этот показатель значительно ниже, чем доля респондентов, воспринимающих себя советскими людьми. Это может быть признаком того, что, по крайней мере, некоторые белорусы способны проводить различие между своим личным опытом (наследием советской системы в различных сферах общественной жизни) и видением будущего своей страны, несмотря на расплывчатый временной аспект вопроса.

Выбирая опцию своего собственного пути развития, большинство опрошенных видели Беларуси где-то между Европой и Россией. Скорее

всего, это мнение стало результатом изоляции страны на международной арене (в контексте значительной социальной поддержки, которую Лукашенко имел в то время) и изоляционистского советского менталитета. Такое мнение большинства может быть связано с идеей православной восточнославянской общности, собственной цивилизации (Третьего Рима) – такое объяснение может быть подтверждено тем, что большинство опрошенных также видели свой самостоятельный путь, как и путь для России. Интересно также, что белорусы считают Россию ближе на пути к Европе, а также менее склонны считать, что она вернется к старой советской системе. Это, вероятно, происходит потому, что Россия воспринимается равноправным партнером Запада, государством более процветающим, более открытым миру и более либеральным в экономическом и политическом смыслах, а следовательно, как страна, которая, по крайней мере в некоторой степени, напоминает Запад, или Европу больше, нежели их собственная родина. Некоторые западные тенденции (например, в музыке или кино), нашли свой путь в Беларусь через Россию и русский язык, что делает их более знакомыми и, таким образом, легко приемлемыми.

Белорусский потенциал открытия миру, особенно западному, оценивался другими социологическими исследованиями, проведенными несколько лет назад. Как пишет Ежи Вацкевич, «Даже осознавая свою цивилизационную и экономическую выгоду, большинство белорусов по-прежнему относится к Западу с подозрением. Например, в 2006 г. по меньшей мере 70 % сельского населения, 67 % жителей малых городов, 52 % людей, живущих в средних городах, и 29 % населения Минска считали, что Беларусь находится во враждебном окружении. Их подозрительность и взаимное недоверие является не столько рудиментом советской системы, сколько ее составным элементом, который был запечатлен в социальной памяти»[29].

Следует также отметить, что последние несколько столетий русские создавали свою идентичность в значительной степени в оппозиции к Западу (в то время как Запад никогда не определял себя в оппозиции к России). Такой взгляд на Запад и, в какой-то мере, русское чувство отчужденности, нашли свой путь в белорусскую культуру на протяжении последних двух столетий. Эти процессы были подкреплены изоляцией

Советского Союза от внешнего мира, последствия которой заметны до сих пор. Как показал опрос, проведенный в декабре 2011 г., около 80 % белорусов не посещали страны ЕС за последние пять лет[30]. В то же время, существует положительная связь между поездками на Запад и чувством близости к европейцам, позитивного отношения к европейской интеграции. По мнению экспертов, это можно объяснить более высоким социальным капиталом среди людей проевропейской ориентации (мужчины, хорошо образованные, молодые и среднего возраста, городские жители). Люди, поддерживающие идею евроинтергации, также более либеральны в своем отношении к государству[31].

Также интересен вопрос белорусского отношения к идее родины, которая является концепцией, охватывающей коллективную идентичность на протяжении последних двух столетий. При всех принципиальных отличиях, в советский период она имела некоторое сходство с трехуровневой идентичностью времен Речи Посполитой. Джентльмен из Заосья в регионе Новогрудока (например, Адам Мицкевич) имел свою маленькую родину, связь с которой имела природу привычки. Выше был второй уровень – Великое княжество Литовское, с привычной, но также и идеологической связью, опиравшейся, в частности, на историю и политическую традицию своего государства. На самом высоком уровне была великая родина – Речь Посполитая, воспринимавшаяся в надэтнических терминах как верховная власть и гарант политической свободы.

Похожим образом в Беларуси в период Советского Союза существовало сильное чувство местной идентичности, малой родины, которое не исчезло и в постсоветскую эпоху. Над ним была БССР со столицей в Минске. Третьим был уровень великой родины – Советского Союза, географически обширной империи и великой военной державы, – который в некотором смысле занимал то же самое место в иерархии, что в свое время Речь Посполитая. За несколько поколений идея сообщества, сформированного «триединой русской нацией», наложилась на эту многоуровневую структуру.

Независимая Беларусь имеет точно определенные политические и культурные границы на западе. С другой стороны, ее восточная граница не столь строга в обоих смыслах: ее легко пересечь, а иногда даже и вовсе

трудно заметить, а культурная граница является довольно расплывчатой. Лукашенко относится к белорусскому суверенитету с точки зрения собственного контроля над территорией страны, но он не пропагандирует идею отдельной культурной идентичности белорусов по отношению к российскому государству или народу. Напротив, он подчеркивает культурное сходство с восточным соседом, тем самым повторяя пример Киевской Руси – средневекового конгломерата, разделенного границами между местными князьями, а не какими-либо различиями между культурами[32]. В результате белорусы сегодня видят себя отличными от Запада, но не сильно отличными от России. Тем не менее, полное принятие требует большей симметрии в двусторонних отношениях.

Интересно, что когда белорусы проводят длительное время в Варшаве, их белорусская самоидентификация обычно усиливается в противостоянии с польской, в то же время, если они проводят столько же времени в Москве, их идентичность часто растворяется в панрусской идентичности. Причина такой динамики заключается не только в культурных и языковых сходствах и различиях, но и в социальном контексте. Польша более «пронациональна» и в большей степени способствует усилению самосознания по отношению к западной культуре.

Более того, Беларусь уже давно воспринимает себя как культурную провинцию по отношению к Москве и Петербургу – так было в СССР, в значительной мере так остается и сейчас. Тем не менее, в XIX веке (особенно в первой его половине, до того, как местная система образования была уничтожена русской администрацией), у выдающихся представителей культуры бывшего Великого княжества Литовского, конечно, не было никаких причин чувствовать себя неполноценными по отношению к Варшаве или Кракову. Скорее, они были для них наиболее ценными партнерами. Такие люди, как Мицкевич, Словацкий, Монюшко, Фредро и другие были среди тех, кто создавал высокую культуру бывшей Речи Посполитой и положил начало новым интеллектуальным движениям своего времени.

Происходило ли нечто подобное в русском или советском контексте (с учетом общего языка) в последние два десятилетия независимости Беларуси? За последние двести лет установили ли русскоговорящие белорусы новые интеллектуальные тренды в Москве или в Петербурге? Были ли среди них видные деятели русской культуры? Рассматривая

будущее Беларуси, мы не можем упускать из вида основные факторы, определяющие степень укрепления белорусского общества, а также культурные условия, предопределяющие возникновение определенных политических мнений.

Такие изменения, если они происходят, требуют длительного времени. Как показывают исследования НИСЭПИ, время на стороне проевропейского выбора: поколения, выросшие при советской системе, уходят, уровень образования молодого поколения повышается, урбанизация постоянно возрастает. Однако, как известно социологам, простая экстраполяция текущих тенденций не обязательно станет реальностью в будущем. Молодые люди с возрастом становятся более консервативными, высшее образование может подвергнуться идеологизации, что будет способствовать выработке конформистской позиции[33]. За последние два десятилетия, по сравнению с Польшей, белорусское общество практически не изменилось. Очевидно, что должны существовать объективные барьеры, препятствующие социальной трансформации и, повторю еще раз, в этом плане Лукашенко является скорее результатом, нежели причиной.

Государство, историческое сознание и власть

В 1991 г. белорусы получили свободу, за которую не боролись, а большинство о ней даже и не мечтало. Это отражается и в их отношении к своему независимому государству. Независимые социологические исследования дают интересную информацию о мнениях белорусов по различным аспектам национального суверенитета[34]:

Таблица 4. Отношение к независимости Беларуси и объединении с Россией, % (06'96)*

Вариант ответа	**Да**	**Нет**	**ЗО/НО**
Хотите ли вы, чтобы Беларусь была независимым государством?	64,6	34,4	1,0
Хотите ли вы, чтобы Беларусь и Россия объединились в одно государство?	62,5	32,0	5,5

* *Таблица читается по горизонтали.*

Как видно, две трети белорусов поддерживают одновременно и независимость Беларуси, и объединение Россией. Вероятно, это объясняется своеобразной связью с русскими и Россией. Как показал этот опрос, белорусы надеялись на определенные экономические преимущества такого союза, но, скорее всего, под влиянием чеченской войны, подавляющее большинство отклонило идею объединенных военных сил. Они хотели бы сохранить свое государственное управление: президента (ранее – первого секретаря Коммунистической партии Белоруссии), правительство и парламент.

Таким образом, их видение союза с Россией напоминало, по крайней мере, в некоторой степени механизмы, предусмотренные в СССР, когда Беларусь официально являлась членом ООН и официально признанным субъектом международного права, т.е. имела некоторые прерогативы независимого государства и, в то же время, совместно с русскими была членом Советского Союза. Иными словами, для белорусов их суверенитет – больше вопрос независимости от Запада, чем от России.

Часть опроса 1996 г. была повторена в 2002 г.[35] Оказалось, что общая картина поддержки различных граней интеграции осталась похожей, но не идентичной. Самое главное, что доля тех, кто принимал интеграцию в конкретных сферах, стала значительно ниже: положительные ответы на все восемь конкретных вопросов дало менее половины опрошенных. Как и шесть лет назад, белорусы считали, что проще всего согласиться с отсутствием границы между Беларусью и Россией, а на втором и третье месте была единая валюта и единая правовая система. Такие предпочтения напоминали договоренности в рамках СССР, и, очевидно, люди предполагали, что единая правовая система не будет подрывать независимость страны.

Заметное изменение результатов могло свидетельствовать о тенденции поддержки суверенитета Беларуси, включая резкое снижение поддержки идеи единой внешней границы, низкий уровень поддержки отмены белорусских государственных учреждений (за исключением полномочий президента), происходящих из советских времен (президент, правительство, парламент), отсутствие поддержки идеи единой армии (опять же, возможно, из-за войны в Чечне). В целом, два опроса свидетельствовали о снижении доли тех, кто был бы готов отказаться от инструментов белорусского суверенитета.

В то же время, была четкая тенденция общественной поддержки положительных экономических перспектив, которые бы предоставила более тесная интеграция с Россией, даже в тех областях, где она могли бы ограничить независимость страны. В сравнении с Польшей, можно сказать, что белорусы относятся к своей государственности более инструментально, в то время как поляки видят в ней самостоятельную ценность. В последующем десятилетии явно наблюдалось усиление осознания собственной государственности и позитивного восприятия независимости, особенно среди молодого поколения, у которого не было воспоминаний о Советском Союзе.

Тем не менее, в отличие от западных обществ, белорусы скорее привыкли к своей независимости, чем развили сознательное чувство собственной государственности, которое воспринимается в контексте обычаев, ценностей и лояльности (не говоря уже о сильной эмоциональной привязанности к государственным символам) и складывается на протяжении веков. Отвечая в декабре 2008 г. на вопрос «Лично Вы выиграли или проиграли от обретения Беларусью независимости?», респонденты ответили следующим образом: «Я выиграл» – 39,9 %, «Я проиграл» – 19,4 %, а наибольшая доля опрошенных (40,7 %) не имела личного мнения по этому вопросу[36]. Это не может не вызывать удивления людей в странах, которые боролись за свою свободу на протяжении поколений. Наоборот, белорусы относятся к своему государству, прежде всего, как к общенациональному институту социальной поддержки.

Отношение белорусов к суверенитету связано с ограничениями их исторического сознания. Накануне своей независимости белорусская историческая память включала в себя в основном советский период, при этом особое внимание уделялось Великой Отечественной (Второй мировой) войне. Их убежденность, что БССР была первым по-настоящему белорусским государством, являлось частью советского наследия. Только в последние два десятилетия эта концепция начала постепенно меняться, включая в свою картину традиции Великого княжества Литовского (ВКЛ) и, в меньшей степени, Полоцкого княжества[37].

Следовательно, в 2012 г., когда белорусам были заданы вопросы о наиболее важных событиях XX века, – чем они могли бы больше всего гордиться, их выбор был следующим: «Победа в Великой Отечествен-

ной войне» (79,8 %) и «Обретение независимости в 1991 г.» (35,9 %), причем доли ответов были очень похожи как среди сторонников, так и среди противников нынешней власти. Другие ответы включали (в порядке предпочтения): реконструкция и индустриализации страны после войны, создание Белорусской Народной Республики (1918 г.), избрание Александра Лукашенко президентом (1994 г.), революция большевиков (1917 г.)[38].

Только сейчас формируется более глубоко укорененное белорусское историческое сознание. Его эмоциональное значение все еще достаточно слабое и пока не находит широкого выражения в сфере социального и политического сознания. Белорусское историческое сознание скорее состоит из неких общих идей, а не является набором общепринятых политические обычаев и традиций, сложившихся в процессе развития страны. Другими словами, привязанность к традициям ВКЛ, наблюдаемая среди небольшого числа людей, относящихся к националистическим элитам, не находит отражения в белорусской политической культуре на уровне культивирования исторически сложившихся ценностей, моделей или отношений (например, отношение к правам и гражданским свободам), которые происходили бы из правовой и политической системы этого средневекового европейского государства.

Схожим образом, традиции Магдебургского права, которые иногда приводятся в качестве примера связи между Беларусью и Европой, вовсе не находят отражения в более активном отношении городского населения к местному самоуправлению. Повседневная практика жизни общества в гораздо большей степени обременена наследием БССР, чем наследием ВКЛ. Таким образом, белорусы культивируют скорее русскоязычную советскую традицию, чем национальную белорусскую.

В 1996 г. белорусам был задан вопрос, какая историческая фигура ближе всего к их образу идеального политика. Ответы на него распределились следующим образом (приводятся ответы, набравшие 10 % и более): П. Машеров (45,2 %), Петр I (34,2 %), Л. Брежнев (20,0 %) М. Тэтчер (19,5 %), В. Ленин (18,7 %), Ю. Андропов (12,9 %), П. Столыпин (11,1 %), И. Сталин (10,8 %)[39]. В 2008 г., когда современные лидеры были включены в список ответов, результаты оказались следующими: В. Путин (31,2 %), А. Лукашенко (25.2 %), П. Машеров (23,5 %), Петр I

(18,5 %), К. Калиновский (13,6 %), Екатерина II (12,5 %), М. Тэтчер (10,1 %)[40]. Таким образом, Екатерина II заняла место между Константином Калиновским и Маргарет Тэтчер. В июне 2010 г. ответы распределились так: А. Лукашенко (39,8 %), В. Путин (36,9 %), Д. Медведев (25,9 %), А. Меркель (12,8 %), Б. Обама (12,0 %)[41]. В 2008 гожу ответ «князь Витовт» был на восьмом месте, а в 2010 г. ответ «Фидель Кастро» оказался на шестом.

Эти рейтинги являются признаком того, что белорусское историческое сознание и современные политические взгляды тесно связаны с русской и советской культурными сферами и традициями авторитарного правления, и потому включают такие сильные личности, как Тэтчер, Калиновский, а в последнее время – Обама и Меркель. Три наиболее популярных ответа неизменно включают в себя русских и белорусских лидеров. Изменения происходят в нижних позициях рейтинга популярности, причем эта тенденция усиливается, что может быть признаком постепенного расширения белорусских исторических и политических взглядов за пределы территории бывшего СССР. В то же время, результаты опросов ясно показывают, что взгляды белорусов не являются целостными. На рубеже 1980—1990-х гг. начало появляться национальное видение истории Беларуси наряду с существующей советской версией. Эти две точки зрения принципиально несовместимы, что приводит к своеобразному смешению в белорусском историческом сознании. Их сосуществование заметно и в литературе, и в популярной культуре, а также в публичном пространстве белорусских городов, где статуи Ленина стоят перед православными церквями, а бюст Дзержинского установлен на пересечении проспекта Независимости и улицы Ленина. В то время как Костюшко и Калиновский находятся на пути в пантеон белорусских национальных героев, а Минск гордится статуей Мицкевича, бронзовые фигуры безжалостных революционеров все еще не снесены с пьедесталов. Я посетил улицу Берута, имя которого печально известно каждому поляку. Кроме того, существует широко распространенное убеждение, что Россия освободила Беларусь от татар, хотя эта страна никогда не была оккупирована татарами. Экскурсоводы в белорусских музеях часто дают посетителям информацию, противоречащую основным историческим фактам. Погруженный в этот исто-

рический хаос и некомпетентность, президент Лукашенко, сам по образованию учитель истории, публично использовал термин «товарищ» по отношению к политическому деятелю XVI века Льву Сапеге – канцлеру и маршалку ВКЛ.

Похожее смешение на уровне исторического сознания является также частью украинского опыта. Там, однако, это скорее дело двух региональных идентичностей с их пантеонами героев. Столкновение двух противоположных взглядов на свою историю вызывает гораздо более сильный конфликт. Беларусь на протяжении последних двух десятилетий можно сравнить с пантеоном, который различные политические силы пытаются наполнить своими героями. Эти люди придерживаются принципиально различных подходов к белорусской самобытности и представляют противоположные политические и идеологические ориентации. Содержимое этого пантеона – т.е. кого в него внесли и кого выбросили – зависит от текущей политической ситуации в стране. Не существует общего для всей нации видения, которое могло бы стать связующим звеном между историческими личностями, а, следовательно, нет и единой системы ценностей. В белорусских учебниках история не учит и не вдохновляет, не открывает новые направления, не представляет логичное объяснение прошлого и настоящего. Вместо того чтобы предоставлять стимулы для деятельности, она подавляет личные и социальные усилия. В итоге она сводится к стратегической манипуляции в пользу власть придержащих. Предлагая обществу непонятный мир противоречивых мифов, такая версия истории оставляет его бессильным и беспомощным.

Такая ситуация является результатом социального развития в XX веке. После социалистической революции белорусская элита – хранитель исторического сознания – бежала из страны или была уничтожена. Обычные люди всегда воспринимали историю главным образом с точки зрения собственного опыта, не чувствуя необходимости идеологизировать ее. Кроме того, у национальной белорусской идентичности не было шансов на распространение в БССР. Таким образом, в целом белорусское историческое сознание имеет знакомый по прошлому локальный, фрагментарный характер. Пантеон национальных героев является понятием растяжимым, как с точки зрения его состава, так и уровня

эмоциональной привязанности. Мир политической власти, идеологии и истории пришел в Беларусь извне в результате советской революции, привнося антинационалистическую классовую идеологию. Учитывая в подавляющем большинстве крестьянское происхождение белорусов, он воспринимался, и до сих пор воспринимается, как чужеродный. В отличие от Польши и России, где высокая культура была прерогативой землевладельческих элит и сохранялась через преемственность поколений, белорусское общество не разработало привлекательной высокой культуры. Более того, её заметные региональные отличия и общая картина самоопределения в условиях небольших, чаще первичных, местных групп (семья, друзья), привели к отсутствию механизма, который мог бы создать современное идеологически связанное сообщество, поскольку не было идеологии, достаточно сильной, чтобы его интегрировать.

Классовая идеология была эффективна только в течение короткого периода (до того, как её основной лозунг «грабь награбленное» был реализован в полном объеме), а национальной идеологии не позволяли развиваться при советской власти. Таким образом, белорусское историческое сознание не создает стимула для социальной модернизации. Напротив, оно способствует продвижению советского типа мышления, отчуждению и нежеланию меняться, тормозит, а не способствует развитию независимых, модернизационных, демократических и проевропейских настроений. Очевидно, что хорошо развитое историческое сознание необходимо для возникновения сильного чувства общности. Без этого общество является всего лишь свободным скоплением людей и может легко стать жертвой разнообразных манипуляций.

Те же механизмы сформировали отношение белорусов к государственной власти. В Европе крестьяне стали воспринимать власть как свою собственную в результате национально-демократических (иногда революционных, как во Франции) изменений, или, на начальном этапе, только националистических (как в Польше). В результате этих процессов они обрели право собственности на землю. В Беларуси же после победы большевиков земля была конфискована, а национальная идеология объявлена подрывной по отношению к советской власти.

Таким образом, положение белорусского крестьянства в отношении к властям напоминало то, в котором оно пребывало в течение многих

столетий, тем более, что так же, как и при феодализме, в течение десятилетий они не могли покинуть свои деревни без разрешения местных властей. Их прежняя крепостная зависимость превратилась в зависимость от колхоза или совхоза. Все это повлияло на отношение к власти как таковой – как в селах, так и, с повышением социальной мобильности, в городах, где система в целом была такой же, отличаясь лишь повышенным уровнем жизни. Крестьянский подход к власти, сложившийся при феодально-крепостническом строе, вступил в контакт с русскими и советскими традициями деспотического правления. В результате власть для многих оставалась чуждой и даже враждебной концепцией.

Такая ситуация может измениться только в результате долгосрочных внешних или внутренних процессов. Что касается внешних изменений, то белорусы, в отличие от жителей стран Балтии, поляков или чехов, пока не сделали ничего, чтобы стать членом Европейского союза. Что касается внутренних процессов, то эволюция белорусской социальной структуры будет иметь решающее влияние. Сегодня кажется маловероятным, что большая часть белорусских крестьян либо рабочих, которые живут в неидеологизированном мире ежедневных забот, вдруг начнут стремиться к демократической форме правления и бороться за нее. То же самое можно сказать о «белых воротничках» и работниках государственного управления – ведь они также в значительной степени зависят от государства. Что же касается белорусской национально-ориентированной интеллигенции, то красноречивее всего об этом высказался Валентин Акудович – интеллектуал, философ, поэт и эссеист среднего поколения: «Здесь, в Беларуси, так получилось, что мы, интеллигенция, живем только для себя. Вот почему мы стали маленькими островами, а все белорусское море вокруг нас состоит из совсем другой материи. Хуже того, эти маленькие острова, на которых живет интеллигенция, отдаляются друг от друга »[42].

Если бы я рассматривал долгосрочные перспективы возможных изменений, я бы не стал связывать их с внезапным бунтом, вызванным тяжелым экономическим кризисом, так как конечный результат такого развития событий действительно трудно предсказать. Скорее, я бы увидел определенный потенциал в развитии белорусского среднего

класса. В настоящее время он по-прежнему слаб, и в некоторой степени подчинен внешним силам в результате захвата белорусской экономики Россией. Кроме того, по крайней мере, его верхние эшелоны на самом деле являются концессионерами, подчиненными власти и получающими прибыль от такой ситуации. Однако именно часть среднего класса уже проявляет интерес к усилению независимости от власти, к сотрудничеству с технологически более продвинутым Западом, и даже к процессам демократизации, которые гарантировали бы их свободное развитие.

Для массового белоруса демократия – это не та система, о которой он мечтает. В начале 1990-х гг. большинство белорусов было критически настроено по отношению к политическим дебатам в парламенте (называя депутатов «бездельниками») и приняло положение, при котором парламент был практически лишен законотворческой прерогативы. В то время демократия стала ассоциироваться с хаосом (как и в России), а рыночная экономика стала означать бедность, безработицу и плохое социальное обеспечение. Позже улучшилось отношение к рыночной экономике, но не к демократии. В периоды экономического кризиса рейтинги власти резко снижались, но, как только экономическая ситуация улучшалась, они вновь возрастали. Очевидно, что беспокойство о социальных гарантиях для большинства оказывалось важнее политических интересов. Авторитарная власть принимается, если она ведет к стабильности, а еще лучше – к экономическому росту. Даже относительно медленное, но неуклонное повышение уровня жизни населения, социальная стабильность, регулярные зарплаты и пенсии, обеспечение социальной поддержки гарантирует поддержку любой политической власти. Кажется, существует неписаный договор между властью и обществом: политическая поддержка в обмен на определенный уровень жизни. Серьезный экономический кризис будет угрожать данному договору, но в настоящее время белорусские протесты в основном остаются на уровне разговоров.

Это вполне понятно, если принять во внимание историю Беларуси в прошлом столетии. Демократические традиции были уничтожены советской властью, да и российская имперская традиция не вписывалась в каноны европейской демократии. В результате на протяжении многих

поколений белорусы не сталкивались с реальностью демократии, демократическая идеология преследовалась и не имела механизмов распространения своих ценностей.

Кажется, глубоко внутри белорусы по-прежнему травмированы сталинскими временами, когда их стратегия выживания была основана на безоговорочном подчинении диктатуре. Опираясь на опыт испытаний и тягостей XX века, они научились использовать любую возможность, чтобы планировать и действовать только в краткосрочном периоде, не доверяя другим и воспринимая мир с точки зрения своего личного опыта. Кроме того, они склонны рассматривать идеологию как нечто чуждое их миру, отвлеченное и далекое от их повседневного опыта, от радостей и тягостей физического выживания – традиционной психологии более низких социальных классов. Такая психология воспринимает идеологию как инструмент манипуляции в руках других людей.

Так как белорусская культура была лишена национально-демократической элиты, то и нет потенциала для широкого социального движения, мотивированного «высокими» ценностями или идеологией, выходящей за рамки повседневного существования. Подобные обстоятельства не способствуют активному сопротивлению, такая точка зрения остается прерогативой лишь малых групп. Крестьянская культура возникла, особенно в этой части Европы, в реальности крепостного права и рабства, продолжавшихся на протяжении веков. Поэтому, в отличие от европейской культуры дворянства и среднего класса, она не была важным источником демократических идей.

С точки зрения истории, включающей более чем последние двадцать лет, белорусы не проявляют склонности к экономически и, тем более, политически мотивированным социальным протестам. Независимые социологические исследования подтверждают этот вывод. Например, в декабре 2005 г. на вопрос, поддержали ли бы они «цветную революцию», аналогичную грузинской, украинской и киргизской, «да» ответили 9,7 % респондентов, а «нет» – 82,4 %[43]. Это означало, что белорусы пока не готовы увлечься импортированным духом свободы. Как подчеркивали социологи, все больше молодых людей готовы скорее эмигрировать, нежели взять в руки оружие[44]. Такие выводы могут указывать на преобладание пассивного отношения по отношению к политике и принятие стратегии выхода (побега) или уклонения.

Давно сформировалась тенденция ответов на следующий вопрос: «Если в вашем городе или районе будут проходить протесты против ухудшения экономической ситуации, Вы будете готовы принять в них участие?». В декабре 2007 г. «да» ответили 17,4 %, в декабре 2008 г. – 18,6 %, в декабре 2011 г. – 14,7 %[45]. Даже в 2011 г. – во время сильнейшего экономического кризиса – белорусы прпредпочитали иные, чем акции протеста, способы решения проблем и стратегии адаптации к жестким экономическим условиям. До определенного момента ухудшение ситуации может привести к росту чувства беспомощности и даже апатии. Тем не менее, я думаю, что белорусы, по сравнению с их западными соседями, обладают высокой способностью к адаптации к существующим условиям, даже если эти условия очень сложные. Как правило, они принимают все как есть и пытаются действовать по разработанной индивидуальной стратегии преодоления сложностей (например, поиск второй работы).

Таблица 5. Динамика ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя в оппозиции к существующей власти?» %

Вариант ответа	**04'06**	**05'07**	**06'08**	**12'10**	**06'11**	**09'11**	**12'11**
Да	18.5	16.5	18.6	18.9	25.8	28.3	22.6
Нет	73.3	72.5	68.0	72.4	60.3	56.0	63.8
НО/ЗО	8.2	11.0	13.4	8.7	13.9	15.7	13.6

Как видно из этих данных, существует положительная корреляция между восприятием себя в оппозиции к нынешней власти и ухудшением экономической ситуации. С другой стороны, улучшение экономической ситуации ослабляет такое восприятие. Сравнение результатов и выводов, о которых говорилось выше, наводит на мысль, что люди, считающие себя в оппозиции к власти, вовсе не обязательно готовы принять участие в акциях протеста. Похоже, белорусы имеют высокий предел терпения, и им непросто принять участие в акциях протеста. В других странах, когда социальное терпение напряжено до предела, нарушение баланса вызывает внезапные вспышки протеста, появившиеся в результате глубокого и длительного блокирования социальных каналов снятия напряжения. Случится ли это в ближайшее время в Бе-

ларуси? До сих пор нет никаких убедительных данных, позволяющих это предположить.

Как видно из опыта двадцати лет независимости, изменение социального менталитета и политической культуры в Беларуси не является делом нескольких лет – это долгосрочный процесс. Для большинства белорусов их лидер должен быть хорошим, справедливым, прямым и честным. В то же время, он не должен быть радикальным и не должен проливать кровь, потому что ничего того не стоит. В то время как россияне в течение последнего столетия прошли процесс десакрализации власти, перед белорусами по-прежнему стоит задача освободить себя от патриархального видения власти, воспринимаемого в контексте крестьянского менталитета. Взгляд на мир глазами Михала, персонажа из «Новой Земли» Якуба Коласа, безусловно, вызывает эмоции почитателей белорусской литературы, но на самом деле не применим и сто лет спустя.

С другой стороны, а каков же взгляд на власть с вершины социальной лестницы? В соответствии с московской традицией, Лукашенко имеет почти неограниченный контроль над политической и экономической жизнью, свободой личности и СМИ. Хотя власти официально проповедуют, распространяют и реализуют определенные ценности, на самом деле это им не помогает. Власть является высшей ценностью сама по себе, и все другие сферы интересов (национальных, экономических, культурных) являются вторичными. Государство рассматривается как инструмент, прежде всего, контроля над обществом, а не обеспечения его интересов. С точки зрения руководства, если личный центр власти был бы перенесен на другой, более привлекательный субъект, то согласиться с этим не было бы проблемой.

Как уже отмечалось, постсоветский западнорусский тип коллективной идентичности белорусов занимает доминирующее положение, поэтому люди сталкиваются с ценностями этого подхода в процессе социализации, в школах, университетах, в повседневной жизни. Суть этого подхода в том, что белорусы и россияне являются членами широкого панрусского православного сообщества, которое состоит из исторически и культурно различных регионов. По большей части, однако, оно не превращает белорусов в русских, оставляя много неопределенных

областей и оставляя место для множества возможных связей. Слово «советский» в названии этого типа идентичности указывает не столько на сантименты по отношению к бывшему Советскому Союзу, сколько на пережитки советских взглядов и менталитета – то, что часто описывается как «хомо советикус» («человек советский» по определению Ю. Левады).

Приставка пост- указывает на эволюцию советской западнорусской идентичности в течение двух десятилетий независимости Беларуси. Эта эволюция включает в себя принятие падения советского строя и возникновения независимого белорусского государства (в том виде, в котором оно было воспринято), достижения в области рыночной экономики, осмысление белорусского сообщества вне зависимости от России (несмотря на то, что этот процесс не стабилен и идет в разрез с заявлениями президента), а также некоторую степень открытости внешнему миру.

Белорусские социологические исследования показывают все эти мнения и установки белорусов, но они также показывают и другие мнения и установки. Поэтому при описании данного типа идентичности невозможно выделить лишь те мнения и установки, которые подтверждали бы только одну сторону. Сегодня трудно найти взрослого белоруса, который не подвергался бы в процессе социализации влиянию реалий, описанных выше: но одни пытаются освободиться от такого влияния, другие, наоборот, стремятся его укрепить.

Второй вариант, который я назвал бы неозападнорусизмом, можно рассматривать как крайнюю версию постсоветской западнорусской коллективной идентичности либо как самостоятельный тип идентичности. Он очень четко связан с исторической концепцией западнорусизма, согласно которой белорусы – на самом деле русские, которые на протяжении столетий были подвержены сильному влиянию польской культуры и католицизма. Ниже описаны два наглядных примера этой точки зрения. В начале 2009 г. белорусские националисты были возмущены заявлением, сделанным Андреем Геращенко. Это произошло не потому, что его взгляды были в новинку для Беларуси, а потому, что они были высказаны главой городского отдела по делам молодежи в Витебске. В интервью российскому порталу Института СНГ он отметил, что

Беларусь является «ещё одним русским государством», а не отдельной нацией. Следовательно, отношения между Россией и Беларусью должны рассматриваться в том же контексте, как между бывшими ГДР и ФРГ, Северной и Южной Кореей, Сербией и Черногорией или Германией и Австрией. Как заявил Геращенко, «Те, кто смотрит в сторону Европы, – это поляки униатского или католического происхождения, они поддерживают «независимость», потому что выигрывают от нее. При каждом удобном случае они подчеркивают, что они не русские, но европейцы, в отличие от «азиатской России». По его мнению, пробелорусская культурная политика является «не более чем попыткой разделить единый русский народ, чтобы дать белорусам идею о том, что они – не русские, и их перспективы на будущее связаны с Европой и, если быть более точным, с католической Польшей, а не с Россией»[46].

Подобные идеи выдвигаются и Львом Криштаповичем, известным белорусским идеологом и ученым, заместителем руководителя Информационно-аналитического центра при Администрации президента, в работе «Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное единство»[47]. Его взгляды можно подытожить следующим образом: Запад является источником всего плохого в истории Беларуси (римский католицизм, иезуиты, ополячивание, Магдебургское право, эксплуатация белорусского народа польскими и литовскими феодалами), а Россия – всего хорошего (православие, высокая культура, русские войска, защитившие белорусские художественные ценности, забрав их в Москву, и желанное воссоединение с Россией после падения Речи Посполитой). Обсуждая события XVI века, автор приходит к выводу, что «Не существовало никаких существенных различий между одними русскими (московитами), и другими русскими (белорусами)»[48]. Вопрос в том, как такая перспектива может повлиять на будущее Беларуси? Если бы она быстро расширялась и укреплялась, (маловероятный сценарий на данный момент), то это укрепило бы пророссийский политический выбор (возможно, даже привело бы к включению страны в состав России), а также ослабило бы проевропейский выбор, вне зависимости от того, кто будет у власти.

Националистический (западный) тип белорусской коллективной идентичности является полной противоположностью подходу, пред-

ставленному выше. Это, безусловно, идентичность меньшинства, которое в основном сводится к элите, хотя на практике люди могут плавно менять эти ориентации. В то же время, большинство белорусов не задумываются о том, к какому из описанных типов национальной идентичности они бы себя причислили. Потенциально, к националистическому типу может принадлежать 20—25% населения.

Вполне возможно, что при благоприятных обстоятельствах эта часть населения могла бы стать нацией в европейском (западном) смысле слова без серьезных социальных волнений. Однако следует отметить, что такой процесс может привести к резкой идеологизации одной части общества и вызвать глубокий раскол в белорусском социуме и даже спровоцировать укрепление противоположного, пророссийского типа идентичности.

В то время как постсоветская западнорусская коллективная идентичность является интеграционной концепцией восприятия белорусов как части более широкого сообщества, её националистическая (западная) соперница является сепаратистским подходом, считающим белорусов отличными от всех соседей. С точки зрения лингвистики, элиты первого типа идентичности говорят по-русски, а элиты второго варианта культивируют белорусский язык. Националистический вариант был сформирован под влиянием контактов с Западной Европой и присутствием польской культуры в Беларуси. Он восходит к началу XX века, когда группа активистов, связанных с газетой «Наша Ніва», усваивала и способствовала продвижению западного образа мышления. Хотя современные сторонники и активисты этого подхода часто православные, его западные корни по-прежнему затрудняют распространение в белорусском – в основном православном – обществе. Согласно этому подходу, белорусы (так хотели бы считать его последователи) – это белорусскоязычное сообщество, отличное от русских, и укорененное в европейской культуре (и, следовательно, оно включает в себя традиции Полоцкого княжества, ВКЛ и Речи Посполитой), а их будущее в демократическом государстве. Такое видение, однако, не согласуется с культурной и политической ориентацией большинства белорусского народа. С другой стороны, западнорусская коллективная идентичность, включающая понятия Малой России и Великой России,

вполне согласуется с идеей сообщества православных восточных славян. Следовательно, вполне естественно, что и русские, и западнорусситы отвергли концепцию западной белорусской нации, которая была бы разрушительна для концепции панрусского сообщества.

В своем нынешнем виде националистический вариант сложился в романтической атмосфере первых месяцев независимости Беларуси. В какой-то степени это были взгляды нонконформистов или даже аутсайдеров. Неудивительно, что он не привлекает большого числа политических активистов. В белорусском контексте он не мог возникнуть в другой реальности, кроме советской, так что ее отцы-основатели и лидеры не были полностью в состоянии освободиться от ограничений советской реальности. Советское наследие даже сегодня является тягостной ношей. Очевидно, что националистические круги в основном функционируют в тех же формах, корни которых уходят в период до 1991 г.[49]

На уровне элит эти два варианта принципиально противоположны: их взгляды на белорусскую национальность, конституционный строй, политику, свободу и культуру совершенно различны. Они хранят память о различных исторических событиях и о различных героях. В Европейском союзе вряд ли найдется страна, которая была бы так глубоко расколота в отношении собственной истории, видения будущего и отличительных черт своего сообщества. Это не означает, однако, что белорусская идентичность расколота пополам, в результате чего подогревается конфликт. Учитывая тот факт, что, как уже сказано выше, белорусская идентичность не является сильной на уровне социальных макроструктур (включая государство) и что русификация является скорее языковой, нежели национальной[50], белорусы формируют свою самоидентификацию на уровне небольших сообществ. Большинство из них на самом деле не интересуются конфликтом между этими двумя подходами: они живут своей повседневной жизнью, мир идеологии и политики остается для них чуждой областью, пока их собственное экономическое положение сильно не задевается. Спор, как правило, ограничивается кругом элиты, а с националистической стороны – небольшими группами активистов оппозиции. Политически белорусские власти считают людей националистической ориентации антиправи-

тельственной оппозицией, принадлежность к такой системе национальной идентичности считается негативным признаком. Это может измениться в результате определенных политических событий, но для того, чтобы получить значительную социальную поддержку, националистический вариант должен развиваться и изменяться, адаптируясь к менталитету большинства белорусов. Очень трудно ответить на вопрос, как это сделать. В нынешней ситуации власти используют националистов в качестве пугала, что должно мотивировать их лидеров делать правильные выводы. Белорусская оппозиция, конечно, не ограничивается западно-националистическим вариантом. На самом деле Лукашенко больше боится ситуации, в которой представители сильного прорусского варианта обратятся против него.

Поскольку на уровне коллективного самосознания в белорусском обществе отсутствует единство, не существует и четко оформленных сообществ, которые могли бы его обеспечить. Возможно, однако, выделить различные «ориентации идентичности» и классифицировать их. Это может быть сделано, если собрать вместе характеристики, которые мы считаем важными с данной точки зрения. Очень интересная типология на основе опросов НИСЭПИ была выдвинута известными белорусскими учеными – социологом Олегом Манаевым и политологом Юрием Дракохрустом.

Анализируя обширные социологические источники, они построили «социально-демографические профили» белорусов, определяя их национальную идентичность в рамках противоположных характеристик. «Если по полу различия между ними незначительны, – пишут они, – то по возрасту почти контрастны (в социологии такие различия называют «зеркальными», они говорят о наличии прямой и сильной связи между переменными): старшее поколение демонстрирует большую приверженность своей стране (такой, какая она есть) и, в то же время, близость к русской культуре (в широком смысле – как образу жизни и социальному устройству). Младшее поколение, наоборот, демонстрирует гораздо меньшую приверженность нынешней Беларуси и, в то же время, близость к европейской культуре. По уровню образования наблюдается похожая картина, но менее выраженная. Среди тех, кто хотел бы жить (или работать) в Республике Беларусь и гор-

дится принадлежностью к белорусской нации (назовем их условно «гордыми белорусами» или «националистами»), по социальному статусу также явно превалируют пенсионеры, жители малых городков и сел, представляющие восточные регионы страны, а среди тех, кто дал противоположный ответ (условно назовем их «разочарованными белорусами» или «космополитами»), – работники частного сектора экономики, учащиеся/студенты и домохозяйки/безработные, жители больших городов, представляющие западные регионы. (…) По материальному положению различий почти нет, но самооценки этого положения существенно различаются: «националисты» оценивают его как относительно стабильное, и смотрят в будущее с оптимизмом, а «космополиты» считают, что оно ухудшилось и будет ухудшаться дальше. Бросается в глаза, что первая группа вполне лояльно оценивает экономическую политику руководства страны, а вторая настроена критически. Еще более контрастные различия обнаруживаются при сравнении политических ценностей этих типов. Очевидно, что «националисты» – это, в то же время, и «лоялисты», а «космополиты» – «критики» белорусской власти и нынешнего курса (…) Почти столь же контрастны и различия в геополитических ценностях этих типов. Если «националисты» имеют явно пророссийские, то «космополиты» – прозападные установки (особенно впечатляет выбор наиболее справедливого общества среди «космополитов»). Поразительной особенностью национальной идентичности белорусов является то, что больше испытывают национальную гордость и хотят жить в Республике Беларусь те, кто считает себя более близким к русским! Это, несомненно, говорит о «базовом» характере близости к русским в национальной идентичности белорусов. Главная составляющая этой близости – общая история, на втором месте (по разнице процентов) – общий язык»[51]. Можно также добавить, что Великая Отечественная (Вторая мировая) война является одним из важнейших элементов их общей истории, а язык, о котором идет речь, разумеется, русский. Что касается культурных, языковых или исторических соображений, то патриотизм, демонстрируемый пророссийскими (и, добавим, постсоветскими западнорусскими) «националистами», не имеет сепаратистского характера. С другой стороны, национально-ориентированные

элиты подчеркивают особый статус белорусов по отношению к русским.

Как подчеркивают Манаев и Дракохруст, «Представляет также интерес различие в информационном поведении этих типов. Кажется парадоксальным, что «националисты» намного меньше пользуются Интернетом, но вполне удовлетворены доступом к политической информации и ее качеством, тогда как «космополиты», наоборот, регулярно пользуются Интернетом и считают совершенно недостаточным доступ к информации о нынешней политической ситуации в Беларуси. Объяснение тут простое: первый тип пользуется преимущественно официальными источниками информации (государственными СМИ) и «живет в их дискурсе», а второй пользуется преимущественно альтернативными источниками, и «живет совсем в другом дискурсе».[52]

По мнению этих ученых, «Главным «разделителем» белорусской идентичности стал президент Лукашенко, аккумулирующий и выражающий настроения и ценности большей (консервативной) части белорусского общества, и в то же время игнорирующий, маргинализирующий ценности и ограничивающий жизненные перспективы его меньшей (более динамичной) части. Кто принимает президента и его политику, «принимает» и страну (идентифицирует себя с ней), кто его не принимает, «не принимает» и страну в ее нынешнем виде (не идентифицирует себя с ней)»[53].

«Националистическая» ориентация, описанная выше, может быть включена, по моему мнению, в более широкий советский западнорусский вариант. В советской Беларуси патриотизм происходил из гордости людей за то, что они были частью великой империи. Несмотря на то, что у него были некие местные особенности, практически не было никаких антимосковских предубеждений. Сегодня патриотизм в восприятии «националистов» делает больший упор на его белорусские элементы, но по-прежнему объединяет белорусов и россиян в их совместном противопоставлении Западу[54]. «Космополитическая» точка зрения также не является националистическим вариантом. Скорее, она является результатом процесса открытия Европе, и эта тенденция будет постепенно усиливаться, особенно среди молодежи и жителей западных регионов (в определенной мере, есть некоторые аналогии

с тенденциями, характерными для молодого поколения в Польше). У первого типа никогда не было отчетливо сформированного чувства белорусской идентичности, а второй (за исключением националистических кругов, о которых говорилось выше) отказывается от этой идеи с самого начала.

Последователи той ориентации, которую мы называем постсоветской западнорусской, видят нацию (народ) в другом ракурсе, чем он обычно воспринимается в европейской традиции. Их националистические противники (без кавычек, в другом смысле, нежели у Манаева и Дракохруста) склонны видеть белорусский народ таким, каким, на их взгляд, он должен быть, а не таким, какой он есть в реальности. Однако это не означает, что данная позиция существует в вакууме, – просто это позиция меньшинства.

Что касается степени консолидации своей национальной идентичности, белорусы представляют собой довольно разнообразное сообщество: начиная от части сельского населения, у которой практически нет национального самосознания[55], до минской интеллигенции, полностью осведомленной о своих коллективных идентичностях.

Тот факт, что некоторые группы в белорусском обществе постепенно открываются современным европейским влияниям, еще не означает, что они будут развиваться в сторону принятия националистических идей, сформировавшихся в межвоенный период. Сегодня Европа стала совсем другой, да и белорусские националисты (конечно, по другим причинам) находятся в совершенно ином положении, чем «национальные пробудители» XIX века. В то же время, необходимо отметить, что очевидная слабость белорусской национальной идентичности связана с тем, что в Беларуси никогда не существовало сильного национального сообщества с соответствующим чувством консолидированной идентичности. Она по своей сути, проявлениям и последствиям заметно отличается от процесса ослабления некогда сильного чувства национальной идентичности, которое наблюдается сегодня в странах Западной и Центральной Европы. Поэтому я считаю, что иногда высказываемое мнение о том, что белорусы опережают западные общества на пути к «постмодерному обществу» – не верно.

Перспективы изменений

В краткосрочной перспективе политическая ситуация в Беларуси может развиваться различными способами и с разной степенью вероятности. В долгосрочной перспективе, однако, дальнейшее развитие будет в значительной степени обусловлено факторами национальной идентичности и последующим ростом уровня социального капитала белорусов. Эти элементы играли значительную, но не всегда решающую роль в том, что некоторые страны стали членами Европейского союза, а также сказываются и на разногласиях внутри самого ЕС. Ведь не случайно самый серьезный европейский кризис повлиял на Грецию – страну, чей специфический тип идентичности и низкий социальный капитал поставил ее на периферию Евросоюза. Несмотря на то, что другие южноевропейские страны (такие как Италия, Испания и Португалия) имеют полностью развитую европейскую идентичность, в их социальном капитале присутствуют очевидные дисфункциональные элементы (с точки зрения официально принятых правил ЕС относительно экономических и политических стандартов). Даже если они будут институционализированы, радикальным изменениям для консолидации требуется адекватный культурный фон. Проблема белорусского общества заключается в том, что оно не создало механизмов, которые бы способствовали процессам модернизации как на высших, так и на низших уровнях социальной структуры. На уровне макроструктур они ограничиваются существующими формами коллективной идентичности. Что касается микроструктур, то низкий уровень общественного доверия (фактор, наблюдающийся и в Польше) в сочетании с отсутствием интереса к внешнему миру приводит к образованию сети неофициальных и неформальных связей, что затрудняет социальную активность на низших уровнях социальной структуры, например, таких, как местное самоуправление. Эта проблема также существует на уровне мезоструктур – она происходит от слабой позиции среднего класса и неправительственных организаций. В Беларуси существует весьма слабая сеть социальных связей, характерных для гражданского общества, которая могла бы способствовать формированию современного капиталистического общества. В случае Польши, особенно в период до 1989 г.,

существовали сильные социальные связи на уровне как макро- (национальных и религиозных), так и микроструктур (семья, круг друзей – такие же как и у белорусов), а связи на мезоуровне были слабыми или вообще отсутствовали. Такая ситуация стала известна как «социологический вакуум» (термин, введенный Стефаном Новаком в 1979 г.)[56]. В белорусской модели постсоветской системы общество функционирует по принципу конфликта между различными группами интересов (в том числе и группами давления), действующих в значительной степени вне правовой системы или изменяющих ее в соответствии со своими потребностями. Они не заинтересованы в реформах, модернизации страны, так как подобные изменения затрагивают их интересы. Серьезные изменения могут быть инициированы главным образом либо сверху, как при Петре I, либо через массовые волнения. Польша, особенно при коммунизме, тоже сталкивалась с этой проблемой, хотя и в меньшей степени.

Социальные процессы, происходящие в настоящее время в Беларуси, развиваются в двух направлениях. С одной стороны, активизирующаяся культурная саморусификация страны, особенно заметная в языковой сфере, сопровождается растущей зависимостью от России (в ряде сфер). С другой стороны, наблюдается усиление осознания собственной государственности, особенно среди молодого поколения, большая открытость внешнему миру, рост самоидентификации со своеобразным белорусским сообществом – вне зависимости о того, как именно оно воспринято и насколько глубоко это восприятие. Атрибуты независимости – это пока не внутренняя, а относительная величина, зависящая от экономической ситуации и отношений с Россией. Принятие демократических ценностей, провозглашенных некоторыми группами, пока не отражается в государственных решениях или в массовом сознании. Ценности «восточного варианта» являются частью белорусской психологии независимо от того, насколько осознанно их принятие. Европейское измерение и соответствующие западные ценности существуют в основном на вербальном уровне, они существуют в форме постулатов и деклараций, а не глубоких внутренних привычек и обычаев. Весьма вероятно, однако, что в будущем проевропейские настроения шире распространятся в белорусском обществе.

В последние несколько десятилетий Западная Европа способствовала продвижению местной самобытности и региональных традиций в надежде содействовать деятельности на более низких уровнях общества. В белорусском контексте, однако, местные власти традиционно привыкли получать приказы сверху. Таким образом, усиление самоидентификации на уровне небольших, замкнутых социальных групп и местных общин, которые не имеют идеологических связей с социальными структурами макроэкономического уровня, наносит ущерб национальной самоидентификации. Беларусь меняется медленно, ее люди до сих пор, кажется, не стали полностью самостоятельными субъектами.

Тесные связи между Беларусью и Россией не могут быть легко разрушены, ведь они воспринимаются обоими народами в определенной степени как «естественные». Русские считают «потерю» Беларуси и Украины исторической катастрофой, которая разрушила «объединение русских земель», к которому они стремились на протяжении веков. По их мнению, белорусы не являются отдельным народом. Россия стремится полностью доминировать над Беларусью во многих важных сферах – военной (это уже сделано), культурной (в этом она достаточно преуспела), экономической (уже достаточно сильно) и политической (несмотря на их схожую, но не идентичную, политическую культуру, существуют постоянные разногласия в результате борьбы за власть). Если позволит экономическая и политическая ситуация, то долгосрочной целью Москвы является закрепление Беларуси в сфере своего влияния (если не полная интеграция).

В результате восемнадцати лет правления Лукашенко у России оказалось больше карт в «белорусской игре». Если страна будет отрезана от европейской и российской финансовой и экономической поддержки, она практически обанкротится. Россия контролирует белорусскую экономику, следовательно, и (в определенной степени) политическую ситуацию, и внимательно наблюдает за тем, чтобы в стране не произошло неконтролируемого взрыва социального недовольства. Кроме того, она замедляет процесс экономической и политической модернизации Беларуси за исключением тех реформ, которые корректируют экономическую структуру в сторону большей близости с Россией, таким образом, облегчая механизмы контроля. В интересах Москвы под-

держивать такую власть в Беларуси, которая не может быть принята на Западе, оставляя Минск изолированным от Европы и зависимым от своего восточного соседа. Процветающая и демократическая Беларусь будет независимой от России и, скорее всего, гораздо более проевропейской, чем сегодня. Не исключено, что Москва поддерживает или даже провоцирует антипольские жесты Минска, чтобы разжечь конфликт между двумя странами. С учетом своих собственных национальных интересов, в том числе и интересов безопасности, Польша является самым сильным адвокатом Беларуси в Европе – желая видеть Беларусь консолидированным, полностью независимым, экономически успешным и, предпочтительно, демократическим государством. Проблема, однако, заключается в том, что Европейский союз, в отличие от России, не проявляет большого интереса к близким отношениям с Минском, ему сложно принять недемократическое руководство Беларуси. По разным причинам европейская политика в отношении Беларуси противоречива. Хотя тесные связи между Минском и Москвой, скорее всего, гарантируют, что нынешнее белорусское руководство будет еще долго оставаться у власти, Запад обычно ставит условия, которые, в случае их осуществления, в конечном итоге приведут к падению режима. Нынешняя политическая ситуация в Беларуси является прямым результатом такого положения.

В краткосрочной перспективе можно предположить, что внезапная вспышка политической нестабильности в итоге может привести к еще более сильному подчинению Беларуси России, а не к усилению демократической и проевропейский ориентации. Стоит задуматься, что могло бы привести к изменению ситуации в этой части Европы в долгосрочной перспективе. Внезапные осложнения в экономике России, основанной на экспорте энергоносителей, могут иметь двойные последствия. Для того, чтобы справиться с такой ситуацией, Москва может попытаться интегрировать русское общество, усилить националистические чувства или даже принять меры для усиления контроля над Беларусью. Тем не менее, полное ее поглощение Россией маловероятно, потому что белорусы, скорее всего, не поддержат интеграцию со страной со слабой экономикой, в то время как русские будут рассчитывать на поддержку Запада в борьбе с кризисом (при условии, что сам Запад не пострадает

от кризиса). Таким образом, серьезный кризиса в России, который потребует западной помощи, повысит шансы на изменение белорусской ситуации. С другой стороны, экономический кризис на Западе ослабляет позиции Минска в отношениях с Россией. Для Москвы идеальная ситуация, позволяющая усилить контроль над Беларусью, возникла бы с появлением следующих факторов: страна полностью подчинена в экономическом плане, российское финансовое положение в полном порядке (ведь этот шаг будет много стоить), пророссийские настроения в Беларуси усилены (экономический кризис создаст благодатную почву для щедрого предложения России восстановить уровень жизни), а международная ситуация складывается в пользу России (Запад ослабел и нуждается в поддержке России в решении мировых конфликтов).

В последние двадцать лет подход Запада к Беларуси слишком часто бывал близоруким, рассчитанным на краткосрочную перспективу, т.е. месяцы и годы, а не на десятилетия. Если бы Евросоюз открыл свои границы для белорусов сразу после 1991 г., как это было сделано для поляков, то Беларусь могла бы быть сегодня совершенно другой страной. Любые попытки содействовать устойчивым изменениям в отношении белорусского народа к своей политической системе и геополитической ситуации должны повлечь за собой изменения в их идентичности и культурной ориентации, а также повышении их открытости миру в целом и Европе в частности. Поэтому очень важно, чтобы Европейский союз открыл свои границы и сделал возможным для белорусов путешествовать без ограничений и искать работу (при определенных условиях). Самое главное – такое открытие должно позволить большому количеству молодых белорусов учиться в европейских колледжах и университетах, получать образование в тех местах, где формируются европейские элиты. Вопрос, который мы должны задать сегодня: если бы сегодня оппозиция пришла к власти, смогла ли бы ее элита успешно управлять государством? Есть ли среди оппозиции профессиональные менеджеры, которые понимали бы постсоветскую действительность, но получали образование за пределами ее ограничений? Есть ли среди оппозиции дальновидные лидеры, которые могли бы выйти за рамки политических дрязг и получить широкую социальную поддержку своих идей во время кризиса? Есть ли реалистичная и конкретная программа, особенно в экономической сфе-

ре? Есть ли законопроекты и идеи о новых институциональных формах государства (включая Конституцию), которые могли бы получить поддержку большинства? Не говоря уже о многомиллиардной финансовой помощи, необходимой для управления страной…

Сегодня Беларусь находится на переломном этапе. Она сильно зависит от России в экономическом плане, а политически слишком слаба, чтобы принимать самостоятельные решения. Пример «цветных революций» показывает, что изменение реальности в стране напрямую зависит от степени социальной поддержки таких изменений.

---

1 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2003, выпуск 4. С. 14; 2006, выпуск 3. С. 56.

2 В XIX и XX веках на территории Европы массово распространялись как националистические, так и классовые идеологии. Основным фактором этого являлся процесс открытия локальных сельских общин для внешнего мира и миграция крестьянского населения в города. Следовательно, существовала необходимость в новой системе ценностей, которая бы организовывала возникающий городской индустриальный мир, характеризующийся анонимностью, свойственной городам и заводам, в отличие от знакомого мира деревни. Переход от оседлой жизни локальных структур к жизни в больших общностях в современном мире был, по терминологии Станислава Оссовского, переходом от привычных связей к идеологическим. Распространение классовой и националистической идеологии было ответом на возникновение такой социальной потребности. Механизм того, как они появились и как произошел переход от феодализма к современности, уже хорошо изучен. Тем не менее, одно дело – переход от не-идеологического этнического сообщества к идеологически связанному национальному (или классовому) сообществу, и совсем другое – переход от идеологической (советской) социальной модели к другой (например, националистической). Проблема заключается в том, что, несмотря на то, что оригинальная идеологическая модель может привести к замедлению социального прогресса, она отвечает потребности в социальной принадлежности, а значит, дает достаточно адекватное описание современного общества. Если такая модель уже сложилась и существует, то достаточно сложно заменить ее на другую идеологическую картину.

3 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2006, выпуск 3. С. 57—58.

4 Российско-белорусские отношения в зеркале общественного мнения // Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2006, выпуск 2. С. 114. http://www.iiseps.org. (04.04.2012).

5 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2006, выпуск 2. С. 68. http://www.iiseps.org. (04.04.2012).

6 Mironowicz E. Białoruś [Belarus], Warszawa, 2007. С. 293.

7 Бугрова И. Молодое белорусское государство и общество: альянс или мезальянс?» // Национальная идентичность Беларуси. Материалы семинара / под ред. Гельмута Курта. Минск, 2003. С. 13.

8 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2012, выпуск 1. С. 28.

9 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2011, выпуск 3. С. 17.

10 Там же. С. 47.

11 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2011, выпуск 4. С. 35.

12 Там же. С. 60.
13 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2012, выпуск 1. С. 21.
14 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2011, выпуск 4. С. 54.
15 Там же.
16 Там же. С. 55.
17 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 2. С. 48.
18 Cf. Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит / ред. В. Булгаков, Варшава 2006.
19 Cf. Smolicz J., Radzik R. Belarusian as an Endangered Language: Can the Mother Tongue of an Independent State be Made to Die? / International Journal of Educational Development» volume 24, issue 5, 2004. P. 511—528.
20 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 2. С. 23.
21 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2011, выпуск 4. С. 55.
22 Там же. С. 56.
23 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 4. С. 91.
24 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 1. С. 32.
25 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2006, выпуск 2. С. 36.
26 Там же. С. 69.
27 Там же. С. 68.
28 Там же. С. 36—37.
29 Waszkiewicz J. Co to jest sowieckość? / Studia Białorutenistyczne, vol.2, 2008. С. 81; [What is Sovietism?, in: Belarusian Studies]; Автор цитирует социологический опрос, проведенный Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента: Ракова Е. Растроение сознания. Социально-экономические ценности белорусского населения// Белорусы и рынок, 07.11.2006. С. 23.
30 Новости НИСЭПИ, 2011, выпуск 4. С. 56.
31 Там же. С. 57—58.
32 В Киевской Руси и в более поздних политических формах, существующих за пределами содружества, власть правителя над территорией преобладала над другими потенциальными сообществообразующими формами лояльности (этот процесс усилился под влиянием вторжения татар).
33 Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение / под ред. Олега Манаева. Санкт-Петербург, 2011.
34 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 1996, выпуск 1. С. 11.
35 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2002, выпуск 2. С. 27.
36 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 2. С. 23.
37 Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения, 2009.
38 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2012, выпуск 1. С. 18.
39 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 1996, выпуск 1. С. 26.
40 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2008, выпуск 2. С. 10.
41 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 2. С. 84.
42 Ograbiony naród. Rozmowy z intelektualistami białoruskimi. Przeprowadzili M. Nocuń i A. Brzeziecki. Wrocław, 2007. P. 165.
43 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2010, выпуск 2. С. 18.
44 Там же. С. 17.
45 Новости НИСЭПИ [IISEPS News], 2011, выпуск 4. С. 51.

46 http://nn.by/index.php?c=ar&i=34939. (13.02.2009). А. Геращенко был представлен как член проправительственного Союза белорусских писателей и председатель Витебского объединения «Русский дом» (организация, продвигающая идею, что белорусы – это русские).

47 Криштапович Л. Е. Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное единство. Минск, 2006. Обзор этой публикации: Радзік Р. Беларуская апалогія ‘трыадзінарускасці // Беларускі Гістарычны Агляд, том 16, 2009, выпуск 2. С. 540—560.

48 Там же. С. 21.

49 Так как националисты Нашей Нивы были более западными в своем подходе, у меня сложилось впечатление, что их современных коллег, возможно, следует называть постсоветским националистическим вариантом, по крайней мере, в отношении некоторых его последователей.

50 Русификация белорусов после советской революции была скорее советизацией посредством русского языка. В этом процессе белорусы воспринимались как часть панрусского сообщества, но это не было связано с русификацией с точки зрения национальности. Как таковая, русификация была довольно поверхностной, она не привила типично русские чувства и ценности, что позволяет сегодня белорусам принимать западные ценности и мироощущение скорее, чем русским.

51 Manajew O., Drakochrust J. Właściwości współczesnej tożsamości białoruskiej // Tożsamości Białorusinów, ed. R. Radzik, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2012 (forthcoming); [Features of Belarusian identity today. In: Belarusian identities].

52 Там же.

53 Там же.

54 Не всякий патриотизм должен быть основан на национальных предпосылках в том смысле, в котором нация понимается на Западе.

55 Как пишет белорусский исследователь Б. Хущева, «На основе анализа полевых данных можно сделать вывод, что для большинства людей национальность и родина являются категориями, навязанными внешним миром. Вероисповедание и место жительства являются основой их идентичности. Есть те, кто имеет четкое представление о национальной идентичности, кто ссылается на национальную историю, знает стереотипы о себе, рассматривает вопрос национальных интересов, но они являются меньшинством, чье чувство идентичности формируется под внешним воздействием, таким, как школа и средства массовой информации. Понятие «родина» связано в основном с тем, где человек находится, с личным комфортом и благополучием, а не с мысленным образом сообщества и символической сферой. Чаще всего, родина не воспринимается как личная ценность, которую нужно развивать. В. Hushchava, «Ojczyzna - Państwo - Białoruś co świadomości mieszkańców Brasławszczyzny», Studia Białorutenistyczne об. 4.С. 133 (Резюме); В Польше Анна Энгелькинга и Эльжбета Смулкова написали ряд работ на эту тему.

56 Nowak S. System wartości społeczeństwa polskiego. Studia Socjologiczne, 1979, nr 4; [Axiological system of Polish society, in: Sociological Studies].

Юлия ЧЕРНЯВСКАЯ

Беларусь как лаборатория
(К антропологии «быдла» и «антибыдла»)

Почему Беларусь – лабораторная страна?

Некогда отечественного философа, гуру минского андерграунда 1960—1990-х Кима Хадеева спросили: почему проваливаются попытки сделать белорусскую культуру частью европейского или, чего уж мелочиться – мирового культурного проекта? Он ответил: «Потому что Беларусь – идеальная лабораторная страна».

Лабораторная страна – это страна компактная, пронизанная личными связями и стабильными моделями поведения. Потому она может служить объектом исследования, хотя всегда есть связи, модели, группы, выбивающиеся из общей картины. Впрочем, в любом антропологическом исследовании приходится центрироваться на опорной группе: здесь это будет интеллигенция (интеллектуалы), взятая в ее отношении с мощным, но безмолвным целым, которое можно окрестить как «народ». Народ, от которого она отталкивается (во всех смыслах этого слова) и на воззрения, ценности, стереотипы, ментальные привычки которого незаметно для себя опирается.

Быдло и элита: к постановке вопроса

Толчком к написанию статьи послужила ситуация, свидетельницей которой я стала, оказавшись на приеме в резиденции одного из послов. Одна из гостий с жаром объясняла, как белорусский народ еще себя покажет… как он развернется во всю мощь, только надо чтоб «заграница

нам помогла». Позже, когда мы сели в машину, дама посетовала, что не свершится никак на просторах нашей родины революция и кратко подвела итог: мол, все потому что не народ у нас, а быдло[1].

Циничный контраст между тем, что говорится «для своих», и тем, что озвучивается «для чужих», причем, в столь прозрачных нуждах – заставил задуматься о том, каковы нравы и воззрения многих из тех, кто мнит себя элитой этой лабораторной страны.

Далеко ли «мы» ушли от «них» (от «безмолвного большинства») – и в какую сторону? Вот один из главных вопросов этого эссе. Другой – выявление общих моделей мышления и поведения, присущих как «внутреннему пролетариату», так и «избранному меньшинству» (термины А. Тойнби). Третий: каковы последствия этого тождества-различия для отечественной культуры? И, наконец, четвертый. К чему вообще будоражить себя и других этими неудобными вопросами: Беларусь живет, белорусская культура живет, пусть не вполне так, как многим из нас хотелось бы; белорусы как нация существуют; люди вполне уютно чувствуют себя в своих анклавах[2] – и так называемые «простые и некнижные», и считающие себя «непростыми и книжными». Четкий ответ на этот, пожалуй, самый важный вопрос дал Олег Манаев в докладе на конференции «Будущее Беларуси»: причина попыток анализировать эти – в высшей степени сложные и неблагодарные вопросы – «борьба за реальность». Не за миф, не за красивую «упаковку», а именно за реальность: только так мы сможем «защитить реальную действительность (настоящее) от многочисленных искажений» и помочь народу создавать, сотворять будущее. «Будущее – как минимум, основанное на правде, а не на лжи или иллюзиях»[3]. Об этом я и буду говорить.

Запрограммированность на проигрыш и сорочьи заимствования

Итак, Беларусь – лабораторная страна. И не только в методологическом отношении, но и в особенностях проигрывания личностных и групповых сценариев внутри общества – иерархического, по традиционных лекалам скроенного и до сих пор их удерживающего. Проигры-

вания – и в значении попытки, и в значении проигрыша. Не случайно «признанным белорусом» часто становятся на иных территориях, благодаря чему местные проигрыши оборачиваются выигрышами... Беларусь – страна нон-стопного тренинга: как остаться (или не остаться) собой в борьбе с неведомым противником, как биться головой о стены, обитые войлоком... После такой репетиции жестокость России или прагматизм Запада – не такое уж мощное препятствие к самореализации. Войлочные стены страшнее – они глушат крик.

Антропологи первой половины XX века избирали объектом исследования островные или затерянные в джунглях общества: они лучше сохраняют первозданность. Но от веяний времени можно закрыться и иным образом – внутренне. Потому наивны стенания гуманитариев: мы заимствуем ценности имперской России и/ или загнивающего Запада! В том-то и дело, что ничего, чему можно научиться, чтобы снова не наступать на грабли, мы не заимствуем. Наш опыт не в том, чтобы пассивно принимать. Он в обратном – в том, как *пассивно, но последовательно отторгать.*

Причины понятны. Во-первых, заимствование ценностей само по себе редко. По большому счету оно возможно, если в культуре есть лакуны, которые необходимо заполнить, а свое содержание отсутствует (повседневные примеры: западные компьютерные термины, восточные кулинарные и т.д.). Во-вторых, даже и такое заимствование происходит не сразу: лакуна должна осознаваться или, по крайней мере, полуосозноваться как лакуна, как нехватка. Лакун сколько угодно (особенно если посмотреть с точки зрения «цивилизованного мира», куда мы якобы тщимся попасть) – но заимствуется лишь верхний слой. Не ценности – видимости, касающиеся моды (в широком смысле слова), в том числе и моды на слова о «западных ценностях» и «гражданском обществе»... Мы, как сороки, тащим в культуру все блестящее: но, как те же сороки, используем его не по назначению. Впрочем, этим мы мало отличаемся от других народов.

Модой может стать и примордиальное содержание: таково излюбленное нашими учеными представление об особом белорусском Космосе. Суть Космоса неартикулируема: ясно одно – он антироссийский, и отторжение от России – и есть его главное содержание.

Забавная деталь: и термин, и сама идея национальных космосов стала популярной после работ россиянина Г. Гачева (например, «Национальные образы мира») – талантливых и сомнительных с научной точки зрения.

В силу подобного беспорядочного заимствования наши интеллектуальные взгляды надерганы и в удобоваримую картину мира не складываются. А на уровне житейском избираются привычные поведенческие модели. За ними стоит обыденная картина мира, которую можно окрестить, процитировав название книжки Адама Мальдиса – «Як жылі нашы продкі». Речь не о крестьянах, о которых я достаточно уже написала[4]. Речь, скорее, о «жителях райцентра» – маргинальной зоны между городом и деревней.

Комплекс духовного райцентра

Образ райцентра – это образ места, которому присущи и городская «транзитарность» (а также – паразитарность), и крестьянский недоверчивый герметизм. Таков же образ микрорайона внутри облцентра. Райцентр в этом контексте – метафора, иллюстрирующая не урбанистическое богатство Беларуси, а стиль мышления... Черты райцентровского мышления – изначально крестьянские, но преобразованные (и обезображенные) окологородским образом жизни – усвоило не только «безмолвное большинство», но и интеллектуальная среда, уж не говоря о номенклатуре. Главная характеристика райцентра – комплекс неполноценности. Его основные качества – зависть по отношению к городу и высокомерие по отношению к деревне. Первый компонент (зависть) включает в себя переживания по поводу собственной камерности и провинциальности – по сравнению с Россией или с Западом. Что ж, эта тема является оборотной стороной нашей излюбленной метафоры «золотого моста» между Востоком и Западом. Также образ «райцентра», «микрорайона» предполагает недостаток столичности, лоска и блеска. Недостаток старинного, а значит, истории. Недостаток известных в мире имен (лучше бы тех, кто почил в Бозе: они не выкинут чего-то, не соответствующего нашим ожиданиям). Мы «любить

умеем только мертвых» – но не из зловредности, а из лучших побуждений.

Нельзя сказать, чтобы отечественное «антибыдло» не искало причин такой недостаточности. Однако в течение 20 последних лет оно – упрямо и скучно – списывает их на «совок», уничтоживший интеллектуальный цвет нации. «Совок» понимается аналогично тому, как понимались Средние века в эпоху Ренессанса – как досадная случайность, отрицающая «белорусский космос»[5]. Отсюда не утрачивающие задора споры о том, а были ли «советскими» признанные писатели советского времени, например, Василь Быков[6]. Здесь включается механизм ретроспективной телеологии (Л. Альтюссер), когда сегодняшние воззрения подменяют давнее положение дел: постсоветская оппозиционность культовой личности распространяется на советское время[7].

Вторая составлящая райцентровского комплекса неполноценности – презрение по отношению к деревне и «к быдлу»– сельскому ли или городскому с сельскими корнями. Несмотря на то, что таковы корни большинства современных белорусов, это пренебрежение сказывается во многом. Если в 1980-е гг. даже автор белорусского аристократического мифа Владимир Короткевич не чурался идеализации деревни («Зямля пад белымі крыламі»), то уже к концу 1990-х это поветрие начало заменяться другим – презрением к крестьянской Беларуси.

Впрочем, сперва, в конце 1980-х–начале 1990-х, и впрямь предпринимались попытки возвращения к «исконным корням». «Белорусский Космос» понимался как пасторальная жизнь в гармонии с природой. Вспомним работы этнологов, фольклористов и культурологов, превозносивших язычество как квинтэссенцию этой гармонии[8]: дескать, токи белорусского Космоса напрямую наследовались пейзанином от многомудрых предков (Любимейшие тогда образы – «карані» и «генэтычная памяць»). Из этого следовал вывод: достаточно вернуться к истоком – и «будет нам щастье». К «нулевым» стало окончательно ясно: современная урбанизированная Беларусь не может всерьез воспринять эту милую утопию, а уж тем более – использовать ее в качестве национальной идеи[9].

Пути преодоления «комплекса райцентра»

Первый путь преодоления комплекса райцентра – «поиск» и даже «изобретение истории». Так, комплекс неполноценности призвано победить величие Беларуси в Великом княжестве Литовском (ВКЛ)[10]... Впрочем, ни один из нынешних мыслящих «литвинов» (если его литвинство – позиция, а не мания) не понимает эту категорию буквально. Скорее, как миф, в который не слишком верят, но считают нужным продвигать для блага отечества. Но для большинства ВКЛ было слишком давно, чтобы быть правдой, – во всяком случае, правдой дня сегодняшнего. Ныне это начинают понимать и здешние «начальники дискурса», и даже западные интеллектуалы, хотя еще несколько лет назад многие из них исходили из представления о первенстве исторических реалий (и/или квазиреалий) для построения современного политического самосознания в Беларуси.

Сюда же отнесем и другой привлекательный образ – «магнатскую Беларусь» (здесь уже речь не столько о славных страницах ВКЛ, сколько о быте знатных семей в последующие столетия, вплоть до революции). Тут мы наблюдаем ярко выраженную систему двойных стандартов. Радзивиллы, Сапеги, Тышкевичи огулом записываются в белорусы, без учета того, что их идентификация была иной, нежели нынешняя национально-государственная и даже этническая, что слова «белорус» в широком обиходе не было, и главное – что кем-кем, а белорусами они себя не считали.

Они считали себя аристократами, каковыми и являлись (сословная идентичность более давняя, чем этническая). Они считали себя подданными Литвы, Польши, России – государства, которому приносили присягу (территориально-государственная идентичность). Этнической, а тем более, национальной самоидентификации в сегодняшнем понимании у них не было. Кстати, тут прослеживается нежелательное для ряда интеллектуалов сходство. Вспомним: крестьяне называли себя «тутэйшымі». Опять же – территория и сословность, вне, впрочем, государственной составляющей: откуда ей было взяться в сознании «тутэйшага»? Словом, ни «быдло», ни «антибыдло» не имели столь желанной идентичности хотя бы потому, что не имели понятия о «на-

циональности». Эта графа в паспорте придет лишь в СССР, заменив «вероисповедание».

Трудно поверить, что наши интеллектуалы этого не понимают. Тем не менее, приписывание к белорусам исторических деятелей ВКЛ и Речи Посполитой (т.е. «антибыдла» в наивысшем смысле этого слова) осуществляется постоянно. При этом территориальный фактор не распространяется ни на русское, польское и еврейское население этих земель[11] (в отличие от магнатов их не спешат зачислять «в белорусы» по факту рождения и жизни на этой земле), ни даже (в определенной среде) на современных русскоязычных белорусов. Словом, если ты Тышкевич, Радзивилл, Сапега – ты «наш», кем бы себя ни считал и каким языком бы ни пользовался. Если же ты просто гражданин Беларуси, то язык вырастает до роли национального маркера. Впрочем, маркером может оказаться какая угодно примордиальная данность – происхождение, место рождения, физиогномика, кровь (в прямом смысле: существуют генетики, по составу крови устанавливающие степень «белорусскости» – общество уважает их, именуя профессионалами).

В свете этого представляется интересным диссонирующий факт: к нынешнему моменту часть гуманитариев – пусть со скрипом – но начала расценивать нацию как сверхэтническую категорию. С этой, давно уже победившей на Западе точки зрения, белорусы – это все, кто является гражданами Беларуси и идентифицирует себя как белорусов. Безусловно, в этом контексте правомерно требование, чтобы гражданин знал оба государственных языка. Однако отметим: человек, отвечающий всем этим требованиям, но имеющий смелость говорить неудобные вещи (например, критиковать изоляционизм и узость мышления представителей «антибыдла»), пусть даже он делает это на хорошем белорусском языке, не застрахован от того, что его «прищучат» по иному параметру. В ворохе критики непременно прозвучит лейтмотив: «Этот еврей (русский, поляк) учит нас, как Родину любить!» В такой ситуации бездействует не только хваленая «толерантность», но и сверхобыденное (интеллектуальное) понимание нации.

Словом, козырь всякий раз вынимается разный, и система стандартов причисления к « Космосу» отличается прозрачной ситуативностью. Или ситуативной прозрачностью.

Наш родной национальный миф...

Ныне интеллектуалы, строящие свои концепции на основе «ВКЛ – белорусский язык» не так простодушны, как их предшественники даже 1990-х, уж не говоря о 1900-х гг.. Сегодня они осознанно творят в маргинальном пространстве: на одном уровне – история «для нас» (где мы все понимаем, но строим национальный миф), на другом – история для народа, т.е. этот самый миф. Не учитывается, что если и можно создать миф сознательно (хоть я и уверена в обратном), то уж никак нельзя искусственно внедрить его в сознание масс[12]: массы могут играть в приятие мифа на верхнем востребованном уровне, но он не оседает на истинной идентичности групп и людей. Потому при всем декларировании былого величия комплекс райцентра остается комплексом. Возможно, находись сейчас Беларусь в более выгодной (или менее выгодной, как в 1990-е гг.) позиции, этот миф и пригодился бы[13]. Но не сейчас, когда не надо идти войною на « Московию» и когда поездки за рубеж опровергают представление о нашей «западности». Особенно, когда потом возвращаешься в свой райцентр.

Словом, речь идет не только о комплексе перед тысячелетней историей России и/или Европы. Реалии дня сегодняшнего играют более значимую роль. Несмотря на страшилки о жизни русских в глубинке, вряд ли белорус не догадывается, что она не хуже жизни белорусов в глубинке. Мощь восточного соседа по-прежнему будоражит: именно поэтому мы цепляемся за тезис об имперскости России, стремящейся покорить маленькую, но гордую Беларусь, и при этом жаждем дармовых нефти и газа[14].

Эту точку зрения подтверждает анализ, представленный в тексте Юрия Дракохруста в этой книге. По опросам НИСЭПИ (март 2012 г.): получается, что в нефтяном конфликте (январь 2010 г.) сторонники европейского пути Беларуси были склонны более винить отечественные власти, а сторонники объединения с Россией обвиняли именно ее. В этом парадоксе при ближайшем рассмотрении нет ничего парадоксального: настроенные «по-европейски» (по данным НИСЭПИ 2011 г., их всего 26 % на фоне 68 % «российско-направленных») люди понимают, что интеграция не означает «братства», «родства», что это прагматиче-

ское предприятие. Но сторонникам объединения с Россией ситуация с нефтью показалась личным предательством: старший брат может надавать зуботычин, но всегда будет на стороне младшего – в том числе, в его обязанности входит и материальная помощь[15]. Такая «последовательная непоследовательность» жителей независимого государства не поражает: это тоже свойство духовного райцентра. Нездоровая амбивалентность сознания...

Впрочем, здесь есть и своего рода прагматика. «Надерганная» картина мира удобна: в зависимости от обстоятельств можно вынимать из колоды ту или иную карту, игнорируя противоречия: западный ли это путь Беларуси или российско-белорусское братство (в ситуации «нефтегаза» мы смиряемся даже с младшебратством). Этот ход вот уже второе десятилетие продуктивно разыгрывает Александр Лукашенко, и рациональные умы, изумляющиеся простоте трюка, всякий раз оказываются в дураках: трюк-то работает.

Та же система действует и в отношении Европы. С одной стороны, влечет наша к ней территориальная принадлежность (с мелким интеллектуальным усилием и большой натяжкой отождествляемая с культурной), с другой – гнетет подозрение, что мы не очень-то ей нужны, кроме как разменная монета в европейско-российских игрищах. Это такой же контекст нашего сознания, как и понимание, что жажда России всосать в себя Беларусь существует лишь до определенных границ, и что великое прошлое, буде и существовало, но вовсе не для тех, кто стал предками современных белорусов…

Так или иначе, мы продолжаем излюбленное занятие – беспорядочно заимствовать. На сей раз элементы нашего национального мифа. Что же остается в головах обывателей?

А остается пестрая смесь, что в очередной раз доказывает последний опрос НИСЭПИ (июнь 2012 г.) об идеале политика[16], где императрица Екатерина соседствует с Маргарет Тэтчер (соответственно 6 и 7 места), а Петр Великий – с Кастусем Калиновским (соответственно 4 и 5 места) и т.д. Последовательной уже несколько десятков лет является лишь несминаемая любовь к Петру Машерову, который с 1996 г. устойчиво держится в первой «тройке», а также преемственность внутри самой этой «тройки»: Машеров – Лукашенко – Путин[17].

То есть, с одной стороны, уже как бы наличествует и историческая «собственная гордость», даже с точки зрения «литвинской версии» национального мифа (Витовт, Сапега и др.)[18]. С другой – результаты свидетельствуют о том, что мы по-прежнему присваиваем себе российских и советских вождей... Они-то в первую очередь востребованы, желаемы белорусами – и воспринимаются отнюдь не в качестве «чужих».

Из этого и складывается наш истинный миф, а не из того, что пропагандируют БТ или оппозиционные ресурсы – двуликий Янус нашей идеологии. Из этого, а не из официальных и неофициальных идей, потому что идеи – это «головные» построения. В амбиватлентном раздерганном массовом сознании позиция хоть мало-мальской объективности, стройности (а значит, разъединения тенденций «Петр – Екатерина», «Ленин – Сталин – Хрущев – Брежнев», «Витовт – Сапега») срабатывает как недостаток. Обывателю нужно сразу все, в одном флаконе, и искусственность конструкций правого и левого Янусов он чует нюхом.

Таким образом, современная Беларусь – не поле действия различных мифов, изобретамых «антибыдлом», а поле бездействия квазимифических конструкций, создаваемых для благих и не очень благих целей... «Квази» – потому что истинный миф – лишь тот, который воспринимается как истинная жизнь. Он не создается намеренно. Знаменитый исследователь мифа А. Ф. Лосев повторял: миф возникает и держится на том, что он – реальность. Мы же «реально» хотим и того, и второго и третьего.

Потому призывы «мы должны строить наш национальный миф» в лучшем случае наивны, а в худшем корыстны. Миф зарождается как феномен веры: создать и «зажечь миф» в сердцах людей может лишь тот, кто и сам в него верит. Потому в этом деянии так много удалось Владимиру Короткевичу и Миколе Ермоловичу.

Ложь или даже прекраснодушные иллюзии не могут быть фундаментом будущего – хотя бы потому, что из них нельзя делать выводы, которые помогут сойти с наших излюбленных грабель. Они – при всей их красоте (подчас довольно сомнительной) – не могут предотвратить нежелательных последствий процессов, происходящих сегодня в обществе. Снова сошлюсь на выступление Олега Манаева, говорившего, в частности, о необходимой функции «раннего социального оповеще-

ния», которая «помогает властям, структурам гражданского общества и широкой публике распознавать проблемы, напряжение и конфликты, «зреющие» в белорусском социуме»[19]. Вымышленный миф, скорее, затыкает эту дырку первым попавшимся материалом, нежели аккуратно латает ее. И потому разница – возвышен ли обман (ВКЛ как мечта об истинно белорусском государстве), или низмен (материальные дивиденды) – неважна. Возвышенный обман с легкостью превращается в низменный, ибо ничто не конвертируется так легко и выгодно, как бессовестная возвышенность.

Страна тактик: несколько неудобных мыслей

Перейдем от теории к практике. Итак, с одной стороны, мы, аппелируя к «древнерусскому братству», задешево покупаем нефть и газ и обижаемся, если не получается. С другой, при недовольстве Россией вынимается козырь ВКЛ, который вкладывается в концепт нашего якобы примордиально-европейского выбора. О том, что выбор и примордиальность исключают друг друга, мы не задумываемся: удобнее каждый раз вынимать иной козырь... Такое лавирование немучительно. Оно привычно за долгие и долгие века. Ибо Беларусь исторически – *страна не стратегий, но тактик.*

Причины этого очевидны: многосотлетнее существование в составе постоянно меняющегося целого; войны и конфликты, куда население нынешних белорусских земель было вплавлено, как мошка в янтарь; постоянная опасность потерять все в один день... Такое бытие не побуждает к выработке стратегий, как и последующий государственный патернализм в СССР, когда ты не только не обязан решать – ты обязан НЕ решать.

Know-how белоруса (если судить и по сказкам, созданным в XVIII—XIX веках, и по современным блогам, тоже своего рода фольклорному или, вернее, постфольклорному жанру) – не загадывая на вечно туманное, зависящее от кого-то другого будущее, увернуться от тягот настоящего: ускользнуть из-под глаз власть предержащего, сделать вид, что недослышал, недопонял, что сир, посконен и «домотканен» – словом,

использование тактик, отраженных в фольклоре: «быў ён хіцёр, але прыкідваўся дурнем».

Это наводит на размышления, которым следовало бы посвятить отдельную статью. Например, таким ли «случайным президентом» (С. Калинкина, П. Шеремет) является Александр Лукашенко – человек тактик, теля, которое двух маток сосет – не столь уж ласково, но с неизменным успехом, повергающим в ступор интеллектуалов?

Или: а не в этой ли тактической иррациональности его преимущество? Не в том ли, что он имеет дар говорить, как нужно (и как ему думается) именно в данный момент, отметая сам принцип сообразности, и потому белорус с его вросшей в нутро тактической подоплекой мировидения воспринимает самопротиворечия президента органично?

Или: неужели последовательно-стратегическим на этой земле было лишь насилие?

Или даже шире: изменилось ли что-то с тех пор, как мы были землей крестьян, занятых исключительно тем, чтобы прожить хотя бы этот день, не потеряв ничего?

И, наконец, в свете этого: встроимся ли мы в модель не воображаемой «гипсокартоновой», а реальной – картезианской, стратегически мыслящей Европы?

Наш родной менталитет...

Вернемся к комплексу духовного райцентра, т.е. неполноценности. Ныне он включает в себя характеристики (толерантность, «памяркоўнасць» и т.д.), которыми белорусы в течение двух десятилетий наделяли себя вполне «талерантна и памяркоўна».

Нынешние сторонники «ВКЛ-идентичности», а также «идентичности магнатской» упоминают об этих характеристиках либо с недовольством (понимая их как исторический грех народа), либо с резким отрицанием, ища доказательств боевитости и «шалёнасці» белорусов. В отличие от 1990-х, эти черты воспринимаются иронически, отождествляясь с терпением, доходящим до полной безнадежности[20]. Если в 1990-е годы с ними ассоциировался «цивилизованный» западный путь – в от-

личие от российской радикальности, то сейчас ясно, что эти качества, скорее, роднят нас с жителями бесхребетной российской глубинки.

Толерантность, о которой на официозных научных конференциях говорится с почтительным придыханием, а на оппозиционных – с ироническим недовольством, – не что иное, как терпимость, хотя ее и пытаются упаковать в более красивые одежды. Терпимость – хорошее, а главное, редкое качество, особенно в свете интолерантности, царящей в мире. Но толерантность ли это у нас – осознанная, альтруистическая – или же внерефлексивная привычка к сосуществованию в поликонфессиональном и полиэтническом целом? Наша толерантность густо замешана на привычке и приличиях, в чем, повторюсь, нет худого: так, сознание, что стыдно доносить фашистам на евреев-соседей – безусловно, достойное. Наличие большего, нежели на окрестных территориях количества праведников мира в Беларуси – неопровержимый факт. Радует, что в те годы возобладало именно такое приличие: подчас общественное мнение – не уничтожающая человеческое «Я», а спасающая его от распада категория. Были и другие основания – незлобивость, долгое соседство, осторожность...

Осторожность и почтение к общественному мнению (которые у нас путают с осознанной терпимостью) обращают на себя внимание и сегодня – вплоть до ситуаций мелких, частных, ежедневных – но не всегда выполняют столь позитивную функцию. Так, в качестве ведущей аналитической программы я неоднократно сталкивалась с тем, что гости, прямо высказывавшиеся по теме в предварительной беседе, во время эфира пасуют: теперь уже они думают о том, как бы не слишком противоречить оппоненту. Страна небольшая (а гуманитарная прослойка – и того меньше), «все всех знают», взаимодействия сегодняшних оппонентов в будущем неизбежны, надо бы подстелить соломку.

В то же время обратим внимание на то, как ведут себя соотечественники, когда не надо таить своих побуждений. Яркий пример – интернет-форумы (в том числе и на интеллектуальные темы). Здесь показательно абсолютно интолерантное поведение людей под никами. Тут уж мы даём фору и россиянам, и украинцам: вероятно, потому что они обладают возможностью хоть часть претензий высказывать открыто, у нас же интернет – единственный канал для выхлопа негативной энергии. Ну, и еще традиционная сплетня.

Другое, набившее оскомину понятие – *«памяркоўнасць»*. Оно тоже наделяется царскими полномочиями и приобретает большую широту, нежели его изначальное содержание – рассудительность, умение семь раз отмерить и один отрезать. В него вкладывается и доброжелательность, и спокойствие, и опять же толерантность. Современное ироническое отношение к «памяркоўнасці» связано, вероятно, с тем, что ныне в ней прочитывается сомнительная подоплека: семь раз отмерим – ни разу не отрежем. «Культура тактик» – это культура осторожности, которая чтится превыше всего. Поступки в ней исторически не приветствуются (или приветствуются постфактум).

И дело вовсе не в том, что у нас нет ценностей, как в запале пишут иные публицисты, дело в том, что у нас весьма смутное представление об их иерархии: иерархии принципиально стратегичны, и в «культуре тактик» их участь незавидна[21]... Иерархии предполагают выбор. «Памяркоўнасць» его вуалирует, а то и попросту игнорирует. Некогда Александр Мень назвал индуизм религией «отказа от отказа». Это про нас: *отказ от отказа* как самодовлеющий жизненный принцип.

Пример из реальности – фразы, следующие друг за дружкой в речи профессора, специалиста в области гуманитаристики: «Какую великую державу развалили… Мы гордимся нашей независимостью». Без всяких «но» или «все-таки».

Это пусть мелкое, но очередное доказательство того, что мышление современного белоруса недисциплинированно, аконцептуально. Оно вмещает в себя разрозненные, опровергающие друг друга факты и феномены. Сделаю оговорку: в некотором смысле это свойственно человеку как таковому, да и народу любому. Но в странах, где есть твердые представления об историческом пути, о правах человека, где кроме «нельзя» существует «можно», и эти «можно» и «нельзя» не меняются с калейдоскопической скоростью – там люди умеют устилать свое мышление одними слоями представлений, игнорируя другие. Это называется «выбор». У нас этой способности нет. А поскольку свобода и есть право и обязанность выбора, то «памяркоўная» участь наша в этом смысле видится незавидной.

Белорусская всеядность вовсе не замещает столетиями вызубренных правил приличия, главные из которых – еще те, крестьянские: действуй,

как все; говори, то, что ожидают услышать; не иди на открытый конфликт; выжидай удачного момента; не жди от жизни многого, но не выпускай из рук то, что она дает. И даме, не любящей «быдла» (а также ее многочисленным единомышленникам): не следует утешать себя тем, что она «в меньшинстве»: те же представления свойственны и «антибыдлу».

Самостирание как механизм самоидентификации

Из сказанного следует неминуемый и удручающий вывод: *наши ментальные особенности – не «особенности»*. Ибо они не выделяют – они стирают, в то время как особенности – выделяют. То, что у нас вместо них, – стремление к очевидному отсутствию ради того, чтоб незаметно присутствовать и незаметно осуществлять свою волю (дожидаясь, когда обстоятельства вдруг станут удобными). Хорошо еще, когда свою – наше «антибыдло» любит выдавать ее за «волю народа», «волю Бога»... Тем не менее, интенционный каркас остается тем же. «Я» в подспудье. Выжидание: а чем кончится их драчка? Позиция не *над* схваткой, а *под* схваткой – в своей внутренней пещерке. На «видимость» имеют право другие, кого статус обязывает. Вот пусть им и сносит голову.

Причины все те же, ничего нового. От того, что они засалились вследствие долгого употребления в качестве самооправдания, они не перестают быть правдой: традиционное мышление; столетия жизни под чуждым игом; войны; СССР с его уравниловкой... Но обратим внимание на немаловажную деталь: СССР возник уже *после* этих столетий. Так что принцип этот (не просто давний, а очень давний – винтикообразны все архаические культуры) не Советским Союзом в нас был впаян. У этой страны много вины – и не только перед белорусами, но эту модель – жажду уравнительности и торжество молчания – белорусы усвоили гораздо раньше, когда не были еще белорусами в сегодняшнем смысле слова. Может, как раз и наоборот: принцип существовал так давно, что благодаря этому советское требование винтикообразности беспрекословно наложилась на нашу жизнь. И тогда расхлебываем мы не следствия «совка», а гораздо более давние и мощные: потому-то и расхлебать их тяжелее. Впрочем, нет, в том-то и беда, что не расхле-

бываем. Мы ими оправдываемся. Мы их используем: любой режим использует, прежде всего, подобные и чрезвычайно удобные особенности (вернее, отсутствие особенностей) граждан.

Подытожу: наша «ментальная» самоидентификация, которую исследователи вот уж двадцать лет определяют как связку «талерантнасць – памяркоўнасць», ныне выглядит менее обаятельной, нежели в прошлые века. Ей нельзя не отдать должного: белорусы – люди, удобные для общения и управления (ведь это тоже род взаимной коммуникации). Именно она обеспечивает устойчивость общественного целого и выживаемость людей в сложных обстоятельствах. Потому смешными представляются сетования на скорое исчезновение белорусов как народа. Белорусы умеют выживать, как никто. А поскольку гражданская идентичность лишь упрочивается (мы – белорусы, т.к. живем в независимой Беларуси), то и осознание себя особым народом стойко. Конечно, при необходимости мы можем прикинуться кем угодно, но сами-то знаем твердо: мы – белорусы. Так же, как некогда твердо знали: мы – тутэйшыя. Вот такое самосознание, какое уж есть...

Разумеется, нашей гуманитарно- и политически озабоченной элите столь неотчетливая позиция не по душе. Настолько, что она путает наше принципиальное, выстраданное самостирание с отсутствием самосознания. Повторюсь: самостирание – не досадная оплошность. Это позиция, выражаемая в отказе от позиции[22]. Не следует путать это с отказом от самосознания: самосознание может держаться не только на деянии, но и на «недеянии». Беда в том, что в современности отказ от отказа не так продуктивен, как в пору архаики: особенно, когда к нему склонен не отдельный человек, а все общество.

Наши гуманитарии чувствуют это: отсюда желание разделаться и с толерантностью, и с «памяркоўнасцю», подменив их чем-то более героическим. Раньше в качестве такой героической страницы однозначно была Великая Отечественная война. Теперь у ряда мыслителей возникло иное представление: это была советская война, и мы были в нее насильно втянуты. Великая война (и трагическая, и победительная) как страница истории игнорируется[23]: куда большее значение принимают крестьянские бунты и междуусобицы князей Киевской Руси, выдаваемые за тяготение к национальному освобождению. Какое националь-

ное, когда до возникновения наций остается еще много столетий – этим вопросом элита себя не утруждает…

В связи с этой нашей осторожностью, с этим нашим самостиранием можно вести речь о «лидерах безмнения». Именно так, слитно, это и следует читать. Кто такие лидеры мнения[24], часть наших интеллектуалов уже знает. Но в отечестве правят бал не они, а равнодушно-отрицающие всё и вся. По анализу, предпринятому Юрием Дракохрустом, таких людей, настроенных против решительно любых – официальных и неофициальных – социальных институций в современном белорусском обществе 23,4 % [25].

Нелирическое отступление: являются ли белорусы нацией?

Тем не менее, позволю себе возразить Сергею Николюку, который в своем интересном анализе[26] проводит тезис, что белорусы «не дозрели» до нации. Базируясь на дефиниции К. Дойча, автор доклада настаивает на понимании нации как общности, объединенной единой гражданской идентичностью и осознанием своей ведущей роли «суверена» по отношению к государству. Ну, а коль уж нация не «овладела» государством, значит, извольте принять – это не нация или недонация. Возникает вопрос: нация ли китайцы, если учесть весьма причудливое представление о демократии в Китае.

По отношению к вышеупомянутому тезису К. Дойча в понимании С. Николюка возникают как минимум два возражения. Одно этносоциологическое, второе – психокультурное. Но сводятся они к одному базисному вопросу: не поверхностно ли считать нацией «все хорошее», а «все плохое» списывать на незрелость, т.е. смешивать концепт «нация» и наши представления о демократическом устройстве общества. Напоминает малоприличную песенку Шнура: «Мы за все хорошее, против всей...» Далее – табуировано, но сущностно верно.

Представляется, что нации строятся по разным «пунктам», хотя никто не отменяет четких критериев, выведенных Э. Хобсбаумом, Э. Геллнером, Б. Андерсоном и др. (городской уклад, пресса, печать, образование, а главное – идентификация с данной страной, наличие представ-

ления о «воображаемом сообществе» и т.д.). Так вот, в соответствии с этими критериями белорусское общество нацией бесспорно, является.

Этносоциологическое возражение лежит на поверхности: если брать за опорную точку идею народа-»суверена», овладевшего государством, то многие «бесспорные» для нас нации (в том числе, европейские) – в течение некоего периода – нациями не являлись (французы при режиме Виши, норвежцы при правительстве Квислинга, австрийцы в тот же период – время второй мировой войны). Можно ли говорить, что в это время они чувствовали себя суверенами по отношению к государству? А десятью годами раньше или десятью годами позже? Далее: были ли нациями поляки, чехи, румыны в соцлагере? Или же норвежцы, поляки, итальянцы, японцы и др. – своеобразные «ваньки-встаньки», в зависимости от обстоятельств времени – то нации, то не нации?

Возникают и другие вопросы. Нация ли египтяне? Может, они не были нацией при Мубараке, а стали сейчас – при исламистском правительстве? Либо наоборот: были, а сейчас перестали быть? Или же вообще не были? Не дозрели?

Задам крамольный вопрос. Быть может, не следует всецело доверять изящным дефинициям, как и знаменитым моделям нации – немецкой (этнонация) или французской (политическая нация)? Ведь модель есть инструмент, а не аксиома. Это «болванка», на которой всякий раз тачаются разные сапоги. Или – говоря более красиво – эйдос, который по-разному воплощается в случае конкретного народа.

Второе – психокультурное – соображение, или, по крайней мере, предположение. Создается впечатление, что ряд других отечественных интеллектуалов, базируясь на социологических данных и на значимых теориях зарубежных исследователей, упускает из виду, что в определенном смысле белорусская нация овладела государством. Пусть и не в том, в котором понимаем это мы, исследователи... В другом, нам несимпатичном: в том, что при всех недовольствах действующими властями основная масса населения считает их своими, выражающими народные чаяния или, по крайней мере, ожидания. Иначе откуда второе место Лукашенко (после Машерова) в рейтинге «идеальных политиков» – и это несмотря на то, что по тому же опросу НИСЭПИ поддержка главы государства со стороны граждан Беларуси снова снизилась? О том же

свидетельствуют и ответы на вопрос «Если бы завтра состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы проголосовали?» (июнь 2012 г.): Лукашенко и ныне побеждает всех возможных кандидатов, причем, от следующего за ним Владимира Некляева – с отрывом в 23,6 %[27].

Недальновидно (хоть и соблазнительно) списывать это только на косность мышления, страх и инерцию респондентов. Не поставить ли вопрос так: а может, достаточно большая часть белорусов считает это государство своим потому, что оно во многом отражает ее картину мира – и в этом смысле она государством «овладела»? Овладеть ведь по-разному можно: и среднестатистически, и садистически, и мазохистически. Возможно, здесь как раз последний вариант. А может, и нет: ибо, как показывают исследования фольклора, рядовой белорус всегда обхитрит более сильного…[28]

Средний белорус знает, как жить в таком или подобном государстве. И как в худшем – знает. Потому нет у него отторжения от державы: оно-то, конечно, не очень удобно – давит и жмет, но оно: а) знакомо и привычно; б) говорит на понятном языке (в смысле единого культурного кода); в) декларирует социальную поддержку именно среднему человеку; г) его установления при желании можно обойти...

Я уже много писала о том, что белорус эквилибристически направляет установки власти на свои нужды, незаметно модифицируя их. А если власть в целом «своя», а то, что нам не нравится, мы преодолеваем путем пассивного саботажа – так зачем же делать «резкие телодвижения» и менять знакомое шило на неизвестное мыло?

Но, но, но. Это вовсе не значит, что у нас нет «дозревшей нации». Нация базируется, прежде всего, на факте отнесения себя человеком и группой к нации (прошу прощения за тавтологию) – к государству и его производным – институциям и укладу. А критерии незрелости, дозрелости или перезрелости есть наши проекции и экстраполяции...

Может быть, нация существует, только нам этого не хочется признавать, поскольку она существует не в том виде, в котором нам нравится? Но интеллектуалы – не все общество, а его малая часть, а нация все же фундирована народом. Вот это и есть вызов, над которым следует думать: как интеллектуалам и народу найти пусть небольшое, но необходимое число точек объединения, а не расхождения. Как преодолеть высокомерие первых и недоверие второго? Вот вызов, который требу-

ет ответа. Пока мы списываем наши беды либо на Лукашенко, либо на электорат Лукашенко, отказывая ему в статусе нации – мы обречены наступать на те же грабли.

Матчына мова

Напомню один из тезисов этой статьи: самостирание может являться не «недостатком идентичности», а одним из ее краеугольных камней. Но здесь нас подстерегает сюрприз. Нередко после полного или частичного стирания (выдавливания «от-сюда» или даже «смерти героя») ликвидированное наделяется высочайшим статусом. Это касается не только людей (М. Шагал, М. Гулегина, В. Степин и мн. др.), но и идей.

Стирается язык, и именно в этом – залог его высочайшей символической позиции. У нас язык – больше чем язык. Он парит как знамя. Отсюда парадокс: люди, не пользующиеся в быту белорусским языком, считают его своим родным, ибо он национален. Парадокс этот – кажущийся. Нас научили в школе: национальный язык – тот, который соответствует названию страны. Потому язык не используется в простейшей функции средства коммуникации, но торжествует как идея.

Это, безусловно, хорошо – что язык существует хоть в этом качестве. Плохо другое. Нередко интеллектуалы используют язык как КПП, очерчивая себя и свою прослойку магическим кругом. С этой точки зрения, русскоязычный литератор, эссеист, журналист, ученый (в гуманитарной сфере) незаметно отсекается средой, которая могла бы (и должна была) быть его средой. Это угрожает не только творческому человеку, но и культуре. Ибо она обедняется: ведь культура на высшем уровне – единство, общность разных людей и взаимодополняющих точек зрения. У нас же идет центрация на различии, на противопоставлении, на негативе... В этом смысле показательна агрессивная реакция на блоги Яна Максимюка: там белорусскоязычный автор мягко попытался исправить эту удручающую ситуацию[29]. Боюсь, что ни Яну Максимюку, ни в принципе отдельному человеку это не под силу. А вместе мы не хотим: мы привыкли жить анклавами, малыми, настороженно относящимися друг к другу группами (традиционно-хуторское сознание).

Идея «матчынай мовы» как «мовы беларускай» настолько вошла в дискурс, что не приходит в голову (или не озвучивается в силу «неприличия») простая вещь: «матчынай мовай» для большинства белорусов является русский язык – именно потому, что на нем говорили их матери. Так, результаты исследований НИСЭПИ (октябрь 2006 г.) показали, что «почти три четверти говорящих по-русски избрали естественную мотивацию своего языкового поведения, ответив, что именно русский язык и есть их «матчына мова». Более того, среди говорящих только по-русски эта мотивация оказалась самой распространенной в сравнении с другими языковыми группами»[30].

Ситуация с языком в Беларуси – единственная, когда в качестве позитивного примера упоминается Израиль с воскрешенным ивритом. Упускается из виду как то, что иврит был необходим функционально (люди из разных стран должны были коммуницировать между собой), так и более значимый факт: иврит вошел в плоть и кровь всего населения Израиля лишь после «шестидневной войны», когда на гребне победы народ осознал свое единство[31]. У нас нет ни функциональной, ни сверхфункциональной причины… Правда, у некоторых из нас, к счастью, есть ощущение, что не владеть одним из двух государственных языков неправильно. Что двуязычие должно быть не формальным, а фактическим. Но это уже уровень не «приличности», а личности.

Тем не менее, исключение «русскоязычных» из «белорусского Космоса» не поощряет этого ощущения и похвальных устремлений. Впрочем, «антибыдлу» это на руку: ощущению себя как цвета нации помогает малочисленность этого цвета. Штучность товара. Показательна фраза молодого литератора русскоязычному коллеге: «Я буду вас чытаць з задавальненнем, мне падабаецца тое, што вы пішаце, але я ніколі не буду вас прапагандаваць таму, што вы пішаце на рускай». Говорить так не считается стыдным. И думать. И делать. Наверно, потому что подобное поведение прикрывается требованием национального возрождения[32] На самом деле, это не главная и даже не второстепенная причина. Главная – *герметичность* «своего круга», в котором конкуренты излишни...

Малый, этнический (в научном понимании этого слова) круг – гораздо более удобная позиция, чем бесконечное пространство культуры. Удобная, но и ущербная – тем более, что уже ясно (об этом не раз и не

два с горечью говорил Валентин Акудович): белорусская культура никогда не заговорит всецело по-белорусски. Есть два пути: расширить ее за счет уже наличествующих русскоязычных авторов или ждать у моря погоды. Второе удобнее и безопаснее: особенно если знать, что нужная погода никогда не придет, и на ее отсутствие можно списать все недостатки культуры.

Язык – лишь пример того, каким ценным для нас становится то, что стерлось: ведь стертое легче облачить в востребованные одежды (об этом «Хазарский словарь» Милорада Павича). Здесь действует опять же то же know-how: стереть (и самостереться) до грани небытия, а потом воскресить, придав высочайший метафизический статус. «Уйти, чтоб остаться». Это распространяется не только на язык. Это распространяется на общность, которая этим языком пользуется (или не пользуется).

Мазохизм как монополия на любовь к Родине

Мазохизм – неотъемлемый компонент самостирания. «Антибыдло» часто упрекает «быдло» в том, что оно угнездилось в роли вечно униженной жертвы («им бы – абы не было вайны»). Однако в общепринятом тоне рассуждения наших элит содержится тот же компекс.

Пример: давно вошедшая в норму приличий слеза не только в публицистике, но и в науке. Автор этих строк не раз и не два сталкивался с востребованностью именно слезы – в противовес внятным обоснованиям исторической и текущей ситуации (и на уровне здравого смысла, и на уровне академических штудий). Чаще всего попытка объяснения, что не так, мол, все скверно с нашим национальным самосознанием (есть независимая Беларусь, есть белорусы, есть твердая самоидентичность, пусть и не такая, как хотелось бы властителям дискурса, есть будущее и т.д.), спотыкается об агрессивную жажду интеллектуалов продолжать свое бытие в качестве жертвы. Две иллюстрации.

При выдвижении одного из деятелей 1990-х гг. на значимую должность в набирающей силу (ныне вполне «теневой») политической структуре было высказано возражение: мол, всем хороша кандидатура, умный, одаренный, честный человек, да существует одно «но»: уж

слишком он объективен, «няма у яго болю за Бацькаўшчыну». Боль предпочитается уму, честности, одаренности и здравому смыслу по определению.

Другая ситуация. Знаменитый ученый говорит молодому диссертанту: всем, дескать, хороша ваша концепция, точна, объективна, и я буду голосовать «за», да вот только прилагайте ее к русским или полякам, а не к нашей многострадальной Родине. Опять же: анализировать надо чужое, за свое нужно страдать. То, что анализ и существует для того, чтоб уменьшить страдания – во всяком случае, в будущем, – то ли непонятно, то ли не востребовано. Болеть за Бацькаўшчыну и проще, и почетней.

Создается впечатление, что пуще всего наши политики, ученые, мало-мальские VIPы в любой из сфер гуманитарного знания боятся объективности. Наша наука, как и наша жизнь, отрабатывает пристрастность… Проще всего подмена анализа пристрастностью происходит в гуманитаристике и в политике. Потому в Беларуси так мало аналитиков и так много провозглашателей. Слоган с успехом заменяет экспертизу.

Оно и понятно: попытка трезвого взгляда предполагает действия по изменению ситуации, а ситуацию менять не хочется. Все роли санкционированы и расписаны, пути проторены, и властители дискурса (и «позиции», и «оппозиции») известны. Существует баланс, поддерживаемый с обеих сторон (краеугольный камень состязания: кто больше любит Родину), и объективный анализ здесь, скорее, помеха, нарушающая bon ton.

Родину можно любить только слепо. Потому исследователь, пытающийся сохранить беспристрастность и нащупать возможные параллели и пути, – если не враг, то полувраг. Его сущность вскрывается отсылками к антипатриотизму, а антипатриотизм, в свою очередь, – к недостаточно дистиллированной (небелорусской или не вполне белорусской) крови, к небелорусскому месту рождения, к предкам, которые работали на советскую власть (будто в течение 70 лет была возможность работать на что-то другое).

Любовь к Родине – не удел «быдла». Только «антибыдла», да и то не всего. В обоих случаях – и «позиции», и «оппозиции» – правом на любовь к Родине человек награждается за лояльность: с одной стороны, за

послушание государству, с другой – за непослушание ему же; с одной стороны – за уверенность в светлом «завтра», с другой – за апокалиптические всхлипы; с одной стороны, за приверженность не реальному, а плакатному СССР, с другой – не реальной, а мифологизированной Европе; с одной – за безоговорочную веру БТ, с другой – «Хартии»... Возможны разногласия в частностях, но последовательно одно: мы выбираем слезу замученного белоруса. Не только «простые люди», но и «элита». Поведенческая модель одна: подозрительность и требование несчастья, как будто оно и только оно удостоверяет право на белорусскость.

Черное и белое

Исследователи (и автор этой статьи в том числе) много пишут о замкнутости, интровертированности общественного сознания белорусов. Это проявляется не только в фольклоре или в обиходной жизни, но и в политике. «Тутэйшае» сознание отгораживается от иных вариантов сознания: все другие «космосы» воспринимаются как злонамеренный или – в лучшем случае – незлонамеренный хаос. Это сознание черно-белое, хотя градации «черноты» и «белизны» в каждой культуре различны. Как показала история, эта герметичность может быть дремлющей и воинственной. Так, нынешние умонастроения в Беларуси резко отличаются от умонастроений до 19 декабря 2010 г.

Главная тенденция очевидна: социум подспудно, но резко радикализовался. Это видно и в быту (взаимное хамство вследствие постоянного ощущения «настороже»), и в виртуальности (рост посещаемости более истеричных, агрессивных сайтов; более ожесточенная склока на форумах и в блогосфере), и в отношениях между реальными группами. В том числе и между группами «антибыдла».

Так, вновь обострился водораздел «белорусскоязычные – русскоязычные», который в последнее десятилетие существовал в более или менее латентном виде (хоть в сути своей имел то незатухающее противоречие, о котором говорилось выше). Показательно, что артикулированных попыток его амортизации (за исключением попытки Яна Максимюка) сегодня не наблюдается. Вероятно, это связано и с наивным

постулатом, отождествляющим русскоязычных с «медвепутинской» Россией[33]; и с тем, что выборы 2010 г. были «про Россию»; и с русскоязычием президента; и с более вечными факторами – с тем, что в экстремальном положении человек устремился в тесные объятия групп; с изменением локуса контроля (когда вина за ситуацию возлагается на иную группу, которой – в отличие от собственной – не находится оправданий) и т.д. Снова обострилась интернет-война между «литвинами» и «тутэйшыми». Впрочем, все это лишь частные проявления тенденции – очередного переформирования групп. Условно говоря, ситуация, когда Халип и Романчук были – хоть нехотя, но в одной лодке – изменилась: лодки стали менее населенными и воздели флаги, на которых нарисованы черепа и кости. Вялотекущая гражданская война.

Примечательно общее свойство противоборствующих групп – ненавидя друг друга, они ситуативно объединяются в *ненависти к центризму*. Возможно, она является производной от ненависти к объективности. Казалось бы, это странно в стране, где именно центризм правит бал в отношениях и моделях поведения (как в детской игре: «да» и «нет» не говорить, черное и белое не покупать»), но в реальности ничего удивительного здесь нет. Если народ – на внешнем уровне приличий, из соображений «разумного эгоизма» и/или равнодушия – декларирует установку кота Леопольда («давайте жить дружно»)[34], то интеллектуалы (или те, кто себя таковыми считает) служат набатом. Это странный набат: его удары чаще анонимны, поскольку ощутимы, как правило, лишь в интернете. Набат означает начало боя с противником.

Когда долго занимаешься фольклором, не можешь не обратить внимания на присущую традиционному белорусу модель сопротивления – модель якобы недослышания-недопонимания... В ситуации конфликтной белорус уклоняется от ответа на неприятные вопросы, от лобовых столкновений и т.д. Он делает вид, что не слышит, не понимает. Снова напомню об особенности, о которой уже писала: воочию столкнуть идеологических противников (а тем более, в рамках аргументированного спора) очень сложно. Они могут лить друг на друга ушаты грязи в интернет-СМИ, но при встрече становятся «памяркоўнымі». Однако едва расставшись, отправляются к компьютерам, чтобы постфактум выразить бурю негодования по поводу оппонента.

Наше общество, заклеймленное как общество компромисса, в реальности идти на него категорически не хочет (уступка приличиям – прятать агрессивность за анонимностью и «тихостью»). Вероятно, в некоторой мере нынешнюю «шито-крытую» гражданскую войну можно объяснить шоком после 19 декабря 2010 г. (хотя на деле она тлела и до того), а возможно – началась более активная борьба за «синиц в руке».

Более всего от пострадавших (от непострадавших, впрочем, тоже) достается тем, кто не встает под знамена ни режима, ни антирежима. Тех, кто пытается действовать «здесь и сейчас», стараясь усовершенствовать действительность путем «латания дыр» в предлагаемых обстоятельствах. В борьбе против них ополчаются только что воевавшие друг с другом группы (чтобы, проведя совместную кампанию, начать бороться друг с другом вновь). Еще Эрих Фромм писал о том, что ситуация, когда бывшие враги стремительно становятся друзьями и наоборот, – шизофреническая, а общество, поощряющее такую ситуацию, психически нездорово (работа «Здоровое общество»)...

На предельно центристский по сути народ нельзя «бухтеть». То есть можно, но бессмысленно: он не услышит. Но бухтеть на тех, кто пытается действовать не по лекалам романтического ненавистничества, а рационально, считается у нас хорошим тоном. Разумеется, здесь «имеет место быть» и ненависть к успеху, и зависть к таланту, и страх перед независимостью. Именно этот страх роднит и «быдло» и «антибыдло».

Кто-то должен решить за нас. Но решить так, как хотелось бы нам. Никак иначе. А мы будем оценивать и критиковать, насколько неправильно решают те, кто осмелились.

Мягкий тоталитаризм

Беларусь – страна мягкого тоталитаризма, и вовсе не государственного разлива: наш президент и рад бы, да возможности не те, потому он довольствуется авторитаризмом. Нет, Беларусь – страна тоталитаризма доморощенного, уютного и привычного. Тоталитарны практические суждения, строящиеся в соответствии с максимами «лёс такі» и «па-

водзь сябе, як усе» (мотив, распространенный в фольклоре, да и в жизни). Тоталитарен принцип упреждения неприятностей: отсалютовать об исполнении первым. Отсюда парадоксальное единство – на верхнем уровне коммуникации кажущаяся всеприимчивость – и жесткое, хоть и скрытое противостояние новому и недюжинному. Именно эта модель является общей и для заводских рабочих, и для номенклатуры, и для продвинутых интеллектуалов. Для «быдла» и для «антибыдла»...

Мы живем в уютной стране, где под кожурой приличий тлеют страх и подозрения. Причин этому много, и о части из них я уже сказала. Но сейчас хотелось бы заострить внимание на одной. Твердые основания бытия (осознанность выбора, представление о ценности личности, право быть собой и т.д. – все, что мы ассоциируем с Европой и о чем грезим для себя самих) могут возникнуть только при твердо основанном мышлении. А мышление и «быдла», и «антибыдла» в нашей стране шито белыми нитками, ситуативное. Значит, ситуативно и поведение: в этих обстоятельствах проще сделать то-то, в других – без особых затрат – обратное. Во многом это объясняется тем, что у белоруса исторически было не так уж много возможностей совершать выбор, руководствуясь твердыми принципами[35]. Но надо же когда-то учиться... А мы не видим в этом необходимости: «Жыць, як набяжыць» – давняя максима, актуальная для нас по сей день.

То, что у нас называется принципами («этот стон у них песней зовется») – вовсе не принципы, а привычные модели поведения, камуфляж архаической, обостряющейся в темные времена установки – черно-белого разбиения мира. И пусть сверху она покрыта однородным серым флером – он обеспечивается так называемым «народом» – изнутри то же самое, что в архаике: писатель «не наш», потому что пишет по-русски; общественный деятель «не наш», потому что много десятилетий назад родился в России или на Украине... Предприниматель «не наш», потому что еврей[36]. Толерантность? Да полно! Во всех этих вопросах толерантность – верхний слой приличий. Послушайте виртуальный глас народа: почитайте форумы на сайтах и блоги наших «продвинутых»... История стара, как мир.

Когда-то Хосе Ортегу-и-Гассета упрекали в том, что он не совершил выбора тогда, когда его было надо совершить – в пору гражданской во-

йны в Испании. В ситуации, мучительной для Родины, он самоустранился: ушел в себя, а позже и вовсе уехал. Постепенно приходит понимание, почему он это сделал. Потому что по обе стороны баррикад увидел одного и того же человека. Того, о котором он написал «Восстание масс». Вне зависимости от того, как этот человек себя называет – быдлом или антибыдлом.

Возможно, следует начать с отказа от этого водораздела? Просто и решительно. Для себя и внутри себя.

Здесь нет рецептов. Есть только опыт жизни в лабораторной стране, которая – уж так случилось – твоя единственная страна. Точно так же – невозможны и сколь-нибудь выверенные сценарии будущего.

Возможные перспективы или попытка ответа на вопросы без ответов

Прогнозы в такой сфере, как менталитет, не могут включать неожиданные повороты сюжета, а могут лишь располагаться в пространстве описанных тенденций. И рамки в год, пять, десять лет здесь вряд ли могут быть проведены четко.

Итак, *сценарий первый, неотягощенный* предполагает, что давление государства не усилится, а ослабнет, откатившись на уровень «до 19 декабря». Останется ли тогда Беларусь «лабораторной страной»? Думаю, что в этом случае эта лабораторность вынужденно будет убывать – вследствие двух взаимосвязанных рядов причин.

Первый ряд связан с мировыми тенденциями – в частности, с глобализационными процессами. Второй ряд обоснован отечественной географией и историей. И хотя на глубинном уровне мы по-прежнему будем отторгать заимствования и слишком резкие изменения, но на уровне внешнем мы сможем существовать – без больших потерь в области идентичности – в цивилизационном тренде «Евророссии» или «Россиеевропы». О таком выборе (вернее, его отсутствии) свидетельствует доля тех, кто выбирает интеграцию Беларуси и с Россией, и с Европой (40 %)[37].

Думается, к историческому параметру (близость к России, Литве, Польше, элементы общей истории) здесь сходство чисто консьюме-

ристское, и последний тренд и в России, и в Европе, и у нас будет лишь нарастать. Тенденции очевидны уже сейчас.

Различие между «быдлом» и «антибыдлом» постепенно сотрется, и этот процесс уже начался с обеих сторон. С одной стороны, люмпены тянутся получить высшее образование, и им это легко удается. Все расширяющийся набор различных курсов и тренингов даст возможность «натаскать» человека в русле прагматических умений. А большее вряд ли потребуется. С другой стороны, «антибыдло» и сейчас чувствует себя «уходящей натурой», потому так и хватается за свою тающую значимость.

Даже если нас и ожидают кризисы, подобные летнему 2011 г., думаю, это будет воздействовать на народ ситуативно (культура тактик). Как только точки экономических провалов будут рассасываться тем или иным путем (внешних кредитов, инвестиций, печатанием денег и т.д.) – параллельно им будут рассасываться точки недовольства, особенно если страна станет «негром» – России ли, Европы, или и того, и другого сразу.

Вопрос, куда тяготеть – к России или к Европе (предстающей у нас в облике Польши и Балтии), растает сам собой (постепенно единственным местом, где он останется, будет малодейственное сознание части «антибыдла»). Всемирная сеть, одни и те же «дивайсы», одни и те же «Старбаксы», всеобщее владение русским и/или английским на время (и думается, на долгое время) лишит его смысла. То, что разъединяет политика, объединяет экономика (и массовая культура, как ее следствие). Это заметно по странам Балтии, где ныне в сфере услуг все чаще не берут на работу тех, кто не владеет русским языком. Повторюсь: это касается по преимуществу молодежи.

На уровне национального самосознания начатые изменения будут лишь упрочиваться. Оно – для кого-то неявное, недостаточное – тем не менее, существует, и главное в нем – гражданская составляющая, принадлежность к стране. Показательно, что когда я 20 лет назад начала заниматься этнической проблематикой, я не предполагала, что это самосознание выстроится так складно, как по учебнику. С тех пор выросло поколение людей, которое четко знает, что они белорусы, ибо принадлежат Беларуси: Россия для них – чужая страна, а Союз был «давно и неправда».

Несмотря на отсутствие в этом самосознании языковой дифференциации с Россией, несмотря на включение российских деятелей в пантеон «своих», на территориальную близость к России, в нем наличествуют концепты «нашего государства», «нашего языка» (в высокой символической роли, хоть и не в контексте повседневного пользования), «нашей истории» (даже и проблематичной) и «нашего президента». Относиться к последнему можно по-разному, но сам факт наличия иного, нежели в России, президента – на том же символическом уровне факт значимый.

Двух этих параметров – глобализационных тенденций и представлений о собственной государственности – вполне хватает для того, чтобы на уровне обыденного мышления знать: мы – белорусы, отдельная и современная (не крестьянская, не «колхозная», не «партизанская») нация. Побочные представления, *не мешающие этому знанию,* таковы: а) мы близки к россиянам, т.к. в истоках «принадлежим к одному народу» (см. опрос НИСЭПИ 2009 г.)[38], пользуемся русским языком и включены в контекст российского масскульта; б) мы европейцы, поскольку у нас европейская история и нам нравится европейский масскульт, включая образ жизни[39]. Для не самой рефлексирующей части общества этот набор не видится противоречивым.

Разумеется, эта консьюмеристская группа – не единственная: молодежь, выходящая на Плошчу, будет всегда, даже при «голубином» правлении, ибо это самая искренняя, самая горячая и самая контркультурная страта общества.

Однако она разделится на две неравные части. Для первой, большей, этот протест так и останется контркультурным: уйдя во взрослую жизнь, она отколется от общественно-политических процессов. Это показывает опыт включенного наблюдения. Так, многие представители студенческой молодежи, бывшие активными на Плошчы-2006, к 2010 г., перестав быть «студенческой молодежью», на Плошчу не пошли. Здесь сыграли роль разные обстоятельства: и ощущение, что «после такого» все должно измениться, но не изменилось; и связанное с этим недоверие вождям оппозиции; и страх у тех, кто уже пережил одну «отсидку»; и увеличение числа уехавших учиться за границу. Не исключено, что эта прослойка довольно быстро начнет идентифицировать себя как ев-

ропейцев (по месту жительства) и одновременно как белорусов («корни»). Двойная идентичность – не есть что-то оригинальное: на подобном «стоит» идентичность граждан США.

Однако вернемся к тем, кто останется в родных пенатах. Причины отхода многих из них от политической борьбы, названные выше, действенны, но самый объективный фактор здесь – убывание «контркультурности» с повзрослением: дела и обязанности, не такая тесная зависимость от среды, а значит, и меньшая «заразительность» настроений, перенимаемых от представителей своей группы. Для тех представителей группы, кто по-прежнему будет заинтересован в изменении существующей реальности, останется «запасной аэродром» – интернет, который служит не только мотиватором, но и демотиватором, заменой реальной деятельности, клапаном для выхлопа пара. Важно и то, что если в 2006 г. можно было «выхлопывать» этот пар только через ЖЖ и форумы, то к 2010 г. появились соцсети и Twitter (особенно последний, дающий возможность сиюминутного выпускания пара).

Вторая часть, гораздо меньшая, продолжит так или иначе участвовать в пред- и послевыборных акциях, «Чарнобыльскіх шляхах» и других протестных мероприятиях. Но тут следует отметить значимую тенденцию последнего времени: часть мероприятий такого рода – в духе и европейского, и российского «постмодернизма»[40] – становится менее серьезной, более игровой по сути: «акции аплодисментов», «стоп-бензин», флэш-мобы. С одной стороны, они подразумевают недовольство строем, с другой – не претендуют на его замену. Скорее, речь идет о точечных реакциях на конкретные ситуации. Здесь возможны два пути – теперь уже связанные с действиями испуганной «верхушки»: возобладание «ястребиной» политики или же политики «голубиной».

Если будет преобладать первая, то контркультурная страта – молодежь (пусть и сменяющаяся каждые пять-семь лет) – будет продолжать свои действия, и часть из нее уйдет в более организованные структуры оппозиции, где окунется в извечные проблемы и споры «антибыдла», о которых я писала выше. Однако этот анклав будет уменьшаться год за годом, поскольку Беларусь, как я уже писала в начале этого раздела, постепенно и органично будет терять свою «лабораторность».

Если же возобладает политика «голубиная», то с годами победит именно игровой, точечный аспект протестов, которые выродятся в масскультовый хэппенинг. Это произойдет по мере вымирания «наставников» и творцов «идеи». Позволю себе снова процитировать Маргарет Мид: «Еще совсем недавно старшие могли говорить; «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь». В этом смысле все мы, рожденные и воспитанные до 1940-х гг., – иммигранты»[41]. Внесу поправку: в искусственно затормозившем классическое воспитание СССР надо бы говорить о «рожденных и воспитанных до 1960-х гг.».

В свете сказанного фигура президента Лукашенко с годами будет становиться все более символической: и по представительству, и по действительному влиянию. В свете представительства он останется первым президентом независимой Республики Беларусь. Действительное же его влияние уменьшится – в силу категорической невстраиваемости в процессы, о которых я писала выше. Думается, этот постепенный процесс (который уже начался) займет ближайшие пять-семь лет: президент будет править «по-старому», народ будет жить «по-новому», хоть и по-прежнему попадаясь в ловушки традиционного менталитета. В худшем варианте Беларусь станет страной стариков, каковыми постепенно становятся страны Балтии, откуда уезжает молодежь. В лучшем – страной аутсорсинга, более дорогого, чем Индия, например. В том числе аутсорсинга духовного.

В рамках этого сценария я далека от мысли, что реальность отношений к себе и к другим, которую формирует сегодня «антибыдло», сохранится в том виде, в котором существует сейчас: не позволят как цивилизационные процессы, так и древние техники (отсутствие радикальности, умение лавировать и находить компромисс, т.е. тактики, которые могут служить в пользу данных процессов). Другое дело, что мало-помалу растают и предметы для споров: и ВКЛ, и СССР превратятся в игровые категории (возможно, на их основе и впрямь возникнут развернутые игровые вселенные – от компьютерных игр до «резерваций» ВКЛ и СССР, созданных для развлечения и как «фишки» туризма). Если учесть, что наследие СССР (в смысле знания его истории, памяти о нем:

«как это было») с фантастической скоростью (к нынешнему моменту уже практически полностью) выродилось в мифы, можно прогнозировать, что эти изменения, начало которым уже положено, произойдут в течение ближайших 5—10 лет.

В целом реализация этого прогноза, буде он состоится, займет не более 20—25 лет, но это в том случае, если мы не столкнемся с вызовами среды – экологическими, политическими, культурными, на которые будем неспособны ответить. А неспособность отвечать на вызовы заложена и в этом, и в следующем – отягощенном сценарии.

Отягощенный сценарий менее «развернут» – поскольку представляется менее вероятным. В случае его развития радикализация социума продолжится, и группы будут уменьшаться. Комплекс райцентра усугубится. Основания для этих опасений таковы: после 2010 г. обострились поутихшие уже споры о «литвинстве» и «тутэйшых», о языковом разделении; усилилась неприязнь к России (российский фактор и в событиях 19 декабря, и в апрельском теракте, и т.д.) и недовольство Европой: против санкций высказалось более 32 %. При стабилизации отношений с Россией и ЕС, при усовершенствовании бытовой жизни людей это может прекратиться, но это вовсе не гарантия, что не «рванет» через пять или десять лет. Сейчас общность ест сама себя. Для понимания этого достаточно почитать и государственные, и независимые СМИ, понаблюдать баталии на форумах и в соцсетях.

Радикализация общества может поменять направленность; группы могут объединиться и отношения между ними переструктурироваться ввиду общей беды (очереди в обменники в прошлом году – ласточка такого стихийного переструктурирования) и/или ввиду внешнего врага. Однако понятно, что в таком случае потери гораздо более значимы, чем в случае неотягощенного сценария. В целом я уверена в том, что победит он – по основаниям, выдвинутым выше. Потому, на мой взгляд, следует ожидать, скорее, развития первого сценария с возможными вкраплениями элементов второго – в периоды социально-политических трансформаций. Резонанс от них, как представляется, будет ярким (по преимуществу в среде молодежи – особенно «интернет-продвинутой»), но тянуться будет недолго (волны на поверхности гладкого моря) и будет приобретать все более игровой, флэш-мобовый характер.

Ряд оснований именно для такого прогноза был проанализирован выше, но основными, на мой взгляд, будут все те же причины «ментального» свойства, на которые накладывается текущая ситуация: наклонность к стабильному миропорядку, на которой так умело играет нынешний президент; «подспудность», «тихость», нежелание выделяться, неплохо соответствующее тенденции к автономизации, свойственной самым различным обществам, в том числе, и западных; привычка жить в зазоре между разными социально-культурными парадигмами (Россия и Запад); наложение современного консьюмеризма на давний крестьянский практицизм; дробление обществ на группы (внутренняя поликультурность, свойственная и Западу, и России), которое без проблем накладывается на крестьянский же недоверчивый герметизм. Последняя тенденция не будет артикулироваться явно: думается, нам не грозит ни революция, ни гражданская война (разве что на форумах и в соцсетях). Надеяться на смену поколений в смысле нашей «европеизации» не приходится ни через пять, ни через десять лет: во-первых, потому, что, как показывает анализ прецедентных текстов[42] и опросов НИСЭПИ, белорусы устойчиво воспроизводят сложившиеся культурные модели, и конфликты «отцов и детей» у нас, скорее, частные и временные. Во-вторых, амбициозная молодежь уезжает. В-третьих, нарастает возможность внутренней эмиграции (интернет-работа, интернет-общение, интернет-жизнь).

Единственное основание для надежды на изменения к лучшему в этом плане – не революционное, а эволюционное. Говорить о заметных «ласточках» этих изменений возможно будет никак не раньше, чем через десять лет. А, скорее всего, и позже. Что ж, прогресс существует, если не впихивать его в рамки своей не такой уж долгой жизни.

---

1 Не имея привычки оценивать кого-либо как «быдло», здесь я вынужденно употребляю это слово в качестве категории: «быдло» как те, кто не дорос до продвинутости «интеллектуальной элиты» или «антибыдла».

2 Разумеется, в том случае, если они не относятся к выраженной оппозиции. Но я говорю не о политическом, а об антропологическом комфорте.

3 См. в этой книге: Олег Манаев. Сотворение будущего Беларуси: роль независимых исследований.

4 См. мои книги: «Белорус: штрихи к автопортрету» и «Белорусы: от «тутэйшых» к нации».

5 При этом напрочь игнорируется и то, что советская власть в Беларуси была воспринята бо-

лее чем спокойно; и родство ценностей и поведенческих моделей «советского винтика» и традиционного белоруса (поскольку советская идеология была выстроена с учетом традиционности населения, на 82 % состоящего из крестьян); и то, с каким облегчением в массе своей население страны восприняло возвращение к квазисоветским ценностям после середины 1990-х.

6 http://www.svaboda.org/content/transcript/24418730.html

7 В. В. Быков – народный писатель Беларуси (1980), Герой Социалистического Труда (1984), кавалер ордена Ленина (1984), ордена Трудового Красного Знамени (1974). Некоторые награды: Ленинская премия (за повесть «Знак беды»; 1986); Государственная премия СССР (за повести «Дожить до рассвета» и «Обелиск»; 1974); Государственная премия БССР имени Якуба Коласа (за повести «Волчья стая», «Его батальон»; 1978); Литературная премия БССР имени Якуба Коласа (за повесть «Третья ракета»; 1964).

8 Мотив понятен и прозрачен: «они» (русские) – православные, а мы – внутри – язычники. Этот ход хоть не хуже иных, предпринимаемых в идеологических целях, все же недобросовестен: официальная религия и язычество сплетаются в любом народном мировоззрении, и верования в деревнях России были отнюдь не менее пропитаны языческими мотивами, чем верования на ныне белорусских территориях.

9 Показательно постоянное кивание в сторону крестьянского происхождения Александра Лукашенко. Здесь хотелось бы отметить два «но». Первое: Александр Лукашенко был бы Александром Лукашенко, даже родись он в городе. Его черты не сословные, а личностные. Второе: в моем – повторюсь, чисто символическом – понимании, Александр Лукашенко как раз является ярчайшим выражением духовного райцентра.

10 Путаница и подмена очевидны: в период ВКЛ можно говорить лишь о землях, ныне принадлежащих Беларуси, ибо в те времена не было ни такого этнонима, ни в целом этнического (уж не говоря о современном национальном) деления.

11 Значимый момент уже для другого отрога нашей причудливой идентичности: лишь сейчас потихоньку начали говорить и о другом виде приписывания, когда евреи понимаются как белорусы (когда идет речь о гибели каждого четвертого во время Великой Отечественной войны).

12 С аксиологической точки зрения, советский миф победил (у тех, у кого победил) далеко не только в силу агитации, а вследствие наложимости ряда его идеалов и путей на сложившиеся веками ценности ряда народов СССР, и распался благодаря крушению этих ценностей. Вслед за этим распался и СССР.

13 Правда, для этого понадобился бы ряд неисполнимых условий, о чем далее.

14 Разумеется, это не отменяет действительных влияний политики Москвы на политику Минска.

15 См. текст Юрия Дракохруста в этой книге.

16 http://www.iiseps.org/press7.html

17 Должна уточнить: в этой преемственности время от времени происходят рокировки, но сама первая «тройка» незыблема.

18 Впрочем, показательно, что деятели современности и недавнего прошлого в нашем сознании значительно перевешивают деятелей ВКЛ: ср. 23,2 % Петра Машерова и 9,3 % Витовта; 20,6 % Лукашенко и 5,2 % Льва Сапеги.

19 См. в этой книге: Олег Манаев. Сотворение будущего Беларуси: роль независимых исследований.

20 Не следует повторять ошибку «антибыдла», путающего терпение с терпимостью. Терпимость связана с жизненной позицией, т.е. с полем выбора, а терпение – с привычной диспо-

зицией, с полем, на котором никакого выбора нет.

21 Впрочем, это касается только надбытовых ценностей, с бытовыми и витальными у нас все в порядке. Более того, они сравнительно мало изменились по сравнению с вековечными ценностями крестьянства: так, по материалам общенационального опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси (2004 г.), на первых местах в иерархии ценностей белоруса – здоровье (87 %), дети (75 %), семья (71 %). На четвертое место (68 %) выдвинулась «материально обеспеченная жизнь», т.е. «дабрабыт». Но в этих ценностях не надо делать мучительного выбора.

22 К счастью, в суровые годы и по-настоящему тяжелые моменты она дает сбой: надеюсь, что так будет и дальше.

23 Субъективно (во всяком случае, отчасти) можно это понять – и вследствие лакированного образа этой войны в советских и послесоветских медиа; и обязательность изучения отдельного предмета «Великая Отечественная война советского народа» (показательно слово «советского» в независимой стране, спустя 20 лет после развала СССР; и сведение всей «белорусскости» к «партизанке» и т.д. Но стоит ли вместе с водой выплескивать и младенца?

24 Понятие «лидер мнения» было введено П. Лазарсфельдом в русле теории коммуникации. Это человек (чаще – люди), считающийся наиболее компетентным в том или ином вопросе членом группы, вследствие чего он выступает как посредник между средствами коммуникации и потоками внешней информации, с одной стороны, и собственной группой, осуществляющей выбор информации, с другой.

25 Дракохруст Юрий. Кому доверяет молодежь? // Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение / под ред. Олега Манаева. Санкт-Петербург, 2011. С. 163—166.

26 См. текст Сергея Николюка в этой книге.

27 http://www.iiseps.org/trend.html

28 Эти исследования предприняты в моей книге «Белорусы: от «тутэйшых» к нации».

29 Ян Максімюк. Мова старэйшага брата. (http://www.svaboda.org/content/article/24611572.tml);
Ян Максімюк. Сіндром малодшага брата. (http://www.svaboda.org/content/transcript/24626377.html)

30 http://www.iiseps.org/11-06-8.html

31 Показательно, что после Плошчы-2006 некоторое число студенческой молодежи принципиально перешло на белорусский язык. Здесь язык снова выступил в символической (протестуальной) функции – в противовес русскоговорящей «верхушке».

32 В этом вопросе претензии к «совку» затушевываются: а ведь именно, начиная с БССР, здесь и возникла стойкая тенденция: литература должна быть на национальном языке. Говоря о языковой унификации (например, об отсутствии в городах белорусскоязычных школ), этот момент упускают: стать поэтом «по-белорусски» было гораздо сложнее, чем «по-русски»: потому-то поэты, которые могли сделать честь отечественной культуре – и Вениамин Блаженный, и Алексей Жданов, и Григорий Трестман, и Константин Михеев, и многие другие – были изначально вытеснены в андерграунд.

33 Анализ действительного положения дел в этом контексте еще в 1998 г. дал Юрий Дракохруст в статье с парадоксальным, но верным названием «Белорусский национализм говорит по-русски». С тех пор ситуация в принципе не изменилась.

34 Что не отменяет ни подспудного уровня недовольства всеми и вся, ни проявлений люмпенского хамства местного масштаба: впрочем, это свойственно далеко не только белорусам.

35 На этом фоне ярко выделяются те, кто этот выбор делают. Например, Николай Статкевич. Вряд ли я когда-нибудь проголосовала бы за него как за президента. Я настороженно отношусь к фанатикам идеи. Но не замечать последовательности его выбора не могу.

36 И не только предприниматель. Вспоминается доклад на университетской конференции. Основной вопрос этого доклада, как провозгласил его автор, заведующий кафедрой, небезызвестный специалист-гуманитарий, звучал так: «Ці можа жыд лічыцца беларускім мастаком?» На возмущение одного из присутствующих мудрые коллеги отреагировали так: «Ну что вы, ей-Богу, как ребенок, подставляетесь!»

37 http://www.iiseps.org/press10.html

38 http://www.iiseps.org/12-09-02.html

39 Возможно, мы пока еще «недоевропейцы», как отмечает некоторое число блогеров и форумчан, но рано или поздно будем ими в полной мере и со всеми вытекающими.

40 Здесь я употребляю это слово не в научном, а, скорее, в обиходном контексте – как особое культурное настроение, связанное с несерьезностью, игрой, плюральностью, зрелищностью.

41 http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/mid.ru.html

42 См. Белорусы: от «тутэйщых» к нации. (http://yvch.blog.tut.by/)

Григорий ИОФФЕ

В тупике этнического национализма

Введение в проблему

«В Минском аэропорту я прошу у какого-то мужчины зажигалку. Он, не расслышав, переспрашивает. Я повторяю вопрос по-английски – мужик очень похож на иностранца: очки, серьга в ухе, на вид лет сорок

– Да нет, я русский, – говорит он и тут же хлопает себя по лбу. – Ой, что я говорю? Я же белорус!

– И что, многие белорусы путают себя с русскими? – интересуюсь я.

– Большинство»[1].

Это – выдержка из статьи молодого российского репортера Юлии Вишневецкой. Но разговор о странной кондиции белорусского самосознания можно было бы начать и по-другому. Например, Александр Лукашенко, бессменно руководящий Беларусью уже 18 лет, много раз утверждал, что русские и белорусы – это один народ[2]. В 2004 г. он даже сказал, что белорусы – это русские, только со знаком качества. Эксперты до сих пор пытаются понять, что он имел в виду[3]. Мне довелось спросить об этом самого президента Беларуси, и те, кто даст себе труд прочесть этот текст, узнают его ответ на этот вопрос. Мнение президента Беларуси как минимум небезынтересно. Ведь, по словам Виталия Силицкого, он «положил мировоззрение и политическую культуру среднего белоруса» в основу своей политики[4].

Да и безотносительно к мнению президента, прямых свидетельств необыкновенно тесных уз между русскими и белорусами, а также косвенных свидетельств нивелирующего влияния этих уз на самосознание последних предостаточно. Например, согласно национальному опросу

НИСЭПИ, проведенному в сентябре 2009 г., 80 % белорусов не считает Россию заграницей[5]. Опрос лаборатории НОВАК в апреле 2010 г. показал, что только 12,6 % белорусов считает, что вхождение Беларуси в Россию явилась бы абсолютно неприемлемой ценой улучшения жизненных условий, в то время как 38,4 % респондентов сочли такую цену допустимой, а 43,9 % – допустимой при определённых обстоятельствах[6]. С моей точки зрения, удержание и упрочения политической независимости страны, чей народ все еще не выработал ясной и непротиворечивой системы представлений о самом себе, является заслугой правящего в стране политического режима. И это еще один веский довод в пользу внимания к мнению белорусского лидера о коренных особенностях белорусов.

Последующее изложение построено следующим образом. Сначала я приведу соображения о языке как о маркере идентичности, затем поговорю о слабости белорусского национализма и о трех национальных проектах Беларуси. Вслед за этим я обращу внимание читателя на то, как события 19 декабря 2010 г. повлияли на сравнительную привлекательность этих проектов. И, наконец, я «дам слово» Александру Лукашенко, который некогда был квалифицирован (Валером Булгаковым) как лидер белорусских креолов. В заключение я выражу свою точку зрения на возможный последующий ход эволюции белорусского самосознания.

Язык и самосознание

Неопределенность белорусской самоидентификации хорошо просматривается в языковой сфере, особенно если учесть, что в Европе родной язык издавна служит индикатором национального самосознания. Хотя в этом отношении Беларусь не уникальна – у пишущих на эту тему часто возникает аналогия с Ирландией, где большинство говорит по-английски. Однако ирландский весьма далек от английского, не то, что белорусский от русского. Это означает иной контекст принятия «чужого» языка, нежели тот, что существовал в Ирландии – прежде всего по причине разной степени чужеродности воспринятого

языка ежедневного общения. В самом деле, для того, чтобы теперь освоить национальный язык в Ирландии, его нужно специально изучать, приложив для этого немало усилий. В силу значительной близости русского и белорусского языков белорусам для освоения белорусского языка нужно затратить куда меньше сил, чем ирландцам для освоения ирландского. Тем не менее, массового перехода на белорусский не произошло и вряд ли произойдёт в обозримой перспективе. Согласно данным лаборатории НОВАК, в 2012 г. лишь 23 % взрослых жителей Беларуси владело белорусским в совершенстве, тогда как тремя годами раньше 34 %. В то же время лишь 3.9 % использовало белорусский язык как единственный язык общения, тогда как в 2009 г. это делало 5.8 %. Почти половина (46.5 %) белорусов объяснила факт неиспользования белорусского языка отсутствием белорусскоговорящей среды, причем более половины (52.4 %) высказывается против расширения сферы применения белорусского языка в бизнесе и почти половина (48.4 %) – против использования белорусского языка в армии. При допущении наличия более чем одного родного языка 52.4 % назвало родным белорусский, а 78.7 % – русский. Только 29.5 % хотело бы улучшить знание белорусского языка и только 14.6 % хотело бы постоянно использовать его на работе[7].

Нина Мечковская отмечает, что большая часть городских белорусов, говорящих по-белорусски, усвоила язык не от своих матерей или школьных учителей, а выучила самостоятельно. В результате, белорусский язык становится всё более книжным, элитарным и отделённым от ежедневного общения. Он редко применяется как естественное средство общения, и в большей части случаев его используют лишь в профессиональных, символических или идеологических целях. Разговор по-белорусски на публике превратился в своего рода перфоманс. Мечковская также признаёт, что в условиях глобализации относительное понижение экономического и политического суверенитета страны неизбежно. Однако она подвергает сомнению культурный суверенитет Беларуси, который, по её мнению, зависит от того, насколько привлекательна и уникальна информация, производимая в Беларуси. То, что производится сейчас, едва ли достаточно для поддержания культурного суверенитета[8].

Слабость белорусского национализма и три национальных проекта Беларуси

Когда Сергей Дубавец высказал на радио «Свабода» точку зрения, что все альтернативные кандидаты в президенты должны были говорить по-белорусски всё время, а не только иногда, и тогда бы они сплотили оппозиционный электорат, один из первых читательских комментариев, помещённых на сайте «Свабоды», гласил:

«Проблема в том, что сегодня использование белорусского языка не сплотит никого. Подавляющее большинство белорусско-говорящих – это сельские пенсионеры… Что касается белорусско-говорящих горожан, то это крайне маргинализованное и изолированное меньшинство. В Прибалтике всегда говорили на своих языках, так что их борьба за демократию и свободу велась на этих языках. В нашей же стране говорение на белорусском всегда было признаком принадлежности к низшему социальному слою. Почему так сложилось – другой вопрос, но этот порядок вещей не имеет ничего общего с демократией. Ведь в Прибалтике люди не начали использовать свои языки только в условиях демократии, они говорили на своих языках и при тоталитарном строе. Для того чтобы использовать национализм в качестве оружия, он должен присутствовать хотя бы на минимальном уровне[9].

Наталья Лещенко, родившаяся и выросшая в Минске, пишет, что в Беларуси «отсутствие национальной идентичности ощущается почти физически»[10]. Согласно Валентину Акудовичу, «пока мы не разорвём пуповину, соединяющую нас с Россией, до дех пор мы не станем настоящей нацией»[11]. Ранее Акудович объяснял незавершенность формирования белорусской нации тем, что Беларусь никогда не вела национально-освободительной войны. А поскольку сожалеть по части отсутствия войны безнравственно, Акудович выразил надежду, что имевшие место в конце 2006 – начале 2007 г. острые споры между Россией и Беларусью о ценах на нефть и газ сыграют роль такой войны[12].

Сказанное выше едва ли нуждается в развёрнутом комментарии. Затянувшийся процесс консолидации белорусов в единую национальную общность не может не вызывать озабоченности – по крайней мере у тех, кто относится к Беларуси с симпатией. Мне кажется, что несфор-

мированность самосознания чревата риском утери государственности в гораздо большей степени, чем внешняя экономическая зависимость или отсутствие в стране демократии западного образца. Очевидно также, что далеко не все на Западе разделяют такую точку зрения. Если бы, например, советники американских законодателей хотя бы задумались о том, какую роль играет белорусская идентичность в упрочении независимости страны, то они бы никогда не надиктовали 28 конгрессменам письмо, ратующее за перенос места проведения чемпионата мира по хоккею 2014 г. из Беларуси в другую страну[13]. К счастью, Международная федерация хоккея не прислушалась к голосу конгрессменов, но если бы прислушалась, то наказан был бы не Александр Лукашенко, как того хотелось американским законодателям, а большая часть простых белорусов. У них бы отняли частичку гордости, которая способствует объединению людей в одно сообщество, особенно в ситуации, когда остро не хватает других канонических оснований для такого объединения.

В свой книге о Беларуси, вышедшей в 2008 г.[14], я описал три белорусских национальных проекта – три разновидности национальной мифологии, три видения истории и будущего страны. Отправным пунктом послужило для меня видимое отсутствие единства по части национальных символов и языка или, другими словами, по поводу того, что значит быть белорусом. Это несогласие остро проявляется в заочных политических дебатах. Когда официальные лица и оппозиция критикуют друг друга, они первым делом отлучают своих оппонентов от белорусскости. Так, в глазах оппозиции Лукашенко был долгое время московским сатрапом, тогда как в глазах самого Лукашенко оппозиция представляет собой антинациональную силу, «пятую колонну». Ни в одной другой европейской стране нельзя услышать ничего подобного, хотя элементы подобных взаимоотношений подчас прослеживаются на Украине.

Один из национальных проектов Беларуси, культурно-идеологическая подоплёка которого обычно ассоциируется с Ф. Богушевичем, а политическая с лидерами БНР, рассматривает Беларусь как наследницу Великого княжества Литовского, последовательно «европейского» государства, ведшего войны с азиатской варварской Россией. Целью Бела-

руси является полное восстановление этой преемственности и соответственно, отторжение российского влияния, в том числе в его советской инкарнации. Другой национальный проект, восходящий к западнорусизму, теории, которой придерживались Михаил Коялович и Ефим Карский, трактует Беларусь как культурно-самобытную часть русской цивилизации и нацелен на отторжение западных, прежде всего польских влияний. Долгое время образованные белорусы тяготели к одному из этих идеологических полюсов, хотя по традиции только западнический проект отождествлялся с национализмом. Это и понятно, так как именно Россия доминировала над Беларусью на протяжении последних 200 лет. Тем не менее, такая однобокая трактовка белорусского национализма, по-видимому, изжила себя. Хорошей иллюстрацией в этом смысле служит недавняя книга Эндрю Уилсона[15], точнее, те противоречия, которые она обнажила. С одной стороны, Уилсон разделяет взгляд Валера Булгакова о том, что авторами и первыми хранителями «белорусской идеи» были как раз западнорусисты. Более того, Уилсон солидаризуется с мнением Франсин Хирш о том, что национальная идентичность белорусов внедрялась в массы советскими чиновниками. Уилсон цитирует Наталью Лещенко, утверждающую, что белорусские «западники» не сумели внедрить свой националистический мессидж в белорусские массы, тогда как Александр Лукашенко, их антипод, как раз преуспел именно на этом поприще. С другой стороны, тот же Уилсон продолжает именовать (белорусским) национализмом только его западнический вариант – противоречие настолько очевидное, что вывод о неадекватности или как минимум устарелости такого подхода напрашивается сам собой.

В 2007—2008 гг., когда я писал свою книгу, бессменный президент Беларуси не производил впечатления «московского сатрапа». Напротив, в то время отношения с Россией были омрачены торговыми войнами, и президент Беларуси подчас смотрелся как единственный реальный гарант белорусской независимости – независимости от России. Видимо, это обстоятельство побудило меня уделить особое внимание публикациям Александра Абушенко[16] и Валера Булгакова[17], которые писали еще об одном – креольском – варианте белорусского национализма (по аналогии с тем, о чем применительно к Украине ранее писал Мыкола Ряб-

чук). Креольский проект – это проект русскоязычных (и говорящих на трасянке) белорусов, который в какой-то мере синтезирует представления двух ранее упомянутых проектов, хотя и делает это ассиметрично в том смысле, что элементы западнорусизма представлены в этом синтезе более емко и отчетливо, чем элементы западнического проекта. Хотя и последним тоже уделяется внимание, о чем свидетельствовало, в частности, благожелательное в целом обсуждение Белорусской Народной Республики на страницах главной газеты страны[18]. Еще больше, чем это обсуждение, на признание самостийной роли белорусского креольства меня сподвигло следующее признание Валентина Акудовича, возможно, самого интеллектуального белорусского западника:

«На вопрос о том, что следует сделать белорусским демократам, у меня есть такой ответ: вытащите Александра Лукашенко из его кабинета и перенесите его на своих плечах через Буг в Европейский союз, чтобы он там европеизировался как можно скорее. Ибо до тех пор, пока Лукашенко и его чиновники не европеизируются, Беларусь не воспримет демократию и не станет европейской страной. Так что это следует сделать тем, кто печется о белорусской независимости больше всего, – транспортировать нашу власть на другой берег Буга, так как ничто не защитит нашу независимость надежнее, чем включение Беларуси в различные европейские структуры[19].

От этой шуточной рекомендации Акудовича разит нешуточным неверием в возможность консолидировать белорусов посредством западнического национального проекта (к которому принадлежит сам Акудович) и в то же время верой в то, что «президент креолов», как некогда назвал Александра Лукашенко Валер Булгаков, как раз способен достичь этого результата – если только «перенести этого президента через Буг».

Креольский проект содержит в себе черты гражданского национализма, чье противопоставление национализму этническому представляется правомерным не только в плане общетеоретическом, но, главное, с точки зрения реалий современной Беларуси, где этнический национализм попросту не укоренился. Результаты опросов НИСЭПИ, проведенных в 1996 и 2004 г., также косвенно указывают на центральную роль эклектичного креольского дискурса. «Среди ключевых ли-

деров, наиболее отвечающих идеалу политика, белорусы назвали Владимира Путина, Петра Машерова, Петра I, Александра Лукашенко и Екатерину II. По этим же данным, Лукашенко соседствует с обоими «великими» – Петром и Екатериной, Сталин – с Калиновским, князь Витовт – с Лениным, а Лев Сапега – с Хрущевым»[20].

Радикализация мыслящей части общества и возрастание роли западнорусизма

С тех пор как вышла моя книга, в белорусском обществе произошли изменения, в частности, связанные с последствиями драматических событий 19 декабря 2010 г. Во-первых, произошла значительная радикализация и поляризация рефлексирующей части общества. Во-вторых, сказалась значительная подверженность Беларуси внешним влияниям, а, следовательно, и изменениям в их сравнительной силе. Можно утверждать, что Запад проиграл России очередной раунд борьбы за Беларусь – скорее всего, в силу высокомерия и слабого знания белорусских реалий. Этот проигрыш удивительно быстро отразился на геополитических предпочтениях белорусов. На вопрос, к кому бы они предпочли присоединиться, к Евросоюзу или России, если бы надо было выбирать из этих двух вариантов, белорусы стали вновь с большей частотой указывать на Россию. Усиление российского влияния повысило популярность западнорусизма, причем не просто как одного из национальных проектов, а как платформы для консолидации белорусов. Это проявляется в возросшей влиятельности и плодовитости интернетного ресурса «Западная Русь» (http://zapadrus.su/index.php?start=20), а также в весьма популярных и живо обсуждаемых статьях таких приверженцев западнорусистского проекта, как Борис Лепешко, Всеволод Шимов и Вадим Гигин. Лепешко, например, анализирует категории «царскости», «советскости» и «русскости» как взаимосвязанные и имманентно присущие неделимому восточнославянскому этносу. «Это даже не родимые наши пятна», пишет Лепешко, – «это наша суть, сколько бы мы ни пытались отскрести их при помощи европейских скребков. Можно ли сменить историческую «шкуру»? Нет, нельзя. Можно ли сменить язык,

который помог нам выжить? Нет, нельзя. Можно ли сменить именно на этой основе сформированную ментальность? Нет, нельзя. А вот понять, точнее, попытаться понять эти феномены, включить их в уже современный политический, мировоззренческий процесс, осознать родовую сущность этих дефиниций и их важность для жизни уже новых поколений – конечно, можно и необходимо». Так, в представлении Лепешко, царскость – «качественное состояние восточнославянского этноса, для которого (состояния) характерен патернализм, приоритет общественных умонастроений, соответствующей экономической, социальной практики над настроениями личными, традиционализм, доминирующая роль конфессиональных предпочтений». Михаил Горбачев потому отрицательно воспринимается гражданами восточнославянских государств, что он разрушил царскость, в особенности патерналистский характер государства и тот естественный принцип иерархичности, который присущ рассматриваемому явлению царскости.

Вадим Гигин бросил вызов традиционному для западнического дискурса тезису о том, что Беларусь была угнетаемой, заброшенной и забитой колонией России.

«Уже в первые годы после присоединения к России белорусские земли пережили значительный хозяйственный подъем. Понимая, в каком тяжелом положении находилось белорусское население при Речи Посполитой, новые власти ввели значительные льготы для вновь присоединенных территорий. С 1797 г. на протяжении десяти лет во всех белорусских губерниях с крестьян подушный налог собирался наполовину меньше, чем в остальной империи. Отменялся пошлинный сбор с сельскохозяйственных и лесных товаров, направлявшихся из Беларуси в Ригу, главный порт на Балтике. При новом правлении выросло население всех белорусских городов. Например, за первые десять лет после присоединения к империи население Витебска увеличилось в два раза. Создавались новые предприятия и мануфактуры. Особенно активно развивалась полотняная, парусиновая, канатная, суконная, стекольная, кожевенная, поташная промышленность. Только что основанный Черноморский флот практически полностью оснащался парусиной из Кричева. А вскоре в этом же городе была построена и судостроительная верфь. Да и в дальнейшем Беларусь в хозяйственном отношении

находилась даже в более привилегированном положении, чем великорусские губернии. Наш край стал своеобразной экспериментальной площадкой для наиболее передовых нововведений имперских властей. Так, в 1839 г. министр государственных имуществ Павел Киселев начал здесь реформу, в результате которой значительно улучшилось положение государственных крестьян: их повинности были серьезно сокращены, запрещалось применять физические наказания, начали создаваться выборные органы крестьянского самоуправления».

«И уж совсем анекдотично утверждение, – пишет Гигин, – будто российские власти запретили белорусский язык! Что было запрещать, если к моменту вхождения в Российскую империю белорусский язык не употреблялся ни в одной из сфер общественной жизни? В Речи Посполитой все было полонизировано. Не существовало ни школы, ни театра, ни книгоиздания на белорусском языке. Даже знаменитый Литовский статут использовался не на старобелорусском языке, как думают некоторые, а на польском. Клятвенно обещаю, что проставлю бутылку хорошего коньяка тому, кто найдет документ, по которому в Российской империи запрещался белорусский язык!»[21]

В другом своём тексте Гигин называет Лукашенко «настоящим националистом эпохи постмодернизма». «Он действительно, – утверждает Гигин, – отстаивает интересы своего народа, способствует формированию современной белорусской нации. Причем не в том этническом понимании нации, какого у нас придерживается оппозиция. Александр Лукашенко находится в русле европейского мейнстрима, когда народ страны не разделяют по этнонациональным признакам, а, наоборот, объединяют по признаку гражданственности»[22].

Приведенные выше суждения имеют хождение в белорусском социуме и как минимум не могут быть отвергнуты просто потому, что они не соответствуют джентльменскому набору воззрений либеральной интеллигенции или такому же набору воззрений националистов-западников. Сегодня даже выросшие на Западе аналитики уже не стесняются писать о том, что западная политика в отношении Беларуси провалилась, так как была построена на «устойчивом непонимании белорусской ментальности и социальных потребностей», что уверенность стратегов Евросоюза в «привлекательности его модели государствен-

ного управления» в глазах белорусов явно чрезмерна и, наконец, что простые белорусы «пока что не готовы обменять свою неосоветскую модель управления на западную»[23].

Тем более любопытно, что в воззрениях Александра Лукашенко попрежнему прослеживается идея пусть и асимметричного, но всё же креольского синтеза, отнюдь не полностью отметающего элементы западнического дискурса. Складывается даже впечатление, что Лукашенко менее догматичен, чем его либеральные критики и критики-западники. В подтверждение этой мысли приведу выдержки из моих интервью с А. Лукашенко, состоявшихся в июне-июле 2011 г.

Взгляд на проблему глазами Александра Лукашенко

Иоффе (И). *Существует весьма распространенное мнение, что белорусы не сложились еще как нация потому, что у них нет единства по части символов и мифов, по части исторических корней, по части языка, и даже по части названия страны. Это мнение ошибочно или нет? Что для Вас значит быть белорусом?*

Лукашенко (Л). *Вы знаете, вот все, что Вы сказали, даже если это так, меня это мало интересует, и я об этом не думаю.*

И. *Понятно.*

Л. *Хорошо, не сложились. Складываемся.*

И. *Так это не есть негативная критика . . .*

Л. *Нет, так это враньё. Я исхожу из того, что это не так. Это не так. Но даже если это так, ну, мы не сложились как нация – то есть есть еще куда расти, над чем думать и в каком направлении развиваться. Меня это ну абсолютно не напрягает, что мы еще где-то не доработали. Но мы же хотим быть нацией!*

И. *Конечно.*

Л. *Ну вот, Вы видите, как я борюсь и другие. Для нас непреходящая ценность – это наша независимость и суверенитет, это жить на своем клочке земли. Мы не так как нацмены это понимаем: так, белорусы остаются; евреи, поляки, русские и другие – вон! Наоборот: если хотите к нам, вот клочок земли, но жить здесь гражданам Беларуси,*

кто согласится работать на этот клочок земли. Да, литовцы там, россияне, поляки… Это такая наша земля, мы на перекрестке дорог. То нас бомбили-резали, присоединяли к Польше, то к Литве, в империи мы были – ну и что из этого! Но, тем не менее, несмотря на то, что нас пытались делать и такими, и сякими, и этакими, мы ведь состоялись как государство, и в этом государстве белорусы живут... И по последней переписи – сколько там, 90 или с лишним процентов себя числят белорусами. Это же важно, что в сознании. Неважно, что он Иоффе, неважно, что у него отец был белорус или русский, а мать еврейка. Неважно… Но он стал белорусом.

И. *Понятно. По своему ощущению.*

Л. *Что Вы хотите сказать, что у Вас все еврейские корни или русские, если у Вас мать такая, а отец . . .нет! Там может быть у Вас черт знает, там может быть у Вас из Рима итальянец какой-то или черт знает кто! Понимаете? Зачем нам в этом копаться! Не это главное! Главное – что есть сейчас и главное – что будет! А историю – да, ее надо знать, она такая, что нам не давали возможность вот в этих границах – как и Израилю – что, евреи неглупые, они там по преданиям каким-то нашли что-то и создали мифы, что это их была земля. Ну пусть их! Она что, там была? Евреи там жили? Они вернулись на свою землю, может, она вот такая была, они ее взяли и начинают осваивать. Ну и что из этого! Но сегодня данность такая, что евреи там живут. Да, надо с палестинцами договориться, чтобы не было этой драки. Какая это жизнь, постоянно на пороховой бочке! И договорятся!*

И. *Вы думаете?*

Л. *А я уверен. А куда деваться? Придут новые поколения – договорятся. Если бы еще не разыгрывали там карту американцы, запад, россияне, прочие, так давно б договорились. А там же …разменная монета. Так и здесь. Ну, было, мы знаем, что было. Но сегодня, исходя из того, выкристаллизовался…*

И. *То есть. растет консолидированность….*

Л. *Конечно, конечно.*

И. *Что означает тогда это Ваше знаменитое высказывание о том, что белорусы – это русские со знаком качества?*

Л. *Это я Вам поясню. Это не совсем шутка, это полушутка.*

И. *Один народ?*

Л. *Да, мы действительно в одном жили государстве. Украинец еще как-то больше отличается от россиянина, а белоруса и русского ну-ка попробуй разделить! Не разделишь! Мы одинаково разговариваем, одинаково думаем. Мы вообще люди похожие абсолютно. У нас много крови смешано и там и здесь. Мы очень близкие люди. Но все-таки белорус – это, понимаете ли, как русский, но только со знаком качества. И я им объяснил: вы знаете, это почему? Потому что вы в свое время поляков, евреев согнали [в Беларусь] и они жили здесь. И они лучшее все добавили к нашему. И все перемешалось….*

И. *То есть белорусы – это часть русского мира, которая имела возможность…*

Л. *Ассимилировать или взять многие черты у этих…, ну это же так. Это так. Мы от кого научились торговать? Мы ж вообще не умели это делать. От евреев. Мы от кого научились рвать рубашку, если надо защищать страну? От русских. То есть это же влияние. Понимаете? И вот из этого сложилась белорусская нация, белорусы. Поэтому белорус – он такой же, как русский, но со знаком качества. То есть он более качественный, более образованный. Знаете Вы, что у нас в каждом доме, особенно на селе, да и в малых городах, там, где истинные белорусы на Полесье, там в каждом доме есть хоть какой-то музыкальный инструмент. Вы этого не знаете?*

И. *Нет.*

Л. *Плохо. Кто это принес? Не русские. Это от евреев. Цимбалы, у кого-то скрипка, у кого-то баян, у кого-то гармонь, у кого-то гусли или там….*

Таким образом, в представлении Лукашенко, особое качество белорусов по сравнению с русскими связано с тем, что они творчески позаимствовали черты других народов, с которыми соприкасались. Разумеется, нечто подобное можно было бы сказать о самих русских и о многих (о большинстве) других народов. Я, однако, не привел выдержку из интервью с целью дебатировать точку зрения белорусского лидера. Одной из самых распространенных ошибок, допускаемых в дискуссиях по национальному вопросу, служит стремление «вывести оппонента на

чистую воду». Между тем, самоценность национальной мифологии и мнений о национальных особенностях состоит не в их научности или вписанности в верифицируемые теории, а в том, насколько они отражают представления, фактически господствующие в обществе. В этом отношении Александр Лукашенко может дать фору многим другим белорусским политикам.

Одной из признанных особенностей Лукашенко служит его способность артикулировать мысли и чаяния значительного числа белорусов, о чём уже говорилось выше. Если рассуждения Лукашенко об «особом качестве» белорусов также отражают широко распространенное мнение, то для меня представляют интерес синкретизм этого мнения и содержащееся в нем неявное указание на слабую укорененность этнического национализма в сознании белорусов и на вероятную в будущем популярность гражданского национализма, в основе которого лежит территориальная общность людей, впитавших в себя различные влияния соседствующих групп и меньшинств. В том же самом контексте показательно использование Лукашенко слова «нацмены» в отношении сторонников этнического национализма, выступавших под знаменем БНФ. Согласно Валерию Карбалевичу, Лукашенко просто не понимает значения слова «нацмен» и употребляет его не к месту[24]. Мне же кажется, что Лукашенко как раз хорошо понимает значение этого слова. Просто для него сторонники БНФовской идеологии – это самоизолирующееся национальное меньшинство (нацмены), чьи лозунги отвергаются большей частью белорусов, для которых этническая чистота не является самоценной. Культурная самоизоляция как сознательно избранный принцип очень хорошо выражена в опубликованной на сайте «Свабоды» реакции Франака Вячорки[25] на совершенно не радикальное и, видимо, даже запоздалое мнение Яна Максимюка о том, что белорусская культура может твориться и на русском языке[26]. Интересно, что Лукашенко считает «бэнээфовцев» единственным «непродажным» элементом оппозиции, отмечая, что «они болеют за страну, за ее независимость, за то, чтобы она состоялась», но, тем не менее, утверждает, что «бэнээфовцы опасны для страны, наша страна не для них».

В связи с изложенным представляет интерес следующий фрагмент моего второго (июльского 2011 г.) интервью с Президентом Беларуси, в котором говорится о белорусском языке.

И. *В прессе долгое время муссировались Ваши высказывания о белорусском языке. Якобы Вы когда-то сказали, что на нём нельзя выразить ничего серьёзного. А можно только по-русски или по-английски. В последние годы, правда, Вы ничего подобного не говорили. Однако некоторые авторы отмечают, что Вы употребляете белорусские слова только в негативном контексте. Например: Бязглуздай демакратии больше не будет. Один автор книги о Вас даже пишет, что Вы не умеете говорить по-белорусски, что мне кажется маловероятным. Поясните, пожалуйста, Вашу позицию в отношении языка.*

Л. *Ну-у, я на бязглуздые заявы і рэагаваць не хачу. Наагул я не казаў, што на беларускай мове няма магчымасці штосці казаць. Ніколі гэтага не гаварыў. Для мяне што чытаць кніжку на беларускай мове, што на рускай – гэта адно і тое ж. Но правда заключается в том, что некоторые термины, особенно вот он [кивает в сторону А. Радькова] – физматовец – невозможно на белорусском языке . . . такое скажешь, что это будет надуманное что-то. Это первое. Второе: Я никогда не унижал белорусский язык. При Лукашенко при поступлениях в вузы сейчас пишут больше на белорусском языке сочинений, чем на русском. Понимаете? Вот он плохой. Я против того, чтобы эту тему вообще обсуждать. Язык – это святое. И у нас есть всё для того, чтобы спокойно – если надо, 20 лет, чтобы поставить белорусский язык вровень с русским. Все остальные вопросы – к Машерову.*

И. *Понятно…*

Л. *Это не я, понимаете? Не я. Я получил такую страну, где на русском языке, а порой на какой-то трасянце больше размаўлялі, чым на беларускай мове. А я беларускую мову вывучаў у школе. В институте.*

И. *Один ваш биограф пишет, что Вы обучались в школе, где не было преподавания белорусского языка.*

Л. *Как это не было? А откуда я знаю белорусский язык?*

И. *Ну как откуда! Из среды, в которой Вы общались. От матери.*

Л. *Ну, здрасьте! Если ты в школе учить не будешь, ты знать не бу-*

дешь. У меня теща преподавала беларускую мову в школе, чтоб Вы знали на всякий случай, и я познакомился с её дочкой в 15 лет. І з 15-ці гадоў, акрамя школы, дык яшчэ на беларускай мове размаўлялі і з цешчай, і з жонкай, і гэтак далей. Таму гэта поўнае глупства.

То, что я иногда употребляю слова, вот как Вы сказали, это я их цитирую. Они так говорят часто. Вот мы свядомыя! Не знаю, как сказать лучше: «осведомленные»? Мы самые продвинутые, понимаете? Мы самые продвинутые, мы самые грамотные, просвещенные в этом плане и так далее. Ну, мы их обозвали «свядомымі». Красиво звучит на беларускай мове? Красиво. Но я их вообще-то пятой колонной называю...

Перспективы

Два обстоятельства обращают на себя внимание в связи с далеко не бесспорной точкой зрения Лукашенко по части белорусского языка в Республике Беларусь. Во-первых, первый президент Беларуси действительно «получил страну», где белорусский язык тотально отвергался не только объективно сложившейся к тому времени языковой практикой, но и вполне сознательно значительными группами людей. Именно в период правления Машерова родителям белорусских школьников разрешено было ходатайствовать об освобождении от школьного курса белорусского языка, и десятки тысяч горожан воспользовались этим правом. Другое дело, что президент мог бы что-то предпринять для изменения сложившейся ситуации, однако предпочел этого не делать и тем самым набрал много политических очков в глазах электората, возмущенного попытками навязать белорусский силой, предпринятыми в начале 1990-х гг. По поводу второго обстоятельства рискну буквально повторить написанное мною ранее[27]. Хотя оппоненты белорусского лидера утверждают, что он не умеет говорить по-белорусски, речь идет о том белорусском языке, на котором не умеет говорить никто, за исключением нескольких тысяч минчан, перешедших на белорусский в сознательном возрасте. Подавляющая часть этих минчан усвоила лишь белорусскую лексику, включая множество не употреблявшихся в разговорной речи полонизмов, тогда как фонетика осталась русской. В ре-

зультате для многих белорусов, выросших в деревне или малом городе, речь столичных радетелей белорусскости отдает фальшью. В отличие от минских культуртрегеров, Лукашенко делает прямо противоположное: он говорит в основном по-русски – так же, как и подавляющее большинство его сограждан, но его фонетика остается при этом белорусской. В Беларуси, стране поздней урбанизации, люди, говорящие так же, как Лукашенко, до недавнего времени составляли большинство. Помимо акания, особенность белорусской фонетики в засилье твердых согласных, особенно – но не только – «ч» «щ». Скажем, «мы будем перетрахивать правительство» по-русски звучит смешно, но на том языке, на котором говорит множество белорусов, – это речевой норматив. Для этих людей Лукашенко свой – «на уровне подкорки».

Очень сложно прогнозировать, как будет развиваться феномен белорусского самосознания даже в обозримой перспективе и насколько консолидированной окажется сообщество номинальных белорусов вследствие того или иного сценария развития. А для человека, не живущего в Беларуси, это сложно вдвойне. Мне представляется, что значительное влияние на белорусское самосознание окажет успех или неуспех интеграционного проекта, связывающего Беларусь с Россией и Казахстаном. Если проект окажется успешным – а сейчас даже западные аналитики признают, что экономический «пряник», протянутый России Беларуси, гораздо важнее потенциальных пряников от Евросоюза – то в этом случае следует ожидать дополнительного усиления общественного статуса концепции западнорусизма. Сторонникам западнического дискурса не следует, однако, посыпать голову пеплом. Один из них, Валер Булгаков, уже убедительно показал в своей диссертации и в книге 2006 г.,[28] что западнорусизму в любом случае принадлежит историческое первенство в описании и изучении белорусов как обособленного сообщества. Следует признать, что с точки зрения сегодняшней культурной ориентации большинства белорусов, воззрения этой исторической школы намного адекватнее, чем позиции сторонников ВКЛ как прародины белорусов. Чем меньше западнорусистская историческая школа будет приниматься в штыки, тем меньше будет оснований делать геополитические выводы из едва ли опровержимого факта культурной близости белорусов и русских. Мне представляется, что идее

гражданского национализма также принадлежит будущее. Более того, от того насколько эта идея укоренится, будет зависеть степень включённости в национальную мифологию элементов западнического проекта. Однако концепция гражданского национализма в ее белорусском варианте нуждается в дальнейшей разработке, артикуляции и в «возвращении» её в массы в более рафинированном виде. Пока этот или какой-то другой сценарий не воплотился в жизнь, цельной белорусской идентичности просто не существует в природе. С моей точки зрения, это более уязвимая черта Беларуси, чем ее экономическая зависимость от России и чем политический авторитаризм. Есть известное изречение Ленина из написанного им в 1900 г. заявления редакции «Искры»: «Прежде чем объединиться, нам надо решительно размежеваться». Мне представляется, что случай Беларуси взывает к прямо противоположному. В целях сохранения и упрочения своей государственности белорусам следовало бы прекратить отлучать друг друга от белорусскости, им следовало бы прийти к согласию о том, что значит быть белорусом. Если хотя бы какая-то общность представлений на эту тему возникнет, белорусам будет легче размежеваться политически. До тех пор пока эта общность не сформируется, реальное партийное строительство в Беларуси едва ли начнется. Более того, само независимое существование Беларуси будет под угрозой.

---

1 Вишневецкая Юлия. Белоруссия сама по себе // Эксперт, 2 июля 2010 г. http://expert.ru/printissues/russian_reporter/2010/25/belorussiya?esr=15

2 Ioffe Grigory. Budushcheye Belorussii: optimisticheskii vzglyad // Pro et Contra, March-April 2007. P. 94, 95.

3 Белоруссия – не Россия?: разница национальных характеров на фоне политических событий // Russian Service of Radio Liberty, 16 January 2011. www.svobodanews.ru/content/transcript/2278301.html.

4 Сіліцкі Віталь. Памятаць, што дыктатуры руйнуюцца // Arche, 2006, № 7. http://arche.bymedia.net/2006-7/silicki706.htm.

5 Klaskovsky Alexander. Пещерной русофобии в Беларуси не обнаружено // Belorusskie Novosti, 2010, 7 October. http://naviny.by/rubrics/politic/2010/10/07/ic_articles_112_170745/.

6 Silitski Vitali. Motherland is not for sale? Belarusians' attitudes toward geopolitical alternatives: suspicion and mercenary motives // BISS BLITZ, #04/2010EN, 2010. 27 October. http://www.belinstitute.eu/images/doc-pdf/bb042010en.pdf.

7 Беларуская мова – мова эліты і апазіцыі // Твой стыль, 2012. 31 мая. http://t-styl.info/by/111/news/7911/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%

8F-%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%E2%80%94-%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D1%8D%D0%BB%D1%96%D1%82%D1%8B-%D1%96-%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B7%D1%96%D1%86%D1%8B%D1%96.htm
8 Мечковская Нина. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас, 2011. № 6. http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html
9 Dubavets Siarhei. Svaboda nie 'Svoboda. 2010. 17 February. www.svaboda.org/content/transcript/2312716.html.
10 Leshchenko Natalia. Belorusam nuzhna natsiya // Polit.Ru, 2010. 17 December. www.polit.ru/institutes/2010/12/17/belarus_print.htm.
11 Akudovich Valentin. Kogda Belorusy stanut natsiyei? // Belorussky Partizan, 2010. 7 September. http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=100&backPage=13&news=67138&newsPage=0.
12 Nachnaya Svaboda, a talk show of the Belarusian Service of Radio Liberty, 2007. 15 February.http://www.svaboda.org/articlesfeatures/man/2007/2/
13 Амэрыканскія кангрэсмэны – супраць ЧС-2014 у Менску. http://www.svaboda.org/content/article/24580688.html.
14 Ioffe Grigory. Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark. Lanham: Rowman and Littlefield, 2008.
15 Andrew Wilson. Belarus: The Last European Dictatorship. New Haven: Yale University Press, 2011.
16 Abushenka Uladzimer. Mickiewicz kak 'kreol': Ot 'tuteishikh geneologii' k geneologii Tuteshastsi, 2002, at www.lib.by/frahmenty/sem-abuszenka.htm .
17 Bulgakau Valerka. Vybary prezydenta kreolau // Arche, 2001. № 4; at Arche.home.by/2001-4/bulha401.htm.
18 БНР: поверх барьеров // Беларусь Сегодня, 2008. 22 марта. http://sb.by/post/bnr_poverh_barerov/
http://www.svaboda.org/content/transcript/1498724.html
20 Высказывание в кавычках взято из текста Юлии Чернявской, публикуемого в этой книге.
20 «Пражский акцент» Белорусской службы Радио «Свобода», 2009. 24 февраля.
20 Лепешко Борис. Царско-советско-русский крест // Западная Русь, 2012. 12 июня. http://zapadrus.su/rusmir/istf/674-2012-06-12-20-59-42.html
21 Гигин Вадим. Была ли Беларусь колонией? // Белта, 2012. 4 января. http://www.belta.by/ru/blogs?auth_ID=16&art_ID=119.
22 Особенности европейского диалога // Беларусь Сегодня, 2011. 7 апреля. http://sb.by/print/post/114929/.
23 Anais Marin. Sociological Study of the Composition of the Belarusian Society. Brussels: European Union, 2012. P. 12.
24 Карбалевич Валерий. Александр Лукашенко: политический портрет. Москва, 2010.
25 Вячорка Франак. Культурная капітуляцыя // Свабода, 2012. 27 июня. http://www.svaboda.org/content/article/24628206.html.
26 Максімюк Ян. Сындром «малодшага брата» // Свабода, 2012, 26 июня.
http://www.svaboda.org/content/transcript/24626377.html.
27 Иоффе Григорий. Авторитаризм без олигархии // Pro et Contra, 2011. Май-август.
28 Булгаков Валер. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006.

Дэвид МАРПЛЗ*

*Формирование нации на основе прошлого: увековечивание героев Великой Отечественной войны в Беларуси**

Постановка проблемы

Строительство нации в Беларуси в этой работе рассматривается на основе прошлого, в частности, на примере германо-советской войны – неизменно называя её на старый советский манер «Великая Отечественная война» (ВОВ) – как определяющий символ современного государства. Режим Лукашенко, пришедший к власти в июле 1994 г., преподносит эту войну и победу в ней как важнейшие события белорусского прошлого. За время его пребывания на посту президента, историки, публицисты, журналисты и другие следуют только официальному толкованию войны, проводя параллель между БССР военного времени и независимой Республикой Беларусь. Это осуществляется разными способами, в том числе путем создания мемориалов и памятников, увековечивания исторических мест, документальными телефильмами и, прежде всего, используя СМИ. Беларусь известна как «партизанская республика». Хотя эта тема обширна и выходит за рамки данного текста, я рассмотрю здесь один аспект этого «строительства нации с помощью советского прошлого», а именно создание или увековечивание героев и ветеранов войны в современном государстве, сосредоточившись главным образом на популярных рассказах и статьях в различных официальных СМИ и учебниках.

*Перевод с английского Никиты Чайкина.

Великая Отечественная война породила огромное количество героев, которые официально чествуются во время публичных мероприятий (особенно в День Победы 9 Мая и в День Независимости 3 июля), а также в школьных учебниках и общих сведениях о той войне. Содействие ветеранам в статусе героев является свидетельством особой роли войны, и того, что названо «наиболее яркими и героическими страницами в истории Беларуси». На различных фронтах, как утверждают официальные источники, сражалось более 1,3 миллиона белорусов. Около 300 000 из них – 26 процентов от общего числа – были награждены орденами и медалями за роль в войне, в том числе 446 получили высшую награду – звание Героя Советского Союза[1]. Это поразительно высокий процент. То же можно сказать и о военных потерях, которые составили около 2 миллионов человек, причем около 400 000 человек были депортированы для принудительного труда в Германию[2]. Несколько имен настолько значительны, что простое их упоминание вызывает различные образы войны, как, например, Василий Корж или Константин Заслонов[3]. Есть также много белорусских генералов и военачальников, имена которых можно найти в школьных учебниках, документальных фильмах и материалах СМИ о войне. В Беларуси Лукашенко наблюдается дальнейшее развитие этого процесса, а именно создание новых героев наряду со старыми. Нет более почетного звания в современной Беларуси, чем ветеран Великой Отечественной войны. Летом 2011 г., во время так называемой «революции через социальные сети», начавшейся в Минске незадолго до празднования Дня Независимости, президент даже ввел запрет на хлопанье в ладоши в общественных местах, если там происходит почитание ветеранов войны[4].

Белорусские власти и официальные СМИ, не принижая достижений СССР в деле Победы в этой войне, подняли авторитет ее белорусских участников на новый уровень. В итоге информация превратилась в пропаганду. Подходить к оценке этих людей как к предмету научного анализа, оставаться бесстрастным не так-то просто, поэтому я использую такой подход: постараюсь анализировать то, почему такой-то человек стал героем, почему сегодня следует помнить его имя. Любое расхождение с идеальной картиной встречается в штыки, но описание некоторых из этих личностей будет способствовать воссозданию

более адекватного образа. Нередко попытки предложить более точное их описание воспринимаются агрессивно и считаются «историческим ревизионизмом». Постоянно сокращающееся число ветеранов Великой Отечественной войны представляет собой группу, которая считается неприкасаемой. Ни в одной другой стране, кроме России, сегодня ветераны ВОВ не пользуются таким престижем. Президент регулярно ссылается на них в своих выступлениях, и не всегда легко различить, где заканчивается официальное строительство нации и начинается мифотворчество. Беларусь, несомненно, понесла в этой войне огромные жертвы. Но использование ВОВ в качестве инструмента государственного строительства стало более важным, чем точное и реалистичное предоставление о военных годах. Следствием, к сожалению, стали искажение и даже отказ от исторической правды. Беларусь вряд ли можно назвать уникальной в этом отношении, ведь подобный подход может быть применен к любой из держав-победительниц во Второй мировой войне. И все же она отличается тем, до какой степени война доминирует в концепции ее прошлого и отождествляется сегодня нынешним режимом.

Эта глава состоит из нескольких разделов, каждый из которых представляет собой иллюстрацию, основанную на современных взглядах: Герои Советского Союза, герои-летчики, молодые герои, герои-разведчики, а также те, кто пережил все четыре года войны и три года оккупации, герои заключительного этапа войны, ныне здравствующие ветераны современной Беларуси, а также герои-женщины. Особое внимание уделяется обсуждению роли патриотического воспитания в школах, основанному на рассказах ветеранов о подвигах белорусов во время войны.

Герои Советского Союза

Своего рода гипербола, использующаяся в повествованиях о героях ВОВ, ярко представлена в истории А. Исаченко под заголовком «Он всегда был первым...» Она начинается 7 октября 1942 г.: «пламенное сердце одного из организаторов и руководителей комсомольского подполья и партизанского движения в Гомельской области во время Великой Отечественной войны Александра Лаврентьевича Исаченко,

первого секретаря Гомельского подпольного горкома комсомола, перестало биться.» По сообщениям, он был любимцем молодежи Гомеля, и когда немцы вторглись в СССР, городская комсомольская организация провела экстренное совещание о том, как мобилизоваться и защищать родину. В начале июля 1941 г. по инициативе Исаченко был сформирован батальон членов горкома комсомола, которые были готовы идти на фронт и сразу же, 28 июля, отряд из 250 молодых людей перешел линию фронта в регионе Полесья, на оккупированную врагом территорию, чтобы присоединиться к партизанским отрядам, возглавляемым Тихоном Бумажковым. Впоследствии говорилось о том, что Исаченко помог организовать оборону Гомеля, помогал в создании подпольных формирований и партизанского отряда «Большевик». Этот отряд устранил 119 вражеских диверсантов, а затем приступил к строительству 28-километрового противотанкового рва. Пионеры собирали пустые бутылки и наполняли их бензином, создавая «коктейли Молотова». 13-14 августа 1941 г. «фашистские стервятники» вели массированные бомбардировки города, скидывая на Гомель сотни тонн зажигательных бомб. Исаченко «лично» выбрасывал бомбы из офисных зданий и жилых домов. Двенадцать «героических дней и ночей» защитники сражались, но в ночь с 19 на 20 августа они были вынуждены покинуть город. Предположительно, атака началась еще до того, как были сброшены первые бомбы. После того, как Гомель был покинут, Исаченко вступил в большевистскую партизанскую группу, став ее лидером[5].

Следующий этап биографии Исаченко, как сообщается, касается его пребывания в партизанах. Этот этап описывается тем же языком – как торжество, несмотря на невзгоды, с Исаченко в центре всего. Как лидер партизанского отряда, расположенного в Щекотовском лесу, он установил связи с патриотами в оккупированном Гомеле, вдохновляя молодых парней и девушек на подпольную борьбу. В сентябре 1941 г. подпольщики уничтожили немецкий склад боеприпасов и две секции завода по ремонту танков. Благодаря его разведывательной работе, партизаны Большевикского и Гомельского районов ликвидировали два немецких гарнизона на территории бывшего колхоза им. Горького. Они убили 185 немцев и полицаев и выпустили 40 членов подпольных организаций, ожидающих казни (цифры были невероятно точными). Зерно, найден-

ное в хранилищах, было роздано населению, а пустые склады сожжены. Однако после того, как партизаны вернулись в лес, чтобы переждать зиму, немцы уничтожили Гомельский подпольный центр, нанеся тем самым тяжелые потери. В результате Исаченко пришел к выводу, что наиболее эффективным средством срыва планов Германии будет саботаж на железных дорогах и дезорганизация работы в тылу врага для того, чтобы заставить противника отозвать войска с фронта для защиты коммуникаций, которые в противном случае были бы использованы против Красной Армии[6]. Это решение хорошо известно, но не совсем ясно, было ли оно инициативой таких комсомольских лидеров, как Исаченко. Впрочем, внимание читателя направлено на личные достижения героя.

Исаченко создал диверсионную группу из самых отважных членов его комсомольской группы: Федор Котченко, Иван Морозов, Филарет Кечко и Манаф Шапатов, никто из которых не имел опыта подрывной деятельности. Но в течение одного месяца они сумели уничтожить семь вражеских эшелонов, направляющихся на фронт. Исаченко имел возможность встретиться с двенадцатью десантниками Красной Армии, возглавляемыми Борисом Тульчинским, и обе группы соединились, чтобы постоянно срывать поставки по железной дороге Жлобин–Гомель. Перед тем, как вернуться в свои воинские части, десантники оставили Исаченко шесть детонаторов, которые соответствовали 20 килограммам в тротиловом эквиваленте. Поскольку этого было не достаточно для эффективного саботажа, Исаченко предложил извлечь тротил из снарядов, очевидно, с большим риском для жизни: «Но у нас нет другого выбора», и сам вызвался это сделать. Автор приводит воображаемый диалог, добавив свой собственный комментарий: «никто не мог сделать это лучше, чем Саша». 7 октября, недалеко от поселка Завод в Жлобинском районе, Исаченко и его товарищ Александр Иванов погибли во время утилизации снарядов. За свою недолгую карьеру он и его команда уничтожили 58 нацистских вагонов, 97 автомобилей, танков и бронированных грузовиков на шоссе и дорогах. За образцовые действия в тылу врага 1 января 1944 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза. В его честь был также назван корабль и улицы в Гомеле и Буда-Кошелево[7]. Таким образом, молодой комсомольский вожак

погиб в возрасте 23 лет, возможно, напрасно, поскольку, оставшись в живых, он мог бы еще многое совершить. Статья эта написана в хвалебном и даже страстном тоне, с очевидной целью создать героя, а не раскрыть жизнь человека.

Такой же подход используется Павлом Ерошенко при описании жизни других белорусских героев, в частности, Александра Матросова. Каждый из нас, начинает он, в глубине души гордится своими героями-земляками, товарищами, бойцами. В основном, люди будут помнить имена, которые украшают учебники: Зои Космодемьянской, Олега Кошевого, Юрия Смирнова, Марата Казея и других. А. Матросова относят к этой же категории. Ерошенко вспоминает, что он, когда был молодым солдатом, вместе с другими со слезами на глазах слушал от агитатора историю этого героя: о том, как 23 февраля 1943 г. 2-й Советской стрелковой дивизии было приказано захватить деревню Чернушки. Атакующие не смогли продвигаться вперед из-за немецкого бункера, поливавшего советских воинов волнами пулеметных очередей. Матросов подошел на расстояние 20 метров от бункера, бросая туда гранаты и стреляя из автомата. Засевшие в бункере прекратили стрельбу, но как только новая атака началась, они снова продолжили. Матросов, бывший ближе всего к противнику, рванулся вперед и бросился на пулеметное гнездо, позволив своим товарищам захватить бункер. Жертва Матросова была преподнесена как подвиг – пример для подражания, как отказ от жизни для того, чтобы спасти десятки людей, которые могли бы потом «раздавить врага»[8]. Примеры такого самопожертвования были известны и ранее, они показаны в некоторых западных кинофильмах о Второй мировой войне.

Белорусы, очевидно, были среди сотен людей, которые сделали то же, что и Матросов. Автор пишет также о Петре Куприянове, одном из пятерых сыновей крестьянки Анастасии Куприяновой, родившемся в Жодино. Об отце нет никакого упоминания. Четверо его братьев воевали и погибли на войне: Николай и Степан в Красной Армии, а Михаил и Владимир, как и сам Петр, в партизанах. Даже их мать была членом партизанской группы. Петр, младший сын, родился в 1926 г., таким образом, ему было всего восемнадцать, когда он, последовав примеру Матросова, бросился на пулемет в Латвии в ноябре 1944 г. Как и Матро-

сову, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Автор статьи отмечает, что были и другие, более ранние примеры таких действий: комиссар А. Панкратов близ Новгорода в 1941 г. и сержант В. Васильковский в декабре 1941 г. под Москвой. Он приходит к выводу, что существует одна проблема – Родина не знает имен всех своих героев, поэтому вечный огонь горит на могилах неизвестных солдат. Те, которые известны, высечены в граните и бронзе, и их именами названы улицы[9].

Непонятно, однако: Родина, на которую ссылается автор – это Советский Союз или, как теперь чаще бывает в таких повествованиях, Беларусь? Белорусский компонент здесь налицо, но приводившиеся ранее примеры происходили в России. Таким образом, белорусских героев выделяют среди других советских воинов. В таком же духе Иван Кустов представлен как заместитель председателя Комитета Героев Беларуси, Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Он также описывается как член Военно-научного общества при Центральном Доме офицеров и как член районных и городских советов ветеранских организаций. В январе 1945 г. он получил звание Героя Советского Союза за свое участие как командира роты в освобождении Польши. Его рота, как указывается, устранила 210 немецких солдат за два дня боев, в то время как его собственные потери составили всего 20 человек. Кустов был тяжело ранен в бою и вынужден был уйти в отставку. После встречи с Жуковым в 1950 г. он подал заявление о восстановлении на военной службе как партийный работник[10].

Герои-летчики

Подвиги и героизм в воздухе изображаются на двух основных уровнях: сначала это были традиционные летчики, которые принимали участие в боевых действиях против Люфтваффе. Потом были попытки повторить подвиг Николая Гастелло – белорусского летчика, чья семья переехала в Москву, который якобы использовал свой самолет как «таран» после того, как его самолет был подожжен над Беларусью, направив его на колонну немецких танков. Это один из тех немногих

примеров советского героизма в первые дни войны, и, как и история Брестской крепости, связан с Беларусью[11]. Эта история тоже является весьма спорной, так как единственные очевидцы событий погибли несколько дней спустя. В официальном докладе упоминается, что кто-то катапультировался из самолета до его падения – почти наверняка это был пилот. Рассказ об этом горящем таране, тем не менее, получил широкую огласку во время войны и после, и Гастелло стал одним из самых знаменитых героев ВОВ – также, как и повешенная комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская, удостоенная одной из первых звания Героя Советского Союза. Благодаря Гастелло, воздушный таран стал средством борьбы сродни японским летчикам-камикадзе, но, вероятно, более эффективным из-за концентрированного характера ведения наземных боевых действий на Восточном Фронте, по сравнению с огромными расстояниями в войне на Тихом океане.

Борис Окрестин – самый известный летчик-герой Беларуси, совершивший подвиг, аналогичный подвигу Гастелло. Он уже был знаменитым пилотом, когда 6 июля 1944 г., через три дня после освобождения Минска, большая немецкая колонна, состоящая из 500 автомобилей и 11.000 человек, заняла оборонительную позицию на юго-востоке Минска, в пригороде Малое Стиклево. Его первоначальной миссией было помочь в защите Минска, но он прибыл слишком поздно, чтобы предотвратить возвращение немцев. Шесть советских экипажей самолетов Ильюшин-2 получили приказ уничтожить колонну. Самолет Окрестина шел первым и был сбит. Как сообщалось, экипаж мог выжить, покинув самолет, но это поставило бы под угрозу другие самолеты, и поэтому Окрестин решил направить свой самолет на немецкие колонны, закрывая другие самолеты от огня зенитных орудий. Остальные пять самолетов вернулись с задания. Окрестин и его стрелок, 20-летний Виктор Солодухин из Курска, погибли. После смерти молодого пилота Окрестина жители Минска обратились к П. Пономаренко, начальнику Центрального Штаба партизанского движения, с просьбой найти его останки: «он был не просто летчиком, а героем»[12]. В Минске есть улица и школа (№ 65), названные его именем. Рядом со школой установлена модель самолета, и дети каждый день проходят мимо бюста летчика-героя. В первые послевоенные годы памятник из черного гранита был

возведен в Минске на военном кладбище, и школьники отправились на поиски места, где разбился самолет Окрестина. Поиски начались 23 февраля 1963 г., когда учащиеся 5б класса вместе со своей учительницей Ниной Крупицкой посетили кладбище, чтобы возложить цветы на могилу Окрестина и затем, при содействии директора школы Григория Сивакова и под руководством ветерана войны Григория Тихоновича, начали искать останки самолета. Поиск продолжался в течение трех лет. В 1966 г. командующий Белорусским военным округом генерал Иван Третьяк ходатайствовал о том, чтобы школа № 65 была названа в честь Окрестина. Школьники бродили по лесам и болотам, нашли части самолетов и другого оборудования, а также документы нескольких пилотов. Они также переписывались с родственниками погибших летчиков. Когда новые герои были обнаружены, улицы были названы в их честь в Лиде, Рогачеве и Минске. Школьный музей был создан в 1974—1977 гг., основанный на пожертвования со стороны учителей, родителей и детей, а часть денег была получена в ходе сбора школьниками металлолома, который был переплавлен на тракторы. Хотя останки Окрестина так и не были найдены, в ходе поисков были найдены останки членов четырех других экипажей, а личные вещи погибших летчиков были размещены в школьном музее. Памятник самолету, открытый 6 ноября 1977 г., был смоделирован на основе Миг-17 Дмитрия Тендитникова, одного из самолетов, участвовавших в экспедиции по поиску самолета Окрестина. В начале 2009 г. сообщалось, что точное место падения самолета было обнаружено в 3 километрах к западу от малого Стиклево[13].

До самопожертвования Окрестина подвиг Гастелло был также повторен капитаном Ильей Катуниным 23 апреля 1944 г., когда он направил свой горящий самолет на немецкий морской конвой, идущий на севере от Норвегии и состоящий из восьми транспортных судов и двадцати боевых кораблей. Катунин родился в Гомеле в 1908 г. и учился в Ейской школе военно-морских летчиков. В марте 1943 г. он был направлен на советский Север и принял участие в бомбардировках вражеских аэродромов, морских портов и артиллерийских батарей на севере Норвегии. Описание его последней битвы полно ярких подробностей и даже диалогов, источник которых, что не удивительно, не рас-

крыт. Катунин получил звание Героя Советского Союза посмертно. Его имя было присвоено городу в Архангельской области, а также улице в родном Гомеле, там же есть мемориальная доска с его именем[14]. Его бронзовые бюсты можно найти в Музее авиации Северного флота и в городе Катунин. Другой белорусский герой, летчик-истребитель, которого часто упоминают на национальном телевидении, – Александр Горовец из деревни Мошканы Витебской области. Он был летчиком-инструктором, когда началась война, но был отправлен на фронт, когда авиашколу закрыли. В одном бою, как сообщает один из источников, он сбил девять фашистских бомбардировщиков и погиб смертью храбрых 6 июля 1943 г., когда его самолет был сбит. Его именем названы улицы, школы, музеи, летные клубы, а мемориальные бюсты установлены в России и в Беларуси. Один находится в Белгородской области на 598-м километре шоссе Москва–Симферополь, потому что именно там захоронены его останки. Как и в случае с Гастелло, существует несколько версий последнего полета Горовца, но память о нем все еще жива[15].

Но не каждый летчик-герой погиб во время войны. Житель Беларуси Михаил Шатило, который также управлял знаменитым самолетом Ильюшин-2[16], сделал выдающуюся летную карьеру в Беларуси, Крыму и Литве. Однажды он уничтожил девять немецких самолетов, восемь из которых находились на земле и один в воздухе. В ходе операции «Багратион» 1944 г. он принимал участие в бомбардировках немецких позиций в Минске, в апреле 1945 г. совершил 120 успешных боевых вылетов и был удостоен звания Героя Советского Союза, которое получил 29 июня 1945 г. Шатило поделился деталями своих подвигов с учениками минской школы № 223 в конце 2009 г.[17]

120 вылетов Шатило не сравнимы с Василием Зверевым, который совершил 170 боевых вылетов во время войны и сбил четыре самолета противника. До учебы в военном училище в Конотопе (Украина) он проходил подготовку в качестве пилота в школе недалеко от Орши, где, как он вспоминает, студенты были полны юношеского максимализма и наивности и были готовы идти на войну. Перед уходом на фронт Зверев провел несколько месяцев, тренируя пилотов в Грозном в Чечне, хотя школа была вскоре перенесена в Узбекистан. Когда он прибыл на фронт в конце 1942 г., его обычными заданиями было сопровождение

советских бомбардировщиков и штурмовиков, защищая их от немецких истребителей. В августе 1943 г., во время сражения с противником, его самолет был подбит, и он успешно парашютировался на землю. Потерял сознание и был взят в плен. Он оказался в госпитале для военнопленных под Смоленском, откуда вместе с другими пленными вскоре бежал по вырытому туннелю, когда охранники были пьяны[18].

Молодые герои

Война заставила многих молодых людей сделать выбор. Многие вступили в ряды Красной Армии и стали партизанами, а некоторые стали героями в юношеском возрасте. Одним из таких молодых людей был Василий Морозов, о котором недавно были опубликованы мемуары Владимира Ситуха «Труд солдата», которые также включают в себя воспоминания о дочери Морозова, и его друзьях и соседях. 2 мая 1944 г., как говорит автор без указания места действия, подразделение Морозова получило задание прорвать оборону противника. В ходе боя командир взвода был убит, и сержант Морозов взял руководство на себя. Под его руководством взвод выполнил свою задачу, уничтожив три немецких танка и 120 солдат. В возрасте 19-ти лет 13 сентября 1944 г. Морозов получил звание Героя Советского Союза. 5 октября 2008 г. мемориальная доска с его именем была открыта на доме в городе Брест, в котором он жил с 1973 г.[19]

Дмитрию Громову было 19 лет, когда он погиб в шести километрах от города Березино на трассе между Минском и Могилевом. Его история жизни мелодраматически описана писательницей Анастасией Шингель, которая начинает его мини-биографию фразой «Маленький мальчик писал с фронта». Ее описание основано на книге Льва Кассиля и Макса Поляновского «Улица младшего сына» о жизни и смерти молодого партизанского героя. Автор говорит, что она была поражена книгой, но также растеряна: как же мальчик мог воевать, держать оружие, нажимать на спусковой крючок, идти в атаку под обстрелом, а также проводить разведывательные работы? Она сомневалась, хотя и знала, что прототипом такого мальчика был Володя Дубинин, и что рассказ

основан на реальных событиях. Ее собственная история является чем-то похожим, и, вероятно, более достоверным, несмотря на мелодраматический стиль статьи. Громов, которого она уменьшительно называет Димой, может быть для того, чтобы добавить пафоса в рассказ, написал письмо своей матери, в котором говорилось: «Привет мама! Ты можешь гордиться своим сыном: я направлен в артиллерийское училище в качестве курсанта. Я буду красным командиром! Я буду драться с фашистами до последнего вздоха. Твой Дима». Диме было 16 лет, когда началась война, он был сыном учительницы русского языка Клавдии Степановой. Он сбежал из дома и написал в своем заявлении в военкомат, что ему 18 лет. В результате его приняли в Ленинградское артиллерийское техническое училище, которое было перенесено в Ижевск. Хотя он ушел из дома довольно бесцеремонно, вскоре стал писать письма своей матери, описывая, как воротник форменного обмундирования не подходит к его тонкой шее. Шингель предполагает, что мать должна была плакать и молиться Богу, чтобы он защитил ее сына и держал его в безопасности от вражеских пуль и снарядов. Дима повзрослел за время пребывания на фронте. Судя по его письмам, служба сделала его более хладнокровным. Тем не менее, его переписка показывала, что он остался тем же «веселым парнем». Вскоре он приобрел известность, поскольку в ходе боев не прятался за спины товарищей, а храбро шел вперед, и получил орден Великой Отечественной войны II степени. В зимнее время он не сообщал матери о своих заботах, писал, что был тепло одет и сыт, и просил ее не посылать деньги, так как они были больше нужны дома. Он также писал о своем самом важном дне, 12 марта 1944 г., когда стал кандидатом в члены Коммунистической партии, что несло, по его словам, «большую ответственность». В то же время на фронте он никогда не испытывал каких-либо проблем с оружием, которое всегда прекрасно работало. Все было хорошо до его смерти. К сожалению, пишет Шингель, у его матери не было возможности заботиться о внуках, хотя она так сильно этого хотела: «Все радости жизни были отняты войной». Эта история необычна тем, что не так уж много солдат на фронте регулярно переписывались с родителями. С другой стороны, эта история похожа на историю Дубинина в плане героизма и самоотверженности: нет даже попытки изобразить человеческие ошибки или

недостатки характера, читатель видит только трагедию, ведь, несмотря на большие надежды, молодая жизнь была потеряна. Автор приходит к следующему выводу, касающемуся ветеранов: «Их героизм, мужество и отвага будут вечно в наших сердцах. Мы всегда будем благодарны за нашу тихую, мирную и счастливую жизнь»[20]. В таком контексте легко забыть, что за войной последовали мрачные годы сталинизма.

Герои-разведчики

Многие военные истории касаются милиции и спецслужб, действовавших на территории Беларуси, а также на других фронтах. Ярким примером является Степан Пашкевич, единственный оставшийся офицер МВД в Беларуси, который был удостоен звания Героя Советского Союза. Не удивительно, что он упоминается в нескольких источниках. Родившийся в Полоцке в 1921 г., он, как и другие солдаты, стал дежурить на улицах города, конвоировать заключенных, выполнять другие задачи. Его имя упоминается сегодня особенно часто, связывая, таким образом, прошлое с настоящим. В 1940 г. Пашкевич был призван в армию и служил в инженерном подразделении в Бессарабии. Получил Золотую Звезду за бои в Венгрии в 1944 г. за свое участие в транспортировке советской артиллерии и боеприпасов через Дунай под огнем противника. Принял участие в Московском параде Победы, а также двух приемах в Кремле с лидерами партии Леонидом Брежневым (1975 г.) и Михаилом Горбачевым (1985 г.)[21].

В большой статье, которая появилась в президентской газете «Советская Белоруссия», автор Сергей Колесник приводит интервью с Пашкевичем. Ветеран напомнил, что его 7-й моторизованный батальон, расположенный в Бессарабии, готовился к войне с Германией летом 1941 г., практикуя пересечение реки Днестр. Когда началась война, батальон вынужден был пойти в долгое отступление, о чем Пашкевич вспоминает как о мрачном периоде своей жизни. В ноябре 1944 г. перед его подразделением была поставлена задача транспортировки тяжелых самоходных орудий, артиллерии и пехоты через Дунай недалеко от озера Балатон. Немцы подвергли их обстрелу и бомбежке. Пашкевич

прошел через территорию Украины, Румынии, Венгрии и Югославии в марте 1945 г. до прибытия в Австрию. Во время прогулки в парке Штрауса он узнал, что удостоен звезды Героя. Во время парада Победы он увидел Сталина. Он вспоминает, что в 1975 г. на приеме у руководства страны больше почитали космонавтов, чем героев войны, но о встрече с Горбачевым спустя десятилетие отзывается хорошо. Пашкевич видит похожую решимость в современной белорусской молодежи, но надеется, что ей не придется испытать все ужасы, которые он прошел на войне[22]. Эти две публикации схожи своим хвалебным характером и ярким описанием событий военных лет.

Нередко можно прочитать о героях, которые были захвачены в плен, но смогли выжить различными способами, одним из которых был шпионаж в пользу противника. Такая деятельность, естественно, была секретной, но также довольно спорной, поскольку лояльности и надежности двойного агента никогда нельзя доверять полностью. Наиболее известный случай в Беларуси – Иван Коцарев, который был родом из Воронежа, но прожил большую часть своей жизни в Лепеле Витебской области после войны. Подробности работы Коцарева были настолько секретными, что они не были рассекречены до конца 1980-х гг. Причина в том, что он был завербован немцами, чтобы шпионить против СССР. Коцарев родился в 1922 г., был призван в Красную Армию в 1941 г. и прошел обучение в Воронежской школе радистов. В 1942 г. он парашютировался в Смоленскую область за линией фронта, но был схвачен и интернирован в лагерь для военнопленных. Бежал и был заново схвачен. Его заставили рыть себе могилу, но он отказался и заспорил с тюремщиками. В этот момент его противник засмеялся и заговорил с ним по-русски, сказав, что либо он будет работать на них, либо будет убит. Офицер абвера Фюрманн, ответственный за подготовку агентов, направляемых в советский тыл, завербовал его и дал ему псевдоним «Дубянский». Немцы отправили его в Катынь в разведывательную школу для тренировки[23]. В этот момент, видимо, он решил перейти на советскую сторону. Немцы сбросили его с парашютом за советской линией недалеко от деревни Коркино в Московской области с заданием добраться до Горького и стать там постоянным резидентом. В ходе выполнения этого задания Коцарев установил контакт с советской

контрразведкой, обеспечивая их именами почти 50 немецких агентов. Советы завербовали его, и он принимал участие в «радиоиграх» с абвером для выявления других немецких агентов на территории СССР, обеспечивая немцев, в свою очередь, дезинформацией, предоставленной СМЕРШем[24]. Другой источник сообщает, что два «немецких агента» добрались до Коркино, оснащенные радио, оружием, документами и 300 000 рублей. После того, как они открыли себя, они были доставлены на Лубянку для допросов, которые проводились в течение длительного времени, после чего они заслужили доверие НКВД. Коцарев получил новое прозвище – Лихачев[25]. Насколько им доверяли, можно было только догадываться. Очевидно, в НКВД считали, что их вербовка стоит риска. После периода «радиоигры» Коцарева отправили за линию фронта зимой 1943 г., и на этот раз ему пришлось убеждать немецкую сторону в своей верности.

В этой странной истории Коцарев получил звание лейтенанта в Российской Освободительной Армии (РОА) и даже был награжден орденом «За храбрость». Но, получая награды и славу, он собирал материалы по 27 немецким разведчикам, 38 агентам и 6 новобранцам, работающим в советских лагерях военнопленных. В мае 1944 г. немцы снова сбросили его за линию фронта недалеко от Ржева в сопровождении другого агента, Белозерова. Их миссией было представить доклад по транспорту на линии Горький–Москва, установить контакт с повстанческими группами и привлечь их для работы в разведке. Немцы доверяли ему до самой последнего дня войны. В начале мая 1945 г. Коцарев получил сообщение от покровителей своих врагов: «Не падайте духом, мы вышлем вам помощь». После войны Коцарев помогал НКВД найти нацистских агентов, которые поселились в Беларуси, и выявил шесть таких человек. Он получил орден Великой Отечественной войны второй степени. В 1947 г. женился, в следующем году у него родился сын. Только много лет спустя жена узнала, что у Коцарева была и немецкая жена, на которой он женился, чтобы подтвердить свою верность нацистам. Его сын Александр отметил, что он узнал, что у него есть сестра в Германии, и ему было бы интересно узнать информацию о ней. Казалось, он тоже сожалел об отсутствии признания достижений его отца. Например, не было мемориальной доски на доме в Лепеле, в котором он жил[26]. С дру-

гой стороны, кажется почти невероятным, что Коцарев пережил подозрительность НКВД и, учитывая опыт его работы в Германии, сохранил веру в советскую власть на протяжении всей войны.

Проходя войну от начала до конца

История солдат, переходивших с одного фронта на другой, является довольно распространенным явлением в героических повествованиях о войне. Примером такого описания является история еще одного ветерана – Павла Ерошенко, связанного с карьерой генерала артиллерии Федора Кандидатова. Будущий генерал родился в 1905 г. в селе Ретка Славгородского района в Беларуси. В молодости работал в лесной промышленности на Урале, чтобы помочь собрать деньги для своей семьи, в которой было восемь детей. Был призван в ряды Красной Армии в 1927 г. и получил орден Красной Звезды еще до начала войны. Он получил орден Ленина и четыре ордена Красного Знамени за свои подвиги в Великой Отечественной войне, которая для него началась в Прибалтике в 1941 г. и закончилась на Эльбе в Германии. К тому времени он был возведен в чин генерал-майора и был командиром 41-го армейского корпуса. Кандидатов принимал активное участие в боях в Беларуси в 1943-1944 гг. и позже в укрепленном районе Вестфалия, когда войска были истощены и несли тяжелые потери. Во время войны все члены его семьи либо погибли, либо бежали – никого не осталось в Ретке к моменту освобождения[27].

Герои национальных республик начали получать признание только после многих лет по окончанию войны, чаще всего в брежневский период, с начала 1970-х гг., когда война стала главным символом Советского государства, эффективно дополняющим, хотя и не заменяющим, Октябрьскую революцию. Один из таких случаев – история Героя Советского Союза полковника Андрея Волошина, который получил награду за умелое командование операцией в районе города Глуск в конце июня 1944 г. в Беларуси. В 1974 г. его портрет был вывешен в здании Военного совета КБВО. Глуск постепенно признал подвиги своего родного сына, и в те же годы одна из городских улиц была названа в его

честь. В 1974 г. во время тридцатой годовщины освобождения Беларуси Волошин стал почетным гражданином Глуска. По происхождению, тем не менее, он был украинцем, и сражался на Западном, Сталинградском, Южном, Первом и Третьем Белорусских фронтах. После войны он жил в Москве, где и умер в 1974 г.[28]

В современный период практика названий улиц в честь героев войны продолжается. Например, в 2009 г. сообщалось, что три новые улицы Южного района Бреста были названы в честь освободителей города от фашистских оккупантов. Среди них был и Герой Советского Союза Николай Свинарчук, уроженец Ташкентского района в Узбекистане, который был частью группы, застрявшей на дороге Брест–Варшава возле Кшивца, а затем защищавшей его против отступающих немецких батальонов. Свинарчук также оставил свои инициалы на берлинском Рейхстаге. Другие улицы были названы в честь Юрия Винника из Краснодарского края, который лично уничтожил 5 гитлеровцев в бою, и генерал-майора Николая Тимофеева, уроженца Санкт-Петербурга, чья дивизия была одной из первых, вошедших в Брест, на счету которой уничтожение около 1600 немцев[29].

Дмитрий Сидоров был еще одним, кто сражался на войне с лета 1941 г. до падения Берлина и получил звание Героя Советского Союза за свою роль в освобождении Минска. Одной из важнейших его задач было руководство разведкой, которая собирала информацию в оккупированной Варшаве и определяла местонахождение немецких укреплений и полевых орудий. Группа выполнила свои задачи, но не смогла избежать обнаружения, поэтому было принято решение разойтись и возвращаться обратно к линии фронта по отдельности. Сидоров нашел убежище в польской семье, и, когда ситуация стала безопасной, глава семьи, Иван Карп, проводил его из города к советскому фронту. За свою разведывательную деятельность Сидоров получил звание почетного гражданина Варшавы от польского правительства. Когда война закончилась, он совершил поездку в Польшу, чтобы посетить семью Карпов[30]. Для генерала Евгения Ивановского, уроженца Витебской области, война началась еще раньше, в процессе присоединения Западной Украины в сентябре 1939 г. После этого он воевал в Финляндии в 1939-1940 гг. и в 1941 г. принял участие в битве за Москву. В этом бою он устроил засаду

против немецкого танка, который двигался прямо в месторасположение штаба Западного фронта Жукова. Впоследствии он участвовал в боях под Сталинградом и Курском, на Днепре, в Польше и Германии и встретил конец войны в 70 километрах от Берлина. После войны он стал командующим Группы Советских войск в Германии[31].

Нижним чинам сравнительно редко случалось пройти через столько военных кампаний без ранений. Житель Борисова Николай Афонин начал войну в звании лейтенанта – его первая кампания была в Чудово под Ленинградом в 1941 г. В октябре 1941 г. он получил сотрясение мозга, но вернулся в строй вовремя для защиты Москвы. Весной 1942 г. участвовал в очень тяжелых боях за Харьков в Украине. Под Сталинградом получил свою первую боевую награду – орден Красной Звезды. С апреля 1943 г. и до конца войны управлял отделом связи 28-го Кавалерийского корпуса, части 3-й механизированного корпуса. В этом качестве летом 1944 г. принимал участие в операции «Багратион» и был ранен в деревне Студенка недалеко от Борисова. Выздоровел в Татарстане и вернулся в свою часть в Польше, затем принял участие в штурме Кёнигсберга – старой столицы Восточной Пруссии. Продолжал продвижение вглубь Германии и присутствовал при капитуляции немцев и последующей встрече с американскими солдатами на Эльбе 4 Мая 1945 г. Его служба на этом не закончилась – он служил в Германии, а затем был переведен в Белорусский военный округ. Афонин вышел в отставку в 1972 г, однако до сих пор почитается как один из самых выдающихся белорусских ветеранов войны[32].

Иногда такие повествования являются более широкими по охвату, предоставляя не только детали биографии героев, но и необходимую перспективу. Одним из таких примеров является история Бориса Позднякова, чье детство прошло в Донском казачестве. Его отец присоединился к казацкой армии генерала Краснова, который воевал против большевиков. И отец, и мать погибли во время Гражданской войны в России, и их хозяйство впало в запустение. Поздняков считался бедным крестьянином и работал в колхозе в Ростовской области, став его председателем в 1933 г. В июне 1937 г. он был арестован органами НКВД, обвинен в халатности, но был направлен в трудовой лагерь в пригороде Москвы. Война прервала его шестилетний срок – те заключенные, которые добровольно

отправились на фронт, были освобождены и отправлены в регулярные воинские подразделения, а не в дисциплинарные батальоны. Поздняков вышел на свободу 8 августа 1941 г. и получил за свои военные подвиги медаль «За оборону Москвы». В одном из эпизодов в Вязьме его отряд был окружен, но он был спасен одним из товарищей. На этот раз ему просто повезло, потому, что в это время немцы захватили свыше 660 000 пленных. Поздняков был отправлен в инженерный корпус для сборки конструкций при пожаре и бомбардировках врага[33]. Следующей вехой в его богатой событиями жизни стала Сталинградская битва, после которой он получил медаль «За отвагу». Затем участвовал в освобождении Белоруссии, в том числе Брестской области, после чего его подразделение прошло всю Польшу и добралось до Берлина. Он вспоминал позднее, что, когда они вошли в столицу Германии, он и его товарищи были одеты в лохмотья, и многим не хватало даже пары сапог. Как только город был взят, Жуков приказал выдать новое обмундирование, и войска проходили по руинам Берлина в новой форме. Многие из них оставили свою подпись на стенах Рейхстага. Поздняков написал на стенах личного кабинета Гитлера: «Здесь был Донской казак Поздняков Борис Петрович». Он прошел всю войну в звании сержанта: ведь он имел только пять классов школы и у него было мало шансов стать офицером, так как он все еще считался осужденным. Только 7 января 1946 г. он был помилован, скорее всего, из-за вмешательства его друг Ильи Прусса, генерал-майора инженерного корпуса. Поздняков был человеком привычки: до конца жизни ходил в брюках для верховой езды и сапогах. Он рассказывал о войне своим детям и внукам, хотя и опускал многие подробности, не желая раскрывать ее мрачные стороны[34]. Его долгий рассказ отличается честностью и показывает, что даже герои в СССР не могли так легко откреститься от своего прошлого, особенно если они были арестованы в период сталинских чисток. Показательно и то, что советские солдаты вошли в Берлин в оборванной одежде.

Другая жизненная история касается Ульяна Рыбака, названного единственным оставшимся Героем Советского Союза в Могилевской области, где его именем названа улица в Глуске. Он был призван в 1940 г., служил в разведывательном подразделении и принял участие в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском, на Днепре, в Карпатах и в

Праге. В то время он захватил 57 немецких офицеров и солдат, которые дали ценные сведения. При переправе через Днепр, когда многие солдаты утонули, он был в числе первых, кто сумел добраться на другой берег и создать плацдарм. Но этот его подвиг никогда не был официально признан. Возможно, причина его последующего перевода в штрафной батальон кроется в его вспыльчивом характере. Однажды, когда он был в тылу врага, советский офицер появился в сопровождении солдат в форме Красной Армии и потребовал, чтобы разведывательная группа сдала оружие. Поскольку Рыбак был не уверен в полномочиях советских солдат, он и его товарищи избили офицера, который оказался командиром полка. Только личное вмешательство маршала Рокоссовского спасло им жизнь, и Рыбак вместе с другими был отправлен в штрафной батальон. Но даже и там он вскоре отличился, захватив четырех немцев. В результате он был назначен в регулярное подразделение и получил звание Героя Советского Союза за свои подвиги в Карпатах[35].

Герои последнего периода войны

В некоторых случаях те, кого сегодня считают героями, вступили в войну только в завершающей стадии, и не все они имели высокие должности. Николай Мальчук, родившийся в большой крестьянской семье в Галево Брестской области, был призван в армию в конце 1944 г., после того, как Беларусь была освобождена от оккупации. Он был направлен на 4-й Украинский фронт в качестве связиста. Он вспоминает: «Не понимаю, как я выжил в этом страшном аду». Можно было наткнуться на мину и умереть «нелепо», не пережив даже одного боя. О командире полка говорили, что он доверял Мальчуку безоговорочно: «Когда рядовой Мальчук на линии, тогда я спокоен». Вместе с войсками Мальчук подошел к Харькову: «Какая радость была на его сияющем лице, когда он был награжден медалью «За отвагу», пишет один из авторов. Его полк участвовал в освобождении Польши, затем воевал в Венгрии и Чехословакии, где он потерял много друзей и боевых товарищей. И все же он был на редкость удачливым – только один раз ему потребовалась медицинская помощь. После того, как немцы сдались, перед Мальчу-

ком поставили новую задачу: бороться с бандеровцами в Украине, защищать закон и порядок в Закарпатье. Сегодня он спокойно живет на улице Пролетарской в Галево и недавно отпраздновал свое 90-летие[36].

Еще более необычный пример героя конца войны – сержант-майор Трифон Лукьянович. Очевидно, он участвовал и в более ранних боевых действиях, но затем был серьезно ранен и попал в госпиталь. Вернувшись в Минск в 1944 г., он обнаружил, что его жена и две маленькие дочери погибли от немецкой бомбы, и стал настаивать на том, чтобы вернуться на фронт и отомстить за свою семью. В результате он участвовал в последних боях за взятие Берлина, когда обе стороны сражались за каждый дом и улицу. 29 апреля, увидев на улице плачущую девочку рядом с мертвой матерью, он попросил товарищей прикрыть его огнем, выпрыгнул в окно, подполз к девочке, взял ее на руки и медленно вернулся на свою позицию. Девочка была спасена, но Лукьянович был ранен снайперской пулей. Врачи на протяжении нескольких дней пытались его спасти. Писатель Борис Полевой приезжал к нему в больницу и, узнал его историю, описал ее в статье о Лукьяновиче. Сегодня в Минске одна из улиц названа в его честь, есть также мемориальная табличка на доме, где он жил. Автор повествования отмечает, что бронзовый Солдат-освободитель, изображенный на памятнике в Трептов-парке в Берлине, созданный скульптором Евгением Вучетичем, также держит маленького ребенка на руках. Считается, что он создан по образцу сержанта Николая Масалова, который спас немецкую девочку в апреле 1945 г., но такой подвиг был совершен Лукьяновичем. Информация о белорусском герое минимальна, пишет автор Николай Терещенко, но память о нем бессмертна и легендарна[37]. Поскольку Красная Армия в Берлине в последние недели войны не отличалась гуманными действиями, подобные истории ее реабилитируют.

Поныне здравствующие ветераны

Актуальность кампании по преподнесению Великой Отечественной войны в качестве важнейшего события в истории страны находится под угрозой из-за естественного процесса смерти ее участников, число

которых сокращается с каждым годом. Возможно, именно в результате этого истории о войне полны преувеличений. Практически все ветераны сегодня считаются героями. 7 Мая 2010 г., когда Александр Лукашенко выступал на совещании в ознаменование 65-й годовщины Победы над Германией, он заявил, что осталось 44.142 ветерана войны, живущих в Беларуси. Многие не смогли принять участие в официальной встрече из-за болезни[38]. Только неделю спустя председатель Минского военного совета Анатолий Романенко сообщил, что в Минске проживает 10.000 участников войны и 4.000 бывших узников концлагерей, гетто, и тюрем. Двумя годами ранее другой источник сообщил, что было всего лишь 1.830 ветеранов войны, проживающих в Бресте, или менее 1 % от населения города[39]. Председатель Совета Московского района в Бресте Мария Кутровская заявила, что эстафета памяти передается от ветеранов сыновьям и дочерям, то есть детям войны. Московский районный Совет обратился к детям войны, родившимся в период с 1928 по 1943 гг., чтобы те прошли перерегистрацию в первичных организациях ветеранов, промышленных предприятий, органов здравоохранения, образования и других отделений[40]. Иными словами, поскольку настоящие ветераны войны уходят, на их место может быть принято новое поколение (хотя и в возрасте 70-85). Ключевой момент заключается в том, что интерпретация войны не меняется и остается слегка измененной советской версией истории, которая теперь акцентирует белорусскую составляющую. В то же время 40.000 оставшихся ветеранов занимают видное место в публичных форумах и материалах СМИ о войне. Никакая часть общества в Беларуси не почитаема больше, чем ветераны ВОВ. Это кажется вполне справедливым, но, с другой стороны, такая позиция все меньше способствует аккуратному описанию исторической правды о войне. Официальная версия войны священна и передается новым поколениям, особенно школьникам.

В качестве типичного примера описания нынешних ветеранов в современных СМИ можно привести высказывание Ирины Шепелевич, подчеркнувшей, что самый молодой ветеран ВОВ сегодня старше 80 лет. Все они продолжают поддерживать уникальное наследие – память о войне и особый язык, на котором рассказывают свои истории. Это откровенный язык, отмечает Шепелевич, в корне отличающийся от

того, который используется в официальных встречах, книгах, мемуарах и автобиографиях. Но сегодня все реже и реже можно его услышать. Она рассказывает о некоторых выживших ветеранах, в том числе о 79-летнем Николае Гринчуке, которому было 12 лет, когда началась война. Строго говоря, он слишком молод, чтобы считаться настоящим ветераном. В 1943 г. он связался с партизанским отрядом «Ворошилов», был серьезно ранен, но выздоровел. Он был курсантом автошколы в Бресте, когда война в Европе закончилась. Иван Герасимук из села Знаменка, недалеко от Бреста, воевал с немцами в 1939 г. как солдат войска польского, затем был схвачен и заключен в тюрьму, но бежал в свою родную деревню. Он также присоединился к партизанам, а позже служил в артиллерии 1-го Белорусского фронта. Был тяжело ранен в битве за Берлин, что впоследствии привело к инвалидности и потере зрения. По его словам, ему пришлось видеть такое, что он не хотел, чтобы кто-нибудь видел это «даже в своих снах». Он оставил все свои документы и фотографии в ящике, который можно открыть только после его смерти[41].

Андрей Воронин, полковник в отставке и житель Бреста, 16 июля 2008 г. получил две государственные премии от Генерального консула Украины Ивана Баранчикова. Рожденный в Харьковской области в 1923 г., он был призван в армию до окончания средней школы. Угроза того, что фашисты займут Харьков, была очень реальной, но прежде чем быть назначенным заместителем командира 215-го противотанкового батальона 159-й стрелковой бригады 28-й армии, Воронину сначала пришлось поехать в Астрахань в военно-пехотную школу на два месяца. Он воевал в Южном регионе, на 4-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах, принимал участие в освобождении городов Мариуполь, Мелитополь, Николаев на юге Украины. В мае 1945 г. был в Берлине уже в звании капитана и закончил войну при освобождении Праги. Обладая хорошей памятью, как говорит источник, он до сих пор может воспроизвести почти каждый день войны, особенно День Победы, когда «мы радовались, как дети». Это произошло до того, как было приказано двигаться к Чешской столице, и стало отрезвляющим моментом. Он был демобилизован в 1947 г. Сегодня активно участвует в ветеранском движении и часто публично выступает перед молодежью. Однажды он

признался, что несколько лет назад президент Украины Леонид Кучма вручил ему медаль «За освобождение Украины». Генеральный консул Баранчиков отправил запрос и выяснил, что в соответствии с Указом Президента РФ от 14 ноября 1999 г. он был также награжден двумя другими медалями – «Защитнику Отечества» и «60 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков», которые он получил в возрасте 84 лет[42].

Другой полковник в отставке, Николай Дубровский, утверждает, что был на грани смерти семнадцать раз, в том числе еще будучи ребенком. Он был в Сибири, когда началась война, но вместе с пятью другими друзьями из комсомола убедил чиновников разрешить им записаться в армию. Некоторые были младше 18 лет, и только трое из шестерых пережили войну. Он был ранен под Сталинградом и временно потерял зрение. Посвященная ему публикация показывает его очень энергичным человеком, пишущим статьи для газет, встречающимся с молодежью и солдатами, автором книги об убийстве Генерального комиссара Беларуси Вильгельма Кубе его прислугой Еленой Мазаник, с которой Дубровский был знаком. Несколько лет назад во время земляных работ в районе кинотеатра «Октябрь» рабочие откопали медаль «За доблесть». Они показали ее Дубровскому, который смог определить, что это была медаль бывшего снайпера Ивана Кадолко за его подвиги в Берлине. Он умер много лет назад, но Дубровский нашел его родственников. Его внучка была равнодушна и отказалась присутствовать на торжественной церемонии, чтобы получить медаль деда. Дубровский был разочарован и отдал медаль в музей. Он также вспомнил празднование Дня Победы, на котором солдаты беспорядочно стреляли в воздух, несмотря на запрет, потому что это приводило к несчастным случаям[43]. Это довольно типичная история доныне здравствующего ветерана, чьи воспоминания о войне остаются четкими и живыми.

Но для некоторых ветеранов память о войне слишком болезненна, чтобы о ней вспоминать. Василий Ващук рассказывает историю своего дяди Михаила, который был в Брестской крепости, когда началась война. В середине июля 1941 г., по словам автора, ему было десять лет, когда его дядя появился в деревне Степанки Жабинковского района Брестской области, попросил воды и спросил, были ли там немцы. Он

дежурил на кухне 21-22 июня и работал до 2 утра, проснулся от запаха гари и взрывов – все двери и окна были выбиты. Он попытался встать, но почувствовал, что теряет сознание. Прежде чем он пришел в себя, у него появилось ощущение, что он шел через темный туннель, и увидел светлое пятно в конце, которое все увеличивалось, пока он подходил. Этот свет вскоре закрыл всю площадь. Когда он пришел в сознание, то почувствовал, будто у него другая голова. Ващук, имевший медицинское образование, позднее понял, что его дядя страдал от тяжелой мозговой травмы и, возможно, некоторое время даже находился в состоянии клинической смерти. В конце концов, ему удалось бежать вместе с несколькими товарищами. В деревне ему дали еду и возможность отдохнуть. После освобождения Беларуси он был зачислен в польскую армию и принимал участие в разминировании. Но он не возвращался домой до ноября 1946 г., хотя был демобилизован из польской армии еще в январе. Сам он не мог вспомнить, что произошло в этот период. Всю свою жизнь он был очень замкнутым и опасался преследований, отказывался фотографироваться, поэтому его отношения с другими людьми были довольно сложными. В момент выхода на пенсию он получал 20 рублей как колхозник. Никто не обращал внимания на тот факт, что он был инвалидом, ветераном ВОВ, однако, как замечает его племянник, он, несомненно, был жертвой войны и спас множество жизней, занимаясь разминированием[44]. История трагическая, далекая от обычных агитационных историй, которыми полны СМИ, и именно поэтому убеждает и впечатляет гораздо больше.

Также как и истории тех, кто перенес травмы, истории об узниках концентрационных лагерей встречаются сравнительно редко. Такие заключенные расценивались как предатели сталинского режима, и многие пострадали, отбывая наказания после возвращения с войны. Эдуард Зимовец родился в Киеве в 1924 г., и, по его словам, получил второе рождение, когда солдаты 18-й танковой бригады освободили заключенных в концлагере Заксенхаузен близ Берлина, где он отбывал наказание. После того, как 19 сентября немцы заняли Киев, Зимовец был отправлен на принудительные работы в Германию, где ему пришлось рыть траншеи для укладки труб. Это были «два года ада». На некоторых заключенных проводились медицинские эксперименты, а хирурги-

ческие операции делались без анестезии. Но даже в лагере действовали подпольные сети, и Зимовец, переживший различные пытки, был их активным участником. Когда Красная Армия подошла, фашисты решили уничтожить лагерь и перевезли 60 000 заключенных ближе к Шверину, недалеко от северного побережья. Некоторых убили охранники, другие умирали от истощения в ходе того, что позже назвали «маршем смерти». Вмешательство Красной Армии спасло ему жизнь. Сегодня он хочет, чтобы молодое поколение понимало, что такое фашизм, и имело мужество и силы не допустить его возрождения: «Я хочу, чтобы память о тех, кто был на Великой Отечественной войне, передавалась от одного поколения к другому. Все ветераны умрут, но память должна жить. Иначе не будет будущего для сегодняшнего поколения и его потомков».

Ветераны часто служат нравственным примером для молодежи. Писатель Адам Гринкевич навестил Николая Гутку, который вернулся с войны без руки. Гутка встретил его неожиданным вопросом: «Чем я могу быть вам полезен?» Представьте себе, пишет Гринкевич, человек 85-ти лет начинает разговор, не прося о помощи, а предлагая ее. Это, говорит он, – символ поколения, которое принесло нам радость победы в Великой Отечественной войне. Затем он переходит к описанию военной карьеры Гутки, который служил в крупнокалиберной зенитной артиллерии. В январе 1945 г. она была использована против Люфтваффе, сбивая самолеты с первого раза, заставляя другие развернуться и отступить. Он потерял руку в районе Кёнигсберга, где нацисты оказывали ожесточенное сопротивление. После окончания войны, как отмечает ветеран, выросло новое поколение. Многое изменилось в жизни, но он по-прежнему хорошо помнит события войны. Это было трудной победой, экономику пришлось отстраивать заново. Но люди жили благодаря вере в лучшее будущее. Его раздражает, отмечает автор, что некоторые молодые люди сегодня не проявляют уважения к ветеранам войны, которые заслуживают этого – ведь они проливали свою кровь на поле боя. Молодежь должна знать своих героев, уважать их достижения и поддерживать славные традиции. Он приходит к выводу, что ветеранам нужен постоянный уход и внимание не только во время годовщины празднования Победы. Они нуждаются в человеческом сочувствии, моральной поддержке и ежедневном уходе: «Они этого заслужили»[45].

Таким образом, кроме почитания как героев, им необходима забота и внимание.

В 2010 г. в президентской газете «Советская Белоруссия» принято решение о начале новой серии публикаций под названием «Семейные архивы», в которых сами читатели будут писать о судьбе своих родственников во время войны. Серия началась со статьи популярного обозревателя Инессы Плескачевской. Ее дед по материнской линии Федор Виненков был призван в июле 1941 г. и скончался 22 апреля 1945 г. в Восточной Пруссии. Незадолго до смерти он ненадолго возвращался домой после предыдущего ранения, и узнал от жены, что она ждет ребенка. По словам автора, когда ее дед узнал о рождении дочери, то был безумно счастлив и говорил, что будет уничтожать «нацистскую сволочь». Однако вскоре он погиб, и его жена жила долгой и одинокой жизнью. Прошлым летом, пишет Плескачевская, она обратилась в Военный комиссариат Минска, чтобы узнать, можно ли получить награды своего деда. Бабушка ничего о них не знала. Медаль «За отвагу» была одной из высших наград, присуждавшихся рядовым за личные достижения: «Ваш дед – герой», сказали ей в военкомате. «Мы бы обменяли все награды и подвиги на одно, – заключает автор, – его жизнь»[46].

Герои-женщины

Роль женщин в войне является менее популярной темой в рассказах о войне в Беларуси, но все же они иногда встречаются. Как отмечает один автор, весной 1942 г. во всем СССР происходила массовая мобилизация женщин на военную службу. Один лишь комсомол мобилизовал 550 000 человек, а свыше 300 000 женщин присоединились к противовоздушной обороне, то есть четверть от общего числа людей в этой сфере. Во время войны пять раз происходили мобилизации женщин-коммунистов. Около 300 000 женщин вступили в ряды медицинских сестер, а 200 000 стали снайперами или операторами связи. В СССР было три авиационных полка, один из добровольцев стрелковой бригады, один запасной стрелковый полк, морские полки и Центральная женская школа снайперов»[47]. Другой автор пишет, что сегодня существует

мнение, что понятия «слабый пол», «война» и «фронт» несовместимы. Но пример Великой Отечественной войны показывает, что женщины принимали участие в крупнейших сражениях Красной Армии, в партизанском движении и подпольной борьбе наравне с мужчинами. По наблюдениям профессора Н. Козлова, известного белорусского историка, моральный пример женщин и их влияние имели большое значение в самые суровые периоды войны. Немцы называли советских женщин-пилотов «ночными ведьмами» из-за тяжелых потерь, которые они причинили. В Беларуси более 70 000 женщин стали членами партизанского движения и подпольных групп, принимали участие в боевых и диверсионных операциях. Сотни погибли мученической смертью в нацистской неволе. Они также строили укрепления тыла и вели всё хозяйство, когда мужчины уходили на войну. Почти половина врачей-офицеров Красной Армии были женщинами.

Пожалуй, наиболее знаменитыми женщинами-героинями, первыми получившими звание Героя Советского Союза 29 октября 1943 г., были жительницы Минска Елена Мазаник, Мария Осипова и Надежда Троян. Они осуществили убийство немецкого рейхскомиссара Вильгельма Кубе в Минске 22 сентября 1943 г. Анна Масловская, родившаяся в 1920 г., присоединилась к партизанам в июне 1941 г., когда движения практически еще не существовало, была помощником комиссара бригады им. Пархоменко. Как сообщается, на ее личном счету было несколько десятков уничтоженных вражеских истребителей, взрыв трех вагонов и спасение 23 раненых партизан на поле боя. Она была удостоена звания Героя Советского Союза в августе 1944 г., после войны училась и работала в Минске, а умерла в 1980 г. Елена Стемпковская была радистом Красной Армии с 1941 г. Летом 1942 г. немцы окружили 21-ю армию Юго-Западного фронта, где находилась ее часть. Во время боя в районе села Зимовенька Белгородской области она вызвала огонь противника на себя для того, чтобы дать батальону возможность отступить, и погибла в тот же день, получив звание Героя посмертно. Зинаида Туснолобова-Марченко, родившаяся в 1920 г., была военной медсестрой и служила на фронте с 1942 г. За восемь месяцев она вынесла 128 раненых солдат с поля боя. В феврале 1943 г. была ранена в Воронежской области и получила серьезное обморожение, потеряв в результате руки и ноги.

Она получила звание Героя только в 1957 г. После войны жила в Полоцке, где в ее честь названа улица, умерла в 1980 г.[48]

Анджелина Колобущенко, жившая в Минске до начала войны и вернувшаяся туда после войны, – ветеран Сталинградской битвы. В начале войны была в эвакуации, неоднократно пыталась вступить в армию добровольцем. Вместо этого поступила на учебные курсы для водителей в Бузулуке Оренбургской области. Позже пошла на военный завод, вступила в комсомол, и Военный совет принял ее запрос на отправку на фронт, потому что она «прибавила» себе возраст (в тот момент ей было только 16 лет). В апреле 1942 г. была в Сталинграде, где чуть не умерла от тифа после неудачной вакцинации, затем служила водителем в противовоздушной обороне. Описывая реакцию на Приказ № 227 («Ни шагу назад!» от 28 июля 1942 г., запрещавший войскам отступать без приказа), она утверждает, что данное постановление являлось необходимым, несмотря на то, что боевой дух в войсках был чрезвычайно высок, и население игнорировало пропагандистские листовки, сбрасываемые с немецких самолетов. В разгар битвы она переносила боеприпасы и продовольствие для бойцов фронта, действуя под покровом ночи, чтобы не быть замеченной немцами. Позже ее перевели на Северный фронт в Мурманск, где она вступила в Коммунистическую партию. После войны она вышла замуж за офицера НКГБ Павла Меркулова[49].

Несколько женщин были видными деятелями партизанского движения. Например, Ганна Тризно была связисткой 277-го партизанского отряда в Беларуси после побега из группы, которую должны были депортировать в Германию на принудительные работы. Ее спас дед, предупредив о приближении немцев, и она смогла сбежать[50]. Галина Потоцкая, молодая военная медсестра, была среди тех солдат 21-й армии, кому удалось вырваться из вражеского окружения под Полтавой. Она добралась до родной деревни в Беларуси и присоединилась к партизанскому отряду имени Ворошилова, возглавляемому Кузьмой Бакуном. Продолжая ухаживать за больными, она принимала участие и в диверсионных операциях на железных дорогах. Позже работала рентгенологом в Мозыре[51]. Надежда Денисович была комиссаром в партизанском отряде имени Домановича, и сегодня поселок назван ее именем. Нина

и Валентина Лобановы были членами подпольной организации «Смугнар», но нацисты обнаружили и убили всех его членов. Все они были из Калинковичского района, как и Домна Скачкова, мать четверых детей, доставлявшая взрывчатку партизанам[52].

В целом истории о женщинах написаны в том же стиле, что и о мужчинах: мелодрама сочетается с героизмом, они также отличаются очень точными данными о потерях противника. Некоторые женщины были даже партизанскими командирами, такие, как Герой Советского Союза Елена Колесова из Ярославля, которая командовала диверсионной группой. Она вступила в народное ополчение, когда началась война, помогала строить укрепления, а в октябре 1941 г. присоединилась к специальной группе, которая занималась оружием и взрывчатыми веществами, добывала разведданные, минировала дороги, проводила диверсии в Москве и Московской области. Только ей было позволено создать свою собственную группу, которая состояла исключительно из женщин. 1 Мая 1942 г. группа из 12 женщин парашютировалась в Борисовский район оккупированной Минской области. Трое погибли при приземлении, еще одна женщина сломала позвоночник, а две попали в плен. Но остальные выжили и установили связь с партизанской группой В. Ливенцева. В течение следующих пяти месяцев группа, возглавляемая Колесовой, взорвала мост, 4 вражеских железнодорожных вагона, 3 грузовика, уничтожила 6 гарнизонов. Немцы назначили награду в 30 000 марок за голову Колесовой, обвиняя ее в «терроре». 11 сентября 1942 г. партизаны нескольких групп атаковали немецкий гарнизон в деревне Выдрица. Колесова была убита и похоронена в селе Миговщина. В 1954 г. ее останки были перенесены в братскую могилу в Крупках Минской области, где ее именем названа школа[53].

История Колесовой довольно скупа и мало рассказывает о личности героини. Другие истории написаны скорее как художественные повести, и позволяют читателям познакомиться с характером женщин-солдат. Такие рассказы – не просто пропаганда, они часто содержат поразительные детали их жизни во время войны и поэтому весьма ценны. Обычно женщины дают мини-интервью тому, кто пишет их историю, и описывает все так, чтобы вызвать симпатию к людям,

оказывающимся в тяжелых условиях войны. Такова, например, история партизанской разведчицы Марии Обориной, родившейся в 1932 г.. Воскресенье 22 июня началось для нее довольно обычно – она играла на улице с младшим братом и сестрой. Ее отец был военнослужащим и уехал на работу как обычно утром. Когда на улице заработал громкоговоритель, она не понимала того, о чем говорилось. Она услышала только слово «война» и вернулась домой, застав мать в слезах. На следующий день, когда отец ушел на фронт, им, как семье советского офицера, дали лошадь и сказали покинуть дом в Горках Могилевской области, хотя они и оставались там до 18 июля, пока немецкие самолеты не начали бомбить город. Когда люди увидели самолеты, то бросились врассыпную и скрылись в поле во ржи. Потеряв на время мать, бабушку и дедушку, она стала ухаживать за младшими сестрой и братом, начала есть клевер, дикий щавель и пить воду из реки. Мать нашла детей только через три недели. К этому времени нацисты уже заняли Смоленск, поэтому они решили вернуться в свой родной город. Однако он лежал в руинах, и им пришлось поделить небольшое здание, оставшееся на окраине, с шестью другими семьями. Оккупанты приступили к проведению переписи, и семье снова пришлось бежать, потому что их отец был офицером и коммунистом. Когда они бежали, местный полицай забрал их лошадь[54]. Семья поселилась в деревне Михеевка на берегу Днепра. Мария колола дрова, ходила в соседние деревни просить пищу и одежду. Вскоре ее приняли в разведчики. Она вязала и вышивала, обменивая рукоделие на продукты питания и одежду. Зимой 1942 г. молодые люди в возрасте от 16 до 20 лет были отправлены на работы в Германию. Половина деревни присоединилась к партизанам. Другие дети были вывезены из деревни, чтобы сдавать кровь для раненых немецких солдат. Она была в очереди, чтобы сдать кровь, когда полицай помог ей бежать, посоветовав упасть и притвориться мертвой, а он сделает вид, что стреляет в нее. План побега сработал, но она был ранена в колено, и истекала кровью. Через три дня ползком добралась до деревни и попросила принять ее в один из домов. Несколько дней спустя пришли партизаны, и она ушла с ними. Они действовали неподалеку от Орши. Мария жила в землянке и осуществляла разведывательную работу, разнося листовки и доставляя взрывчатку для

подрыва железнодорожных путей. Но в 1944 г. партизаны начали соединяться с частями Красной Армии, а женщины и дети остались в окрестных деревнях, в некоторых из них все еще оставались немцы. Мария и несколько других партизанских детей, оставшихся возле Днепра, питались листьями с кустов. Наконец пришла Красная Армия, детей доставили в деревню Паценьки, накормили кашей. От счастья они «рухнули на пол и тут же уснули»[55].

Чаще всего женщины на войне были медработниками. Так было и в случае с военным фельдшером Галиной Глыбиной, учившейся в Ивановском медицинском институте, когда началась война. В июне 1942 г. она была направлена в Москву на стажировку. После стажировки в качестве военного хирурга оказалась на фронте в Орловской области России. Она описывает, как трудно было для врачей лечить множество раненых, когда не хватало инструментов и медикаментов: нечем было даже измерить артериальное давление. Решать, кто нуждается в медпомощи прежде всего, нужно было сразу, на основании беглого осмотра. Тех, кто нуждался в более серьезном лечении, отправляли в тыловые госпитали. Именно на фронте Глыбина стала «настоящим доктором». Жизнь врачей в военное время в таких повествованиях изображается полной лишений – постоянная усталость и нехватка сна из-за бесчисленного множества раненых, когда приходилось работать то хирургом, то медсестрой. В декабре 1942 г. Глыбина получила медаль «За оборону Сталинграда». Позже ее подразделение вернулось в Беларусь, где она встретила своего будущего мужа, старшего лейтенанта Ивана Ольшанского. Врачи последовали за регулярной армией в Кёнигсберг, где и закончили войну в 60-ти километрах от Берлина. Из-за службы мужа семья с ребенком постоянно переезжала с места на место, но потом поселилась в Минске. Иван умер около двадцати лет назад, а в марте 2010 г. Глыбиной исполнилось 90 лет[56].

Другой 90-летний ветеран – Мария Папсуевич, родившаяся в Минске. Она собиралась поступать в медицинский институт, когда началась война, но вместо этого была призвана в армию медсестрой. Она вспоминает поездку в поезде под вражеским обстрелом, встречу с офицером Брестского гарнизона, который рассказал подробности осады крепости, заботу о тысячах раненых солдат. Позже ее полк был преобразо-

ван, и ее отправили в специальную железнодорожную бригаду, которая часто ремонтировала железнодорожные пути под огнем противника. Папсуевич привыкла терять друзей. Во время одного рейда она была тяжело ранена и пролежала месяц в госпитале во время битвы за Москву. Во второй части интервью она рассказала об освобождении Минска, который лежал в руинах. После войны она переехала в Витебск, где работала стоматологом.

Антонина Шаматурина из Гродно, отметившая свой 90-й день рожденья 20 ноября 2009 г., окончила Томский медицинский институт и была направлена врачом на Карельский фронт, работала на опасных участках Северного фронта. В 1944 г. ее часть перебросили в Беларусь, где она приняла участие в операции «Багратион». Закончила войну в звании капитана медицинской службы на датском острове Бергхольме. Она имеет несколько орденов и медалей, в том числе орден Великой Отечественной войны и орден Красной Звезды. После 1953 г. работала в госпитале КГБ в Гродно[57].

Здравствующие ныне ветераны почитаются в Беларуси особенно в дни рождения и во время военных мероприятий. Выпускница Могилевского медицинского училища Татьяна Метелица, жившая в Гродно после войны, во время войны служила медсестрой в медсанбате – тяжелое время, когда «единственным желанием было поспать». Она принимала участие в битве за Москву, освобождении Беларуси и Польши и встретила День Победы в Берлине. После войны продолжала работать медсестрой в Германии. В 1947 г. вышла замуж за командира мотострелковой роты Ивана Елкина, Героя Советского Союза. Ветераны и молодежные организации Гродно не забывают Метелицу, подчеркивает автор. Школьники приходят ее навещать, а в музее Боевой славы есть комната, посвященная Елкину и его жене. Ее имя занесено в книгу «Память». Когда авторский материал был опубликован, выяснились печальные новости – Татьяна Метелица умерла[58]. В этой истории важным является связь между героиней войны и нынешними школьниками. Такие рассказы считаются неотъемлемой частью учебной программы наряду с субъективными и эмоциональными описаниями войны, которые можно найти в школьных учебниках.

Военно-патриотическое воспитание

Роль ветеранов в качестве воспитателей подрастающего поколения четко просматривается как часть программы идеологической обработки и заключается в том, чтобы создать основу для увековечивания войны в общественной памяти после смерти ее участников. Несколько таких программ было инициировано Белорусским патриотическим союзом молодежи (БПСМ, ныне БРСМ, часто называемым «Лукомолом») – молодежной проправительственной организацией, захватившей здание бывшего ЦК ЛКСМБ рядом с администрацией президента. Влияние этой организации трудно определить, но она часто выражает протест против «исторического ревизионизма» и организовывает многочисленные встречи молодежи с ветеранами ВОВ, главным образом в школах. Властей беспокоит то, что, по словам одного автора, «сегодня молодым людям трудно отличить правду от лжи, реальность от праздной фантазии»[59]. Помимо встреч с ветеранами, школьники посещают памятники и исторические места, участвуют в различных конференциях и конкурсах и официальных мероприятиях, связанных с войной. Наглядной иллюстрацией сегодня являются дети, несущие «вахту памяти» у вечного огня на площади Победы в Минске и в Брестской крепости-герое, часто в холодную погоду, одетые в военную форму и периодически марширующие.

Патриотическому воспитанию уделяется особое внимание в военно-учебных заведениях. Так, в Минском суворовском училище в начале 2009 г. состоялся Республиканский конкурс сочинений на тему «Великая Отечественная война в благодарной памяти белорусского народа», приуроченный к 65-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. 10 февраля 2009 г. в конференции училища принял участие ветеран войны, полковник в отставке Михаил Ливенцев, преподаватели и студенты Минской музыкальной школы № 8, а школьная библиотека подготовила тематическую экспозицию, посвященную войне. Курсанты сделали доклады о жизни героев, освобождавших Беларусь. Ливенцев рассказал о том, как в 18 лет принял участие в обороне блокадного Ленинграда. Курсант по имени Евгений Рейвак, вдохновленный материалами о бомбардировщиках во время операции «Багратион», написал

стихотворение под названием «Мой первый бой»[60]. Как сообщает другой автор, перед празднованием национального Дня Вооруженных Сил 23 февраля ежегодно ветеранов просят выступать перед молодежью. Цель в том, чтобы поделиться воспоминаниями о своем прошлом, о победителях, о тех, кто не вернулся домой с войны[61].

Другая военная организация – филиал Белорусского Союза офицеров Советского района Гомеля – провела конференция осенью 2009 г. В этом филиале 83 члена, в том числе ветераны ВОВ, которые принимают активное участие в патриотическом воспитании; существует список ответственных за контроль всех районных образовательных учреждений. Этот список был подготовлен с помощью Совета по образованию и заместителя главы администрации района по идеологической работе Александра Тарана. Должностные лица, ответственные за работу с молодежью, периодически отчитываются о своей работе, которая согласована со школьной программой. Молодежь посещает места знаменитых сражений в Гомеле, возлагают цветы к памятникам войны[62].

Не все конференции, однако, связаны с военными действиями и их участниками. Например, весной 2009 г. на конференции, которая состоялась в Бресте в центральной больнице, обсуждался вклад врачей в Победу. В статье, описывающей это событие, отмечено, что в 1941 г. газета «Правда» назвала стратегическую задачу медиков: «Они вернули нам солдат. Победа за нами. Это победа советской медицинской науки». Благодаря их усилиям, как заметил автор, 72,3 % раненых солдат вернулись на фронт. В число участников конференции вошли студенты брестской средней школы № 13 в сопровождении своего учителя и двух врачей госпиталя брестской крепости[63].

Был также проведен конкурс под названием «Мы помним ваш подвиг, солдаты войны», организованный региональной Брестской газетой, посвященный 65-летию освобождения Беларуси. Его целью было «Совершенствование патриотического воспитания молодежи, укрепление интереса к изучению войны на территории Республики Беларусь и героических достижений нашего народа, армии и партизан в боях за родину». Участвовать в конкурсе мог каждый желающий, но самыми активными стали школьники и молодые работники. Самыми интересными для них были истории освобождения своего родного района. Два учителя и один студент разделили первое место[64]. Инициатива газеты

несколько необычна, поскольку чаще всего такие мероприятия организовываются Добровольным обществом содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь (ДОСААФ), созданным в 2003 г. на основе бывшей советской организации с таким же названием. ДОСААФ отвечает за военное и спортивное образование и стремится повышать патриотические настроения среди молодежи Беларуси. Членство открыто для лиц старше 16 лет. История организации восходит к 1951 г., хотя ее предшественники восходят к периоду Гражданской войны в России. Миссия ДОСААФ состоит в военной подготовке и распространении военных знаний, но она также играет важную роль в патриотическом воспитании[65].

Весьма красноречивы примеры деятельности ДОСААФ в этой области. Так, осенью 2009 г. учащиеся школ Минска, члены клуба «Патриот», приняли участие в патриотическом уроке в республиканском Доме ДОСААФ. Они встречались с ветеранами войны, военнослужащими и ДОСААФ, посетили фотовыставку об истории организации и музей обороны, где выслушали рассказ Героя Советского Союза Ивана Кустова. Председатель Минской организации ветеранов войны в Афганистане «Память» Владимир Шоков посоветовал молодежи помнить о немногих оставшихся ветеранах ВОВ и записывать их воспоминания[66]. ДОСААФ совместно с Белорусским Союзом офицеров также организовал посещение учащимися минской школы № 57 музея Партизанской славы в сопровождении отставного генерал-лейтенанта и бывшего партизана Евгения Микульчика, который присоединился к партизанам в возрасте 11 лет. По пути они остановились у памятника Марату Казею в его родном селе Станьково Дзержинского района. Вторая остановка была в музее, который был еще в стадии строительства, и Микульчик рассказал об устройстве партизанского лагеря с 600-летним дубом в центре. О том, что в каждом партизанском отряде было несколько подростков, которые выполняли различные задачи, в том числе и боевые[67].

В 2010 г. республиканский Дом ДОСААФ организовал концерт под названием «Давайте не забывать о тех годах!» Курсанты военной кафедры Белорусского государственного университета и студенты Минского технического колледжа а также школьники СШ № 7 встретились с ветеранами войны полковником Анатолием Саломатовым и капитаном Григорием Власенко и участником войны в Афганистане полковником

Иваном Апанасевичем. Ветераны поделились рассказами о боях и своих товарищах. Несмотря на разные жизненные траектории, как отмечает автор статьи, ветераны имели много общего – все они самоотверженно сражались за родину и ее интересы. Саломатов и Власенко принимали участие в освобождении Беларуси, потом воевали в Восточной Пруссии и дошли до Берлина. После войны Саломатов, имеющий множество боевых наград, преподавал в военном училище в Минске, и будущий министр обороны Леонид Мальцев был одним из его курсантов[68]. Апанасевич выступил с докладом, в котором подчеркнул преемственность между ветеранами ВОВ и теми, кто воевал в Афганистане[69]. Связь это надумана, но белорусские власти используют ее как способ объединения старых и новых ветеранов войны, аргументируя это тем, что и те, и другие «защищали Родину». Таких примеров множество – «линия Сталина», историческое место под Заславлем, была также основана Обществом ветеранов войны в Афганистане в 2005 г., но ориентирована в основном на ВОВ. В действительности между этими войнами нет никакой видимой связи, поскольку война в Афганистане была не защитой СССР, которому эта страна никак не угрожала, и не может быть описана иначе, чем военная катастрофа.

Еще одним источником патриотического воспитания являются те, кто во время войны был слишком молод, чтобы воевать, но, тем не менее, оказывал помощь партизанам в качестве разведчиков и саперов. Один из них – отставной генерал-лейтенант Евгений Микульчик, который сегодня возглавляет Союз офицеров и Комиссию по вопросам партизан и подпольных групп в Совете Министров Беларуси. Микульчик помогал партизанам во время войны, его отец и старший брат сражались в партизанских отрядах. Сегодня, отмечает он, Белорусский Союз офицеров пытается взять на себя патриотический долг ветеранов ВОВ в воспитании подрастающего поколения, многие его члены готовы работать с молодежью. Интерес к этой войне не исчез, отмечает он, и молодежь всегда с интересом слушает ветеранов и историков. Школьники потрясены ужасной статистикой (нацисты убили 167 000 детей в Беларуси) и впечатлены тем, что 5500 детей присоединились к партизанам или боролись в подполье. Нынешних школьников интересует все – как инструктировали партизан, как они жили в лесах, какое оружие у них было. После одной из встреч мальчик подошел к нему с горящими гла-

зами и говорил горячо, что он бы «разобрался с этими фашистами». Сначала Микульчик рассмеялся[70] от неожиданности, но потом пришел к выводу, что школьники сегодня придерживаются тех же взглядов, что и в прошлом. Эта история свидетельствует о том, что патриотическое воспитание оказывает на молодежь определенное влияние.

Нередко учеников просят написать сочинение о своих родных – ветеранах ВОВ (дедах и прадедах). Такие семейные истории являются важным компонентом распространения мифов о войне. Например, школьница Полина Колючкина написала статью для газеты Министерства обороны о своем прадеде Николае Колючкине, помощнике капитана на танкерах «Кремль», «Иосиф Сталин» и «Советская нефть». Она ссылается на инцидент, когда «Кремль», использовавшийся для транспортировки бензина из Батуми в Туапсе, был атакован немецкой подводной лодкой. Танкер накренился на один бок, разлив бензин, но, к счастью, серьезно не пострадал и успешно завершил свою миссию[71]. Другая школьница Анастасия Шеверенко также пишет о том, как ее прадед Михаил Лабусов, родившийся в 1921 г. в Горках Могилевской области, принял участие в боях за Ленинград. Он остался в городе во время блокады, а закончил войну с Красной Армией в Праге. Ему исполнилось 88 лет, и Анастасия пишет, что хотела сказать ему огромное спасибо «за мирное небо над Беларусью. Ужасно думать, что могло бы быть, если бы не героизм советских войск. Их подвиг бессмертен». Та же школьница хвалит свою учительницу истории Нину Гарьковенко, руководителя школьного клуба «Спадчына» в Колодищах, в котором основное внимание уделяется военной деятельности, подпольщикам и пионерам во время ВОВ[72].

Итоги и перспективы: будущее из прошлого?

В то же время, есть свидетельства того, что народная любовь к героям военного времени ослабевает. Так, в июне 2012 г. в ходе опроса общественного мнения, проведенного НИСЭПИ, респондентов спрашивали, какие исторические фигуры наиболее соответствуют их идеалу политика. Список, составленный изначально в 1996 г. и использовавшийся в трех последующих опросах, включал бывшего партизанского

командира и руководителя КПБ Петра Машерова, а также А. Лукашенко, Петра Великого, В. Путина и руководителя восстания XIX века Кастуся Калиновского. В 1996 г. Машеров получил 45,2 %, в то время как Петр I 34,2 %, а К. Калиновский 4.2 %. В июне 2008 г. – В. Путин 31,2 %, А. Лукашенко 25.2 %, Машеров 23.5 % и К. Калиновский 13.6 %. В июне 2012 г. П. Машеров все еще возглавлял этот рейтинг с 23,2 %, А. Лукашенко был на втором месте с 20.6 %, а В. Путин на третьем с 19.2 %, К. Калиновский оказался уже на пятом месте с 15.1 %. Причем корреляционный анализ показал, что респонденты в возрасте от 18 до 30 лет поставили К. Калиновского на первое место с 19.8 %, А. Лукашенко получил только 9,6 %, а П. Машеров[73]. Эти данные свидетельствуют об угасании памяти о военных героях среди подрастающего поколения, значительная часть которого разочаровано нынешним руководством Беларуси. Они говорят также о том, что режиму Лукашенко будет все труднее использовать ВОВ в патриотическом воспитании будущих поколений белорусов.

Таким образом, анализ современных интерпретаций Великой Отечественной войны показал, что они не просто увековечивают ее события и участников, но и создают саму историю Беларуси. Эта последняя цель достигается бесчисленными повторениями событий, подчеркивающих героические свершения участников войны. В официальных рассказах никогда не упоминаются ошибки, допущенные командованием, проступки ветеранов войны, хотя, несомненно, их было немало, а также истории этих ветеранов после войны. Ключевая цель заключается также в установлении связи между молодым поколением и их славными дедушками и бабушками, которыми стали сегодня все ветераны войны. Для этого многие важные моменты реальной истории просто не упоминаются. Устанавливается прямая связь оккупированной нацистами БССР с Республикой Беларусь, как будто независимое белорусское государство существовало уже тогда, хотя и упоминается роль не белорусов в освобождении республики. Ветераны ВОВ, независимо от их реальной роли в прошлом, представляются как создатели свободного независимого государства, защитниками «мирного неба» над сегодняшней Беларусью. Однако, если эта цель и была достижима в течение одного-двух десятилетий после окончания войны, то спустя почти 70

лет лишь немногие могут точно воспроизвести события тех лет. Впрочем, это и не важно. Гораздо важнее установление связи, наследия того времени с современным государством под руководством А. Лукашенко – авторитарного режима, на протяжении почти всей истории независимой Беларуси знающего только одного лидера.

Другим, не менее важным моментом такой интерпретации ВОВ, является акцент на преступлениях нацистов, особенно на зверствах по отношению к местному населению. Например, о судьбе евреев, которые составили свыше 30 % всех жертв среди населения оккупированной республики, упоминается редко и вскользь. Возможно, это объясняется тем, что в современной Беларуси осталось совсем немного евреев (по данным последней переписи менее 30 000), а, стало быть, нет нужды фокусироваться на этом. Но независимо от причин, с точки зрения исторической перспективы, подобные «пропуски» и «умолчания» не имеют смысла. В центре внимания подавляющего большинства историй ветеранов оказываются партизаны – настоящие герои военных лет. Даже истории ветеранов-женщин в основном рассказывают о медсестрах, служивших в партизанских отрядах. Разумеется, никто не станет утверждать, что в подобных историях нет смысла: некоторые из них заслуживают внимания именно потому, что представляют какой-то аспект того времени или точку зрения. Отнюдь не все из них действительно впечатляют, хотя и представляют официальную риторику. Многим из них нельзя доверять, поскольку они представляют либо неподтвержденные данные, либо одностороннюю интерпретацию. Ветераны оказываются вне всякой критики, также как и школьники, и студенты, участвующие в подобных встречах и слушающие их рассказы. Разумеется, для сохранения влияния ветеранов их рассказы всячески поддерживаются официальными публикациями, учебниками, кинофильмами, телепередачами и т.п.

Похоже, что режим Лукашенко принял тактику массовой индоктринации населения сведениями о войне, используя юбилеи и официальные источники, в то же время, пытаясь дискредитировать историков, писателей и всех, кто высказывает несогласие с официальной трактовкой войны. Насколько успешна эта идеологическая кампания, и сколько еще она может продолжаться? Сегодня в Беларуси ветеранов войны

осталось менее 30 000, все они старше 85 лет. Поэтому можно предположить, что через несколько лет парады и торжественные мероприятия будут проходить уже без их участия. Тогда будет видно, в какой степени результаты этой кампании действенны среди молодого поколения, для которого война – вряд ли событие реальной значимости и почти не сказывается на их повседневной жизни. Эти традиции также могут исчезнуть «после Лукашенко». Возможно, тогда у историков появится возможность пересмотреть многие события этой войны на основе архивных находок. Пока это невозможно и даже опасно. Такие попытки, предпринимаемые отдельными учеными, подвергались официальной критике как формы «исторического ревизионизма» и искажения истины. К сожалению, не всегда удается установить истинные факты. Ясно, однако, что картина является гораздо более сложной, запутанной и неоднозначной, чем ее изображение в современной белорусской историографии, памятных и исторических местах. Великая Отечественная война стала формой государственной пропаганды, уравнивая современную Беларусь со сталинским режимом, якобы находившемся «в кольце враждебных сил». Несомненно, он внес огромный вклад в освобождение мира от фашистской чумы, но это имеет мало общего с современными белорусскими реалиями.

Вглядываясь в будущее Беларуси, перспективы сохранения подобного положения кажутся весьма смутными. Чем быстрее уменьшается влияние партизанских героев и число самих ветеранов, тем меньше остается логики в формировании нации, основанном на исторических мифах. Страна будет нуждаться в новых формах самоопределения, включая историческое прошлое. Она вынуждена будет вернуться к переоценке крайне негативного влияния сталинизма на свое национальное и культурное развитие. Более того, будущее нации будет все больше определяться такими факторами, как экономическая ситуация, отношения с соседями, участие в геополитических союзах, возрастающие потребности населения, а также уменьшение роли села в социальном развитии. Если не фиксироваться на политической риторике и временных конфликтах, то очевидно, что за годы правления А. Лукашенко Беларусь оказалась еще больше втянутой в сферу влияния России. Принимая во внимание приверженность Таможенному союзу с Россией

и Казахстаном, продажу России таких ключевых компаний, как «Белтрансгаз», вкупе с довольно хрупкими отношениями с Европейским союзом и собственные серьезные экономические проблемы, следует ожидать, что стране будет трудно идти независимым путем. Как и сама Россия, только в другой форме, Беларусь сталкивается с собственными демографическими дилеммами, прежде всего – сокращением населения и отъездом за границу многих талантливых молодых людей. Об этих проблемах немало говорилось еще в 1990-х гг., но с тех пор они не исчезли и не уменьшились.

Сокращение населения быстрее всего происходит в сельской местности. Официальные сообщения чаще фокусируются на уничтожении многих сел во время войны, чем на их исчезновении в постсоветский период. Село во многих отношениях является носителем исторических и культурных традиций. Помимо социальных связей молодого поколения, именно там чаще всего можно услышать белорусскую речь. С точки зрения представленного выше анализа, село – именно та социальная сфера, с которой память о войне связана больше всего. В ближайшее десятилетие, если только не будет реализована масштабная кампания по возрождению села, многие села попросту исчезнут. Беларусь станет высоко урбанизированной страной, в которой будет доминировать глобализированная культура. Поскольку культура в ней чрезвычайно русифицирована, а большинство городского населения уже говорит по-русски, языковая проблема станет не менее острой, чем демографическая. При А. Лукашенко формирование нации в основном опирается на темы героического прошлого времен ВОВ, а гражданское самосознание все еще почитает советское прошлое, но, в то же время, выражает веру в независимое государство и социальный контракт между народом и президентом. Это привело к тому, что экономика страны, доставшаяся в наследство от советского прошлого, все больше зависит от щедрости России.

Какой будет Беларусь через десять лет, сможет ли она при таком развитии остаться независимым государством? Думаю, что сможет, и апокалипсический прогноз может быть преодолен соответствующей политикой нового руководства. Это потребует трудного и запоздалого разрыва с советским прошлым, сталинизмом, легендами и мифами о ВОВ,

а также возрождения села и более глубоких исторических традиций. Но это потребует и сохранения определенной дистанции от России, которая будет оставаться важнейшим торговым партнером наряду с улучшением отношений с европейцами на Западе, особенно с Польшей и Балтийскими государствами. Не возвращаясь к весьма узкому взгляду на этническую нацию начала 1990-х, сохранение и развитие национального языка и культуры должно стать приоритетом, также как и образование, позволяющее свободно и открыто изучать советское прошлое, фокусируясь на ключевых событиях белорусской истории. Частью такой стратегии должна быть социальная и экономическая политика, сфокусированная на мотивировании талантливой молодежи жить и работать в собственной стране и демографической стабилизации, что, вероятно, потребует возрастания внутренней миграции. С точки зрения будущей перспективы нынешнее государственное устройство и политика оказываются несостоятельными, но белорусская нация должна сохраниться и развиваться дальше. Это то, чего хочет большинство граждан Беларуси.

Автор благодарит Комитет по социальным и гуманитарным исследованиям Канады за поддержку данной работы, а также аспиранта университета Альберты Эдуарда Байдэ, аспиранта университета Торонто Олександра Мельника и своего почетного студента Антона Калашникова за оказанную помощь. Слова благодарности адресую также Татьяне Алексеевой, Владимиру Подголу и Олегу Манаеву за поддержку, оказанную мне в Беларуси[74].

1 Evgenniy Mikul'chik, «Patrioty zemli belorusskoy,» Belorusskaya voennaya gazeta [hereafter BVG], 26 March 2010, p. 6.

2 A.A. Kavalenya, B.D. Dolgotovich, and D.N. Khromeychuk, S veroy v pobedu: Belarus' v Velikoy Otechestvvenoy Voyne (Minsk: Belaruskaya Navuka, 2010), p. 73.

3 Vasily Korzh was born on 1 January 1899 in Khorostovo, Minsk Oblast and had fought in the Spanish Civil War. He was arrested in 1938 during the Stalin Purges but released before the war broke out. He created the first partisan detachment on 26 June 1941. By November-December 1942 he commanded the united partisan formations in Pinsk region. Promoted to Major General in September 1943, he received the medals of Hero of the Soviet Union, the Order of Lenin and the Golden star. He died on 5 May 1967. Konstantin Zaslonov was born on 7 January 1910 in Ostashkov, Kalinin Oblast, in Russia. In September 1941 he formed a detachment of railway workers in Moscow,

which crossed enemy lines. Working undercover at Orsha railway station, he engaged in sabotage activities. He became commander of the Orsha partisan zone using the pseudonym Dyadya Kostya but died in combat near the village of Kupovat, Vitebsk Oblast, on 14 November 1942. See E.G. Ioffe, ed. Vyshee Partizanskoe Komandovanie Belorussii (1941-1944): spravochnik (Minsk: Belarus Publishing Company, 2009), pp. 244-246 and 125-126.

4 http://charter97.org/en/news/2011/7/3/40158/ (accessed 7 May 2012).
5 Ivan Kurdesov, «On vsegda byl pervym…» BVG, 11 February 2010, p. 5.
6 Ibid.
7 Ibid.
8 Pavel Eroshenko, «'I prevratilis' v belykh zhuravley'…» BVG, 23 February 2010, p. 5.
9 Ibid.
10 «600 sutok v pekhote: Geroyu Sovetskogo Soyuza Ivanu Il'ichu Kustovu--85,» (anonymous), BVG, 30 January 2009, p. 1.
11. For a history of the Brest Hero Fortress during the Second World War, see, for example, V.V. Beshanov, Brestskaya Krepost' (Minsk: Belarus, 2005), pp. 100-130.
12. Ekaterina Kulesh, «Podvig Okrestina: mezhdu nebom i zemlei,» Belarus'ki Chas, 27 February-5 March 2009, p. 25; Loskutova, «Podvigi v nebe,» BVG, 30 October 2009, p. 3.
13. Ibid. The author visited the monument and the school in the summer of 2010.
14. Valeriy Ermolenko, «Legendarnyy morskoy letchik,» BVG, 18 March 2009, p. 4.
15. Lyudmila Krushinskaya, «Polet v bessmertne,» SB-Belarus' Segodnya [hereafter SB], 8 May 2010. http://sb.by/post/100044/
16. For a description of the IL-2 plane, see, for example, A.A. Kovelenya, ed., Velikaya Otechestvennaya voyna Sovetskogo naroda: spravochnik (Minsk: BGU, 2007), pp. 163, 165.
17. Tat'yana Talerionok, «Skvoz' zenitnye razryvy,» BVG, 1 December 2009, p. 3.
18. Aleksandr Makarov, «My priblizhali Pobedu!» BVG, 28 March, p. 3.
19. Nikolay Panasyuk, «Stal geroem v 19 let,» BVG, 25 August 2009, p. 4.
20. Anastasiya Shingel', «Pisal mal'chishka s front,» BVG, 1 April 2010, p. 7.
21. Volodya Dubinin was a Pioneer hero who helped in the defense of Kerch through his knowledge of underground tunnels. His full name was Vladimir Nikoforich Dubinin. He died on 4 January 1942. The book to which Shingel' is referring is L.A. Kassil' and Maks Polianovskii (Polyanovsky), Ulitsa mladshego syna: povest' (Moscow, 1951), a novel that belongs to the realm of children's literature.
22. Shingel', 1 April 2010.
23. Ibid.
24. Igor' Kandral', «Dorogami voyny,» BVG, 14 May 2009, p. 3.
25. Sergey Golesnik, «Podvig na pereprave.» SB, 16 April 2009. http://www.sb.by/post/83981/ (accessed 11 July 2012).
26. Igor' Kandral', «Oshibka Abvera,» BVG, 6 May 2010, p. 5.; Marina Kunyavskaya, «Sud'ba pod grigom 'Sekretno',» SB, 7 April 2010. http://sb.by/post/98873/
27. Kandral', 6 May 2010.
28. Kunyavskaya, 7 April 2010.
29. Ibid
30. Pavel Eroshenko, «Kholodnye vody Sozha,» BVG, 12 May 2009, p. 4.For a history of the Brest Hero Fortress during the Second World War, see, for example, V.V. Beshanov, Brestskaya Krepost' (Minsk: Belarus, 2005), pp. 100-130.
31. Valeriy Vasilevskiy, «Zvezda Geroya za Glusk,» BVG, 5 June 2009, p. 4.
32. Alla Kovaleva, «Brest utit geroev,» Vecherniy Brest [hereafter VB], 19 June 2009. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=5948 (accessed 12 July 2012).

33. Valeriy Tatartsev, «Shel soldat po voine,» BVG, 25 July 2009, p. 3.
34. Viktor Pavlov, «My razgromili sil´neishuyu armiyu mira,» BVG, 22 April 2010, p. 8.
35. Elena Romanova, «Ot Stalingrada do El´by», BVG, 23 April 2010, p. 7.
36. Yuriy Rubashevskiy, «Edut, edut po Berlinu nashi kazaki…» VB, 29 May 2009. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=5664 (accessed 1 July 2012).
37. Ibid
38. Viktor Bysov, «Zolotaya zvezda Uliana Rybaka,» BVG, 10 July 2009, p. 4.
39. Fedor Glinskiy, «Chestno ispolnennyy dolg,» BVG, 18 March 2010, p. 7.. The term «Banderites» refers to the followers of the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN-B) led by Stepan Bandera (then living in exile). Transcarpathia, annexed by the Soviet Union from Czechoslovakia in June 1945, was less well known as an enclave of the OUN-B than the territories of former Eastern Poland.
40. Nikolay Tereshchenko, «Zhizn'—za slezinku rebenka,» SB, 8 May 2010. http://sb.by/post/100043/ (accessed 13 July 2012).
41. A.G. Lukashenko, «Zashchitim nashu Pobedu,» SB, 11 May 2010. http://sb.by/post/100126/ (accessed 1 July 2012).
42. Evgenniy Yakhimchik, «Ikh podvig ne zabyt,» BVG, 13 May 2010, p. 2.
43. Alla Verstova, «Khamstvo v nagruzku,» VB, 11 June 2008. http://www.vb.by/article.php?topic=36&article=1736 (accessed 13 July 2012).
44. Mariya Kutrovskaya, «Vspomnit' vse!» VB, 10 April 2009. http://www.vb.by/article.php?topic=36&article=5029/ (accessed 13 July 2012).
45. Irina Shepelevich, «My vse—voyny shal'nye deti…» VB, 9 May 2008. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=1412 (accessed 13 July 2012).
46. Yuriy Rubashevskiy, «Ot Ukrainy—osvoboditelyu,» VB, 18 July 2008. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=2096 (accessed 12 July 2012).
47. Vladimir Stepan, «V avguste 44-go.» SB, 4 March 2009. http://www.sb.by/post/81885/ (accessed 13 July 2012).
48. Vasiliy Vaschuk, «Soldat iz derevni Stepanki,» VB, 20 June 2008. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=1826 (accessed 13 July 2012).
49. Alla Kovaleva, «Zerna dlya vskhodov na pole pamyati,» VB, 15 April 2009. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=5085 (accessed 13 July 2012).
50. Adam Grinkevich, «Sud'ba soldata,» BVG, 11 Mar 2010, p. 2.
51. Inessa Pleskachevskaya, «Esli b ne bylo voyny…» SB, 8 May 2010. http://sb.by/post/100046/ (accessed 13 July 2012).
52. Romanova, 24 April 2009. «Esli b ne bylo voyny…» SB, 8 May 2010. http://sb.by/post/100046/ (accessed 13 July 2012).
53. Viktor Samus', «Zhenskoe litso voyny,» BVG, 6 March 2010, p. 9.
54. Viktor Samus' and Denis Abdey, «Doroga v bessmertie,» BVG, 6 May 2010, p. 7.
55. Elena Romanova, «Frontovoy shofer Angelina,» BVG, 24 April 2009, p. 3.
56. Hanna Tryzna, «Spyavali salaui,» BVG, 22 May 2009, p. 3.
57. Anatoliy Sadokha, «Spasavshaya zhizn',» BVG, 24 June 2009, p. 4.
58. Sergey Sakovich, «…I vintovka za plechami,» BVG, 15 August 2009, p. 8.
59. Valeriy Kirienko, «Lel'ka-ataman,» BVG, 9 April 2010, p. 7.
60. Svetlana Lyuboshits, «Masha Oborina—'syn polka',» SB, 5 May 2010. http://sb.by/post/99865/ (accessed 13 July 2012).
61. Ibid
62. Elena Romanova, «Uroki muzhestva,» BVG, 26 May 2010, p. 5.

63. Grigoriy Obelevskiy, «Vy vozvrashchali nam zhizn',» BVG, 15 December 2009, p. 3.
64. Georgiy Pal'chevskiy, «'My spasali ranenykh',» BVG, 3 March 2010, p. 6.
65. Pavel Eroshenko, «Trudnye versty voyny: Velikaya Otechestvennaya glazami frontovika,» BVG, 3 February 2010, p. 6.
66. Elena Zemnova, «Geroicheskie stranitsy istorii,» BVG, 25 February 2009, p. 4.
67. Pavel Eroshenko, «'I prevratilis' v belykh zhuravley'…» BVG, 23 February 2010, p. 5.
68. Sergey Eminov, «Rabotaem druzhno,» BVG, 6 October 2009, p. 2.
69. Alla Kovaleva, «Mediki na voyne,» VB, 15 May 2009. http://www.vb.by/article.php?topic=3&article=5451 (accessed 13 July 2012).
70. Nina Nadde, «My pomnim vash podvig, soldaty voyny,» BVG, 17 June 2009, p. 1.
71. See http://www.dosaaf.gov.by/.

II. Политическое и социально-экономическое развитие

Сергей НИКОЛЮК

Белорусское общество: от объектного состояния к субъектному

Будущее как проекция настоящего

Самый простой способ заглянуть в будущее – это попытаться экстраполировать настоящее. На коротких временных отрезках данный способ, казалось бы, должен неплохо работать, если бы ни одна но – не совсем понятно, что следует подвергать экстраполяции? Во-первых, реальная жизнь междисциплинарна и уже в силу этого любой культурный феномен имеет стереометрическую природу. Он не знает разделения на социальные, политические и экономические плоскости и потому легко ускользает от «плоских» интерпретаций, выстраиваемых «узкими» специалистами (соответственно, социологами, политологами и экономистами).

Специализация служит питательным бульоном для фетишизма, выражающегося в предании отдельным явлениям или действиям гипертрофированной роли в решении актуальных задач. Так экономисты склонны впадать в экономический фетишизм, полагая, что высокие темпы экономического роста можно поддерживать исключительно за счет «разумной экономической политики». Сторонники организаци-

онного фетишизма верят в возможность достижения кардинальных преобразований государства и общества путем смены управленческой команды. На протяжении уже нескольких столетий правящий класс находится в плену машинного фетишизма. Отсюда маниакальная вера в возможность «догнать и перегнать» Запад, посредством массовых закупок «новейшего оборудования и передовых технологии». Примеры легко можно продолжить.

Примером междисциплинарности реальной жизни является социальный порядок Беларуси, в котором политическая система манипулирует экономической системой с целью поддержания социальной стабильности.

Во-вторых, экстраполяция отдельных тенденций, искусственно выделенных из единого социокультурного тела, как правило, проводится без учета внешнего контекста. Между тем именно внешние вызовы, как свидетельствует исторический опыт, выступают в качестве главного фактора перемен. Социальные системы не просто обладаю инерцией, они активно сопротивляются любым изменениям. Принцип Ле Шателье универсален: если на систему, находящуюся в устойчивом равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-либо из условий равновесия, то в системе усиливаются процессы, направленные на компенсацию внешнего воздействия.

Проиллюстрируем сказанное на примере кризиса 2010 г. Его рукотворность очевидна. Волюнтаристская попытка поднять среднюю зарплату до уровня «святой цифры» ($500) едва не обрушила белорусскую экономику. Но причем здесь внешний контекст? Разве не очевидно, что стремясь выполнить обязательство, принятое на третьем Всебелорусском народном собрании, Лукашенко решал проблему своего политического самосохранения. Никто извне его к этому не принуждал.

Но почему же тогда для пролонгации президентских полномочий был избран столь затратный способ? Неужели в конце 2009 г., сославшись на мировой финансовый кризис, Лукашенко не мог скорректировать, ставшее непосильным обязательство? Получается, что не мог. За «длинным рублем» в России белорусы устремились не сегодня. Еще в 2007 г. эксперты оценивали минимальное количество трудовых мигрантов из республики в 600 тыс. человек. Отсюда «гонка зарплат», в которую вынуждена

была втянуться белорусская власть. По данным НИСЭПИ в «тучном» 2006 г. о своем желании переехать в другую страну на постоянное место жительство заявило 34% белорусов. В марте 2011 г. (опрос проводился до прекращения Нацбанком свободной продажи валюты коммерческим банкам) доля потенциальных эмигрантов поднялась до 45.%.

Безусловно, ответы респондентов не следует принимать за чистую монету. Это скорее декларации о намерениях. Тем не менее между декларациями и готовностью паковать чемоданы существует прямая зависимость. Средняя начисленная зарплата по российской экономике в 2011 г. составила $800. В планах правительства увеличить реальную зарплату к 2020 г. в 1.6-1.7 раза. Реализация данного плана (многое будет зависеть от внешнего контекста) может привести к непоправимым последствиям для «белорусской экономической модели развития».

В-третьих, подбирая факты и пытаясь по ним, как по вешкам, определить направление развития общества и государства, необходимо помнить, что анализ фактов возможен лишь в рамках определенных теоретических моделей. Сам процесс отбора фактов, т.е. их ранжирование по степени важности без опоры на теоретические модели превращается в неразрешимую задачу.

Обратимся к конкретному примеру. Всю вторую половину 2011 г. оппозиционные политики и многие независимые эксперты предсказывали скорое наступление «горячего» политического сезона, которому так и не суждено было наступить. Подобные предсказания основывались на убеждении, что на ухудшение своего материального положения общество должно ответить активными протестными действиями. О том, что такая связь между *бытием* и общественным *сознанием* существует, убедительно свидетельствуют «картинки» телеканала «Евроньюс». На ухудшение своего материального положения жители европейских городов отвечают массовыми акциями, которые порой заканчиваются силовым противоборством с полицией, разбитыми витринами и перевернутыми автомобилями.

Поводов выйти на улицу у белорусов в прошлом году было ничуть не меньше, чем у греков и французов. Однако ни трехзначная инфляция, ни почти трехкратная девальвация аналогичных протестов не породили. Тому есть два стандартных объяснения: страх и пресловутая памярковность, она же толерантность.

Страх, порождаемый репрессивным государством, безусловно, является фактором, сдерживающим публичные и непубличные протесты. За десять лет (табл. 1) доля белорусов, согласных с тем, что все боятся выражать свои политические взгляды увеличилась в 3.7 раза! Тем не менее роль страха не следует преувеличивать.

Таблица 1. Динамика распределения ответов на вопрос: «Что Вы думаете о готовности людей в Беларуси выражать свои политические взгляды?», %

Вариант ответа	**02'01**	**06'06**	**10'10**	**06'11**
Никто не боится	20	19	18	11
Только немногие боятся	34	29	16	17
Многие боятся	30	40	41	46
Все боятся	6	8	19	22
ЗО/НО	10	4	6	4

Дело в том, что большинство белорусов не видят смысла в совместных протестных действиях. В условиях господства архаичной, догосударственной культуры типичный представитель белорусского «большинства» живет проблемами ближнего круга (семя, друзья, коллеги по работе). Он доверяет лишь тем, с кем его связывают личностные, следовательно, эмоционально окрашенные отношения. В ближнем круге – он коллективист, способный на подвиги и жертвы.

Но в дальнем круге, сформированном государством, у белоруса нет общих интересов с людьми лично ему незнакомыми. В дальнем круге – белорус индивидуалист. Что касается самого государства, то отношение к нему двоякое. С одной стороны, белорус пытается от него спрятаться, т.к. рассматривает государства в качестве источника всевозможных поборов. С другой стороны, без государства он не в состоянии выжить в современном сложноустроенном мире. Но для этого ему нужна не солидарность с соотечественниками, а возможность выхода не чиновника, с которым он будет решить вопросы в индивидуальном порядке. Отсюда блат (личные связи) – один из важнейших наших социальных институтов. Он является эффективным инструментом адаптации белорусов к неблагоприятным внешним изменениям.

Экономические кризисы лишь усиливают потребность в налаживании личных связей с чиновниками. В декабре 1993 г. в условиях постпе-

рестроечного экономического хаоса 72% респондентов на вопрос: «Что чаще всего, по Вашему мнению, ведет к богатству?» уверенно поставило на первое место личные связи. На труд при этом указало только 37%. на образование – 22! В «тучном» 2007 г. (январь) приоритеты поменялись: личные связи – 43%, труд – 68% и образование – 38%. В марте 2009 г., несмотря на панику, спровоцированную мировым финансовым кризисом, существенных перемен в общественном мнение по данному вопросу не произошло. Паника оказалась кратковременной. Смена настроений не привела к ценностному сдвигу.

Коллективные действия, в том числе и протестные, невозможны без доверия между людми. Речь, разумеется, идет о добровольных действиях, а не организуемых государством с применением силы или угрозы ее применения (с использованием административного ресурса). Но как фиксируют опросы, уровень доверия в белорусском обществе чрезвычайно низок (табл. 2). Причем вопреки ожиданиям, среди сторонников Лукашенко доля респондентов, полагающих, что большинству людей можно доверять, в три раза (!) выше, чем среди его противников. Объяснение парадокса, по всей видимости, следует искать в социально-демографической структуре сторонников и противников Лукашенко. Среди первых преобладают пожилые женщины, живущие в сельской местности и малых городах, т.е. люди, чьи контакты с дальним кругом минимальны. Они окружены *своими*, которым доверяют. У молодых жителей больших городов, вынужденных регулярно контактировать с *чужими*, от подобных контактов доверия к людям не прибавляется. Отсутствие доверия к *чужим* и блокирует потребность в совместных действиях, в том числе и в протестных.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Можно ли доверять большинству людей или в отношениях с людьми нужно быть очень осторожным?» в зависимости от отношения к А. Лукашенко, % (09'10)

Вариант ответа	**Все опрошенные**	**Отношение к Лукашенко**	
		Доверяют	**Не доверяют**
Большинству людей можно доверять	24	34	11
Нужно быть очень осторожным в отношениях с людьми	72	61	86

Двадцатилетний опыт, накопленный НИСЭПИ, свидетельствует, что механическая фиксация фактов, отражающих изменения общественных настроений мало что говорит о природе происходящих в обществе процессов. Изменения, фиксируемые в режиме «здесь и сейчас» и принимаемые порой за фундаментальные, сплошь и рядом оказываются лишь эхом медийных событий. Но и по истечению времени не так-то просто отделять зерна реальных изменений от плевел эмоциональных колебаний. «Как известно, в изучении общественного мнения, – отмечал Юрий Левада, – наибольшие трудности вызывает интерпретация полученных в ходе опросов данных» [1]. Трудности вызывает и ответ на вопрос: «Что следует считать под изменениями?» То, что одни принимают за радикальную смену политического строя, другими оценивается лишь как поверхностные перемены, и наоборот.

Электоральный «ванька-встанька»

Все вышеизложенное, однако, противоречит протестной активности белорусов начала 1990 гг. прошлого века (любители истории тут могут напомнить и 1917 г.). У каждого правила есть свои исключения, задача которых сводится к подтверждению правила. Если на Западе государство – продукт общества, то у нас общество – продукт государства. Это следует уже из неспособности людей выстраивать отношения за пределами ближнего круга. Наш дальний круг поддерживается благодаря усилиям властной «вертикали», т.е. государства. Нетрудно догадаться, что распад государства (такое с ним периодически случается) воспринимается на индивидуальном уровне не иначе как катастрофа библейского масштаба, грозящая помимо всего прочего и разрушением ближнего круга. В терминологии марксизма состояние общества, когда «власть валяется в грязи», принято называть «революционной ситуацией», в терминологии Левада-центра – «переходом общества из спящего состояния в возбужденное».

Свой первый опрос НИСЭПИ провел ровно 20 лет назад в апреле 1992 г. в условиях возбужденного общества. Результаты мартовского опроса 2012 г. позволяют проиллюстрировать теоретические рассуждения социологическими фактами.

Таблица 3. Динамика распределения ответов на вопрос: «Каким образом Вы обычно получаете газеты?», %

Вариант ответа	**04'92**	**03'12**
Подписываюсь	86	31
Покупаю в киосках «Союзпечати»	8	33
Покупаю с лотков на улицах, в поземных переходах, на митингах и т.п.	1	5
Беру почитать в библиотеке, у знакомых	4	8
Не читаю газет	2	25

Обратим особое внимание на последнюю строку табл. 3. Количество белорусов, не читающих газет, увеличилось в 12.5 раза. Понятно, что 20 лет назад 86% белорусов подписывалось не ради светских новостей, да и газет, специализировавшихся на подобного рода информации, в то время еще не было. Важная деталь – 58% респондентов в апреле 1992 г. отметило, что они сократили число выписываемых газет и журналов по сравнению с 1991 г.! Аналогичный интерес проявляли белорусы и к зарубежным «голосам». В лидерах были «Голос Америки» и Радио «Свобода» чьи аудитории составляли 23%!

Сегодня ни один «голос» по своей популярности не способен превысить погрешность в 3%. Не следует думать, что виной тому интернет. Обратимся к октябрьскому опросу 2010 г., проведенному за два месяца до президентских выборов. В списке источников, из которых белорусы получали информацию о кандидатах в президенты, интернет с 11% оказался на 7-м месте. И это притом, что с различной степенью регулярности мировой паутиной пользовалось около 40% взрослого населения республики. Самым популярным интернет ресурсом, предоставляющим общественно-политическую информацию, оказался сайт Хартии-97. На него сослалось 0.8% респондентов!

Информационный ажиотаж в начале 1990 гг. был зафиксирован и российскими социологами, но он продержался недолго. Государство подобно Терминатору собралось из осколков, и общество из возбужденного состояния перешло в спящее. В Москве последние массовые акции протеста прошли в 1993 г. Их неожиданное возвращение в декабре 2011 г. никак не связаны с кризисом. Для россиян прошедший год в экономическом плане был успешным. Протест, причем в узком слое

общества, был спровоцирован рокировками в тандеме, создавшими иллюзию раскола внутри властной «вертикали».

Ничего подобного в Беларуси не наблюдалось. Рост цен и проблемы с конвертацией валюты вызвали шок в обществе. Во второй половине 2011 г. все социальные индикаторы, фиксируемые НИСЭПИ, пробили исторические минимумы (табл. 4)[2], но возвращение валюты в обменники и снижение инфляции сменили негативный социальный тренд на позитивный.

Таблица 4. Динамика индекса материального положения (ИМП), индекса ожиданий (ИО), и индекса правильности курса (ИПК)

Социальные индексы	**12'10**	**03'11**	**05'11**	**06'11**	**09'11**	**12'11**	**03'12**
ИМП	9	-4	-45	-72	-69	-53	-25
ИО	13	6	-37	-44	-40	-28	-10
ИПК	22	5	-33	-36	-52	-30	-17

Но и на пике падения социальных индексов заметного всплеска протестных настроений не произошло даже на декларативном уровне, фиксируемом в ходе общенациональных опросов (табл. 5)[3]. Интересная деталь, когда на одном из производственных участков Минского тракторного завода дело дошло до забастовки, то она оказалось исключительно локальным событием. Никто бастующих не поддержал. Для солидарности рабочего класса, о которой так любили рассуждать классики марксизма-ленинизма, требуется иной уровень взаимного доверия за пределами ближнего круга, в данном случае состоящего из коллег по производственному участку.

Таблица 5. Динамика распределения готовности участвовать в публичных акциях протеста, %

Вариант ответа	**04'06**	**12'10**	**06'11**	**12'11**
Митинги, пикеты	15	12	16	15
Забастовки	13	9	14	11
Вооруженная борьба	5	4	5	4
Голодовки	6	4	7	5

Предыдущий минимум социальных индексов был зафиксирован на границы 2002-2003 гг. Он был вызван замедлением роста доходов населения после аттракциона «неслыханная щедрость», организованного властью в 2001 г., когда доходы выросли на 28%! В марте 2003 г. электоральный рейтинг Лукашенко составил 26%, снизившись с октября 2001 г. на 20 пунктов. Дальнейшему снижения электорального рейтинга помешал рост цен на нефть, позволивший белорусским предприятиям нарастить экспорт в переполненную нефтедолларами Россию. В 2011 г. история повторилась: в след за падающими доходами электоральный рейтинг Лукашенко снизился с 53% в декабре 2010 г. до исторического минимума в 21% в сентябре 2011 г., после чего параллельно с экономической стабилизацией начался он вновь начал расти.

Такая зависимость электоральной поддержки первого лица государства от его способности обеспечивать рост доходов населения заставил отдельных аналитиков утверждать, что сакральная составляющая легитимации белорусского «батьки» навсегда осталась в прошлом. Так ли это – вопрос спорный. Приведу мнение российского культуролога Андрея Пелипенко: «Традиционный подход прост: либо сакрален – либо нет. Споры сводятся к количественным характеристикам. На деле же всё несколько сложнее. Образ сакральной власти составляет некую устойчивую матрицу в мифологической картине мира, присущей традиционному (массовому) сознанию. И наличный образ власти может разнообразно с этой матрицей соотноситься. Традиционалист бессознательно устремлён к постоянному соотнесению слов и поступков властного субъекта с плохо прорефлексированной матрицей сакральности. При этом статус властного субъекта в глазах традиционалиста складывается на основе опыта этих бессознательных соотнесений: целого ряда количественных и качественных критериев. Но самое важное – эпизоды соотнесения *ситуационны*. Традиционная ментальность не способная делать выводы и экстраполировать полученный опыт во времени. Проще говоря, власть в глазах обывателя всегда подтверждает или не подтверждает свой сакральный статус лишь *здесь и теперь*. Провалы легко перечёркиваются успехами, и наоборот» [4].

Не исключено, что подобные провалы и взлеты мы и наблюдаем. В Европе расставанию с сакральной легитимацией способствовал кон-

фессиональный раскол, давший толчок развитию мировоззренческого плюрализма, и разрушивший божественную природу власти. Секуляризованному господству нужно было легитимировать себя, прибегнув к иному источнику. В качестве такового выступило национальное сознание, позволившее, по мнению немецкого философа Юргена Хабермаса, «связать более абстрактную форму общественного сознания с изменившимися структурами политических решений»[5]. Под последними понимаются структуры гражданского общества, сформировавшиеся в границах национальных государств.

К сожалению, в современной Беларуси процесс формирования национального сознания еще очень далек от своего завершения, следовательно, далек от завершения и процесс формирования нации и национального государства. Неоднократные заявления Лукашенко в стиле «белорусы являемся крепкой и сплочённой семьей, единой и поистине великой нацией» не следует принимать всерьез. Нацию – это общность, объединенная единой гражданской идентичностью и осознанием своей ведущей роли «суверена» по отношению к государству. Напомню, что согласно ноябрьскому референдуму 1996 г., подавляющее большинство представителей «великой нации» (58.9% от общей численности избирателей и 69.4% от проголосовавших) решительно отказалось избирать руководителей местных органов власти, сняв тем самым с себя ответственность за решение местных проблем. Такова официальная оценка уровня величия белорусской нации.

Но только национальное сознание, кристаллизующееся вокруг ощущения общности происхождения, языка и истории делает подданных гражданами одного политического целого, которые могут чувствовать ответственность *друг за друга.* Без этого чувства трансформация белорусской социально-экономической модели, выстроенной вокруг «вертикали» власти невозможна. Поэтому заглядывая в ближайшее будущее, можно с уверенностью утверждать, что колебания темпов изменения доходов населения будет приводить к *ситуационным* колебаниям электорального рейтинга главы государства, который подобно «ванька-встаньке» будет вновь и вновь возвращаться в исходное положение уже при первых признаках экономической стабилизации.

Есть ли шанс у новой Перестройки?

Все вышесказанное никак не объясняет протестную активность белорусов начала 90-х гг. прошлого века. Без понимания природы этой аномалии бессмысленно пытаться предсказать возможность ее повторения, но понимание (рефлексия) фактов, как уже было отмечено, возможна лишь в рамках теоретических моделей. За помощью обратимся к теоретическим наработкам российских культурологов.

В современной культурологии насчитывается более четырехсот определений культуры. Ограничимся лишь одним, сводящим данное понятие к совокупному пространству смыслов (как идеальных, так и опредмеченных) человеческого бытия. Основа всякого смыслообразования в культуре – крайности и полюса (бинарные оппозиции). *Поэтому механизмам оперирования бинарными оппозициями принадлежит в культуре ключевое значение.* Для всякой культурно-исторической традиции он носит парадигматический характер. Остановимся на двух фундаментальных операционных принципах: инверсии и медиации.

При доминировании инверсионного принципа сознание стремиться к полному и абсолютному приобщению к одному из полюсов заданной оппозиции, при максимальном отчуждении от противоположного. При этом проникновение смысловых элементов в пространство между полюсами крайне затруднено, т.е. сознанию трудно строить переходные смыслы. Напрашивается аналогия с гальванической ванной, в которой под воздействием электрического поля ионы с противоположными знаками перемещаются к соответствующим электродам.

Человек с инверсионным сознанием видит мир, раскрашенным исключительно в черно-белые цвета, а людей делит на *своих* и *врагов*. Он принципиально не способен к диалогу, как средству для поиска компромиссов. Какой же может быть компромисс с врагами!

Но социальные полюса в отличие от электродов не могут бесконечно накапливать смыслы. По достижению некоего критического состояния происходит инверсия, т.е. *перекодировка* полюсов. Инверсия исключает необходимость вырабатывания новых решений, она открывает путь логически моментального переосмысление того или иного явления как зла, что является отходом от осмысления его как добра и наоборот.

«Инверсия, – как отмечал историк Александр Ахиезер, – выступает как социальный феномен, как массовый взрыв народного негодования, направленный на то, чтобы смести всех, кто разрушает, или кажется, что разрушает, привычные формы жизни, превращает их из комфортных в дискомфортные»[6]. Внезапность и быстротечность инверсионных переходов передает популярный у российских политологов афоризм: «За неделю в России может поменяться все, за двести лет – ничего». Социолог Юрий Левада для описания обвальных процессов в обществе использовал французское слово «аваланш» (avalanche, лавина).

При медиации сознание выступает уже не как поле взаимоисключающих позиций, между которыми осуществляется выбор, а как пространство становления новых смыслов. Тем самым, создаются новые пласты культуры, качественно новые отношения, развивается личность и общество, формируется динамика исторического процесса. Разумеется, ни инверсионный, ни медиативный механизм не бывает выражен в абсолютном виде. Речь можно вести лишь о преобладании одного из них в культурной традиции, а также о их соотношениях.

Основное различие между западной и восточной версиями христианства как раз и заключается в механизмах оперирования бинарными оппозициями, сформировавших две системы мироощущений, две альтернативные картины мира. Если католическое мировоззрение разделило бытие не надвое («свет и тьма»), а натрое: между областью сверхъестественного и преисподней живет по своим законам, хотя и под властью Бога, область естественного, то православная духовность существование естественного (третьего) допускает в минимальном виде, и ни в чем это не ощущается так резко, как в вопросе о власти.

За примерами далеко ходит не надо, достаточно вспомнить позапрошлое новогоднее поздравление главы государства, в котором он под впечатлением Площади впервые признал наличие в белорусском обществе оппозиционного меньшинства[7]. Казалось бы, после такого «чистосердечного признания» в Беларуси впервые со времен конституционных референдумов 1995 и 1996 гг. должна была возродиться политика[8]. Однако. сказав «А», власть столкнулась с необходимостью произносить остальные буквы алфавита, что требовало не просто личного мужества, а перехода на принципиально иное культурное поле. Ресурса для

подобного перехода у власти не оказалось, и оппозиционно настроенной к власти части белорусского общества вновь было отказано в праве на существование.

На цивилизационной карте Беларусь расположена в зоне лимитрофа (пограничья) между западно-христианской и восточно-христианской цивилизациями, крен в пользу православия очевиден: православными считают себя 79% жителей республики, тогда как католиками – только 11% (сентябрь 2009 г.). Православный крен подтверждаются и ответами на вопрос о доверии государственным и общественным институтам. Православная церковь при этом оказывается вне конкуренции. В июне 2011 г. ее рейтинг доверия составил 63%, в то время как у католической церкви он оказался почти в два раза ниже – 38%.

Такая «социология» подтолкнула Лукашенко в марте 2003 г. заявить о претензии Минска на право стать Четвертым Римом[9]: «По сути, в восточнославянском (если учесть проживание на наших просторах и других народов – восточноевропейском) мире *мы остались единственной страной, открыто проповедующей верность нашим традиционным цивилизационным ценностям. Все это позволяет говорить, что временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на, наверное, великую роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации (выделено мною – С.Н.).*

Православная культура, как уже было отмечено, не знает диалога, что убедительно подтверждает в своих многочисленных выступлениях «православный атеист» Лукашенко. Политически активные белорусы могут быть либо безоговорочными сторонниками главы государства, либо «отморозками», «пятой колонной» и «врагами народа». Между этими крайностями никого нет. И дело тут не в Лукашенко, а в отсутствии срединной культуры в православии. Атеизм большевиков с их манихейским принципом «если враг не сдается, то его уничтожают» только усилил инверсионную составляющую белорусской культуры.

Манихейский дуализм глубоко пропитал православную культуру на всех уровнях. Лишенная в рамках инверсионной логики механизмов снятия противоречий, она стала источником бесчисленных конфликтов как на микро-, так и на макро– уровне, породив своеобразную цикличность российской истории. Инверсионная логика позволят понять

парадокс избрания на первых президентских выборах в России в 1991 г. «демократа» Ельцина и победу через три года в Беларуси авторитарного «батьки» Лукашенко.

Для понимания природы парадокса требуется пояснение. Поддержка политических сил, выступающих на президентских выборах под знаменами западной демократии, никогда не опускалась в Беларуси ниже 25%. В России электоральный ресурс прозападных политиков сегодня находится на уровне статистической погрешности. Интересен в этом смысле пример Ирины Хакамады, бросившей вызов Путину на президентских выборах 2004 г. и получившей 3.84%. Такой электоральный результат противников Лукашенко в Беларуси невозможен в принципе.

Но вернемся к Ельцину. В марте 1989 г. он был избран народным депутатом СССР, получив 91.5 % голосов, при явке почти 90 %. Такой результат Путин способен получить сегодня только в Чечне, опальный же Ельцин умудрился триумфально победить в Москве, не имея ни команды, ни денег, а главное – административного ресурса. Через два года на первых президентских выпорах его результат был скромнее – 57.3%, а в 1996 г. он не смог победить в первом туре. Накануне добровольной отставки в декабре 1999 г. электоральный рейтинг Ельцина составлял всего лишь пять процентов.

Перестройка – это инверсионный переход от авторитарного советского идеала к идеалу либеральному. На волне этого перехода и был вознесен «либерал» Ельцин во власть. Но либералы не оправдали надежд советского большинства, и началась обратная инверсия. К 1994 г. запрос на порядок и социальное равенство в его советском понимании в Беларуси завершился. В этих условиях «сильная личность», призывающая к возврату в авторитарное прошлое, была обречена на электоральную победу.

Инверсия начинается с разочарования в господствующем в данный момент идеале[10]. Для этого необходимо, чтобы общество оказалось в состоянии дискомфорта. Локальных колебаний социальных настроений, спровоцированных краткосрочным/среднесрочным снижением доходов населения, недостаточно. При первых же признаках экономической стабилизации негативный тренд социальных настроений сменяется позитивным. Вспомним Перестройку, которой предшествовала

эпоха (!) застоя с ее из года в год нарастающим товарным дефицитом.

В марте 2003 г. и в сентябре 2011 г. в Беларуси были зафиксированы минимальные значения электорального рейтинга Лукашенко: 26.2 и 20.5%, соответственно. В первом случая это было связано со снижением темпов роста реальных доходов с 128% в 2001 г. до 4% в 2002-2003 гг., во втором – с трехзначной инфляцией и почти трехкратной девальвацией национальной валюты в 2011 г. Но ни в первом, ни во втором случае до 5% Ельцина дело не дошло. В очередной раз процитирую Александра Ахиезера: «Инверсионная логика не допускает полутонов. Глава патриархальной семьи-государства может быть либо воплощением Добра, либо Зла. Для перехода от первого типа восприятия ко второму порой достаточно одного шага в истории»[11]. Но с таким нетерпением ожидаемый оппозиционными политиками «шаг в истории» в обоих случаях белорусским обществом так и не был сделан.

До инверсионного перехода дело и не дошло. Временное снижение популярности авторитарного полюса не привел к росту популярности полиса либерального, что и подтверждает табл. 6. Относительно декабря 2010 г., когда электоральный рейтинг Лукашенко на пике электоральной мобилизации составил 53%, в сентябре 2011 г. при минимальном значении электорального рейтинга Лукашенко значение рейтинга доверия оппозиционных партий даже снизилось. Общество не перешло из спящего состояния в возбужденное, и либеральный полюс не смог привлечь к себе дополнительное количество сторонников.

Таблица 6. Динамика распределения ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы оппозиционным политическим партиям?», %

Вариант ответа	**12'10**	**09'11**	**12'11**	**03'12**
Да	16	12	13	17
Нет	63	60	62	61
ЗО/НО	21	28	25	22

При этом доля белорусов утвердительно отвечающих на вопрос: «Считаете ли Вы себя в оппозиции к нынешней власти?» за это же время практически удвоилось (с 15 до 28%). Такое несоответствие означает, что выражая свое недовольство деятельностью персонификатора

власти (Лукашенко), белорусы не становились сторонниками партийной оппозиции, соответственно, сторонниками либеральных идей и ценностей (разумеется, смена ценностей за столь короткий временной промежуток возможна лишь на декларативном уровне).

Какова же перспектива ремейка Перестройки, т.е. очередного инверсионного перехода от авторитарного идеала к либеральному (вечевому) в ближайшие 5-10 лет? Полагаю, что она достаточно высока. 18 лет нахождения Лукашенко у власти были отмечены двумя периодами экономического роста (табл. 7). Первый период был связан с восстановительным ростом, его пик пришелся на 1997 г. К началу «нулевых» годов резервы восстановительного роста в Беларуси были исчерпаны. Второй период, назовем его условно «периодом нефтяного оффшора», – прямое следствие роста мировых цен на нефть. Цены на нефть и сегодня держаться на высоком уровне, что позволяет России дотировать белорусскую экономику на миллиарды долларов в год. Однако для роста белорусской социально ориентированной экономики требуется не просто высокий уровень российских дотаций, требуется постоянно увеличивающийся объем дотаций. Как будет показано ниже, дотационные возможности России близки к исчерпанию. Поэтому экономические проблемы, с которыми белорусы столкнулись в 2010 г., в ближайшие годы не только «не рассосутся», а с высокой степенью вероятности будут накапливаться, генерируя тем самым переход общества из относительно комфортного состояния в состояние дискомфортное.

Таблица 7. Темпы роста ВВП, %

‘95	**‘96**	**‘97**	**‘98**	**‘99**	**‘00**	**‘01**	**‘02**	**‘03**	**‘04**	**‘05**	**‘06**	**‘07**	**‘08**	**‘09**	**‘10**	**‘11**
90	103	111	108	103	106	105	105	107	111	109	110	109	110	100	108	105

Экономика социальной стабильности

Лукашенко постоянно подчеркивает, что для успешного развития белорусской экономики сам по себе уровень цен на российские энергоносители неважен. Главное, чтобы были «равные условия хозяйствования»[12], под которыми понимается одинаковый по сравнению с Россией

уровень цен на нефть и газ, и вот тогда, мол, белорусские предприятия смогут конкурировать с российскими. Это наивное представление уже в силу того, что Беларусь не является единственным внешним игроком на российском рынке, особенно после вступления России в ВТО.

«Белорусская экономическая модель развития» сформировалась не на пустом месте. Она сохранила все базовые характеристики советской модели, основанной на концентрации и перераспределении ресурсов. Два последних десятилетия своего существования советская модель подобно тяжелобольному, чья жизнь уже невозможна без аппарата искусственного дыхания, поддерживалась на плаву за счет поставок в Европу энергоресурсов, т.е. за счет природной ренты. При этом, чем больше ресурсов уходило на поддержание этой системы, тем больше ей их потребовалось. Этот принцип не чужд и современной российской экономике. Несмотря на, казалось бы, ее рыночную «продвинутость», она также нуждается во все большей доли нефтегазовой ренты для поддержания даже существующего уровня производства и занятости. Так как поддержание социальной стабильности возможно лишь при условии постоянного роста реальных доходов населения.

В условиях рентной экономики наиболее эффективной стратегией для отдельных предприятий оказывается стратегия, направленная на максимальное получения доли «своей» ренты. На ее выбивание и направляет менеджмент предприятий свои основные усилия. Такая стратегия превращает предприятия в своеобразных экономических наркоманов, с полным букетом вытекающих отсюда «медицинских» последствий. «Наркозависимость», – отмечают американские экономисты Клиффорд Гэдди и Барри Икес, – изменила саму природу советской экономической системы. «Административно-командная система», то есть то, что контролировалось и управлялось «сверху», все больше превращалась в систему, чье развитие определялось силами «снизу». Экономические приоритеты диктовались не Центром, а необходимостью поддерживать недееспособные сектора. Иными словами, не политика определяла структуру, а структура предписывала практическую политику. Это справедливо и для сегодняшнего дня, когда сложившаяся практика прямо унаследовала положение дел в СССР. Императив раздела ренты не просто продолжает существовать, но и оказывается силь-

нее рыночных механизмов, пришедших на смену советскому централизованному планированию» [13].

Увеличение объемов нефтегазовой ренты расширяет список неконкурентоспособных предприятий. В результате структура российской промышленности начинает принимать форму перевернутой воронки[14]. В ее узкой части расположены предприятия, непосредственно генерирующие природную ренту, а в нижней части «толпятся» предприятия–рентополучатели.

«Нулевые» годы были исключительно благоприятными с точки зрения получения природной ренты. Мы стали свидетелями своеобразного ремейка середины 1970-х до начала 1980-х гг. Резкое увеличение ренты вдохнуло новую жизнь в старую советскую структуру, причем не только экономическую. Путинский режим – не что иное, как реставрация бесконтрольной власти коррумпированного чиновничества по советскому образцу.

Но вернемся к «воронке». В ее широком основании преобладает машиностроение и предприятия ВПК. Через различные механизмы (формальные и неформальные) нефтегазовая рента передается из горловины «воронки» к ее основанию. *Среди рентополучателей свое место есть и у промышленных предприятий Беларуси, большинство из которых вне этого места функционировать не в состоянии.* По своему прав академик Анатолий Рубинов, убежденный в том, что Беларусь не способна «успешно развиваться и конкурировать в современном мире без поддержки России», а потери льготных цен на российские энергоресурсы «было бы достаточно, чтобы обрушить экономику нашей страны. Все остальные нюансы можно даже не рассматривать» [15].Тут требуется пояснение: вместо Республики Беларусь речь следовало бы вести о «белорусской экономической модели», сформированной под руководством Лукашенко за последние 18 лет.

Коренное отличие «наркозависимости» от простой зависимости заключается в том, что для сохранения статус-кво объем ренты должен постоянно увеличиваться. Если рента не будет продолжать расти, причем достаточно быстро, возникнет «абстинентный синдром».

Величина ренты рассчитывается по формуле: произведение объема добытых нефти и газа на мировые цены сырья за вычетом затрат на

добычу. Так как о существенном росте объема добычи в ближайшие 10-15 лет говорить не приходиться, то величина ренты главным образом будет зависеть от цен. На протяжении 120 лет (1880-2000) средняя цена на нефть в пересчете на сегодняшние доллары была ниже 25 дол. за баррель. По расчетам Международного энергетического агентства (МЭА), в ближайшие 20 лет нефтяные цены будут составлять в среднем почти 100 дол. за баррель. В связи с продолжающимся мировым экономическим кризисом многие специалисты считают такой прогноз достаточно смелым. Что касается цен на газ, то за последние годы в связи с добычей сланцевого газа в США[16] они «отвязались» от цен на нефть, и ожидать их заметного роста не приходиться.

«Нулевые» годы как в России, так и в Беларуси были в целом периодом стабильности и роста доходов населения, основанном на перераспределении всевозрастающего объема природной ренты. К настоящему времени данная модель себя исчерпала. Дальнейший рост доходов требует смены экономической модели, к которой политические элиты не готовы. «Наши основополагающие принципы и наш путь неизменны»[17], – отметил Лукашенко в майском послании. Что касается призыва совершить «стремительный рывок вперед», то в тексте послания для конкретных предложений, способных подобный рывок обеспечить места не нашлось.

Все вышесказанное означает, что вероятность повторения очередного застоя в ближайшее десятилетие вполне реальна. Следовательно, реален и переход общества из комфортного состояния в состояние дискомфортное. При этом недовольство белорусского большинства за счет инверсионного перехода от авторитарного полюса к либеральному может на короткое время[18] соединиться с недовольством меньшинства.

Инверсионный переход белорусского большинства от авторитарного идеала к либеральному смикширует раскол в белорусском обществе (обратный переход, напротив, углубляет раскол, что и наблюдалось в Беларуси в начале 90–х гг. прошлого века). В результате наступит «периодом всеобщего согласия» (по Ахиезеру). Станет ли данный период лишь очередным этапом в многовековой истории инверсионных переходов, или Беларусь сумеет вырваться из инверсионной логики и подобно странам Балтии и Грузии сменить парадигму своего развития –

однозначно ответить сегодня невозможно. Дальнейший ход событий будет во многом определяться внешними факторами (наличием параллельного процесса в России, уровнем экономической поддержки со стороны Европы).

Перспективы: кто подпишет новый «социальный контракт»?

Без рассуждений на тему повышения конкурентоспособности на протяжении последних лет не обходилось ни одно послание Лукашенко. В качестве примера приведу фрагмент Послания-2010: «Целью наших усилий должно быть формирование по-современному конкурентоспособных как экономики, так и государства в целом. И, более того, конкурентоспособной белорусской нации!»[19] Проблему конкурентоспособности экономики белорусская власть пытается решить отработанным еще во времена Петра способом, т.е. путем закупки западного оборудования и технологий. Учитывая, что в качестве основного покупателя белорусской промышленной продукции выступает Россия, данный способ себя оправдал. Он позволил не только запустить большинство заводов, но и модернизировать их до уровня, позволяющего выпускать продукцию, удовлетворяющую запросы массового российского потребителя.

Что касается повышения конкурентоспособности «государства в целом», то серьезных попыток в данном направлении и не предпринималось. Современное государство есть административное и налоговое государство. Это означает, что оно главным образом ограничивается управленческими задачами, перекладывая решение производственных задач на частный бизнес. Свои финансовые потребности современный государства покрывают за счет налоговых поступлений, взимаемых с частных субъектов хозяйствования.

В Беларуси под непосредственным управлением государства и после 18 лет независимости остается около 80% производственных активов. Государство по-прежнему занимается административным перераспределением ресурсов как в государственном, так и в негосударственном

секторе экономики. В качестве примера сошлюсь на постановление Совета министров от 12 апреля 2012 г. № 330, утвердившее перечень из более чем 60-и высокорентабельных организаций, которым поручено перечислить в государственный целевой бюджетный фонд национального развития часть прибыли по результатам работы за 2011 г.

Однако возможности для подобного административного маневра ресурсами у белорусской власти начали снижаться. Достаточно вспомнить жесткие условия, которыми оговорил российский «Газпром» покупку второго пакета акций «Белтрасгаза». Государство остро нуждается в деньгах, и приватизация «фамильного серебра» на сегодняшний день – один из немногих реальных источников пополнения казны. Но не так-то просто отыскать серьезных инвестор готовых рисковать своими деньгами на, условиях, вот уже столько лет провозглашаемых Лукашенко. Предстоящее IPO ОАО «БелАЗ» наглядно демонстрирует, что играть придется по международным правилам[20].

Белорусское государство – это классический пример естественного государства (в терминологии Дугласа Норта), в котором отношения внутри политической элиты выстраиваются на основе личных договоренностей[21]. С опорой на личные договоренности Лукашенко пытается выстраивать и межгосударственные отношения. Однако все возрастающая зависимость белорусской экономики от внешнего контекста сужает области применения традиционной (личностной) политики. В этом смысле у перехода на игру по международным правилам нет альтернативы. Понятно, что для смены привычной модели поведения требуется время, но уже в ближайшие годы мы станем свидетелями ускоренного освоения правовых практик белорусским государством. Отказ от административных методов регулирования валютного курса в октябре 2011 г. – пример реформирования в вынужденном режиме. Против лома рынка в арсенале специалистов по административному регулированию нет убедительных приемов, но соглашаться на очередные уступки они способны лишь сталкиваясь с угрозой наступления экономического коллапса.

Осваивать правовую культуру предстоит и белорусскому обществу. Строго говоря, без освоения массовым человеком универсальных правовых норм, переход от традиционного общества к обществу со-

временному (модерному) невозможен. Согласно Льву Гудкову, общество – «Это система устойчивых связей, основанных на солидарности, взаимных ценностях, чувстве сопричастности и взаимных интересах. Подчеркну, что для социологии понятие «общество» лишено измерения власти – это такое объединение, которое не предполагает властных отношений. Если говорить об обществе у нас, то оно появляется, но оно еще очень слабое и неинтегрированное»[22].

Телевизионная «картинка», которую рисует о себе самом государство, – главный интегратор белорусского общества на сегодня. Общество в Беларуси, как и в России, это общество семей, смотрящих телевизор! Просмотр телепередач замещает политическую и гражданскую активность, без которой невозможна гражданская солидарность. Телезритель не стремиться к расширению своей ответственности. Все, в чем он нуждается, – это в «хорошем начальстве», способном обеспечить справедливость и порядок.

Проблема, однако, заключается в том, что ресурсные возможности «хорошего начальства» обеспечивать как первое, так и второе сокращаются подобно шагреневой коже. Власть, в отличие от общества, это понимает. Отсюда призывы жить по средствам, связывать рост заработный платы с ростом производительности труда и т.п. Речь фактически идет о ревизии «социального контракта», сложившегося в республике за последние 18 лет.

Для подписания нового «социального контракта» требуется не просто новый перечень взаимных прав и обязанностей сторон, а изменение их природы. Сторонами ныне действующего контракта являются не два субъекта, а субъект (власть) и объект (общество). Но если власть отказывается от выполнения патерналистских обязательств, то единственным условием выживания общества становится его переход из объектного в субъектное состояние. Совершить такой переход возможно лишь за счет замены традиционных (личностных) отношений на правовые, что и станет основным элементом социально-политических процессов в Беларуси на ближайшие 10 лет.

В заключение следует отметить, что «динамика социального порядка – это динамика социальных изменений, а ни динамика прогресса»[23]. Конкурентная борьба экономик, государств и наций выявляет не толь-

ко победители, но и проигравших. Учесть последних незавидна. Об этом необходимо помнить, прогнозируя будущее Беларуси.

10 июля с.г. Всемирный банк презентовал в Минске Страновой экономический меморандума для Республики Беларусь «Экономическая трансформация для роста». Его основной вывод полностью согласуется с нашим предположением об исчерпании белорусской экономической модели и невозможности дальнейшего роста доходов населения без ее смены. Этот же вывод содержится и в докладе министра экономики Николая Снопкова, с которым он выступил на заседании Совмина 8 августа: «*Экономика не генерирует уровня добавленной стоимости, соответствующего необходимому уровню заработной платы (выделено мною – С.Н.)*. Конкурентоспособными являются только отдельные виды экономической деятельности: производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; химическое производство; деятельность, связанная с вычислительной техникой, среди регионов – Минск и Минская область»[24].

Но, несмотря на осознания экономическим блоком белорусского правительства истинного положения дел в экономике, за семь месяцев 2012 г. средняя заработная плата в долларовом эквиваленте увеличилась на 36%, вплотную приблизившись в июле к заветному значению в $500. Таким образом, вероятность повторения экономического кризиса по сценарию 2011 г. существенно повысилась. Следовательно, повысилась и вероятность реализации большинства событий описанных в этом тексте. Не исключено, что уже в первой половине следующего года мы станем свидетелями очередной экономической либерализации (предыдущая была прервана 19 декабря 2010 г.), которая имеет все шансы сорваться в новую Перестройку (в течение 2-3 лет).

---

1 Юрий Левада. Ищем человека. М. 2006. Новое издательство. С 187.

2 Социальные индексы рассчитываются как разность положительных и отрицательных ответов на вопросы: «Как изменилось Ваше личное материальное положение за последние три месяца?» (индекс материального положения); «Как изменится социально-экономическая ситуация в Беларуси в ближайший год?» (индекс ожиданий); «На Ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном или неправильном направлении?» (индекс правильности курса).

3 Анализируя причины участия/неучастия населения в протестных акциях, необходимо помнить о расколе в белорусском обществе. У представителей «продвинутых» (меньшинства)

и периферийных (большинства) социальных групп они существенно различаются. Вот что по этому поводу говорить российский социолог Лев Гудков: «Одно дело – протесты малых и средних городов, которые требуют от власти выполнения социальных обязательств и, в общем, настроены по отношению к власти патерналистски: ждут от нее помощи, поддержки. И другое дело – выход москвичей или жителей крупных городов, которые вообще не выдвигают экономические требования, а настраивают на проведении политической реформы». http://www.svobodanews.ru/content/article/24568870.html

По мнению американского политолога Николая Злобина, «отличие России от Запада заключается в том, что люди в России воспринимают несправедливость, а на Западе протестуют против нарушения закона». http://echo.msk.ru/programs/personalno/837047-echo/ Но, как видно из цитаты Л. Гудкова, у российского меньшинства преобладает западный тип восприятия несправедливости.

4 Андрей Пелипенко. Многоточие невозврата. http://vestnikcivitas.ru/pbls/1867

5 Юрген Хабермас. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт Петербург. «Наука». 2001. С. 206

6 Александр Ахиезер. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамика. http://ecsocman.hse.ru/text/18917925/

7 «Свои поздравления я также адресую нашему меньшинству. Вы должны знать: вас воспринимаю как неотъемлемую часть нашего общества, со своими целями, взглядами и устремлениями. Вы имеете свою точку зрения, особое понимание мироустройства и развития нашей страны. Это ваше право, которое отнять у вас никто не может». http://pda.sb.by/post/110651/

8 Под политикой в данном случае понимается деятельность по артикуляции и согласованию интересов различных групп общества.

9 Приведу ставший классическим фрагмент письма монаха Филофея Псковского Василию III: «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси. Врата Второго Рима – Константинополя – были изрублены топорами неверных турок, но церковь Московии – Нового Рима – блистает ярче, чем Солнце во Вселенной. Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а Четвертому не бывать». А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед лицом истории. АЙРИС ПРЕСС. М. 2002. С. 373

10 Нравственная система (по Ахиезеру), составляет сердцевину культуры. Она выступает в качестве главного интегратора общества и государства. Исходным нравственным идеалом является догосударственный синкретический вечевой идеал. Этот идеал в результате усложнения общества, ведущего к формированию государств, расчленяется на два амбивалентных: вечевой и авторитарный. Вечевой идеал в наше время принимает форму либерального идеала (но скорее форму, чем содержание). Так возникает два полюса, между которыми и совершаются инверсионные переходы. Учитывая, что вечевой идеал по природе своей является догосударственным, в период его господства происходит распад государства (Смута, 1917 г., Перестройка)

11 Александр Ахиезер. Россия: критика исторического опыта. http://www.ecsocman.edu.ru/text/19156198/

12 Приведу фрагмент Послания-2012: «В Едином экономическом пространстве Беларуси, Казахстана и России мы не просим низких цен для наших предприятий. Главное – это единый уровень цен и принципы их формирования. Для всех – белорусских, российских, казахстанских компаний». http://www.sb.by/post/130451/

13 Клиффорд Гэдди, Барри Икес. Сможет ли Россия слезть с «сырьевой иглы». Pro et Contra. № 15. 2011 сентябрь – октябрь. С. 26

14 Клиффорд Гэдди, Барри Икес. Сможет ли Россия слезть с «сырьевой иглы». Pro et Contra. № 15. 2011 сентябрь – октябрь. С. 26

15 Корпоративная структура нефтегазового сектора отличается высокой степенью концентрации. Действуют лишь около 175 компаний (в США более 20 тысяч), на которых занято полумиллиона человек (1.1% всей рабочей силы). Но стоимость производимой ими продукции огромна. Нефть и газ дают порядка двух третей экспортных доходов России и почти половину доходов федерального бюджета.

16 В первом квартале 2012 г. цена газа в США опустилась до уровня 1946 г.

17 А. Рубинов. «Общество. Власть. Время» http://pda.sb.by/post/127544/

18 Вот как описывает российский социолог Борис Дубин процесс обратной инверсии в начале 90-х: «Массовая неудовлетворенность победой над путчистами возникла в стране (тогдашнем СССР) практически сразу – уже с осени 1991-го. Причиной стало то, что акт триумфа, стремительного одоления угрозы не продолжился явными, убедительными, необратимыми переменами, на которые надеялись самые разные слои населения. Вопреки ожиданиям, не произошло быстрейшего, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия». http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_53_6-22.pdf

19 В первом квартале 2012 г. цена газа в США опустилась до уровня 1946 г.

20 10 мая 2012 г. заместитель министра промышленности Беларуси Павел Утюпин заявил журналистам, что для проведения IPO, БелАЗ должен перевести свой бухгалтерский учет на международные стандарты финансовой отчетности. Если IPO состоится осенью, соответственно, предприятие должно иметь аудированную отчетность за полгода. http://naviny.by/rubrics/economic/2012/05/10/ic_news_113_392841/

21 Уже который год руководители ОО «Белая Русь» безуспешно пытаются преобразовать общественную организацию в партию. Причину фиаско недавно раскрыл председатель Совета Федерации Анатолий Рубинов в интервью каналу «РТР-Беларусь»: «Вот то, что сказал президент. И он, я считаю, абсолютно прав. Он сказал: «Мне партия не нужна как президенту. Я не хочу». http://gazetaby.com/index.php?sn_nid=42427&sn_cat=32

22 Вот как описывает российский социолог Борис Дубин процесс обратной инверсии в начале 90-х: «Массовая неудовлетворенность победой над путчистами возникла в стране (тогдашнем СССР) практически сразу – уже с осени 1991-го. Причиной стало то, что акт триумфа, стремительного одоления угрозы не продолжился явными, убедительными, необратимыми переменами, на которые надеялись самые разные слои населения. Вопреки ожиданиям, не произошло быстрейшего, разом, избавления от советской бедности и униженности, бессилия и несвободы, второсортности и двоедушия». http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_53_6-22.pdf

23 www.pravo.by/showtext.asp?1271829426052

24 10 мая 2012 г. заместитель министра промышленности Беларуси Павел Утюпин заявил журналистам, что для проведения IPO, БелАЗ должен перевести свой бухгалтерский учет на международные стандарты финансовой отчетности. Если IPO состоится осенью, соответственно, предприятие должно иметь аудированную отчетность за полгода. http://naviny.by/rubrics/economic/2012/05/10/ic_news_113_392841/

Вадим ДУБНОВ

Александр Лукашенко: хроника недалекого будущего

Проблема Беларуси

Одна из главных реалий белорусской политики заключается в том, что уже почти двадцать в каждый прожитый сегодня день пишется то завтра, которое с неумолимостью наступает по соседству, и границы этого соседства уже давно перемахнули рубежи не только Союза России и Беларуси, но Союза Таможенного, распространившись на весь постсоветский мир. Сначала, обогатив политический лексикон народов бывшего СССР оборотом «вертикаль власти», Лукашенко год за годом внедрял те технологии, которые спустя непродолжительное время становились обыденностью везде. Например, преследование журналиста Андрея Почобута вызывает даже некоторое недоумение, почему уголовная статья о клевете на президента до сих пор не стала реальностью в той же России, являющей полную готовность к подобным заимствованиям.

Между тем, появление такой Беларуси на постсоветских просторах в чем-то напоминало появление в самой Беларуси режима Александра Лукашенко. Начало 90-х гг. на этом пространстве казалось временем инерционной борьбы разрозненных поборников вчерашнего братства с адептами неминуемой демократизации снизу доверху. Причем фаворитами в этой схватке выглядели последние, и казалось, вопрос был только во времени.

Но повторить рывок Восточной Европы, преодолевшей гравитацию социалистического блока, обитатели руин рухнувшей державы не смогли. Ресурс неформальных трибунов, феномен Гавела и Валенсы,

был полностью отработан и исчерпан в странах Балтии. Возможно, в этом и кроется ключ к постижению тех процессов, которые привели к столь разным результатам по разные стороны границ бывшей сверхдержавы.

Название этого ключа – независимость.

Лукавство – орудие реформатора

Представление об эволюции, которую претерпевает человеческий менталитет, передвигаясь с восточноевропейского запада на российский восток, бесспорно лишь для тех, кто не общался в начале 90-х гг., скажем, с литовскими или польскими крестьянами. Может быть, поворотный пункт польского успеха в состоялся тогда, когда Тадеуш Мазовецкий согнал с рельсов польских аграриев, пытавшихся ему объяснить, как важны для них гарантии социалистической безбедности. А в Эстонии все произошло тогда, когда Март Лаар с улыбкой разглядывал из своего окна крестьян, пришедших на площадь перед президентским дворцом с теми же тезисами. Эстония, как и все, получившая в наследство двузначную цифру сельского населения, услышала от своего премьера, такого с виду улыбчивого, что его доля будет доведена до 9, потом до 6, и как цель – 4 процента.

Все это не к тому, что реформа требует мужества и даже готовности к политическому самоубийству. К реалиям наших широт и нашему сюжету этот абстрактный тезис, увы, отношения не имеет. Речь о том, что и балты, и поляки в своей статистически-избирательской массе к правым идеям в экономике склонны ничуть не больше, чем основная масса постсоветских людей. А как показывают нынешние события, наивные убеждения о врожденном либерализме еще более западных людей были плодом той же уверенности, с которой некоторые полагали, что избавление от коммунизма автоматически приведет к процветанию

Между тем, именно последний тезис оказался в свое время спасительным для восточноевропейской реформы. Реформа, как оказалось, это всегда немножечко лукавство. Либеральная идея нуждается в под-

мене, которой может оказаться что угодно. Подмены перемешиваются, образуя уникальную для каждого случая смесь, но в каждой есть своя основа. Где-то пришлось платить национализмом, где-то, как в Армении, первая либеральная реформа прошла и вовсе под видом военной экономики. А Восточная Европа бежала от коммунизма по-особенному – для нее этот коммунизм имел четкие географические границы, из которых надо было вырываться.

Успех проекта «Независимость» к экономическому и демократическому проектам прямого отношения не имел. Но, тем не менее, обусловил успехи именно на этих направлениях.

Технология мифа

Подтверждений этому тезису можно найти немало – и в Восточной Европе конца 80-х, и в Балтии начала 90-х гг. Нюансы этого процесса можно изучать сегодня в Украине, и особенно в Грузии.

Но, если не распознать, где доказательство прямое, а где от противного, лучшей системой аргументов в этом вопросе окажется именно Беларусь. Независимость функциональна и инструментальна. Для Восточной Европы она оказалась импульсом для рывка. Для России – охранительной технологией и основой тормозящего патриотизма в жанре «суверенной демократии». Лукашенко нашел уникальную комбинацию этих возможностей, гибрид получился непростым. При том, что на все это накладывалась путаница в отношении к своей независимости со стороны самого общества.

Отношение к своей независимости и попытки осознать, чем она является, основанные на этом технологии властных спекуляций, на каждом этапе новейшей белорусской истории определяли не только внешнеполитические векторы, но и саму государственную модель. Может быть, поэтому в Беларуси первое больше, чем в других сюжетах, является определяющим для второго. Если не побояться запутанных слов, главную белорусскую особенность можно сформулировать так: независимая Беларусь оказалась крайне зависима от своего отношения к своей независимости.

История метаний белорусского лидера в плоскости, которая почему-то называется геополитической, известна и уже стала основой современного белорусоведения. Весь секрет Лукашенко в том, что ему удалось отладить все необходимые балансы на Западе и на Востоке, конвертируя потери на одном направлении бонусами на другом, что неминуемо ведет завтра к получению бонусов там, где вчера были потери, и так до бесконечности. И, соответственно делается вывод, режим Лукашенко истечет сам по себе по той известной всем причине, по которой не бывает вечных двигателей, колебания любого маятника затухают, потому что ни один, самый отлаженный механизм ничего не может сделать с сопротивлением среды. А это сопротивление нарастает, причем по всем направлениям. Лукашенко вынужден расширяться уже даже не в Китай и Иран, а в Латинскую Америку, и это подтверждает гипотезу, которая выглядит спасительной: режим Лукашенко постепенно просто выдохнется.

Еще говорится, что ни один товар нельзя продавать бесконечное количество раз, и торговля независимостью бессмысленна, потому что даже самый циничный бизнес требует хотя бы элементарного доверия. А Лукашенко, что бы он ни объявлял товаром, независимость или МТЗ, уже никто не верит…

Не верит, это правда. Только один вопрос: почему по-прежнему покупают, причем и то, и другое?

Клише, даже правильные, обычно только запутывают дело. В нашем же случае они не совсем правильные, и точно так же, как Лукашенко научился использовать мифы об особом белорусском характере, он неплохо зарабатывает на мифах о причинах его нескончаемого успеха.

По всем этим причинам разговор о политических перспективах белорусского режима приобретает поистине метафизический характер. Логика режима Лукашенко словно посмеивается над политологическими закономерностями и исследовательскими технологиями. Политология очень любит сравнивать, и «арабская» весна будто бы для того и разразилась, чтобы Лукашенко содрогнулся, и он будто бы и в самом деле взволновался. Но все подобные аллюзии ничуть не менее неуклюжи, чем аналогии московской Болотной с «оранжевым» Киевом.

История прощает все?

Что же это за удивительная логика? И в чем же ее уникальность?

Это, может быть, самое трудное – отделить белорусский режим от того иррационального флера, которым он сам себя окружил. Все уже давно поменялось, а в Лукашенко по-прежнему принято высматривать инфернальность, с которой он появился и которую хранит, как иглу, таящую его собственную смерть. Словно он и в самом деле неподвластен превратностям политической судьбы. Без малого два десятилетия заинтересованная общественность ждет от него фатальной ошибки. С каждым годом неизбежность ошибки кажется все более очевидной. Между тем ни одна из ошибок фатальной пока не становится. Даже нынешний социально-экономический кризис не выглядит страшнее того, что приходилось переживать в 2001 г. – с пустыми прилавками, падающим рейтингом, еще не скомпрометированной оппозицией, и началом ссоры с Путиным, реальной цены которой еще никто не знал. Но 2001 г. был пережит, причем без видимых титанических усилий. Сегодня лукашенковские горизонты выглядят почти такими же ясными, как и прежде, народный бунт раз за разом отменяется, поочередные войны то с Западом, то с Востоком заканчиваются вничью, то есть в пользу Лукашенко.

Независимый институт социологических, экономических и политических исследований (НИСЭПИ), изгнанный много лет назад Лукашенко из Беларуси и с тех пор базирующийся в Литве, свое очередное социологическое исследование провел как раз в 20-ю годовщину своей деятельности. Но юбилей пришелся чрезвычайно кстати: опрос проводился в марте 2012 г., в котором все сошлось: и почти полуторагодовой итог избиения оппозиции, и кульминация ссоры с Западом, и промежуточное послевкусие кризиса, и казнь осужденных за теракт в минском метро.

Результаты исследования НИСЭПИ, не имеющего ни малейших оснований симпатизировать Лукашенко, выглядят образцом печальной научной честности. «Массовые облавы на «зелень» прекратились, и валютные депозиты физических лиц вновь пошли в рост… С позитивной экономической статистикой к белорусам возвращаются надежды

на светлое будущее. Если в июне 2011 г. доля пессимистов превышала половину, то в марте она оказалась чуть меньше трети…» Это не перелом, это пока просто тенденция, но весьма выразительная. В декабре об улучшении своего экономического положения робко говорили 7,1 процент, в марте – 15,3. В декабре ухудшения социально-экономического положения в стране ожидали 45 процентов, в марте – 32. Оптимистов, полагавших, что дела в Белоруссии развиваются в правильном направлении, в декабре было 25,6 процентов, в марте – 35,3. НИСЭПИ выводит нехитрую формулу чуда: «Очередная порция российских дотаций, полученная в качестве оплаты за согласие А. Лукашенко поддержать интеграционные инициативы «старшего брата», позволила стабилизировать экономику, что привело к росту социальных индексов». И отмечает то, что на самом деле является искомой формулой всего лукашенковского стиля: для него нет послезавтра. Он живет сегодня, до вечера, но так, чтобы ни у кого не появилось сомнений завтра.

И эта формула действует. Москва не в силах отказаться от соблазна привычной риторики. Посол России, словно не слыша раскатов то ли неоконченной, то ли зреющей войны, сообщает, что планов перехода на общую валюту никто, между прочим, не отменял. Политика сигналов тем и хороша, что не надо вдаваться в логику политических шагов, проблема одна – со временем перестаешь полагаться на то, что эта политика хоть в каком-то формате существует, чем и пользуется Лукашенко.

Лукашенко стареет, некоторым оптимистам иногда кажется, что он теряет хватку, но на самом деле он уже почти двадцать лет неизменен. По нему можно изучать историю, которой нужен этот неизменный фон как система отсчета. На то, что происходит сегодня, он реагирует исходя из той же логики, из которой исходил в самом начале, возможно, впрочем, посмеиваясь над теми, кто называет это логикой. В этой неизменности еще одна проблема и загадка для исследователя: как быть, если Лукашенко ведет себя так, словно содержательная часть будущего интересует его тем меньше, чем больше он уверен, что оно все равно наступит.

В декабре 2010 г., после выборов он устроил избиение оппозиции в том же жанре, в котором устраивал его по самым разным поводам. При этом по совершенно аналогичным поводам он его не устраивал.

Это не просто самодурство. Зачем это было нужно в декабре 2010-го г.? Ведь та оппозиция, которая пришла под стены правительства, была самой неубедительной и слабой из всех оппозиций 18-летней истории Белоруссии.

Ответа два.

Один очень простой, и всеми, кто знает Лукашенко, признается верным: «раззуделось плечо». Лукашенко, который умеет ненавидеть с той же страстью, с которой жаждет власти, дал себе волю. После того, как кропотливо мирился с Европой, рассказывал CNN про то, что Москва бывает невыносимее Вашингтона – в одночасье все сломал так, будто было совершенно не жалко. И, как многие обреченно решили, на эту Москву себя и обрек. Пусть не завтра. Послезавтра. За один вечер, но очень надолго. И если бы кто-то заподозрил Лукашенко в византизме, он мог бы обратить внимание на то, что против такого представления, в общем, не возражает.

Есть и второй вариант ответа, несколько более объективный – кризис. О том, что закрома белорусской родины, в том числе и валютные, пусты, как никогда прежде, что буквально через месяц-другой страну тряхнет так, как еще не трясло, Лукашенко к этому времени не знать не мог. Специально ли он планировал дело так, чтобы ко времени массовых протестов на улице и на свободе не осталось ни одного сколь-нибудь серьезного вожака – неизвестно. Знающие Лукашенко люди говорят, что, скорее всего, нет. Но тем и удивительна модель власти, что второй, двухходовой, ответ первому нисколько не противоречит. Все гармонично, что и подтвердил опрос НИСЭПИ. Если в декабре рейтинг доверия недотягивал и до 25 процентов, то в марте он скакнул почти до 35.

Лукашенко выиграл. Но было несправедливым винить во всем только мягкий и незлобивый белорусский народ, хотя с ним главе государства тоже повезло. Едва ли он до деталей просчитывает народные реакции. Тогда в декабре, было совсем не трудно догадаться, что никакие игры в либерализацию и вестернизацию не спасут его, когда придется искать деньги. Он знал, что ему не верят и за одни обещания не дадут денег ни на Западе, ни на Востоке. Но, как бы ни делить мухи и котлеты, на Востоке, со своими и по-своему, договориться все равно легче. Эти технологии он освоил давно, и ему всегда есть что предложить своим

восточным партнерам. Хоть беспошлинная транспортировка нефти, как это было в прошлом, хоть удивительный толлинг в нефтепереработке, – в общем, есть в России много людей, которых не пугает непрограммируемый лукашенковский стиль. К тому же Восток есть Восток, он не потребует глупостей вроде свободной прессы или честных выборов. На Востоке люди понятные и понятливые, им тоже недосуг заниматься многоходовыми схемами. Время – деньги, но, в отличие от Лукашенко, на Востоке насчет отпущенного времени такой уверенности ни у кого нет. Срубить по-быстрому на нефтепереработке, или учредить на живую нитку очередной Таможенный союз – Лукашенко знает, о чем грезит партнер. И, если по-честному, он как никто другой знал, что единственный смысл половины Белтрансгаза в том и состоял – торговаться в черный день, и вот этот день настал.

Режим нашего времени

На самом деле, явить истории какой-то новый властный стиль, наверное, невозможно. Есть просто определенное количество крупных блоков, из которых этот стиль в соответствии с волей архитектора или исторического случая, строится, остальное – архитектурные излишества, плющ и декоративные завитушки. Про общую валюту – это плющ, про оправдания Гитлера – завитушки, излишеств – сколько угодно. Набор блоков понятен, вопрос в месте и времени.

Услышать в заявлении о том, что мальчик Коля – будущий правитель Белоруссии, политическую программу, мог только человек из того поколения, которое создал Лукашенко: те, кто в панике придает значению любому его шагу. На самом деле он всего лишь проговорился о том, что не считает невозможным уже ничего. Исходя из этого он живет, но, при всем уважении к психологическому портретированию, это ничего не объясняет.

Лукашенко построил банальный авторитарный режим своего времени, просто ему повезло выстроить его первым. В известной степени, кстати, случайность то, что он вообще выиграл свои первые и совершенно честные выборы в 1994 г. Да и вообще то, что появился на по-

литическом небосклоне вообще – годами двадцатью раньше в системе, которая столь экстравагантных персонажей все же отфильтровывала, он бы так и остался неудачником районного масштаба.

Так что дело не столько в нем, сколько в модели, появление и консервацию которой он только форсировал. Дело не только в том, что режим Лукашенко развивается в центре Европы. Упирать на географию – на самом деле лишь изящный публицистический прием. Смысл в нем был бы только в том случае, если бы белорусские войска, скажем, стали истреблять компактно проживающих полешуков, или оппозиция настолько бы вдруг окрепла, что выбивать ее из, скажем, Молодечно, власти пришлось бы с помощью тяжелой артиллерии и авиации. В этом случае речь пошла бы о международном вмешательстве, но и здесь далеко не факт, что дело бы кончилось натовской интервенцией.

То, что все это происходит здесь и сейчас, лишь несколько обостряет проблему любой западной власти отвечать на недоумение своего избирателя, для которого все слишком уж по соседству и зримо, не то, что какая-то Руанда или Сирия.

У таких властителей, как Лукашенко есть только одна легитимность: пластичность народного нрава. Совершенно не требуется уверить народ в том, что все хорошо. Народу даже не возбраняется думать, что все очень даже плохо. И совершенно не обязан народ замирать от счастья при виде своего президента. Требуется одно-единственное: убедить большинство в том, что, во-первых, что кроме Лукашенко никого не будет, а, во-вторых, если будет, то станет намного хуже. Вот и вся формула.

И все, действительно, получается. В декабре 2011 г. количество тех, кто не считал себя оппозицией Лукашенко, было 56%, а в марте 2012 г. – 66%.

Общественный договор по-белорусски

На фундаменте этой легитимности выстраивается весь режим, и это, можно сказать, единственная многоходовка во всей игре. Никаких массовых политических воззрений население, которое выбирает между

плохим и очень плохим, обычно не выказывает. Ему бы немного денег и побольше спокойствия. Если для этого надо дружить с Западом – пусть будет Запад, и в ходе большого примирения с ним количество белорусов, предпочитавших сближение с Европой, постепенно превосходило армию сторонников исторического братства с Россией. Когда же приходит время платить по счетам, скажем, проводить более или менее свободные выборы, все меняется. Подготовка к парламентским выборам 2008 г. проходила под знаком небывалой интриги: что может помешать Лукашенко из приличия и формальной верности взятым на себя обязательствам, допустить в парламент пять-шесть, а то и десяток оппозиционеров. Ожидания были наивны, о чем с самого начала предупреждали оптимистов оппозиционные аналитики. В общем, приходит время и Лукашенко меняет курс и обнаруживается, что Запад – это уже не дешевые кредиты и потребительское счастье, а санкции, никому не интересно, из-за чего и из-за кого так получилось. В марте 2012 г. сторонники сближения с Россией уже побеждали «западников» с рекордным за последние 5 лет счетом 47 vs. 37.

Лукашенко – кто угодно, но не популист. Наоборот. Он сам формирует то массовое мнение, которому покорно следует. И в расстреле в марте 2012 г. осужденных за теракт в минском метро было так соблазнительно увидеть потворство массовым вкусам – большинство населения выступает за сохранение смертной казни. Но, как отмечается в аналитике НИСЭПИ, «судебный процесс по делу минских террористов изменил соотношение сторонников и противников смертной казни в сторону последних. Не исключено, что причину сдвига следует искать не в гуманистическом прозрении белорусского общества, а в протестной реакции на решение властей».

Нет, не понимания и восторга искал у своего народа Лукашенко. Тем, кто в другой ситуации мог быть помилован, просто не повезло: в войне, которую Лукашенко объявил Западу, потребовались убитые. Это не имеет никакого отношения к полемике о смертной казни. У этой войны есть раненые, есть пленные – те, кого не выпускают за границу, и это, понятно, тоже не от стремления понравиться тем, кто уже понял, что ничего помимо батьки все равно не дано, а Европа не поможет. Лукашенко уже выиграл эту войну – он заставил Запад вести ее по

своим правилам. Ему было совсем нетрудно объяснить, что как с Милошевичем с ним, бьющим хрусталь в кремлевских залах, нельзя. Лукашенко навязал Европе другой свой образ, в котором так комфортно себя нашел: enfant terrible, подтверждая его каждой своей проделкой. «Последний диктатор Европы», «белорусский фюрер», «бесноватый тиран» – это все было уже неинтересными вариациями, газетными банальностями, потому что Лукашенко саму свою модель давно превратил в фарс, в пародию на настоящую диктатуру. И хотя иногда в Беларуси пропадали люди, Запад, негодуя, будто бы все время оглядывался. А вдруг он что-то в этой стране упустит – то ли шанс на демократию, то ли «расползание по Европе сумеречной России», то ли просто по старой европейской привычке мнилась ответственность за все это небольшое пространство неподалеку от главных европейских столиц.

Все повторяется. На миг показалось, что вновь отозвав послов, Европа, наконец, даст понять Минску, что во всех его совхозных хитростях окончательно разобралась, и больше обмануть себя не даст. Тем более, что у нее сегодня дел и проблем стало невпроворот и без Лукашенко. Она решила, что надо еще раз дать ему шанс. Она намекнула, что может снова вернуться к диалогу. Только пусть не убивает людей. Лукашенко этого ждал – и, как в декабре 2010-го, ответил наотмашь, казнив осужденных, усилив давление на оппозицию и гражданское общество. С тем наслаждением, которое бывает, когда не надо думать о последствиях.

Он получил передышку – благодаря Москве, продав ей очередную порцию воздуха. Сейчас это Москву, впрочем, вполне устраивает, хотя любой желающий уже может услышать раскаты следующей «братской разборки», и снова все решат, что войны на два фронта Лукашенко не выдержать. Хотя того, что Лукашенко успел получить, до очередного ближайшего кризиса ему хватит. А больше, как показывает опыт, ему пока и не требуется.

Идеальное отчуждение

В этом не столько открытие, сколько инстинктивная адаптация вечного авторитарного стиля к современным условиям. Инстинкт Лу-

кашенко оказался безошибочным – он нащупал то, что вскоре стало общим стилем постсоветского пространства. Никакой провидческой гениальности от него не требовалось, поскольку образцы уже имелись.

Первой основой, конечно, является советский стиль в его позднем воплощении. Без карательных брутальностей, с точечной работой КГБ и впервые в советской, а в определенном плане и российской истории, подобием общественного договора. Власть обеспечивает стабильный прожиточный минимум благ, средств и общественных отношений в обмен на лояльность граждан, и не питает иллюзий насчет их истинного отношения к себе и к общественно-полезному труду. Договор обеими сторонами нередко нарушался, но в основном действовал. Власть за уверенность в завтрашнем дне еще требовала инсценировки гармонии государства и народа, и, поскольку это не стоило больших усилий, народ не возражал, тем более, что по условиям договора его никто ни о чем не спрашивал.

Конечно, не стоило рассчитывать на то, что между властью и людьми существует договор в стиле Руссо. Но важен не текст договора, а сам факт его существования: в условиях авторитаризма он фиксирует условия для оптимальной для обеих сторон модели: определенной независимости друг от друга. Советская модель по нынешним меркам, конечно, выглядит весьма ущербной, но в этом и состояла суть оттепели и последовавшего за ней застоя. Постсоветский авторитаризм, возможно, достигает высшей точки своего логического развития, поскольку подавление само по себе не является целью государства. Оно лишь средство для того, чтобы элита могла утолять те страсти, которые являются производным от сути переживаемого момента и особенностей элитного темперамента. И если до поры эта элита могла обходиться безо всякого договора, со временем обнаружилось, что дешевле договориться на выгодных для себя условиях – так, чтобы критическая точка недовольства не зашкаливала.

Однако само по себе нарушение этого договора к краху, как правило, не ведет. Революцией, в наше время «оранжевой», заканчивается нарушение другого договора – внутри правящей элиты. Часть обиженной знати берет на себя роль стряпчего в отношениях власти и народа, занимаясь защитой его интересов.

Словом, если демократический режим построен на стремлении к максимальному взаимодействию и взаимовлиянию власти и общества, то авторитарный режим так же асимптотически стремится к максимально полному отчуждению власти от общества. В то время, когда Россия еще балансировала между готовностью скатиться в привычную плоскость, Беларусь обрела полную ясность, просто пройдя по этому пути первой.

Итак, ни одна ошибка Лукашенко фатальной не становится. Впрочем, что и в какой системе координат считать ошибкой? Скажем, 19 декабря 2010 г. с точки зрения технологии вышеозначенного договора было совершенно логичным. Во-первых, он не позволил элите усомниться в своей силе и возможности контролировать ситуацию. Во-вторых, дал обществу возможность в очередной раз определиться, с кем оно: с маргиналами, которые подставляют это общество под президентские дубинки, или с теми, кто, не желая под дубинки попадать, от этих маргиналов разумно дистанцируется? Другими словами, Лукашенко просто освежил договор, уточнив список подписавшихся.

Элита: кошмар в раю

В этом смысле фатальных ошибок он не допускал никогда. Первым более или менее серьезным симптомом готовности элиты сыграть в диссонансе с вождем был демарш Михаила Маринича десять лет назад, к которому все с интересом присматривались. Бывший столичный мэр, министр и посол, воплощение более или менее либеральной части лукашенковской элиты, он тогда совершил то, что больше никому совершить не удалось: к его выступлению не скрывали своего интереса многие действующие или зависевшие от верховного патрона высшие чиновники. Есть даже недоказуемые сведения о том, что переговоры велись и с Михаилом Мясниковичем, и даже если это всего лишь слухи, они не могли не дойти до Самого.

Михаил Маринич – улыбчивый и обходительный до тюрьмы – вышел из нее жестким и непреклонным противником Лукашенко, но эта его жесткость уже нисколько не беспокоила президента. Все последу-

ющие бунтари, ушедшие из власти, успевали стать изгоями в элите за день до того, как предъявляли себя в качестве борцов с режимом. Ни за Козулиным, ни за Войтовичем, ни за Фроловым не позволил себе даже незаметно проследить взглядом никто из чиновной гвардии страны.

Кстати, никто из тех, кто не скрывал своей симпатии к Мариничу, наказан не был. Наказание Маринича сделало наказание других ненужным. Элита все поняла. Наверное, тот президентский срок Лукашенко прошел под знаком самого жуткого испуга элиты, от которого она, во-первых, не оправилась, и который, во-вторых, сделал этот испуг правилом игры, усвоенным новой чиновной порослью, приходящей на смену прежней.

Кстати, выступление Маринича пришлось на то время, когда рейтинг Лукашенко бил рекорды падения, а в минских универсамах творог и сосиски раскупали уже через час после открытия. Так что большие репрессии 19 декабря 2010 г. случились вполне логично и по еще одной причине – позволять кому-то питать иллюзии накануне и во время кризиса для Лукашенко было бы изменой самому себе, а стиль его власти такой измены не прощает. Словом, пока вечный выбор чиновника между желанием освободиться от вечного ночного кошмара и пониманием того, что этот кошмар в любую минуту может обернуться реальностью, пока решается в пользу готовности терпеть.

Как ни покажется странным, но все те вектора, которые оптимисты считали губительными для Лукашенко, в резонансе сработали на него. В первую очередь, кризис. Все социологические опросы, в первую очередь, проведенные НИСЭПИ, показывают: не слишком веря ни в будущее, ни в гений своего президента, граждане связывают возможности кризисного выживания все-таки именно с ним. И дело здесь не только в отсутствии политических альтернатив, которое справедливо считается залогом единовластия, сколько в репутации самого Лукашенко и его режима. Это репутация экономического левака, с видимой легкостью (которая не всегда соответствует реальности) пренебрегающего правыми ограничениями, а эта ориентация востребована и в куда более либеральных обществах. В этом плане риторика Лукашенко, от которой – что бы на самом деле ни делал – он никогда не отступал, могла бы привлечь к себе благосклонное внимание не только в Беларуси, но,

как мы видим, вчитываясь в греческие и итальянские газеты, по всей охваченной финансовым кризисом Европе. Но у Лукашенко есть еще кое-что, пробуждающее у белорусов особые мессианские настроения. Лукашенко – не только левый. Он всей своей трудовой биографией заслужил репутацию бессменного кризис-менеджера. И сегодня уже никого не интересует, что тот кризис, из которого вытаскивает страну без малого двадцать лет, он же и конструировал. В памяти народной – так уж она устроена как с войной, так и с кризисом – остается только факт спасения, вне зависимости от цены, причин и эффективности.

Кризис как спасение

Поэтому от кризиса Лукашенко требуется только одно: чтобы он продолжался как можно дольше, но так, чтобы не захлестывал «выше ватерлинии». И в этом плане Лукашенко, хоть и проявляет признаки неуверенности, от серьезных опасностей, видимо, застрахован. Беларусь в силу ряда вполне известных причин относится к числу стран, в которых никакой внешний кризис не сравнится по мощности с внутренним. К этим странам относятся и соседи, но их интеграция на самом деле носит вполне ритуальный и политический характер. Отказ Украины от присоединения к тому, в чем без раздумий участвуют Беларусь и Казахстан, только подтверждает: участие в интеграции – это лишь набор сигналов, посылаемых в разные стороны мира, а нюансы участия в ней Беларуси – это лишь способы локальной торговли с Россией, в частности по энергоносителям.

В результате от кризиса режим получает дополнительный запас прочности, и, предъявляя его на переговорах с той же Москвой, все еще верящей в неминуемость белорусского краха, укрепляет свои позиции. И решает в это трудное время те же проблемы и задачи, которые решала раньше. Задача эта – балансирование не только между Востоком и Западом. Ведь ручное управление страной – это балансирование во всем. Между обещаниями, которые приходится раздавать всем, и своим, и чужим, и их исполнением, вернее, чаще, неисполнением. Между собственной левой риторикой, вполне искренней и органичной – и ре-

альностью, в которой приходится идти порой на какие-то вменяемые экономические меры. При этом каждый акт балансирования является началом следующего, еще более сложного, и так по кругу, что и является для Беларуси кризисным менеджментом.

Как показывает практика, переход от плохого к хорошего зачастую бывает для правителя более сложным, чем переход от хорошего к плохому. Тем более, что смысл этих характеристик совершенно различен для правителя и общества. И, как это уже бывало в истории, граждане, переведя дух и сочтя, что все самое плохое позади, могут распространить позитивные ожидания на те сферы, в которых власть облегчения жизни не планировала. Или вообще, по выходу из кризиса страна может решить, что мобилизационная экономика закончена, и можно пожить не так, как было заповедано вождем на долгие годы.

Конечно, это фантазия, но очень точно характеризующая логику власти. Ведь для Лукашенко слово кризис носит не столько политический характер, сколько математический: кризис – это всего лишь смена тренда. А поскольку такая синусоида является ритмом политической жизни белорусского режима, это не является для него фатальным. За почти два десятилетия у Лукашенко было уже столько всего, что придумать основу для нового сценария уже не просто.

Самовоспроизведение режима

Итак, кризис не страшен, революция не грозит. Все внешнеполитические вызовы – на самом деле только вариант влияния на самый главный механизм – настроения номенклатуры, поскольку других непосредственных инструментов власти попросту нет.

Кризис и в этом отношении работает на Лукашенко. Он инстинктивно усиливает ставку на силовиков, и там ситуация для него выглядит идеальной. Трения между ними – залог спокойствия по-византийски, диспетчерский пост – фактически в руках старшего сына. И если в глазах населения единственным спасителем в кризис будет Лукашенко, то будет справедливо предоставить ему карт-бланш, который он, впрочем, берет в опережающем темпе и ни с кем не советуясь. Начиная с декабря 2010 г., когда очередной виток потепления с Западом был неожиданно

прекращен, и синусоида развернулась, силовой сценарий себя обозначает и там, где он вроде бы совершенно не обязателен. Ведь никакая, казалось бы, логика не предписывала расстреливать организаторов взрыва в Минском метро.

И все это сигнал той же номенклатуре, которая, не будь явлено такой жесткой программы, могла бы засомневаться и в силе, и, главное, в планах патрона. Комические сюжеты с сыном Колей, который анонсируется в качестве наследника, – та шутка, которую визири должны понять как сигнал: ничего не меняется, и этот график – на десятилетия. И пусть обе стороны понимают, что про десятилетия – это фигурально, что про мальчика-наследника – тоже не всерьез, иначе в семье было бы кому сделать так, что у мальчика появятся проблемы уже не с будущим, а с настоящим. Но ближайшие годы сомнению не подлежат, ближайшие годы – это очередные выборы, элегантная победа, а там будет видно.

Словом, перспектива до ближайших выборов поводов для сомнений не дает. Лукашенко, судя по всему, будет будто бы по инерции демонстрировать силу, но так, чтобы ожидающие очередной смены экстремума соответствующее подтверждение получили. В ходе этого медленного угасания образа президента-батьки, видимо, случатся еще несколько реверансов в сторону Латинской Америки и, возможно, Ирана, а потом начнется то, что уже много раз начиналось – в Минск приедут западные информационные агентства, и Лукашенко им даст понять, как выглядят параметры очередной либерализации и примирения со всеми.

И все удивительным образом снова сыграют в ту же игру – прагматично отказываясь от внесения элемента непредсказуемости туда, где он совершенно ни к чему. В преддверии парламентских выборов 2012 г. все снова стали задаваться вопросом: может быть, Лукашенко на сей раз все-таски пропустит в парламент гомеопатическую дозу оппозиции? И Лукашенко поддерживает эту интригу, чтобы в очередной раз послать всем сигнал: он будет договариваться с Западом, но на своих условиях, потому что после того, что наблюдалось последние 18 лет, Западу как-то не с руки что-то кардинально менять.

В ближайшей перспективе нет ничего, способного не то что подточить режим, но даже заставить его как-то эволюционировать. И бессмысленно упрекать в беспомощности оппозицию, обвинять в без-

нравственности Запад: Лукашенко удалось построить режим, который заставил всех на его самовоспроизведение отвечать самовоспроизведением реакций, и такой ритм всех устраивает.

Ближайшие перспективы: без видимых изменений

Теорий эволюций таких режимов можно напридумывать бесконечное множество. У каждой из них будет то несомненное достоинство, что их нельзя проверить, и в этом они столь же интересны, что и большая геополитика. Для вычисления же среднесрочных перспектив, скажем, на пять лет, теорий не требуется. Пять лет – это очередной президентский срок. Можно было за пять лет до арабской весны предсказать проблемы Мубарака? Наверное, да, точно так же, как были очевидны проблемы СССР в середине 1980-х гг. Но едва ли кто-то мог предугадать дату слома. При этом если арабский режим даже не успел серьезно эволюционировать, советский к своей кончине уже мало напоминал тот строй, который существовал за 10 лет до этого.

С точки зрения анализа перспектив белорусского режима нет оснований для интерполяции хоть какого-то явления, способного что-то изменить в сути режима. Глобальные экономические катаклизмы обычно обходят стороной небольшие и к тому же довольно бедные страны. Угроз территориальной целостности нет. Внутренние ресурсы вовсе не балансируют в районе нулевой отметки, как это многими принято считать, потому что определенная капитализация, удерживающая страну от коллапса, есть даже у Киргизии, сравнение с которой Беларусь может считать формой грандиозного политического самоутверждения.

Пределы прочности режима, то есть, границы испуга белорусской номенклатуры тоже известны, и они чрезвычайно широки. Они проверены мощным кризисом 2010-2011 гг., когда Лукашенко пришлось допустить редкий отрицательный резонанс в отношении к Беларуси со стороны Запада и России одновременно. Он пережил давление России в ходе скандала с западными послами, когда выяснилось, что и возможности российского давления весьма ограничены, и, стало быть, ограничен уровень беспокойства Запада по поводу окончательного вовлечения Минска в московскую орбиту.

Возможно, переживаемый момент тем и характерен, что мы присутствуем при окончательной стабилизации факторов воздействия на Беларусь. И есть согласие всех вовлеченных сторон, что эта стабилизация реальна и, главное, функциональна, и что в ближайшей перспективе именно из нее и следует исходить. Похоже, что Лукашенко опять выиграл – и позицию, и, что особенно важно, темп.

Именно для всеобщего осознания этого факта, похожего на определение контуров всеобщего компромисса, возможно, будет использован ближайший 4-5 летний срок. На это время выпадет финал парламентской выборной кампании. Пройдет год, и страна начнет готовиться к президентской, и снова начнутся все знакомые маневры на тему поддержки Москвы и отношений с Западом. Поскольку все комбинации этого явления уже давно перепробованы, все снова согласятся, что интермедии на эту тему будут разыграны исключительно из любви к жанру. К тому же невозможно себе представить, что может из осколков прошлого появиться оппозиция, способная убедить кого-то выйти на площадь по-настоящему. Вероятнее всего, все согласятся, что дело придется иметь снова с Лукашенко, и это станет окончательным признанием, что Лукашенко – такой же атрибут Европы, как феномен вечно промежуточной Украины.

Это и есть основа для вычисления среднесрочных перспектив: стабилизировавшаяся Беларусь в условиях стабилизировавшегося отношения к ней.

И если ничего не случится, через пять лет в этой стране будет тот же президент, та же манера выборов, и примерно тот же стиль внутренней жизни.

Руссо – II

Единственным предсказуемым политическим фактором, который может повлиять на эволюцию режима, станет, видимо, дальнейшее отчуждение власти от общества, и, как следствие, дальнейшее развитие общественного договора в соответствии с которым обществу будет позволено довольно еще больше за отказ становиться гражданским.

Довольно долго оно и не будет предпринимать в этом направлении какие-либо серьезные усилия, протест сведется к перформансу вроде того которым развлекала страну оппозиционная молодежь в первой половине 2011 г. В рамках консервативного сценария можно предположить, что, избавившись от иллюзий, Москва и Запад без былой нервозности использует опыт получения спокойных бонусов от работы в Беларуси. Возможно, Москве удастся заменить схему нефтяного толлинга чем-то более технологичным, а Запад возобновит нормальную кредитную практику с учетом интересов отдельных европейских бизнесов. И Минск будет только приветствовать попытки банков, скажем, или страховщиков, адаптировать белорусский рынок к тому, что они смогут себе позволить без контрольного пакета. Нового здесь тоже, скорее всего, ждать не придется, кроме разве что развития технологий этих попыток.

Никаких глобальных изменений на Западе, способных сломать консервативный сценарий, не ожидается. Едва ли стоит их ожидать на Востоке, хотя определенная динамика, связанная с попытками Москвы организовать на постсоветском пространстве очередную интеграцию, возможна. Однако это может стать лишь новым и обостренным фактором новой конфликтности, потому что именно Беларусь (ради которой во многом эта российская активность и будет учреждена), в отсутствие Украины, которая любое свое участие объявит формальным, станет лабораторией разоблачений вечного братства. С интервалом в год-полтора-два вялотекущий конфликт Минска и Москвы будет попрежнему переходить в яркую фазу, что не нарушит общих принципов бизнес-отношений.

Словом, едва ли стоит ждать неожиданностей для Беларуси из-за ее рубежей. И смена белорусских элит не слишком влияет на суть режима. Декабрь 2010 г. был реализован в жанре 1996-го, хоть все ждали, что омоложение чиновничества привнесет в стиль власти прагматические нюансы.

Не случилось, и не могло случиться, просто потому что режим авторитарен, и все нюансы зависят только от одного человека. Вот тут, возможно, и кроется ключ к пониманию того, возможна ли эволюция, и если возможно, то какая. В какой степени и какое время Лукашенко сможет сохранять монопольную возможность решать все?

Это вопрос отнюдь не только политический. Белорусский сюжет последних 18 лет – это удивительный урок на тему роли личности в истории и довольно новое его прочтение. Возможно, краткая суть заключается в том, что в силу психофизиологических особенностей своего лидера Беларусь нащупала тот путь, который, увы, оказался органичным почти для всех постсоветских режимов. Именно Лукашенко, не обремененный ни излишними знаниями, ни глубочайшим политическим опытом, ведомый лишь чутьем и жаждой власти, мог повиноваться инстинкту, который оказался единственно верным для всего сумрачного пространства от Бреста до Владивостока. Благодаря этому инстинкту он вел свою страну сквозь все ловушки и искушения 18 лет и добился признания того, что с ним, как со всем бескрайним стилем власти, остается только смириться. Не он придал ускорение этой махине, он просто был первым, кто угадал ее направление, и теперь он со всех сторон прикрыт ею, хотя иногда кажется, что она вот-вот его раздавит.

Глядя на него, трудно представить, что хватка ослабеет. Тем более, не видно никакого сопротивления, и те, на кого уповали как на новую элиту, не столько требуют своего, сколько адаптируются в очереди за своей долей.

Эволюция по-белорусски: бесконфликтная автократия

Из всех известных способов изменения модели власти в Беларуси в среднесрочной перспективе не просматривается ни один. Здесь нет природной основы для раскола номенклатуры. Ни географической, как в Украине или Киргизии, ни клановой, как в Казахстане, ни возрастной, как на арабском Востоке. Здесь нет более или менее демократической возможности создать конкурентоспособное чиновное движение, как это было в Грузии. Любое внутриэлитное противостояние если и не провоцируется самой властью, то ею контролируется, и единственная возможная здесь интрига может быть связана с повышением роли «диспетчера», который постепенно становится вторым центром силы. Этот процесс объективен и неизбежен, в любой революционной ситуации быстро обнаруживается дублер, готовый перехватить власть, и ему

не развеять подозрений, что именно за этой революцией и стоит, тем более, что зачастую так и бывает. Судя по всему, в Беларуси на роль диспетчера выдвигается идеальная для Лукашенко фигура – его старший сын, далекий от борджианского коварства, но готовый ради своего заветного часа абсолютно на все. Посягнуть на диспетчера в этой модели – посягнуть на иерарха.

Другое дело, что и с диспетчером что-то может случиться. Но эти сценарии либо глубоко случайны, либо серьезно спланированы, а на подобную конспирологию пока кандидатов не видно.

Вряд ли можно поддержать оптимистов, ожидающих голодного бунта. Даже если экономическое чудо долгожданным образом рухнет, Лукашенко будет кому спасти кредитами. Во-первых, отказ в кредитах – форма санкций, а успешных санкций за последние времена не припоминаются. Во-вторых, никому не нужен вдобавок ко всем европейским неурядицам беспорядок в Беларуси. В третьих, в открытом мире есть другие возможности спасти себя от безумной власти, кроме бунта. Поэтому у Лукашенко всегда будет ход в запасе, и он его сделает. Не говоря о том, если даже сойдутся в своем желании наказать белорусский режим все мировые гиганты – что невозможно себе представить, всегда найдется неожиданный друг в Пекине, Каракасе или Тегеране, или где-нибудь еще, и снова у Лукашенко будет запасной черный ход.

В Беларуси нет ни национальных меньшинств, ни сепаратистов, ни кого-то еще, кто мог стать «кристаллизатором» внутреннего конфликта, без которых революции не происходят. У нее нет амбиций и нет зависимости от глобального. И довести эту страну до того, чтобы она перестала быть спокойной, в общем-то, готовой хоть завтра стать небогатой восточноевропейской страной, не под силу даже Лукашенко. Мог бы – уже бы довел.

А без этого – речь только об эволюции.

Она, впрочем, тоже не обещает стать впечатляющей. Из всех понятных и близких аналогий лучше всех подходит советская – но не в плане исторических закономерностей, а по части стилистики общественного договора. Население в соответствии с ним будет все более независимым от власти. Но ей будет позволено ровно столько, что обделенными себя почувствуют обладатели даже самых средних амбиций. На площадь

они не пойдут, они подадутся в Польшу и дальше «по всему азимуту». Некоторые вернутся, иные с инвестициями, но все – с такими знаниями, которым не нужна демократия. Произойдет очередная стабилизация, когда уравновесится количество тех, кто уедет, кто вернется, и кто останется. И кто будет уезжать и возвращаться. Повторится ситуация начала 1990-х гг., когда каждый был потенциальным челноком. Сегодня каждый станет потенциальным эмигрантом, что тоже отвадит от его площадной оппозиционности.

И будут анекдоты, на которые никто не будет обращать никакого внимания. А КГБ будет нужен исключительно для слежки за элитами, потому что в таких условиях у недальновидного может появиться иллюзия, что власть слаба.

К СССР все это имеет исключительно лексическое отношение. Белорусский режим – не социализм, и даже не развитой. Все наоборот, социализм – это частный случай того стиля власти, который вслед за Лукашенко нащупала вся бывшая необъятная страна. А поскольку по обыкновению, по пути, проложенному Беларусью, двинется и она, к этой реальности притерпится и мир, ведь прошли давно те времена, когда на Беларусь показывали пальцем, а на Россию – нет.

Отсюда и сроки – они неопределенны. Для естественного истечения власти временных законов не бывает. В Египте прошло 30 лет. В СССР и вовсе вечность. Но есть и хорошая новость: ни один диспетчер после Лукашенко в его стиле царствовать уже не сможет.

Анатолий ЛЫСЮК

Культурная травма и перспективы ее преодоления в независимой Беларуси

Введение

Социально-политическое развитие любого общества решающим образом определяется его культурной динамикой, поскольку по своей природе человек является не только и не столько «человеком еды», сколько культурным существом. Значительное влияние на процесс трансформации постсоветской Беларуси оказал феномен социальной (культурной) травмы, вызванной крахом коммунизма в странах Восточной и Центральной Европы. Сам же этот феномен детально разработан и описан польским исследователем Петром Штомпкой применительно к динамике социальных изменений в посткоммунистическом обществе.

Культурная травма связана с резким и неожиданным разрушением доминировавших ранее ценностных систем, потерей устойчивых ценностных ориентаций, дезорганизацией, расколом, конфликтом внутри господствовавшей ранее культуры, охватившей ее ключевые компоненты – ценности, верования, нормы. В результате этого «происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно обозначаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение… Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает…»[1]. Травма вызывает патологию ценностных ориентаций, нарушение мира смыслов, что, в свою очередь, существенным образом преобразует социально-политические практики, порождающие те или иные модели общественных отношений.

Прежде чем приступить к анализу воздействия культурной травмы на социоэкономическое развитие и перспективы трансформации современной Беларуси, необходимо сделать несколько общих методологических замечаний.

В первую очередь отметим то, что скорость, ритм и темпы социальных изменений в сфере культуры являются инерционными, отличаются медленной динамикой и длительным сохранением базовых социокультурных кодов. По утверждению российского политического философа Б. Капустина, который солидаризируется с рядом исследователей, «с приходом современности традиции не только покорно не уступают ей место, но и вступают с ней в сложное взаимодействие, более того, именно они (а не имманентные законы модернизации) определяют ход эволюционных процессов»[2]. Несмотря на динамизм общественных преобразований, быстрое и интенсивное становление новых социально-политических институтов, прежние культурная традиция и политическая культура, оставаясь наиболее ригидными и инерционными социальными элементами, долгое время сохраняют свое влияние на общество.

Культурная травма, обладая сильнейшей инерцией, сохраняясь длительное время в коллективной памяти или же в коллективном бессознательном, актуализируется время от времени при благоприятных условиях. Примером подобного рода являются, например, этнические конфликты, проявившись как будто неожиданно в ряде постсоветских государств, но глубинно детерминированные культурными конфликтами, укорененными в национальную историю. В «белорусских обстоятельствах» феномен А. Лукашенко отчасти обусловлен стремлением значительной части населения РБ сохранить культурное статус-кво в ситуации интенсивно разрушающихся советских политико-культурных императивов.

Кроме этого, у каждой травмы существуют центральные социальные группы, глубоко ее воспринимающие и переживающие, и периферийные сообщества, для которых она является несущественной. Поэтому целесообразно обратить внимание на то, какие социальные группы в суверенной Беларуси и каким образом испытывают культурные трансформации.

Травматические события в сфере культуры совершенно не обязательно должны носить негативный характер: они могут быть *полезными и положительными*, открывая новые возможности для позитивных культурных и социальных трансформаций как общества в целом, так и отдельных социальных групп, что подтверждают успешные процессы демократического транзита и национально-культурного возрождения в ряде постсоветских государств.

Отметим также, что говоря о культурной травме, имеется ввиду крах ключевых элементов системы ценностных ориентаций, присущих в целом «советской цивилизации», но с наибольшей силой, по сравнению с другими республиками СССР, утвердившихся именно в советской Беларуси[3]. Атака на эти ценности в перестроечный период была достаточно масштабной, поскольку, если следовать концептуальным положениям П. Штомки, из 13 возможных источников культурной травмы, в постсоветской Беларуси проявились 9. Поэтому будущее Беларуси в немалой степени определяется и будет определяться содержанием и динамикой преодоления советской культурной традиции, исходящих от нее образов мышления и действий.

Основные параметры культурной травмы в Республике Беларусь

Каким же образом культурная травма проявляется и воздействует на посткоммунистический транзит белорусского общества, включая и его обозримую перспективу? Для ответа на этот вопрос первоначально целесообразно выделить ее (травмы) ключевые компоненты и в последующем сделать анализ динамики их развития. В постсоветской Беларуси эти компоненты имеют следующие проявления.

Во-первых, это аномия культурных и социальных систем, которая характеризуется отсутствием в обществе ценностно-нормативной консолидации, что порождает в социуме своеобразный «культурный шок», ценностный и нормативный хаос. По мнению независимых социологов, нынешнее состояние белорусского общества является преимущественно аномическим.

Постсоветская аномия вызывает несколько эффектов. В первую очередь следует указать на дисфункции и деструкции, патологию господствующих моделей политического лидерства, поскольку согласно классическому философскому императиву, – «Сон разума рождает чудовищ». Российский исследователь А. Пригожин детально описал содержание и типы подобных патологий применительно к постсоветскому пространству[4]. В суверенной Беларуси подобные патологии в фокусированном виде выражены в своеобразном симбиозе идеологии и практики популизма, панславизма и авторитаризма. В обществе создался социальный спрос на политических харизматиков, призванных выполнить важную миссию по наведению социального и культурного порядка, что детерминировало, в частности, государственное лидерство А. Лукашенко. Этому процессу благоприятствовали и определенные черты национального характера современных белорусов: их сензитивность, т.е. сильная чувствительность к различного рода внешним воздействиям при ориентации на подчинение им, и астеничность, т.е. уход во внутренний мир, эмоциональным обрамлением которого является чувство подавленности и пассивного страха. На уровне социальных действий подобное эмоциональное состояние рождает пассивность, апатичность и чрезмерную склонность к конформизму.

Отметим также, что аномия, разрушая социальную солидарность, порождает атомизацию общества, высокий уровень индивидуального эгоизма, ограничивая тем самым способность людей к социальной самоорганизации и самодеятельности. Активность же отдельных индивидов и социальных групп канализируется, как правило, в частную сферу, либо ритуализируется в политическом пространстве.

Аномия порождает также политико-культурные расколы как между различными сообществами людей, так и на уровне субкультур политических элит и социальных масс.

Линия раскола проходит не только между отдельными индивидами и социальными группами: расколото и деформировано само сознание человека эпохи транзита. Складывается отмеченная социологами парадоксальная картина, когда одни и те же люди одновременно убеждены в необходимости реформирования страны, ее продвижения по рыночно-

му пути, считают важными многие демократические ценности, и одновременно хотят возвращения к социализму и считают неприемлемым западный путь развития. Как следствие этого, в социальном пространстве сосуществуют несколько достаточно устойчивых различных «Беларусей», иногда в антагонистическом формате. Первая Беларусь ориентирована на западные образцы (около 30% населения). Вторая нацелена на А. Лукашенко (около 30-35%). В третью входят так называемые «дофенисты» или «пофигисты», т.е. люди, руководствующиеся чисто узкопрагматичными, меркантильными интересами, не имея устойчивых политико-идеологических ориентаций (около 35%). Четвертую составляют граждане однозначно русофильской ориентации (около 5%). При этом происходит форматирование «блоковой культуры», проявляющейся в нарастании взаимной агрессии между различными индивидами, социальными группами и институтами.

Социологические опросы не фиксируют, правда, нарастания антагонизма по линии «номенклатура – народ», что было характерно для эпохи развитого социализма. В известной мере само президентство А. Лукашенко было порождено этим противоречием. В действительности значительная часть номенклатуры по уровню доходов и стилю жизни совершенно не выделяется из общей социальной среды, становясь по мере ее деградации скрытой оппозицией политическому режиму, для противодействия которому у нее очевиден, правда, дефицит моральных ресурсов и социального капитала.

Если же сделать попытку зафиксировать в этом сегменте некоторые тренды, то обнаруживается достаточно противоречивая картина. С одной стороны, бросаются в глаза минорные тона:

- усиливается блоковое, баррикадное сознание в обществе;
- продолжается понижение уровня социального капитала;
- увеличивается число социально равнодушных людей.

С другой стороны, очевидны и проблески мажора:

- уменьшается число сторонников Лукашенко;
- осуществляется рутинизация его политической харизмы;
- происходит субкультурное и социальное сближение рядовых представителей государственной элиты и народа, особенно на региональном уровне. В своей совокупности эти тренды сохра-

няют аномическое состояние белорусского общества, лишая его необходимой динамики и креативности.

Во-вторых, культурным травмам свойственен отчетливо выраженный синдром недоверия, вызывающий в обществе общее разочарование в политике и политиках, социально-политическую пассивность и безответственность населения. Наблюдается низкий уровень доверия к большинству социальных и политических институтов, включая и институт политического лидерства. Результаты социологических исследований, проведенных в РБ НИСЭПИ (2008 и 2011 гг.) позволяют выявить некоторые тенденции. Наибольшее и устойчивое доверие в белорусском обществе в 2008 г. вызывала Православная церковь – 63,7% опрошенных (в 2011 г. – 63,3%). Рейтинг доверия к Католической церкви также стабилен: в 2008 г. ей доверяли 37,4% респондентов, а в 2011 г. – 38,0%. Зафиксирован снижающийся в последние годы уровень доверия у таких государственных институтов как армия – 55,6% (2011 – 45,4%), президент – 47,3% (2011 – 35,7%), суды – 45,3% (2011 – 44,6%), правительство – 43,7% (2011 – 33,8%), КГБ – 38,1% (2011 – 34,6%), местные советы депутатов – 36,7% (2011 – 34,6%), Национальное собрание – 34,7% (2011 – 32,6%). По уровню доверия оппозиционные политические партии (2008 – 18,3%, 2011 – 20,1%) являются политическими аутсайдерами[5].

При этом наблюдается определенная зависимость: чем выше (ниже) политический авторитет президента, тем выше (ниже) уровень доверия к другим государственным институтам. В подобной закономерности заключен существенный риск для всей общественной системы, политического режима, поскольку падение рейтинга президента наносит имиджевый удар по всей системе государственных институтов с неизбежным уменьшением КПД их деятельности.

Обращает на себя внимание и тот социологический факт, что падение доверия к президенту и государственным институтам не привело к росту политического рейтинга демократической оппозиции, которая не воспринимается в белорусском обществе как политический институт, обладающий серьезным политическим весом, ресурсами и влиянием.

Восстановление общественного доверия в условиях транзита достигается двумя способами. С одной стороны, через рост авторитета ха-

ризматического лидера. Можно утверждать, что подобный ресурс достиг в РБ пределов своего роста и имеет тренд «на закат»: все очевиднее проявляются признаки усталости «белорусского металла» в виде персоны А. Лукашенко, что побуждает его и его команду к усилению репрессивных инструментов осуществления власти, что, в свою очередь, приводит к социальной стагнации и угрозе «срыва резьбы».

С другой стороны, посредством радикальной трансформации существующих социальных институтов и придания им нового (демократического) смысла, значения и звучания, что применительно к современной Беларуси достигается только посредством либерализации существующего политического режима. Этот путь, однако, абсолютно неприемлемо для президента страны, продолжающего настаивать на чрезвычайной эффективности и продуктивности избранной им социоэкономической модели развития.

В целом же уровень общественного доверия к основным социальным институтам в последние годы неуклонно снижается, что не способствует преодолению в белорусском обществе культурной травмы.

В-третьих, культурная травма сопровождается общим «упадком нравов», аморальностью политической практики, утверждением «циничной политической культурой», существующей «по ту сторону добра и зла». Появляется ряд политических лидеров, не скрывающих своей аллергии на нравственные нормы и принципы, понижающих моральную планку политики. В обществе наблюдается отсутствие моральных авторитетов.

Влияние морального фактора на общественную систему осуществляется двояким образом: с одной стороны, в качестве мотива деятельности ее субъектов, а с другой – как критерий оценки их деятельности общественностью. Процесс подобной оценки перманентен и соответствует эффекту «зеркала»: нравственные позиции политиков, чаще всего, являются отражением (проекцией) нравственной доминанты общественных настроений.

Нравственная мотивация субъектов белорусской политики отчетливо выступала только на первом этапе становления независимого белорусского государства. Можно предположить наличие у лидеров «новой суверенной Беларуси», включая и А. Лукашенко, позитивной мораль-

ной мотивации, выраженной в стремлении помочь нуждам бедствующего, страдающего от несправедливости народа, как это было присуще, по утверждению Н. Бердяева, революционным лидерам пролетарского переворота в России. Украинская исследовательница Г. Зеленко отчетливо показала, что на определенном этапе демократического транзита (фаза демократизации) рождается спрос на «моральных лидеров», возглавивших антиавторитарные «бархатные революции»[6]. Подобная тенденция проявилась и в постсоветской Беларуси: основу победы А. Лукашенко на президентских выборах 1994 г. (своеобразная «бульбяная революция») составила презентация в политическом пространстве страны в эгалитаристском духе морально-этических вопросов, основу которых составила идея справедливости. Между ним и большинством граждан страны был заключен не только социальный, но и моральный контракт.

Однако в силу того, что белорусский президент допускал и допускает использование различных средств для достижения искомой цели, вступает в действие закон «тирании средств», предполагающий, что «средства» сами формулируют и реализуют собственные цели, лишая, тем самым, его политическую практику отчетливых нравственных ориентиров. Этому способствовало и то, что систему «новой власти» в независимой Беларуси форматировали премущественно выходцы из старой номенклатуры (второй-третий эшелоны) с изначально приглушенным нравственным голосом. Очевидно, что в современной Беларуси в своем большинстве политики лишены позитивного нравственного начала, не знают устойчивых нравственных персонифицированных авторитетов, что предполагает широкое использование ими манипулятивных технологий.

При всех заслуженных упреках, адресованных профессиональным политикам, нельзя не отметить, что за аморальность нынешней политической практики несут ответственность и сами граждане РБ, выдавая моральную индульгенцию действующей власти, не занимая ответственную социальную позицию, равнодушно взирая на общественные перетурбации, и совершенно не стремясь самим следовать нравственным принципам, хотя бы на самом простом, элементарном уровне, сформулированном А. Солженицыным, – «Жить не по лжи!».

Как следствие этого, идентификации между обществом и политиками в плоскости нравственных проекций носят периферийный характер, все более фокусируясь на проблеме «чаркі і шкваркі». Кроме этого, в условиях обострения социально-экономических проблем деятельность лидера оценивается преимущественно не по критерию соответствия тем или иным ценностям, а по эффективности или же неэффективности проводимой им экономической политики.

В настоящее время аморальность белорусской политики имеет тенденцию к росту. Но это совершенно не значит, что шансы на властное восхождение имеют только безнравственные политические деятели. Дело в том, что в стране наиболее активные и креативные социальные группы и персоны достаточно чувствительны к моральной проблематике. А это значит, что существенный ресурс усиления своего влияния приобретает та политическая сила, которая предъявит миру новый тип политического деятеля, «человека с большой буквы», непременным атрибутом которого будет моральность. В ситуации деморализации общества возникает социальная нужда в общенациональном политическом лидерстве в формате «провидческого реализма», основание которого как раз составляют нравственные принципы, в рамках которой политические лидеры обязательно должны проходить испытание на «моральную отвагу».

Концепция «провидческого реализма» интегрирует все составляющие морального лидерства:

- моральную мотивацию;
- актуальную эффективность, базирующуюся на ответственности и отрицающую конъюнктурность;
- ответственность политика за позитивное будущее, которое следует определять не только в познавательных терминах, но и в моральных;
- ориентацию лидера на нравственное воспитание общества, поскольку образ лидера является эталоном для массового сознания, а сами лидеры обладают существенными ресурсами трансформации общественного сознания в направлении высоких целей и идеалов. Как следствие этого, меняется существо связей между

лидером и последователями: они взаимно стимулируют друг друга на совершение нравственных действий.

Что же касается поиска прототипа лидера – «провидческого реалиста», то его существенные черты исследователями были обнаружены в образе Моисея, лидера Исхода, чье моральное величие проистекало из того, что он был «смиренным из смиренных», оставаясь частью той общности, которую он вел и за которую отвечал. Ему был чужд деспотизм, и он ориентировался на диалог с народом. Ему было присуще человеческое сострадание к нуждам тех, которых он вел к великим провидческим целям. При этом он не действовал, поддаваясь эмоциональным порывам, а опирался на разум, который являлся для него основанием ответственности. Он же имел четкие и определенные духовные основания – его вера в Бога была безусловна и непоколебима[7].

Очевидно, что А. Лукашенко – это антипод политика подобного рода, поскольку совершенно не обладает смиренностью, склонен к деспотии, чрезмерно эмоционален, иррационален, однозначно атеистичен, конъюнктурен, и у него отсутствуют великие провидческие цели. Безусловно, он ориентирован на диалог с народом, но в стиле плебисцитарной демократии М. Вебера: «Демократия, это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. После этого избранный народом лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне!». Ни народ, ни партия не должны вмешиваться в то, что он делает»[8]. Черты Моисея трудно обнаружить и в среде лидеров белорусской оппозиции, за исключением, отчасти, П. Северинца и З. Позняка.

В-четвертых, культурная травма сопровождается кризисом различных форм социальной идентичности. Особой остротой обладает идентичность национальная, поскольку белорусу, проживающему в условиях постсоветского транзита, зачастую трудно отнести себя к определенной национально-этнической группе. В его личности конкурируют сразу несколько из них: советская, европейская, этническая, локальная (местная) и др.

В социокультурном пространстве Беларуси преобладают идентификации, осуществляющиеся на принципах национального нигилизма, умноженные на идеологию советизированного панславизма. Результаты общенациональных референдумов, а также данные многочисленных

социологических исследований свидетельствуют, что в пространство подобных идентификаций включается не менее 50% граждан Беларуси, поскольку белорусская нация до сих пор представляет собой нацию Пограничья, «интер-нацию», «меж-нацию», своего рода культурно-национальный «плавильный котел» (А. Казакевич), что обеспечивает господство в национальном масштабе лидера, персонифицирующего эти ценностные приоритеты. С полным основанием можно утверждать, что А. Лукашенко – человек и политик культурного (и национального) Пограничья. «Трагедия анонима «лукашенко» и одновременно его существенное достижение в том, что он – как бы белорус, и как бы еще нет… Лукашенко, таким образом, – это лишь верхушка айсберга, имя которому – «белорусский народ». Этот народ и до сих пор не знает, кто же он на самом деле»[9]. Отсюда происходят исходящие от А. Лукашенко постоянные сравнения белорусов с другими народами, не подчеркивая собственной национальной идентичности, что соответствует общественным настроениям, поскольку, по результатам социологических исследований, около двух третей опрошенных респондентов соглашаются с утверждением, что белорусы, русские и украинцы – это три ветви одного народа. Ценностные представления белорусов отличаются от большинства европейцев и пребывают преимущественно под влиянием евразийской общественно-политической традиции. Трудности, проблемы, неопределенность национальной идентификации, в свою очередь, приводят к власти политиков, для которых задачи национального возрождения не являются приоритетными.

Идентификации, основанные на идеях национального возрождения с акцентом на сохранение государственного суверенитета, возрождение белорусского языка и элементами русофобии получили в белорусском обществе ограниченное распространение и охватывают около 15–20% населения страны. Очевидно, что национальный политико-культурный дискурс обладает ограниченными электоральными возможностями.

Этот тезис подтверждается и тем, что по мере утверждения государственного суверенитета, закономерного изменения общественных настроений в пользу патриотизма и национального возрождения, в политическом дискурсе А. Лукашенко «панрусизм и панславизм второй половины 1990 гг. как проект отрицания европейской цивилизации и

идентичности постепенно уходит в небытие. Сейчас слово «независимость» выходит на первый план и занимает все большее значение»[10]. В фокусе «нового национализма» белорусского президента находится не этнический компонент, а идея «сильного (и независимого!) белорусского государства», что, собственно говоря, соответствует общественным настроениям.

В этом отношении нельзя не согласиться с белорусским культурологом В. Акудовичем, утверждающим, что белорусский президент является нашей (белорусской) великой паузой до момента обретения белорусским обществом своей онтологической и национальной самости. А. Лукашенко понадобилось остановить поток времени, задержать его в формах и конфигурациях, которые остались в Беларуси от советской поры в силу несформированности национального самосознания[11]. Естественным образом по мере обретения этой самости изменяется и политика А. Лукашенко, становясь более национально патриотической.

Белорус эпохи транзита не может точно и определенно отнести себя к какой-либо социальной общности, что естественным образом порождает чувство социальной слабости, растерянности и беспомощности. Этому же способствует и амбивалентность его чувств. В этих условиях идентичности как никогда неустойчивы, динамичны, контекстуальны, неоднозначны. В последнее время социально-экономический кризис и неопределенность жизненных перспектив нанесли интенсивный удар по социальным статусам и социальному самочувствованию большинства граждан РБ.

Подобный внутренний дискомфорт преодолевается как посредством обращения к фигуре сильного лидера, обладающего очевидными признаками Отца нации, так и усилением патерналистской функции государства. Однако в нынешних условиях по отношению к Отцу-президенту со стороны граждан наблюдается усиление фрустрация, а патерналистская функция власти неуклонно уменьшается по причине нарастающей ограниченности государственных ресурсов.

Проблемы социальной идентификации формируют не только неустойчивость политической позиции, но и ее периодический переход в свою противоположность. Например, на определенном историческом витке (начало 1990 гг.) для белорусов была свойственна высокая сте-

пень толерантности, составляющая основу «консенсного типа культуры». «Основными признаками этого типа культуры является неприятие конфликтов и противоположностей, спрятанная неудовлетворенность и психологическое напряжение (как результат непреодолимых противоречий); стремление к стабильности; неприятие радикализма и открытой позиции»[12].

В иных исторических обстоятельствах толерантность может трансформироваться в агрессивность, о чем свидетельствуют факты из новейшей истории Беларуси. «Доказательством агрессивности белорусов есть факт голосования на президентских выборах за Лукашенко и Позняка до 90% проголосовавших»[13]. Эти два политика принадлежали, как известно, к наиболее радикальному крылу политического спектра Беларуси.

В настоящее время проблемы социальной (и национальной) идентификации не сняты, не потеряли своей остроты, испытывая сильное давление российского (и евразийского) факторов, а также социоэкономической нестабильности, вызванной неэффективностью существующей системы, что, в свою очередь, разрушает социальный контракт между руководством страны и его гражданами, усиливая между ними взаимное отчуждение.

В-пятых, культурная травма способствует возникновению мрачного взгляда на будущее и основана на «ностальгии по прошлому», в данном случае – советскому. В новейшей Беларуси наблюдается своеобразный культ советскости – празднование «красных дней календаря», сохранение советского символического пространства и просоветского дискурса, введение в сонмище героев руководителей советского государства и БССР, в особенности Ленина, Сталина и Машерова, и т.п. Как следствие этого, рождается социальный спрос на лидеров коммунистического толка, авторитарные модели управления, просоветскую риторику политических лидеров. По этой же причине «новые политические лидеры» в той или иной степени с неизбежностью являются носителями «родимых пятен» прежней (советской) культурной системы, поскольку доминирующим культурным типом все еще остается «советский человек». Отсюда эклектичность политической практики и идеологии государственных лидеров эпохи белорусского транзита, в которой причудливым образом

соединяется «старое» и «новое». С одной стороны, наблюдается обновление их идеологического репертуара, куда включаются даже некоторые либеральные ценности (частная собственность, демократия и др.). С другой – в коммуникациях с населением своей страны белорусские политики не могут не проявлять элементы патернализма.

В этих условиях доминирующий образ государственного лидера стремится соответствовать советской иконографии: однако не в образе «позднего Брежнева», а в ее идеализированном (ленинском) варианте – «как лично очень скромного, почти аскетичного, вместе с тем воинственного и гипертрофировано принципиального, чувствительного к народному горю, энергичного, готового на все ради народного блага, способного в случае необходимости жертвовать своей семьей ради государственных интересов, нетерпимого к несправедливости».

В последнее десятилетие популярность советизма в белорусском обществе подвергается эрозии, что проявляется и в уменьшении политического рейтинга коммунистических партий, а также числа тех, кто хочет восстановления СССР, и в снижении популярности героев советской эпохи, и в падении привлекательности коммунистических ценностей, самого проекта коммунистического общества, и в склонности к гедонизму правящего класса, и пр. Этот процесс шел бы гораздо интенсивнее, если бы не целенаправленная государственная политика по сохранению ряда принципов советского образа жизни и политического управления.

В-шестых, культурная травма порождает двухполюсное, «манихейское» мировосприятие у основных политических акторов. У граждан постсоветской Беларуси «существует склонность к мышлению в категориях бинарных оппозиций, или «черно-белой» логики...»[14]. По этой причине на первом этапе белорусского транзита (фаза либерализации – до середины 1990 гг.) наблюдалось противопоставление коммунистической и антикоммунистической доктрин и практик, нацеленное, тем не менее, на достижение согласия, компромисса среди договаривающихся (элитных) сторон. С. Шушкевич, а впоследствии М. Гриб и С. Шарецкий как раз стали подобными компромиссными фигурами в рамках утвердившейся в то время в постсоветской Беларуси «пактовой модели» транзита.

Приход к власти А. Лукашенко, его персона и стиль деятельности существенным образом радикализировали идеологическое, политическое и внешнеполитическое пространство Беларуси, вызывая в разных социальных контекстах образ врага и необходимость борьбы с ним. В настоящее время эта радикализация усиливается не только и не столько по причине политической необходимости, сколько специфики психологических качеств президента РБ.

В-седьмых, культурная травма в условиях транзита сопровождается слабой представленностью в сознании социальных масс, политической элиты демократических ценностей. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что демократические ценности мало волнуют среднестатистического жителя Беларуси: в стране существует авторитарно-приспособленческий тип социального характера массы, предполагающий гипертрофическую роль властвующей элиты, лидеров и способствующий росту патерналистских настроений в обществе. По данным НИСЭПИ, в Беларуси за вариант демократии европейско-американского образца, предполагающей активное политическое участие, высказались 28,4% респондентов, за особую, соответствующую национальным традициям демократию – 43% респондентов, а 11,7% – за демократию советского образца[15]. Отметим, что персонификатором двух последних «демократий» является А. Лукашенко.

Подобная ситуация применительно к феномену политического лидерства способствует росту патерналистских настроений в обществе, в классическом варианте представленных в Беларуси. Действительно, 53,4% белорусов полагают, что государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни, а 74,2% думают, что большинство не сможет прожить без опеки государства[16]. Даже в экономической сфере, как отмечает белорусский социолог Г. Соколова, «большинство белорусов строят неактивное экономическое поведение… Активный же тип экономического поведения реализуют менее 20% белорусов»[17]. Все это способствует практически полному отсутствию реформистской или же революционной моделей демократического транзита, обусловленных давлением «снизу». С течением времени ситуация только ухудшилась. По данным НИСЭПИ, в 2009 г. только 3,3% респондентов указали та то, что они оказывают «решаю-

щее» и «довольно большое» влияние на то, что происходит в стране, 4,9% – «в своем городе» (районе, селе), 10,5% – «в микрорайоне, на своей улице».

В этом отношении любопытен сравнительный анализ присвоения ценностей демократии гражданами Украины и Беларуси, осуществленный Е. Коростелевой, и приписывающей демократиии, наравне с выборами и свободами, активную и ответственную роль «действующих лиц» (agency) (в терминологии Аристотеля – граждан).

В результате проведенного под ее руководством эмпирического исследования выяснилось, что граждане обоих государств готовы поддерживать демократию преимущественно на уровне политических институтов, но не политических действий. Кроме этого, на протяжении последних лет увеличивалось число тех, кто придерживается авторитарных взглядов и единомыслия. И если граждане Украины при всем своем критицизме указывают на значимость парламента и политических партий как канализаторов их интересов и активности, то белорусы не рассматривали их как инструменты собственной политической практики. Соответственно, в Беларуси лидеры парламента и политических партий являются аутсайдерами политических рейтингов.

Е. Коростелева указала также на то, что для граждан Беларуси, в гораздо большей степени, чем для жителей Украины, важна характерная для традиционного и харизматического господства эмоциональная связь с государственным лидером[18]. Не случайно, в Беларуси среди украинских политиков наивысшим рейтингом обладает Ю. Тимошенко, ориентированная, как известно, на построение эмоциональных связей с последователями.

Если же обратиться к анализу форм социальной самодеятельности, существующих в современной Беларуси, то мы можем зафиксировать стагнацию в пространстве функционирования негосударственных общественных организаций (объединений). Одновременно в стране достаточно активно развиваются общественные инициативы в формате Местных повесток-21 и Общественных советов по отдельным направлениям. Обусловлено это не столько выросшей активностью граждан Беларуси, сколько особенностью этих инициатив, пользующимся поддержкой как органов государственной власти, так и международных

фондов и организаций. Речь идет, с одной стороны, о формах социальной самодеятельности «под государственным контролем», значимых для органов власти в силу того, что эти инициативы включены в решение определенных государственных задач, например, по развитию сельского туризма или же социальной защиты населения. Кроме этого, их (инициативы) возглавляют не заподозренные в политической нелояльности персоны. С другой стороны, для международных организаций важной является проблематика этих инициатив (в особенности, устойчивое развитие регионов), предполагаемый формат сотрудничества структур гражданского общества и органов государственной власти. Подобная социальная самодеятельность является важным способом снятия культурной травмы.

В-восьмых, для государственного управления в эту эпоху характерен синдром «временщичества», связанный с деформацией традиционных оснований организации власти и переходу к новому политическому порядку, следующему императиву – «после меня хоть потоп». В этой ситуации власть лишена своих исторических корней, предельно произвольна, полукриминальна, эгоистична, подвержена клановости, изворотлива, оторвана от национальной почвы, не знает соображений меры и общественного блага. Подобный синдром продуцирует политическое руководство, являющееся частью эрзац-элиты, тотально зависимое от политической конъюнктуры, ставящее во главу угла узкокорыстные интересы правящего сословия при игнорировании интересов общества как целого, используя при этом широкий спектр орудий имитации. В настоящее время своей нерефлексией, некритичностью, переходящей в самовлюбленность и нарциссизм, действующая в Беларуси верховная власть не только понижает качество принимаемых решений, но, в особенности, не видит необходимости в ведении общественного диалога, что резко снижает уровень социального, экономического и культурного капиталов. Некритичность присуща и оппозиционным структурам, персонам, у которых место самовлюбленности занимают чувства жертвенности и героики.

В-девятых, в силу «культурного хаоса» наблюдается определенная степень дерационализации политического управления, проявляющаяся в том, что важное место в политическом процессе начинают за-

нимать иррациональные элементы религиозные верования, мифологические сказания, бессознательные интенции в виде сублимаций и либидо, харизма и т. п. Но это тема особого анализа, пока еще ждущая своего автора.

Белорусский модерн и постмодерн в контексте культурной травмы

Следует учитывать также, что помимо культурной травмы на общественное развитие в условиях посткоммунистического транзита существенное влияние оказывает своеобразное наложение происходящих в этот период процессов модерна и постмодерна. Как отмечает относительно современной Украины, но что актуально и для Беларуси, украинский социолог С. Катаев, «не разрешив всех проблем модернизации, страна в определенных аспектах перешла к решению задач постмодернизации»[19].

Для модерна характерно рождение нового качества человеческой личности – свободной, ответственной, самостоятельной, рационально мыслящей, а также автономных ассоциаций таких личностей, создающих национальное государство, рыночную экономику, структуры гражданского общества. В политике подобные личности действуют исходя из рационализированных идеологических соображений и осознанных материальных интересов. Создается политический рынок, на котором политические лидеры представляют определенные конкурирующие политические проекты, итоговый вердикт по поводу которых выносят избиратели. Однако для большинства стран СНГ, включая и Беларусь, подобный рынок являются скорее перспективой, нежели реальностью.

На процессы модернизации накладывается парадигма постмодерна с ее уклончивостью смыслов, переходящей в абсурд алогичностью, виртуализацией политического пространства, «рыночностью» культурных образцов и др. В этих условиях ценностные ориентации людей оказываются подверженными массовым политическим манипуляциям, а политики с помощью определенных коммуникационных ресурсов в

состоянии «задавать» своим последователям ценностные ориентиры и программировать в нужном направлении их деятельность, поскольку «почти всю историю человечества политические границы обеспечивали доминирование культуры тех, кто обладал властью... Столкновение властных порядков было тождественным столкновению культур… Противостояние культуре могло рассматриваться как сопротивление власти, как выражение нелояльности»[20]. В условиях транзита для значительных категорий населения политический лидер выступает в качестве агента их культурологической и личностной посттравматической адаптации. Во всяком случае, предложенная А. Лукашенко белорусскому обществу ценностная парадигма (идеология белорусского государства) помогла определенным социальным группам обрести утраченные смысловые основания жизни.

Императивы постмодерна А. Лукашенко в полной мере выразил в своей политической стилистики экстравагантностью, ярмарочностью, алогичностью поведения, эклектикой политической позиции и практики, использованием манипулятивных технологий и др. Лидеры же демократической оппозиции являются типичными политиками эпохи модерна, отторгая стилистикой своей деятельности алгоритмы постмодерна.

Одной из производной от процессов модерна и постмодерна является утвердившаяся в Беларуси базовая модель политической культуры.

Очевидно, что в странах, находящихся в состоянии транзита отсутствуют устойчивые типологии политических культур, а преобладают их переходные состояния: эклектичные, противоречивые и амбивалентные по своему содержанию. Основу же утвердившейся в РБ политической культуры составляет ее подданическо-партисипаторный тип, предполагающей наличие у значительной части населения специализированных ориентаций по отношению к политической системе, равно как и «активистских самоориентаций». Этот тип политической культуры фиксирует большой интерес граждан страны к политике, но одновременно указывает на отсутствие у них готовности взять на себя политическую ответственность.

При этом существенная часть граждан продолжает ориентироваться на авторитарную систему правления и придерживаться пассивных

политических ориентаций, поскольку впитывает в себя элементы других (недемократических) политических культур – этатистской, авторитарной, адаптационной, советской, подданнической и др.

В политическом процессе постсоветской Беларуси этатистско-подданнические настроения спроецированы на персону А. Лукашенко и отчасти на руководителей регионов и предприятий. Бóльшая поддержка первому основывается не только на лучшем оперировании коммуникационными инструментариями, но и обладании им значительными социальными ресурсами.

Политической культуре, характерной для современной Беларуси, присущи, таким образом, следующие признаки:

- высокая степень этатистских настроений;
- домината политической пассивности;
- преобладание политико-культурной гомогенности над фрагментарностью;
- тяга к сильному государственному (харизматическому) лидеру и ориентация на построение эмоциональных отношений с ним;
- одобрение авторитарного типа правления;
- персонификация политических процессов;
- ориентация на российские или советские образцы политического правления. Ядро, «базовый миф» политической культуры составляют, таким образом, подданнические ориентации, предполагающие делегирование государству ответственности за собственную социальную и личную судьбу, а государственная власть в ее персонифицированном проявлении выступает объектом для проекций.

Концентрированным выражением доминанты этатизма в общественных настроениях Беларуси явились итоги референдума 1996 г., на котором большинство избирателей высказались за передачу собственных властных прерогатив белорусскому президенту. В конечном счете, все это естественным образом продуцирует нужду в авторитарном лидере и консолидированной автократии.

Что же касается политико-идеологических идентификаций, то в современной Беларуси господствует государственный лидер, представляющий популистско-идеологическую доминанту современного белорус-

ского общества (идеологию белорусского государства), выраженную в своеобразном симбиозе социалистических идей и идей панславизма, умноженных на политический консерватизм. Популизм данной идеологии выражен как в ее эклектике, так и в конъюнктурности, т.е. избавлении от тех постулатов, которые потеряли утилитарную политическую актуальность. Так, например, в настоящее время наблюдается отход от такого ее ключевого компонента как панславизм, несмотря на еще недавнее позиционирование президента РБ в качестве лидера восточнославянской цивилизации. Известно, что в 2003 г. он отмечал, что «временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на великую роль лидера восточно-европейской цивилизации… На Беларусь смотрят как на спасителя славянской цивилизации, и мы должны эту цивилизацию спасти… Видимо, Богом предназначено Беларуси это сделать… она поставлена в центр этого процесса»[21]. Эта миссия приобретала особую важность в силу специфической позиции России, предавшей, в интерпретации А. Лукашенко, «славянскую идею».

Идеологический популизм выражен и в том, что сама государственная идеология разработана достаточно слабо, поскольку, по верному утверждению белорусского политолога В. Ровды, рассматривающего белорусский политический режим как султанистский (неопатримониальный), «султанистское руководство обычно не имеет хорошо разработанной *идеологии,* но оно может использовать заявления лидера, которые предъявляют претензии на статус идеологии… и являются средством обеспечения лояльности функционеров и подданных»[22]. Действительно, в белорусской государственной идеологии неизменной является только идея абсолютной лояльности президенту А. Лукашенко. Остальные же положения подвержены эрозии и коррозии, включая даже такие «священные коровы» как русофилия, советизм, антизападничество.

Все это привело к тому, что в силу культурной травмы в Беларуси преобладают внутренне несвободные индивиды, поддающиеся давлению ситуации/среды, стремящиеся соответствовать ожиданиям других, особенно тех, кто занимает более высокую статусную позицию. В социально-политической сфере подобный тип личности ориентирован на подчинение силе, на покорность и подданничество по отношению

к властным авторитетам, на враждебное отношение к людям, занимающим иную позицию и нарушающим конвенциональные нормы. Для него характерны стереотипность, догматизм мышления, склонность до ксенофобии. Исходящие от государства интенсивные процессы индоктринации эту ситуацию только усугубляют.

Способы преодоления культурной травмы

Существует два основных способа преодоления культурной травмы в посткоммунистических государствах. Одним из них является феномен мировой социализации, предполагающий активную, зачастую некритичную ориентацию транзитного государства на определенные мировые политические модели. Для этой группы государств наиболее привлекательной является модель трансформации общества на основе «западных образцов», используя режим «демократического прорыва», что продуцирует менеджерский тип политического лидерства, нацеленный на формирование консолидированной демократии. Именно этот вариант социальной модернизации первоначально выбрали суверенные Россия и Украина, однако не обнаружили в себе для его осуществления достаточных лидерских и политико-культурных ресурсов.

Важным социализатором в рамках восточнославянской цивилизации выступает Россия, в целом «русский мир», исходящие из того, что российскому социуму по политико-культурным основаниям противопоказана западная демократическая модель политического управления. Для современной России органично авторитарное политическое лидерство, производное от исторической политической традиции и национального образа жизни. Данная модель является составной частью системы «русской власти», представленной «в самодержавии (от великокняжеского до президентского), в стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, привычке делать ставку на принуждение и насилие»[23]. В силу этого, политический лидер в той или иной степени неизбежно воспроизводит черты самодержца.

Второй способ преодоления культурной травмы – использование, если применять терминологию П. Штомпки, «фонда унаследованных культурных ресурсов». Чем более укоренено общество в определенное цивилизационное пространство, тем больше они стремятся к заимствованию соответствующих ему моделей политического лидерства и социальных практик, особенно в условиях социальной аномии и политического кризиса. В тех ситуациях, когда в общественном сознании цивилизационная парадигма выступает определено и однозначно, актуализируется соответствующий ей образ политического лидера и стиль управления. Действительно, российский новый традиционализм, «самодержавная политическая культура» с неизбежностью формируют персонифицированную и никем не ограниченную власть лидера.

Поскольку «русский дух» достаточно сильно представлен в социокультурном пространстве Беларуси, то очевидно, что ее государственный лидер в той или иной степени воспроизводит черты самодержца. А. Лукашенко персонифицировал движение в прошлое (советское) и одновременно на Восток (в Россию), версию которого разделяли в середине 90-х гг. большинство белорусов. Действительно, согласно данным НИСЭПИ, только около трети белорусов ощущают себя европейцами или же более близкими к европейцам, чем к русским и их число на протяжении последнего десятилетия является стабильным[24]. В свою очередь лидеры белорусской оппозиции представляли вариант «интеграции в Европу», которую поддерживали и поддерживают около трети населения страны. В настоящее время в расколотой Беларуси отсутствует политический лидер, снимающий эти политико-идеологические и геополитические расхождения, а политическая интеграция общества осуществляется через подавление политического меньшинства, что чревато нарастанием контроверсии в системе социально-политических отношений.

Подобные способы преодоления культурной травмы используют некоторую совокупность инструментов, среди которых, по определению американского социолога Мертона, доминируют четыре: *инновация, бунт/мятеж, ритуализм и ретреатизм.* Первые два являются активными, а последующие два – пассивными.

Инновация представляет собой спонтанное или преднамеренное «культурное производство», социальные практики, стремящееся к частичному изменению данной культуры, формирование новых культурных кодов. В результате этого люди накапливают экономический и социальный потенциал для улучшения качества жизни. Особую роль при этом играет трансформация системы образования, укоренение в ее плоть элементов свободы и социальной ответственности. В результате люди, осовившие новые, более эффективные и прогрессивные культурные способы действий могут открыть свою «историю успеха». Появление нового поколения политиков, менеджеров, предпринимателей, интеллектуалов в постсоветской Беларуси создало по сравнению с советской эпохой новые позитивные возможности как для развития страны, так и для самореализации этих людей.

Бунт (мятеж) являются радикальной попыткой полной трансформации культуры в ее новом содержательном диапазоне, В белорусском условиях – это выбор «третьего пути», т.е. уникальной по европейским меркам «белорусской модели развития», или же следование парадигме национально-культурного возрождения с ориентацией на европейские ценности.

Ритуализация означает обращение к привычкам и традициям с целью укрытия от травм. При этом обретение уверенности осуществляется через традиционные модели поведения, даже в том случае, если он ведут в исторический тупик. В нашем (белорусском) варианте – это стремление «задержать время», возвращение к советским, руссофильским и евразийскими ценностям, нормам и моделям поведения, открытость и податливость российской культурной колонизации.

Ретреатизм нацеливает на игнорирование травмы, на попытку действовать так, как будто ее нет. Наблюдается уход в социальную пассивность, личностное смирение и маргинализацию. При этом в существующих проблемах обвиняются новые политические силы и идеи (в РБ – демократические ценности, институты и государства) и отчетливо проявляется ностальгия по прошлому.

В белорусском обществе правящая элиты и большинство населения страны отдают предпочтение пассивным формам (ритуализации и ретреатизму) преодоления культурной травмы, что привело, в конечном счете, к стагнации социально-экономической модели.

В то же время существует и другая Беларусь, иные социальные группы (предпринимательское сословия, демократическая оппозиция, отдельные интеллектуальные и «культурные круги»), использующая активные формы ее преодоления – инновацию и мятеж. Однако учитывая токсичную социальную среду и агрессивные по отношению к ним рамочные условия эти «новые верования» и их адепты вытесняются в социальную периферию.

Необходимо также учитывать, что на оптимальное преодоление культурной травмы существенное воздействие оказывает фактор лидерства, ответственное поведение политических элит и задаваемые ими культурные образцы социального поведения по причине того, что Беларусь относится к числу лидерских государств, в которых политическая воля доминирует над законом и политическими институтами.

В этом отношении политическая ответственность наиболее влиятельных персон белорусской власти – это не столько отсутствие либо наличие эффективных экономических и политических реформ (в случае неудач здесь возможны быстрые коррекции), сколько деградация культурных систем, тем более в условиях неустойчивого цивилизационного и политико-культурного кода постсоветской Беларуси. Действительно, культурные изменения, изменение склада ума, жизненых позиций и мотиваций социальных акторов – необходимая часть реформы социальных институтов.

Нельзя не отметить, что в культурном отношении власть работает на понижение культурной планки общества посредством ее тотализации, т.е. сведения к заданным извне (государством) ориентирам и образцам, что особенно заметно в сфере гуманитарного образования.

Кроме этого, наблюдается примитивизация культурных образцов в виде ритуализации политической практики. В концентрированном виде этот процесс выступает как стремление осуществить политическую мобилизацию общества, а также ценностно и политически его интегрировать посредством идеологии белорусского государства, обосновывающей, с точки зрения власти, особый и чрезвычайно эффективный путь социального развития.

Очевидна и приоритетность в масштабах страны социальной «попсы», а не образцов высокой культуры (см. превратившиеся в государ-

ственные задачи на всех уровнях конкурсы «Мисс Беларусь», организация детских и взрослых конкурсов Евровидения, превращение «Славянского базара» в главное культурное событие страны, шоу-политические парады, и т.п.).

Политический класс осуществляет также блокировку «иных идей», так как носителем правды и истины провозглашается безусловная, не поддающаяся сомнению мудрость президента РБ, общенационального лидера, стоящего над обществом и социальными институтами. В возрастающей степени утверждается культ его непогрешимости.

В целом в современной Беларуси наблюдается очевидное доминирование культа тела над культом духа.

Долгое время многие белорусские исследователи полагали, что в РБ новые поколения однозначно и определенно будут ориентированы на западные ценности. Следовательно, электоральная база нынешней власти будет уподобляться шагреневой коже. В действительности, этого не произошло. Молодежь в целом принимает правила игры, исходящие от власти, и, «несмотря на то, что проевропейские установки молодежи сильнее, чем у старшего поколения, ее базовая социокультурная идентификация все еще остается евразийской»[25]. Главных причин этого, как минимум, две. Первая – это известная изолированность Беларуси от европейского пространства и процессов европейской интеграции. Вторая – масштабная индоктринация сознания новых поколений, активно и масштабно идущая через систему образования, СМИ, государственную политику и другие социальные институты, одним из результатов которой является формирование у молодых белорусов скептического отношение к демократическим ценностям и практикам.

Итоги и перспективы

Очевидно, что избранные государственной элитой страны вектор и стратегия общественного развития привели к совокупности социальных эффектов, отразившихся непосредственно на феномене культурной травмы. При этом доминируют эффекты негативные:

- падение уровня доверия к основным социальным институтам, за исключением институтов церковных;

- усилившаяся аморализации политической практики, особенно избирательных кампаний;
- падение уровня социальной активности населения;
- увеличение ценностного раскола белорусского общества, включая форматирование политического пространства по принципам манихейства.

Все эти эффекты имеет тенденцию росту, а значит, приводят к укреплению тренда атомизации белорусского общества и оказывают парализующее влияние на процессы общественной самоорганизации и самодеятельности. Следовательно, в ближайшей перспективе – как минимум 5 лет – в РБ вряд ли сформируются культурные предпосылки для повышения уровня социальной активности его граждан.

Можно выделить также эффекты уровня «статус-кво», свидетельствующие об отсутствии динамики в определенных культурных сферах. Речь идет о:

- все еще не преодоленных трудностях национальной идентификации;
- сохранении мрачного взгляда на будущее при одновременной «ностальгии по прошлому», в данном случае – советскому;
- слабой представленности в сознании людей демократических ценностей.

Подобные «вялотекущие» процессы способствуют, с одной стороны, сохранению в белорусском обществе рудиментов советского традиционализма, выстраивая серию барьеров по присвоению его жителями ценностей модерна (особенно Второго) и постмодерна, обрекая, в конечном счете, страну на историческую отсталость. Одновременно, с другой стороны, не знающий усталости «крот истории» посредством отдельных креативных персон и социальных групп способствует популяризации в стране европейских ценностей и норм. На данный момент советский традиционализм и проевропейские ценности и практики пребывают по отношению друг к другу в некотором равновесии. Однако логика исторического процесса, несмотря на сопротивление влиятельных политических акторов, в среднесрочной перспективе – около 10 лет – приведет к доминированию европейского вектора развития страны.

Следует выделить также и ряд позитивных эффектов, касающихся культурной травмы:

- усиливается рационализации системы политического управления, что особенно актуально на фоне рутинизации политической харизмы А. Лукашенко;
- постепенно преодолевается синдром временщищества – политический класс во все большей степени утверждается в роли вассала по отношению к сюзерену, сразделяющего с ним бремя государственного правления, что придает устойчивость всей общественной системе;
- продолжается формирование «нового национализма», способствующего росту патриотизма, пусть и под «государственным контролем».

Поскольку «на входе» и «на выходе» все эти эффекты укоренены в персоне А. Лукашенко, то на практике происходит не позитивная бюрократизация белорусского общества «по Веберу», а усиление авторитарных и патерналистских тенденций. Подобная конструкция, внешне являясь прочной, в реальности обладает дестабилизирующим для политического режима потенциалом, приводя к его системному кризису, что мы и наблюдаем в настоящее время. И эта тенденция в ближайшем будущем будет только усиливаться.

Таким образом, культурная травма в посткоммунистической Беларуси, приведшая к дезорганизации господствующих в обществе ценностных систем, оказала существенное воздействие на формирование и функционирование социальных институтов и процессов, включая и выбор модели социальной трансформации. С одной стороны, ее результатом стали те или иные патологии общественных феноменов, включая блокирование формата демократического транзита. С другой – произошло укрепление авторитарных и патерналистских тенденций.

Для того, чтобы в Беларуси утвердилась консолидированная демократия, необходимы не только структурная перестройка экономики и реформа политической системы, но и новая культурная политика, своеобразная культурная революция, без которой не будет ни первого, ни второго. Однако выбор А. Лукашенко и его командой в качестве способов преодоления культурной травмы воспроизводство в различных

вариантах евразийских ценностей и практик, инструментов ритуализации и ретреативизма блокирует на ближайшую перспективу – около 5 лет – европейский путь Беларуси, обрекая ее на стагнацию и национальную деградацию.

1 Штомпка, П. Социальное изменение как травма. Статья первая // Социс. – 2001. – № 1. – С. 3.
2 Капустин, Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4. – С. 10.
3 Лепешко Б.М. Советская цивилизация: некоторые методологические вопросы изучения феномена// Веснік Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта. – 2011. – № 1. – С. 50-51.
4 Пригожин А.И. Патологии политического лидерства в России// Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 23–29.
5 Мониторинг общественного мнения. Июнь – 2011// Новости НИСЭПИ. – 2009. – № 2. – С. 27.
6 Зеленко Г. Контексти політичнего лідерства на постсоціалістичному просторі// Політичний менеджмент. Спеціальний випуск 2006. – С. 139.
7 Штукина Т.А. Новое измерение феномена политического лидерства// Психология и психоанализ власти. Хрестоматия в 2-х тт. Т. 1. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 1999. – С. 538.
8 Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс// Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 151.
9 Антипенко А., Булгаков В. А.Лукашенко – портрет власти и человека// Неизвестная Беларусь. – Смоленск: РОФСРДКС, 2005. – С. 97.
10 Булгакаў В. Загадкі і адгадкі лукашенкаўшчыны// ARCHE. – 2004. – № 4. – С. 50.
11 Акудовіч В. Прэзыдэнт недадуманай нацыі// ARCHE. – 2004. – № 4. – С. 106.
12 Бугрова И.И. Бугрова И. Ідэнтычнасць Беларусі: З вопыта «разумеючай» паліталогіі// Грамадзянская альтэрнатыва. – 1999. – № 1 – С. 36.
13 Падгол В. Структура таталітарнага менталітэту беларусаў як носьбіт асноўных формаў нацыянальнай ідэі// Грамадзянская альтэрнатыва. – 1999. – № 1. – С. 21.
14 Дубянецкі С.Ф., Дубянецкі Э.С. Цяжкі шлях да адраджэння. – Брест: Выдавецтва С.Лаўрова, 1997. – 88 с.
15 Мониторинг общественного мнения. Март – 2009// Новости НИСЭПИ. – 2009. – № 1. – С. 7.
16 Мониторинг общественного мнения. Декабрь – 2009// Новости НИСЭПИ. – 2009. – № 4. – С. 14.
17 Соколова Г.Н. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа// Социология. – 2009. – № 3. – С. 66.
18 Карасцялёва А. Якасць дэмакратыі ў Беларусі і Украіне// ARCHE. – 2006. – № 3. – С. 50–52.
19 Катаев С.Л. Транзитивне суспільство як виклик сучасності// Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірнік наукових праць. – Харків: Видавничий центр ХНУ ім. В.Н. Каразіна. –2001. – С. 78.
20 Бреский О. География Восточной Европы: пространство Пограничья// Перекрестки. – 2005. – № 1–2. – С. 170.
21 Лукашенко А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. – Мн.: Администрация президента РБ, 2003. – С. 19-21.

22 Роўда У. Слабасць сучасных аўтакратый (параўнальны аналіз палітычных рэжымаў Кучмы і Лукашэнкі)// Україна-Білорусь: політичні, економічні та культурні аспекти взаэмин. Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових праць. – Чернівці. – 2007. – С. 185.
23 Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В. Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы. – М.: Издательство РУДН, 2006. – С. 8.
24 Мониторинг общественного мнения. Июнь – 2012// Новости НИСЭПИ. – 2012. – № 2. – С. 23.
25 Манаев О.Т. Предисловие// Молодежь и гражданское общество: новое поколение. – СПб: Невский простор, 2011. – С. 18.

Ольга КАРАЧ

Гражданское общество и его роль в демократизации

Гражданское общество сыграло ключевую роль в революционных событиях в Восточной Европе в конце 1980-х гг. минувшего столетия. Общественный подъем 1989 г. продемонстрировал, что гражданское общество в каких-то своих элементах сохранилось даже в республиках Советского Союза. В Польше альянс Католической церкви с «Солидарностью» подготовил почву для ликвидации власти номенклатуры. В политическом смысле интеллектуальная традиция, которая выводит устойчивость демократии из силы гражданского общества, берет свое начало в трудах и деятельности «отцов-основателей» США, в теоретическом смысле – в знаменитой книге Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке»[1]. Джеймс Мэдисон, один из авторов «Федералиста»[2], отмечал, что «гражданское общество распадается на столько частей, интересов и классов, что правам индивидов или меньшинств не угрожают никакие комбинации, образующиеся внутри большинства». Как подчеркивал Токвиль «общественные ассоциации играют роль могущественных вельмож средневековья... В демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни».

Откат от демократии в постсоветских странах, в частности, в Беларуси, Украине и в России, нередко объясняется слабостью, неразвитостью гражданского общества, отсутствием «умения создавать объединения» в этих странах – государство в них захватило то, что гражданское общество не смогло отстоять.

Существуют и другие трактовки взаимоотношения демократии и гражданского обществе (см. например[3]), согласно которым развитое гражданское общество не является обязательным условием демократического транзита.

Насколько гражданское общество Беларуси будет вовлечено в процесс демократизации, какую историческую роль оно сыграет в данном процессе? Попробуем заглянуть в недалекое будущее.

Особенности социально-исторического контекста формирования общественных организаций Беларуси

Вокруг Беларуси сложился стойкий миф, что все политические события в Беларуси нужно делить на две части: *до* 19 декабря 2010 г. и *после*.

Я бы не концентрировалась именно на дате 19 декабря 2010 г. как некой «*роковой черте*» по следующим соображениям.

В политической жизни страны 19 декабря 2010 г. не является никакой серьезной границей, а только очередной вехой, причем совершенно логичной в свете предыдущих. Для этого достаточно статистически сравнить три последние президентские кампании. Очевидно, что это не первые жестокие репрессии в Беларуси – вот статистика:

В *2001 г.* мирная демонстрация в ночь после президентских выборов организовала палаточный городок на Октябрьской площади, который размещался непосредственно во Дворце профсоюзов (демонстранты выбили двери и вошли внутрь).

В *2006 г.* мирная демонстрация в ночь после президентских выборов организовала палаточный лагерь, который уже размещался на улице, в палатках на Октябрьской площади, без захвата зданий, и продержался 4 дня. Во время акции было задержано и отбывали сроки административного ареста около 1.300 человек, причем значительное количество – превентивно (около 300 человек), один кандидат в президенты от оппозиции (из двух, т.е. 50%) Александр Козулин был подвергнут уголовному преследованию и получил срок 2.5 года тюрьмы.

В *2010 г.* мирная демонстрация в ночь после президентских выборов была разогнана до организации оппозицией палаточного лагеря. На демонстрации было задержано около 800 человек. Не было превентивных задержаний. Арестованы было 7 кандидатов в президенты (им предъявлены уголовные обвинения), 46 человек проходило по уголовным делам, максимальный срок получил Николай Статкевич – 6 лет тюрьмы.

По характеру акций в ночь после выборов заметно, что события 19 декабря 2010 г. – это не некий неожиданный поворот от демократии в сторону авторитаризма, а целенаправленная и старательно выстраиваемая и усиливающаяся по времени система репрессий.

При этом следует отметить, что нажим направлен не только на собственно политические организации и ассоциации, давление распространяется и на структуры гражданского общества, далекие от политики, в полном соответствии с замечание Токвиля, что «если правительство запретит политические ассоциации, граждане будут избегать участия и в ассоциациях гражданских (на всякий случай, потому что в стране будет атмосфера «как бы чего бы не вышло»)».

Репрессии в Беларуси: типология

Репрессии в Беларуси развивались в соответствии с логикой саморазвития авторитарной системы и под воздействием «шоков» со стороны оппозиции, населения, России, Евросоюза и США.

Поэтому, на мой взгляд, нельзя говорить, что репрессии «неожиданно и резко» усилились. Некоторую часть репрессий при всей их обширности не так хорошо видно. Режим развивается, пробует новые тактики, изменяет формы давления. Репрессии – не механическое давление с использованием одних и тех же методов. Заметно варьирование методов давления на оппозицию и гражданское общество, меняются цели этого давления. Власть довольно хорошо обучаема и постоянно тестирует общество и гражданское общество на прочность по принципу «*что такое хорошо, а что такое плохо*».

Итак, репрессии в Беларуси меняются не только в сторону увеличения, а меняются качественно, т.е. меняется структура и карта репрессий – в зависимости от того, насколько те или иные репрессии показали свою эффективность.

Давление в Беларуси развивается в двух направлениях: это местные репрессии (когда местный чиновник невзлюбил какого-то оппозиционера) и республиканские (которые идут по приказу сверху). Между ними есть принципиальные отличия.

1. *Местные репрессии.* Самые длительные по времени – могут тянуться годами (даже десятилетиями) в отношении какого-то человека или организации, но при этом, если быть настойчивым и последовательным, то можно доказать их незаконность, особенно в судах высшей инстанции, где не работают семейно-клановые связи местных чиновников. Как правило, это постоянные увольнения с работы, но и иногда есть попытки посадить в тюрьму того или иного оппозиционера. Яркий пример – это преследования газет «Витебский Курьер» и «Наша нива». Репрессии в отношении «ВК» не зависят от настроений А. Лукашенко и одинаково сильны и в 2006, и в 2011 гг. (до сих пор печатается в Смоленске), в отличие, например, от репрессий в сторону газеты «Наша нива», приказ в отношении которой сверху «ослабел» – и она снова спокойно печатается в святая святых – в Доме печати в центре Минска.

2. *Республиканские репрессии.* Как правило, очень непродолжительные во времени, зависят от «приказа сверху» и сразу прекращаются, когда «приказ» ослабевает. Например, если сегодня есть приказ кого-то арестовать, и он не арестован по каким-то причинам, то завтра этот человек уже никому не интересен. Очень сильные по интенсивности, законным путем ослабить их или «отбиться» от них практически невозможно.

Кроме качественных изменений в давлении, менялся и фокус самих репрессий, т.е. на кого они были направлены:

- В 1999-2001 гг. власть организовывала сильное, даже беспрецедентное, давление на национальных лидеров. В 1999 г. начали исчезать оппозиционные политики, и есть факты, позволяющие говорить о том, что они были устранены по приказу сверху.
- В 2001-2006 гг. власть поменяла стратегию и стала давить на организации и группы граждан. Пиком давления стало принятие (и последующая реализация) в 2005 г. статьи 1931 Уголовного кодекса за членство в незарегистрированных организациях сроком до двух лет. По данной статье в тюрьме или под следствием оказалось около 20 активистов различных негосударственных организаций.
- В 2006-2008 гг. давление на каналы коммуникации между гражданским обществом и населением. В 2006 г. были выброшены из

системы распространения в «Белпочта» и «Белсоюзпечать» все негосударственные общественно-политические газеты, а также большинству негосударственных общественно-политических газет было отказано в печати на территории Беларуси.

- В 2008-2010 гг. давление на простых активистов. Если говорить другими словами, власть решила лишить оппозицию «рук и ног», т.е. давление шло на членов инициативных групп и их семей. За этот период, например, 1192 активиста административно преследовались, по данным правозащитного Центра «Весна». Эти репрессии фактически остались не замеченными обществом по нескольким причинам:
  - во-первых, шла так называемая «либерализация», т.е. «диалог между Лукашенко и Евросоюзом», и Евросоюз старался «не замечать» «мелких шероховатостей», а власть старалась давить более изящно и элегантно – использовались вызовы в КГБ на беседы, угрозы увольнений и т.д.;
  - во-вторых, понятно, что арест обычного активиста привлекает к себе меньше внимания, чем арест лидера. Поэтому для СМИ такое давление также прошло фактически незамеченным, тем более, что власть не трогала лидеров и давала им почти беспрепятственно выступать и организовывать свои президентские кампании. Итогом такой «либерализации» стало резкое сокращение количества активистов в организациях и партиях.
- В 2011-2012 гг. давление снова вернулось и под прицелом снова национальные лидеры или те, кто, по мнению властей, потенциально может стать ими. Власть работает на «анонимность» третьего сектора. В данном ситуации такое давление было бы не таким серьезным, если бы большинство организаций не лишилось «рук-ног» в предыдущий период. А теперь, в ситуации, когда лидеры вынуждены выступать и активистами, работа в большинстве организаций будет блокирована.

Для противодействия вышеописанным репрессиям, активистам гражданского общества нужно было вырабатывать стратегии, усиленно работая над тем, чтобы ослабить местные репрессии, как самые

сильные и последовательные (путем проведении гражданских кампаний против каждого случая), а самое главное – не дать объединиться местным и республиканским репрессиям. Как видно из вышеизложенного, начинать надо было, как минимум, в 2006-2008 гг. А после 19 декабря 2010 г. поменялось только то, что местные репрессии и республиканские репрессии объединились, т.е. стали и продолжительными, и интенсивными.

К сожалению, все эти годы над гражданским ответом и над прекращением репрессий работало очень мало организаций, в то время как большинство правозащитных организаций занимались мониторингом прав человека, а не активной правозащитой. Теперь приходится (и придется) выстраивать систему гражданского ответа в худших условиях. Упущено довольно много времени. Но при этом мы не говорим о том, что такой гражданский ответ не возможен. Ситуация не настолько критическая, чтобы работать внутри Беларуси и строить свою защиту от репрессий становится невозможно.

Наоборот, опыт работы «Нашего дома» показывает, что в условиях экономического кризиса, когда власть отчаянно боится любых народных волнений и, помня опыт Горбачева, понимает, что даже «косметический ремонт» может закончиться большими потрясениями, уровень местных репрессий скорее даже снижается, имеют место необычные решения местных властей в пользу граждан или групп граждан.

Новые возможности и их специфика

Сейчас открылись новые возможности для гражданского общества, правда, серьезно стоит вопрос о безопасности лидеров и тех, кто может стать «лицом» третьего сектора.

На мой взгляд, в Беларуси наступает своеобразный «момент истины». Это значит, что власть теряет поддержку и тот «мыльный пузырь экономического чуда», который старательно надувался последние 18 лет, начинает очень стремительно лопаться. С другой стороны, к сожалению, уже приходится констатировать, что часть организаций гражданского общества также надувала своеобразные «мыльные пузыри»,

которые также лопаются сегодня. И сейчас, на переломе вся «показуха» с двух сторон становится видимой. Это главная тенденция прошлого и этого года.

Самый тяжелый вопрос, который сегодня важен и для власти, и для оппозиции, и соответственно, очень осложняет нашу жизнь и работу – это вопрос лидерства. Власть, в первую очередь, волнует *«лицо», т.е персональное лидерство.* По опыту А. Козулина, А. Климова и многих других, к сожалению, власть научилась, что посадка в тюрьму и полная изоляция неких фигур, претендующих на лидерство, не приводит к их «героизации», равно как и не приводит их к статусу «национального лидера» и повышению популярности среди населения.

Власть хорошо понимает, что любая организация без «лица», т.е. человека, который озвучивает некие идеи и решения, кто может стать «голосом» тех, кто «против», – это пустое место. Поэтому репрессии послдених месяцев все более и более персонифицируются. Мы видим попытки блокировать людей-лидеров, но не организации или простых активистов. Аналогичный процесс идет и в России – там тоже нет «лица».

Однако, даже такая «переструктуризация» системы репрессий дает дополнительные возможности для работы и расширяет наше поле возможностей внутри Беларуси:

1. Лидерам будет тяжело. Власть будет или запугивать (заставлять замолчать) лидеров организаций, либо *сажать* в тюрьму. Другой вопрос, что если изначально организация не строила разветвленную сеть с «лидерами второго звена», «третьего звена» и т.д., то это означает, что деятельность данной организации будет очень сильно блокирована и парализована.

2. К сожалению, уже сейчас можно сказать, что мало кто строил разветвленные иерархические сети внутри Беларуси. Большинство организаций работает по принципу: *«я, он же директор, он же бухгалтер, он же активист, он же волонтер»* – все в одном лице. Поэтому да, для большинства организаций «поле возможностей» будет сужаться. Это означает, что организаций будет все меньше, а те из маленьких, что останутся, будут стараться не высовываться. Уже сейчас журналисты в разговорах отмечают, что большинство лидеров оппозиционных партий и обще-

ственных организаций готовы давать комментарии прессе только при условии полной анонимности. Т.е. власть взяла курс на «анонимность» третьего сектора, т.е. отсутствие у него «лица» и «голоса».

3. Репрессии против лидеров более заметные, потому что, конечно, аресты, задержания обыски у лидеров привлекают больше внимания СМИ и общественности, чем аресты, задержания и обыски у обычных активистов.

4. Почему для властей так важно, чтобы у третьего сектора не было «лица»? Потому что в этой и только в этой ситуации третий сектор гарантированно выпадает из публичной сферы и переходит в сферу «невидимости» для белорусского общества.

5. В организациях, где есть развитая сеть (таких мало, но они есть), власть будет стараться блокировать лидера-«лицо», но не будет трогать активистов. Это важно, потому что до этого было с точностью наоборот. Это дает нам дополнительные и очень хорошие возможности, поскольку до президентских выборов 2010 г. главной проблемой было то, что власть отсекала простых активистов репрессиями, но не трогала лидеров. Пример: недавний обыск дома у активистки «Нашего дома» привел к закрытию дела и отсутствию последствий для нее из-за того, что лидер «Нашего дома» не она, и власть не интересуют какие-то простые активистки. Т.е. волна событий схлынула, человек не понял, зачем к ней приходили и что это было, и продолжает работу с той же динамикой и энергией. И даже большей энергией – потому что в этот раз в ее адрес не звучали угрозы, а наоборот, звучали извинения. Аналогичный пример: во время маленьких акций, проведенных активистами «Нашего дома» в День святого Валентина, не было ни одного задержания, потому что власть сегодня не интересуют простые активисты. Т.е. это дает нам хорошие возможности более безопасно строить организацию и привлекать новых людей и работать со старыми, уже не так боясь, что они попадут под репрессии. Т.е. более открыто и свободно. Но лидеры при этом должны активно «принимать огонь» на себя и работать в статусе «говорящих голов».

6. Лидерам третьего сектора придется решать сложную задачу, как не стать очередной «жертвой кровавого режима», т.е. не попасть в тюрьму, но при этом «сохранить лицо», т.е. остаться публичной фигурой в публичном пространстве.

7. Есть еще проблема в общественых ожиданиях от «лица», т.е. того, кто должен стать альтернативой А. Лукашенко. Это ожидание, что этот человек должен уметь делать чудеса. Например, ходить по воде, превращать воду в вино, из пяти хлебов делать пять тысяч, а также проходить сквозь тюремные стены в прямом смысле слова и не быть пойманным милицией, КГБ и т.д. Например, если предполагаемый «кандидат на место анти-Лукашенко» попадает в тюрьму, то одним из испытаний, через которые ему надо пройти, это попадание в тюремную камеру с заключенным определенного низкого статуса, из которой он должен выйти за 15 минут. Понятно, что в этой ситуации тюремщики камеру не откроют. Если не выйдет *(а выйти можно, только пройдя сквозь стены),* то уже не лидер. С определенной маркировкой того, что не лидер. Понятно, что нельзя пройти сквозь стены или вылететь в окно через решетку, поэтому таким вот нехитрым способом власть отсекла большую часть, что сидит сейчас в тюрьме. Поэтому попадание в тюрьму становится серьезной проблемой и новым вызовом для лидеров.

8. Игра власти со статусом «опущенных» стала возможна благодаря тому, что власти уничтожили воровских «авторитетов», т.е. лидеров криминального мира. «Опущенные» – это такой статус заключенного, когда он становится чем-то вроде представителя касты «неприкасаемого» в Индии, т.е. спит возле туалета, не имеет права кушать и пить чай со своими соседями по камере, никто не имеет права его касаться (за исключением сексуальных контактов, в которых «опущенный» играет роль «сексуального объекта»), не имеет права здороваться с ним, обниматься, а тем более находиться в камере наедине. «Опущенный» может быть избит, изнасилован и не может аппелировать к сообществу заключенных, которые функционируют в тюрьме по типу «народного совета». Проблема с присвоением такого статуса для лидеров оппозиции в том, что переговоры между силовиками и оппозицией становятся невозможные (для силовиков очень важно соблюдение тюремных статусов, и переговоры с «опущенным» для них просто не возможны, это особенность субкультуры). Равно как и создание коалиции с «опущенными» – для других лидеров оппозиции, потому что в этой ситуации если ты создаешь коалицию с «опущенным» и потом попадаешь в тюрьму по уголовному делу, то ты автоматически получаешь такой же ста-

тус «опущенного» – за то, что вел с «опущенным» переговоры и сидел с ним за одним столом. Т.е. оппозиции будет еще сложнее договориться между собой и демонстрировать это единение – по соображениям физической безопасности (как минимум, все понимают, что легко попадают в тюрьму и никто не хочет быть изнасилованным). Нас ждет еще большая раздробленность оппозиции и еще большая фрагментация.

9. В современных условиях стало легче работать с населением. Оно стало быстрее реагировать на наши кампании и замечать их. Если раньше на «раскачку» людей уходило несколько лет, то теперь «замечаемость» действий негосударственных структур сократилась до нескольких месяцев. Это, кстати, нам также дает дополнительные возможности, которые надо использовать.

10. Нарушение «социального контракта» между населением и властями. Если раньше государство посылало четкий сигнал обществу «вы не занимаетесь политикой, мы обеспечиваем «чарку-шкварку-иномарку», то теперь выполнять общественные ожидания в условиях экономического кризиса становится все сложнее. Население, воодушевленное постоянно растущим уровнем жизни, соответственно, увеличивает свои потребности, особенно имея рядом такого соседа как Евросоюз, где уровень жизни и зарплаты выше. Государство не справляется с растущими потребностями и не способно ответить на все вопросы, кроме как усилением репрессий и ужесточением ответственности против недовольных.

11. Стало легче работать с чиновниками и силовиками. Во-первых, они недовольны тем, что падает поддержка А. Лукашенко. Одно дело – служить верой-правдой руководителю, которого обожает население, другое – служить человеку, которого ненавидят и боятся. Отсюда и давление силовиков на президента, и постоянно просачивающиеся в прессу сообщения, что силовики хотят, чтобы им поднимали зарплаты и давали больше бонусов, в том числе и скандальное обещание просить деньги у В. Путина на поддержку белорусских силовиков. Лояльность силовиков в условиях неподдержки белорусского общества стоит дороже. Кроме этого, силовикам не нравится, что белорусскому президенту иногда приходится «прогибаться» перед российским. А. Лукашенко сам выстроил систему, построенную на «мачизме» – брутальной мужской

силе. Это для него ловушка, потому что в такой системе «альфа-самец», т.е. главный лидер, должен постоянно подтверждать, что он главный. Во-вторых, они не довольны нами и нашей кампанией «Осторожно, милиция!». Силовики хотят «настоящей мужской схватки» с мужчинами из оппозиции и недовольны тем, что им «подсовывают» каких-то девушек, да еще с претензиями, что силовики этих девушек «избивают». Они, конечно, избивают, но воспринимают это как «издержки производства» и недовольны тем, что их начинают этим упрекать. Потому что в нашей культуре мужчина, избивающий и обижающий женщин, не может считаться «настоящим брутальным мужиком», т.е. портится их мнение о самих себе. Им это не нравится. Плюс общественное мнение также на нашей стороне, т.е. предполагается, что политика – это все-таки борьба между мужчинами, и репрессии против женщин обществом изначально воспринимаются плохо. В белорусской культуре женщины сами за себя особо отвечать не могут и особенно для силовой субкультуры имеют статус людей с ограниченными умственными способностями. Например, статус «опущенного» не может быть «приклеен» женщине, на женщин тюремная иерархия не распространяется. Т.е. в этой ситуации, конечно, надо использовать эти общественные стереотипы и продолжать гендерную кампанию, но с прицелом будущей коммуникации с силовиками. В начале 2012 г. во время обыска и во время задержания машины «Витебского Курьера» милиционеры извинились перед девушками за причиненные беспокойства и страдания (в первый раз в нашей практике, когда это происходит не после, а во время). Это также свидетельствует о новой открывшейся возможности, которую надо использовать.

12. С чиновниками стало легче работать – они также попадают в своеобразную «ловушку». С одной стороны, в государстве все меньше денег, и «затыкать дыры», т.е. успокаивать недовольных граждан, становится все сложнее. С другой стороны, недовольных граждан становится все больше. Об этом говорят стихийные забастовки в разных городах коммунальщиков и рабочих с государственных фабрик. Поэтому это новая и отличная возможность: усиливать давление на местных властей с целью решить местные проблемы и максимально визуализировать деятельность местных чиновников (не только, кстати, плохую,

но и хорошую активность), мобилизируя населения (которое местных чиновников не боится, поэтому мобилизируется неплохо). С другой стороны, А. Лукашенко уже стал давить чиновников, чтобы они максимально искали деньги сами. Например, его заявление о том, что местные чиновники должны сами зарабатывать деньги и что зарабатывание денег является ключевым критерием на будущие перемены в умах и головах чиновников. Оно знаковое, потому что государственный сектор в принципе не должен зарабатывать деньги, это не бизнес-фирмы. С другой стороны, это четкое послание местной вертикали, что денег сверху будет все меньше и меньше.

13. Начинает чувствоваться «кадровый голод» в «вертикали», т.е. резко падает уровень и качество работников в исполкомах. Это связано с нестабильностью «правил игры», большими рисками попадания в тюрьму согласно неких «планов сверху» – например, во время кампании «борьбы с коррупцией», когда «сверху» спускается план и количество «посадок», более низкими, чем в России, зарплатами, высоким уровнем эмиграции в Россию.

Какую же роль в этих условиях может и должно играть гражданское общество в демократизации Беларуси? Существует мнение, что сегодня власть так успешно блокирует любые инициативы, что само существование гражданского общества становится бессмысленным, а сам третий сектор – слабым и фактически уничтоженным.

Но это миф.

На самом деле, несмотря на жесткий разгон мирной акции протеста 19 декабря 2010 г., на поправки в Уголовный Кодекс 1 октября 2011 г., предусматривающие ответственность за получение международной безвозмездной помощи, на усиление репрессивного аппарата КГБ и получение силовыми структурами около 300 млн. долларов государственного гранта в 2012 г. и многие другие шаги, предпринимаемые белорусским государством, все те виды деятельности, что были возможны до президентских выборов 2010 г., по-прежнему возможны и теперь. Правда, с двумя оговорками:

- Во-первых, белорусская власть стала больше реагировать на наши ошибки, и цена ошибки возросла. Сейчас в Беларуси ситуация, как в известном советском анекдоте: «сапер ошибается

только один раз в жизни». Поэтому белорусскому гражданскому обществу придется или повышать свой профессионализм или умереть как явление.

- Во-вторых, теперь при работе с конкретными целевыми группами гражданскому обществу нужно себе четко представлять фокус работы, и то, что мы от них в итоге нашей работы хотим получить.

Работа гражданского общества с группами интересов

«Наш дом» в своей работе выделяет три основных фокуса для гражданского общества при работе с целевыми группами:

- При работе с населением: мобилизация населения на более активное участие в защите своих прав и на формулирование нового «социального заказа», уже включающего в себя гражданские и политические права. Кроме этого, важна организация публичного диалога между «третьим сектором» и населением по общественно-политическим проблемам и способам их решения. Как отмечал американский исследователь Гэри Маузер[4], есть два метода воздействия на массовое поведение: это «убеждающая коммуникация», имеющая целью изменить поведение людей, и приспособление «продукта» к сложившимся моделям поведения. Второе – по меньшей мере не менее важно, чем первое, если люди не воспринимают структуры гражданского общества, как выразителей своих интересов (понимаемых так, как люди их сами понимают), эти структуры обречены на маргинализацию даже в благоприятных политических условиях, на что сейчас не приходится надеяться.
- *При работе с чиновниками и силовиками:* обозначение четкой линии, которую они не могут перейти, т.е. любая работа внутри Беларуси, направленная на работу с силовиками и чиновниками, должна ставить целью ограничение их полномочий *(на сегодняшний день фактически безграничных)* и определение прав других групп *(которые эта группа сегодня игнорирует).* Напри-

мер, кампания, направленная на то, чтобы КГБ прекратило прослушивать телефоны, читать письма или пугать наших активистов. Диалог с силовыми группами бесполезен, потому что бессмыслен. Нам им нечего предложить, чтобы их заинтересовать. Кроме этого, для них диалог с нами опасен, с ними возможны переговоры, но только при условиях массовых и долговременных протестов или угрозы опубликования компромата на них («в наши руки попали соответствующие документы» на чиновника или силовика). Все другие способы или попытки «диалога» будут использоваться силовиками и чиновниками против нас. Перечисленные пути – довольно скользкие, поэтому каждой организации из третьего сектора надо решить, насколько далеко она готова зайти в желании «диалога».

- *При работе с оппозицией:* цель – смена моделей поведения и политических практик, а также строительство негосударственных общественно-политических институтов. Не секрет, что сегодня оппозиция в точности повторяет власть – как в моделях поведения, так и в стратегиях и в способах принятия решений. Мы не сможем построить демократическую Беларусь, пока не вырастет достаточное количество людей, обладающих демократическим мышлением и умением применять свое демократическое мышление в повседневной жизни и в работе.

Перспективы развития гражданского общества в обозримом будущем

На мой взгляд, в ближайшие годы гражданское общество Беларуси может пойти по двум сценариям развития.

- *Пессимистический.* Гражданское общество остается носителем тех же моделей поведения, практик, принципов, ценностей и способов коммуникации с населением, не меняя их и не приспосабливая к потребностям и интересам конкретных социальных групп. Уровень доверия населения к представителям гражданского общества падает, растет количество коррупционных скан-

далов внутри общественных организаций, которые подрывают и так хрупкое доверие групп интересов. Общественные организации теряют своих активистов, сужаются до уровня «один человек – одна организация», ужесточается конкуренция за ресурсы, растет количество доносов друг на друга, третий сектор развивается в условиях «никто не верит никому», а также разобщенности и вражды. В данной ситуации продолжается процесс маргинализации, гражданское общество изолируется от населения, население не понимает ни языка, на котором говорит гражданское общество, ни того, чего добивается гражданское общество. К сожалению, приходится констатировать, что развитие гражданского общества Беларуси идет пока именно этим путем.

- *Оптимистический.* Происходит ребрендинг «третьего сектора», обновление лидерского состава, идей, реструктуризация организаций. С учетом опыта и совершенных ошибок в прошлом гражданское общество выстраивает тесную коммуникацию с группами интересов, находит широкую поддержку среди населения, а также оказывается способным служить определенным противовесом произволу государства.

Чтобы в обозримом будущем реализовать оптимистический сценарий, белорусское гражданское общество должно соответствовать следующим важнейшим критериям:

1. *Визуальность и видимость.* Является самым важным критерием для ребрендинга и перестройки гражданского общества внутри Беларуси, поскольку белорусская власть работает на «анонимность», «безликость», «невидимость» любой альтернативы, и в первую очередь, альтернативы политической. «Видимость» является большой проблемой белорусского третьего сектора, поскольку власть умело загоняет белорусские НГО в так называемое «оппозиционное гетто», когда выход из «гетто» чреват некомфортными и очень неприятными последствиями в виде арестов, угроз, избиений, штрафов и т.д. Это связано с тем, что власть прекрасно себе отдает отчет в том, что она не в силах удерживать свою популярность среди населения любой ценой. Выбранная белорусским государством стратегия проста – «не доставайся же ты никому»: власть уже не работает на популярность самой себя, а работает на то,

чтобы у населения существовала устойчивая иллюзия, что все альтернативы существующему порядку и А. Лукашенко будут еще хуже. Как показывают последние социологические опросы НИСЭПИ, такая стратегия белорусской власти имеет успех, и оппозиция действительно либо игнорируется населением, либо представляется чем-то пугающим и непонятным.

2. *Строительство моста между социальными проблемами и политическими.* Соцопросы НИСЭПИ показывают, что около 60% населения не нравится ни существующая система с ее несменяемым лидером, ни оппозиция с ее лидерами. Такое отношение связано, в первую очередь, с тем, что население пока не видит в представителях гражданского общества своих представителей и не считает негосударственные организации представителями своих интересов. Кроме этого, белорусскому обществу в целом присущ очень низкий уровень политической культуры, который выражается в том, что население не понимает взаимосвязи между политическими событиями в стране и своим собственным социальным благополучием и материальным благосостоянием. Поэтому деятельность структур гражданского общества должна быть направлена на достижение следующих долгосрочных целей:

- *Формирование понимания у населения, что такое общественно-политические институты и зачем они вообще нужны.* Мы никогда не добьемся свободных и честных выборов, если население не понимает, зачем вообще нужны горсоветы и чем они отличаются от парламента или администрации президента. Равно как мы не добьемся свободы слова в стране, когда население не очень видит разницу между негосударственными и государственными СМИ и воспринимает их одинаково, как инструмент пропаганды.
- *Формирование доверия к негосударственным общественно-политическим институтам и работа на уменьшение доверия населения к государственным институтам.* Любая работа, которая не включает в себя такую долгосрочную цель, не имеет смысла в белорусских реалиях, поскольку низкое доверие к негосударственным общественно-политическим институтам делает государственную пропаганду эффективным инструментом влияния на общественное мнение. Как можно убедить людей в поддержке

негосударственного сектора, если они априори доверяют чиновнику больше, чем оппозиционеру?

- *Работа с определенными социальными группами и борьба за то, чтобы стать общественными представителями данных социальных групп – в их собственных глазах и глазах власти.* По сути, речь идет о переформатировании политического поля и возникновении «субъектов» политики, а также групп интересов. Это нелегкий процесс, поскольку белорусская власть априори не принимает никого в качестве такого субъекта, кроме себя. Формирование института «представительства» – это важный процесс в современной Беларуси, поскольку с него начинаются все процессы по демократизации – от представительства в органах власти до осознания своих собственных проблем как проблем, присущих некой социальной группе, а не одному человеку.

3. *Устойчивость во времени.* Любая кампания гражданского общества должна демонстрировать, что после ее окончания что-то останется, т.е. как поется в известной советской песне «завтра будет лучше, чем вчера». Вся работа, проводимая в Беларуси, должна работать на устойчивость на двух уровнях:

- *Организационная устойчивость.* После проведения кампаний гражданское общество должно стать сильнее, чем было до, а значит, уметь продемонстрировать эти позитивные изменения: что изменится в организации в лучшую сторону после проведения ряда шагов и что у нее появится такого, чего не было до проведения этой кампании?
- *Устойчивость моделей поведения и социальных практик вокруг себя.* Например, если организация занимается вопросами ЖКХ и за несколько лет добивается ремонта дома, это, безусловно, хорошо. Но устойчивая стратегия организации должна быть направлена на то, чтобы уже не приходилось бороться по несколько лет за один ремонт, а ремонты проходили уже без ожесточенной борьбы данной организации. Устойчивых результат – это изменения в поведении тех социальных групп, с которыми работает организация.

4. *Системность.* Если сегодня организация занимается вопросами трудящихся женщин, потом работает на решение жилищно-комму-

нальных вопросов, а потом резко переключается на рак груди, то это вызывает большие опасения в ее системной работе. Поэтому от организаций нужно требовать объяснения выбора тех или иных направлений работы и взаимосвязи между ними. В белорусском третьем секторе есть две крайности, в которые обычно бросаются многие организации:

- Когда один и тот же формат работы годами «продается» фактически без изменений, поскольку партнеры часто меняются, память СМИ не очень длинная, и старая идея очень часто звучит как нечто очень новое и необычное. Например, одна из наших городских групп занималась «уборкой берега реки» (с обязательным семинаром для активистов и питанием в ресторане), потом через год при нулевом результате первой уборки (все заявленные цели не были реализованы) опять заявила в прессе, что будет бороться за очистку берега реки, но уже в рамках другой организации с другим названием. Такая позиция приводит к тому, что в гражданском обществе ничего не меняется годами и десятилетиями, и может и дальше продолжаться без изменений.
- Когда одна и та же организация стремительно меняет род занятий, т.е. сегодня она занимается, например, бездомными животными, завтра – смертной казнью, потом проведением семинаров для дачников. Это связано, в первую очередь, с ресурсной поддержкой. Как правило, такие организации имеют стойкий стереотип (не без основания, надо отметить), что спонсоры «дают» только под некие определенные направления, и изо всех сил стараются эти направления «выведать» и объявить, что они вот именно этим и занимаются тем, «на что дают». Это приводит к хаотичной и бессистемной работе, которая также может продолжаться годами.

Кстати, в Беларуси эти стратегии друг другу не противоречат, и нередко структуры гражданского общества успешно совмещают обе из них.

Что следует понимать под «системностью» работы? Это значит, что у организации есть план, стратегия и прописанные цели, которых она бы хотела достичь за определенный промежуток времени (например, за пять лет). Вся работа, которую проводит организация за этот период, должна работать на достижение этих целей. Цель любой кампании ор-

ганизации должна быть уже и меньше, чем цели организации в целом, которые она ставит перед собой. Но каждая кампания организации должна быть шагом в реализации ее программных целей. Наша концепция «прогресса и развития» – это умение организации преодолеть репрессии. Т.е. умение эти репрессии предвидеть, вырабатывать возможные «противоядия», а также, не смотря на репрессии и давление демонстрировать изменения в лучшую сторону на трех уровнях:

- на уровне организационного менеджмента,
- на уровне изменений в общественно-политических институтах вокруг себя;
- на уровне изменений в практиках и моделях поведения осуществления политики.

Например, мы не можем избежать обысков, но мы можем выработать эффективную стратегию противодействия обыскам в двух направлениях:

- как не допустить, чтобы важная информация попала в руки КГБ;
- как не потерять безвозвратно важную информацию во время обыска. Значит, должна быть выработана надежная система back up, равно как и надежная система защиты документов *(например, сбор и хранение финансовых документов вне территории Беларуси).* Кроме этого, перед обыском КГБ обычно отключает свет в офисе – с этим можно бороться, имея несколько источников бесперебойного питания или маленькую переносную электростанцию, заправленную на 2-3 литра топлива.

5. *Воспитание ответственных граждан, а не потребителей.* Любая работа гражданского общества по демократизации Беларуси должна включать в себя «обратную связь» от граждан в виде какой-то отдачи, будь то сбор денег, вещей, подписей, звонки в горисполкомы, походы к депутатам или что-то еще. Но не может быть работы, которая поощряет воспитание потребительских чувств, когда белорусы думают, что им кто-то что-то должен. Это произошло с чернобыльскими программами, например, или часто происходит с программами для людей с ограниченными физическими возможностями: когда люди начинают любую помощь воспринимать как должное и не ценят. Задача гражданского

общества в Беларуси – воспитывать готовность граждан что-то вкладывать в строительство страны и в демократизацию процессов Беларуси. Иначе говоря, граждане должны учиться не потреблению иностранной помощи, но поддержке друг друга, поддержке негосударственных инициатив, инвестированию своего времени, денег и способностей в будущее страны.

По моему убеждению, без социально-политической институционализации, серьезной перестройки внутренней структуры, «ребрендинга» и изменения соответствующих социальных практик, белорусское гражданское общество ждет не повышение своей роли в жизни страны, а маргинализация и общественное забвение.

Опыт показывает, что тоталитарная система обрушилась в 1989-1991 гг. исторически почти одновременно на всем еврозийском пространстве социалистического лагеря от ГДР до Туркменистана. Сочетание внутренних механизмов саморазложения системы и «заражение», подражание обеспечили эту одновременность. Однако потом выяснилось различие траекторий и представляется, что оно было в значительной степени обусловлено уровнем развития гражданского общества в бывших «бараках социалистического лагеря». Там, где оно было развитым – страны стали полноправными членами евроатлантического сообщества, где существовали лишь его зачатки – коммунистическая деспотия сменилась новым авторитаризмом.

Возможный сценарий деградации белорусского гражданского общества вовсе не означает, что история в стране остановится, что нынешний извод авторитаризма – на века.

Изменения неизбежны хотя бы в силу крайне персоналистского характера нынешней белорусской власти. Но при слабом гражданском обществе они будут происходить без участия обществе, которое будет фоном или в лучшем случае хором драмы или трагедии, которая будет разыгрываться на белорусской авансцене. И даже если сохранившиеся фрагменты гражданского общества смогут стать вожаками или хотя бы стилистическими лидерами перемен, слабость этого общества даст о себе знать на следующем этапе.

Опыт арабской «весны» 2011 г. свидетельствует о том, что побеждают структуры, а не порыв. Впрочем, исламистские сети социальной

поддержки – тоже своеобразное гражданское общество, которое в конечном счете и одерживает победу в этих странах.

К сожалению или к счастью, но в Беларуси, России и Украине отсутствует подобное альтернативное гражданское общество, если маргинализация гражданского общества произойдет, то развитие страны будет происходить через серию внутриэлитных тихих или шумных «смен караула», имеющих антураж «цветных революций» или представляющих собой просто верхушечные перевороты или смены власти. Модель, матрица при этом будет оставаться неизменной. И лишь в очень отдаленной перспективе, когда деградация власти сравняется с деградацией гражданского общества, можно надеяться на открытие возможностей для свободного развития последнего. Но это – весьма плохой сценарий не только потому, что требует времени, но и потому, что в авторитарном государстве силовой, репрессивный блок не может деградировать изолированно, деградация государства в этих условиях означает ослабление, утрату им функции управления вообще. А как отмечал знаменитый американский политический журналист XX века Уолтер Липпман, самая настоятельная необходимость для людей жить в управляемом обществе, «самоуправляющемся, если это возможно, хорошо управляемом, если посчастливится, но в любом случае – управляемом».

Определенные надежды на то, что процесс деградации гражданского общества будет остановлен, можно возлагать на очередную «либерализацию», наподобие той, которая происходила в 2008-2010 гг. Но, во-первых, даже в этот период она носила половинчатый, косметический характер, в определенных аспектах уровень давления на гражданское общество в этот период существенно не снижался. Во-вторых, известно, чем этот период кончился – даже робкое дозволенное оживление гражданского общества власть посчитала в перспективе прямой опасностью для себя.

В этом смысле Беларусь ничем не отличается от других стран, прошедших этим тернистым путем: только то, что завоевано самим обществом, что власть не смеет у общества отобрать, есть достояние гражданской свободы.

1 Токвиль Алексис де, Демократия в Америке – Москва: Весь мир, 2001, 560 с.
2 Федералист. Политическое эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея – Москва: Прогресс, 1993 , 570 с.
3 Энкарнасьон О., Миссионеры Токвиля, Русский журнал, 20.02.2001
4 Mauser Gary A. Political Marketing: an approach to campaign strategy – New York, Praeger, 1983, 304 с.
5 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах – Москва.: Прогресс-Традиция, 2004, 480 с.

Юрий ЗИССЕР

Интернет в Беларуси и демократия

Технологические предпосылки

Уровень проникновения интернета в Беларуси постоянно растет. К сожалению, массовых полевых исследований о белорусском интернете проводилось немного, выполнены они по совершенно различным методикам, отчего их результаты сильно разнятся. В одних исследованиях пользователем интернета считается тот, кто хотя бы раз в три месяца (или полгода) вышел в интернет, в других исследуется месячная аудитория, в третьих – ежедневная. Одни исследования опираются на городскую аудиторию старше 16, другие – на все население. Наконец, в отсутствие полевых исследований в СМИ часто публикуются различные неполевые исследования, построенные либо на анализе данных интернет-провайдеров о числе подключений к интернету (Министерства связи и информатизации РБ, Международного союза электросвязи ITU), либо на исследовательских интернет-панелях (Gemius, НИСЭПИ, НОВАК, Alexa) или счетчиках (Мерник, Акавіта, LiveInternet).

Так, количество пользователей интернета в Беларуси в марте 2012 г. по данным исследовательской компании Gemius составило 4,29 млн. человек, по данным Национального статистического комитета Беларуси в конце 2011 г. – 6,80 млн. человек, а по данным ООН на тот же период – 32%, или 3,1 млн. человек, считая население Беларуси равным 9,4 млн. В то же время по данным Национального статистического комитета в мае 2012 г. уровень проникновения интернета в Беларуси составил 39,6% населения. (Все приведенные выше данные взяты из раздела «Цифры» посвященного информационным технологиям сайта IT.TUT.BY, там же указаны ссылки на первоисточники).

Разнобой методик и цифр не позволяет с высокой степенью достоверности судить об этом важнейшем индикаторе уровня развития информационного общества. К сожалению, объем данной публикации не позволяет сделать полный обзор этих исследований, да и устаревают данные слишком быстро. Однако можно сделать вывод о том, что уровень проникновения интернета среди всего населения, включая грудных младенцев и стариков, существенно выше 40%, среди населения 16+ – свыше 50%, а в крупных городах, где старшие школьники практически поголовно пользуются интернетом, уровень еще выше.

Конечно, Беларусь еще с советских времен была развитой в плане компьютерных технологий. Однако о начале влияния информационных технологий на белорусское общество можно говорить лишь с начала XXI века, когда интернет, компьютеризация и всеобщая «мобилизация» стали преображать как наши бытовые привычки (в том числе общения), так и бизнес-процессы, что и знаменует начало информационного общества.

Во-первых, быстрый рост уровня жизни белорусов, с одной стороны, и удешевление компьютерной техники, с другой, сделали персональные компьютеры по-настоящему доступными и положили началу массовому приобретению компьютеров предприятиями, а затем и населением. По данным Минстата РБ, если в 2000 г в Беларуси на 100 семей приходилось два компьютера, то уже в 2007 г. — 26, причем в семьях с детьми до 18 лет — 40, а в мае 2012 г. – 46,4.

Во-вторых, плавное, но регулярное удешевление доступа в интернет уже к 2005-2006 гг. сделали доступ в интернет доступным подавляющему большинству населения и 100% предприятий, а примерно к 2009 г. не осталось белорусов, которые не в состоянии себе позволить доступ в интернет, месячный тариф на который упал примерно до 5% размера среднемесячной пенсии. В настоящее время ввиду девальвации 2011 г. при сохранении цен практически неизменными стоимость доступа в интернет относительно доходов населения упала еще ниже.

В-третьих, трудно переоценить вхождение в нашу жизнь услуг мобильной связи. Удешевление услуги привело в мобильный мир миллионы белорусов, а практически все новые услуги операторов мобильной связи (GPRS, 3G, 4G, LTE и т.д.) основаны на мобильном интерне-

те. По данным исследовательской компании Gemius, доля мобильных пользователей среди общего числа пользователей интернета в декабре 2011 г. составила 11,36%, но в последнее время ввиду вызванного льготной ценовой политикой операторов связи массового перехода абонентов мобильной связи на смартфоны она стала быстро увеличиваться. Так, в июле 2012 г. доля мобильных пользователей портала TUT.BY составила около 15%, в то время как годом ранее она находилась в целом в пределах 5%.

«Новая экономика»

Перечисленные выше предпосылки начиная с 2000 г. позволили осуществиться следующим поворотным событиям, давшим старт вхождению Беларуси в информационное общество:

1. Появление белорусских предприятий «новой экономики» (интернет-компаний), продукцией которых являются информационные услуги в чистом виде, предоставляемые через интернет: электронные торговые площадки, платежные системы, веб-сайты, порталы, электронная почта, информационно-поисковые системы, электронные каталоги (предприятий и организаций, экспортеров и т.п.), а также начало частичного перехода бизнеса предприятий традиционной экономики в электронную форму: электронные магазины, системы поддержки дилерских сетей и предварительного заказа продукции через интернет, корпоративные сайты, продажа билетов через интернет и т.д.

2. Появление в Беларуси медиа, распространяемых исключительно через интернет: сайты новостных агентств, RSS-подписки, а также интернет-газеты в виде электронных почтовых рассылок (например, «Ежедневник»). В настоящее время ежедневные бумажные газеты как источник новостей прочно уступили свою роль новостным сайтам, получившим преимущество как из-за скорости появления новостей, так и благодаря более широкому спектру представленных в них мнений и точек зрения и возможности обмена мнениями о прочитанном с другими читателями, а также простоты обратной связи: темы для многих актуальных новостей все чаще присылаются в редакции сайтов самими читателями.

3. Распространение самообслуживаемых web2.0-сервисов, контент которых формируется самими пользователями: форумы, блоги, чаты, личные сайты, сервисы знакомств, поиска работы, фото– и видеохостинги и т.п. Сервисы интернет-общения стали играть важную социально-коммуникативную функцию, позволяя пользователям не только распространять информацию, но и обсуждать ее. К сожалению (и одновременно к счастью), многие события сегодня становятся известными только благодаря их появлению в социальных сетях. Следует также отметить особое место программы Skype, позволившей осуществлять междугородные и международные звонки бесплатно или за небольшие деньги в любые страны мира.

4. Появление услуги мобильного интернета, позволяющей белорусам пользоваться интернетом в любой точке Беларуси, а для самых обеспеченных – и в других странах мира. Данная услуга «отвязала» пользователей от «большого» компьютера и квартиры, позволяя потреблять интернет-услуги в той точке мира, где они находятся в данный момент, и с того технического устройства (ноутбука, мобильного телефона, планшета и т.д.), которое у них под рукой. Теперь интернетом можно пользоваться на лекции, в курилке, на даче, на улице, в транспорте (и, к сожалению, даже за рулем).

5. Появление сайтов всех органов государственной власти и управления, а также подавляющего большинства предприятий, организаций, учреждений. Кроме того, интернет стал играть заметную роль в коммуникации как внутри предприятий, так и между ними, сделав ненужными или модифицировав целые пласты корпоративных коммуникаций: селекторные и производственные совещания, командировки, выставки, конференции семинары, тендеры и т.д. Их место полностью или частично заняли системы управления предприятием, видеоконференции, вебинары, электронные биржи и доски объявлений о товарах и услугах.

6. Распространение интерактивного интернет-телевидения, так называемого IPTV, или TV on demand, когда пользователь имеет возможность смотреть любые телепрограммы по десяткам и сотням телеканалов в то время, которое для него удобно, преодолевая ограничения сетки вещания. Особенно преуспело во внедрении услуги IPTV РУП «Белтелеком», сообщив, что число абонентов сервиса ZALA на

июль 2012 г. превысило 0,5 млн. человек, притом люди стоят в очереди на подключение, и национальный оператор электросвязи не успевает обработать все заявки из-за высокого спроса на услугу. Учитывая, что телевизор обычно смотрит вся семья, легко прийти к выводу о том, что охват населения Беларуси услугами интернет-телевидения превышает 1 млн. человек.

7. Интересный социальный феномен являет собой наша отрасль программирования. Беларусь занимает 13-е место в мире по объемам оффшорного программирования, а 4 компании из ТОП-100 лучших софтверных компаний мира – белорусские. В феврале 2012 г. впервые в истории белорусская компания разместила акции на Нью-йоркской фондовой бирже, и это был не флагман материального производства, а частная компания EPAM Systems – крупнейший разработчик ПО в Центральной и Восточной Европе со штатом свыше 7000 IT-специалистов, большая часть которых живет и работает в Беларуси. Свыше 100 предприятий, входящих в Парк высоких технологий, экспортируют белорусское программное обеспечение на четверть миллиарда долларов, причем эта сумма почти целиком являет собой добавленную стоимость, так как материальные затраты в отрасли практически отсутствуют. Сегодня в Беларуси по разным оценкам трудятся около 30 тыс. программистов, тестировщиков, системных администраторов, системных аналитиков и других IT-специалистов, которые представляют собой все более заметный социальный феномен в силу своей приверженности интернету и свободной экономике с одной стороны и довольно высокой степени аполитичности с другой.

Причем в ближайшие годы и десятилетия белорусская IT-отрасль в силу многих причин будет только расти, расширяя свое влияние на другие слои общества и делая белорусскую экономику более соответствующей реалиям XXI века. Характерно, что эта отрасль почти полностью частная. Соответственно, царящие в ней новые экономические отношения могут привести и к сдвигу в экономических ценностных ориентациях многих белорусов и соответственно большей внутренней степени их демократичности.

Таким образом, компьютеризация и интернет начали преображать жизнь белорусского общества. И хотя ежедневное использование ком-

пьютеров и интернета в быту и по-настоящему широкое использование интернета пока не стало настолько же массовым явлением, как, например, мобильная связь, стало возможно говорить о зарождении информационного общества в Беларуси.

Нередко интернет воспринимается как медиа. Действительно, интернет коренным образом изменяет способы доставки новостей читателям. Рост использования цифрового контента среди населения носит взрывной характер, что хорошо видно из табл.1, иллюстрирующей интерес посетителей белорусского портала TUT.BY к титульной странице этого портала, основное содержание которой – заголовки свежих новостей.

Таблица. 1. Среднесуточное число загрузок титульной страницы белорусского портала TUT.BY

Год	**12'00**	**12'01**	**12'02**	**12'03**	**12'04**	**12'05**	**12'06**	**12'07**	**12'08**	**12'09**	**12'10**	**12'11**	**05'12**
Тыс. загрузок	7	20	25	50	120	175	250	390	700	1000	1300	1600	2100

В то же самое время тиражи большинства отечественных бумажных СМИ, особенно ежедневных, на протяжении последних 15 лет ежегодно падают на 10-15%, что, впрочем, отражает общемировую тенденцию: никому не нужны вчерашние новости. Да и весь мир стал меньше читать, но больше ездить и видеть жизнь своими глазами.

Вполне естественно возникает вопрос о влиянии интернета на происходящие в стране общественно-политические процессы.

Государство, демократия и интернет

В последние годы всюду много говорится о важнейшей, если не решающей роли интернета в борьбе за демократию. Все СМИ мира наперебой восхищаются «революциями через социальные сети», невзирая на тот факт, что в странах, в которых произошли революции, уровень проникновения социальных сетей в обществе был ничтожным (несколько процентов населения или даже несколько десятков граждан).

В итоге правительства многих стран, включая не только тоталитарные, но и самые что ни на есть развитые и считающиеся образцовыми в плане демократии, стали бояться интернета и под благовидными предлогами вроде борьбы с порнографией и терроризмом пытаться ограничить его в той степени, в которой им позволяет это сделать общественное мнение этих стран.

Так, действующая Директива Европейского Союза о киберпреступности предписывает хранить серверные логи (протоколы действий пользователей в инетрнете) в течение двух лет и выдавать их по требованию правоохранительных органов, а в последнее время обсуждается возможность продлить срок хранения до пяти лет. В ЕС, США, России интернет-провайдеры обязаны обеспечить доступ своих спецслужб к данным, передаваемым по телекоммуникационным сетям общего пользования. Во Франции давно существует регистрация интернет-сайтов, а при признании факта нарушения французского законодательства каким-либо не зарегистрированным в этой стране (например, зарубежным) сайтом интернет-провайдеры осуществляют его фильтрацию. В Российской Федерации принят закон о регулировании интернета, дающий потенциальную возможность на законном основании включить в «черный список» любой неугодный властям сайт.

«Черный список», в котором содержатся миллионы порнографических и экстремистских сайтов, уже много лет действует в Австралии, из-за чего эта страна давно состоит в «Списке стран, находящихся под наблюдением» правозащитной журналистской организации «Репортеры без границ». Та же организация ежегодно публикует «Списки стран – врагов интернета», в котором уже много лет числятся Северная Корея, Мьянма, Туркменистан, Узбекистан, Китай. В отдельные годы, включая текущий 2012 г., в этом списке фигурировала и Беларусь. Автор этой статьи многократно заявлял, что не считает справедливым присутствие нас в этом списке, т.к. в указанных странах фильтруются миллионы сайтов, запрещено использование SSL, за использование прокси-сервера вызывают на допрос в спецслужбы, а сайт, с утра разместивший антипрезидентское высказывание, после обеда навсегда исчезает с «горизонта». Наше настоящее место – в «списке стран, находящихся под наблюдением», вместе с Австралией и многими други-

ми странами с различными ограничениями интернета. Тоже не лучшее место, конечно.

В нашей стране интернет регулируется Указом Президента Республики Беларусь № 60 от 1 февраля 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» и вытекающими из него подзаконными актами, которые не являются угрозой свободе слова. У любого белорусского интернет-пользователя есть возможность получить доступ к любым сайтам, находясь в любой географической точке. Ограничения действуют только в госучреждениях, учреждениях образования и культуры. Пользователи активно читают альтернативные источники информации, обсуждают и распространяют публикуемую там информацию через социальные сети.

Однако изредка белорусские пользователи сталкиваются с не предусмотренными никакими законодательными актами странностями поведения интернета, приводящими к ограничению свободного доступа к информации, как то: фильтрация не угодных чиновникам сайтов; спорадическое перекрытие соединяющих страну с остальным миром отдельных видов внешних коммуникаций (протоколов обмена данными); подсовывание пользователям фальшивых сайтов вместо настоящих; искусственное замедление передачи данных (шейпинг трафика) с неугодных сайтов, а также другие технические трюки, абсолютно никак не влияющие на государственную безопасность. Напротив, демонстрация попытки обмана граждан со стороны государства лишь вызывает негодование пользователей и делает их врагами власти.

Кроме чисто технических мероприятий, попытки пресечь распространение неугодной информации распространяются и на ее источники. Так, неоднократно имели место случаи уголовного преследования белорусских пользователей интернета с вынесением им судебных приговоров, предусматривающих тюремные сроки. Бывали и обыски в редакциях неугодных информационных сайтов с бессрочным изъятием принадлежащего им оборудования «на экспертизу» под предлогом «поиска противоправной информации». Подобные факты свидетельствуют о страхе власти перед информационными возможностями интернета.

Попробуем понять, насколько обоснован этот страх, равно как и надежда политических и общественных групп с помощью интернета изменить ситуацию в стране.

Революции через социальные сети: мнения экспертов

В ноябре прошлого года в Вене состоялась очередная конференция future.talk, которую ежегодно, начиная с 2001 г., проводит Telekom Austria Group. Тема конференции, как явствует из ее названия – разговоры о будущем. В переполненном зале поместились около 1500 менеджеров крупных компаний и журналистов. Спикерами future.talk выступили известные эксперты, ученые, влиятельные персоны из мира технологий, медиа, политики и др.

В двухчасовой дискуссии, происшедшей в рамках конференции, приняли участие известные европейские эксперты:

- Сэр Тим Бернерс-Ли, изобретатель Всемирной паутины, профессор Саутгемптонского университета, Великобритания;
- Ханнес Аметсрайтер, генеральный директор Telekom Austria Group, Австрия;
- Анке Домшайт-Берг, эксперт Open Government Initiative, Германия;
- Виктор Майер-Шонбергер, профессор Оксфордского университета, эксперт по законодательству в области СМИ и интернета, Великобритания (уроженец Австрии);
- Антониа Радос, тележурналист RTL, политолог, обладательница Германской ТВ-премии и австрийской ТВ-премии Romy, Австрия.

Развернувшаяся дискуссия, в конце концов, затронула и революции через интернет.

«В Египте я разговаривал с инженером», – вспоминает сэр Бернерс-Ли. – «Во время революции Египет отключили от сети. И тогда местные программисты и инженеры запустили ретранслируемый чат (relay chat) – систему коммуникации между компьютерами по обычным проводным телефонным сетям, основанную на технологиях тридцатилетней давности. Значит, мы не должны воспринимать интернет как нечто само собой разумеющееся. Это мы сами его создаем и развиваем, и потому он особо ценен таким, какой он есть».

Британский ученый отметил, что технологии могут использоваться для репрессий. Так, в Египте людей арестовывали за их сообщения. Государство может определить местонахождение своего гражданина еще

до того, как он отправит «твит» с мобильного телефона. Но все же из-за децентрализации в конце концов интернет работает не на репрессивные правительства, а на общество, считает профессор.

Недавние восстания интересны еще и тем, что они – первые, за которыми можно буквально наблюдать в реальном времени, отметили эксперты. Участники постоянно «постят» с места событий, рассказывают и публикуют фотографии. Раньше можно было лишь рассуждать о том, что такое истинно народное восстание и как оно проходит, а теперь всё отражается в реальном времени (а если брать разразившуюся в 2012 г. гражданскую войну в Сирии, то без интернета и мобильной связи мир бы, пожалуй, не имел видеосвидетельств этой войны). Конечно, интернет – источник не только новостей и официальной информации, но также сплетен и слухов. Но в интернете появляется и информация, которая иначе не стала бы достоянием общественности.

Несколько минут эксперты хором обсуждали, нужно ли правительствам выключать интернет в критических ситуациях. Один из экспертов рассказал о своей встрече с известным египетским блогером. По его словам, когда страну отключили от интернета, часть пользователей вышла на улицы просто для того, чтобы узнать новости. Это увеличило число людей на площади Тахрир и придало толчок массовым выступлениям, закончившимся революцией.

«Китай в какой-то момент принял решение отсоединить страну от интернета, но потом пришло понимание, что это обходится дороже самой стране, и все вернули обратно. Милошевич во время войны и бомбардировок принял решение не отключать интернет, поскольку он ему самому был нужен для информационной войны. Египет оказался перед таким же выбором, отключил интернет – и быстро проиграл, как видим», – заключил один из экспертов.

Интернет всего лишь дает свободу общения и выражения тем, у кого нет власти. А власти нет у 95% населения. В Египте уровень проникновения интернета 6%, в Сирии – 5%. Некоторые западные журналисты окрестили массовые беспорядки 2009 г. в Кишиневе twitter-революцией, в то время как на тот момент в данной социальной сети было зарегистрировано всего несколько десятков жителей Молдовы, а twitter–трансляцию штурма парламента вела западная журналистка.

Аналогично, и в Египте бывшие в стране в то время очевидцы полагают, что интернет вообще не сыграл никакой роли, поскольку ввиду его ничтожного проникновения главным форматом массового общения мусульман вообще и главным поставщиком людей на площадь Тахрир в частности были собрания верующих после традиционной пятничной молитвы. Таким образом, роль интернета в революциях, мягко говоря, сильно преувеличена журналистами.

«Сам по себе интернет не может организовать революцию», – считает поработавшая в арабских странах непосредственно в дни революций известная австрийская тележурналистка Антониа Радос. – «Для революции требуется еще очень многое: озлобленность, усталость, протестный потенциал. Приходится также констатировать, что в соперничестве между веб-страницей и автоматом Калашникова победителем всегда выйдет последний», – наконец обобщила журналистка под смех и аплодисменты зала.

Влияние интернета на политические взгляды

Как известно, граждане Беларуси охотно размещают и потребляют в интернете информацию, которая из-за самоцензурных ограничений сегодня не попадает в зарегистрированные СМИ. Многие полагают, что таким образом интернет способствует демократизации белорусского общества. Во многом благодаря этому интернет для белорусов стал символом общественного прогресса, а многие инициативы белорусского гражданского общества сегодня могут развиваться только в интернете.

Чтобы понять, так ли это, или не так (а возможно, не вполне так), в данной статье исследуется зависимость мнений граждан Беларуси по различным вопросам общественной и политической жизни страны от частоты использования ими доступа в интернет.

В качестве исходных использовались данные НИСЭПИ, полученные в ходе национальных опросов за последние 10 лет.

Если результаты опросов 2003 г. касательно интернета широко разошлись по белорусским СМИ, то в последующие годы национальные опросы, касающиеся интернета, в стране почти не проводились. Лишь в последние годы стали публиковаться результаты исследований Министер-

ства связи и информатизации РБ, Международного союза электросвязи, НИСЭПИ, Лаборатории НОВАК, ЦСБТ САТИО по уровню проникновения интернета в Беларуси и выявляться наиболее популярные среди белорусов сайты и торговые марки различных стран. Однако после 2003 г. не исследовалась зависимость мнений респондентов по общественно-политическим вопросам от степени их вовлеченности в интернет. Данный текст представляет собой попытку восполнения этого пробела.

Результаты кросс-корреляционного анализа трех ключевых вопросов, свидетельствующих о демократическом или авторитарном выборе опрашиваемых в зависимости от использования ими доступа в интернет, сведены в четыре таблицы.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос: «В каком направлении, по Вашему мнению, развивается положение вещей в Беларуси?» в 2003-2012 гг. у пользователей и непользователей интернета, % *

Группы респондентов по годам	**В правильном направлении**	**В неправильном направлении**
2003		
Пользователи (17.1)	17.6	74 (+46***)
Непользователи (82.9)	22 (+ 25 против 17.6**)	61.3
Все опрошенные	21.0	50.6
2006		
Постоянные пользователи (14.7)	33.5	52.8 (+102)
Все пользователи (27.7)	37.8	48.8
Непользователи (71.6)	62.2 (+86 против 33.5)	26.1
Все опрошенные	56.9	31.0
2009		
Постоянные пользователи (28.2)	35.1	47.8 (+11.6)
Все пользователи (38.2)	36.1	45.3
Непользователи (61.1)	63.9 (+82 против 35.1)	22.1
Все опрошенные	53.3	31.0
2012		
Постоянные пользователи (42.8)	22.4	65.9 (+79.0)
Все пользователи (54.7)	22.6	65.1
Непользователи (44.4)	50.9 (+127% против 22.4)	36.9
Все опрошенные	35.4	52.5

**Эта и следующие таблицы читаются по горизонтали.*
*** Знак плюс и число в скобках означают, что указанное в поле таблицы значение для непользователей превышает соответствующее значение для постоянных пользователей на указанное число процентов (не процентных пунктов). Далее стоит слово «против» и указано значение, относительно которого рассчитан процент. Для 2003 г. в связи с отсутствием данных о постоянных пользователях берется общее число пользователей.*
**** Знак плюс и число в скобках означают, что указанное в поле таблицы значение для постоянных пользователей превышает соответствующее значение для непользователей на указанное число процентов (не процентных пунктов). Для 2003 г. в связи с отсутствием данных о постоянных пользователях берется общее число пользователей.*

Во всех приведенных ниже таблицах к постоянным пользователям отнесены те, кто пользуется интернетом по крайней мере один раз в неделю. Под пользователями понимаются все респонденты, пользующиеся интернетом хотя бы несколько раз в год.

Из табл.2 видно, что на протяжении периода наблюдений разрыв между оптимистами и пессимистами по отношению к положению дел в стране растет. Если в 2003 г. пессимистов среди пользователей интернета было лишь на 25% больше, чем среди непользователей, то уже в 2006 г. их было на 86% больше, в 2009 г. – на 82% больше, а в 2012-м – на целых 127%, или в 2,27 раза больше пессимистов, чем среди непользователей. Это может свидетельствовать о преимущественном пополнении аудитории интернет-пользователей за счет граждан, критично настроенных по отношению к положению вещей, существовавшему на момент опроса.

Таблица 3. Ответы респондентов на вопросы «Доверяете ли Вы независимым СМИ?», «Доверяете ли Вы президенту?» и намерения голосовать за А. Лукашенко на президентских выборах у пользователей и непользователей интернета, %

Группы респондентов по годам	**Доверяете ли Вы независимым СМИ?**		**Доверяете ли Вы президенту?**		**За кого будете голосовать, если выборы завтра?**
	Доверяю		**Доверяю**	**Не доверяю**	**За А. Лукашенко**
2003					
Пользователи (17,1)	57.1	32.2	17.2	69.9	-*
Непользователи (82,9)	41.2	34	36.9	42.4	-
Все опрошенные	43.0	33.2	33.1	47.2	-
2006					
Постоянные пользователи (14,7)	51.2	37.8	34.6	56.2	27.3

Группы респондентов по годам	Доверяете ли Вы независимым СМИ?		Доверяете ли Вы президенту?		За кого будете голосовать, если выборы завтра?
	Доверяю		Доверяю	Не доверяю	За А. Лукашенко
Все пользователи (27.7)	47.3	40.3	38.3	50.2	29.1
Непользователи (71.6)	33.1	50.5	69.4	22.6	62.8
Все опрошенные	37.0	47.6	60.8	30.3	55.4
2009					
Постоянные пользователи (28.2)	32.2	52.7	26.7	58	16.4
Все пользователи (38.2)	33.2	51.2	29.9	54.3	17.9
Непользователи (61.1)	26.6	52.1	61.0	26.6	52.4
Все опрошенные	29.1	51.9	49.2	37.2	39.3
2012					
Постоянные пользователи (42.8)	37.2	42.9	25.7	62.2	20.7
Все пользователи (54.7)	38.2	42.5	28.2	61.3	23.5
Непользователи (44.4)	29.4	50.5	59.4	32.8	48.1
Все опрошенные	34.3	46.1	42.2	48.4	34.4

*** Вопрос в соответствующем опросе не задавался.*

На сей раз между пользователями и непользователями интернета пролегла самая настоящая пропасть относительно доверия президенту. За исключением 2003 г. налицо очень глубокий – 2-2,5-3–кратный – разрыв мнений между пользователями и непользователями, причем на протяжении периода наблюдений этот разрыв неуклонно возрастает. При этом доверие к президенту синхронно падает как среди пользователей, так и среди тех, кто интернетом не пользуется, и в опросе 2012 г. число не доверяющих президенту снова, как и в 2003 г., превысило число тех, кто президенту доверяет.

Немало удивила левая половина таблицы. Казалось бы, между поклонниками и противниками действующего президента должна быть существенная разница в восприятии источников информации, представляющих руководителя государства преимущественно в негативном ключе. Однако данные табл. 3 противоречат этому. Степень доверия независимым СМИ у пользователей и непользователей интернета различаются всего лишь в пределах 25%, или на 12 процентных пунктов, а в

2009 г. различия были и вовсе статистически незначимы. Это говорит о том, что опрошенные независимо от их приверженности интернету и доверии действующему президенту достаточно хорошо ориентируются в отечественной медиасреде и с равной степенью критики относятся к достоверности информации, публикуемой в независимых СМИ. С другой стороны, уровень доверия независимым СМИ сам по себе невысок, что можно объяснить как государственной пропагандой, так и невысоким качеством журналистики в независимых СМИ, объясняющейся их тяжелым финансовым положением, а также трудностями работы в них, которые не каждый журналист готов принять. Кроме того, в будущем было бы интересно сравнить полученные цифры с уровнями доверия СМИ в разных странах, чтобы можно было делать выводы об уровне доверия СМИ. Это тема отдельного исследования.

В итоге данные табл. 3 опровергают сразу три мифа:

первый – о том, что поклонники Александра Лукашенко считают намного менее достоверной информацию, размещаемую в независимых СМИ, нежели противники действующего президента;

второй – что риторика государственных СМИ, направленная на дискредитацию независимых СМИ, имеет решающее значение в формировании мировоззрения тех, кто интернетом не пользуется и потому «не знает правды». На самом деле результаты в табл.3 демонстрируют, что «пятиминутки ненависти» на государственных телеканалах и особенно разоблачения и обвинения независимых СМИ во лжи действуют лишь несколько более эффективно (в пределах максимум 25%) в отношении тех, кто интернетом не пользуется. К сожалению, не представляется возможным проверить, связано это с тем, что пользователи интернета получают альтернативную информацию, или с тем, что они в целом более критично воспринимают любую информацию. Надо также учитывать, что многие (не все, конечно) пользователи интернета перестали в прежних количествах смотреть телевидение, слушать радио и читать прессу. Отчуждение от классических СМИ растет буквально с каждым месяцем, причем это происходит во всем мире. Таким образом, время, проводимое пользователями интернета за потреблением СМИ, падает вместе с дозами идеологически «выверенной» информации и, следовательно, влияние СМИ на пользователей интернета заведомо ниже, чем на тех, кто интернетом не пользуется. В итоге разница между доверием

к независимым СМИ у пользователей и непользователей имеется, но она не слишком велика;

третий миф – о том, что пользователи интернета некритично воспринимают информацию, публикуемую на независимых интернет-сайтах. Дело в том, что часть респондентов вряд ли отдавала себе отчет в том, какие источники информации относятся к СМИ, а какие нет, т.к. в вопросе о СМИ не было оговорки «за исключением интернет-сайтов, не имеющих аналогичной печатной или аудиоверсии». Следовательно, в ответах пользователей интернета должна быть весомой доля респондентов, которые к независимым СМИ ошибочно причислили популярные интернет-сайты. Многие граждане полагают, что любые информационные сайты (например, TUT.BY) относятся к СМИ, хотя это не так ни по существу, ни по закону. Если предположить, что доля пользователей интернета, ошибочно причисливших в своих ответах интернет-сайты к СМИ, весома, то разница в ответах в оценке доверия независимым СМИ между пользователями и непользователями интернета и вовсе уменьшается. Впрочем, данное предположение автора спорно и уязвимо для критики, поскольку основано на целом ряде предположений, и требует дальнейших проверок.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о не слишком высокой эффективности усилий государственной пропаганды, ведущейся против независимых СМИ, а также о том, что доверие к независимым СМИ не кардинально зависит от того, пользуется ли респондент интернетом.

Любопытно, почему некоторая часть респондентов, доверяющая президенту, тем не менее, не собирается голосовать за А. Лукашенко на выборах. Из сопоставления третьей колонки («Доверяю президенту») и последней, пятой колонки цифр видно, что таких респондентов наблюдается от 10% до 20% (5-10 процентных пунктов). Причем разрыв наблюдается как у пользователей интернета, так и у тех, кто интернетом не пользуется, хотя заданные им вопросы по сути весьма близки. Такой разрыв нельзя объяснить погрешностью полевых исследований. По-видимому, указанным образом на данные вопросы ответила та часть респондентов, которую в принципе устраивает нынешняя власть, но не устраивает личность Александра Лукашенко.

Для того чтобы тщательнее изучить зависимость изменения доверия президенту во времени, была сделана уточняющая выборка по годам. Результаты приведены в табл.4.

Таблица 4. Ответы пользователей и непользователей интернета на вопрос: «Доверяете ли Вы президенту?», %

Группы респондентов по годам	Доверяете ли Вы президенту?	
	Доверяю	**Не доверяю**
2003		
Пользователи (17.1)	17.2	69.9
Непользователи (82.9)	36.9	42.4
Все опрошенные	33.1	47.2
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	8.7	17.0
2004		
Пользователи (14.7)	26,7	61.3
Непользователи (84.3)	46.4	37.4
Все опрошенные	43.2	40.9
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	9.0	22.0
2005		
Все пользователи (20.4)	32.9	48.9
Непользователи (70.9)	57.7	29.5
Все опрошенные	53.7	32.7
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	12.5	30.5
2006		
Все пользователи (27.7)	38.3	50.2
Непользователи (71.6)	69.4	22.6
Все опрошенные	60.8	30.3
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	17.4	45.8
2007		
Все пользователи (26)	33.2	48,9
Непользователи (73.4)	56.5	31.6
Все опрошенные	50.2	36.4
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	16.9	34.8
2008		
Все пользователи (38,1)	30.4	56.5
Непользователи (61,5)	56.1	30.4

Группы респондентов по годам	Доверяете ли Вы президенту?	
	Доверяю	Не доверяю
Все опрошенные	46.1	40.3
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	25.1	53.3
2009		
Все пользователи (38.2)	29.9	54.3
Непользователи (61.1)	61.0	26.6
Все опрошенные	49.2	37.2
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	23.1	55.7
2010		
Все пользователи (50)	44.9	43.1
Непользователи (49)	65.6	24.7
Все опрошенные	55.0	34.1
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	41.6	64.5
2011		
Все пользователи (47.8)	20.3	69.0
Непользователи (51.3)	50.1	39.7
Все опрошенные	35.8	53.8
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	27.1	61.2
2012		
Все пользователи (54.7)	28.2	61.3
Непользователи (44.4)	59.4	32.8
Все опрошенные	42.2	48.4
Доля пользователей среди доверяющих и не доверяющих президенту	36.4	69.2

Ничего удивительного в том, что интернет осваивают все группы населения Беларуси, нет. Понятно, что обе группы пользователей – доверяющие и недоверяющие – постоянно пополняются за счет притока новых пользователей. Вопрос в темпах прироста этих групп.

И оппозиция, и власть свято уверены, что интернет – враг действующей власти. Согласно табл. 4, действительно, за 10 лет – с 2003 до 2012 г. – доля пользователей интернетом среди не доверяющих действующему президенту выросла в 4,07 раза – с 17% до 69,2%, что на первый взгляд соответствует этому мнению.

Однако из табл. 4 видно, что за тот же временной интервал доля интернетизированных поклонников президента тоже выросла в 4,18 раза – с 8,7% до 36,4%! Иными словами, она растет практически теми же темпами и даже чуть быстрее, чем доля его сторонников.

Это еще раз показывает, что все разговоры о том, что интернет настраивает людей против президента и способен влиять на априорные политические установки людей, беспочвенны. Интернет – такое же зеркало реальности, как и другие средства передачи данных. Зеркало, в котором каждый ищет и находит свою правду.

Таким образом, приходится заключить, что многократный рост числа белорусских интернет-пользователей на протяжении периода наблюдений не привел к пропорциональной «пессимизации» общества в целом в отношении действующего президента.

А теперь перейдем к мнениям респондентов по другим политически значимым вопросам.

Таблица 5. Ответы респондентов на вопросы о выборе между объединением с Российской Федерацией и присоединением к Евросоюзу у пользователей и непользователей интернета, %

Группы респондентов по годам	**Выбор между объединением с РФ и присоединением к ЕС**		**Голосование на гипотетическом референдуме о присоединении Беларуси к ЕС**
	РФ	**ЕС**	**За**
2003			
Пользователи (17.1)	-	-	75.1
Непользователи (82.9)	-	-	52.8
Все опрошенные	-	-	56.3
2006			
Постоянные пользователи (14.7)	35.8	48,3	57.6
Все пользователи (27.7)	35.8	50.0	55.6
Непользователи (71.6)	56.8	24.0	22.2
Все опрошенные	52.3	29.5	31.3
2009			
Постоянные пользователи (28.2)	20.2	66.8	68.2
Все пользователи (38.2)	21.2	65.2	63.4

Группы респондентов по годам	Выбор между объединением с РФ и присоединением к ЕС		Голосование на гипотетическом референдуме о присоединении Беларуси к ЕС
	РФ	ЕС	За
Непользователи (61.1)	48.9	28.6	32.0
Все опрошенные	38.3	42.7	44.1
2012			
Постоянные пользователи (42.8)	35.0	53.3	_
Все пользователи (54.7)	38.5	49.1	_
Непользователи (44.4)	57.7	23.0	_
Все опрошенные	47.0	37.2	

Данные табл. 5 не имеют четкого тренда во времени. Текущая популярность восточного и западного векторов внешней политики Беларуси определялась реалиями, действовавшими на момент исследования. Максимальная популярность прозападного пути имела место в 2003 г., когда его выбрали 57% опрошенных, в том числе целых 75% пользователей интернета. После этого Запад в исследуемый нами период уже никогда больше не привлекал белорусов настолько сильно, и уровень поддержки прозападного пути развития колебался в коридоре от 30% до 66%. Более подробно эта тенденция и ее природа рассматриваются в тексте Ю. Дракохруста в этой книге.

В то же время на всем протяжении периода измерений четко прослеживается поляризация взглядов: пользователи интернета предпочитают прозападный путь в два и более раза чаще тех, кто интернетом не пользуется. Как и в табл.3, это своеобразная идеологическая пропасть, во многом вызванная тем, что сам интернет пришел к нам с Запада и является его олицетворением и воплощением, начиная с самого языка, на котором записываются адреса интернет–сайтов и компьютерные понятия. Белорус, пользующийся западным сервисом и западными сайтами, пусть даже русифицированными, естественным образом лоялен Западу. Стоит ли этому удивляться? Причем не имеет значения, что из них первично – прозападная ориентация или пользование интернетом, тем более что данное исследование не позволяет устанавливать причинно-следственные связи, а позволяет лишь выявить корреляцию (взаимосвязь).

Характерно, что результаты в двух последних колонках различаются в пределах 1-3%, хотя вопрос задан по сути один и тот же. Незначительность различий можно объяснить погрешностью исследований.

Основные выводы

1. Исследование демонстрирует высокую корреляцию между демократическим выбором опрошенных и фактом использования ими интернета. Иными словами, пользователи интернета настроены гораздо более критически по отношению к белорусской власти и российскому внешнеполитическому вектору и более лояльны к Западу. Обратное тоже верно: граждане, не пользующиеся интернетом, более лояльны к действующей власти и России.

2. Частота демократического выбора в большинстве ответов пользователей интернета в среднем в 2-3 раза выше, чем в ответах тех, кто интернетом не пользуется. Причем это полярное соотношение с годами по мере проникновения интернета в белорусское общество мало изменяется и не зависит от степени доверия власти, которая сильно колеблется сама по себе в зависимости от внешних факторов, с интернетом не связанных (отношения с Россией и Западом, экономические трудности и т.д.).

3. Темпы прироста аудитории, лояльной президенту и аудитории, настроенной к нему негативно, практически совпадают на протяжении всего периода наблюдений.

4. Частота пользования интернетом среди пользователей сопряжена с несколько большей приверженностью демократическим ценностям, но отличия между респондентами, часто использующими интернет, и теми, кто пользуется им от случая к случаю, незначительны.

5. Общие результаты исследований (пользователи плюс непользователи) за 10-летний период наблюдений изменились не слишком значительно (на десятки процентов) по сравнению с приростом доли пользователей интернета более чем в 3 раза. Иными словами, происшедшее в считанные годы вхождение интернета в нашу жизнь семимильными шагами не слишком повлияло на мировоззрение белорусского обще-

ства в целом, что не позволяет сделать заключение о том, что интернет явился «демократизатором» белорусского общества.

6. Степень доверия белорусов независимым СМИ мало зависит от того, пользуются люди интернетом или нет.

7. В пятилетней перспективе в связи с замедлением роста рынка интернет-подключений выявленные закономерности не претерпят существенных изменений.

Проблемы и перспективы

Исследование выявило существенную корреляцию между демократическим выбором опрошенных и использованием ими интернета. Означает ли это, что между этими явлениями наличествует причинно-следственная связь? А если существует, то в какую сторону направлена?

В одной из первых аналитик НИСЭПИ по проблеме развития интернета (в 2003 г.) один из разделов назывался «Интернет как фактор демократизации». Сам заголовок подразумевал вывод о том, что интернет может быть движущей силой демократических процессов. Как демократы, так и представители власти, а также многие журналисты и сегодня уверены, что это так и есть.

Однако если бы интернет действительно был двигателем демократии, то по мере роста проникновения интернета белорусское общество в целом становилось бы все более демократичным, что нашло бы свое отражение в результатах опросов. Согласно приведенным данным, уровень проникновения интернета среди взрослого населения с 17% в 2003 г. вырос до 54,7% на март 2012 г., т.е. более чем в 3 раза за 9 лет.

В то же время результаты исследования свидетельствуют о том, что «интернетизация» не привела к существенному сдвигу результатов опросов в сторону демократизации. Более того, ориентация как пользователей, так и непользователей интернета сильно колеблется в зависимости от внешних факторов. Некоторая связь есть, но она носит далеко не линейный характер, а скорее вяло следует за проникновением интернета, претерпевая инверсии вплоть до возвращения к значениям предыдущих лет в зависимости от внешних обстоятельств, что не по-

зволяет говорить о корреляции. Очевидно, это следствие того, что интернет на самом деле не является «демократизатором», а лишь служит средством передачи данных (для чего, собственно, и предназначается).

Следует также отметить резкое замедление прироста аудитории белорусского интернета в последние несколько лет. Основная масса тех, кто хотел подключиться к интернету, уже подключились, а прирост в последние годы происходит в основном за счет детей. Это означает, что даже если косвенная связь между проникновением интернета и ростом демократических настроений и существует (хотя в настоящем исследовании мы ее не обнаружили), то с каждым следующим годом ее влияние на результаты опросов будет падать.

В итоге приходится делать вывод о том, что поддержка демократических ценностей в обществе не зависит от уровня проникновения интернета. Вывод для многих неожиданный и противоречащий распространенному мнению.

Впрочем, является ли он в самом деле неожиданным? Ведь интернет вовсе не является первой в истории информационной революцией. Исторически первой информационной технологией была наскальная живопись, которую затем сменили глиняные таблички, папирус, книгопечатание, пресса, телеграф, радио, телевидение и, наконец, мобильная связь. Ни одна из них сама по себе не сыграла демократизирующую роль, ограничиваясь ролью нового информационного посредника. По итогам исследования приходится констатировать, что и интернет в этом смысле не явился исключением.

Любопытно, что журналист и политолог из Стэнфордского университета Евгений Морозов в недавно изданной и весьма нашумевшей книге «The Net Delusion: Dark Sides of Internet Freedom» («Сетевые иллюзии: Темные стороны свободы в интернете») пришел к схожим скептическим выводам относительно интернета как инструмента демократизации. Более того, он отметил, что интернет может использоваться репрессивными правительствами и для подавления демократии.

Вспоминается двадцатилетие застоя в СССР (с середины 1960-х до середины 1980-х гг.). Не у всех были возможности послушать «вражьи голоса» («Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Би-Би-Си» и др.), почитать в самиздате А.Солженицына и по-

слушать магнитофонные пленки А. Галича, а многие люди и не подозревали об их существовании. В те времена казалось, что само знакомство людей с подобными источниками моментально сделает их противниками развитого социализма и приверженцами демократических перемен. Однако с конца 80-х все эти авторы и радиостанции свободно доступны любому белорусу, причем за слушание этих станций и чтение крамольных авторов больше не выгонят с работы и не посадят в тюрьму. Повлиял ли практически свободный доступ к информации на сегодняшние идеалы основной массы белорусов? Нет. Много ли белорусов слушает те же «Радио «Свобода» или Deutche Welle либо, по крайней мере, несколько раз в неделю посещает их сайты? Совсем немного. Следовательно, сама по себе информация (в том числе в интернете) не способна изменить мировоззрение человека и повлиять на его интересы.

На самом деле и демократичность, и «интернетизированность» являются следствиями первичных психических свойств индивидуума. Именно они изначально определяют демократический выбор человека. Последующее воспитание и опыт оказывают меньшее влияние, чем первичные психические свойства личности, одна из ведущих систем координат которой лежит в плоскости «страх–любопытство», где страх, пассивность и агрессия ведут личность к психологии рабства, подчинения и господства (причем это характерно как для условных рабов, так и для условных господ), а любопытство, активность и открытость к внешнему миру – к демократическому складу ума, взаимному уважению и кооперации. Окружение и общественное мнение играют важную роль, но они лишь до некоторой ограниченной степени способны влиять на врожденные свойства индивидуума и формировать стереотипы его поведения. Однако эта тема относится к сфере психологии личности и далеко выходит за рамки как социологии, так и сферы компетенции автора.

Так что, белорусское общество неспособно к демократизации? Конечно, способно в отдаленной перспективе. Однако причиной демократизации будет не интернет сам по себе, а фундаментальные изменения в окружающей действительности, прежде всего в экономических отношениях, которые будут развиваться, в том числе и благодаря развитию бизнеса в сфере информационных технологий.

Таким образом, несмотря на массовое проникновение интернета в белорусский социум, результаты исследований, демонстрируя весьма выраженную связь между демократическим выбором респондентов и использованием ими интернета, не подтверждают тезис о том, что информационные технологии и интернет делают общество более демократичным и способны заставить людей изменить свои убеждения. Скорее верно обратное: убеждения и ценности приводят людей в интернет, где они ищут и находят подтверждение своим жизненным установкам, благо в интернете есть колоссальный выбор источников информации и инструментов социальной коммуникации. Впрочем, в длительной (10 и более лет) перспективе дальнейшее развитие экономики, в том числе сферы услуг вообще и IT-отрасли в частности, может углубить новые экономические отношения и таким образом в конечном итоге повлиять на ценностные предпочтения белорусов.

Олег МАНАЕВ

Сотворение будущего Беларуси: роль независимых исследований

Специфика независимых исследований

Существует мнение, что за годы независимости в Беларуси ничего существенного не произошло, что страна «застряла» в прошлом, что это – своего рода «осколок СССР» в центре Европы. Следует признать, что для такого мнения есть основания, особенно, если сравнивать Беларусь с соседями, с другими пост-коммунистическими странами. Но все же, есть области общественной и профессиональной жизни, где перемены очевидны. Одна из них – развитие независимых социальных исследований, которые решают три важнейшие задачи:

- во-первых, объективно и профессионально изучая общество, они помогают его понять, объяснить его движущие силы и механизмы, его проблемы и достижения;
- во-вторых, на основе адекватного понимания, они предлагают решения важнейших проблем общества, сценарии и прогнозы его развития;
- в-третьих, изучая общество, они представляют все его голоса – не только голоса одобрения и поддержки, но также голоса, задающие вопросы, голоса, выражающие несогласие и даже протест.

Кардинальное отличие независимых исследований от традиционных академических и университетских исследований состоит не только в том, что их повестка дня определяется не столько «заказчиком» (в Беларуси – государством, поскольку они проводятся, как правило, за счет госбюджета в государственных учреждениях), сколько потребностями общества, но и в том, что полученное знание они адресуют не са-

мим себе, не правящей элите, а обществу – всему без исключений. Если говорить о первом в Беларуси независимом исследовательском центре НИСЕПИ, то, пожалуй, именно в этом и заключается его главное достижение за 20 лет.

Разумеется, речь идет не о физике или химии, биологии или математике, а о социальных науках – социологии, экономике, политологии, психологии, праве и др., главный объект которых – общество. Но общество – это не только социальные структуры и механизмы, законы и тенденции, макро– и микроэкономика. Это, прежде всего, люди, их реальная жизнь со своими заботами и проблемами, радостями и горестями, страхами и надеждами. Независимые исследователи стараются изучать общество не просто для того, чтобы понять его, получить новое знание, сделать доклад на научной конференции, опубликовать книгу, защитить диссертацию, а для того, чтобы, помочь людям понять самих себя, свою жизнь, сделать ее лучше.

Будущее как процесс

Рассматривая роль независимых исследований в контексте будущего Беларуси, следует разграничить понятие будущего как *объекта,* который существует за пределами настоящего (например, знаменитое хрущевское определение начала 1960-х гг.: «к 1980 г. советские люди будут жить при коммунизме, каждая семья будет жить в отдельной квартире») и как *процесса,* который уже идет. В первом случае обычно говорят о *приближении* к будущему (часто кажется, вот оно – «за углом», оно «нас ждет»), а во втором – о его строительстве или *сотворении* (отсюда расхожее выражение – «творить историю»).

Анализ будущего как процесса дает возможность выделить его основные элементы: субъекты (творцы), цели, средства, условия (контекст). Поскольку речь идет о человеческой деятельности (людях как субъектах этого процесса), самым важным и интересным представляется размышление *о средствах*. Конечно, средства сотворения будущего могут быть разные – сила (физическая, военная и п.), власть, деньги, но в современном мире главным средством становятся знания.

Будущее как объект («готовый продукт») мы не знаем, не можем знать, поэтому нередко пытаемся «заглянуть в него» или ждем когда «оно настанет». А вот *будущее как процесс* («готовящийся продукт») знать можно, поэтому мы и говорим «творить историю», *«сотворять будущее».*

Люди могут знать прошлое и настоящее. Прошлое может быть представлено в виде как материальных объектов, которые изучают палеонтологи, археологи, историки, так и идеальных объектов – представлений (идей, ценностей, традиций и пр.). Широко известен тезис о том, что «прошлое предопределяет будущее» (path dependency theory). Представители социальных наук в основном изучают настоящее. Его можно изучать как «наступившее будущее»: с точки зрения того, насколько сбылись ожидания (прогнозы) прошлого, а можно – как *«строительный материал» будущего:* с точки зрения того, что именно может сбыться. Ведь чего люди ждут – со страхом или надеждой – то чаще всего и происходит. Конечно, чем дальше в будущее заглядываешь, тем труднее его разглядеть, тем неопределеннее оценки и прогнозы. Поэтому мы не должны «отрываться» от настоящего ни «назад» (в прошлое), ни «вперед» (в будущее). *Обоснованные представления о будущем, вытекающие из настоящего, могут оказывать влияние на реальные социально-политические процессы.* Этот тезис – центральный в моих рассуждениях. Если его не принимать – тогда остается целиком полагаться на Божью волю, не проявлять собственную волю, не делать собственный выбор. Для большинства людей это неприемлемо (да ведь и Он сам дал нам свободу воли и выбора).

Сложная связь будущего и настоящего обуславливает еще одну, на первый взгляд, *парадоксальную функцию независимых исследований – не сотворение, а предотвращение будущего.* Конечно, я имею в виду нежелательное будущее, которое, по мере приближения, может негативно влиять на настоящее. Так, само по себе ожидание серьезных кризисов – природных или социальных – может порождать массовую панику и социальную дезорганизацию. В этом случае именно независимые исследования могут предотвращать наступление подобного будущего, даже эффективнее, чем правоохранительные органы или МЧС. Без преувеличений можно сказать, что *за двадцать лет своего развития независимые исследования создали уникальную систему «раннего социального*

оповещения» («early social warning system»), которая помогает властям, структурам гражданского общества и широкой публике распознавать (и при желании принимать соответствующие превентивные меры) проблемы, напряжение и конфликты, «зреющие» в белорусском социуме. Так, предвыборные прогнозы стали почти такими же привычными для публики, как и прогнозы погоды. Причем важно подчеркнуть, что *независимые исследователи действуют по принципу дополнительности, а не конфронтации с государством* (кроме всего прочего, они, как правило, не стоят государству ни копейки). К сожалению, нескончаемая череда конфликтов с государством, «пугающегося собственной тени», сводит эти уникальные возможности к минимуму.

Считается, что настоящее очевидно: вот оно, совсем рядом, его можно увидеть, часто даже потрогать («реальность, данная нам в ощущениях», как писал классик). На самом деле это далеко не так. Во-первых, *люди – разные, у многих, если не у каждого – своя реальность.* Как «привести их к общему знаменателю»? Во-вторых, в переходном обществе (а мы живем именно в таком обществе), действуют различные социальные субъекты, заинтересованные в продвижении «своих собственных реальностей», которые могут не совпадать ни друг с другом, ни с объективной реальностью. Например, власти могут воспринимать и продвигать одну реальность (в Беларуси это, в значительной мере, «реальность прошлого»), оппозиция – другую («реальность будущего»), а широкая публика – третью («причудливую смесь прошлого с будущим»). Таким образом, постоянная борьба между основными социальными субъектами может быть представлена как борьба между их «реальностями», точнее говоря, «презентациями этих реальностей». Некоторые из этих субъектов, обладая необходимыми ресурсами, стараются «сотворить» реальность, но гораздо чаще *предпочитают* просто *«интерпретировать», «упаковать» ее по-своему* и, пользуясь контролем над ресурсами, убедить окружающих, что эта реальность и есть «настоящая», «единственная». Именно поэтому независимые исследователи и аналитики вынуждены бороться за объективную реальность, нередко со всеми упомянутыми субъектами. В условиях переходного общества, в котором все эти реальности не только «перемешаны», но и переменчивы», «борьба за реальность» становится исключительно сложной, порой неблагодарной и даже опасной задачей.

Где же, как же люди могут получать знания о настоящем? Ответ кажется простым – конечно, из собственного опыта. Однако хорошо известно, что *собственного опыта для восприятия и понимания настоящего для большинства людей недостаточно.* Например, многие белорусы знакомы с ситуацией в сфере политики, когда «все наши знакомые голосуют за одно, а получается другое». Именно тут и открывается настоящая роль независимых социальных исследований, особенно в странах с авторитарным режимом, где политический лидер или группа устанавливают контроль над государством, а государство – над обществом. *Независимые исследователи в Беларуси – один из немногих социальных субъектов, которые могут увидеть «не интерпретированную, не упакованную» реальность, и показать ее остальным.*

«Между Сциллой и Харибдой»

Конечно, для этого *независимым экспертам самим нужно быть не «упаковщиками», а настоящими профессионалами.* На самом деле это нелегко. Не только потому, что стать настоящим профессионалом в любом деле нелегко. А прежде всего, потому, что независимые исследователи постоянно оказываются в ситуации не просто «давления среды» (т.е. ограничений или прямых репрессий со стороны государства), но и морального вызова. Многие из нас не раз слышали упреки от известных «борцов с режимом»: «Мы тут по тюрьмам скитаемся, а вы все исследуете и анализируете», а также непрекращающиеся призывы «стать на правильную сторону баррикад». Причем подобные призывы к «политической мобилизации» имеют в виду не столько личную гражданскую позицию исследователей (у большинства независимых экспертов она достаточно ясно выражена), сколько использование самих исследований (теоретических основ, методологии, результатов и т.п.) в политических целях (например, широко распространять выгодные результаты и скрывать невыгодные). Некоторые, не выдержав «давления среды», сдаются «на милость государства», другие, не выдержав морального вызова, встают на сторону оппозиции. И то, и другое неизбежно приводит к «аберрации зрения»: вместо настоящего (реальной действительности), эти эксперты начинают делать то же, что и политики – «*строить буду-*

щее из будущего», а не из настоящего, т.е. предлагать людям будущее, основанное на разнообразных «прожектах», на собственных интересах и ценностях. Незавидная судьба этих экспертов (как на научном, так и на политическом поприще) хорошо известна. Это, в свою очередь, неизбежно приводит к тому, что *большинство людей* (если мы говорим о политике, то не просто людей, а избирателей) *воспринимает их в лучшем случае как «чудиков», а в худшем как «чужих».*

Независимым белорусским исследователям нелегко работать в собственной стране. Затянувшееся «плавание между Сциллой и Харибдой» не проходит бесследно. Только за последние годы безвременно ушли в мир иной такие известные эксперты как Евгений Будинас, Валерий Дашкевич, Александр Потупа, Сергей Паньковский, Светлана Наумова, Виталий Силицкий, Ирина Бугрова – какие имена, какие идеи, какие дела!..

Сотрудники НИСЭПИ прочувствовали это, как говорится, на собственной шкуре. Уже много лет первый независимый исследовательский центр Беларуси институт юридически является литовским общественным учреждением, его издания стали литовскими изданиями, и даже юбилейная конференция, посвященная 20-летию института, вынужденно состоялась не в Минске, а в Вильнюсе. О том, что значит «проплывать мимо Сциллы», красноречиво говорит

«Хронология репрессий против НИСЭПИ: 20 лет борьбы за свободную мысль»

Февраль 1993	публикация в минской газете «7 дней», инспирированная КГБ и обвиняющая НИСЭПИ в «осуществлении за долларовую инъекцию социологического заказа ЦРУ, Интеллиженс сервис, Моссад, Бундеснахристендинст и других западных служб»
Июль 1995	публикация в газете белорусских коммунистов «Товарищ», обвиняющая НИСЭПИ и его директора проф. Манаева в работе на Фонд Сороса, который «под прикрытием благотворительности проводит гегемонистские установки правительства США и открыто занимается антигосударственной деятельностью»

Январь 1998	используя данные аналитического доклада НИСЭПИ о положении независимых СМИ, белорусские власти начали медиа-кампанию по обвинению института и проф. Манаева в «разработке бизнес-плана заговора оппозиции с целью захвата власти»
1998 – по н.в.	белорусские власти стали отказывать НИСЭПИ и БФМ в аренде (несмотря на предварительные согласования) помещений для проведения региональных семинаров, национальных и международных конференций
Март 2002	письмо из администрации президента с требованием «освободить занимаемые площади» в административном здании по ул. Московская, 18, где НИСЭПИ арендовал помещение в течение 7 лет
Сентябрь 2003	первое официальное предупреждение НИСЭПИ Министерством юстиции «О нарушении ст. 26 Закона «Об общественных объединениях» (за несоответствие юридического адреса фактическому)
Октябрь 2004	вызов проф. Манаева к министру юстиции по поводу нарушений НИСЭПИ Закона «Об общественных объединениях»
Ноябрь 2004	второе официальное предупреждение НИСЭПИ Министерством юстиции «О нарушении ст. 26 Закона «Об общественных объединениях» (за отказ предоставить копию заполненной анкеты опроса общественного мнения)
Ноябрь 2004	вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру по поводу проведения экзит-пола во время конституционного референдума в октябре 2004
Декабрь 2004	ночной обыск КГБ в офисе НИСЭПИ
Январь 2005	процесс «НИСЭПИ против Минюста» в Верховном Суде
Апрель 2005	ликвидация РОО «НИСЭПИ» Верховным Судом по иску Минюста по ст. 57 Гражданского кодекса

Август 2005	вызов проф. Манаева в Управление массовых мероприятий ГУВД г. Минска по поводу проведения брифинга НИСЭПИ в посольстве Литвы
Декабрь 2005	вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру и вручение первого официального предупреждения «О недопустимости нарушения Закона» (нарушение законодательства о выборах, ст. 167-3 Кодекса об административных правонарушениях).
Январь 2006	приостановление деятельности РОО «Белорусские фабрики мысли» Верховным Судом по иску Минюста
Июнь 2006	вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру и вручение второго официального предупреждения «О недопустимости нарушения Закона» (ст. 369-1 Уголовного Кодекса «Дискредитация Республики Беларусь», предусматривающая до двух лет лишения свободы).
Август 2006	ликвидация РОО «Белорусские фабрики мысли» Верховным Судом по иску Минюста
Апрель 2007	вызов проф. Манаева в Генеральную прокуратуру по поводу проведения научно-практической конференции «Беларусь и «большая Европа» и последующих публикаций в независимой прессе
Июль 2008	требование Комитета госконтроля проф. Манаеву «в течение 5-ти дней предоставить сведения о доходах и имуществе» за последние два года и предупреждение, «что при не исполнении настоящего предписания к Вам будут применены меры воздействия в соответствии с требованиями действующего законодательства РБ»
Октябрь 2009	требование Министерства по налогам и сборам проф. Манаеву «как руководителю ОО «Белорусские фабрики мысли» представить документы по деятельности организации, а также регистры бухгалтерского и налогового учета», несмотря на то, что данная организация была ликвидирована Верховным Судом по иску Минюста в августе 2006 г.

Май 2010	вызов проф. Манаева в Министерство по налогам и сборам «по вопросу соблюдения налогового законодательства с представлением соответствующих документов за период с 2000 г.»
Июнь 2010	руководство Белорусского государственного университета (в лице ректора академика Сергея Абламейко и проректора проф. Владимира Клюни) по указанию КГБ потребовало от проф. Манаева «в течение десяти дней подать заявление об увольнении «по соглашению сторон», несмотря на то, что он работает в БГУ (с учетом времени обучения) 40 лет, а до выхода на пенсию ему осталось полтора года.
Октябрь 2010	второе требование Министерства по налогам и сборам проф. Манаеву «как руководителю ОО «Белорусские фабрики мысли» представить документы по деятельности организации, а также регистры бухгалтерского учета» с уведомлением, что «в случае невыполнения данного требования к Вам будут применены меры воздействия в соответствии с требованиями КоАП РБ»
Январь 2011	правительственная газета «Рэспубліка» опубликовала статью под заголовком «Черный нал и печальный финал», основанную на отчетах Посольства США в Минске из публикаций WikiLeaks, и обвиняющую НИСЭПИ в том, что он «финансируется и осуществляет деятельность под эгидой Государственного Департамента США».
Октябрь 2011	подходя к посольству Польши в Беларуси, где должен был состояться ежеквартальный брифинг независимых экспертов для дипкорпуса, проф. Манаев был задержан минским ОМОН. После проверки документов и личных вещей на предмет «оружия, наркотиков и других запрещенных вещей», он был доставлен в Партизанский РУВД, где находился три часа без объяснения причин задержания, а затем был отпущен. На следующий день, выступая на ежегодной пресс-конференции для российских журналистов, президент Лукашенко назвал Манаева «выкормышем Запада, который живет в Вильнюсе. Ему заплатили, он все сделал, что Западу нужно было», и заявил, что «он был задержан при проведении операции по пресечению оборота наркотиков».

Февраль 2012	еще одно требование Министерства по налогам и сборам проф. Манаеву «как руководителю ОО «Белорусские фабрики мысли» выплатить штраф за «не предоставление документов по деятельности организации» с уведомлением, что «в случае невыполнения данного требования к Вам будут применены меры воздействия в соответствии с требованиями КоАП РБ».
Июнь 2012	ректор Белорусского государственного университета академик Сергей Абламейко без объяснения причин отказался продлевать контракт с проф. Манаевым, который вынужден был покинуть университет после 40 лет работы в нем.

«Миновать Харибду» оказывается не легче. Отношение «строителей будущего» из противоположного политического лагеря к независимым исследованиям за двадцать лет стало почти «зеркальным». Самый «мягкий» вариант такого отношения проявляется в том, что выгодные для себя данные, оценки, сценарии, прогнозы многие они широко распространяют и активно используют, а невыгодные – замалчивают и дискредитируют. Наиболее известный пример – манипуляции с результатами голосования на президентских выборах в марте 2006 г. и декабре 2010 г. «В авторитарном обществе невозможно проводить опросы», «измерить подлинные результаты выборов в этом году (!) нельзя», «моя социология свидетельствует о другом», «НИСЭПИ выдает желаемое за действительное», «доморощенные аналитики рассуждают о выборах», «комментарий Манаева – чушь абсолютная», «социология в Беларуси уничтожена» – эти и многие другие определения нашей деятельности давались не представителями власти и не в государственных СМИ, а представителями гражданского общества в независимых медиа. Даже когда точность данных и оценок становится очевидной, лишь единицы из них находят в себе силы признать свою неправоту (обычно в неформальном общении). Независимым исследователям становится все труднее опубликовать материал, будь то результаты опроса или интервью, не «вписывающийся» в определенную «демократическую парадигму».

Таким образом, если власти создают вокруг независимых исследований «зону давления» или даже репрессий, то демократическая оппозиция – «зону отчуждения».

Неудивительно, что для многих белорусов обе противоборствующие стороны становятся одинаково чуждыми («Чума на оба ваши дома!»). Как уже отмечалось, критиковать эти явления чрезвычайно трудно, и все же такая критика начинает звучать все громче. Один из самых ярких примеров – открытое письмо летом 2010 г. лидера БКДП А. Ярошука руководителям независимых масс-медиа. По сути дела, именно это имели в виду и руководитель избирательного штаба В. Некляева А. Дмитриев, признавший недавно: «Надо признать: общество у нас более развито, чем власть или оппозиция, которые сегодня просто не соответствуют уровню общественных ожиданий», и лидер движения «За свободу!» А. Милинкевич: «Вось, уявім, Лукашэнка адыходзіць, і прэм'ер прызначае дату выбараў. Давайце падумаем, ці гатовая апазіцыя на гэтых выбарах перамагчы? Я сцвярджаю, што ў сённяшнім стане – не. І калі мы зараз не пачнём працаваць на наш рэальны ўплыў на грамадства, прафукаем краіну. Стан апазіцыі – гэта глыбокі крызіс». Нельзя не согласиться с тем же А. Ярошуком, который прямо заявил: «Калі апазыцыя ня здолее правесьці працэс самаачышчэньня, яе чакае незайздросны лёс». Но такое самоочищение требует не столько пассионарности и жертвенности, которые стали своего рода «визитной карточкой» белорусского гражданского общества (прежде всего, политической оппозиции), сколько «холодного ума», объективного анализа реальной действительности и, несомненно, полной открытости. «Говорить правду» нужно не только властям, но и самим себе.

Независимые исследования глазами общества

Анализ двадцатилетнего опыта развития независимых исследований в Беларуси показывает (и доказывает), что в *целом им все же удалось пройти между этими «Сциллой и Харибдой».* Давайте посмотрите на некоторые результаты национальных опросов НИСЭПИ, посвященные данной теме:

Таблица 1. Доверяете ли Вы следующим государственным и общественным институтам? % *

Государственные и общественные институты	**Доверяю**	**Не доверяю**	**ЗО/НО**	**Индекс**
Православная церковь	63.3	24.4	12.3	+0.392
Независимые исследовательские центры	44.6	29.7	25.7	+0.152
Международные организации (ООН, Евросоюз, ОБСЕ, Европарламент, Совет Европы и др.)	43.0	31.9	25.1	+0.113
Негосударственные СМИ	46.2	39.5	14.3	+0.067
Адвокатура	43.2	37.8	19.0	+0.054
Армия	45.4	41.7	12.9	+0.038
Католическая церковь	38.0	38.9	23.1	–0.009
Суды	43.4	44.9	11.7	–0.015
Правозащитные организации (Белорусский Хельсинкский комитет и др.)	32.6	34.8	32.6	–0.022
Свободные и независимые профсоюзы	33.5	36.7	29.8	–0.032
Объединения предпринимателей	33.5	39.3	27.2	–0.059
Прокуратура	38.1	48.7	13.2	–0.108
Государственные исследовательские центры	33.0	46.2	20.8	–0.133
Государственные СМИ	39.2	52.6	8.2	–0.135
КГБ	33.8	48.4	17.8	–0.147
Местные Исполнительные комитеты	36.5	51.2	12.3	–0.149
Центральная избирательная комиссия	34.6	51.1	14.3	–0.166
Местные Советы депутатов	34.6	52.2	13.2	–0.177
Милиция	35.3	53.0	11.7	–0.179
Президент	35.7	53.8	10.5	–0.183
Правительство	33.6	54.8	11.6	–0.213
Профсоюзы, входящие в Федерацию профсоюзов	27.6	50.6	21.8	–0.232
Национальное собрание	27.7	50.6	21.7	–0.234
Оппозиционные политические партии	20.1	53.3	26.6	–0.337
Политические партии, которые поддерживают нынешнюю власть	21.7	56.8	21.5	–0.355
Протестантская церковь	17.4	55.5	27.1	–0.385

** По результатам национального опроса НИСЭПИ в июне 2011 г. Читается по горизонтали.*

Как видно, по уровню общественного доверия независимые исследовательские центры обогнали большинство других государственных и негосударственных институтов (традиционная «славянская триада» – «Бог, царь и воинский начальник» – оказалась нарушенной).

Таблица 2. В течение последнего года приходилось ли Вам знакомиться (через СМИ, листовки, общение с другими людьми и др.) с результатами независимых исследований общественного мнения в Беларуси? *

Вариант ответа	**%**
Да	20.0
Нет	77.6
ЗО/НО	2.4

** Табл. 2-3 по результатам национального опроса НИСЭПИ в марте 2012 г.*

Таблица 3. Если Вам приходилось знакомиться с такими материалами, то повлияли ли они на Ваше отношение к общественно-политическим процессам в нашей стране (например, участвовать ли в выборах, за кого голосовать и т.п.)?

Вариант ответа	**%**
Да, повлияли существенно	20.0
Да, повлияли, но не существенно	77.6
Не повлияли вообще	9.1
ЗО/НО	2.4

Таблица 4. Динамика доверия исследовательским центрам, %

Время опроса	**Негосударственные центры**				**Государственные центры**			
	Доверяют	**Не доверяют**	**ЗО/НО**	**Индекс доверия**	**Доверяют**	**Не доверяют**	**ЗО/НО**	**Индекс доверия**
09 ‘98	25.7	15.9	58.4	+0.102	*	*	*	*
07 ‘99	27.9	16.2	55.9	+0.122	23.7	21.2	55.1	+0.027
09 ‘00	31.6	16.1	52.3	+0.157	28.2	21.3	50.5	+0.070
08 ‘01	37.0	23.8	39.2	+0.132	31.9	31.6	36.5	+0.003
04 ‘02	40.4	24.9	34.7	+0.158	33.3	32.4	34.3	+0.009
03 ‘03	48.9	19.0	32.1	+0.303	40.7	29.9	29.4	+0.109
09 ‘03	52.3	21.7	26.0	+0.306	45.3	31.7	23.0	+0.136

** Нет данных.*

Динамика отношения белорусов к НИЦ не может не впечатлять: если вначале большинство опрошенных ничего не знали об этих центрах (и потому затруднялись выразить свое отношение), а среди тех, кто что-то знал, свыше 38% им не доверяли, то всего семь лет спустя почти три четверти знают о них, причем среди тех, кто знает, им доверяют свыше 70%!

Таблица 5. Доверие к НИЦ среди белорусской элиты, %*

Исследовательские центры	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Негосударственные:			
Доверяют	74	61	84
Не доверяют	7	13	3
Государственные:			
Доверяют	13	26	3
Не доверяют	49	29	66

** В табл. 5-10 приводятся результаты опроса общественных лидеров и экспертов, проведенного НИСЭПИ в мае 2003 г. (опрошено 70 полисимейкеров, лидеров СМИ, ученых и бизнесменов, примерно поровну представлявших государственный и негосударственный сектор). Эта и последующие таблицы читаются по вертикали. Затруднившиеся ответить и не ответившие для удобства восприятия исключены.*

Очевидно, что уровень доверия к этим институтам среди белорусской элиты значительно выше, чем среди общества в целом. Причем государственным центрам, обладающим несравненно большими ресурсами, а главное, поддержкой властей, доверяют гораздо меньше, чем негосударственным. Поразительно, но даже представители государственного сектора отдают явное предпочтение независимой экспертизе: видимо, знают, что говорят.

Таблица 6. Приходилось ли Вам знакомиться с материалами белорусских независимых исследовательских центров (таких, как НИСЭПИ, Аналитический центр «Стратегия», Новак и др.)? %

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Да, довольно часто (несколько раз в неделю)	28	10	42

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Да, иногда (1-2 раза в месяц)	42	38	45
Да, но редко (1-2 раза в год)	20	32	10
Нет	4	10	–

Как видно, белорусская элита, особенно из негосударственного сектора, довольно часто знакомится с независимой экспертизой.

Таблица 7. Если Вам приходилось знакомиться с такими материалами, то в какой форме? % *(возможно более одного ответа)*

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Публикации в негосударственных СМИ	78	81	76
Журналы, бюллетени и другие периодические издания этих центров	59	32	82
Конференции, семинары, брифинги, проводимые этими центрами	42	29	53
Книги, издаваемые этими центрами	29	13	42
Публикации в государственных СМИ	7	6	8
Другая форма	7	13	3

Главным источником знакомства с результатами работы этих центров, как правило, являются их собственные издания, и прежде всего независимые СМИ.

Таблица 8. Приходилось ли Вам использовать материалы независимых исследователей и аналитиков в своей профессиональной деятельности? %

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Да, часто	39	19	55
Да, но редко	39	42	37
Нет, не приходилось	22	39	8

Довольно часто общественные лидеры и эксперты не просто знакомятся, но и активно используют эти материалы в своей деятельности.

Таблица 9. Если Вам приходилось знакомиться с такими материалами, то повлияли ли они на Ваше отношение к общественно-политическим процессам в нашей стране (например, участвовать ли в выборах, за кого голосовать и т.п.)? %

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Да, повлияли существенно	19	10	26
Да, повлияли, но не существенно	48	36	58
Нет, повлияли вообще	30	48	16

Материалы НИЦ оказывают определенное влияние на белорусскую элиту, особенно из негосударственного сектора.

Таблица 10. Каким независимым исследователям и аналитикам Вы доверяете больше? %

Вариант ответа	Все опрошенные	Работники госсектора	Работники негоссектора
Белорусским	45	48	42
Российским	10	10	10
И тем, и другим	6	7	5
Другим	19	3	32

Это, несомненно, говорит о возрастающей роли независимых исследований в предоставлении обществу «строительного материала для будущего»: большая часть представителей белорусской элиты доверяет белорусским, а не российским экспертам.

Следующие три таблицы раскрывают роль независимых исследований в сравнении с другими социальными институтами, предлагающими обществу новое знание – государственными исследовательскими центрами, негосударственными СМИ и оппозиционными политическими партиями:

Таблица 11. Типология белорусов по их отношению к негосударственным и государственным исследовательским центрам

Негосударственные центры	Государственные центры	
	Доверяют	Не доверяют
Доверяют	I (38.7%)	II (21.7%)
Не доверяют	IV (9.4%)	III (30.2%)

- Доверяющих негосударственным центрам (тип II) и одновременно не доверяющих государственным центрам в 2.3 раза больше, чем наоборот (тип IV)
- Доминирующий тип (I) – доверяющие и государственным, и негосударственным центрам

Таблица 12. Типология белорусов по их отношению к негосударственным центрам и СМИ

Негосударственные СМИ	**Государственные центры**	
	Доверяют	Не доверяют
Доверяют	I (40.0%)	II (19.7%)
Не доверяют	IV (7.9%)	III (32.4%)

- Доверяющих негосударственным центрам (тип II) и одновременно не доверяющих негосударственным СМИ в 2.5 раза больше, чем наоборот (тип IV)
- Доминирующий тип (I) – доверяющие и негосударственным центрам, и СМИ

Таблица 13. Типология белорусов по их отношению к негосударственным центра и оппозиционным политическим партиям

Негосударственные центры	**Оппозиционные партии**	
	Доверяют	Не доверяют
Доверяют	I (21.1%)	II (35.7%)
Не доверяют	IV (2.7%)	III (40.5%)

- Доверяющих негосударственным центрам (тип II) и одновременно не доверяющих оппозиционным партиям в 13.2 раза больше, чем наоборот (тип IV)!
- Доминирующий тип (I) – не доверяющие и НИЦ, и оппозиционным партиям.

Сравнение этих таблиц ясно показывает, что уровню доверия в обществе независимые исследования не просто опережают другие социальные институты, предлагающие обществу новое знание, но даже «тянут их вверх». Иначе говоря, если государственные центры, СМИ

и политические партии в своей деятельности используют результаты независимых исследований, их авторитет возрастает. Более того, чем активнее независимые исследовательские центры предлагают знания обществу, тем более очевидна эта тенденция:

Таблица 14. Динамика аудитории негосударственных СМИ, одновременно доверяющей независимым исследовательским центрам, %

Время опроса	**Те, кто доверяет негосударственным СМИ и одновременно доверяет независимым исследовательским центрам**
09'98	44.4
11'99	51.4
11'00	56.9
10'01	65.2
04'02	72.7
09'03	75.3

Таблицы 15-18 (по результатам опроса НИСЭПИ в марте 2004 г.) показывают один из примеров воздействия знаний, предлагаемых независимыми исследованиями, на сознание и поведение белорусов:

Таблица 15. Как Вы думаете, за время после президентских выборов 2001 г. рейтинг А. Лукашенко (т.е. готовность населения страны голосовать за него на следующих выборах) повысился или понизился?

Вариант ответа	**%**
Понизился	52.0
Повысился	28.5
ЗО/НО	19.5

Таблица 16. Если бы Вы знали человека, который мог бы успешно конкурировать с А. Лукашенко на следующих президентских выборах, то проголосовали бы за него или за А. Лукашенко?

Вариант ответа	**%**
Проголосовал бы за такого кандидата	48.9
Проголосовал бы за А. Лукашенко	25.6
Пока не знаю, посмотрел бы по обстоятельствам	24.9

Таблица 17. Если состоится референдум по изменению Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которым А. Лукашенко сможет снова избираться президентом (по действующей Конституции он не может избираться в третий раз), как Вы будете голосовать?

Вариант ответа	**%**
Буду голосовать против такого изменения Конституции	47.8
Буду голосовать за такое изменение Конституции	24.9
Пока не знаю, посмотрю по обстоятельствам	22.4
Не буду участвовать в таком референдуме	4.6

Таблица 18. Отношение к переизбранию А. Лукашенко президентом в зависимости от знания динамики его рейтинга, %*

Отношение к переизбранию А. Лукашенко президентом	**Считают, что рейтинг А. Лукашенко:**	
	Повысился	**Понизился**
Если бы знал успешного конкурента А. Лукашенко, на следующих президентских выборах проголосовали бы:		
А. Лукашенко	66.2	6.0
За конкурента	15.8	73.8
На референдуме об изменении конституции проголосовали бы:		
За изменение	60.6	7.2
Против изменения	14.2	74.2

* *Читается по вертикали.*

Как видно, знание реальной динамики рейтинга А. Лукашенко прямо влияет на отношение к его переизбранию: те, кто знает, что рейтинг снижается, не хотят переизбрания, и наоборот. А кто в Беларуси выявляет реальный рейтинг президента и делает его достоянием общественности – объяснять не нужно (см. приведенную выше «Хронологию»).

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что долгие годы упорного труда и борьбы за право выражать независимое мнение (а в случае опросов общественного мнения – мнение самого народа) привели не только к повышению самосознания общества и доверия к независимым исследованиям, но и к их поддержке (скрытой, пассивной – как и многое другое в современной белорусском обществе – но очевидной):

Таблица 19. Недавно вступило в силу постановление правительства о контроле властей за проведением опросов общественного мнения и опубликованием их результатов в СМИ. Поддерживаете Вы или не поддерживаете введение контроля над опросами общественного мнения?*

Вариант ответа	**%**
Не поддерживаю: изучение и формирование общественного мнения должно быть свободным	61.9
Поддерживаю: власти должны контролировать изучение и формирование общественного мнения	22.6
ЗО/НО	15.5

** По результатам национального опроса НИСЭПИ в сентябре 2003 г.*

Таблица 20. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, следует сделать для того, чтобы повысить роль независимых социальных исследований в Беларуси?», % *(открытый вопрос, более одного ответа)*

Вариант ответа	**Все опрошенные**	**Работники госсектора**	**Работники негоссектора**
Изменить политический режим в стране	34	29	39
Шире распространять результаты	17	13	21
Повысить качество исследований	13	19	8
Расширить объем и тематику исследований	9	6	11
Увеличить внутреннее финансирование	7	–	13

Механизмы «сотворения будущего» посредством производства нового знания и его адресного распространения в обществе, которые используют независимые исследования в Беларуси, весьма многообразны. Здесь я вкратце расскажу лишь об опыте НИСЭПИ, результаты исследований которого Вадим Дубнов назвал «образцом печальной научной честности» (см. текст В. Дубнова в этой книге).

Опыт НИСЭПИ

С первых же дней своего существования особое внимание НИСЭПИ уделяет *влиянию на общественное мнение и публичную политику.* Это влияние осуществляется в различных формах: организацию конференций и семинаров, адресную рассылку аналитических материалов,

публикации в СМИ, активное взаимодействие с полисимейкерами. За двадцать лет своего существования институт провел *60 международных, национальных и региональных конференций и семинаров*, в которых приняли участие сотни общественных лидеров и ведущих экспертов; подготовил и распространил по системе адресной рассылки почти 300 аналитических докладов, опубликовал свыше 5000 материалов в белорусских и зарубежных СМИ, выпустил двенадцать книг. С 1996 г. издает и рассылает в наиболее влиятельные государственные и негосударственные структуры, а также в университетские библиотеки и СМИ *ежеквартальный аналитический бюллетень «Новости НИСЭПИ»* (на русском и английском языках, тираж 250 экземпляров), а с 2002 г. – *ежемесячный информационный бюллетень «Инфофокус»* (на русском языке, тираж 150 экземпляров), в которых представляются важнейшие результаты исследований и анализа. С 1 сентября 2006 г. периодические издания института зарегистрированы как литовские СМИ. С 1998 г. важнейшие результаты деятельности НИСЭПИ размещает на собственном *Web site: www.iiseps.org* (также на русском и английском языках), который периодически обновляется. С 2001 по 2006 гг. премиями НИСЭПИ «За лучшие журналистские публикации с использованием результатов независимых исследований» и «За лучшее использование материалов независимых исследований в СМИ» были награждены лучшие журналисты и редакторы независимых СМИ Беларуси. В декабре 2011 г. *Google* давал на НИСЭПИ *свыше 1 миллиона ссылок.*

Таблица 21. Система распространения результатов исследований НИСЭПИ

Продукция* и формы распространения	**Адресаты**			
	Широкая публика	**Гражданское общество**	**Власти**	**Международное сообщество**
Статьи, интервью в СМИ (5000+)	+	+	+	+
Квартальный аналитический бюллетень «*Новости НИСЭПИ*» (65)	+	+	+	+
Месячный информационный бюллетень «*Инфофокус*» (130)	+	+	+	+

Продукция* и формы распространения	Адресаты			
	Широкая публика	Гражданское общество	Власти	Международное сообщество
Квартальный пресс-релиз «Голос народа для народа» (25)	+	+	+	+
Аналитические доклады (-300)		+	+	+
Книги (12)	+	+	+	+
Научные статьи (в основном зарубежные, 100+)		+		+
Адресный лист рассылки (100+)		+	+ (до 2006)	+
Библиотеки (50)	+	+	+	
Бюллетени-листовки по почтовым ящикам (600.000 экз.)	+			
www.iiseps.org (в декабре 2011 г. Google давал свыше миллиона ссылок)	+	+	+	+
Материалы архива (-50.000)		+(до 2007)		
Конференции и семинары (60)		+	+ (до 2006)	+
Квартальные брифинги (60)		+ (до 2006)	+ (до 2006)	+
Встречи-ужины с журналистами (десятки)	+ (до 2006)			
Преподавание в образовательных учреждениях (постоянно)	+	+		+
Консультации, личные встречи (постоянно)		+	+	+

**В скобках указано количество за 20 лет.*

Влияние на публичную политику осуществляется институтом и через различные гражданские инициативы. Так, в 1997 г. по его инициативе была создана Белорусская ассоциация фабрик мысли (БФМ), объединившая 18 ведущих негосударственных исследовательских центров

Минска и большинства регионов страны (ликвидирована по решению Верховного Суда в августе 2006 г.). В 1999 г. сотрудники института приняли активное участие в диалоге между властью и оппозицией, начавшемся под эгидой ОБСЕ. С того же времени по инициативе НИСЭПИ стали проводиться регулярные встречи независимых экспертов с лидерами демократических сил, направленные на информационно-аналитическую подготовку к выборам и другим важнейшим процессам общественной жизни страны.

Авторитет независимых исследований в глазах общества повышают и их включенность в систему международного сотрудничества. В числе международных партнеров НИСЭПИ – такие организации как Исследовательский институт Радио Свобода/Свободная Европа (Мюнхен), Всемирный банк, USIS (Вашингтон), ЮНЕСКО, Фонд Евразия (Вашингтон), Институт открытого общества (Нью-Йорк), Фонд Джона и Кэтрин МакАртуров (Чикаго), Центр социальных и экономических исследований CASE (Варшава), USAID (Вашингтон), Вестминстерский Фонд (Лондон), Международный Республиканский институт (Вашингтон), Совет Европы (Страсбург), Национальный фонд за демократию (Вашингтон), Фонд PONTIS (Братислава), Центр международного частного предпринимательства (Вашингтон), Институт FORSA (Берлин), Европейская комиссия (Брюссель), РАСТ (Вашингтон-Киев-Вильнюс), представительства Евросоюза, ООН, МВФ и ОБСЕ в Беларуси.

Для тех, кому приведенные в этом тексте цифры кажутся маловыразительными, приведем «живые голоса» общества.

Некоторые отзывы о НИСЭПИ за последние 15 лет

«Читал выступления Манаева в прессе. Нравится серьезность и объективность этого ученого. Действительно, пора кое-кому уже понять, что Лукашенко не «гипнотизирует» свой народ, а пользуется осознанной поддержкой избирателей. Все другие методологические подходы и объяснения являются чистой воды фокусничеством. К тому же оплаченным. Пусть минский профессор провел и парадоксальную мысль, но она в сути верна.

Александр Лукашенко
Президент Республики Беларусь (сентябрь 1997 г.)

Выражаю признательность НИСЭПИ за аналитические доклады. Информация, выводы и рекомендации, содержащиеся в этих докладах, оказались весьма полезными при совершенствовании законодательства Республики Беларусь. Надеюсь получать подобные материалы и в будущем.

Мечислав Гриб
Председатель Верховного Совета Республики Беларусь (1994-1996)

Опросы НИСЭПИ вызывают неприятие как властей Беларуси, так и оппозиции, что повышает статус этой организации в моих глазах. Вообще непонятно, что бы я делал, если бы не качественные и сопоставимые опросы, регулярно проводимые НИСЭПИ. Заслуживают пристального внимания и интерпретации результатов проводимых опросов, регулярно публикуемые на сайте института. Ни одна другая социологическая служба, проводящая опросы в Беларуси, не имеет такой международной репутации.

Проф. Григорий Иоффе
Рэдфордский университет (США)

Выражаем искреннюю признательность за аналитические сборники НИСЭПИ и высказываем надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество с институтом.

Владимир Сенько
Министр иностранных дел Республики Беларусь (1994-1997)

Библиотека обслуживает Национальное Собрание, Администрацию Президента, Совет Министров, министерства, ведомства и местные органы власти. Как монографии НИСЭПИ, так и аналитический бюллетень пользуются у наших читателей повышенным спросом. Они необходимы для получения наиболее объективной информации о состоянии и развитии общества в Республике Беларусь.

София Юдо
Директор ГУ «Президентская библиотека Республики Беларусь»

Пятнадцать лет назад на Западе об этой стране и ее жителях было известно немного. Но сегодня ситуация выглядит совсем иначе – в значительной мере, благодаря исследованиям, систематически проводимым НИСЭПИ под руководством профессора Олега Манаева. Хотя режим Лукашенко создал многочисленные препятствия для деятельности Института, он продолжает свою миссию с завидным усердием. Поэтому, несмотря на авторитарный характер режима, Беларусь стала неотъемлемой частью международного сообщества свободной и независимой социально-политической науки. Выражаю искреннюю надежду на продолжение нашего надежного сотрудничества, начавшегося почти 15 лет назад.

Д-р Ханс-Георг Вик,
Посол, руководитель Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ
в Беларуси, 1997-2001 (Германия)

В Комитете государственной безопасности высоко ценят результаты труда сотрудников НИСЭПИ и выражают уверенность в их полезности, как для Комитета, так и для других заинтересованных потребителей. Надеемся, что и в дальнейшем мы будем иметь удовольствие знакомиться с интеллектуальной продукцией института.

Владимир Мацкевич
Председатель Комитета государственной безопасности
Республики Беларусь (1995-2000)

Нынешние общественный и политический процессы в стране, ее информационное пространство трудно представить без НИСЭПИ. Пожалуй, главным достижением в его 20-летней биографии стало формирование подлинного кредита доверия со стороны общественности. А это достигается тогда, когда политика исследователей свободна от какой-либо конъюнктуры и строго придерживается объективности в отражении происходящих в белорусском обществе сложнейших процессов, независимо от того, касаются они власти или демократического сообщества. Осуществляя свою деятельность в очень непростых условиях, НИСЭПИ, тем не менее, смог сформироваться в серьезное ис-

следовательское учреждение, его название стало брендом независимой социологии.

Александр Ярошук
Председатель Белорусского конгресса демократических профсоюзов

Белорусский патриотический союз молодежи признателен НИСЭПИ за аналитические материалы. Исследования, проводимые институтом, представляются нам интересными и полезными. БПСМ выражает заинтересованность в дальнейшем информационном сотрудничестве с НИСЭПИ.

Всеволод Янчевский
Первый секретарь ЦК БПСМ (1997-2001)

Аналітычная дапамога НІСЭПД аказала надзвычай вялікую падтрымку і Маладому Фронту, і іншым моладзевым арганізациям у выпрацоуцы стратэгіі, пошуку больш эфэктыуных мэханізмау супрацы з грамадзтвам. Падрыхтваны інстытутам аналітычны даклад аб маладзевый палітыцы Беларусі – чаканьнях і памкненьнях маладога пакаленьня беларусау – стауся апірышчам у пошуку далейшых шляхоу разьвіцьця Маладога Фронту.

Зьміцер Дашкевіч
Старшыня Маладога Фронту

Аналитические материалы НИСЭПИ представляют большой интерес, и прежде всего для тех, кто занимается вопросами государственного строительства. Подобного рода исследования содействуют улучшению деятельности Конституционного суда Республики Беларусь, повышению его ответственности в деле защиты прав и свобод граждан.

Григорий Василевич
Председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008)

Деятельность НИСЭПИ достойна уважения не только ученых, экспертов, но и политиков, общественных лидеров. На протяжении двух

десятилетий институт не только профессионально изучает наше общество, но постоянно и широко знакомит с результатами исследований самих белорусов. Нередко это вызывает раздражение, причем даже у политических противников. Сохранять научную беспристрастность в таких условиях нелегко, немногие на это способны. Надеюсь, примеру НИСЭПИ будут следовать и другие.

Владимир Гончарик
Кандидат в президенты Республики Беларусь на выборах 2001 г.

Поздравляю НИСЭПИ с юбилеем! Многие специалисты во всем мире, изучающие Беларусь, в том числе и я, искренне признательны институту за его вклад на протяжении двух десятилетий. Несмотря на многочисленные лишения, он стал одним из самых важных и влиятельных исследовательских институтов в Беларуси, добился впечатляющих результатов в организации сотрудничества экспертов и гражданского общества в стране и за рубежом. Я рад, что у меня сложились плодотворные рабочие отношения с институтом. Особая благодарность профессору Манаеву и его коллегам за поддержку, оказанную мне при написании первой в Японии книги о Беларуси, опубликованной в 2004 г.

Мичитака Хаттори
Заместитель директора Института по изучению экономики России и Восточной Европы (Япония)

От имени Совета по развитию предпринимательства в Республике Беларусь выражаю признательность за аналитические материалы НИСЭПИ. Информация, выводы и рекомендации, содержащиеся в них, представляют несомненную пользу для осмысления направлений и форм дальнейшего развития частного предпринимательства в нашей стране. Надеемся на продолжение сотрудничества.

Татьяна Быкова
Председатель Совета по развитию предпринимательства в Республике Беларусь (1999-2003)

В нашей авторитарной действительности не позавидуешь независимым экспертам таких организаций, как НИСЭПИ. Во-первых, у них фактически запрет на профессию. Во-вторых, почти все недовольны результатами их исследований. Режим заявляет, что «они представляют точку зрения прозападных сил», а оппозиция клеймит за свой низкий рейтинг и отсутствие революционных настроений в обществе. Вместе с тем, все внимательно изучают результаты опросов института и постоянно их цитируют. НИСЭПИ был и остается одним из наиболее авторитетных аналитических центров, без деятельности которого невозможно сегодня представить общественную жизнь и публичную политику Беларуси.

Александр Милинкевич
Кандидат в президенты Республики Беларусь на выборах 2006 г.

Данные НИСЭПИ не раз публиковались в нашем журнале «Вестник общественного мнения». Это единственный центр, дающий надежную профессиональную информацию о положении дел в республике. Мы следим по его данным за ситуацией в Беларуси, в общественном мнении белорусского населения, опираемся на эту информацию в своих аналитических разработках.

Проф. Лев Гудков,
Директор Аналитического центра Юрия Левады (Россия)

По поручению Его высокопреосвященства, Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета позвольте выразить сердечную благодарность НИСЭПИ и высказать надежду, что Ваш аналитический бюллетень будет способствовать поддержанию мира и согласия в нашем обществе.

Андрей Алешко
Референт Минского епархиального управления

На протяжении многих лет НИСЭПИ предоставляет общественности страны достоверную информацию, основанную на результатах на-

циональных опросов общественного мнения, а также анализ социально-экономической, политической ситуации в стране. Издания института – один из лучиков света в царстве директивного единомыслия, унылого и вредного для страны информационного и экспертного единообразия, специально отобранной и потому недостоверно рисующей ситуацию или даже искаженной статистики. Всей команде НИСЭПИ желаю дальнейших успехов: Вы делаете очень нужную для страны работу!

Академик Александр Войтович
Президент Национальной Академии наук Республики Беларусь (1997-2000)

Как для Посла США в Республике Беларусь, аналитика и результаты опросов общественного мнения, представляемые НИСЭПИ, были для меня чрезвычайно полезными для объективного понимания страны. Профессор Манаев и его талантливая команда исследователей в течение двух десятилетий вносят огромный вклад в расширение знаний всех тех, кто стремиться понять развитие и перспективы Беларуси. Я очень высоко ценю их профессионализм, смелость и любовь к своей стране. Отдаю честь их двадцатилетнему служению Беларуси и международному сообществу, и желаю НИСЭПИ многих лет новых успехов.

Джордж Крол
Посол Соединенных Штатов Америки в Республике Беларусь (2003-2006)

Беларусь сёння хварэе. Гэтая хвароба паглыбляецца, пранікае ў грамадства ўсё больш і больш. Але, як і з чалавекам, першы і самы важны этап, каб нарэшце пачаць лячэнне – гэта паставіць правільны дыягназ, і быць мужным яго прыняць. І далей, падчас лячэння, трэба пастаянна разумець, што адбываецца, як ідзе лячэнне. На жаль, сёння Беларусь – гэта пацыент, які пакуль не гатовы прызнаць Праўду і ўсіх, хто яе кажа, імкнецца ўсімі сіламі ізаляваць ад самога сябе. Толькі хваробы ад гэтага не знікне быццам бы не было. НІСЭПД вось ужо 20 гадоў, ставіць усім нам, грамадству, правільныя «дыягназы». Нягледзячы на ціск, нежаданне чуць, спробы абвінаваціць у падмане і ізаляваць, менавіта НІСЭПД крок за крокам кажа нам пра нашы «хваробы». Я ўпэўнены, што не за гарамі той час, калі мы пачнем рух да Беларусі, дзе «хваробы» лечацца,

а не забіваюцца «наркотыкамі», і тады ўся 20-ці гадовая праца НІСЭПД стане крыніцай так патрэбных сёння «лекаў». Я віншую вас з гэтай датай і жадаю вам яшчэ шмат гадоў росквіту. Як заўсёды, чакаю чарговых выпускаў вашых выданняў без якіх я, як палітык, не ўяўляю сваю працу.

Уладзімір Някляеў
Кандыдат у прэзідэнты Рэспублікі Беларусь на выбарах 2010 г.

Офис по правам людей с инвалидностью благодарит НИСЭПИ за проведение исследования общественного мнения о проблемах инвалидности. Для нас было крайне важно получить неангажированную информацию об отношении к людям с инвалидностью. Решающим фактором выбора НИСЭПИ в качестве партнера для Офиса явилась его высокая профессиональная репутация.

Сергей Дроздовский
Координатор Офиса по правам людей с инвалидностью

Манаев — это выкормыш Запада. Живет он в Вильнюсе. Я помню его рейтинги. Манаевские исследования накануне президентских выборов давали крах президенту Беларуси. Четко была выстроена стратегия. Манаеву заплатили, он четко выстроил так называемые социологические исследования, где рейтинг Лукашенко снижается. У него было, что меньше половины населения меня поддерживает. Западу нужно было это. На самом деле, белорусского президента поддержали 79,9% официально. Это было честно. Что касается задержания Манаева, то, по информации МВД, он был задержан у площади Победы в Минске при проведении операции по пресечению оборота наркотиков. Через 3 часа его выпустили.

Александр Лукашенко
Президент Республики Беларусь (октябрь 2011 г.)»

Перспективы независимых исследований

Все это красноречиво говорит о том, что независимые исследования в Беларуси, сохраняя профессионализм и, вместе с тем, гражданскую ответственность, *отражают, «защищают» реальную действительность (настоящее) от многочисленных искажений, и, тем самым, помогают обществу создавать, сотворять свое будущее. Будущее – как минимум, основанное на правде, а не на лжи или иллюзиях.* Какое именно будущее – книга, которую вы держите в руках, дает немало ответов: интересных сценариев и прогнозов, нередко противоречащих друг другу и нашим желаниям, но, как правило, обоснованных.

Знание, предлагаемое обществу независимыми исследователями, определяет своего рода «коридор возможностей» для важнейших субъектов общественно-политического и социально-экономического развития страны. Так, несмотря на то, что ни власти, ни оппозиция обычно не признают свои рейтинги, регулярно публикуемые независимыми социологами, в своей реальной политике она вынуждены с ними считаться. Вынуждены потому, что об этих рейтингах знают и многие белорусы, и основные зарубежные игроки: «шила в мешке не утаишь». Например, в мае 2002 г. НИСЭПИ опубликовал результаты опроса общественного мнения, обнаружившего обвал рейтинга А. Лукашенко после его переизбрания в сентябре 2001 г. Пока широкая публика и оппозиция осмысливала эту информацию, сам А. Лукашенко среагировал мгновенно. На ближайшем же заседании правительства он устроил публичный «разнос» своим министрам и четырех из них отправил в отставку прямо перед телекамерами, тем самым переложив ответственность за провалы в своей политике на «нерадивых бюрократов». Через месяц в отношениях белорусского и российского президентов неожиданно наступило «похолодание», что мгновенно сказалось и на процессе интеграции двух стран. Пока аналитик гадали о причинах знаменитой фразы Путина о необходимости «отделять мух от котлет», в Москве выступил его советник Глеб Павловский и сказал буквально следующее: «В отношениях к Белоруссии и ее лидеру существует такое понятие как политкорректность, так как мы все знаем, что у президента Лукашенко рейтинг падает. Это не хорошо и не плохо, это факт. *Именно*

поэтому Россия вынуждена уточнять баланс своих отношений с Белоруссией (выделено мной – О. М.)»[1]. Иначе говоря, широкую публикацию результатов опроса НИСЭПИ заметили в администрации не только белорусского президента.

Благодаря независимым исследованиям белорусское общество получает возможность если и не творить свое будущее, то, по крайней мере, участвовать в этом процессе, со-творять его.

Если же говорить о будущем самих исследований, то тут также возможны разные сценарии. Предлагаю *рассмотреть их «сквозь призму» того, будет ли их роль в «сотворении будущего Беларуси» возрастать или наоборот снижаться.* А в качестве важнейшего критерия этого прогноза использовать критерий, сформулированный Александром Ярошуком в его приветствии юбилею НИСЭПИ – *«формирование подлинного кредита доверия со стороны общественности».* Поскольку мы говорим о будущем социальных исследований, мне кажется, точнее и яснее не сформулируешь.

Тут возможны *два базовых сценария. Снижение роли независимых исследований, т.е. доверия со стороны общества,* ожидает независимых исследователей тогда, когда они будут уступать давлению со стороны государства или моральному вызову со стороны его оппонентов, будут «вставать на правильную сторону баррикад». «Соблазнов» с обеих сторон немало – от солидных академических должностей и известного Общественно-консультативного Совета при администрации президента до членства в различных Соймах, ЦК, «теневых правительствах» и пр. При этом мы можем выиграть тактически (доступ к различным ресурсам может увеличиться), но неизбежно проиграем стратегически (кредит общественного доверия снизится) – нас ждет потеря независимости, снижение профессионализма, а в итоге общественное забвение или даже презрение. *Возрастание роли независимых исследований* ожидает нас тогда, когда, мы не будем уступать воздействию этих факторов, когда «правильной стороной баррикад» для нас будет только одна – реальная действительность, реальная жизнь нашей страны, нашего народа, которую мы изучаем, опираясь на теорию и методологию социальной науки, и представляем, исходя из принципа гражданской ответственности. Первый сценарий может осуществиться очень быстро (быстрее,

чем за 5 лет), на второй уйдут годы кропотливой работы (возможно, и 10 лет для этого мало). К сожалению, наш двадцатилетний опыт говорит о том, что вероятность первого сценария выше, чем второго.

Девиз, сформулированный НИСЭПИ, а потом и Белорусскими фабриками мысли двадцать лет назад – «*Профессионализм и гражданская ответственность*» – должен оставаться девизом всей независимой социальной науки безотносительно к судьбе той или иной организации, того или иного ученого. Следование ему – залог того, что *независимые исследования будут не просто изучать настоящее, не просто «приближать» Беларусь к будущему (кем-то для нее «приготовленному»), но, вместе с обществом, сотворять его.*

1 Зводка навін кампаніі БелаПАН, 15 червеня 2002 г.

Александр СОСНОВ

Белорусский экономический менталитет

Экономический менталитет как проблема

Из множества факторов, определяющих успешность экономического развития тех или иных стран или, наоборот, невозможность значительной части их жителей выбраться из нищеты, немаловажное значение имеет так называемый экономический менталитет населения, который представляет собой отражение экономических процессов в общественном сознании и проявляется в повседневной экономической деятельности. Иначе говоря, экономический менталитет – это то, как люди понимают актуальные направления и тенденции развития современной экономики, какие методы и инструменты ее функционирования они применяют, как реально обеспечивают свой уровень жизни, на какие действия в экономической сфере готовы пойти для удовлетворения своих потребностей.

Вполне понятно, что в разных странах экономический менталитет населения достаточно индивидуален, что, собственно, и определяет различия их экономического развития. Достаточно сравнить развитые в экономическом смысле страны и развивающиеся, страны «процветающего миллиарда» и государства третьего мира. Кстати, к последним вполне резонно отнести и Беларусь с ее 85 местом по ВВП на душу населения, что далеко позади таких стран, как Экваториальная Гвинея, Ботсвана и Габон.

Интересно, что в странах, где экономический менталитет прочно базируется на индивидуализме и либеральных ценностях, а личный уровень жизни населения, собственно, как и весь экономический уклад, основан на активных трудовых усилиях свободных индивидуумов,

достижения в экономической сфере намного выше среднемирового. Здесь если и возможно легальное паразитическое существование (в общечеловеческом, а не коммунистическом смысле), то оно большинством осуждается. В странах же, где большинству населения присущи «коллективистские» принципы жизнеустройства, принципы «талаки», так называемая «соборность», «община», довольно многие считают возможным не столько трудом зарабатывать себе на жизнь, нежели более изображать кипучую трудовую деятельность, претендуя на максимум результатов. Получающийся при этом невысокий уровень жизни объясняется, как правило, не собственной леностью и безрукостью, а некими внешними факторами, типа плохого руководства, отсутствием ресурсов и т.п.

Это, конечно, не абсолютное правило, а доминирующая тенденция, наличие которой неизбежно возникает тогда, если в общественном жизнеустройстве имеются соответствующие условия, ее поддерживающие и развивающие. Особенно важная роль при этом принадлежит государству: сомнительные системы индивидуализированных льгот и преференций для отдельных категорий населения, наличие т. н. «коллективных» форм потребления или общественных фондов потребления, попытки «регулировать» различные экономические показатели вместо создания адекватных условий для бизнеса, бюджетная поддержка «своих» предприятий и производств, защита их от конкуренции, безмерно раздутый аппарат государственного управления, – все это поощряет и усиливает иждивенческие настроения. С другой стороны, это позволяет руководящей элите изображать благотворительность, распределяя по своему усмотрению изъятые у населения средства, ради чего, собственно, эти механизмы и сконструированы.

Самое негативное заключается в том, что такие ментальные установки преодолеваются исключительно проблематично и очень долго, в чем неоднократно убеждал опыт экономических трансформаций в транзитивных странах.

Беларусь – типичная транзитивная страна, путь которой в цивилизованный мир начался с распадом коммунистической империи и приобретением независимости. В наследство от советского прошлого, помимо всего прочего, досталось национально дезориентированное население с огромным запасом иждивенческих настроений, которые в свое

время активно насаждались коммунистическим руководством. Малейшие попытки самостоятельного хозяйственного творчества, предпринимательства, несанкционированного накопления собственности пресекались самым жестоким образом. Достаточно напомнить, что за продажу сшитых в домашних условиях брюк можно было получить несколько лет тюремного заключения.

Вот на таком фундаменте и базировался экономический менталитет большинства белорусов в начале 90-х гг. прошлого века. Вместе с тем, именно в это время на территории тогда еще СССР начались системные политические изменения, завершившиеся вскоре развалом империи. Политические процессы предопределялись и, одновременно, обусловливали экономические преобразования, что и нашло свое отражение в экономическом менталитете белорусов того времени. За прошедшие за это время почти два десятилетия в экономических воззрениях населения произошли, конечно, определенные изменения, но, на наш взгляд, они не стали определяющими.

Для того, чтобы проиллюстрировать это утверждение, составим своеобразный «эпикриз» белорусского экономического менталитета и рассмотрим его динамику в этом периоде. И хотя экономический менталитет – достаточно сложный и многоплановый социально-философский феномен, для исследования которого необходим комплексный методологический подход, его описание вполне возможно, на наш взгляд, на основе данных социологических исследований. В частности, соответствующий репрезентативный опрос населения позволяет зафиксировать одномоментную характеристику экономического менталитета, а данные нескольких опросов, имеющих единый инструментарий, но разделенных достаточно длительными промежутками времени, дают возможность оценить его динамику. Исходя из сказанного, для описания белорусского экономического менталитета и его динамики воспользуемся данными национальных опросов НИСЭПИ, которые охватывают период в два десятилетия. В качестве опорных индикаторов используем распределение ответов на вопросы, содержание которых касается взглядов респондентов по основным экономическим проблемам современного общества, прежде всего, по их отношению к рыночной экономике.

Экономический менталитет белорусов на начальном этапе становления независимости государства

Начальный этап становления независимости белорусского государства – это период с момента распада СССР и обретения независимости в 1991 г. до конца 1996 г., когда руководство страны провело конституционный референдум и фактически ликвидировало разделение властей. Данные табл. 1 наглядно демонстрируют, как выглядит экономический менталитет вчерашних советских людей. Безусловно, постоянный товарный голод предшествующих лет, невозможность получить без «блата» социальные услуги нужного качества и т.п. для большинства определили и соответствующий выбор: как можно видеть, семеро из десяти предпочли бы то, что в цивилизованном мире давно стало нормой. Вместе с тем свыше четверти опрошенных продемонстрировали приверженность реалиям советского прошлого. Вряд ли все они из тех, кто в прежние времена имел соответствующие возможности: как можно видеть из той же табл. 1, среди них преобладают пожилые и малообразованные.

Таблица 1. Экономические предпочтения белорусов в разрезе основных социально-демографических групп, % (04'92)

Вариант ответа	Пол		Возраст (лет)			Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Что бы Вы выбрали?								
Рыночную экономику (57.2)*	61.3	53.5	70.0	63.3	38.2	39.9	63.1	66.3
Плановую экономику(38.7)	35.6	41.4	25.3	32.2	58.7	57.0	31.7	30.1
Что бы Вы выбрали?								
Широкий выбор, изобилие товаров хорошего качества по высоким, не всем доступным ценам (70.8)	71.1	70.6	85.0	76.1	51.6	54.7	74.2	81.5
Узкий ассортимент, постоянный дефицит товаров по доступным, фиксированным ценам (26.1)	25.7	26.6	12.0	19.9	46.3	44.0	22.5	14.3

Вариант ответа	Пол		Возраст (лет)			Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Что бы Вы выбрали?								
Возможность и необходимость за свои деньги выбирать подходящие по качеству социальные услуги (70.8)	71.3	70.4	82.0	76.3	54.0	56.4	78.1	75.2
Бесплатные социальные услуги (образование, здравоохранение) с невысоким уровнем обслуживания и без выбора (26.6)	25.1	28.0	15.7	20.2	44.1	41.6	19.4	21.5
Что бы Вы предпочли?								
Высокий заработок, но с риском потерять работу (51.4)	56.6	46.5	68.0	55.9	30.7	37.2	59.4	54.9
Невысокую зарплату на гарантированной работе (45.9)	39.7	51.7	29.7	41.8	45.7	60.4	38.6	41.2
Считаете ли Вы допустимым, чтобы землей в Беларуси владели и иностранные граждане?								
Да (14.5)	15.5	13.7	18.0	16.2	9.3	10.1	14.7	18.5
Нет (62.7)	63.7	61.6	60.3	63.0	64.6	61.7	60.8	65.1

** Здесь и далее в скобках указаны проценты по всем опрошенным.*

Большинство осознавало, что получить желаемое можно только в условиях рыночной экономики, поэтому вполне понятно, почему почти трое из пяти хотели бы, чтобы страна развивалась именно по рыночному пути. Не так и мало, если учесть, что практических знаний о рыночной экономике у белорусов к тому времени было совсем немного. В частности, об этом можно судить по данным табл. ٢. Как можно видеть, наибольшая «практика» освоения рынка связана с коммивояжерской деятельностью («спекуляция» – так это называлось в советские времена). Среди сторонников рыночной экономики, что естественно, оказалось заметно больше мужчин, а также молодых и образованных.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам участвовать в негосударственной экономической деятельности?», % *(возможно более одного ответа)*

Вариант ответа	**04'92**
Перепродажа продуктов	25.0
Индивидуальная трудовая деятельность	12.4
Наемный труд в негосударственном секторе	6.3
Приобретение ценных бумаг (акций и т.п.)	4.6
Владение (совладение) предприятием, фирмой и т.д.	2.2
Другое	1.8

Несколько меньше оказалось тех, кто готов пожертвовать гарантированной работой за высокий, но рискованный заработок – по этому вопросу общественное мнение раскололось почти пополам. И, наконец, совсем немногие дали положительный ответ на тест-вопрос о праве иностранцев владеть землей в Беларуси. Надо заметить – владеть, совсем не означает быть собственником, но, тем не менее, две трети оказались против элементарной рыночной нормы.

Таким образом, в самом начале становления независимого белорусского государства экономический менталитет населения в отношении рыночной экономики оказался довольно далеко продвинут. Об этом же говорят данные табл. 3, из которых следует, что подавляющее большинство (три четверти) из тех, кто хотел бы сменить работу, предпочли бы трудоустроиться в негосударственном секторе.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы хотели сменить работу, то куда Вы бы хотели перейти?», %

Вариант ответа	**04'92**
На негосударственное предприятие	39.1
Открыть свое дело	37.0
На другую работу в государственном секторе	19.8
Другое	4.1
Всего хотели бы сменить работу	100.0

Однако реальных знаний о рынке, тем более, рыночной практики, у большинства, скорее всего, еще не было. Поэтому неочевидные марке-

ры рыночной экономики легко преодолеваются советским прошлым, что видно на примере вопроса о владении землей иностранцами.

Таблица 4. Динамика ответов на вопрос: «Что бы Вы выбрали?», %

Вариант ответа	**04'92**	**12'93**	**11'94**	**06'95**	**06'96**
Рыночную экономику	57.2	54.1	51.0	52.1	53.8
Плановую экономику	38.7	43.0	46.2	45.1	44.2

Как показывают данные табл. 4, к началу 1997 г. описанный экономический менталитет белорусского населения почти не изменился: он лишь несколько «охладел» к рынку, но не настолько, чтобы эти изменения можно было назвать существенными.

Экономические взгляды на этапе перехода к «белорусской модели экономического развития»

Начиная с конца 1996 г., после государственного переворота, осуществленного А. Лукашенко, вся полнота власти в стране оказалась в его руках. В том числе и в сфере экономики. Можно считать, что именно с этого времени и начался переход страны к так называемой «белоруской модели экономического развития», представляющей собой эклектическую конструкцию из коммунистических и рыночных элементов, смысл которой сводится к максимальной концентрации государственным аппаратом вновь созданной в стране стоимости при минимальных правах хозяйствующих субъектов. В условиях политического всевластия руководство страны игнорировало даже собственную конституцию, декларировавшую равные хозяйственные права, антимонопольные меры, защиту собственности и т.п. Понятно, что эффективность такой модели была отрицательной, но обильная российская материальная поддержка в значительной степени компенсировала издержки и позволяла поддерживать экономику страны «на плаву». Естественно, подобные изменения стали находить свое отражение и в экономическом менталитете населения.

Как показывают данные табл. 5, только лишь в отношении широкого выбора товаров и их дефицита у населения даже усилилось вполне

адекватное отношение. Что касается выбора платных и бесплатных социальных услуг, а также гарантированной, но низкой, и не гарантированной, но высокой, заработной платы, то здесь произошло противоположное: уже значительное большинство хотело бы вернуться к «старому доброму» советскому прошлому, что можно объяснить реалиями «белорусской экономической модели».

С 1997 г. формулировка вопроса о предпочтительном для страны типе экономике в опросах НИСЭПИ немного изменилась. Также был предложен несколько иной перечень возможных ответов (табл. 5). Как можно видеть, почти две трети респондентов предпочли бы разные варианты рыночной экономики, тогда как сторонников плановой модели осталось менее трети. Эти данные, однако, не должны вводить в заблуждение, поскольку советский вариант плановой экономики и так называемая «рыночная экономика» в исполнении белорусских властей с практической точки зрения отличаются совсем незначительно. Поэтому относить адептов последней к рыночникам будет преувеличением, и точнее будет считать, что реальную рыночную экономику – экономику с незначительным государственным вмешательством – в стране в этот период поддерживало менее трети взрослого населения.

Таблица 5. Экономические предпочтения белорусов в разрезе основных социально-демографических групп, % (06'97)

Вариант ответа	Пол					Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Что бы Вы выбрали?								
Рыночную экономику с незначительным государственным регулированием (30.4)	35.8	26.0	50.0	35.3	12.1	14.9	34.3	41.3
Рыночную экономику со значительным государственным регулированием (35.0)	37.5	32.9	34.0	39.3	31.0	33.7	35.7	35.5

Вариант ответа	Пол					Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Плановую экономику (30.3)	24.8	35.0	13.1	22.4	50.3	46.2	25.5	19.6
Что бы Вы выбрали?								
Широкий выбор товаров хорошего качества по свободным ценам (77.9)	80.3	75.9	92.2	87.0	58.2	57.5	84.9	90.3
Постоянный дефицит, узкий ассортимент товаров по фиксированным ценам (19.4)	16.7	21.7	5.8	10.7	38.0	40.7	11.6	6.9
Что бы Вы выбрали?								
Бесплатные социальные услуги с невысоким уровнем обслуживания и без выбора (51.4)	45.9	56.0	30.2	44.6	72.8	72.6	48.1	34.1
Возможность за свои деньги выбирать подходящие по качеству социальные услуги (46.5)	51.5	42.4	66.6	53.4	25.7	27.4	49.1	62.5
Что бы Вы выбрали?								
Невысокую зарплату, но гарантированную (65.3)	58.9	70.7	49.3	63.1	78.4	75.8	66.5	53.7
Высокий заработок, но не гарантированный (32.8)	39.3	27.3	48.4	34.1	21.0	23.3	31.9	43.1

Этот вывод хорошо согласуется с данными табл. 6-9. Так, только каждый пятый вложил бы неожиданно доставшееся наследство в свой бизнес, лишь каждый десятый считает, что цены на товары и услуги должны устанавливаться рынком, каждый восьмой допускает, чтобы иностранцы могли владеть землей в Беларуси. И лишь каждый четвертый полагает, что цены должны определяться спросом и предложением.

Иными словами, говорить о рыночной ориентации белорусского большинства в рассматриваемом периоде говорить будет преувеличением.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Предположим, что Вам по наследству досталась большая сумма денег. Как бы Вы распорядились основной ее частью?», %

Вариант ответа	**06'97**
Потратил бы на личное потребление (покупка дома, машины, мебели)	40.7
Открыл бы собственное дело	21.8
Положил бы деньги в надежный банк под проценты	19.3
Другое	5.0

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Должно ли, на Ваш взгляд, государство регулировать цены?», %

Вариант ответа	**06'97**
Должно на все товары и услуги	43.8
Должно, но только на некоторые товары и услуги	37.1
Не должно, цены должны быть свободными	9.6

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Допустимо ли, чтобы иностранцы могли владеть землей в Беларуси?», %

Вариант ответа	**06'97**
Нет	75.4
Да	13.0

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Чем, на Ваш взгляд, должна определяться цена товара?», %

Вариант ответа	**06'97**
Затратами на его производство	31.6
Цена должна устанавливаться государством, исходя из интересов населения	27.2
Спросом и предложением	23.1

Экономические предпочтения в социально-демографическом плане каких-либо неожиданностей не преподнесли: более зрелые рыночные представления – у мужчин, молодежи и у более образованных, что вполне естественно (табл. 5).

Деградация «белорусской модели экономического развития» и экономический менталитет

Затянувшийся мировой экономический кризис со всей очевидностью продемонстрировал несостоятельность «Белорусской экономической модели развития». Несмотря на все попытки руководства страны спасти положение и обеспечить выполнение того социального контракта, который власти заключили с большинством, экономические показатели перестали соответствовать потребностям, вслед за чем наметились и социальные проблемы. В частности, с середины 2008 г. по ноябрь 2011 г. среднемесячная заработная плата (в долларовом эквиваленте) сократилась в 1.6 раза, а среднемесячная трудовая пенсия – в 2.3 раза. И только своевременная финансовая поддержка со стороны России позволила задержать экономический коллапс.

Пятнадцать лет функционирования экономики страны в режиме «белорусской экономической модели», вполне естественно, не могли не оставить свой след в экономическом менталитете наших соотечественников. Как можно видеть из данных табл. 10-16, этот след хотя и не слишком значителен, но, тем не менее, достаточно заметен. Прежде всего, следует отметить постоянный рост числа сторонников рыночной экономики либерального толка – их доля за рассматриваемый период стала в полтора раза больше. Одновременно почти так же сократилось количество почитателей плановой экономики и варианта «рынка по А. Лукашенко».

Таблица 10. Динамика ответов на вопрос: «Что бы Вы предпочли для Беларуси?», %

Вариант ответа	**06'97**	**04'02**	**09'07**	**03'12**
Рыночная экономика с незначительным госрегулированием	30.4	40.5	37.9	46.1
Плановая экономика и рыночная со значительным госрегулированием	65.3	39.3	42.7	37.6

После некоторой рецессии постепенно увеличилось число сторонников высокого, хоть и не гарантированного заработка (табл. 11) и возможности выбирать более качественные, но платные социальные

услуги (табл. 12). Можно также отметить продолжающийся рост предпочтения работать на частном предприятии (табл. 13).

Таблица 11. Динамика ответов на вопрос: «Что бы Вы выбрали?», %

Вариант ответа	**06'97**	**08'01**
Высокий заработок, но не гарантированный	32.8	34.2
Невысокую зарплату, но гарантированную	65.3	49.8

Таблица 12. Динамика ответов на вопрос: «Что бы Вы выбрали?», %

Вариант ответа	**06'97**	**09'07**	**10'08**
Бесплатные социальные услуги (образование, здравоохранение и т.п.) с невысоким уровнем обслуживание и без выбора	51.4	47.5	41.6
Возможность за свои деньги выбирать подходящие по качеству социальные услуги (образование, здравоохранение и т.п.)	46.5	52.1	57.5

Таблица 13. Динамика ответов на вопрос: «На каком предприятии Вы предпочли бы работать?», %

Вариант ответа	**06'97**	**09'10**	**03'11**
На государственном	62.9	42.6	43.0
На частном	28.1	32.9	36.2
На ином	5.6	15.5	12.5

Как показывают данные табл. 14, заметно более уважительно за истекший период белорусы стали относиться к своим согражданам, имеющим высокие доходы – «китайская болезнь красных глаз» начинает постепенно уходить в прошлое.

Таблица 14. Динамика ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к своим согражданам, имеющим большие доходы?», %

Вариант ответа	**06'97**	**10'08**
Эти люди достойны уважения и с них следует брать пример	17.9	32.6
Это в основном жулики и проходимцы	23.5	23.1
Отношусь безразлично	37.7	39.1

Таблица 15. Динамика ответов на вопрос: «Что бы Вы предпочли?», %

Вариант ответа	06'97	08'00	03'12
Широкий выбор качественных товаров и услуг, но по свободным рыночным ценам	77.9	87.3	71.6
Постоянный дефицит и узкий ассортимент товаров и услуг низкого качества, но по фиксированным ценам	19.4	11.2	27.4

Немного удивляет некоторый рост числа тех, кому стал предпочтительней советский товарный голод – по этому критерию взгляды населения «откатились» на 20 лет назад (табл. 15), хотя и остались на достаточно высоком, можно сказать «рыночном» уровне.

Таким образом, за полтора десятилетия экономические представления белорусов стали более благоприятны для нормальных рыночных отношений, однако в целом белорусский экономический менталитет застыл в прошлом. На это, в частности, убедительно указывают данные табл. 16, где приведены ответы на тест-вопрос «Должно ли государство регулировать цены на товары и услуги?» Как можно видеть, только каждый пятый смог дать на него рыночный ответ. И хотя ситуация по сравнению с 1997 г. несколько улучшилась, тем не менее, экономический менталитет вряд ли еще можно назвать рыночным.

Таблица 16. Динамика ответов на вопрос: «Должно ли государство регулировать цены на товары и услуги?», %

Вариант ответа	06'97	08'01	01'07
Да	80.9	69.5	73.4
Нет	9.6	19.9	19.5

Таблица 17. Экономические предпочтения белорусов в разрезе основных социально-демографических групп, % (03'12)

Вариант ответа	Пол		Возраст (лет)			Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Что бы Вы выбрали?								
Широкий выбор, изобилие товаров хорошего качества по высоким, не всем доступным ценам (71.6)	75.1	68.7	81.0	78.2	60.1	41.4	75.7	76.8

Вариант ответа	Пол		Возраст (лет)			Образование		
	Муж.	Жен.	До 30	30-49	50+	Ниже среднего	Среднее общее	Выше среднего
Узкий ассортимент, постоянный дефицит товаров по доступным, фиксированным ценам (27.4)	24.3	30.0	18.2	19.9	39.3	58.6	23.8	21.5
Что бы Вы выбрали?								
Рыночную экономику с незначительным госрегулированием (46.1)	54.1	39.5	55.2	55.4	32.6	22.9	47.5	51.4
Рыночную экономику со значительным государственным регулированием (24.1)	21.1	26.5	19.2	22.3	28.6	30.7	24.6	21.9
Плановую экономику (13.5)	13.2	13.9	11.3	9.1	18.7	17.6	13.2	12.7
Считаете ли Вы допустимым, чтобы землей в Беларуси владели и иностранные граждане?								
Да (36.3)	45.8	28.4	52.5	40.0	23.3	16.7	39.5	39.0
Нет (58.0)	50.3	64.4	42.4	53.2	71.4	80.4	55.6	53.8

Что касается предпочтений в разрезе основных социально-демографических характеристик, как показывают данные табл. 17, здесь также существенных изменений не наблюдается: при общем росте числа сторонников реальной рыночной экономики соотношения между их основными социально-демографическим группами остаются примерно такими же, как и пятнадцать лет назад.

Экономический менталитет как основа социально-политического раскола белорусского общества

Существенные различия экономического менталитета ведут к фактическому расколу белорусского общества на два альтернативных лагеря. В табл. 18-20 представлены социально-демографические характе-

ристики, экономические представления и политические предпочтения указанных групп, которые в комментариях не нуждаются.

Таблица 18. Социально-демографические характеристики сторонников разных типов экономики, % (03'12)

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
Пол:		
Мужской (45.4)*	53.2	41.2
Женский (54.6)	46.8	58.8
Возраст:		
18-29 лет (23.6)	28.3	19.2
30-49 лет (36.2)	43.6	30.2
50 лет и старше (40.2)	28.2	50.5
Образование:		
Ниже среднего (13.5)	6.7	17.4
Среднее общее (36.6)	37.7	36.8
Выше среднего (49.9)	55.7	45.9
Место жительства (регион):		
Минск (19.4)	22.4	19.0
Минская область (15.0)	16.7	17.3
Брест и Брестская область (14.2)	14.5	12.7
Гродно и Гродненская область (11.3)	10.6	14.0
Витебск и Витебская область (13.6)	16.5	7.6
Могилев и Могилевская область (11.6)	7.8	10.4
Гомель и Гомельская область (14.9)	11.4	19.1
Тип населенного пункта:		
Большие города (более 50 тыс. жителей) (57.8)	57.6	56.4
Малые города и сельские поселения (42.2)	42.3	43.7
Статус (по месту основной работы, учебы):		
Работники негосударственного сектора (21.9)	26.3	17.8
Работники государственного сектора (39.6)	43.2	38.9
Учащийся, студент (5.9)	8.3	3.6
Пенсионер (26.6)	15.9	34.6

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
Средний размер доходов (включая зарплаты, пенсии, пособия и прочие приработки), который приходился на одного члена семьи в прошлом месяце):		
До МПБ (46.9)	47.9	42.6
Свыше МПБ (52.2)	51.0	56.4

Таблица 19. Социально-экономические представления сторонников разных типов экономики, % (03'12)

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
Как изменилось Ваше материальное положение за последние три месяца?		
Улучшилось (15.3)	10.3	20.3
Не изменилось (43.4)	42.0	46.7
Ухудшилось (40.6)	47.3	32.0
Как, на Ваш взгляд, изменится социально-экономическая ситуация в Беларуси в ближайшие годы?		
Улучшится (22.5)	14.9	29.2
Не изменится (34.4)	31.0	39.8
Ухудшится (32.7)	44.6	21.4
Считаете ли Вы, что белорусская экономика находится в кризисе?		
Да (77.2)	87.6	68.3
Нет (15.1)	6.7	24.3
На Ваш взгляд, кто виноват в нынешнем кризисе в Беларуси? (возможно более одного ответа)		
Президент (48.6)	66.5	30.2
Правительство (46.6)	54.8	39.9
Парламент (17.4)	20.0	17.7
Европа (16.0)	14.6	19.8
США (12.8)	11.8	15.2
Народ (9.9)	9.7	11.6
Оппозиция (6.4)	3.7	9.4
Россия (6.2)	7.0	5.6

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
С кем Вы в наибольшей степени связываете надежды на выход Беларуси из кризиса? (возможно более одного ответа)		
С президентом (35.9)	26.9	45.3
С Россией (25.2)	24.6	24.0
С предпринимателями (24.7)	34.7	15.1
С Западом (19.7)	27.5	12.6
С правительством (19.2)	18.4	19.6
С директорами предприятий (12.3)	13.4	13.2
С оппозицией (8.6)	13.8	3.3
С профсоюзами (3.0)	2.4	4.0
Что бы Вы выбрали?		
Широкий выбор, изобилие товаров хорошего качества по высоким, не всем доступным ценам (71.6)	84.0	62.4
Узкий ассортимент, постоянный дефицит товаров по доступным, фиксированным ценам (27.4)	14.8	36.8
Считаете ли Вы допустимым, чтобы землей в Беларуси владели и иностранные граждане?		
Да (36.3)	48.3	25.4
Нет (58.0)	45.3	70.4

Таблица 20. Политические предпочтения сторонников разных типов экономики, % (03'12)

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
На Ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном направлении или в неправильном?		
В неправильном направлении (52.5)	71.4	34.9
В правильном направлении (35.3)	19.6	53.3
Доверяете ли Вы президенту?		

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
Доверяю (42.2)	23.8	62.6
Не доверяю (48.5)	67.3	29.9
Одни люди думают, что после ухода А. Лукашенко с поста президента жизнь в Беларуси улучшится, а другие наоборот, что ухудшится. А что думаете Вы?		
Жизнь улучшится (26.0)	41.8	11.3
Жизнь останется такой же (36.5)	32.4	43.0
Жизнь ухудшится (26.7)	15.8	36.4
Считаете ли Вы себя в оппозиции к нынешней власти?		
Да (23.4)	38.6	9.3
Нет (66.0)	49.6	83.1
Если бы завтра снова состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы проголосовали? (открытый вопрос)		
А. Лукашенко (34.5)	17.6	51.6
Иной политик (22.1)	32.6	12.1
На Ваш взгляд, какими событиями XX века белорусы могут гордиться в наибольшей степени?		
Победа в Великой отечественной войне (79.8)	80.0	80.1
Обретение государственной независимости в 1991 г. (35.9)	42.9	31.0
Послевоенное восстановление и последующая индустриализация (35.8)	36.0	35.0
Образование Белорусской Народной Республики (11.7)	12.0	14.0
Избрание президентом Беларуси в 1994 г. А. Лукашенко (11.5)	5.0	19.6
Образование БССР (9.0)	6.7	12.5
Октябрьская революция 1917 г. (7.2)	7.4	8.1
Чувствуете ли Вы себя защищенными от возможного произвола со стороны властей, милиции, ГАИ, налоговой службы, судов, прочих государственных структур?		
Определенно / скорее да (45.5)	30.5	59.5
Скорее / определенно нет (51.1)	66.6	36.8

Вариант ответа	Сторонники	
	Рыночной экономики с незначительным госрегулированием (51.2)	Рыночной экономики со значительным госрегулированием и плановой (45.9)
Если Вы не чувствуете себя защищенными от произвола властей, то нарушение каких прав беспокоит Вас больше всего?		
Нарушение социально-экономических прав (на жилище, на работу, на образование, на медицинское обслуживание, на социальное обслуживание и др.) (29.1)	37.9	21.2
Нарушение политических прав (на выражение своего мнения, на мирные собрания и ассоциации, свободно получать и распространять информацию, избирать и быть избранными в органы государственного управления и др.) (20.7)	28.5	13.2
Меня это не беспокоит (12.9)	9.0	16.0
Вы за или против отмены смертной казни в Республике Беларусь?		
За отмену (49.7)	61.3	39.9
Против отмены (40.8)	29.1	51.6
Как Вы относитесь к бойкоту предстоящих парламентских выборов, к которому призывает некоторая часть оппозиции?		
Положительно (10.6)	16.4	6.1
Безразлично (26.5)	20.3	35.2
Отрицательно (20.2)	20.7	21.9
Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский Союз, что бы Вы выбрали?		
Вступление в Европейский Союз (37.3)	53.6	22.8
Объединение с Россией (47.0)	33.5	62.0
Хотели ли бы Вы восстановления СССР?		
Да (24.6)	13.5	35.5
Нет (65.4)	80.4	52.9

Как можно видеть, мы имеем как будто совершенно разных людей, живущих в одной стране, но в чуждых, почти не пересекающихся мирах. «Two nations» – когда-то сказал Б. Дизраэли, хотя и несколько по иному поводу.

Белорусский экономический менталитет в ближайшей перспективе

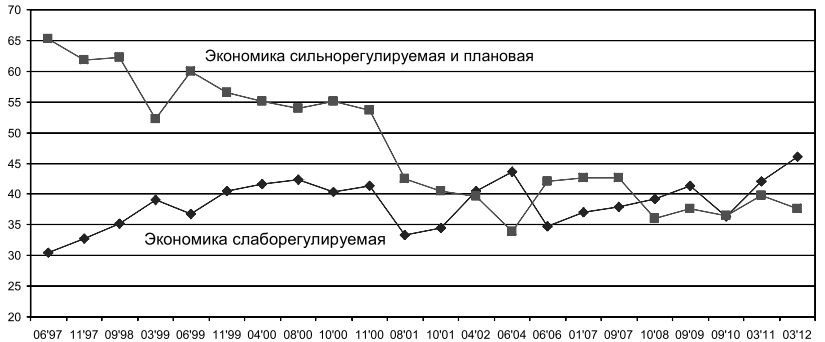
Данные табл. 21 показывают динамику ответов на вопрос о предпочтительном типе экономики. Как можно видеть, за полтора десятилетия сторонников либеральной экономики в стране стало в полтора раза больше. Одновременно более чем на 40% сократилось число сторонников сильного государственного регулирования экономики. Если пятнадцать лет назад первых было вдвое меньше, чем вторых, то сегодня их число уже почти на 23% превышает количество вторых.

Таблица 21. Динамика ответов на вопрос о предпочтительном типе экономики, %

Вариант ответа	**06'97**	**09'98**	**11'99**	**11'00**	**10'01**	**04'02**	**06'04**	**06'06**	**09'07**	**10'08**	**09'09**	**09'10**	**03'11**	**03'12**
Слабое госрегулирование	30.4	35.2	40.5	41.4	34.5	40.5	43.6	34.8	37.9	39.2	41.3	36.4	42.0	46.1
Сильное госрегулирование	65.3	62.2	56.5	53.6	40.5	39.6	33.9	42.0	42.7	36.0	37.6	36.5	39.8	37.6

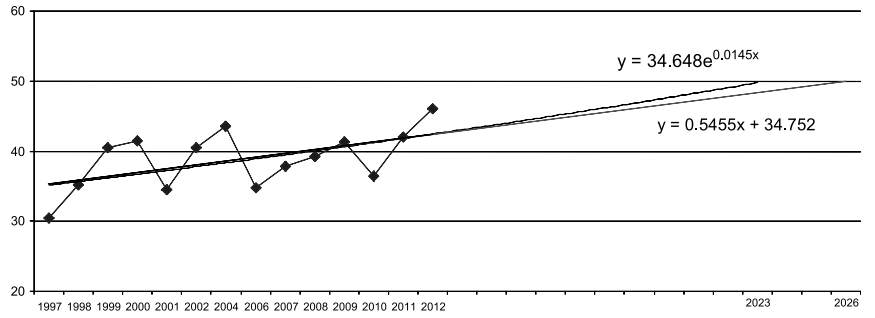
Наглядные представления об этих изменениях дает график, изображенный на рис 1.

Рисунок 1. Динамика удельного веса сторонников разных типов рыночной экономики в 1997-2012 гг.



Используя данные табл. 21, построим прогнозную функцию, которая позволит определить, когда такая динамика приведет к абсолютному большинству (больше 50%) сторонников либеральной экономики в стране.

Рисунок 2. Прогноз доли сторонников рыночной экономики с незначительным государственным регулированием



Как можно видеть, доля сторонников либеральной экономики при аппроксимации имеющихся данных линейной функцией должна пересечь 50% черту примерно через 14 лет, при аппроксимации экспонентой – примерно через 11 лет.

Понятно, что это условные значения, как и условен 50% порог – слишком многое в наше время и в нашем мире зависит от конкретных обстоятельств. Тем не менее, даже эти данные достаточно хорошо показывают направление и темпы изменения экономического менталитета.

Вместе с тем следует заметить, что данный тренд имеет место, несмотря на явную антирыночную, а точнее, квазирыночную экономическую политику и соответствующую ей массированную пропаганду, осуществляемые белорусскими властями. Можно даже сказать, что экономический менталитет населения трансформируется в направлении, противоположном официальному и вопреки проводимой в стране экономической политике. Объяснить этот факт можно тем, что существуют некие объективные факторы, предопределяющие динамику экономического менталитета населения, элиминировать влияние которых

нынешние власти просто не в состоянии. Скорее всего, это связано с глобализацией экономики вообще и открытостью белорусской экономики в частности, а также с невозможностью в современных условиях блокировать свободу информации. Это обстоятельство должно во многом облегчить задачу будущему руководству страны, которому вне всяких сомнений рано или поздно придется переводить белорусскую экономику на действительно рыночные рельсы.

Александр ЯРОШУК

Тернистый путь к будущему

Дороги, которые мы выбираем

Увлекательное это занятие – попытаться заглянуть в будущее. Такая попытка разжигает воображение, будоражит ум. И здесь важно не перейти грань между прогнозом и банальными фантазиями. А чтобы этого не произошло, прогноз, краткосрочный или долгосрочный, необходимо строить на основе научного анализа. Принимая во внимание развитие исторического процесса, касающегося страны или ее отдельной сферы – политической, экономической, социальной, весь предыдущий опыт, уникальный и неповторимый, который явится базисом прогноза на будущее.

Времена двадцатилетней давности, когда был основан НИСЭПИ, были временами больших ожиданий и надежд для обретавшей свою независимость Беларуси. Как оказалось, они были во многом наивными и романтическими, но тем и прекрасно всякое зарождение нового, всякое начало.

Действительность оказалась не слишком благосклонной к ожиданиям белорусов и внесла существенные в них коррективы. Но для формирования прогноза на следующий период – годичный, пятилетний, десятилетний, двадцатилетний, важно вернуться назад, мысленным взором окинуть предыдущий этап, проследить ход его развития, а также тщательно проанализировать текущие процессы. Ведь будущее, как известно, вырастает из прошлого и настоящего.

Попытаюсь это сделать сквозь призму собственного восприятия исторического процесса. Тем более что мне повезло принимать в нем участие не только в роли эксперта, но его непосредственного субъекта.

Двадцать лет назад мне едва исполнилось 40 лет, за плечами уже имелся солидный послужной список и довольно успешная карьера. После продолжительной работы в сфере агропромышленного комплекса судьба привела в партийный аппарат. Здесь совершилось мое стремительное восхождение вверх по карьерной лестнице: с должности заведующего сельскохозяйственным отделом Жабинковского райкома КПБ, куда был назначен в 1982 г., вырос в течение четырех лет до должности первого секретаря Клецкого райкома партии, попутно отметившись на короткий промежуток времени в аппарате Брестского обкома и Центрального комитета Компартии Беларуси. Коллапс КПСС в 1991 г. я встретил уже в должности заведующего отделом аграрной политики ЦК КПБ.

Хочу отметить, что быстро рухнувшая партийная карьера не стала личной трагедией. Это драматическое событие было пережито сравнительно спокойно и безболезненно, внутренне оказался к нему готов. Здесь важно сказать, что я считаю себя дитем перестройки. С первого шага неизменно, последовательно и во всем поддерживал Михаила Горбачева и проводимую им политику. Часто выглядел при этом «белой вороной», товарищи по партии называли «неформалом» за то, что защищал Генсека ЦК КПСС от нападок и шельмований.

А они случались на разного рода партийных пленумах, совещаниях, собраниях партийно – хозяйственного актива, неизменных «выездах на природу» чем дальше, тем больше. Осмелевшее агрессивно – послушное номенклатурное большинство, утвердившееся в собственной безнаказанности, но чувствующее, что почва уходит из-под ног, уже тогда не стеснялось в выражениях в адрес автора и творца перестройки, проклиная его на чем белый свет стоит. Высочайшее уважение к Горбачеву сохранил по сей день, несмотря на допущенные им ошибки. Все их в совокупности перевешивает одно – он подарил нам свободу.

Я уже тогда, образно выражаясь, оказался по разную сторону баррикад со своими собратьями по номенклатурному цеху. Многие из них и сегодня, у власти Лукашенко, благополучно пребывают при высоких должностях и солидных портфелях, не без оснований считая, что это их власть. Моей же властью она не стала, но должны были пройти годы, чтобы окончательно и бесповоротно сформировался ценностный раз-

рыв между мною и бывшими коллегами. Плохо или хорошо, что произошло это столь поздно, – отдельная тема, к нашему разговору не имеющая прямого отношения.

Последние внутренние мировоззренческие бастионы рухнули весной – летом 1991 г. Сокрушительный удар по коммунистической идеологии в моей отдельно взятой голове нанес Оруэлл с его «1984». В это же время, в начале апреля, десятки тысяч рабочих заполнили площадь Ленина. Каждый день проводил там по несколько часов: слушал разговоры пролетариата, вступал с его представителями в дискуссии. Словно предвидел, что непредсказуемый зигзаг судьбы сведет меня с ними на очередном крутом переломе.

После площади возвращался в резиденцию ЦК КПБ на Карла Маркса, 38, шел к тогдашнему первому секретарю ЦК КПБ Анатолию Малофееву и говорил о том, что трудовой народ нас отвергает, что надо немедленно реформировать партию, решительно рвать с тяжелым идеологическим наследием, дрейфовать в сторону социал-демократии. «Брось ты, – отвечал Малофеев, – никто нас не отвергает, это кучка отщепенцев вывела несознательных рабочих. Нужно одно – восстановить порядок в стране».

О необходимости «восстановить порядок» постоянно шла речь на заседаниях Бюро ЦК КПБ. Смотрел на его членов, которые, не стесняясь, открыто проклинали Горбачева и стенали по ГКЧП, как на сумасшедших. Наблюдал вакханалию ликования в стенах ЦК 19 августа 1991 г., когда он случился, и не пытался скрывать своего негативного отношения к происходящему.

Довелось как – то случайно наткнуться в мемуарах одного из деятелей того времени на слова, осуждающие мое поведение в дни ГКЧП. Естественно, мемуары были написаны тогда, когда стало вновь не опасно объявлять себя приверженцем путчистов. Это типично для конъюнктурщиков – держать нос по ветру и говорить вовремя правильные слова. Не обращая внимания, что эти слова противоречат тому, что они говорили и делали до того.

К примеру, тогдашний премьер – министр Вячеслав Кебич уже спустя несколько дней после ГКЧП «в знак протеста» вышел из КПСС. Потом, спустя год, когда Кебич звал меня на высокие должности в прави-

тельстве, именно по причине происходивших с ним метаморфоз я ответил категорическим отказом. Не знаю, насколько оправданной была моя позиция. Вероятно, тогда в достаточной мере еще не пришло осознание того, что теперь я точно знаю: политика и цинизм неразделимы. Мне же тогда они представлялись несовместимыми.

Именно поэтому я предпочел отойти в сторону от большой политики и высоких должностей. Нашел удовольствие в работе в Министерстве сельского хозяйства и продовольствия, где в сентябре 1991 г. возглавил службу внешнеэкономической деятельности. Могу засвидетельствовать: те годы были не только временем больших ожиданий, но и огромного интереса к нам со стороны международного сообщества. Дня не проходило без приема многочисленных делегаций из самых разных стран и международных структур. Часто их было не менее пяти – шести.

Естественно, далеко не все из приезжавших гостей желали сходу наладить сотрудничество. Часто это была банальная разведка, если хотите, любопытство – посмотреть на то, что было долгие годы сокрыто «железным занавесом». Но было немало тех, кто всерьез присматривался к нашей стране, находя ее привлекательной для бизнеса.

К примеру, практически все крупные табачные компании с мировыми брендами изъявили желание создать совместное предприятие с Гродненской табачной фабрикой. Лучшее предложение дала компания «Бритиш Американ Тобакко», она готова была инвестировать в табачку свыше 100 (!) миллионов долларов. Нужно отметить, что немалый интерес проявлялся в то время со стороны иностранных инвесторов и ко многим другим предприятиям страны. Не только в сфере агропромышленного комплекса, но и к промышленным, включая стратегические – МАЗ, МТЗ и другие.

И неспроста – Беларусь, как известно, имела, наряду с Чехией, наилучшие стартовые позиции для трансформации командно-административной экономики в рыночную. Как распорядились мы возможностями этой трансформации, теперь тоже хорошо известно.

В начале 1990 гг. мы с коллегами осуществляли активный процесс подготовки аграрных кадров к работе в рыночных условиях. Этому немало способствовало то, что были подписаны договоры о сотрудничестве с министерствами сельского хозяйства Польши и объединенной

Германии. Особенно плодотворным было сотрудничество с германскими партнерами: сначала с федеральным министерством, а затем с министерством сельского хозяйства земли Бранденбург. Оттуда по договору специально был направлен специалист, бывший начальник управления экономики министерства сельского хозяйства ГДР Эрхард Герстенберг, который стал моим большим другом.

Он пробыл в стране до конца 1990 гг. и оставил о себе добрую память. Эрхард прекрасно понимал, что нужно стране в переходный период. Он подготовил целый пакет законопроектов, в том числе об адаптации сельскохозяйственного производства к рыночным условиям. Остается только глубоко сожалеть о том, что большинство из этих разработок так и не было востребовано.

Сегодня это может показаться невероятным, но благодаря нашим немецким друзьям мы смогли вывезти в Германию, в сельскохозяйственную школу под Потсдамом, практически всех руководителей колхозов и совхозов страны, сервисных и обслуживающих сельское хозяйство организаций на недельную стажировку.

Опыт преобразования сельскохозяйственных кооперативов ГДР в частные предприятия с сохранением крупного производства казался тогда весьма убедительным, наглядным и применимым в условиях Беларуси и в целом положительно воспринимался нашими аграрниками. Не оставалось больших сомнений – мы это сможем повторить у себя. Но, как сказал поэт «пришли другие времена, взошли иные имена»…

Однако с тех пор меня не оставляет уверенность – это неправда, что белорусские руководители консервативны и нерешительны, боятся преобразований. Они весьма восприимчивы к новому и вполне могли бы состояться в новом качестве, в новой парадигме экономических отношений, в условиях рыночной экономики.

Плата за свободу

Начало 1996 г. принесло перемены в моей жизни. Мне предложили должность первого заместителя председателя Минского облисполкома, в обязанности которого входило курировать агропромышленный

комплекс столичной области. Вероятно, сыграл свою роль фактор моей былой принадлежности к номенклатуре КПСС. К ней новая власть относилась с явно выраженным пиететом.

Не без колебаний принял это предложение. К А. Лукашенко я относился с большой настороженностью и предубеждением, но, все же, посчитал для себя возможным вернуться во власть. Здесь сыграли свою роль следующие обстоятельства. Во-первых, мне было сорок с небольшим. Я находился в состоянии, образно выражаясь, заряженного аккумулятора – опыта накоплено немало, энергии тоже, а отдавать их некому. Может быть, это будет звучать сегодня высокопарно и пафосно, но у меня было ощущение долга перед обществом и страной, который требовал отдачи.

Во-вторых, свою роль сыграл тогдашний министр сельского хозяйства и продовольствия Василий Леонов. Он был решительно настроен на реформы в агропромышленном комплексе, и мы быстро сошлись с ним на этой почве, были полными единомышленниками. Леонов имел немалое влияние на Лукашенко.

И мне казалось, что, несмотря всю неготовность Лукашенко к высокой роли главы государства, эклектику принимаемых решений, идеологическую кашу в голове, в которой причудливо уживались обрывки разных идеологических течений, главным образом левацкого, троцкистского толка, он сумеет перерасти болезни своего младенческого политического возраста и поведет страну путем неизбежных и жизненно необходимых реформ.

Хотя мое возвращение во власть могло и не состояться. Тяжелое, гнетущее впечатление произвело собеседование на коллегии Администрации президента. Не являлось секретом, что идея воскресить меня из политического небытия принадлежала тогдашнему главе администрации президента и нынешнему премьер – министру Михаилу Мясниковичу. Но я не предполагал, какие махровые, дремучие консерваторы засели в штабе президентской администрации в качестве всевозможных советников и помощников.

Когда я изложил свою программу действий, суть которой сводилась к реформированию колхозов, введению института частной собственности, в том числе и на землю, в ответ услышал: нельзя его рекомен-

довать, поскольку это прямо противоречит политике президента. Дока Мясникович умело развел ситуацию, но для себя я твердо решил: на собеседование к Лукашенко не пойду.

Уговорил, опять – таки, Василий Леонов, выразившись примерно так – отказаться от должности на радость политических динозавров во власти можно, но кто тогда будет брать на себя ответственность за страну, без реформирования экономики у которой не может быть будущего.

Назначение состоялось, и мы с Леоновым стали гнуть свою линию, проводя многочисленные совещания, семинары, привлекая все новых и новых зарубежных партнеров, прежде всего – немецких. Среди них находилось немало подлинных энтузиастов, видящих большую перспективу в ведении бизнеса в АПК Беларуси, и этот энтузиазм основывался не на голых эмоциях, а на трезвом расчете. Немцы по достоинству оценивали уровень подготовки белорусских руководителей и специалистов, механизаторов, их высокую квалификацию, ответственность, обязательность и надежность.

Мы смогли тогда создать несколько совместных предприятий в сельскохозяйственном производстве Минской области, куда входили не только колхозы и совхозы, но и целые районы. Благодаря ним, на белорусских полях появилась новая высокопроизводительная техника зарубежного производства, пришли новые высокоурожайные сорта зерновых, сахарной свеклы и других культур, а вместе с ними – современные технологии их выращивания.

Сегодня этих иностранных инвесторов и след простыл на белорусских полях. Остался один мой старый добрый знакомый Гебрюдер Штотц, выкупивший в свое время колхоз в Смолевичском районе с весьма символическим названием «Ленинский путь». Земли этого выкупленного колхоза простираются на пути в Национальный аэропорт Минск-2. Вероятно, Штотца до сих пор не оставляет надежда вместо ленинского проложить иной, инвестиционный путь к процветанию белорусского села, а заодно – и собственного бизнеса. Бог ему в помощь.

Вскоре стало понятно, какие расчеты делал на меня Мясникович. Не прошло и нескольких недель, как мне было доверено выступить на совещании большого актива в Гомеле, в котором принимала участие вся политическая и хозяйственная элита страны. Естественно, включая Лу-

кашенко. Мудрый Мясникович все рассчитал точно, знал наверняка, о чем я буду говорить, – о безотлагательной необходимости проведения экономических реформ.

И не ошибся. Среди нескольких десятков выступающих я был единственным, кого Лукашенко внимательно слушал на фоне замершего зала. И не только слушал, но затем комментировал мое выступление. Попеняв всем остальным за славословие, отметил, что я говорил о не очень приятных для него вещах, но это хорошо, когда человек имеет свое мнение и не боится его высказывать.

Потом это вошло в норму – предоставлять мне слово на всех подобных мероприятиях. Безусловно, кульминацией моих сольных выступлений стало мартовское 1998 г. совещание в здании Гродненского драмтеатра. На его подмостках развернулось настоящее театральное представление. Главный герой – Лукашенко, в течение двух с половиной часов формулировал суть своей аграрной политики. Коротко все свелось к тому, что колхозы должны быть, безусловно, сохранены. Более того, они должны стать не только органами хозяйственного управления, но и органами государственного, политического управления на селе.

Я выступил в роли главного антигероя – оппонента: в течение предоставленных десяти минут стремился разрушить эту архаичную концепцию, от которой за версту отдавало нафталином советских времен. Говорил о том, что такая аграрная политика, возврат к командно – административной экономике, игнорирование рыночных отношений, приведет страну к банкротству. И закончил словами древнего философа: если не можешь дать ничего, дай свободу.

Самое удивительное заключалось в реакции зала. Полторы тысячи человек несколько раз в течение выступления останавливали меня аплодисментами. Поскольку затем зал уже никого не слушал, Лукашенко сразу оценил ситуацию и вступил со мной в полемику, не забывая при этом отпускать комплименты в мой адрес. И в заключительном слове он практически полностью сконцентрировался на моем выступлении.

Для меня было ясно одно: политический выбор в отношении экономического курса страны сделан окончательно и бесповоротно. Увы, вместо движения вперед, белорусское руководство стало искать свое будущее в возврате к прошлому, к привычным с советских времен ко-

мандно – административным методам управления экономикой. Но, вместе с тем, реакция зала на мое выступление еще раз убедила, что руководящий состав кадров на всех уровнях в целом осознает, что без преобразований в экономике, рыночных реформ у страны нет перспектив. От них можно на время отказаться, но избежать их невозможно.

Однако и мой «бросок на амбразуру» не остался незамеченным. Вскоре пришлось отчитываться на президиуме Совмина о работе, проводимой по реформированию АПК Минской области. Есть такая у номенклатурного чиновничества иезуитская привычка – побить тебя твоим же собственным оружием.

Но примерять на себя роль мальчика для битья я был вовсе не намерен, весьма вызывающе заявив на президиуме, чтобы не очень рассчитывали на мое реформаторское рвение. И в качестве аргумента привел знаменитое изречение Петра Столыпина – «реформы проводятся сверху – снизу осуществляются революции». И посоветовал – не ждите, когда в стране созреет революционная ситуация, лучше заблаговременно проводите реформы.

Я хотел свободы – я ее добился. Увы, только для себя, и только в отношении своего поста: к концу года от моих услуг управленца власть отказалась. Не скрою, меня это задело, но только слегка, – внутреннее чувство подсказывало: это правильно и даже по – своему справедливо, поскольку я вновь и весьма откровенно выглядел на фоне теперь уже этой власти «белой вороной». Я даже не позволил в своем служебном кабинете повесить портрет Лукашенко, что само по себе уже было дерзким вызовом.

Справедливости ради скажу, что оставаться «белой вороной», вероятно, – мой удел по жизни. Я и сегодня, будучи по эту сторону баррикад, в стане демократов, медленно, но неотвратимо, дрейфовал к своему нынешнему особому состоянию. Его можно выразить известной фразой – «свой среди чужих, чужой среди своих».

Кто-то скажет – поставил себя над всеми. А я отвечу: не захотел потерять себя, свою индивидуальность в губительной оппозиционной тусовке. Поскольку давно уже сформулировал для себя жизненный принцип, которому стремлюсь неукоснительно следовать. Суть его заключается в следующем: если хочешь чего – то достичь, оставайся са-

мим собой, не всегда делай то, что от тебя ожидают, и не всегда делай то, что делают все.

Как золотое десятилетие стало потерянным временем

…Выкурив при уходе из служебного кабинета две подряд сигареты, я не только поставил точку на этой вредной привычке, но и открыл совершенно новую страницу своей жизни, которую условно называю «жизнью против течения». Однако мы не будем касаться этой темы – каково в сегодняшней Беларуси «жить против течения». Вернемся к «нашим баранам» и проследим ход эволюции экономической политики действующей власти с конца 90-х гг. прошлого века до настоящего времени.

Независимые эксперты не без оснований тогда утверждали, и я разделял их мнение, о бесперспективности избранного властями страны экономического курса. Ресурс командно – административной, мобилизационной экономической модели, по моему мнению, должен был исчерпать себя не позже середины 2000 гг.

Скорее всего, так оно бы и было, если бы не подоспевшая щедрая российская помощь, которая за период с 2000 по 2010 гг. составила, по оценкам экспертов, не менее 60 млрд. долларов. Особенно интенсивной она стала после иракской войны 2003 г. и последовавшего за ней бума роста цен на нефть.

На нашу страну тогда пролился золотой дождь нефтедолларов: Россия поставляла на переработку на белорусские НПЗ сырую нефть по ценам гораздо ниже мировых, Беларусь реализовывала полученные нефтепродукты на европейском рынке по мировым ценам. Этот оффшор, исправно функционировавший в течение многих лет, устраивал всех. Каждый получал свою долю – и российские олигархи, и белорусская власть, и, справедливости ради, белорусская экономика, белорусское общество в целом.

В период с 2003 по 2008 гг. ВВП страны рос как на дрожжах, взмыли вверх заработные платы и доходы населения, улицы и дворы белорусских городов наводнили легковые автомобили, стало не протолкнуться

в вводимых один за одним супермаркетах: в Беларуси стало формироваться общество потребления. Все происходящее в ту пору белорусской пропагандой было претенциозно названо «белорусским экономическим чудом». Правда, при этом пропагандисты режима предпочитали скромно умалчивать, кому и чему они обязаны происхождением этого «чуда».

Нельзя исключать, однако, что белорусские власти искренне верили и считали, что подъем экономики, рост доходов и повышение уровня жизни в истекшее десятилетие явились прямым следствием правильности выбранного политического и экономического курса. В конце концов, возможно, думали они, важен не метод, важен результат. И если он есть, если достигнут без шоков и потрясений, неизбежно возникающих в результате процесса осуществления рыночных реформ, реструктуризации и приватизации, то, следовательно, вполне можно и без них обойтись.

И не только можно, но и нужно: чем дальше, тем больше крепла в те годы уверенность властей в том, что именно такая стратегия управления является оптимальной для Беларуси. Стратегия управления, где безотказно функционирует вертикаль власти, строго соблюдается должностная иерархия, обеспечивается жесткий спрос и безусловное выполнение доведенных планов и заданий. Рынок хорош, считали они, но везде и во всем должны быть обеспечены дисциплина и порядок. «Жесточайшие дисциплина и порядок» – как любит подчеркивать белорусский президент.

Вероятно, своя логика в подобных рассуждениях власти была. Вероятно, были обоснованными ее некоторые выводы относительно выработки экономического курса, учитывающего особенности переходного периода применительно к нашей стране и к ментальности белорусов. Поэтому я никогда не относился к тем, кто рисовал экономическую политику белорусских властей только в черных красках. Считал и считаю, что многие вещи ими делались правильно, особенно в 1990 гг.

Считал и считаю, например, оправданным сохранение регулирующей роли государства в экономике в процессе трансформации, особенно в начальный ее период. Безусловно, стратегически правильной и по–человечески справедливой была политика защиты наиболее уязвимых

слоев населения, политика обеспечения занятости. Неважно, какими интересами при этом руководствовалась власть – популистскими, когда во главу угла ставилась задача сохранения себя любой ценой у руля государства, или это действительно было проявление заботы о людях, о простом человеке.

Надо быть объективным: предъявленная властью модель управления, экономического развития на том этапе оказалась не самой худшей. Она во многом была востребована обстоятельствами и поддерживалась людьми, поставленными перед неотвратимостью крутой ломки привычного уклада жизни, отвечала запросам основной массы населения и вызовам времени.

Именно поэтому белорусское общество не отказывало власти в кредите доверия. Заключенный в свое время социальный контракт между властью и обществом принципиально все эти годы не ставился под сомнение и худо–бедно выполнялся.

Но время шло, ресурс командно–административной экономики постепенно вырабатывался и сходил на нет. Становилось все более очевидным, что командно-административная экономика, мобилизационная по своей сути и годящаяся для решения сиюминутных, текущих задач, с трудом или совсем не обеспечивает стратегического развития страны и ее экономики.

Для меня всегда было небезразличным – сохранять контакты и доверие к себе со стороны белорусской номенклатуры. Это стало возможным еще и потому, что я во всем стремился занимать взвешенную позицию. С одной стороны, принципиально и жестко критиковал многие действия властей, но, с другой, – никогда не позволял себе огульно охаивать и чернить то, что, как мне кажется, заслуживало внимания и позитивной оценки. По этой причине и ранее, и сегодня передо мною не закрыты двери кабинетов многих высокопоставленных чиновников.

Помню, как одного из них в свое время я убеждал в том, что ресурс командно – административной экономики вырабатывается, что незамедлительно надо переходить к выработке нового экономического курса, приступать к экономической либерализации. «Управлять экономикой при помощи команды сегодня, – аргументировал я, – то же самое, что управлять Боингом вручную. Но «Боинг» летает на автопилоте, и на

ручное управление современным аэробусом переходят только в чрезвычайных условиях, в экстренном случае».

Он соглашался и в то же время утверждал, что время для рыночных преобразований еще не наступило, что белорусской экономике пока еще по-прежнему прописано ручное управление. Время от времени слышу эти слова и сегодня, когда этот известный в стране человек появляется на экране белорусского телевидения. Слышу и улыбаюсь, поскольку знаю – они адресованы, в том числе, и мне в качестве еще одного аргумента нашей неоконченной дискуссии.

Но не станем спорить ни с ним, ни с другими апологетами белорусского режима – авторами, творцами и исполнителями нынешнего экономического и политического курса страны. Нас всех наилучшим образом рассудит время – самый мудрый и беспристрастный арбитр.

А оно, похоже, уже стало давать ответы на многие вопросы. Прежде всего, обнаружило отсутствие у нынешней белорусской власти ответственной экономической стратегии. Поскольку нельзя считать стратегическим курс, главным, а зачастую, единственным смыслом которого является обеспечение российских преференций, дешевых энергоносителей.

Для этого не нужна никакая рыночная экономика, никакая экономическая либерализация. Более того, они будут при такой политике как пятое колесо в телеге. Для этих целей наилучшим образом подходит командно – административная система: выбить как можно больше преференций для белорусской экономики там, где это можно, и потом их распределить. Точно так, как это делалось во времена Советского Союза, когда все усилия руководства БССР были направлены на то, чтобы получить от Москвы как можно больше фондов и ресурсов.

Нынешнее руководство Беларуси принципиально в этой политике мало что поменяло. Разве что вместо фондов и ресурсов выбивает у Москвы дешевые энергоносители. При таком экономическом курсе вы можете себе позволить роскошь сохранить советского типа структуру экономики, обеспечивать функционирование всех без исключения предприятий, даже убыточных, даже производящих не востребованную рынком, никому не нужную продукцию, третьестепенным делом считать задачу обеспечения эффективности, рентабельности производства.

Вы можете не грузить себя головной болью в виде проблем развития малого и среднего бизнеса, привлечения инвестиций. Зачем эти проблемы и риски, если и так все окей – обеспечена занятость, уровень безработицы фантастически низок, меньше одного процента, исправно наполняется бюджет. Вы можете позволить себе отмахнуться как от назойливых мух от рекомендаций Международного валютного фонда и других международных финансовых институтов, гнать прочь неприятные мысли, что такая экономическая политика есть прямой путь к формированию тотальной и беспросветной зависимости от дешевых российских энергоносителей. И, как следствие, тотальной неконкурентоспособности экономики. Вы можете плыть по течению и жить одним днем…

Сегодняшняя Беларусь – плохая копия Советского Союза

Белорусская экономика управляется по–советски. Наглядный пример – нашумевшая в последнее время ситуация на РУПП «Гранит» в г. Микашевичи, где возмущенные низкими зарплатами, а также хамским к себе отношением (что, кстати, тоже стало привычным) рабочие массово вышли из Федерации профсоюзов Беларуси (ФПБ) и создали независимый профсоюз.

Казалось бы, какие проблемы могут быть у предприятия-монополиста в производстве строительных материалов, которые так востребованы все последние годы на рынке – внешнем и внутреннем? Но проблемы не только существуют, а носят хронический характер. Все очень просто – предприятию доводятся жесткие задания по объемам производства, устанавливаются квоты на реализацию продукции – 90 процентов на внутренний рынок и 10 – на внешний. И, конечно, цены.

Как вы догадались, цена реализации продукции на внешний рынок существенно ниже цены экспортной. В результате экспортная квота не в состоянии перекрывать убытки, получаемые от реализации продукции внутренним потребителям, и предприятие едва сводит концы с концами.

Но, может быть, такая политика оправдана тем, что дешевые стройматериалы обеспечивают эффективность белорусского строительства?

Как бы не так. Строительная отрасль страны – одна из наиболее проблемных, стоимость вновь построенной квартиры в Минске дороже, чем в Берлине. А белорусские строители, крайне мало зарабатывающие, массово уезжают в Россию, где имеют уровень зарплаты в 3-4 раза выше.

Еще один пример. ОАО «Беларуськалий» вынуждено реализовывать калийные удобрения для местных сельскохозяйственных предприятий по ценам, намного ниже экспортных. Предприятие спасает только малая емкость внутреннего рынка, и, как следствие, многократное превышение объемов экспортных, внешних поставок над внутренними. Будь иначе, разделило бы оно участь «Гранита», а то и того хуже. Поскольку нынешнее поколение руководителей белорусских колхозов, воспитанное в духе абсолютного иждивенчества, даже по этим, смешным ценам, не привыкло расплачиваться с «Беларуськалием» за удобрения.

Может быть, хоть в этом случае граждане страны видят прок в политике протекционизма? Держите карман шире: белорусское продовольствие – одно из самых дорогих в регионе. В той же Литве, в Украине, и особенно в Польше продукты стоят дешевле, иногда существенно.

Политика, когда у одних отбирают, а другим отдают, порочна по своей сути. Она явилась одной из главных причин неэффективности советской экономики, она и в условиях суверенной Беларуси делает свое черное дело – убивает всякий интерес работать эффективно. И у тех, у кого отбирают, и у тех, кому отдают.

Для белорусского режима эффективность производства никогда не была приоритетом. Сегодняшняя Беларусь – плохая копия Советского Союза. Главное – произвести, и неважно, какой ценой. Как результат, остаются высокими издержки производства, низкой – конкурентоспособность экономики. Большие группы белорусских товаров реализуются на российском рынке, а он по–прежнему основной и часто единственный, по ценам ниже себестоимости. От убыточности и банкротства многих производителей спасают только государственные субсидии.

Это относится к продовольственным товарам, прежде всего, к молочной продукции, разнообразным промышленным товарам. Белорусам более выгодно приобретать телевизоры «Горизонт» и «Витязь», хо-

лодильник «Атлант», трактор «Беларус», грузовой автомобиль «МАЗ» в соседних Смоленске, Брянске и Пскове. Там эти товары стоят порой в два раза дешевле, чем у себя дома.

«Песок – неважная замена овсу» – говорил герой О'Генри. Мы же вслед за ним повторим: команда – неважная замена экономическому интересу. Слабо помогает в этом деле и кнут, который власть рассматривает в качестве одного из главных стимулов понуждения работников к высокопроизводительному труду. В качестве инструмента понуждения, а точнее, принуждения, власть избрала скандально известный декрет № 29 президента страны, появившийся на свет еще в 1999 г. Декрет стал правовой основой для поголовного перевода работников на срочные трудовые контракты.

В соответствии с этим декретом сегодня системой краткосрочных контрактов охвачено свыше 90 процентов занятых в экономике страны. Это уникальное явление в мировой практике, когда за редким исключением все трудящиеся отдельно взятой страны вынуждены работать в условиях временной занятости. Это наше ноу-хау в сфере трудовых отношений, да только вряд ли этим ноу-хау белорусы когда – либо будут гордиться.

По одной простой причине: уж больно много схожего это изобретение белорусских властей имеет с системой рабовладения, системой крепостного права. Сегодня, как и во времена седой старины, белорусский работник точно также бесправен. Он даже не может уволиться без барской милости! О какой высокой производительности труда в таких условиях может идти речь? В том числе и поэтому она на белорусских предприятиях в среднем в 4 раза ниже, чем в развитых странах.

«Кто не знает куда направляться, очень удивится, попав не туда» – говорил Марк Твен. Великий американский писатель вряд ли во времена более чем столетней давности что-либо слышал о Беларуси, но очень точно охарактеризовал сущность политики нынешней белорусской власти и ее неизбежные последствия.

Несколько месяцев тому ко мне обратилась наша землячка, аспирантка одного из британских университетов, пишущая диссертацию на тему «Трудовые отношения в Республике Беларусь». Ее научным руководителем оказался один мой добрый старый знакомый. Он порекомен-

довал своей ученице обратиться ко мне с комментарием относительно проводимой в стране социально – экономической политики.

Разговор у нас был долгий и весьма интересный. Наша землячка, имеющая за плечами два университета у нас и один – в Великобритании, поведала о том, что при написании научного труда оказалась в определенной растерянности. Нынешние компьютерные и научные технологии, поведала она, позволяют сегодня получать ответы на вопросы относительно целей, задач, стратегии, перспектив развития экономики любой страны. Любой, кроме Беларуси. Крепкий оказался орешек, все параметры в компьютеры заложили, а ответа, куда движется Беларусь, чего она хочет в этой жизни, так и не получили.

Но что недоступно компьютеру, руководствующемуся железной логикой аргументов, вполне понятно нам. Никуда Беларусь не движется, и ничего она не строит. Что и обнаружил прошлогодний экономический кризис. При нынешнем руководстве решается только одна задача – сохранения власти. А это не есть и никогда не может быть основой стратегии экономического развития.

Это стратегия решения сиюминутных задач, стратегия выживания политического режима. Ее можно охарактеризовать одной известной фразой из популярной в советское время повести – «как бы день простоять, да ночь продержаться».

Стоило только России по политическим причинам, а их накопилось немало в процессе строительства Союзного государства, уменьшить для Беларуси объемы субсидий и преференций, как тут же белорусская экономическая модель показала свою нежизнеспособность. Вместе с обвалом белорусского рубля обвалилась зарплата, а вместе с ней лопнул миф о стабильной и процветающей Беларуси.

Самые неприятные последствия кризиса, на мой взгляд, заключаются в формировании серьезного разрыва в уровне зарплат между Беларусью и Россией. Всю вторую половину 1990-первую половину 2000 гг. более высокие зарплаты и пенсии белорусов по сравнению с россиянами служили очевидным доказательством преимущества выбранного белорусским руководством политического и экономического курса страны.

Невозможно оценить потери – политические, экономические, социальные, которые несет белорусский режим на фоне принципиальной

разницы в уровне доходов у нас и у соседей. Но если о существенно более высоких зарплатах и уровне жизни в Литве и Польше по сравнению с нашими удается отмолчаться, то с Россией в условиях открытого информационного и экономического пространства этот номер не проходит.

Информацию о том, что сегодня белорусы имеют заработные платы и пенсии в два раза меньшие, чем россияне, от общественного мнения скрыть невозможно. В результате, существенный разрыв в доходах спровоцировал нарастание потоков трудовой миграции из Беларуси в Россию. Белорусская статистика предпочитает не упоминать об этой проблеме, но, по оценкам независимых экспертов, число людей, выехавших на работу за пределы страны, главным образом, в Россию, составляет от 300 тысяч до миллиона. Мы склоняемся к некой средней цифре – 500 – 600 тысяч.

С этим вызовом белорусская власть вряд ли имеет много шансов справиться. Проводимый экономический курс, ставка на командно – административную систему управления исчерпали ресурс экономического роста, и, следовательно, возможности роста заработной платы. Открыть эти возможности для страны может только смена экономического курса, экономическая либерализация.

До конца прошлого, 2011 г. сохранялась некоторая надежда, что белорусские власти на фоне острого социально – экономического кризиса будут вынуждены решиться на этот очень непростой для себя, но крайне необходимый для страны шаг. Увы, надеждам не суждено было осуществиться.

Вступив в конце года в Единое экономическое пространство (ЕЭП) России, Казахстана и Беларуси и получив в очередной раз огромные преференции в виде дешевых российских энергоносителей на сумму 8-10 млрд. долларов в год, белорусское руководство посчитало проблему кризиса исчерпанной. А белорусская пропаганда поспешила объявить, что никакого экономического кризиса в стране и вовсе не было.

В основе действий страуса, который уходит от действительности, пряча голову в песок, лежит инстинкт. Но чем руководствуется белорусская власть, уходя в мир иллюзий по поводу радужных перспектив нахождения страны в ЕЭП? Зачем представлять решение о вступлении

в ЕЭП, которое самой же властью ввиду его неоднозначности трудно давалось, как подарок судьбы?

Ведь существует и оборотная сторона медали. Помимо усиления зависимости от России и формирования неконкурентоспособности, вступление в ЕЭП повлекло за собой обязательства, о которых белорусская пропаганда предпочитает не вспоминать. Они связаны с безусловным обеспечением свободы перемещения в рамках трех наших стран товаров, услуг, капитала и рабочей силы, без чего функционирование ЕЭП невозможно. А свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы невозможно без создания равных условий хозяйствования. А равные условия хозяйствования невозможно создать, если существует протекционизм.

В Беларуси же он не только существует. Без него белорусская экономика, в отличие от российской и казахстанской, вообще нежизнеспособна и моментально обанкротится. К примеру, в валовой продукции АПК государственные субсидии в России и Казахстане составляют 10 процентов, в Беларуси – 60! Ситуация еще больше усугубится после вступления России во Всемирную торговую организацию, членство в которой несовместимо с каким бы то ни было протекционизмом.

Так что можно позволить себе не согласиться с белорусским официозом. Власть убеждает нас, что выбор относительно вступления страны в ЕЭП был между плохим и хорошим. Само собой разумеется, в результате было выбрано хорошее. Как представляется, выбирать все же пришлось между плохим и очень плохим. И еще не факт, что выбрано плохое. Скорее всего, наоборот.

Нынешняя власть выработала свой исторический ресурс

Теперь в самый раз перейти к вопросу: а что же дальше, что день грядущий нам готовит? Мы попытались, насколько можно убедительно показать, что Беларусь полностью выработала ресурс командно – административной экономики. Иметь такой тип экономики в XXI веке – то же самое, что ходить в старомодных костюмах начала прошлого века. Отвергать рыночную экономику в период нарастания процессов гло-

бализации, требующей все большей открытости рынков и конкурентоспособности товаров и услуг, – самоубийство.

Таким же анахронизмом в XXI веке является белорусский авторитаризм, который в последнее время имеет выраженную тенденцию трансформации в тоталитаризм. Мы можем также уверенно утверждать о его исторической обреченности. Все попытки обосновать оправданность существования белорусской модели авторитаризма как идеологического течения с претензией на изобретение некоего оригинального, уникального «белорусского пути» выглядят смешно и нелепо.

Никакой оригинальности и уникальности в примитивном варианте отечественной автократии нет и быть не может. «Что было, то будет» – сказано в Евангелие. За многие тысячелетия существования мировой цивилизации возникало великое множество вариантов политического устройства государств. Но вся их вариативность была всего лишь повторением разновидности двух политических систем – демократии и тоталитаризма с различными их оттенками.

Но и возможности трансформации белорусского авторитаризма в тоталитаризм также ограничены. У него нет для этого ресурса – политического, экономического, интеллектуального. Поэтому белорусская диктатура всегда будет выглядеть не настоящей, а вульгарной и карикатурной. Самое точное ее определение – колхозная диктатура, поскольку в силу особенностей ее творцов Беларусь управляется точно так же, как управляется колхоз. Именно по этой причине все институты государственного управления страны подверглись сильнейшей деградации.

Белорусский политический режим вступил в свою последнюю стадию – агонию. Трудно загадывать, как долго эта агония будет продолжаться. Здесь решающую роль играют не столько внутренние, сколько внешние факторы. Прежде всего – поддержка со стороны России, в том числе – экономическая. Но и ситуация в России не является некой константой, здесь также происходят интересные события, которые, вне всякого сомнения, прямым образом отразятся на Беларуси.

Как будут развиваться события в ближайший год? На наш взгляд, будут неуклонно нарастать противоречия между Беларусью и Россией в рамках ЕЭП. Как мы уже отмечали, они заложены в самом механизме его устройства. Противоречия эти неизбежны, они заложены в самой

природе двух очень разных, принципиально несоединимых экономических организмов – пусть с деформациями и извращениями, но рыночного российского, и командно – административного белорусского, отвергающего рынок. Попытка соединить несоединимое в рамках одной экономической системы неизбежно приведет к запрограммированным конфликтам и очередным войнам – молочным, газовым, растворительно-разбавительным, авиационным и другим.

Избежать будущих полномасштабных конфликтов и войн можно будет только в двух случаях. Первое – если белорусское руководство решится на экономическую либерализацию и выстраивание рыночных отношений. Второе – если российские власти, руководствуясь интересами политической целесообразности, будут и далее безо всяких условий предоставлять преференции, сохранять белорусский режим в качестве содержанки, невзирая на всю его капризность, склочность, неуживчивость и абсолютную недоговороспособность.

Первый вариант при нынешней власти нам представляется практически невозможным. Не будет белорусский режим осуществлять экономическую либерализацию, поскольку она резко повышает, а скорее всего, делает неизбежными, риски политической либерализации. А это для нынешней власти смерти подобно.

Второй вариант возможен, но маловероятен сегодня и еще менее вероятен завтра, через год, пять лет. Поскольку он делает проблемным существование ЕЭП. Проекта, инициатором создания которого является Россия, политически весьма заинтересованная в нем. К тому же, развитие внутриполитических процессов в России едва ли добавляют оптимизма для белорусского режима, поскольку ставит под серьезное сомнение его ожидания и надежды сохранять и в дальнейшем восточную соседку в качестве своеобразной дойной коровы. Коровы, которую можно бесконечно доить, ничего не давая взамен.

Можно не сомневаться, у России также есть свои экономические интересы в Беларуси, в том числе касающиеся приватизации имеющихся активов. ЕЭП создавался не только как политический проект. И вряд ли белорусские власти могут рассматривать его как улицу с односторонним движением – для Беларуси – все, причем в режиме наибольшего благоприятствования, от Беларуси – ничего.

Скорее всего, Россия будет настаивать на соблюдении Беларусью договоренностей, вытекающих из документов, подписанных при создании ЕЭП. В том числе обеспечивать свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, отказываться от политики протекционизма. А это уже будет ничем иным, как прямым принуждением белорусского руководства к экономической либерализации, проведению рыночных реформ и приватизации.

Впереди у нас интересное время. Похоже на то, что белорусский режим выработал не только свой экономический, но и политический ресурс. Старания высшей власти, обуреваемой неистовой жаждой установить тотальный контроль над обществом и всеми его элементами, привели к тому, что политический процесс, как таковой, в стране закончился. По моим оценкам, решающий шаг в этом направлении был сделан в 2004 г., после внесения поправок в Конституцию, ограничивающих пребывание одного лица на посту главы государства двумя сроками.

А президентские выборы 2006 г. бесповоротно зафиксировали конец политического процесса. После этого стало совершенно очевидно, что нынешняя власть никогда, ни при каких обстоятельствах, не уйдет добровольно от управления страной через процесс выборов, демократическим путем. Любые выборы потеряли свое прямое назначение, любая альтернатива стала на них невозможной, избирательный процесс стал средством легитимизации власти на очередной срок независимо от того, какой процент избирателей за нее голосует.

Это новая парадигма белорусской реальной действительности, которая, на первый взгляд, существенно укрепила позиции нынешней власти и сделала ее практически несменяемой. Но, парадокс заключается в том, что одновременно со своим укреплением, власть сделалась чрезвычайно уязвимой. Во – первых, потому что имеются все основания говорить об узурпации власти нынешним властным кланом, и как следствие, об отсутствии ее легитимности. Следовательно, любые способы и средства со стороны народа и его представителей по восстановлению законности в стране могут считаться приемлемыми и обоснованными.

Во-вторых, узурпировав власть, режим взял на себя всю ответственность за ситуацию в стране. Прежде всего, в социально–экономической сфере. В условиях сомнительной легитимности выполнение социально-

го контракта стало единственным подтверждением наличия у власти мандата доверия со стороны общества на управление страной.

Однако, похоже, сохранить социальный контракт становится все более трудноразрешимой задачей. Экономика, как и следовало ожидать, явилась тем главным вызовом, главным врагом, в неустанной борьбе с которым белорусская власть терпит поражение. И тем самым выносит сама себе исторический приговор.

Белорусский режим, как всякий недемократический режим, преуспел во многом. За долгие годы его создателями были доведены до совершенства технологии дискредитации своих политических оппонентов, промывания мозгов и оболванивания людей, запугивания общества, фальсификации выборов. Выстроена и доведена до автоматизма машина, позволяющая осуществлять тотальный контроль над страной и белорусским народом, уничтожать любое инакомыслие.

Властью решены многие принципиальные проблемы собственного самовоспроизводства, кроме одной – обеспечения перспектив экономического развития страны. Она не могла быть и при такой политической системе никогда не будет решена. В истории не было примера, чтобы такая вульгарная авторитарная политическая система смогла привести страну к процветанию.

Наоборот, любая из них вела свои народы к бедности и нищете. Путь к процветанию, к достойной и высокого качества жизни один – экономическая и, как следствие, политическая либерализация Беларуси. Только тогда возможно раскрепощение творческого, созидательного потенциала сотен тысяч граждан страны, включение их в процесс модернизации и обновления страны.

Белорусский режим не может решить эту задачу. Более того, как уже отмечалось, со всей очевидностью он ставит под угрозу социальный контракт с обществом. Возникшие в прошлом году проблемы с уровнем оплаты труда не имеют решения и не позволят наращивать доходы людей, повышать уровень жизни. Это подтверждают и события последнего времени, когда в разных регионах страны, на различных предприятиях один за другим возникают конфликты между работниками и администрациями по поводу низких зарплат. Настолько низких, что люди часто не могут элементарно сводить концы с концами.

И здесь для него возникает еще один вызов, еще один риск – рост социального недовольства, социального напряжения с перспективой трансформации в акции протеста. События на РУПП «Гранит», стихийные выступления рабочих против низких зарплат на других предприятиях – первое серьезное предупреждение властям.

И это не акции политической оппозиции, с которыми власти научились управляться. Они ничего не могут противопоставить недовольным белорусским рабочим, если потеряют кредит доверия с их стороны. Единственного, кого белорусская власть боится по – настоящему – это белорусские рабочие, трудовой народ Беларуси.

Поэтому все годы своего нахождения у власти режим постоянно проводил политику заигрывания с рабочими, покупая их лояльность, особенно на крупных, стратегических предприятиях, более высокими и часто не обеспеченными ростом производительности труда, зарплатами, социальными льготами.

Но, похоже, возможности давать иссякают, и боязнь роста недовольства, социального напряжения заставляет власть в очередной раз затевать авантюру с обеспечением уровня зарплаты в 500 долларов. Невзирая на то, что существует реальная опасность повторения сценария 2011 г., когда таким же волюнтаристским путем она была повышена. В итоге обвалился рубль, разразилась гиперинфляция, зарплата упала более чем в два раза.

На наш взгляд, любое из действий белорусских властей в социально – экономической сфере в обозримой перспективе повлечет за собой негативные последствия. Только в одном случае они проявятся сразу, в другом – спустя какое-то время. Но общий тренд уже сформирован – рост социального напряжения неизбежен. Нельзя исключать и его трансформацию в акции протеста, которые могут привести к самым драматическим последствиям.

Смена власти не за горами

Повторим, белорусская власть исчерпала свой ресурс. Она ничего не может предъявить ни времени – в качестве ответа на его вызовы, ни стране – в качестве стратегии ее развития. Она стала тормозом и

должна уйти. Она должна уйти и потому, что страна, белорусский народ, белорусское общество переросло ее.

Помню, как в ноябре 1995 г. я находился в Варшаве в качестве члена белорусско–польской комиссии по экономическому сотрудничеству. В Польше как раз в это время проходили выборы президента страны. Очень хорошо запомнил, что мне ответили польские коллеги на вопрос, кто победит – Лех Валенса или Александр Квасьневский. «Лех Валенса внес выдающийся вклад в новейшую историю Польши, и польский народ всегда будет признателен ему за это. Но страна переросла своего президента, появились новые вызовы, отвечать на которые призваны новые, другие лидеры. Поэтому следующим руководителем государства будет избран Александр Квасьневский». Так оно и случилось.

К сожалению, мы не питаем иллюзий по поводу того, что подобным демократическим путем, как у польских соседей, может произойти смена власти у нас в стране. В этом весь драматизм и даже трагизм ситуации. Но, на наш взгляд, часы истории запущены, и Беларусь определенно движется к развязке ситуации со сменой власти, какой бы эта развязка ни стала.

Рискну сделать прогноз: в течение пяти лет в Беларуси поменяется власть. Вполне вероятно, не позже 2015 г. Какое стечение обстоятельств будет тому способствовать, какие факторы сыграют в переменах решающую роль – внешние или внутренние, не является темой нашего исследования, поэтому подробно ее здесь касаться не буду. Отмечу лишь, что, на мой взгляд, скорее всего, речь можно вести о сочетании как внутренних, так и внешних факторов.

Я являюсь оптимистом по натуре. Однако не отношу себя к числу оптимистов – фантазеров и мечтателей, питающих свою веру в будущее построением воздушных замков. Думаю все же, что это оптимизм, построенный на реальной почве, произрастающий из анализа процессов, которые имели место вчера и протекают сегодня.

Поэтому считаю, что через пять лет Беларусь имеет все основания стать страной, у которой появилась перспектива демократического пути развития. Вероятно, предстоящие пять лет будут для нас очень непростыми. Уход нынешней власти не будет означать автоматического избавления страны от наследия авторитаризма. Многолетний срок правления

режима Лукашенко повлек за собой глубокую деформацию всех без исключения сфер жизни белорусского общества. Наверняка потребуется переходный период для восстановления прерванных в начале 1990 гг. процессов демократизации и построения рыночной экономики.

И протекать этот переходный период будет исключительно болезненно. Поскольку нигде и никогда переход от диктатуры к демократии не был безболезненным и гладким. Думаю, что и сама последующая власть станет переходной, в значительной степени, скорее всего, авторитарной. Ее авторитарный характер будет вынужденным, вытекающим из сложности переходного периода. Демократические институты будут восстанавливаться или создаваться заново медленно и тяжело.

Наверняка можно предполагать, что власти, которая придет на смену нынешнему политическому режиму, не позавидуешь. На ее долю выпадет принятие всех непопулярных решений, которые нынешний режим намеренно откладывал или не собирался принимать совсем. В том числе и решений, направленных на экономическую либерализацию.

Процесс реструктуризации экономики будет проходить, как и у всех без исключения соседей, непросто. Придется пройти через массовое высвобождение рабочих рук, рост безработицы. Потребуются энергичные действия по созданию новых рабочих мест, развитию малого и среднего бизнеса, привлечению инвестиций. Все это будет сопровождаться серьезными потрясениями, ростом социального недовольства и напряженности. Рейтинг и популярность новой власти будут неуклонно снижаться и оставаться очень низкими.

На фоне переживаемых трудностей переходного периода, который коснется миллионов наших сограждан, будет нарастать разочарование людей. Зримых размеров достигнет ностальгия по «добрым старым временам» периода правления президента Лукашенко. Когда не надо было брать на себя ответственность, принимать решения, когда всю ответственность и все решения принимало за тебя государство.

Свой отпечаток на внутреннюю ситуацию в стране наложит внешний фактор. Судя по всему, мировой финансово – экономический кризис завершится совсем не скоро. Его последствия будут преодолеваться долго и трудно, что, несомненно, отразится не лучшим образом и на нас. Поскольку, очевидно, все ближайшие годы Европа будет погло-

щена своими проблемами, проблемы нашей страны, политические и экономические, которые и сегодня не являются приоритетом для нее, будут отодвинуты далеко на задний план.

Несмотря на все трудности и разочарования, будет запущен процесс воссоздания институтов демократии. После перемен будут предприняты шаги по восстановлению баланса между ветвями власти. Будут внесены необходимые изменения в Конституцию страны, серьезно ограничены полномочия президента, существенно расширены полномочия парламента. Пройдут первые после 1994 г. демократические выборы президента, а также парламента.

Будут созданы предпосылки для реального осуществления политического плюрализма в белорусском обществе, развития политических партий, общественных организаций, профсоюзов. Беспрепятственно станут функционировать независимые средства массовой информации, станет независимой судебная власть.

В течение ближайших пяти лет страна откроется миру. Будут нормализованы отношения со всеми государствами, прежде всего – с соседями, странами ЕС и США. Тем самым будет преодолен сохраняющийся долгие годы ненормальный и противоестественный анахронизм самоизоляции, в которой Беларусь стараниями властвующего политического режима себя заключила.

Однако, на наш взгляд, едва ли в обозримой перспективе перед Беларусью встанет задача связывать свой геополитический выбор со вступлением в Европейский Союз. Если ЕС и будет в ближайшие годы рассматривать проблему своего расширения, что еще далеко не факт, то только не за счет региона стран Восточной Европы.

Считаю, что все сегодняшние планы и озабоченности определенной части демократического сообщества страны, связанные со вступлением в ЕС, не имеют под собой реальной почвы и их не стоит всерьез рассматривать. Не только потому, что ЕС не готов к расширению. Непременное вступление в ЕС не должно становиться некой идеей «фикс» для Беларуси.

Куда важнее приблизить, а в перспективе, обеспечить европейский уровень развития, стандарты качества и уровня жизни граждан страны. Эту задачу невозможно решить иначе, чем через тесное сотрудни-

чество с развитыми государствами, привлечение современных технологий и инвестиций. Достижение этой амбициозной цели потребует самых серьезных усилий и займет не один год и даже не одно десятилетие. Ведь будем честны перед собой – мы весьма отсталая по европейским меркам страна, которая, к тому же, бездарно потеряла столько времени.

Однако выстраивание дружественных отношений с европейскими государствами и США не должно автоматически приводить к ухудшению отношений с Россией. В порочной политике маятникового балансирования между двумя центрами силы – Россией и ЕС, выторговывания себе преференций поочередно от одной и другой стороны весьма преуспел нынешний правящий режим. В такой же степени преуспел, как и дискредитировал себя. С его уходом в основу внешней политики Беларуси должно быть положено гармоничное сочетание и развитие всех ее векторов и направлений.

Однако есть все основания полагать, что в ближайшей перспективе главным стратегическим партнером Беларуси будет Россия. Здесь надо оставаться реалистом и с точки зрения предпочтений значительной части белорусского общества, традиционно тяготеющей к России, и с точки зрения логики политического и экономического выбора страной своих союзников.

Считаю, однако, что открытым остается вопрос необходимости формализации отношений с Россией. Идея построения Союзного государства России и Беларуси усилиями политиков, прежде всего – с белорусской стороны, использовавшей ее для решения своих политических задач, серьезно себя дискредитировала. Ее реабилитация едва ли представляется возможной.

Трудно сегодня составить прогноз относительно перспектив Единого экономического пространства. Мы уже отмечали, что в значительной степени это тоже политический проект, попытка в политических целях соединить несоединимые экономические организмы: российский и казахстанский – с одной стороны, и белорусский – с другой.

Если политическая целесообразность будет оставаться определяющим фактором, если она будет доминировать над экономикой, другими словами, если в очередной раз телега будет впрягаться впереди лошади, то можно прогнозировать, что такой же дискредитации, как идея Союзного

государства, будет подвергнута и идея ЕЭП. Как представляется, скорее всего, именно этого и стоит ожидать. По крайней мере, от нынешней недоговороспособной белорусской власти, рассматривающей ЕЭП исключительно как возможность получения преференций со стороны России.

Поэтому в среднесрочной перспективе для Беларуси актуальным видится место вне каких – либо союзов и политических блоков. Куда важнее, повторим, установление открытых, прозрачных, дружественных, взаимовыгодных связей со всеми без исключения странами. В том числе и прежде всего со своим стратегическим союзником – Россией.

Формирование прогноза развития Беларуси будет несостоятельным, если хотя бы не попытаться предугадать общий тренд мирового развития на перспективу. Мы уже говорили о взаимосвязи развития ситуации в стране с последствиями мирового финансово – экономического кризиса. В самый раз к этой теме вернуться вновь.

Очевидно, что кризис далеко не окончился. Сегодня аналитики и эксперты говорят о новой волне кризиса, которая будет еще более серьезной, чем первая в 2008 г. Мы скоро узнаем, насколько оправданным является этот прогноз.

Но уже и сейчас можно делать некоторые выводы относительно последствий для международного сообщества самого мощного за последние десятилетия экономического кризиса. Очевидно, что мир и наш континент, Европа, уже не вернутся в состояние, в котором они находились до середины 2000 гг. Очевидно, что результатом кризиса станет изменившийся мир, что серьезному пересмотру будут подвергнуты многие международные и национальные законы, нормы, правила и принципы, особенно касающиеся функционирования сферы экономических отношений, финансов и банков.

Мы можем также утверждать о прямом следствии и взаимосвязи экономического кризиса с кризисом политическим, который остро переживают сегодня отдельные страны (Греция, Италия, Испания), а также международные структуры (Европейский Союз). Все это, стоит ожидать, востребует формирования новых правил игры, нового мирового порядка. Не будем гадать, каким он будет, но, скорее всего, более целесообразным, справедливым и вытекающим из реальных вызовов времени. И это само по себе хорошо для всех.

Встретимся через двадцать лет

Но то, что хорошо для всех, губительно для белорусского режима. Являясь очевидным анахронизмом, пережитком болезни автократий, которая Европа тяжело перенесла еще в первой половине прошлого века, заплатив при этом огромную цену, белорусский авторитаризм, скорее всего, не имел бы много шансов на долголетие.

Но в момент его возникновения и формирования, в конце прошлого и начале нынешнего столетия, Европа и мир переживали период глобальных вызовов и перемен, ломки устоявшихся систем и государственных образований и возникновения новых. Не то что цивилизованный мир не обращал внимания на причудливый рецидив автократии у своих дверей, у себя на пороге, но ему было, по большому счету, не до него. «Неуловимым» Джо был в большей степени не потому, что оказался таким крутым и ловким, а потому, что его никто по-настоящему не ловил.

Повезло режиму еще и в том, что на этом крутом переломе мировой истории существовал спрос на закрытые и непрозрачные сферы, всевозможные оффшоры, где осуществлялись сомнительные сделки, отмывались деньги, прокладывался наркотрафик, шла торговля оружием, в том числе для террористических группировок. Для таких целей недемократические режимы, и белорусский здесь не исключение, подходил наилучшим образом.

Не секрет, что существование таких криминальных и полукриминальных сфер во многом тоже стало причиной разразившегося кризиса. И нетрудно сделать прогноз, что после кризиса коренной ревизии подлежат и эти сферы, и причины, их порождающие. Со всеми вытекающими последствиями для политических режимов, являющихся рассадниками угроз и опасностей для экономической, политической и социальной стабильности в мире.

Логично предположить, что более – менее комфортно белорусский режим будет чувствовать себя ровно столько времени, сколько международное сообщество будет озабочено решением собственных проблем, поиском путей выхода из нынешнего кризиса. А заодно – и закладкой фундамента нового мира. В нем, несомненно, найдут отражение меры, как отвести угрозы и сделать мир более безопасным.

Можно не сомневаться, что краеугольным камнем этого фундамента станет демократическое устройство государств. И, соответственно, в качестве перманентной угрозы для стабильности в мире вполне справедливо будет рассматриваться любой недемократический режим. В любом уголке земного шара, а тем более в Европе.

Скорее всего, эта задача по своим временным параметрам выйдет за пределы не только предстоящих пяти, но и десяти лет. Но, согласитесь, она не выглядит плодом вымыслов и фантазий. Вспомним, как в 1990-начале 2000 гг. активно обсуждалась идея реформирования ООН. Проблема назрела давно, этот международный институт не поспевает за произошедшими в мире изменениями и перестал справляться с ролью регулятора международных, межнациональных отношений.

Самое главное – ООН не имеет механизма реализации своих решений и поэтому не может предотвращать конфликты и войны. И это приводит ситуацию в отдельных странах и регионах на грань катастрофы. Можно ожидать, что с окончанием кризиса международное сообщество вернется к проблеме коренной реорганизации ООН.

В ней, вероятно, одно из главных мест будет уделено борьбе с терроризмом и наркотиками, а также защите народов, страдающих от тирании. Не секрет, что рассадником этого зла в мире являются узурпировавшие власть недемократические, деспотические режимы.

Это еще одно обоснование того, что у белорусского режима нет, и не может быть исторической перспективы, шансов на длительное существование. И всякие рассуждения о всевозможных преемниках, которые унаследуют власть в Беларуси через 20-25 лет, я бы не советовал воспринимать всерьез.

«Через двадцать лет, – говорила героиня культового советского фильма «Москва слезам не верит», – все в мире станет другим». В этой фразе выражено многое: наше естественное человеческое любопытство, желание заглянуть в сокрытое таинственным покровом будущее; наша надежда на то, что оно будет лучше настоящего, что оно целиком и полностью оправдает наши ожидания.

Мы, белорусы, может быть, больше, чем другие народы, возлагаем надежду на то, что следующие двадцать лет непременно принесут перемены к лучшему. Белорусы как мало кто другой в мире, в Европе, среди

своих соседей выстрадали их, заслужили всей своей драматической, а зачастую, и трагической историей, право на достойную жизнь в своей независимой, свободной, демократической стране. Но, справедливости ради, подчеркнем, что, целиком выстрадав это право, слишком мало сделали сами, чтобы обеспечить окончательный и бесповоротный перелом в своей судьбе, судьбе своей страны и своего народа.

Белорусам надо поверить в себя, поверить в собственные силы, в то, что все в этом мире возможно, что чудеса и перемены совершаются, и не по воле каких-то героев или президентов, а по своей собственной воле.

Вероятно, предстоящие двадцать лет для белорусов станут также не только временем избавления от режима Лукашенко, который стал тормозом на пути их исторического развития. Но и будут временем осмысления того, как и почему поддались они соблазну найти простые ответы на сложные вопросы, поверили обещаниям устройства легкой жизни в один из самых трудных периодов своей истории, затребовавшего предельного напряжения сил от каждого из них и всего народа в целом.

За все в этом мире надо платить. И если белорусы поняли, какую непомерно высокую плату заплатили, легко и бездумно доверившись авантюрным обещаниям, перечеркнув на долгие годы перспективу для себя, своих детей и внуков, тогда они будут готовы любой ценой вернуть себе свободу как гарантию возвращения на столбовую дорогу цивилизации, процветания и развития страны и ее многострадального народа. Остается верить, что именно так оно и случится.

Все в мире относительно. Двадцать лет ровно в той же степени длинный, сколь и короткий срок. Двадцать лет – немалый временной отрезок для того, чтобы вместить огромное количество событий, успеть совершить массу всевозможных дел. Но он одновременно и короткий – для того, чтобы успеть увидеть последствия и результаты этих событий и этих дел. Вернемся к продолжению разговора через двадцать лет и посмотрим, в какой степени и как оправдались наши прогнозы.

III. Геополитическое самоопределение

Леонид ЗАИКО

Беларусь «инсайт футурума»: долгосрочное геополитическое форматирование

Предметно-методологический инструментарий: сущность и специфика

Трансформационная эволюция Беларуси является предметом многих изысканий и исследований. За два десятилетия возникло немалое число монографий, статей и комментариев именно по имманентной компоненте развития. Для этого достаточно материала, фактологии и рассуждений политиков, экономистов, социологов. Не менее занятны и труды юристов, особенно посвященные монократической правовой системе страны. В этой связи явление и сущность часто не требует расчленения – социальная и политическая действительность страны может быть классифицирована в рамках общей логики доказательств и опровержений.

Более сложно выстраивается концептуализация будущего через настоящее. Дело в том, что в теоретической транскрипции стратегическое проектирование направлений движений Беларуси по методологии, методам и технологическим процедурам отличается тем, что не может строиться только по имманентным признакам. Да и само сценирование ситуации, дефрагментирования страны от ближайшего трека до длинных волн развития детерминировано региональными, своего рода «мини-глобальными» трендами изменений.

В этом случае региональные геополитические и геоэкономические процессы являются исходными и определяющими в диагностике настоящего и будущего Беларуси. Рамки изложения исследовательской платформы автора заключаются в том, что анализ ситуационных решений, логика развития стран постсоветской формации дает возможность видеть особенное – алгоритм персонифицированной детерминации.

В данном разделе книги излагаются результаты исследований и оценок, проведенных автором в разных публикациях, книгах в течение последних 20 лет. Алгоритм таков – история настоящего есть история биографий ведущих политиков. По существу – развитие Беларуси до настоящего времени и развитие в среднесрочной перспективе связано с персоналистским типом эволюции. По этой методологии и логике анализируются типология и особенности экономического субстрата Беларуси, который так и не стал полноценной экономикой, не создал свою прочную национальную экономическую элиту. То, что два предприятия страны дают практически 48 % всего экспорта, показывает зависимый и опасный вариант траектории развития. Плюс неразделенная, не «распиленная» бывшая общественная собственность. Что заставляет многих напрягаться не только на Востоке, но и на Западе.

Видение ситуации определяется авторской призмой: персонификацией (условной, детерминистской) политических и экономических режимов партнеров Беларуси по новой интеграции. Второе рамочное определение – новая геоэкономика. Третья рамка – будущее формируется как *коллективный авторитаризм*. Что прочно показало себя в Китае, когда КПК форматирует и экономику, и общество без необходимости применять демократические нормы и демократические процедуры.

На этом пути могут быть и неожиданные решения, оригинальные повороты, что дает шансы творческой политической элите. Шансы есть и у экономической элиты, особенно в краткосрочном периоде, когда создаются новые состояния, новые объекты собственности либо переоформляются титулы. Но это не столь сильно скажется на развитии Беларуси. Более серьезные, ведущие решения происходят в объемном виде, как интегрирующие решения, как увеличение центростремительных тенденций на постсоветском пространстве. Именно с этим связано будущее Беларуси, но и России, и Казахстана. А потом и для большего массива политических и геоэкономических участников.

Плюрализм как отказ от выбора

В начале 1990-х гг. все казалось и простым, и сложным. Старое остается «за спиной», впереди демократия и рынок с его потрясающим выбором товаров. Надо было бы только быстрее добежать до нового «шопного» этапа развития страны, в котором главная персона – потребитель, а власть просто старается быстрее «учинить» всеобщее благосостояние, справедливый выбор товаров и услуг, низкие цены и свободу, как экономическую, так и социальную. Про политическую свободу и говорить было нечего. К ней все просто бежали.

Как это ни парадоксально, но после развитого социализма на значительном геоэкономическом пространстве от Одера до Тихого океана выбор был сделан в пользу экономической свободы, прав человека и социальной справедливости.

Однако, элиты, действуя со своих интересах, осуществили по существу демократическую контрреволюцию. Когда в квартире дочки «демократа первой волны» делается обыск, что вызывает шок и по личным мотивам, когда митинги против коррупции и обмана становятся «антигосударственными», то это – внешние для белорусов факторы. В самой Беларуси давно произошел переворот «айсберга элит», установился по сути период застоя, от которого страна отторгалась всем обществом еще в период развитого социализма.

Одним из самых пропагандируемых тезисов современной монократической власти Беларуси является констатация уже состоявшегося удачного выбора страны. На длительную перспективу. Странное, с научной точки зрения, утверждение о каузальности трассировки футурума именно в данной «точке», в транзите, именно при одновременном политическом вакууме (даже в парламенте нет фракций, что уникально для Европы) воспроизводится в стране последние полтора десятилетия.

Конечно, проще всего, существование такого монотипа выбора характерно для ограниченной во времени власти. Есть некий лидер – есть некий выбор. Появится другой, группа других – будет и другой выбор. Социологические и иные социальные исследования многократно подтверждали амбивалентность белорусского общества, что делает его «пластилиновым» в переходный период. Но, возможно, только в пере-

ходный, плюс при закрытой (или скрытой) системе формулирования общественных предпочтений.

Собственно иное едва ли было бы возможным при нахождении у власти ограниченной во многих отношениях местной элиты. Районный масштаб видения настоящего и будущего трудно скрыть, хотя с этим рабоче-крестьянская республика живет в той закапсулированной форме, которая соответствует и власти, и элите-монопсонии.

Проводимые независимыми белорусскими учеными в начале и середине 1990-х гг. исследования показывали, что лучшим вариантом переходного развития может быть плюралистическая формула.[1] Векторность для малой открытой экономики всегда будет важной частью всего развития. Одновекторность – признак сателлизации, что составляет растущую опасность для национально-государственного развития. Любой небольшой страны, а не только Беларуси.

Временное существование многовекторности – условие выбора. Если выбора нет, то и многовекторность превращается в символ для элит страны. Либо такой вариант служит прикрытием «маневризма» тех элит, которые находятся у власти и стремятся просто «отбыть номер». Существенно становится формальным, затягивается и имманентный социальный и экономический выбор.

Для последних лет такое «отбывание номера» превратилось в традицию. Постоянно тиражируемый тезис типа «Я люблю Беларусь» стал отражением беспомощности стихийных гносеологов аппаратного типа. Кто же мешает любить свою страну? Пятая или шестая колонна, цветные революции, Германия и Польша?

Или постоянная фрагментарность типа дихотомии Востока и Запада. Власть – восточная ориентированность, оппозиция – западная. Рефлексией становится и «борьба» за «европейский путь» и тому подобное. Очевидно, понадобится время, чтобы понять истину «East or West – Home is Best». Есть и другие факторы, условия и мотивация для рецепции данной формулы.

Пространственная детерминация такова, что Беларусь не может быть простым балансиром между Востоком и Западом. С 1991 г. Восточная Европа изменилась и переформатировалась контрастно. Европейский союз – первая субстанциональная модель. А вторая модель

«зависла» между новообразованиями СНГ, Союзное государство, ЕвраЗЭС, ОДКБ. Геополитический плюрализм, мультирегионализм стали способом разобщения и дезинтеграции постсоветских стран.

По сути, Кремль потерпел поражение на этих направлениях «стягивания» постсоветского геополитического и геоэкономического пространства. В такой унылой ситуации даже Александр Лукашенко попытался сдвинуть ситуацию, артикулируя модели «Восточнославянского единства», моста, типа «Минск–Москва–Пекин». Беларуси стали придавать смысловую нагрузку как центру современного восточного славянства, панславизма. С иронией, в специфической продажной оболочке называть «новой Шамбалой»[2]. Это льстило провинциальным политикам, но было абсолютно наивным и мелкотравчатым.

Однако Беларусь всегда находилась в пространстве добровольной или вынужденной ориентированности. Есть «спортивное ориентирование», есть и чисто белорусская разновидность охоты и спорта – «политическое ориентирование». Не первый год, не в первом поколении. Тем более, что сама история делает красочным видение и прошлого, и настоящего. И то, и другое может разломать страну, ввести ее искусственно в состояние национального и социального противостояния. И слова песни «Дан приказ – ему на Запад, ей – в другую сторону» могут быть портретным образом страны.

Сейчас идет «перетягивание каната» между ЕС и Россией по Беларуси. Этот процесс увлекательный и далеко не однозначный. Скажем, в последние два года действиями Кремля белорусское руководство было отсечено от ЕС и стран Запада посредством реализации замысла ЕЭП (единое экономическое пространство), поддержкой на последних президентских выборах, подписанием 17 документов о создании нового Таможенного союза. С перспективой превращения его в экономический и валютный союз.

Одним из удивительных политических феноменов этого казуса является неуверенность сторон в осуществляемом инструментарии действий. Россия закрепила отношения Таможенного союза комплектом соглашений, Беларусь в лице А. Лукашенко подписала данные документы. Интеграция стартовала. Дороги назад нет.

И да, и нет. Политики Евросоюза делают вид, что ничего не произошло. Идет пикировка, словно Беларусь осталась некоей «невестой на

выданье». Словно страна никуда не вступала, не имеет никаких «обременений» и обязательств.

Сплошной постмодерн, как со стороны А. Лукашенко, так и со стороны Европейского союза. Делают вид с равной степенью лукавства, что можно выстраивать некие однополярные отношения. Словно Россия, Казахстан, Евразийский союз нечто виртуальное.

Конечно, причины такого раздвоения существуют – это полное расхождение слова и дела в СНГ, ЕвраЗЭС и во всех постсоветских структурах, созданных за последние 20 лет. Собственно говоря, номенклатурные российские элиты настолько живут двойной жизнью, что этот феномен переносится и на внешние отношения.

В результате нет подвижек на формирующемся геоэкономическом пространстве. Все усилия Кремля, особенно после Бориса Ельцина, по созданию нового экономического пространства банально уходили, что называется, в песок.

На самом же деле Россия не хотела общего геоэкономического пространства. Получив в наследство от СССР нефть и газ, правящая элита просто стала ими торговать, причем требуя оплаты в американских долларах. Не в национальной валюте стран покупателей (Украина, Литва, Беларусь, Молдова и другие), а в американских долларах.

Этот циничный подход, который ничего кроме наживы, в своей основе не имеет, вызвал отторжение от России. Грузия и Украина более других отказались от перспективы формирования некоего общего пространства экономики. И дело не столько в их приверженности европеизму, сколько в отвращении к такой «рваческой позиции».

Да, экономики переходные, цены и тарифы должны быть переходными, адаптивными. Но при 15 долларах при добыче газа в России, когда его продажа идет по 300 долларов, ничего кроме голого чистогана обнаруживать не приходится. Удушение ценами на нефть и тарифами на газ стало «черной меткой» кремлевской группы. Кто бы ни становился президентом, ничего не менялось.

А почему? России нужна новая система зависимости новых стран. И Беларусь стала первой показательной республикой. А какова, что называется, историческая перспектива? Односторонний подход к тому, что Беларусь и аналогичные малые страны могут только торговать своей

ориентацией, не будет субстанциональным фактором геополитической и геоэкономической динамики.

Одним из крайне негативных последствий постсоветского эволюционизма стал феномен растущей неконкурентности элит, о чем автору приходилось писать в ряде статей и высказываться в комментариях в электронных СМИ. Постсоветская номенклатура достаточно быстро сгруппировалась в направлении «закрытия» собственных институтов власти.

Сам парадокс обращает на себя внимание не только в Беларуси. На эту тему стал высказываться и российский лидер В. Путин, отмечающий формирование такого вызова, как «склонность к застою, к иждивенчеству, неконкурентность элит и высокий уровень коррупции»[3].

Фразы замечательные, но когда видишь, как были пересажены из министерских кресел на административные (президентского инвентаря) стулья чиновники в 2012 г., то становится жалко и Россию, и потерянных талантов и умниц, которые не нужны собственной стране.

Экономическая эволюция Беларуси – отрицание будущего

Любое исследование постсоветского пространства в той или иной степени касается внутренней, сущностной детерминации происходящих процессов[4]. В этой части исследований белорусская официальная наука просела до советского уровня. Точнее, она с него никуда не перемещалась.

Впоследствии обнаружилось «нечто» любопытное. На одном из заседаний глава страны в сердцах возмущался тем, что Академия наук не выдала ни одной книги, ни одного исследования, которое бы пригодилось власти. Высекли сами себя. Попробуй, сочини «экономическую теорию» на весь корявый экономический постмодерн местной выделки. Подсовывать марксистские методы, а это уже стало привычным делом, но не результативным. Страна проваливалась с валютным регулированием, методами конкуренции, налоговой и социальной политикой.

Одновременно А. Лукашенко признался в том, что ему и его министрам приходится придумывать на ходу, как инсталлировать Таможенный союз. Как идти к интеграционной будущности в составе новой

триады. Сами изобретают велосипед, который получается без колес. Третий факт вызвал шок – начало первой «народной приватизации», которая также была сделана коряво и безграмотно. Но как умели. И никто такие народные акции покупать не стал. Провал такой самодельной белорусской модели приватизации.

Эти и другие яркие примеры показывают самое удивительное и простое в Беларуси. В стране не было и нет квалифицированной и профессиональной экономической политики. Есть державное и административное регулирование, но келейное, простоватое и далекое от науки. По этой же причине и экономика просто боится любого регулирования со стороны властей. Особенно это относится к бизнесу, хотя и директора государственных предприятий испытывают на своей судьбе издержки такой «государственной экономической политики». Надо бы признаться в том, что никакой государственной экономической политики выстраивать не стоит. Экономика – основа свободного и здорового общества. Управлять здесь можно очень аккуратно и тонко. А главное – профессионально. Иначе – последствия будут негативными. И на долгие времена.

Нанайская борьба внутри страны по поводу реформ едва ли была творческим этапом нашей современной эволюции. Триада – приватизация, стабилизация, рыночизация обсуждались, но серьезно этому внимание не уделялось. В итоге Беларусь стала аутсайдером по показателям конкурентоспособности среди стран мирового сообщества[5].

Казалось бы, парадокс: номенклатура по аналогии с Россией и Украиной должна была бы захватить промышленную собственность и келейно ее разделить.

Под вывеской приватизации отлично прошел бы первичный раздел собственности, или как любили говорить об этом на лекциях старые профессора, у которых проходил обучение и А. Лукашенко, и М. Мясникович, «первоначальное накопление капитала». Отлично помнят наши бывшие студенты этот сильнейший аргумент, грозное оружие в борьбе против растущей несправедливости.

Как быть? Чисто по каноническим положениям учебного плана лично руководители разделились на две группы: сторонники и противники капитализма в Беларуси. Вывески и медийное граффити обоих «орга-

низованных групп интересов» просты: за справедливость и интересы простых людей либо за рынок и предприимчивость.

Такой «галсовый» подход уже почти 20 лет бросает экономику Беларуси из стороны в сторону. Пугали польской шоковой терапией, а в 2011 г. почти троекратно «опустили» все, что можно. И уровень жизни, и белорусский рубль, и цены, и доверие к собственной банковской, экономической системе.

Провалы в экономической политике, точнее ее абсолютная теоретическая отсталость, перевели при небольшом, просто хирургическом, лишении Россией положительных экстерналий низкий цен на углеводороды, быстро способствовали переходу к внешним заимствованиям. Они стали расти буквально на глазах, и к 2012 г. в совокупности вышли на уровень 34–36 миллиардов долларов (частные долги и государственный суммарно). Это много, но и критический порог в 90 % от ВВП[6] уже недалек.

Но дело не только в этом. В стране сложилась достаточно примитивная интеллектуальная ситуация в отношении того, что может быть формами стратегического развития, а, что нет. Усилиями провинциальной элиты последних 18 лет от доктрины «чарки и шкварки» дошли до лозунгов «раскрепощения» предпринимательской инициативы. И высочайшими декретами сверху стали разрешать развитие бизнеса в сельской местности или создание крестьянских безналоговых усадеб для отдыха туристов.

Дальше этого дело едва ли пойдет. Страна лишалась базы для развития собственной экономической политики – интеллектуального сообщества профессиональных экономистов, философов, социологов. Лучшими «творениями» стали идеи «импортозамещения», «холдингизация» всей страны. Последнее напоминает хрущевские времена, когда химизация преподносилась как уникальная перспектива развития СССР.

В экономической политике закрепилась советская деревенская идея «сильной руки», которая носила разные интонации. Часто это ассоциировалось с «управляемостью» экономики. Руководство радовало население в 1990-х гг., которое существовало также «радостно» на 30-долларовую зарплату, тем, что в отличие от Молдовы или Кыргызстана мы не потеряли «управляемости». Что в стране упорно возвращаются к уровню жизни 1990 г.

Полная нищета и убогость идей, сквозивших в просветленном сознании провинциальных «управляющих», которые неожиданно заняли место в национальных структурах власти, создало такой мощный тормоз, который стал особой преградой на пути простого «нормального» развития страны. Но парадоксом следует признать то, что белорусский президент через полтора десятилетия своей легислатуры стал возвышаться этаким теоретическим и интеллектуальным лидером той элиты, которую он привел к власти. А на «местах» ничего не происходило, развитие регионов или локализованных экономических образований продолжалось в контексте «сохранения».

Это была наивная консервация образа жизни и действий, который становился изношенным морально теоретическим капиталом. Правда, что-то копировалось из российских дискуссий о выборе путей жизни, но это были абсолютно не прагматические идеи либо Жириновского, либо Зюганова. Что в отношении выпадов против Запада и США, что по поводу роли славян в Европе и далее ее.

Восстановительный период экономики Беларуси закончился закономерным суицидом экономической теории. То, что осталось в университетах либо академических институтах, соответствовало статусу хосписа. Правда, не простого, а интеллектуального, с наличием зрителей в виде молодежной аудитории. Студентки и студенты упражнялись с упорством, достойным лучшего применения в конкурсах красоты, преподаватели экономической теории закрывали бреши в своем скромном бюджете, разрываясь по семинарам и лекциям в небольших частных вузах.

Что-то, конечно, двигалось вперед. Так, примерно через 12–15 лет белорусская правящая элита стала понимать, что экономика страны является малой и открытой. Казалось бы, что из того? Очень многое: важность внешних экстерналий, понимание того, что внутреннее регулирование цен бессмысленно и только ухудшает ситуацию с рыночными сигналами.

Вместе с тем, неэффективность экономической политики стала проявляться все больше и больше. Уже в новом десятилетии стал резко расти отрицательный чистый экспорт. На это просто не обращали внимания, либо делали вид, что ничего особого не происходит. Ошибки в трассировке уровня государственных расходов, темпах прироста

доходов домашних хозяйств, динамики расходов населения достигали значительных величин. Причем, из года в год.

Внимание президента было приковано не к пропорциям макроэкономики страны, а к выполнению достаточно наивных количественных величин роста и прироста выпуска продукции. Это было настолько тупо в своей повседневной обыденности, что весьма быстро диспропорции привели к разрушению равновесия на внутреннем рынке, проблема получила название «затоваривания».

Смешным выглядело то, что стали обращаться к экономистам-профессионалам с вопросом о том, что делать с большими товарными запасами. Белорусские директора, выполняя президентские декреты, перемалывали миллиарды долларов импортной энергии, сырья и материалов. В упоении собственными «достижениями» дошли до того, что дефицит во внешней торговле превысил 10 млрд. долларов в год. И это обвалило все наивные расчеты чиновников в правительстве и их плохих начальников. И что дальше?

А ситуация дошла до своего логического завершения. Суть в том, что, выполняя директивы и указы, решениями всенародных собраний, вместе с тем, вся экономическая политика последних 20 лет была, образно говоря, выжиманием «социалистического лимона». Сознаться в этом и покаяться намерений ни у кого не было. Решили списать на мировой финансовый кризис. Кому-то от этого полегчало.

Есть вопрос: а что главное в нынешнем времени, в нынешней «точке отсчета»? Выводы могут отличаться по глубине или политической корректности. Представляется, вместе с тем, что именно сейчас наступило время смены статуса проблем: пора переводить их из технических в ценностные, ориентационные[7].

Важный вывод из этого – умение находить свое место и траекторию движения между двумя большими системами – Россией и ЕС. Находиться длительное время «и там, и там» невозможно, да и такой вариант экономической пляски едва ли следует признать эффективным. Конечно, в стране существовали иллюзии «моста», но мостостроительство быстро развалилось.

Неумение правящей хозяйственной элиты советской чеканки реформировать методом «инсайда» большие и средние предприятия, соз-

дать эффективные хозяйственные подсистемы закончилось провалом собственной хозяйственной практики. Подспудно и все более настойчиво стали проявляться тенденции к номенклатурной приватизации.

С приходом в правительство «номенклатурного старца» М. Мясниковича[8] еще более ридикюльным и показательным стало стремление к созданию холдингов и иных форм финансово-промышленных групп. Казалось бы, Ходорковский или Абрамович, ловко создавшие на этой парадигмальной почве свои состояния, должны радоваться тому, что через пару десятилетий в малой провинциальной стране будут предложены гражданскому обществу российские приватизационные грабли.

Собственно в этой системе координат экономическое взаимодействие более всего соответствует модели трансфертной экономики, которая получает ресурсы одной страны (России) и, перерабатывая их, использует для получения позитивных экспортных экстерналий.

С развитием центростремительных трендов ЕАС этот геоэкономический модус может элиминировать. Однако с определенностью можно считать, что, получив поддержку и непосредственное участие деловых элит России и Казахстана, вариант «западного плацдарма» может развиваться весьма успешно.

Что работает против, а, что «за». Против – опасение кремлевских структур и их экономического лобби, что Беларусь станет «фактором возмущения» для ЕЭП. После решения создать китайскую сборку автомобилей в Беларуси молниеносно последовало заявление посла России, который не мог излагать некую персонифицированную точку зрения, о том, что китайские авто не получат права продаваться в России. Более того, подчеркнуто жестко обозначалось, что Россия не будет смотреть сквозь пальцы на такие действия полисимейкеров-партнеров.

Геоэкономические вводные и траектории

Что же работает «за»? Естественно, на первом месте стоит стремление российского бизнеса приватизировать, захватить, распилить белорусскую общественную собственность, которая незаметно стала «государственной». Создавать свои структуры не только производства, но и сбыта продукции на территории Беларуси будет бизнес, особен-

но «подкрышный» как России, так и Казахстана. В последние дни уже озвучен один из таких пионерных проектов по имплантации в Беларуси нового нефтеперерабатывающего завода. Конечно, пока небольшой мощностью (около 1.5 млн. тонн), но такого рода проекты быстро мультиплицируются.

Аналоги возможны и по другим отраслевым и технологическим схемам. Выгодность для Казахстана вполне определенная – прямо торговать с ЕС с минимальными аллокациями грузов. Сделки маскируются, уводятся от общественного и медийного внимания.

Общая структура потоков экспорта в первом квартале 2012 г. была показательной для начального, стартового варианта развития единого экономического пространства.

Отметим, что общие экспортные потоки Беларуси по 1 кварталу 2012 г. составили в агрегатном виде 11 835 млн. долларов (только торговля товарами)[9]. Эта экспортная «товарная экономика», до рыночной она не дотягивает, имела следующие конкретные векторы (в млн. долларов):

Таблица 1. Направленность экспортных потоков Беларуси в 1 квартале 2012 г.

Вариант ответа	**млн. долл.**
Россия	3 654
Европейский союз	5 753
Страны СНГ	5 144
Страны вне СНГ	6 690

Приведенные показатели не очень «чистые». Уберем лишнее, двойной счет. Удельные веса потоков экспортных продаж товаров сложились таким образом:

Таблица 2. Удельные веса экспортных потоков Беларуси в 1 квартале 2012 г.

Вариант ответа	%
Европейский союз	48.6
Россия	30.8
Остальные страны	20.6

Особый интерес – динамика темпов экспорта после создания нового Таможенного союза. По главному партнеру ситуация такова, что прирост экспорта составил в первом квартале 2012 г. всего 19.8 %.

Товарный экспорт в ЕС вырос ровно вдвое (207 %). Продажи в Казахстан, единоутробному партнеру, приросли на 61.9 %. Но трехмесячный объем экспорта в эту страну составил всего 181 млн. долларов. Это представляет собой 0.0152 часть совокупного экспорта Беларуси. Столь малую величину можно вообще не принимать во внимание.

Вывод прост. Главным экономическим партнером Беларуси продолжает быть ведущий покупатель национальной продукции – ЕС. Приток валюты – ровно половина от его величины, обеспечивается Евросоюзом, его странами-участниками.

А как же Россия? Второй партнер. Да, второй, и она менее всего получила новых товаров в результате создания Таможенного союза. У них, восточных славян, – 20 % прироста, у западных европейцев – рост в два раза. Но становится понятной перспектива. Потеря российского сырья – это потеря половины экспорта Беларуси. Тупик для промышленности, обвал национальной денежной единицы, политическая нестабильность страны. И многое другое – более опасное и трудное для населения страны.

Общая конфигурация экспорта показывает также и стратегический профиль ситуации. Строго говоря, «распыл» экспорта на уровне 1/5 «за все» охватывает многочисленные потоки по всему миру, дальнему и ближнему зарубежью – от продаж в США до поставок сахара в Кыргызстан или подков для итальянских лошадей.

Главное – раздел национального экспорта в пользу Европейского союза. Такая ситуация может вызвать недоумение у политиков, не знающих особенностей Беларуси. Есть новый Таможенный союз, закрываемое от всех общее экономическое товарное таможенное пространство, а главный канал внешней экономики – европейский, «сам» Европейский союз. Какие санкции, какие меры против, если все и так прекрасно. Если не Россия, а Европа покупает почти половину белорусской продукции «внешней экономики».

Персонификация будущего

Оценка прошлого развития привела российских лидеров к формуле эволюционизма. Странным образом это стало замечаться при стремлении В. Путина третий раз стать президентом России. Обоснование просто: постоянно повторяющая проблема России – «стремление части ее элит к рывку, к революции вместо последовательного развития»[10]

С этой точки зрения Лукашенко и Назарбаев – верные ценители эволюционизма, причем собственного персоналистского. Когда аналогичный образ действий стал «путинским», то реакция российского общества была весьма яркой. Конец 2011 г. и начало 2012 г. подтвердили стремление демократического социума России избавиться от очередного эволюциониста брежневской чеканки. И не важно, что он знает европейские языки и играет одной рукой на рояле.

Персоналистский эволюционизм и «стабильность» – пустой звук при концентрации власти в таком масштабе. Плюс устранение политической, а затем и экономической конкуренции, что, вообще, ведет к системным ошибкам в развитии общества. А рывок – абсолютно выгодная технология для развития производительных сил общества. Спросите об этом у корейцев и китайцев. И не стоит терять время на такие смешные вещи, как «стратегия устойчивого развития». Именно эта доктрина была подсунута в период ускоренного изменения технологий и знаний. Тормоз для социальных и экономических инноваторов.

Поразительная логика состоит и в том, что тоталитаризм в СССР не смог трансформироваться в демократизм. Когда рассеялись первые иллюзии и номенклатура восстановила свое численное преимущество, стало понятно, что к демократии придется двигаться через авторитаризм.

Какой? Просвещенный, как в России, или непросвещенный, как в Казахстане, Беларуси или Узбекистане. Впрочем, антилогики в этом движении не было и не будет. Страны Балтии не стали исключением, они просто обменяли свой авторитаризм на потерю стандартной геополитической независимости.

Получилось быстро и с новыми мыслительными последствиями. В ситуации, когда задавать вопросы, кем и чем они стали, было непри-

личным. Хотя и тема не исчезает сама по себе, не испаряется как призрак коммунизма, бродивший по Европе и забредший в Россию.

Аналогично в растущем новом монократизме произошла и понятийная трансформация. Как бы назло всем экспертам и квазиспециалистам по трансформации совершенно интереснейшим образом «демократический централизм», как блестящее изобретение ленинцев и настоящих честных большевиков, превратился в «демократический идеализм» нового поколения русских, украинских, белорусских (и прочих) демократов.

1990-е гг. были периодом верификации внутреннего и разнообразного мозаичного «демократического идеализма» с мыслителями областного партийного уровня, интеллигентами, овладевшими методами скорочтения западных учебников и разработок. С одновременным полным провальным применением этих трудов иностранных специалистов. Возможно, что самыми удачными семантическими приобретениями были слоганы «президент», «парламент», которые стали именами нарицательными в общественном да и обыденном (значительно быстрее) сознании.

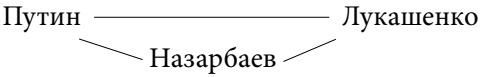
«Демократический идеализм» был недолгим в России и Беларуси. До ухода Ельцина у них и до первых президентских выборов у нас. На этом все и закончилось по существу. Какие-то вторичные признаки демократии еще заметны, но главное рухнуло, не успев быть созданным. Тест простой – выборы. А другого, собственно говоря, и не надо. Власть захвачена всерьез и надолго. Будет она отрицать или доказывать свою демократичность при наличии «управляемой демократии», «белорусской демократии» уже не важно.

Что же будет происходить с принципами демократии на постсоветском пространстве? Этот вопрос современная номенклатура решила «замкнуть» на себя. Не общепринятые демократические нормы и принципы, а некая «своеобразность». В этом контексте Н. Назарбаев и А. Лукашенко вполне поддерживают В. Путина, который заявляет, что «сферу прав человека нельзя никому отдавать на откуп. Россия – молодая демократия. И мы зачастую проявляем излишнюю скромность, щадим самолюбие наших опытных партнеров»[11].

Авторитаризм логически должен был стать, стал вчера, стал сегодня исторической формой политической организации общества на всем постсоветском пространстве.

Образно говоря, особенное белорусское развитие малоперспективно. Внутренняя динамика процессов политических, партийных, социальных будет, но она будет вторичной.

Наши исследования показывают, что именно сейчас происходит историческая интеграция политического персонализма. Только не в форме «3D», а в виде своеобразного «3М»:



Это монократический треугольник. Региональный интеграционный треугольник, являющийся в силу собственной геометрии устойчивым образованием. Три точки опоры постсоветского монократизма. Монократия российская, монократический режим в Беларуси и монократизм Назарбаева дают устойчивую форму существования постсоветской номенклатуры, которая поддерживала и будет поддерживать современный авторитаризм в его успешной персонифицированной монократической упаковке.

Особо следует отметить, что история посттоталитарного общества в значительной степени и есть история биографий. Так, Горбачев – эпоха, Ельцин – начало новой эпохи, Путин – осовремененный авторитаризм «просвещенного типа». Кстати, против которого протестуют. Инаугурация Ельцина – всеобщий позитив и поддержка. Путин в первом своем явлении – поддержка и надежды на новое будущее. Путин «во втором явлении» – своеобразная осада, неприятие, «чистые пруды», новоарбатский протест.

Абсолютно идентична и белорусская фронда. Только менее терпима, власть белорусской номенклатуры боится демократии больше, чем «московские сотоварищи». Но «площадь», пикеты, хлопанье рук, граффити создали образ такого противостояния и протеста. Биографии В. Путина и А. Лукашенко стали конгруэнтными в ситуации пролонгирования личной власти.

Персонификация власти в Казахстане, вообще, каузальна. При подготовке «нового СССР» Н. Назарбаев предназначался на должность премьер-министра этой несостоявшейся страны. И он сохранил за собой все инструменты власти, будь то партия коммунистов, демократическое крыло КПСС, президентство азиатской чеканки.

Если подвести черту в таких оценках, то персоналистские режимы Кремля, Минска и Астаны с момента создания Евразийского Сообщества переплетаются в логически и исторически оправданные формулы коллективизма президентства. Что становится важным в оценке 5-10-20-летней перспективы?

- История нашего развития утверждается как история персонализма, биографий Лукашенко, Путина и Назарбаева.
- Данные персоны являются лидерами (лидерами-пастухами) неономенклатуры.
- Президенты концентрируют в своих руках значительные экономические активы, контролируют собственность и важнейшие финансовые потоки.
- Все три фигуранта заинтересованы друг в друге, они и создали «цепную» (почти в прямом смысле) власть, цепочку механизмов власти в своих странах, регионе в целом.
- Президентам в перспективе мало некоего экономического союза, они заинтересованы в пролонгации власти в новом качестве, в создании новой традиции.
- В течение 5-летней перспективы можно диагностировать увеличение личного взаимодействия монократов трех стран – «3М» получает новые импульсы развития.

Что будет дальше? Главный вопрос для многих интересантов – от американского президента до вахтера в минской бане. Естественно, что оптимисты считают возможным свержение такой монократической власти самим обществом, демократическими индивидуалами. Российский пример показывает, что потрясение основ монократической власти может начаться, но вот продолжится ли – далеко не факт.

Кстати, испуг со стороны неономенклатуры оказался большим. В качестве мести, среди прочего (от задержаний Навального до обыска у Ксении Собчак) была придумана схема, согласно которой неправительственные организации надо признать «иностранными агентами». Лаврентий Берия радостно бы потирал руки, а что – назовем их официально иностранными агентами. Хотя лучше было бы называть, требовать регистрации «иностранные агенты США», «иностранные агенты Германии». И так далее. В качестве противохода неплохо было бы провернуть идею поддержки проектов со стороны ЕС не прямо, а

опосредовано. Скажем, через Монако или Португалию, Грецию, чтобы получилось – иностранные агенты Монако, иностранный агент Греции. А как потрясающе будут ассоциироваться такие констатации со странами – Зимбабве, Гондурас.

Или стоит подождать калькирования этой формы работы с третьим сектором в Беларуси? Судя по всему, в рамках нового сообщества это нововведение придет скоро. Хотя надо отдать должное белорусским защитникам чистоты веры и отечества. До такого идиотизма мы не дошли, все-таки цинизма в России больше.

Системная эволюция: формирование евразийского будущего?

Рассматривать будущее Беларуси можно солидарно с неким футурумом, который создается в объемной форме на постсоветском пространстве. Будет Россия регрессировать – процесс аналогичный пойдет и по ее союзникам. Станет Россия выходить из одиозного монократизма и эволюционировать в демократическом направлении – тогда Казахстан и Беларусь вынуждены будут политически и социально меняться.

Осмысление ситуации осуществляется, естественно, давно. Кроме контрастированных, даже черно-белых видений есть и более продвинутые. Они заслуживают упоминания.

Несколько лет назад на одном из научных форумов, который проходил в Варшаве, запомнилось выступление А. Н. Яковлева, который на вопрос о будущем России определил его как «демократура». Одновременное наличие и действие демократии и диктатуры.

Синтез, который можно считать переходным, временным? Вполне, хотя транзитивность легко может перейти в дихотомию разрушительного свойства. Конечно, оценивая ситуацию в России или Беларуси (про азиатские республики, что называется, по умолчанию), «диктатурных» (не диктаторских) процессов и явлений предостаточно.

Что же будет с нашей страной в перспективе? Включая и долгосрочную? Не будем вспоминать ироничного Джона Майнарда Кейнса, который справедливо отмечал, что в долгосрочной перспективе мы все умрем. Это так.

Но что же формируется сегодня как фактор завтрашнего? Представляется, что будут диалектически взаимодействовать две тенденции. Но демократизм не придет сам по себе. Многое зависит от того, насколько успешно усилия гражданского общества будут направляться не просто в сторону демократии. Представляется, что тема политической демократии уже изрядно выгорела. Она стала пикировочной, часто контрпродуктивной.

В этом отношении более перспективной представляется идея развития экономической и социальной демократии. Чисто конструктивный подход. Что называется, «никакой политики». Рост факторов экономической свободы: от свободы потребительского выбора до свободы рабочих мест. И разворачивание такой демократии не требует присутствия западных влияний, что называется, по определению.

Тема экономической и социальной демократии будет выноситься в центр внимания и самой правящей элитой, внутри которой есть собственный источник протеста и несогласия. Особенно в Беларуси, где не произошла монополизация частной собственности. Есть и многие другие аргументы в пользу использования этих векторов общественного диалога.

В таком качестве демократия восходит к более важной системе, нежели традиционно «плоской» демократической системе ценностей, ориентируется на новое знание, растущую образованность. Устаревающая цивилизационно власть в трех странах иногда «приходит в сознание», с удивлением констатирует, что в странах меняется образовательный капитал, интеллект опережает развитие политической сферы.

Так, В. Путин в своих предвыборных статьях (которые вызывают иронию по определению авторства) сообщает с гордостью, что в его стране 57 % граждан в возрасте 25–35 лет имеют высшее образование[12]. И такой образовательный феномен наличествует только в трех странах мирового сообщества – Японии, Южной Корее, Канаде.

Получается почти обидно для нашей республики, которая в официальных оценках представляется местными пропагандистами чуть получается, не складывается?

Мало кто оценивал либо комментировал данную ситуацию. В чем причина? Или слишком много дипломов стало продаваться в подземных переходах московского метро, либо, действительно, десятки тысяч

новых частных вузов стали выдавать сертификаты об образовании. Ряд из них, причем слишком существенный, дает рекламу – образование без посещения занятий. Заплатил – и двигайся с курса на курс. Особенно это должно вдохновлять пациентов больниц и клиник России.

Не будем слишком критичны. Образовательный феномен России важен для будущего. И наши ресурсы по образовательному вектору также могут быть усилены. На ближайшие 10 лет – несомненно.

Вернемся к персонализации футурума. Она, безусловно, будет. И по традиции, и по значимости.

Кроме того, можно считать, что созданный треугольник персоналий и контролируемых ими стран становится устойчивой геополитической фигурой. На первых порах им не нужны некие новые партнеры. Даже Украина не «врисовывается» в эту субрегиональную фигуру власти. Впрочем, речь идет о двух континентах (Европа, Азия), что делает данный геополитический и геоэкономический альянс вполне стратегически перспективным.

Тем самым, в 5–10 летней перспективе может быть весьма устойчивой власть «монократов», которые всецело будут поддерживаться собственным для каждой страны национально выразительным «политическим классом». Такое развитие отвечает интересам ведущих центров мира (G8), 20-ке, БРИКС. США и ЕС также хотели бы видеть предсказуемую и сильную власть в Евразийском регионе.

Кстати, в данном контексте более опасным трендом было бы сближение России и Китая. А ЕАС (Евразийский союз), если он зациклится на своих внутренних общих интересах, отодвигает консолидацию с Китаем. Да и Китай, получив в качестве результата лидерство в объемах мирового ВВП, постепенно придет к тому, что партнерство с кем бы то ни было не будет являться для него стратегически важным. Став первыми в мире, коммунисты Поднебесной будут укреплять свою личную власть еще с большими усилиями. А партнеры будут становиться менее важными.

Итак, монократическая система власти нуждается в коллективизме Путина, Назарбаева, Лукашенко. Возможны ли девиации? Вполне, хотя они только будут улучшать такую новую посткоммунистическую «Антанту». Без изменений, вариативов любая власть обречена на ослабление и разрушение. Опыт СССР это хорошо доказал.

Используя метод персонализации, учитывая тренды геополитического и геоэкономического развития, можно спроецировать 3 основных фазы эволюции коллективного монократизма «3М».

Первая фаза (5-летний цикл) – формирование ведущего центростремительного тренда типа «Новая Антанта». Новый тройственный союз, согласие с известными отклонениями. Увеличение взаимозависимости.

Это – результат не только персоналистской эволюции. Вакуума на постсоветском пространстве не будет. Сближение на базе новых элитных групп (старой начинки) шло медленно. Но финансовые клэши в Америке или Европе требуют создания более надежных институтов денег и ликвидов. Вот и появился в Москве новый Международный финансовый центр, который может стать копией Всемирного банка для треугольника, а то и всего СНГ.

Важный аспект – консолидация экономических элит. Бизнес хотел бы получить свое закрепленное право убирать иностранных конкурентов, выбрасывать с нового пространства интеграции европейцев или американцев. А еще больше – китайцев. Это реальные экономические интересы и российского, и белорусского, и казахского бизнеса. Разговоры о ВТО и международном сотрудничестве заканчиваются при распределении прибыли. Можно привести маленький, просто неказистый пример. Смешно, но в Калининграде немецкий врач не мог на своей частной клинике сделать большой рекламно-информационный билборд, не смог просто договориться с местными чиновниками. Но когда он ввел в управление русского партнера, все решилось за три месяца, а предшествующие три года были до странности неуспешными.

Взаимодействие элит требует и организационного оформления. В политической сфере – общая парламентизация. Движок для развития, место лоббирования и улаживания экономических, социальных споров. Особенно – лоббирования, формирования собственных крыш и группировок политических и экономических.

На этой фазе главным событием будет создание общего парламента – Евразийского парламента на постоянной основе.

Второй шаг – стимулирование солидарного полисимейкерства. Произойдет и формирование коллективного правительства, что, собственно, постепенно и происходит.

Новый ген – трехсторонние организации бизнеса, союзов предпринимателей. Возможно появление ассоциаций производителей. Еще более интересно – объединение работополучателей. Потребительские институты, защита прав потребителей будут запаздывать, но поле для такой активности существует, основа для движения в данном направлении есть.

Вторая фаза (10-летний цикл) – создание общего коллективного президентства. Формула перспективна такая – «Новая Византия». По существу, в субстанции. Название может быть красочным и творческим. Но стремление к сильной конфедерации, а еще лучше – империи вполне соответствует азиатству российскому и фанатической любви к власти в новой белорусской традиции.

Развитие интеграционных процессов и необходимость перевода личной власти В. Путина, А. Лукашенко и Н. Назарбаева в новую плоскость делает перспективным поочередный цикл, скорее всего, 1-го годового президентства ЕАС.

Эта структура может быть не столь критически управленческой. Компетенции – внешняя политика, армия и безопасность в широком смысле. Каждая страна составляет собственные парламенты и правительства, это как приводные ремни и «утешительные заезды» для номенклатуры местного уровня.

Если президенты сегодняшние не сделают этого, то ЕАС развалится. Молодые политики Беларуси больше любят совершать поездки в Брюссель, в Европу. Московские политики, которые постараются избавиться от наследства Путина, быстро переформатируют собственные векторы. Они будут более американизированными и европеизированными.

Путинский режим и его нынешние поддержанты потеряют все, если не смогут создать именно совместный коллективный президентский орган. Византия, как пример для русских политиков, – единственный шанс удержать постсоветское пространство под контролем. Провалят это – Россия будет приходить в упадок. Сойдет на нет.

Третья фаза (20-летний цикл) – формирует новое, объединенное геополитическое и геоэкономическое образование с примерным количеством участников в рамках 7–10 стран. Тип такого образования можно классифицировать как «Сообщество-империя» – не западного

демократического плана, а более организованное и управляемое. Без мультикультурализма ЕС, приведшего к катастрофе Европы. Ожидаемой, хотя можно предполагать и как уже состоявшейся.

В оценке такого генезиса надо принимать традиции прошлого, нового настоящего и будущего. Не надо зацикливаться на термине «империя», что отбрасывает всех нас, и ученых, и комментаторов, в примитивную плоскость дискуссий. Империя – это тип существования интегрированных стран, отличающийся высокой степенью эффективного управленческого централизма, принятия решений в быстрой и эффективной форме. Этакая сверхуправляемость и четкость в высших, причем немногочисленных эшелонах власти. Плюс явно неимперские признаки – открытое правительство, флэш-акции в формировании общественного мнения и быстрых изменений на местном уровне. Империя – это как мотор и охранная система, тип движения. Но рисовать детальные формы пока не надо, важно понять, что выбор типа власти и механизмов развития социума происходит с учетом глобального исторического опыта. Ведь эффективность Византийской империи на протяжении тысячи лет – это не 12-летняя история Третьего рейха. Впрочем, многие дискуссии еще впереди, а «драйв» придет, когда ВВП на душу населения достигнет 22–25 тысяч долларов в сравнительном измерении.

Третья фаза может стать основой роста стабильности в Европе и Азии. Политически такой центр повышает равновесие, убирает опасения по поводу китайской угрозы для европейцев. Ситуация с развитием стран Средней Азии также становится более предсказуемой. Монократические режимы Казахстана и Узбекистана уже сегодня могут кооперировать усилия в стабилизации своего региона. Обе страны – «золотоносные», нефтяные и газовые. Они хотят изменить фасад, убрать угрозы извне.

Создание такого «имперского» интеграционного сообщества выгодно Европе и США. Причин много – стабильность и предсказуемость региона. Учет национальных особенностей и наличие элит, которые понимают и придерживаются современного «цивильного» образа жизни. Муамар Каддафи с его верблюдицами и юртами подтолкнул и азиатских лидеров к юртизации офисов и мест встреч, но это будет в большей степени лубочным, перфомансом.

Естественно, что в этой картине будущего роль Беларуси будет увеличиваться. И она получит свои экстерналии. Первое – стабилизация поставок сырья и ресурсов. Второе – трансферт производства: от тракторов до швейной промышленности. Третье – получение гарантированной рабочей силы, недорогой, контролируемой. Четвертое – свобода перемещения и свободное движение капитала и денег. Это стимулирует активность и политиков, и бизнеса.

Но есть и другой сценарий. Самый простой. Уход от России, быстрое членство в ЕС. Такие шансы есть, но они реализуются при предельно кризисной ситуации в политической сфере в России. А этот тип ситуаций и их решений будет проходить вне возможностей самой Беларуси и ее лидеров. В субстанциональном ключе «вне», хотя разрушить политическую стабильность в России мы можем собственной нестабильностью. Экономические факторы Беларуси не повлияют практически никак на экономику России, а политические диссонансы могут серьезно изменить равновесие в самой России. Если действительно заработают органы Евразийского Союза. И там начнется новая политическая игра, новые поддержки, новые подножки. И прочее, чем отличается политическая жизнь от обычной.

Однако такой негативистский вариант событий менее вероятен. В ближайшие 10 лет персоналистический путь эволюции будет «мейнстримом» и у нас, и в государствах постсоветского типа.

1 Значительная часть результатов данных исследований изложена в выпусках «Belarus Monitor» (НЦСИ «Восток–Запад») 1994–1997 гг.; затем оценки выбора путей развития страны охарактеризованы в монографии «Национально-государственные интересы Республики Беларусь». Минск, 1999.

2 В теоретической «шамбализации» Беларуси весьма преуспел московский ученый Михаил Делягин, который несколько лет тому назад посвятил большой раздел в своей монографии именно этой теме. Тем самым обосновывался тезис об особой роли Беларуси в создании будущего социума на постсоветском пространстве.

3 Путин В. В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. С. 4.

4 Конечно, когда мы говорим об «исследованиях». Вместе с тем в странах, соседствующих с Беларусью, да и в ней самой появилась масса, как правило, эмпирических публикаций, которые называются авторами как «экспертные», «аналитические». Нельзя отрицать важность фактора открытости к предмету анализа или синтеза, но в 90 процентах случаев мы имеем дело с планктонной формой существования квазинауки.

5 The Global Competitiveness Report 2011–2012, World Economic Forum. Сентябрь, 2011.

6 Эта закономерность была установлена К. Рогофф и К. Райнхард на примере 44 стран на

отрезке более чем 200 лет экономической истории. См. подробнее: Global risk 2011, Sixth Edition. Всемирный экономический форум. Январь, 2011.

7 Между Адамом Смитом и инновациями // «Беларусь 20/20. В лабиринте экономической идентичности. Минск, 2011. С. 424–430.

8 Научная элита, особенно академическая, прекрасно понимает, что иного ожидать от нынешнего премьера было бы трудно. Защищенная им в Петербурге, вдали от белорусской экономической тусовки, диссертация на тему промышленных и финансовых групп не стала предметом добычи марксистов республики. Но и это «молчание ягнят» может быть нарушено.

9 В этом фрагменте использованы обработанные автором официальные статистические материалы, опубликованные в виде брошюр «Внешняя торговля товарами Республики Беларусь (по товарам, странам, континентам, средним ценам) за январь–март 2012 г. (предварительные данные). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2012.

10 Путин В. В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. С. 3.

11 Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости», 2012. 27 февраля.

12 Путин В. // Известия, 2012. 16 января.

Эндрю УИЛСОН

*Моделируя Беларусь**

Целью этого материала является анализ текущего состояния в основном англоязычной литературы по Беларуси. Нужно подчеркнуть, что я не рассматривал исследования о Беларуси в целом: моей целью было оценить, в какой степени белорусские исследования проникают в академическую среду на Западе. А если этого не происходит, то какими должны быть такие исследования для того, чтобы вызывать более общий сравнительный интерес?

Хорошей новостью является то, что мы прошли долгий путь от простой оценки Лукашенко в качестве «султана», как это было в 2000 г. [1] Поиск синонимов слова «диктатор» не сильно нам помогает. Может быть, у нас все еще нет точных эпитетов для описания белорусской системы в целом, но уже есть несколько сильных теоретических элементов. И мы приветствуем запуск Белорусского журнала политологии[2] и надеемся, что скоро к нему присоединится повторный запуск Журнала белорусских исследований[3], каждый из которых будет играть ключевую роль в качестве интерфейса между исследованиями на белорусскую тему на родных языках и на английском.

Национальная идентичность

Традиционно в таких случаях начинать с вопросов национальной идентичности. Обычно предполагается, что национальная идентичность является краеугольной независимой переменной, но белорусский случай интересен тем, что тут может оказаться полезным относиться к

* Перевод с английского Натальи Манаевой.

идентичности, по крайней мере, частично, как к зависимой переменной, то есть относительно изменчивой категории, как находящейся под влиянием политических приливов и отливов, так и наоборот, влияющей на них. В последние годы ответы на традиционный вопрос НИСЭПИ: «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский союз, что бы Вы выбрали?», например, следовали более реальным вариантам.

Когда отношения с Россией ухудшились, поддержка интеграции с Россией снизилась с 56,5 % в 2006 г. до самого низкого уровня в 31,4 % в июне 2011 г., прежде чем подняться обратно до 47 % в марте 2012 г., когда отношения вернулись в прежнее русло. Поддержка Европейского союза соответственно выросла до максимума 47,8 % в июне 2001 г. – в первый раз она была значительно выше, чем поддержка интеграции с Россией, а затем упала до 37,3 % в марте 2012 г.[4] Вряд ли кто-то станет утверждать, будто причина и следствие меняются местами – что А. Лукашенко меняет свою внешнюю политику в ответ на изменения общественного мнения.

Кажется, что белорусская идентичность схожа с той, которую Александр Першаи и другие называют «незначительной (второстепенной)» национальной идентичностью (см. ниже). Белорусская национальная идентичность является не столько неполной или отсутствующей, сколько многоуровневой[5]. Белорусы хотят, чтобы их идентичность была совместима с более широким «европейским» или «восточнославянским» выбором (как бы они ни назывались), однако они определяются в зависимости того, который из них кажется более привлекательным в данный момент.

В начале 1990-х гг. было естественным рассматривать сильные и слабые стороны национального проекта БНФ. Но к концу 1990-х стало ясно, что идеология или «проект» Лукашенко (который многие авторы называют «лукашизмом») также является жизнеспособным, и стало принято говорить, по словам Натальи Лещенко, о «двух стратегиях национального строительства в постсоветской Беларуси»[6]. Но такой бинарный стереотип не помогает продвинуться вперед: недавняя книга Нелли Бекус не слишком много добавляет к этим дебатам[7]. Очевидно, что идеологии «старого» БНФ и А. Лукашенко на деле не противостоят друг другу, а «лукашизм» не является устоявшимся набором убежде-

ний. В то же время, они не являются и строгими антиподами. Григорий Иоффе[8] и другие авторы[9] предложили еще один трехсторонний подход, для понимания «проекта» А. Лукашенко применяя идею креольского национализма, следуя за работой Николая Рябчука и других авторов, пишущих об Украине[10].

Но существует много видов креольской идентичности, какой же именно существует в Беларуси? Каково отношение креолов к бывшей метрополии? Конечно же, хвост может вилять собакой в политическом плане, как в случае протестантов Ольстера в Великобритании или Пьед-Нуаров («черноногих») в Алжире. А что же в плане культурных отношений? Иногда креолы помогают изменить идентичность метрополии – когда «империя наносит ответный удар». Не похоже, что это является определяющей чертой белорусско-российских отношений, но ревнители «проекта» Лукашенко для центра бывшей империи являются не более чем культуртрегерами. В какой мере они способны нанести «ответный удар»? Какие тут существуют нюансы, ведь в Беларуси для этого явно меньше возможностей, чем в Украине? Здесь нет возможности «танца с волками», при котором метрополия принимает или адаптируется к креольской культуре, как в случае «русско-центристов» (так называемых krievsy) в Латвии[11].

Интересная идея для будущих исследователей – рассмотреть поближе множественность, неоднозначность, различные пересечения и взаимное обогащение. Лукашенко явно не является прирожденным идеологом, но насколько идеологически гибким он может быть? Где «золотая середина», и что в действительности происходит? Впечатляющая статья Алексея Ластовского, которая открывает первый выпуск *British Journal of Political Science,* является хорошим примером: она показывает, как современные «русско-центристы» перекликаются с режимом и даже им используются, но все же не совпадают с системой его ценностей[12]. Я надеюсь, что эта статья является только началом, и за ней последует статья о самом режиме.

Еще одно соображение: ясно, что если белорусская идентичность все еще находится в процессе формирования или изменения в начале XXI века, то ученые должны не столько искать ее корни в эпохе Полоцкого княжества, ВКЛ или *Нашей Нивы,* сколько проводить боль-

ше исследований на тему непосредственных причин формирования белорусской идентичности сегодня, как, например, в работах Сергея Богдана о советском периоде[13]. По определению, раз белорусская идентичность все еще находится в стадии формирования, то она вписывается в рамки западной академической литературы как пример позднего национально-государственного строительства, с большим упором на конструктивистскую сторону, чем на старые этнические традиции. Александр Першаи справедливо замечает, что нарратив «национального возрождения», прерванного колониальным господством, ошибочно предполагает, что формирование идентичности «заморожено» в течение колониального периода. Очевидно, что идентичность продолжает развиваться. В Беларуси, таким образом, происходит вовсе не «запоздалое» развитие, она не является «неполной» или «прерванной» нацией в сравнении с неким идеальным типом, описанным в теории национального строительства. Просто ее чувство национальной идентичности играет второстепенную, а не ключевую роль[14].

Однако было бы ошибкой бросаться в другую крайность и полностью игнорировать идентичность в понимании старого БНФ. Она тоже является частью креольской смеси. Стоит всерьез отнестись к утверждению, согласно которому белорусская идентичность, основанная на старой литвинской идентичности, на самом деле является более европейской (исторически более католической), чем украинская. В XIX веке Гоголь утверждал, что казацко-украинская идентичность отражала свою азиатскую Немезиду, а консервативные авторы, такие как Вячеслав Лыпынский, критиковали ее анархическую и индивидуалистическую природу. Способствует ли в большей мере белорусская идентичность более стабильному бюрократическому государству?

«Лукашизм» как явление

Несмотря на важность «альтернативной» стратегии национального строительства лукашенковской системы, Григорий Иоффе и Дэвид Марплз задаются вопросом, есть ли лично у А. Лукашенко что-то, похожее на идеологию[15]. Д. Марплз подчеркивает его практически абсо-

лютную идеологическую гибкость. Будущая книга Г. Иоффе об А. Лукашенко, мы надеемся, добавит что-то существенное к этим дебатам, также как и книга бывшего Посла Великобритании в Беларуси Брайана Беннета[16], как и множество других книг, уже написанных о белорусском президенте на русском языке[17].

Конечно, «дискуссия» об идеологии, начавшаяся в Беларуси в 2003 г., скорее подтвердила потребность властей в идеологии, нежели объяснила, какова же эта идеология на самом деле. А. Лукашенко сам пробовал различные формулы, например, описывая себя как «православного атеиста». Метафора Минска как «Четвертого Рима» долго не продержалась, хотя основная идея Беларуси как «духовного лидера восточнославянской цивилизации» может быть устойчивой. Наталья Лещенко определила суть «лукашизма» как «белорусский эгалитарный национализм»[18]. Если это так, то насколько он гибок? Могут ли его основополагающие столпы (социальная справедливость, отсутствие олигархов) адаптироваться по мере изменения обстоятельств? Беларусь далека от принятия рыночных реформ, но даже модернизация в российском стиле потребует от А. Лукашенко определенной риторики.

Многочисленные результаты опросов общественного мнения доказывают, что в последние несколько лет белорусы объединились вокруг идеи государственности. Но насколько официальная идеология действительно охватывает идею государства, а не только право властителя? Лозунг «За Беларусь!» в настоящее время, скорее, средство, чем сообщение. Что будет дальше? Идея «гражданского государства» остается пустым звуком то тех пор, пока не определена «гражданская» часть этого понятия.

Авторитаризм

Согласно высказыванию А. Лукашенко, которое приводит в своей книге А. Федута, он хотел быть у власти «всерьез и надолго»[19]. Похоже, что оставаться у власти – это главный мотив А. Лукашенко, хотя и не всегда. Разгул коррупции и рейдерства при президенте Украины В. Януковиче указывает на иной мотив: получай как можно больше,

пока можешь, не думая о долгосрочной перспективе. Если бы им предложили выбрать между деньгами и властью, то, похоже, В. Янукович и А. Лукашенко выбрали бы разные варианты.

Но насколько авторитарен Лукашенко? Опираясь на литературу об авторитаризме, «провалившейся демократизации» и гибридных режимах бывшего СССР, похоже, что Беларусь не так-то просто причислить к какому либо из их определений.

Например, Стивен Левитский и Лукан Уэй так определяют свою модель «конкурентного авторитаризма»: «Конкурентные авторитарные режимы являются гражданскими режимами, в которых, с одной стороны, формальные демократические институты существуют и рассматриваются в качестве основного средства достижения власти, а с другой, действующая власть злоупотребляет своим положением, что дает ей значительные преимущества по сравнению со своими оппонентами. Такие режимы являются конкурентными, потому что оппозиционные партии все же используют демократические институты в борьбе за власть, но они не являются демократическими, потому что поле игры сильно искажено в пользу власть предержащих. Конкуренция, таким образом, реальная, но несправедливая»[20]. Они приводят Беларусь в качестве примера, утверждая, что «к середине 2000-х гг. режим стал доминирующим, а оппозицию «эффективно заставили замолчать»[21], однако относят Беларусь к «нестабильным авторитарным режимам», поскольку поддержка российского «нефтяного рыцаря» является ненадежной, режим нуждается во внешней угрозе как консолидирующем факторе, а «отсутствие правящей партии делает Лукашенко уязвимым для дезертирства элиты, особенно в случае кризиса»[22].

В другой работе Лукан Уэй включает Беларусь в исследование «плюрализма по умолчанию»[23], но утверждает, что страна действительно соответствовала такому описанию в начале 1990-х гг. при В. Кебиче. Если бы В. Кебич выиграл выборы 1994 г., то Беларусь больше бы соответствовала этой модели, чем пошла бы по пути реформ Центральной Европы. Он также написал интересную работу, в которой утверждал, что В. Кебич был просто «неэффективным авторитарным лидером»[24].

Конечно, сейчас, когда Лукашенко правит уже восемнадцать лет, с четырьмя победами на президентских выборах, Беларусь ближе к моде-

ли простого, чем «конкурентного авторитаризма». Игровое поле стало не просто неравным – оно полностью искажено. Но легитимность и шарады представительства все еще, кажется, имеют для режима значение.

В то же время, Беларусь не является полномасштабной «виртуальной демократией» в том смысле, в котором я сам применял этот термин, говоря о других странах бывшего СССР, описывая махинации местных «политических технологий»[25]. Политические технологии играли важную роль в период становления режима А. Лукашенко, в частности, в 1995–1997 г., когда политические партии и институты начала 1990-х гг. и Конституция 1994 г. были заменены новыми изобретениями.

Принцип «разделяй и властвуй» и «контрреволюционные технологии» также были важны для усложнения задач оппозиции и снижения мобилизационных возможностей на последующих выборах, особенно в 2006 г., когда угроза «цветной революции», казалось, стояла чрезвычайно остро. Такие партии, как Либерально-демократическая партия Беларуси – классический пример постсоветских симулякров, чья «идеология» является прикрытием интересов бизнеса и чей лидер Сергей Гайдукевич играет роль наемника режима. Но, в отличие от России, в Беларуси нет реальной «партии власти», а в отличие от Украины, в ней не распространены партии олигархов. Партии сами по себе не так важны в Беларуси, и предпочтительным методом контроля режима над оппозицией является инфильтрация: использование агентов и провокаторов.

Было бы также интересно рассмотреть мифы самого режима. Есть ли основания говорить, что Беларусь является более эффективным авторитарным государством, чем Россия? Знаменитая «вертикаль власти» является чем-то вроде мифа в России. Глеб Павловский утверждал, что существует только «вертикаль лояльности»[26]. Приказы спускаются вниз, но им не всегда повинуются и они не всегда реализуются. Информация не идет наверх, горизонтальные связи явно слабы. Является ли «вертикаль власти» более действенной в Беларуси? Здесь меньше проблем с «суверенной бюрократией»: «ротация кадров», которую использует А. Лукашенко, является эффективным способом предотвращения образования бюрократических клик[27]. Режим относительно свободен от кумовства: нет очевидных клик «друзей Путина» или монополизации бюрократических привилегий прямой или косвенной «семьей»

Януковича, которые вызывают возмущение тех, кто стоит ниже на социальной лестнице. Независимые опросы общественного мнения показывают более высокий уровень веры в закон и порядок в Беларуси по сравнению с Россией[28].

Но насколько важным для выживания этой системы является принуждение? Мы не должны игнорировать его темную сторону: «исчезновения» оппозиционных политиков в 1999–2000 гг., репрессии после выборов 2010 г., продолжение применения смертной казни (осуществляемой выстрелом в затылок, когда тело не возвращается семье), таинственный террористический акт в минском метро в апреле 2011 г. Могут ли «эффективные авторитарные режимы» использовать меньше репрессий? Или они полагаются на периодическое их использование для укрепления своей власти? Приходится ли более «мягким» авторитарным государствам, которые позволяют некоторое инакомыслие, полагаться на репрессии для контроля границ этого инакомыслия? Насколько А. Лукашенко способен регулировать уровень авторитаризма? Полагается ли система, как в брежневскую эпоху СССР, на репрессии только против «политиков» (которые должны быть маргинализированы системой государственной пропаганды), при этом не затрагивая «обычных» людей? В самом деле, система краткосрочных рабочих контрактов (об этом ниже) явно предназначена для предотвращения того, чтобы обычные люди не становились политиками.

Внешняя политика: посттитоизм

Неопределенная политика белорусской идентичности традиционно давала А. Лукашенко свободу для маневров в других сферах. Алекс Найс[29] и я сам[30] утверждали, что основной целью Лукашенко является выживание, а основной тактикой его игры – внешнеполитическое балансирование. Порой довольно интересно рассматривать внешнюю политику в качестве независимой переменной. Но насколько жизнеспособна это игра в балансирование в долгосрочной перспективе? Что происходит, когда вы отталкиваете ваших партнеров, как это сейчас происходит с Украиной? (Нику Попеску предложил краткую, но инте-

ресную типологию таких внешнеполитических стратегий, которые, в конечном счете, обречены на провал)[31]. Я назвал такую игру в балансирование «неотитоизмом», но, возможно, «посттитоизм» является более точным определением. Политика Й. Б. Тито была так долго успешной потому, что после войны Югославия была расположена между двумя противоборствующими блоками, и использовала это в свою пользу, а также потому, что страна входила в проект «неприсоединения», который имел определенное интеллектуальное основание и международную поддержку.

А. Лукашенко на удивление хорошо играет в эту игру балансирования, несмотря на то, что у него нет ни того, ни другого. Хотя нужно заметить, что неприкрытый шантаж – это не совсем то, что обычно используется в такой игре. А. Лукашенко пришлось взять на себя ряд ролей, чтобы скрыть свой собственный интерес: первоначально (об этом часто забывают), хотя и недолгое время, он был реформатором, дружащим с МВФ, потом – русофилом для Б. Ельцина и пан-русским националистом для его оппонентов, менеджером «оффшорного нефтяного государства» для российских олигархов в 2000-х гг., оплотом борьбы с цветными революциями после 2004 г. и авторитарным экономическим модернизатором в 2008–2009 гг. В 2004–2006 гг. Беларусь была региональным примером того, что Виталий Силицкий называет «упреждающим авторитаризмом»[32]. Мало того, что Беларусь, не ожидая неприятностей, ударила по «заслуживающей возмездия» оппозиции, она стала полигоном для развертывания и тестирования «контрреволюционных технологий» в других странах. Минск также сыграл важную роль в создании так называемого «авторитарного интернационала», включившего другие консервативные постсоветские государства[33]. Может ли эта роль обрести новое дыхание после Арабской весны и «Российской зимы» с вернувшимся в Кремль В. Путиным? Или А. Лукашенко уже исчерпал свои роли? В каком случае, скорее всего, он будет раздражать потенциальных союзников?

Весной 2011 г. были веские причины говорить о банкротстве внешнеполитической модели и, следовательно, о банкротстве экономической и политической модели. Но после того как А. Лукашенко получил спасительный транш от России в ноябре 2011 г., все три элемента

этого уравнения нужно рассматривать заново. Что касается России, то вопрос, почему она была столь щедра, остается открытым. Непосредственно перед ноябрем 2011 г. она, казалось бы, придерживалась более последовательной политики. По различным причинам, у А. Лукашенко всегда было больше трений с Б. Ельциным и В. Путиным, чем казалось Западу.

Начиная с 2006 г., Россия пересмотрела цену своей поддержки – не прекращая ее, но стремясь найти более выгодное соотношение «цены и качества». После декабря 2010 г. этот подход стал жестко утилитарным. Рациональная позиция России заключалась в том, чтобы «подвешивать Лукашенко» и усиливать свое господство, выдавая помощь постепенно и получая контроль над ключевыми экономическими активами Беларуси из года в год[34].

Так почему же Россия выдала кредит? Один косвенный ответ заключается в том, что Алексей Кудрин, который был ведущей силой, требующей более выгодного соотношения «цена-качество» в российско-белорусских отношениях, пока что выбыл из игры. А. Лукашенко также повезло со временем, как это нередко бывает: сделка в ноябре 2011 г. произошла через месяц после предложения В. Путина о Евразийском союзе, до выборов в Государственную Думу России и последующих акций протеста в декабре. Щедрость России была, вероятно, временной, несмотря на то, что дала А. Лукашенко дополнительный козырь для шантажа, поскольку его участие имеет решающее значение для успеха проекта Евразийского союза.

Россия не будет субсидировать систему бесконечно. Ее финансовые возможности могут рухнуть, если упадет цена на нефть. Но причина такой сильной напряженности в отношениях заключается в том, что Россия и Беларусь хотят разного от этих отношений. Но не совершенно противоположного. Беларусь хочет, чтобы эти отношения оставались экзистенциальными: в том смысле, чтобы Россия платила за выживание системы. Мотивы России частично пересекаются с белорусскими: они также в какой-то мере экзистенциальны. Точно так же отношения между Россией и Грузией остаются напряженными потому, что Грузия представляет собой альтернативную экономическую и политическую модель для России (тот факт, что об этом говорят сами грузины, не означает, что это не так). Для многих кремлевских национал-популистов

Беларусь, наоборот, является идеальным типом славянского государства, а также «темной стороной» путинизма, без лишних тонкостей или смягчения в сторону оппозиции – той крайности, к которой российское государство может прийти.

Но Россия также имеет список покупки активов, на который стоит обратить внимание. Что хотят российские олигархи? Что хотят друзья Путина? Существует несколько версий такого списка[35]. Таким образом, Россия готова платить Беларуси, но не слишком много.

До декабря 2010 г. у Европейского союза не было последовательной политики в отношении Беларуси[36]. После последовавших за выборами репрессий Евросоюз пришел к относительному единодушию в отношении Беларуси, чего не было раньше. Сторонники жесткой и мягкой линии отношений с белорусским режимом или оппозицией сблизились, особенно с учетом оси Берлин–Варшава, сложившейся в последние годы. Позиция США была ясной с момента принятия Акта о демократии в Беларуси в 2004 г. Тем не менее, все еще существуют определенные предубеждения против санкций, особенно среди левых в Европе. Государства-члены Евросоюза не хотят перевести логику политики санкций на следующий уровень, даже когда есть некоторые признаки того, что она работает[37]. Но логика санкций постепенно расширяется – с учетом списка Магнитского, возможного списка Тимошенко и даже нелогичности откладывания санкций в отношении Азербайджана[38]. Слишком часто, однако, Евросоюз и США производят впечатление, что их политика основывается на ожидании грядущей революции в Беларуси. Кризис режима вполне возможен, когда и если закончатся субсидии, но вероятность прихода оппозиция к власти практически равна нулю.

Следует также обращать более пристальное внимание на роль иных государств – Китая, Венесуэлы и других. Действительно ли они дают А. Лукашенко больше пространства для маневров? Китай, например, оказался удручающе меркантильным[39]. Он счастлив диверсифицировать свои значительные инвестиционные фонды и подписал контракты с Беларусью (хотя стоимость модернизации Минского аэропорта оказалась явно завышенной). Беларусь сохраняет возможность использовать потенциальную «заднюю дверь» как в Евразийский, так и в Европейский союз, но у Пекина нет геополитических причин, чтобы оказывать

режиму поддержку, не требуя ничего взамен. Учитывая вышесказанное о ролях, которые играет А. Лукашенко, сможет ли он сыграть роль, которая позволит ему построить отношения с такими странами, как Китай? Беларусь не входит в группу БРИК (Бразилия, Россия, Индия. Китай), она является лишь еще одной опорой «пекинского консенсуса». Лукашенко мог бы организовать клуб стран-изгоев с Венесуэлой Уго Чавеса и Ираном Махмуда Ахмадинежада, но Китай не захочет быть в таком клубе.

Оппозиция

А. Лукашенко, начиная с 1994 г., преображался не один раз, но сможет ли оппозиция сделать то же самое? С одной стороны, трудно отказаться от позиции по языковой и другим проблемам, тем более что многие из них остаются нерешенными. С другой стороны, очевидно, что горизонтальные связи оппозиции с обществом в целом крайне ограничены. Политика гетто может быть рационально необъяснимой позицией поразительно долго, но можно также утверждать, что оппозиция является зеркальным отражением режима: если власть живет за счет дотаций из России, то оппозиция живет за счет дотаций из Евросоюза, чья политика, по иронии судьбы, только помогает поддерживать оппозицию в гетто[40].

Перед оппозицией стоят две стратегические дилеммы: метод и сообщение. Эти дилеммы пересекаются. Конечно, в таком обществе, как Беларусь, тяжело расширить социальную базу, создавать сети социальной поддержки и строить гражданское общество. Но если бы оппозиция уделяла внимание реальным, насущным проблемам белорусов – это могло бы помочь. Кажется, что она слишком сосредоточена на культурной политике, стратегических вопросах существующего режима и внешнеполитической ориентации. Справедливости ради нужно сказать, что одной из причин брутальных репрессий после выборов 2010 г. было как раз то, что оппозиция начала больше работать «в массах», хотя такая работа нередко ограничивалась лишь шумными пресс-конференциями.

Тем не менее, стало заметно желание некоторых элементов оппозиции найти золотую середину[41]. Ведь известно, что «для танго нужны двое». Пока еще далеко не ясно, есть ли «умеренные» представители режима, готовые к диалогу. Исторический разрыв между белорусскоязычной и русскоязычной интеллигенцией также должен быть преодолен. Наоборот, могут произойти странные мутации, когда не оказывается никаких побуждений для того, чтобы вырваться из этого гетто (как например, в случае «литвинского» движения[42]).

Белорусско-российско-арабская «цветная весна»

Последняя надежда на возрождение оппозиции – это Интернет и социальные сети. В Беларуси уже почти половина населения пользуется Интернетом и свыше трети социальными сетями – уровень, превышающий Египет во время протестов на площади Тахир, причем число пользователей быстро растет. Многие наблюдатели надеялись, что Интернет-иинициативы, такие, как «Мы выступаем за великую Беларусь» и «Движение будущего», или нетрадиционные тактики, такие, как «Революция через социальные сети» смогли бы бросить вызов ослабленному режиму летом 2011 г.[43] В общем, революция с помощью социальных сетей возможна (таких, как Вконтакте).

В связи с этим интересно отметить, что белорус Евгений Морозов, написавший *The Net Delusion,* атаковал однобокое мнение кибер-утопистов, считающих, что Интернет был всегда на стороне свободы[44], хотя его книга вышла в свет прежде, чем произошли «Арабская весна» и белорусские протесты в 2011 г. Последние, конечно, не оправдали ожиданий. Власти часто сами использовали виртуальные сети для того, чтобы производить аресты и разрушать реальные социальные сети. Многие «новые активисты» on-line не относились к этому всерьез. В октябре 2011 г. Лукашенко похвастался, что «мы узнали, как справиться с социальной революцией»[45], хотя в январе 2012 г. он принял новый закон, ограничивающий доступ к иностранным Интернет-ресурсам.

Впрочем, Е. Морозова также критиковали за его одностороннюю пессимистичную аргументацию[46]. И оппозиция, и власти соревнуются

за влияние на Интернет и социальные медиа. Российские протесты зимой 2011–2012 гг. были охарактеризованы как противостояние «партии Интернета» и «партии телевидения», и Россия сейчас рассматривает возможные варианты регулирования Интернета. В Беларуси государственное телевидение действительно безнадежно, но Интернет и социальные сети являются важными элементами продолжающейся борьбы за преимущества между различными группами оппозиции и властью – оба лагеря имеют некоторые навыки в их использовании, но ни один из них пока не доминирует.

Экономика

Белорусская экономика, очевидно, стратегически неустойчива – в том смысле, что живет «не по средствам»[47]. Андерс Аслунд предсказал в октябре 2011 г., что «Беларусь движется к дефолту»[48]. Это предсказание не было ошибочным, просто оно было изменено российским траншем в ноябре 2011 г. С 2006 г. в стране наблюдался рост дефицита торгового баланса, в первой половине 2011 г. превысивший 15 % ВВП, и галопирующая инфляция, в феврале 2012 г. достигнувшая 120 % – все это было ключевыми признаками того, что экономика была «перегрета». Тот факт, что в Беларуси наблюдалось сальдо торгового баланса в размере $ 1,9 млрд. в течение первых четырех месяцев 2012 г. по сравнению с $ 2,8 млрд. дефицита за те же месяцы в 2011 г., объяснялся увеличением экспорта нефти благодаря сделке с Россией[49]. Теперь у белорусской экономики есть возможность отдышаться, по крайней мере до конца сделки – до 2015 г.

Но фундаментальные вопросы остаются. Можно ли утверждать, что А. Лукашенко просто оттягивает конец игры? Пристрастилась ли белорусская экономика к модели целевого кредитования, экспансионистской фискальной и денежно-кредитной политики, что неизбежно приведет к повторяющейся инфляции, кризисам платежного баланса и девальвации? После более искусственного роста экономики накануне выборов 2010 г., когда Лукашенко стремился выполнить свое главное обещание избирателем – $500 средней заработной платы, будет ли ре-

жим повторять те же ошибки (например, в других избирательных кампаниях)? Когда экономика застревает в таком цикле, то, чем дальше, тем сложнее ею управлять. В 2011 г. власти обнаружили, что они не смогли вновь ввести контроль над ценами и множеством обменных курсов – в частности, из-за открытой границы Таможенного союза.

В общем, есть ли у Беларуси жизнеспособная стратегия модернизации? Или она надеется на маловероятную модернизацию России, когда она сможет расширить свою привлекательность для старой России – как своего рода оффшорного государства, где азартные игры и отмывание денег по-прежнему процветают?

Есть ли реальные «олигархи» в Беларуси? Белорусские СМИ, похоже, приобрели постсоветский вкус к публикациям «списков богачей»[50]. Обнаружилось немало богатых людей, некоторые из которых, такие, как Шейман и Певтиев, давно известны. Но «олигархии» как социального явления здесь, все же, не существует, а отдельные игроки «не делают погоды». Было также на удивление немного случаев номенклатурной приватизации – того, что многие наблюдатели, включая меня, предсказывали как вероятный исход либерализации экономики в 2008–2009 гг. и растущего дефицита наличных денег до ноября 2011 г. Управление делами Администрации президента является эффективным гарантом сохранения контроля государства над крупной промышленностью. И до сих пор приватизация не применялась к массовой промышленности, чья рабочая сила играет ключевую роль в системе социального контроля А. Лукашенко.

Режим кажется также достаточно устойчивым к давно предсказанной экспансии российского капитала. Да, ее уже немало – в банковском и телекоммуникационном секторах, Газпром, наконец, получил 100 % акций Белтрансгаза. Но переход тяжелой промышленности в российскую собственность нарушит обе стороны «социального контракта»: как субсидируемую чрезмерную занятость, так и краткосрочные трудовые договоры, способствующие соблюдению трудовой дисциплины. Демонстративное удвоение Газпромом заработной платы сразу же после прихода к власти в Белтрансгазе только подтвердило это.

Но окончательная потеря Белтрансгаза в 2011 г., возможно, не станет стратегической катастрофой[51]. Беларусь никогда не использовала

газопровод для шантажа таким же образом, как Украина, и не получала прибыль одновременно от продажи и несанкционированного доступа. Власти блокировали окончательную продажу в течение многих лет, но, возможно, поступили стратегически верно, в конце концов, пойдя на это – ведь газ продолжает идти через Беларусь. В долгосрочной перспективе, однако, Беларусь сильно зависит от импорта энергоносителей, что делает ее крайне уязвимой к внешним шокам.

Было заметно, как рейтинг А. Лукашенко вырос после сделки с Россией в ноябре 2011 г.[52] Причем не просто вырос, но повысился в соответствии с долларом, или, скорее, рублем, а не вернулся к старому уровню 50-процентной поддержки, которая была у А. Лукашенко раньше. Иными словами, белорусы ожидают, что, по крайней мере, часть этих денег будет потрачена на них. В то же время, они могут сказать, что количество денег для них важно, но все же это не волшебная палочка-выручалочка.

Беларусь является государством-рантье, где прибыль в основном извлекается из игры с внешней политикой[53]. По крайней мере, некоторая часть этой прибыли традиционно помогала оплачивать «социальный контракт»[54] властей с населением, но насколько еще силен этот «контракт»? Алексей Пикулик, новый академический директор BISS, прогнозирует, что, скорее всего, стратегией выживания А. Лукашенко будет «преобразование инклюзивного авторитаризма (покупка молчаливого согласия большинства за счет перераспределения внешних прибылей) в ... эксклюзивный [авторитаризм] (перераспределение сверхвозможностей в пользу элит, которые помогают укрепить режим)[55].

Очевидно, что такую возможность стоит рассматривать, но как можно ее измерить? Это воистину глобальный вопрос: как измерять «развивающийся авторитаризм»[56]? И как проверить тезис о том, что белорусы наделяют власти легитимностью скорее за результаты, нежели за обещания[57]? Как можем оценивать изменения в понятии общественного блага при авторитаризме? «Порядок» был явно важнейшей ценностью в 1990-х гг. Даже в 2004 г. (сразу после трагедии в Беслане) А. Лукашенко мог похвастаться прежде всего тем, что он предоставил «спокойный и уютный дом, где царит мир и согласие»[58]. Но как только порядок начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, народная поддержка становится все более инструментальной (с уче-

том отсутствия значимых элементов представительной демократии), и режим должен уже обеспечивать повышение уровня жизни.

Есть два статистических способа оценить «развивающийся авторитаризм» – рассмотреть Индекс качества управления или сравнить рост ВВП с Индексом человеческого развития (рост ВВП без роста ИЧР указывает на отсутствие «развития»). У Беларуси достаточно хорошие оценки по обоим показателям за последние полтора десятилетия, и становится все труднее связывать это с постсоветским «эффектом наследия». Несколько более необычным подходом было бы посмотреть на то, в каком положении находятся сейчас богатые белорусы и как изменится их положение через год, два и т.д. Поскольку белорусская экономика не является правильной рыночной, если они в конечном итоге станут богаче, то можно было бы связать это с успешным получением прибыли. Точнее говоря, прибыль будет идти скорее этим людям, а не народу в целом. Измерение увеличения и уменьшения президентского бюджета также могло бы быть средством проверки, куда же идут деньги.

К сожалению, подобные детали – это «черная дыра». Но общая картина более ясна. Беларусь не является развивающимся авторитаризмом в процессе модернизации, как, например, Казахстан с его блестящей новой инфраструктурой и огромным капиталом, потраченным на строительство новой столицы. Излишки А. Лукашенко тратит, как правило, на сохранение того, что Беларусь уже имеет – массовое производство и основные элементы постсоветского социального государства.

Итоги и перспективы

У Беларуси А. Лукашенко на удивление много общего с консервативным авторитаризмом СССР времен Л. Брежнева. Хотя это, пожалуй, не удивительно, так как Лукашенко всегда открыто выражал ностальгию по Советскому Союзу, да и в брежневские времена в Беларуси было довольно хорошо в экономическом плане. Но в отличие от Советского Союза, Беларуси приходится дорого платить за эту модель – как небольшому государству с ограниченными природными ресурсами – в эпоху глобализации.

Сложности и противоречия режима являются одной из причин, почему так сложно выбрать подходящее определение для Беларуси Александра Лукашенко. Если бы я предложил пост-тито-нео-консервативное социальное авторитарное государство, но не думаю, что такое определение достаточно изящно, что бы стать популярным.

Будущее Беларуси парадоксально. Успех Лукашенко в поисках внешних рент означал также, что Беларуси удалось избежать «травмы переходного периода», которую испытали другие постсоветские государства в 1990-х гг. Но именно поэтому ее экономика так и не была «вынужденно модернизирована». Если (когда) Лукашенко все же уйдет, любой другой лидер Беларуси неизбежно столкнется с серьезной дилеммой. Он будет вынужден полностью сменить национальную экономическую модель. В течение какого-то времени он будет переживать «медовый месяц» в отношениях с Западом просто потому, что он – не Лукашенко. В то же время, не будет стратегических причин, по которым Запад должен будет субсидировать реформирование Беларуси, как это было в России в последние годы. Вполне вероятно, что это произойдет тогда, когда ресурсы Запада будут ограничены даже больше, чем сейчас. Поэтому любой будущий белорусский лидер может соблазниться получением прибыли с помощью внешней политики. А Россия обладает возможностями кардинально изменить стратегическое окружение, если она решит быть не столь щедрой в субсидировании белорусского режима. Сегодня Россия сталкивается со своими собственными внутренними проблемами: после президентских выборов 2012 г. В. Путин «вышел на финишную прямую» и стратегическая слабость его режима становится очевидной. Конечный парадокс состоит в том, что Беларусь может измениться гораздо больше под воздействием нового лидера России, чем своего собственного[59].

1 Steven M. Eke and Taras Kuzio, 'Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus' // Europe-Asia Studies, Vol. 52, No. 3 (May, 2000). P. 523–547.

2 http://bpsreview.palityka.org/current-issue/

3 http://web.onetel.net.uk/~skaryna/absociety/journal.htm

4 См. аналитику и данные: http://www.iiseps.org/epress8.html

5 Andrew Wilson, Rival Versions of the East Slavic Idea in Russia, Ukraine and Belarus', in Wendy Slater and Andrew Wilson (eds.), The Legacy of the Soviet Union , (London: Palgrave Macmillan, 2004).

6 Natalia Leshchenko, 'A Fine Instrument. Two Nation-Building Strategies in Post-Soviet Belarus,' Nations and Nationalism , vol. 10, no. 3 (July 2004). P. 333-5.
7 Nelly Bekus, Struggle over Identity: The Official and the Alternative 'Belarusianess', (Budapest: CEU Press, 2010).
8 Grigory Ioffe, Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark, (Lanham: Rowman and Littlefield, 2008), chapters two and three; Ioffe, 'Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity', East European Politics and Societies, vol. 21, no. 2 (May 2007). P. 348-81.
9 Valerka Bulhakaw, 'Vybary prezydenta kreolaw,' Arche , no. 4, 2001, http://arche.bymedia.net/2001-4/bulha401.html; Ihar Babkow, 'Henealiehiia belaruskai idei', Arche , no. 3, 2005, http://arche.bymedia.net/2005-3/babkou305.htm; Vladimir Abushenko, 'Creolity as Other Modernity of Eastern Europe (Possible Strategies of Research)', Crossroads Digest , 1 (2006). P. 18-46.
10 Mykola Riabchuk, Postkolonial'nyi syndrom: sposterezhennia , (Kiev: Krytyka, 2011). See also the special issue of Arche on Ukraine, no. 5, 2001.
11 Yanis Urbanovičs, leader of Soglasie, http://imhoclub.lv/material/u-latishej-skoro-nastupjat-lomka-i-otrezvlenie
12 Aliaksei Lastouski, 'Russo-Centrism as an Ideological Project of Belarusian Identity', Belarusian Journal of Political Science , vol. 1, 2011. P. 23-46.
13 Siarhei Bohdan, 'BSSR i Belaruskii natsionalizm', Perekriestki, no. 1-2, 2009.
14 Alexander Pershái, 'Minor Nation: The Alternative Modes of Belarusian Nationalism', East European Politics & Societies , vol. 24 no. 3, August 2012. P. 379-98.
15 David Marples, The Lukashenka Phenomenon: Elections, Propaganda and the Foundations of Political Authority in Belarus , (Trondheim, Norway: Trondheim Studies on East European Cultures and Societies, No. 21, 2007); Marples, 'Europe's Last Dictatorship: The Roots and Perspectives of Authoritarianism in «White Russia,»', Europe-Asia Studies , vol. 57, no. 6 (September 2005), pp. 895-908; Grigory Ioffe, 'Unfinished Nation-Building in Belarus and the 2006 Presidential Election', Eurasian Geography and Economics , no 2, 2007.
16 Brian Bennett, The Last Dictatorship in Europe: Belarus under Lukashenko , (London: Hurst, 2011).
17 Pavel Sheremet and Svetlana Kalinkina, Sluchainyi prezident: politicheskii potret , (Yaroslavl: Niuans, 2003); Aleksandr Feduta, Lukashenko: Politicheskaia biografiia , (Moscow; Referendum, 2005); Valerii Karbalevich, Aleksandr Lukashenko : politicheskiĭ portret , (Moscow: Partizan, 2010); Roi Medvedev, Aleksandr Lukashenko: kontury belorusskoi modeli , (Moscow: BBPG, 2010).
18 Nataliia Leshchenko, 'The National Ideology and the Basis of the Lukashenka Regime in Belarus', Europe-Asia Studies, vol. 60, no. 8 (October 2008). P. 1419-33.
19 Aleksandr Feduta, Lukashenko: Politicheskaia biografiia, (Moscow: Referendum , 2005). P. 205.
20 Steven Levitsky and Lucan Way, Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War, (Cambridge, Cambridge University Press, 2010). P. 5.
21 Ibidum, pp. 201-207.
22 Ibidum, pp. 205-207.
23 Lucan Way, Pluralism by Default: Challenges of Authoritarian State-Building in Belarus, Moldova and Ukraine, (Strathclyde: Centre for the Study of Public Policy, 2003).
24 Lucan Way, 'Deer in Headlights: Incompetence and Weak Authoritarianism after the Cold War', Slavic Review, vol. 71, no. 3 (Fall 2012).
25 Andrew Wilson, Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World , (New Haven and London: Yale University Press, 2005).
26 Gleb Pavlovskii, Genial'naia vlast'! Slovar' abstraktsii Kremlia, (Moscow: Evropa, 2012), pp. 18-25; author's interview with Pavlovskii, Moscow, 4 February 2012.
27 Kimitaka Matsuzato, 'A Populist Island in an Ocean of Clan Politics: The Lukashenka Regime as an

Exception Among CIS Countries', Europe-Asia Studie , vol. 56, no. 2 (March 2004). P. 235-61.

28 Table 1 in »Trust as a Borrowed Resource», December 2010, http://iiseps.org/e12-10-05.html

29 Alex Nice, Playing Both Sides: Belarus Between Russia and the EU, DGAP Analyse, no. 2, 19, March 2012, https://dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapanalyse/playing-both-sides. See also Balázs Jarábik and Alastair James Rabagliati, 'Buffer Rus: new challenges for EU policy towards Belarus', FRIDE Policy Paper, no. 34, March 2007, at http://fride.org/publication/202/buffer-rus:-new-challenges-for-eu-policy-towards-belarus

30 Andrew Wilson, 'Eastern Europe's Balancing Act', Current History , October 2010; Wilson, 'Eastern Europe's Tito Option', http://wyborcza.pl/liderzyopinii/1,109451,8686358,Eastern_Europe_s_Tito_Option.html

31 Nicu Popescu, 'EU-Ukraine: from fatigue to irritation', 30 April 2012, http://blogs.euobserver.com/popescu/2012/04/30/eu-ukraine-from-fatigue-to-irritation/

32 Vitali Silitski, 'Preempting Democracy: The Case of Belarus', Journal of Democracy, vol. 16, no. 4 (October 2005). P. 83-97.

33 Vital Silitski, 'Contagion Deterred: Preemptive Authoritarianism in the Former Soviet Union', in Valerie Bunce, Michael McFaul and Kathryn Stoner-Weiss (eds.), Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World, (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010).

34 Kamil Kłysiński and Wojciech Konończuk, 'The Belarusian Crisis is an Opportunity for Russia', EASTWEEK , 8 June 2011, http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/eastweek/2011-06-08/belarusian-crisis-opportunity-russia

35 See the appendices in Kłysiński and Konończuk, 'The Belarusian crisis is an opportunity for Russia'.

36 Balazs Jarabik, Jana Kobzova and Andrew Wilson, The EU and Belarus after the Election , ECFR Briefing Paper no. 27, 2011, http://ecfr.eu/content/entry/the_eu_and_belarus_after_the_election

37 Compare the earlier study by David Kramer and Damon Wilson, 'When Sanctions Work: The Belarus Buckle', The American Interest , November-December 2010, http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=886, and Julia Korosteleva, Impact of Targeted Sanctions on Belarus, DG External Paper, 2012, available at http://blogs.ft.com/beyond-brics/2012/05/18/guest-post-ukraines-boycott-blues/?catid=491&SID=google#axzz1vgvBitd5

38 Jana Kobzova and Leila Alieva, 'The EU and Azerbaijan: Beyond Oil', ECFR Policy Memo , no. 57, May 2012, at http://ecfr.eu/page/-/ECFR57_EU_AZERBAIJAN_MEMO_AW.pdf

39 Tadeusz Iwański, 'Ukraine, Belarus and Moldova and the Chinese economic expansion in Eastern Europe', OSW Commentary , 28 May 2012, http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2012-05-28/ukraine-belarus-and-moldova-and-chinese-economic-expansion-east

40 Balázs Jarábik, 'Belarus: Beyond Sanctions', FRIDE Policy Brief , no. 72, 2011, at www.fride.org/download/PB_72_Belarus_Eng.pdf

41 Siarhei Bohdan, 'Changes in Belarus: The Task for the Opposition, not Foreign Powers', 24 Апреля 2012, http://belarusdigest.com/story/changes-belarus-task-opposition-not-foreign-powers-8928

42 www.litvania.org

43 'A Click Away from the KGB: Internet Revolution in Belarus?', Belarus Digest , 2011. 7 июня. http://belarusdigest.com/2011/06/07/click-away-kgb-internet-revolution-belarus

44 Yevgeny Morozov, The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom , (Public Affairs, 2011) .

45 'Lukashenko: We've Learned to Handle «Social Revolution»', telegraf.by, 2011. 26 октября. http://telegraf.by/en/2011/10/lukashenko-mi-nauchilis-borotsya-s-socialnimi-revolyuciyami

46 See the reviews by Steve Coll and Lee Seigel in the New York Review of Books , 4 February and 7 April 2011; http://www.nytimes.com/2011/02/06/books/review/Siegel-t.html?pagewanted=all

47 Andrew Wilson, Belarus: The Last European Dictatorship, (New Haven and London: Yale University Press, 2011), chapter twelve; Leonid Zlotnikov, 'The Belarusian «Economic Miracle» – Illusions and

Reality', in Sabine Fischer (ed.), Back From the Cold? The EU and Belarus in 2009, (Paris: EUISS Chaillot Paper, no. 119, 2009). P. 65–78.

48 Ånders Aslund, 'Belarus Is Heading to Default', 18 Октября 2011, http://www.piie.com/blogs/?p=2450

49 Kamil Kłysiński and Wojciech Konończuk, 'An inexhaustible source of income? The significance of Belarusian refineries and the outlook for the future', OSW Commentary , 19 June 2012, www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2012-06-19/inexhaustible-source-income-significance-belarusian-refineries-

50 Пример http://charter97.org/ru/news/2008/3/6/4524/

51 Margarita Balmaceda, Energy Dependency, Politics and Corruption in the Former Soviet Union, (London: Routledge, 2008); Balmaceda, Belarus: Oil, Gas, Transit Pipelines and Russian Foreign Energy Policy , (London: GMB Publishing, 2006).

52 David Marples, 'Polls and Politics in Belarus', Eurasia Daily Monitor , vol. 9, no. 73, 12 April 2012; http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=39264

53 Alexei Pikulik, '…And Now, the End is Near? Perspectives of Lukashenka's Political Survival and Beyond', BISS Studies , 30 Ноября 2010 http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa201001en.pdf Leonid Zlotnikov, 'The Belarusian economic model under pressure of the world crisis', www.helsinki.fi/collegium/events/Belarus%20symposium_Zlotnikov.pdf

54 Kiryl Haiduk, Elena Rakova and Vital Silitski (eds.), Social Contracts in Contemporary Belarus, (Minsk: BIIS, 2009), http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/soc_contr_en.pdf

55 Alexei Pikulik, 'Is the economic crisis a threat to the Lukashenka regime?, BISS Blitz , BB #05/2011EN, 1 November 2011, http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/bb052011en.pdf

56 Nicholas Charron and Victor Lapuente, 'Which Dictators Produce Quality of Government?'. Studies in Comparative International Development, vol. 46, no. 4, 2011. P. 397-423

57 Bo Rothstein, The Quality of Government: Corruption, Social Trust and Inequality in International Perspective, (Chicago and London: Chicago University Press, 2011), Chapter 4.

59 www.belarusembassy.org/news/digests/pr090704.htm, 2004. 7 сентября.

59 Andrew Wilson, 'Putin Returns, but will Russia Revert to 'Virtual Democracy'?', 7 May 2012, http://www.opendemocracy.net/od-russia/andrew-wilson/putin-returns-but-will-russia-revert-to-%E2%80%98virtual-democracy%E2%80%99

Юрий ДРАКОХРУСТ

Беларусь – «расколотое» государство: вчера, сегодня, завтра

«Расколотое» государство

Отношение белорусов к месту их страны в мире, их цивилизационная идентификация представляет во многих аспектах иллюстрацию понятия «расколотых» государств (cleft states), введенного Самуэлем Хантингтоном в его знаменитой работе «Столкновение цивилизаций». Хантингтон писал: «У «расколотых» стран, располагающихся по обе стороны линий разлома, существуют особые проблемы с сохранением единства... Разделяющее влияние цивилизационных линий разлома особенно заметно в тех «расколотых» странах, единство которых в годы «холодной войны» поддерживалось авторитарными коммунистическими режимами, легитимированными марксистско-ленинской идеологией. После крушения коммунизма культура заменила идеологию в качестве притягивающего и отталкивающего магнита... В «расколотой» стране крупные группы, принадлежащие к двум или более цивилизациям, говорят: «Мы разные люди и принадлежим к разным мирам». Силы отталкивания отдаляют их друг от друга, и они тяготеют к цивилизационному магниту в другом обществе»[1].

Эти слова о двоящейся идентичности всецело приложимы к Беларуси: налицо значительные группы населения, тяготеющие к России и к Западу. При этом различия не исчерпываются чисто прагматическими расчетами, в основе их лежит и культурная, цивилизационная идентификация.

Цель данной работы – описание структуры геополитических мотиваций, факторов, которые обусловливают тот или иной геополитический выбор.

Изложение основано на данных общенациональных социологических опросов, проводимых в Беларуси Независимым институтом социально-экономических и политических исследований.

Тренды геополитического выбора

В табл. 1 показано, как в опросах, проводимых НИСЭПИ за последние 10 лет, менялось отношение белорусов к перспективе евроинтеграции их страны.

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос: «Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум с вопросом, вступать ли Беларуси в Европейский Союз, каким был бы Ваш выбор?», %

Вариант ответа	**12'02**	**03'03**	**03'05**	**11'06**	**09'07**	**09'08**	**12'08**	**09'09**	**12'10**	**03'11**	**12'11**	**06'12**
Да	60.9	56.4	52.8	36.6	29.9	26.7	30.1	44.1	35.3	48.6	35.9	39.3
Нет	10.9	11.9	44.4	36.2	46.7	51.9	40.6	32.8	40.6	30.5	36.9	38.2

Из таблицы видно, что проевропейские устремления респондентов менялись весьма нелинейным образом. Пик этих устремлений наблюдался в первые годы нынешнего столетия, затем резкий спад и последующее сохранение доли «евробелорусов» на достаточно низком уровне. И лишь в 2008 г. тенденция поменялась. Интересно отметить, что начало нового подъема примерно совпало с нормализацией отношений между официальным Минском и ЕС. Хотя мотивы белорусской власти в этом сближении были сугубо прагматичными, белорусское общественное мнение восприняло его серьезнее, чем можно было ожидать, судя по всему, одно смягчение антиевропейской официальной риторики уже повлияло на поворот общественного мнения.

Обращает на себя внимание «свечка» проевропейских интенций в 2011 г., совпадающая с периодом острого экономического кризиса. Пошел на спад кризис – пошли на спад и проевропейские настроения.

На отношение белорусов к ЕС, к перспективе присоединения Беларуси к Евросоюзу оказывает сильное влияние и геополитическая альтернатива Европе, другой, а в некотором смысле первый, геополитический «магнит» белорусов – Россия.

Таблица 2. Динамика ответов на вопрос: «Если бы сегодня проходил референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали?», %

Вариант ответа	**11'99**	**08'01**	**12'02**	**03'03**	**06'04**	**11'06**	**09'07**	**12'08**	**09'09**	**12'10**	**12'11**	**06'12**
За объединение	47.0	57.4	53.8	57.5	42.9	46.4	33.8	35.7	39.1	29.8	29.0	34.0
Против объединения	34.1	20.9	26.3	23.8	25.0	33.5	47.4	38.8	40.6	46.9	42.9	44.3

До середины 2000-х гг. примерно каждый второй высказывался за объединение с Россией. Однако потом наблюдался явственный понижающийся тренд, с годами все меньше белорусов выказывают желание интегрироваться с восточным соседом. Можно указать множество причин изменения: и череда торговых войн, и сопровождающие их информационные дуэли, и привыкание к самостоятельному существованию, и, возможно, недостаточная привлекательность модели жизнеустройства, которую воплощает современная Россия.

Результаты ответов на вопрос о геополитическом выборе в дихотомической форме представлены в следующей таблице.

Таблица 3. Динамика ответов на вопрос: «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?», %

Вариант ответа	**09'03**	**11'04**	**12'05**	**06'06**	**12'07**	**09'08**	**12'08**	**12'09**	**12'10**	**03'11**	**12'11**	**03'12**	**06'12**
Объединение с РФ	47.6	49.3	51.6	56.5	47.5	54.0	46.0	42.3	38.1	31.5	41.4	47.0	43.6
Вступление в ЕС	36.1	33.7	24.8	29.3	33.3	26.2	30.1	42.1	38.0	50.5	39.1	37.3	39.8

2011 г. – год глубокого экономического кризиса, обозначил смену тенденции. Скачок проевропейских настроений в начале этого года, отмеченный в табл. 1, сменился довольно заметным падением. Одновременно с середины года начался рост пророссийских настроений. Уровень интенций в пользу интеграции с Россией (в формулировке табл. 3) в марте 2012 г. оказался наивысшим фактически за последние 5 лет, вплотную приблизившись к 50-процентной отметке. Очевидны причины, которыми можно это объяснить, – щедрая российская эко-

номическая поддержка, позитивная информационная «упаковка» шагов в направлении интеграции (образование Единого экономического пространства (ЕЭП) трех стран), определенные экономические выгоды, которые получила Беларусь от ЕЭП. Некоторые из этих факторов могли действовать с лагом – пик раздачи российских экономических подарков пришелся на ноябрь 2011 г. Поскольку, судя по опросам НИСЭПИ, острота экономического кризиса в Беларуси заметно снизилась (по крайней мере, снизилась острота его восприятия), и это облегчение общественное мнение могло приписать российскому содействию.

В то же время острый политический конфликт между официальном Минском и ЕС мог стать причиной снижения проевропейских настроений.

Любопытно отметить, что пик как пророссийских, так и проевропейских настроений пришелся на начало нулевых годов – 2002–2003 гг. (см. табл. 1–2). Именно тогда произошло резкое ухудшение экономического положения страны. Тогда экономические неурядицы породили у значительной части населения желание «прислониться» к кому-то более мощному – даже неважно к кому. Многие опрошенные выступали одновременно и за объединение с Россией, и за вступление в ЕС. Однако в этом присутствовал не только прагматизм, геополитическая «всеядность» сохранилась и до сегодняшнего времени.

Единство в расколе

Безусловно, нынешние отношения Беларуси с Европой столь плохи, что вполне возможно их улучшение без того, чтобы вызвать серьезные возражения со стороны России. Тем не менее, подобное «многовекторное» улучшение отношений имеет свои границы, о чем свидетельствуют практически аналогичные заявления, сделанные несколько лет назад президентом Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозу и тогдашним президентом России Дмитрием Медведевым в отношении Украины.

Ж. М. Барррозу во время совместной пресс-конференции в Киеве с президентом Украины В. Януковичем заявил: «Невозможно интегрироваться в Таможенный союз и в то же время иметь углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли с Евросоюзом»[2].

Ровно через месяц президент России сказал, что Украине необходимо выбирать, будет ли она интегрироваться с Евросоюзом или продолжать совместную работу с Россией в рамках Таможенного союза. «Меня не смущает нисколько европейская интеграция Украины. Это, в конце концов, вам выбирать, куда интегрироваться, – подчеркнул Д. Медведев и добавил. – Но нельзя быть везде. Это должны понимать все, в том числе и мои украинские коллеги»[3].

Эту жесткую геополитическую логику, возможно, понимают не все украинцы. И далеко не все белорусы. Если Украина пока обсуждает возможность вступления в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, склоняясь скорее к отрицательному решению, то Беларусь уже в нем. При этом, по словам главы Еврокомиссии, это закрывает перед Беларусью возможность иметь даже зону свободной торговли с ЕС, не говоря уже о более тесном сотрудничестве.

Однако в представлении многих белорусов «быть везде» вполне возможно. Несмотря на очевидную ситуацию «расколотости» (по Хантингтону) в Беларуси нет двух замкнутых в себе общин, сделавших разные геополитические выборы. Выбор идентичности — это драма не только общества в целом, но и едва ли не каждого белоруса. Весьма наглядным показателем этого являются ответы на вопрос о возможности двусторонней интеграции. В декабрьском 2010 г. опросе мнения на этот счет разделились пополам: 40.4 % респондентов сказали, что для Беларуси интеграция одновременно и с Россией, и с Евросоюзом возможна, отрицательный ответ дал 41 % опрошенных.

Отчасти столь широкое распространение несколько наивной веры в геополитическую возможность «быть всюду» объясняется тем, что пока перспектива интеграции с ЕС носит для белорусов чисто абстрактный характер, этот вопрос отсутствует в национальной политической повестке дня. А мечта может сочетаться с любой реальностью. Но все же эта вера – это и отражение желания «быть всюду». Вера может быть и наивна, но примерно одинаковая сила притяжения двух геополитических «магнитов» – это факт общественного сознания.

Следующая таблица показывает степень амбивалентности геополитических приоритетов белорусов – немалая часть респондентов высказывается, отвечая на вопросы таблиц 1 и 2, и за объединение с Россией, и за присоединение Беларуси к ЕС.

Таблица 4. Доля от опрошенных, высказывающихся и за объединение Беларуси с Россией, и за присоединение Беларуси к Евросоюзу, %

Доли пересечения	**11'06**	**09'07**	**12'08**	**09'09**	**12'10**	**12'11**	**06'12**
Доля тех, кто за интеграцию и с РФ, и с ЕС (от всех опрошенных)	16.6	12.7	10.2	17.3	12.8	9.6	14.2
Доля тех, кто за интеграцию и с РФ, и с ЕС (от тех, кто за объединение с РФ)	35.4	33.0	28.7	44.1	43.0	33.1	41.8
Доля тех, кто за интеграцию и с РФ, и с ЕС (от тех, кто за присоединение к ЕС)	47.1	28.4	34.1	39.2	36.3	26.7	36.2

Как видим, картина далека от жесткой сепарации приверженцев различных направлений геополитического выбора. Доля приверженцев одного выбора, превышающая треть среди сторонников другого выбора, – весьма наглядная иллюстрация амбивалентности.

Следует сказать еще об одном аспекте, который позволяет увидеть в этой амбивалентности известную рациональность. В чисто внешнеполитическом смысле для Беларуси выбор между Евросоюзом и Россией – это действительно дилемма, необходимость выбирать или то, или другое. Это в некотором смысле полюса. Россия в этом смысле предстает, как формально-логическое отрицание Евросоюза, как не ЕС. Но в других отношениях это не совсем так, сама Россия не воспринимает себя как неевропейскую тотальность, значительная часть россиян (как и белорусов) хочет, чтобы их страна стала членом Евросоюза.

Ниже приводятся данные опросов нескольких авторитетных российских исследовательских центров – ответы на вопрос о том, следует ли России стать членом ЕС.

Таблица 5. Динамика ответов на вопрос: «На сегодня наша страна не является членом Евросоюза. Как Вы думаете, Россия должна или не должна стремиться к тому, чтобы стать членом Евросоюза?», % (Фонд «Общественное мнение») [4]

Вариант ответа	**03'01**	**05'02**	**06'03**	**11'03**	**02'05**	**06'05**	**03'07**	**09'08**
Должна	59	52	73	55	51	48	36	30
Не должна	19	18	10	15	23	26	26	27

Таблица 6. Динамика ответов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должна строить Россия свои отношения с Европейским союзом?», % (ВЦИОМ)[5]

Вариант ответа	**10'03**	**02'04**	**07'05**	**05'06**	**06'08**	**07'10**
Россия должна стремиться стать полноправным членом ЕС	35	35	33	30	36	29
Россия должна стремиться к установлению равноправных, партнерских отношений с ЕС, но без вхождения в Европейский союз	30	25	28	35	33	31
На Западе к России все равно никогда не будут относиться как к равноправному партнеру, поэтому ей нет смысла стремиться в Европу	16	20	20	18	17	19

Таблица 7. Динамика ответов на вопрос: «Как Вы думаете, следует ли России стремиться в будущем к вступлению в Европейский союз?», % (Левада-центр)[6]

Вариант ответа	**08'00**	**03'01**	**12'04**	**11'05**	**11'06**	**11'07**	**05'10**	**10'10**	**06'11**	**06'12**
Определенно да	23	21	26	19	19	23	10	20	14	8
Скорее да	31	36	33	34	36	29	40	36	37	36
Скорее нет	19	17	14	16	15	16	22	16	21	23
Определенно нет	6	7	6	8	9	7	5	7	8	8

Как видим, проевропейские устремления в России достаточно широко распространены, а их уровень сопоставим с уровнем проевропейских настроений в Беларуси. На наш взгляд, это отчасти объясняет как природу амбивалентности геополитического выбора в Беларуси, так и характер проевропейских настроений. Часть русскоязычных, русскокультурных белорусов, выступая за сближение с Россией или, по крайней мере, ощущая свою близость с Россией, нечуждость ей, выступает и за присоединение их страны к ЕС ровно по тем же причинам, по которым за это выступает значительная часть россиян.

Этот механизм геополитического выбора неоднократно описывался в работах НИСЭПИ. О нем же писал в статье, опубликованной незадолго до смерти, белорусский политолог, первый директор Белорусского института стратегических исследований Виталий Силицкий: «Российский колониализм в Беларуси смотрит на Запад. Речь идет об образованной, продвинутой, прогрессивной части белорусского обще-

ства, которая полностью переняла российский культурный код, но не ассоциированные с ним политические ценности и мировоззрение, и не имеет никакой политической лояльности перед культурной праматерью»[7].

Однако приведенные выше доказательства относительного характера геополитического раскола не опровергают сам факт этого раскола. Что же определяет геополитический выбор белорусов и его динамику?

Прагматика и культурная близость

На первый взгляд, в основе геополитического выбора должны лежать прагматические соображения – люди стремятся к объединению с тем геополитическим «магнитом», где жизнь лучше, где они могут надеяться на улучшение своей жизни.

Таблица 8. Динамика ответов на вопрос: «Где, на Ваш взгляд, лучше живется населению – в Беларуси или в странах ЕС?», %

Вариант ответа	**09'05**	**06'06**	**03'08**	**03'09**	**06'12**
В странах ЕС	51.0	42.7	52.0	51.6	66.8
В Беларуси	26.9	31.3	20.8	16.4	12.8
Одинаково живется и в Беларуси, и в странах ЕС	–*	14.2	15.7	18.8	11.9

**Данный вариант ответа не предлагался.*

Таблица 9. Динамика ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, где сегодня лучше живется населению: в Беларуси или в России?», %

Вариант ответа	**12'02**	**03'03**	**09'03**	**03'04**	**06'06**	**01'07**	**06'12**
В Беларуси	35.1	34.2	29.1	34.1	44.6	51.0	23
В России	44.0	39.5	36.8	30.4	12.0	11.8	38.8
Одинаково как в России, так и в Беларуси	20.9	26.3	28.5	28.3	39.4	30.3	31.8

Как видим, несмотря на все усилия отечественного агитпропа, живописующего страдания жителей стран ЕС, белорусы оценивают европейское житье-бытье заметно выше, чем отечественное.

Сравнительные оценки российской жизни более скромные: доля тех, кто считает, что жизнь в России лучше, ненамного превышает долю тех, кто отдает предпочтение отечественному житью-бытью. С конца 2005 до начала 2007 г. тех, кто считал, что жизнь лучше в Беларуси, чем в России, было даже больше, чем тех, кто придерживался противоположного мнения.

Связь оказывается нелинейной: оценки европейской жизни по существу мало менялись, проевропейские настроения менялись и довольно заметно. При этом, хотя доля тех, кто считал, что в России жизнь лучше, чем в Беларуси, все время наблюдения была меньше доли тех, кто в сравнении своей страны и ЕС отдавал предпочтение Европе, между сторонниками того и другого геополитического выбора, по крайней мере, в ответах на дихотомический вопрос, наблюдался примерный партитет.

И то, что это проявлялось именно в ситуации выбора между Европой и Россией, указывает на наличие иных, помимо прагматики, факторов, определяющих выбор. Один из них – культурная идентичность.

Таблица 10. Динамика ответов на вопрос: «К кому Вы чувствуете себя ближе – к русским или к европейцам?», %

Вариант ответа	**03'10**	**12'10**	**12'11**	**06'12**
К русским	74.5	69.9	68.0	68.2
К европейцам	19.4	29.6	25.8	31.2
НО/ЗО	6.1	0.5	6.2	0.6

Если согласно табл. 1–3 доли приверженцев европейского и российского геополитического выбора примерно равны, то респондентов, ощущающих большую культурную близость к русским, в разы больше, чем тех, кто ощущает большую близость к европейцам. Отсюда, в частности, следует, что и значительная часть «евробелорусов» чувствует большую культурную близость не с Европой, а с титульным этносом России, объединение с которой они отвергают.

При этом, отвечая на вопрос «Чем белорусы отличаются от русских?», примерно 40 % респондентов из года в год вообще не усматривают никаких отличий. Наконец, на заданный в 2009 г. вопрос: «Считаете ли Вы Россию заграницей?», отрицательный ответ дали 79.4 % (!).

Парадокс геополитического выбора: антироссийские «белороссы»

Следующая таблица позволяет оценить степень влияния на геополитический выбор широкого набора факторов.

Таблица 11. Связь геополитического выбора с социально-демографическими и политическими характеристиками, %*

Социально-демографические и политические характеристики	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Возраст (лет)			
18–29	28.8	57.6	13.7
30–59	42.3	41.1	16.6
60 и старше	61.2	19.3	19.5
Образование			
Начальное	65.2	13.0	21.7
Неполное среднее	54.2	22.4	23.4
Среднее общее	42.5	42.0	15.6
Среднее специальное	42.3	42.5	15.2
Высшее (включая незаконченное высшее)	37.4	45.9	16.7
Пользуетесь ли Вы Интернетом?			
Да, ежедневно	29.5	56.8	13.7
Да, несколько раз в неделю	35.3	48.0	16.7
Да, несколько раз в месяц	48.8	31.8	19.4
Да, несколько раз в году	58.6	27.6	13.8
Нет	52.3	29.4	18.3
Не знаю, что это такое	80.4	3.9	15.7
Где лучше живется населению – в Беларуси или в странах ЕС?			
В странах ЕС	32.3	52.6	15.1
В Беларуси	78.6	7.3	14.1
Одинаково	52.8	23.6	23.6
Сопоставьте уровень жизни в Беларуси и в России. У кого он выше?			
В России	41.7	43.7	14.6

Социально-демографические и политические характеристики	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
В Беларуси	58.0	27.5	14.5
Одинаковые	37.0	44.5	18.5
Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?			
К русским	57.3	26.3	16.4
К европейцам	13.7	69.4	16.9
В начале 2010 г. между Беларусью и Россией разгорелся конфликт по поводу поставок нефти в Беларусь. Кто был виноват в этом конфликте? (03'10)			
Белорусские власти	25.8	64.0	9.2
Российские власти	50.4	29.1	20.5
Обе стороны в равной степени	44.1	39.2	16.7
В 2010 г. в разгар белорусско-российского информационного конфликта и предвыборной кампании в Беларуси президент А. Лукашенко назвал политику Кремля по отношению к Беларуси «необдуманной и безмозглой политикой», которую «проводит кучка бюрократов». Одни люди соглашаются с такой оценкой. а другие нет. А как считаете Вы? (10'10)			
Согласен с такой оценкой	43.3	33.7	23.0
Не согласен с такой оценкой	27.5	54.0	18.5
В ответ на это президент России Дмитрий Медведев публично заявил, что «президент Лукашенко в своих высказываниях выходит далеко за рамки не только дипломатических правил, но и элементарных человеческих приличий. В адрес России и ее руководства идут потоки обвинений и брани. На этом построена вся избирательная кампания Лукашенко». Одни люди соглашаются с такой оценкой, а другие нет. А как считаете Вы? (10'10)			
Согласен с такой оценкой	26.6	58.9	14.5
Не согласен с такой оценкой	43.7	32.5	23.8
На Ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном направлении или в неправильном?			
В правильном	63.9	20.2	15.9
В неправильном	30.6	53.7	15.7
Считаете ли Вы себя в оппозиции к нынешней власти?			
Да	19.4	69.1	11.5
Нет	51.5	31.9	16.6
Доверяете ли Вы президенту?			
Да	59.9	21.5	18.6
Нет	32.3	53.7	14.0

Социально-демографические и политические характеристики	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
За кого вы голосовали на президентских выборах 2010 г.?(12'10)			
За А. Лукашенко	52.0	20.0	28.0
За В. Некляева	18.3	71.4	10.3
За А. Санникова	18.3	62.4	19.3
За альтернативу**	21.8	65.1	13.1

** Таблица читается по горизонтали, вопросы, в которых не указана дата опроса, – из опроса 06'12.*

*** Альтернатива – объединенный электорат всех 9 кандидатов, кроме А. Лукашенко.*

Из табл. 11 видно, что Беларусь – не два общества, «европейское» и «российское», со своими молодежью и стариками, профессорами и людьми с 4 классами образования и т.д., а одно. Налицо сильная корреляция геополитического выбора с возрастом, образованием, вовлеченностью в Интернет. Молодежь, образованные, частые пользователи Интернетом в значительно большей, чем население в среднем, степени, склонны отдавать предпочтение Европе. Иными словами, наличие социального капитала является фактором, склоняющим к европейскому выбору.

Культурная идентификация оказывается не менее важным фактором, при этом если среди тех, кто культурно идентифицирует себя с европейцами, сторонников европейского выбора – более чем две трети, то среди тех, кому ближе русские, лишь 57 % делают выбор в пользу политического сближения с Россией.

В этом смысле Россия подчас выступает парадоксальным внутрибелорусским идентификатором, имеющим слабое отношение к реальной стране, лежащей на востоке от белорусских границ. В ответах на вопрос о виноватых в нефтяном конфликте января 2010 г. наибольшая доля «евробелорусов» оказалась среди тех, кто был склонен винить в конфликте отечественные власти, в наибольшей степени признавая справедливость резонов Москвы. А доля «белороссов» оказалась наибольшей среди тех, кто обвинял в конфликте именно потенциального партнера по объединению.

Похожая связь обнаруживается и с электоральными предпочтениями. Несмотря на острые конфликты между А. Лукашенко и Кремлем, а также несмотря на то, что основные оппозиционные кандидаты кампании 2010 г. демонстрировали готовность учитывать российские интересы, геополитические координаты выборов остались прежними – наибольшая доля сторонников объединения с Россией была среди приверженцев А. Лукашенко.

И в самом конфликте 2010 г. те, кто поддерживал А. Лукашенко против Кремля, были преимущественно склонны к интеграции с Россией, а те, кто отдавал предпочтение позиции его оппонента – российского президента Медведева – к интеграции с Европой.

В 2003 г. лидер Консервативно-Христианской партии БНФ З. Позняк в статье «Беларусь – Восточная Европа»[8] писал: «Нас ничего хорошего не ждет в нынешней либеральной Западной Европе. Мы там чужие. Так же, как чужие и в России. Мы другие европейцы, потому что не потеряли душу. Беларусь – наша Европа».

Думается, что президент А. Лукашенко и значительная часть его приверженцев могли бы предложить симметричную формулировку: «Беларусь – наша Россия».

В некотором смысле именно этой идеальной России, воплощенной, на их взгляд, в их отечестве, и выказывают симпатию эти люди. А РФ – реальная страна, лежащая на восток от Орши, она-то тут причем? Там олигархи, там бардак, там терроризм, пьянствуют все поголовно. Ну да, не чужие все же люди, но отнюдь не идеал, не образец и не наставник.

При такой трактовке парадокс становится не следствием инерции, а достаточно закономерным результатом: приверженцы «Беларуси – нашей России» воспринимают многие действия реальной России хуже, чем те, для кого Беларусь – это не идеальная Россия и вообще не Россия.

Пользуясь образной формулой[9] белорусского философа Валентина Акудовича, для большинства тех, кто оценивает российскую жизнь выше, чем белорусскую, Россия – «на востоке от Беларуси», это неплохая соседняя страна, но они хотели бы равняться не на нее, а на иные, еще более высокие образцы. Для тех, кто оценивает белорусскую жизнь выше, Россия чаще всего – «восток Беларуси», куда же от своего востока денешься? Эти люди хотели бы Россию сделать такой, как Беларусь, такой, какой Россия, с их точки зрения, должна быть.

Мотивация пророссийского и проевропейского выборов имеет различающуюся политико-психологическую природу. Среди «евробелорусов» имеется «ядро», чей выбор объясняется ценностями и культурной близостью. Однако для значительной части «евробелорусов» их проевропейский выбор в значительной мере обусловлен прагматичной мотивацией. В выборе «белороссов» большее значение имеет культурная, ценностная идентичность, для них их выбор – выбор в пользу «своих». Доля сторонников этого выбора среди тех, кто считает, что в Беларуси жизнь лучше, чем в России, заметно выше, чем среди тех, кто считает, что жизнь лучше в России.

Ветер странствий и геополитический выбор

Следующая таблица показывает, как выбор между Россией и Европой связан с географической мобильностью, с частотой поездок за границу и встреч с иностранцами.

В отличие от предыдущей таблицы все последующие читаются по вертикали, иными словами описывают «наполнение» того или иного геополитического выбора.

Таблица 12. Геополитический выбор и географическая мобильность, %*

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
В последние 5 лет выезжали ли Вы или Ваши родственники на заработки за границу? (03'12)			
Да (37.1)	31.4	43.1	39.0
Нет (62.9)	68.6	56.9	61.0
На протяжении последних 5 лет бывали ли Вы за границей? (12'11)			
Да, в России (39.7)	36.3	46.2	44.5
Да, в странах ЕС (17)	10.8	27.0	10.6
Приходилось ли Вам за последние три года встречаться с иностранцами (не считая граждан СНГ)? (03'11)			
Да, много раз (11.1)	6.9	15.2	7.3
Да, несколько раз (25)	15.2	35.7	12.4

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Да, один раз (8.1)	9.0	7.7	8.0
Нет, не приходилось (55.6)	68.8	41.3	72.4
НО/ЗО (0.2)	6.9	15.2	7.0
Если Вы ездите в соседние страны, то как часто?(03'11)			
Несколько раз в месяц (2.3)	2.7	6.9	2.9
Несколько раз в год (19.7)	15.2	23.5	16.4
Раз в год (17.9)	18.5	16.9	19.3
НО/ЗО (57.7)	63.5	52.7	61.3
Вы бы хотели переехать в другую страну на постоянное место жительства, если бы у Вас была такая возможность? (03'11)			
В США (10.3)	5.6	14.9	5.5
В Германию (16)	10.4	22.3	8.0
В Польшу (5.9)	4.0	7.9	4.0
В страны Балтии (2.5)	1.3	2.9	3.6
В Россию (4.9)	7.5	3.8	3.6
В другую страну (5.8)	2.7	8.6	3.6
Не хотел бы никуда переезжать (50.6)	67.0	36.1	62.9
НО/ЗО (4)	1.5	3.4	8.7

** Здесь и далле в скобках указан процент от всех опрошенных*

То, что «евробелорусы» чаще, чем «белороссы», ездят на Запад, неудивительно. Однако и в Россию они тоже ездят чаще, чем сторонники российского вектора.

Одно из объяснений может заключаться в том, что именно более частые поездки в Россию, знакомство с тамошним житьем-бытьем и отвращает «евробелорусов» от геополитического выбора в пользу этой страны. Но это объяснение не является исчерпывающим, поскольку «белороссы» тоже ездят на Восток довольно часто и вряд ли именно им так везет исключительно на привлекательные черты российской жизни.

Представляется, что более валидным объяснением является социальный динамизм, выраженный, в том числе, и географически. Так что в данном случае и геополитический выбор, и частота поездок за гра-

ницу (в том числе и в Россию) объясняются по сути одним и тем же фактором – объемом социального капитала.

Обращает на себя внимание и большая географическая мобильность «евробелорусов», по сравнению и с «белороссами», и с воздержавшимися от выбора, в смысле готовности уехать из Беларуси. Среди сделавших европейский выбор готовых уехать из Беларуси почти вдвое больше, чем среди остальных респондентов. При этом основное направление потенциальной эмиграции – Запад, лишь в Россию «евробелорусы» готовы уехать в меньшей степени, чем «белороссы».

Эта большая склонность к эмиграции объясняется двояко: во-первых, наличием большего социального капитала, готовностью идти на известный риск для улучшения своего жизненного положения, а не боязнью потерять имеющееся, а во-вторых – известной фрустрацией белорусской жизнью, невозможностью реализовать свой потенциал, в конечном счете – тем, что государство делает геополитический выбор, отличный от их собственного.

Прогноз геополитической перспективы

В связи с этим интересно отметить, что практические перспективы вступления Беларуси в ЕС «евробелорусы» оценивают хотя и более оптимистично, чем опрошенные в целом, но ненамного.

Таблица 13. Взаимосвязь геополитического выбора с геополитическими ожиданиями, % (03'11)

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Никогда не вступит (28.6)	36.9	24.1	27.4
Да, не ранее чем через 10 лет (31.0)	22.1	43.4	11.3
Да, в течение ближайших 10 лет (16.1)	11.7	21.2	9.1
НО/ЗО (24.3)	29.4	11.3	51.8

В декабре 2005 г. респондентам задавался вопрос, к какому геополитическому полюсу Беларусь будет ближе через 10 лет. Десятилетия еще не прошло, но пока ход событий соответствует прогнозу, данному тогда всеми группами геополитического выбора.

Таблица 14. Взаимосвязь геополитического выбора с геополитическими перспективами, % (12'05)

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
К России (63.1)	83.9	35.6	47.3
К ЕС (8.7)	2.6	24.5	3.6
НО/ЗО (28.2)	13.5	39.9	49.1

Иными словами, «евробелорусы», при том, что их число сопоставимо с числом «белороссов», констатируют, что страна в целом сделает европейский выбор нескоро, если сделает его вообще.

Парадокс геополитического выбора: пророссийские «евробелорусы»

Следующая таблица демонстрирует, как геополитический выбор связан с различными его аспектами, фигурально выражаясь, в какой степени белорусы, говоря в геполитческом смысле «а», говорят и другие буквы алфавита.

Таблица 15. Взаимосвязь геополитического выбора с оценкой различных аспектов белорусско-российской интеграции, %

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Беларусь входит в состав различных интеграционных структур, образовавшихся на территории бывшего СССР. Одни люди поддерживают это, а другие нет. Отметьте структуры, в которых, на Ваш взгляд, Беларусь должна оставаться (03'11)			

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Содружество Независимых государств (СНГ) (49.6)	51.0	48.3	52.8
Таможенный союз (Беларусь. Россия. Казахстан) (39.7)	33.1	43.3	42.9
Союзное государство Беларуси и России (39)	65.0	21.7	40.6
Организация договора о коллективной безопасности (Беларусь. Армения. Россия. Казахстан. Узбекистан. Таджикистан. Кыргызстан) (32.8)	32.5	31.2	38.8
Евроазиатский союз (Беларусь. Россия. Казахстан. Таджикистан. Кыргызстан) (23.4)	22.0	22.7	27.4
Некоторые считают, что Беларуси стоит уменьшить степень интеграции с Россией и выйти из состава некоторых или всех интеграционных структур. Как вы относитесь к этим предложениям?(12'10)			
Интеграцию с Россией следует сделать более тесной, чем сейчас (30.9)	57.4	12.8	18.0
Не нужно выходить из структур интеграции с Россией, надо оставить нынешний уровень интеграции (39.6)	29.3	54.1	34.8
Уровень интеграции с Россией следует уменьшить (13.9)	7.3	24.2	11.2
Как Вы относитесь к идее перехода Беларуси на российский рубль? (03'12)			
Положительно (29.5)	44.9	16.2	15.3
Отрицательно (41.7)	25.0	62.4	42.1

Удивительным представляется то обстоятельство, что для значительной части «евробелорусов» «Беларусь в Европу» вовсе не синонимично

«Прочь от России» даже в институциональном смысле. В отношении большинства интеграционных структур, в которые входят Беларусь и Россия, доли тех, кто желает их сохранения, довольно близки среди «белороссов» и «евробелорусов», а в отношении некоторых (например, Таможенного союза) сторонники европейского выбора проявляют даже больший энтузиазм, чем их геополитические оппоненты.

При этом если больше половины «белороссов» предпочли бы еще более тесную степень интеграции с Россией, то больше половины «евробелорусов» считают, что следует сохранить уровень нынешних, по мнению эспертов беспрецедентно тесных, отношений.

В опросах НИСЭПИ неоднократно задавался вопрос, позволявший сравнивать популярность президента Беларуси с популярностью лидеров и политиков других государств в глазах белорусов. Ответы на этот вопрос отражают не только симпатии опрошенных к персоналиям, но и косвенно – их отношение к странам, возглавляемым лидерами, вызывающими у них те или иные чувства. В июньском 2010 г. опросе этот вопрос был задан в очередной раз.

Таблица 16. Взаимосвязь геополитического выбора с политическими симпатиями, % (06'10)

Идеал политика	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
А. Лукашенко (39.8)	60.1	18.1	43.1
В. Путин (36.9)	44.5	32.1	32.8
Д. Медведев (25.9)	33.1	21.9	21.3
А. Меркель (12.8)	7.7	20.0	9.3
Б. Обама (12.0)	6.5	18.5	9.8
Ф. Кастро (8.0)	6.0	10.7	7.0
В. Янукович (6.5)	6.7	5.8	7.3
Н. Саркози (6.0)	2.8	9.3	5.9
С. Берлускони (4.6)	2.1	6.4	5.6
Д. Кэмерон (2.6)	0.9	5.1	1.4
Д. Грибаускайте (2.2)	1.4	3.1	1.7
В. Затлерс (2.0)	0.5	3.4	2.0

Идеал политика	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Д. Туск (1.3)	1.2	1.9	0.6
Ху Цзиньтао (1.2)	0.9	1.9	0.6
М. Ахмадинежад (1.0)	1.1	0.7	1.1
Х. ван Ромпей (0.8)	0.4	1.4	0.6

Из таб. 16 следует, что на уровне личностей лидеров Беларусь остается в российском ментальном поле. Даже не очень яркий и обладавший спорной самостоятельностью президент России Д. Медведев вскоре после того, как занял этот пост, был снабжен порцией симпатий, намного превышающей симпатии ко всем остальным нероссийским участникам «соревнования». И в июне 2010 г. он вместе с В. Путиным и А. Лукашенко входил в призовую тройку, намного оторвавшуюся от остальных.

Можно было бы предположить, что сильный сдвиг симпатий в сторону российских лидеров объясняется распространенностью в белорусском обществе пророссийских устремлений. Такое объяснение вряд ли удовлетворительное – согласно данным того же опроса НИСЭПИ, сторонников каждого из двух геополитических альтернатив в июне 2010 г. было примерно поровну.

Более того, из табл. 16 видно, что кумирами «евробелорусов», стремящихся в ЕС, оказываются не лидеры Евросоюза, как можно было бы предположить, а лидеры страны, от которой они хотят дистанцироваться. Правда, почетное третье место занимает в их иерархии кумиров немецкий канцлер – почти вровень с Д. Медведевым. А американский президент вкупе со своим антагонистом А. Лукашенко фактически делят 4–5 место. И только после загадочно популярного кубинского барбудос – лидеры стран-грандов ЕС, Франции и Италии. А руководители восточноевропейских соседей Беларуси – ближе к концу.

У воздержавшихся от геополитического выбора, отдавших свое предпочтение Беларуси, которая не стремится ни к какому «берегу», иерархия похожая: рейтинги российских лидеров в этой группе идентичны рейтингам в группе «евробелорусов», в пятерке лидеров – Б. Обама и А. Меркель, но список возглавляет все же отечественный кумир.

В группе «белороссов» В. Путин и Д. Медведев – тоже в тройке лидеров, при этом показатели их популярности на 10 процентных пунктов выше, чем в двух других группах. Но оглушительный перевес в этой группе имеет А. Лукашенко.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая выше, подтверждается лишь отчасти. Геополитический выбор в пользу Европы действительно уменьшает, по сравнению со средними значениями, симпатии к российским и к белорусскому лидерам, и увеличивает симпатии к лидерам европейских стран. Но даже этот выбор не меняет иерархию оценок. Более того, в этой группе именно российские лидеры оказываются чемпионами симпатий, превосходящими и своих европейских коллег, и «заклятого друга» А. Лукашенко.

Парадокс высоких рейтингов В. Путина и Д. Медведева среди проевропейцев вряд ли можно объяснить только тем фактом, что их и о них белорусы знают неизмеримо больше, чем о лидерах стран ЕС. Этот фактор является решающим, но, судя по всему, для значительной части «евробелорусов» российские лидеры, по крайней мере, по риторике, по экономической политике, отчасти по политике в области прав человека – более проевропейцы, чем отечественный президент.

Наконец, следующая таблица интересна отсутствием связи между геополитическим выбором и его преломлением в практической жизни опрошенных.

Таблица 17. Взаимосвязь геополитического выбора с ответами на вопрос: «Зависит ли Ваша работа от того, насколько хорошие отношения между Беларусью и Россией?», % (12'10)

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Сильно зависит (5.3)	4.9	6.4	4.2
Отчасти зависит (25.9)	27.4	25.1	24.9
Не зависит (66.0)	64.2	66.4	68.4
НО/ЗО (2.8)	3.5	2.1	2.5

Из табл. 17 следует, что как зависимость от щедрости и доброжелательности России не порождает особенного стремления объединиться с ней, так и отсутствие этой зависимости не способствует особой склонности к евроинтеграции. Оценки степени зависимости личного благосостояния от отношений с Россией практически идентичны у «белороссов» и «евробелорусов», что свидетельствует о том, что их геополитический выбор определяется, по меньшей мере, не только этим практическим фактором.

Культурная идентичность как фактор геополитического выбора

В табл. 11 показано, что европейская культурная идентичность практически предопределяет геополитический выбор в пользу ЕС, в то время как немалая доля тех, кто ощущает большую культурную близость с русскими, также делает свой выбор в пользу евроинтеграции. Особенно наглядно это можно проиллюстрировать таблицей, обратной к соответствующему фрагменту табл. 11. Следующая таблица показывает «наполнение» культурной идентичностью различных геополитических выборов в июньском опросе 2012 г.

Таблица 18. Взаимосвязь геополитического выбора с культурной идентичностью, %

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Ближе к русским (68.2)	89.6	45.0	67.3
Ближе к европейцам (31.2)	9.8	54.4	31.8

Как видно, почти половина «евробелорусов» ощущает свою большую близость с титульным этносом страны, с которой вовсе не собирается объединяться. И, как будет показано ниже, эта культурная близость оказывает определенное влияние на отношение к различным интеграционным сюжетам.

Таблица 19. Взаимосвязь геополитичекого выбора с ответами на вопрос: «На Ваш взгляд, допустимо или нет, чтобы российский капитал принимал участие в приватизации белорусских предприятий?», %

Вариант ответа	04'02	06'08	12'11					
			Все опрошенные	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?				
				Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО	За присоединение к ЕС и близость к русским	За присоединение к ЕС и близость к европейцам
Допустимо	43.9	44.2	44.3	54.7	39.0	32.6	46.9	32.5
Недопустимо	35.0	44.5	39.5	30.6	48.1	42.0	40.6	54.9
НО/ЗО	21.1	11.3	16.2	14.7	12.9	25.3	12.6	12.6

Есть известный символизм в датах опросов, данные которых представлены в табл. 19: в апреле 2002 г. было подписано белорусско-российское соглашение о цене на газ для Беларуси, равной цене для Смоленской области РФ, в обмен на приватизацию Белтрансгаза Газпромом, а в декабре 2011 г. Белтрансгаз был полностью продан Газпрому. А отношение населения практически не изменилось.

Дилемма «Восток–Запад» заметно разделяет сторонников того или иного геополитического выбора по отношению к участию российского капитала в белорусской приватизации: среди «евробелорусов» отношение к этому более сдержанное и баланс оценок – отрицательный, геополитический выбор оказывается сильнее экономических рыночных предпочтений. Однако при переходе к более детальному анализу видно, что оценки «евробелорусов», культурно тяготеющих к русским и к европейцам, довольно существенно различаются. Среди первых баланс оценок – все же в пользу допустимости российской приватизации, хотя и в меньшей степени, чем среди сторонников интеграции с Россией.

Оценки «русских евробелорусов» находятся между оценками «европейских евробелорусов» и «белороссов». При этом готовность «русских евробелорусов» допустить российский капитал к белорусской приватизации оказывается даже выше, чем у воздержавшихся от геополитического выбора.

Похожая картина наблюдается и в оценках евразийской интеграции, декларация о которой была подписана незадолго до проведения декабрьского 2011 г. опроса.

Таблица 20. Взамосвязь геополитического выбора с ответами на вопрос: «Недавно в Москве президенты России, Беларуси и Казахстана подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции. По мнению белорусских властей, новое объединение призвано «стать ключевым региональным игроком, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами», а по мнению оппозиции, «участие Беларуси в евразийской интеграции отрицательно повлияет на перспективы интеграции страны в мировое экономическое и политическое пространство». А как к этому относитесь Вы?», % (12'11)

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?				
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО	За присоединение к ЕС и близость к русским	За присоединение к ЕС и близость к европейцам
Отношусь положительно (33.2)	53.7	18.4	19.9	20.8	15.8
Отношусь безразлично (38.2)	30.8	41.3	48.8	41.7	41.3
Отношусь отрицательно (13.6)	5.1	25.0	8.7	17.5	31.2
НО/ЗО (15.0)	10.4	15.3	22.6	19.6	11.7

Здесь одобрение проекта евразийской интеграции со стороны «русских евробелорусов» – ненамного, но значимо большее, чем среди «европейских евробелорусов». При этом отрицательное отношение к проекту среди первых встречается примерно вдвое реже, чем среди вторых, и баланс отношения к интеграции, противоположной европейской, – положительный, как и у «белороссов», хотя и на гораздо более скромном уровне.

Геополитический выбор и идеалы

Как было сказано выше, в выборе в пользу России решающую роль играет культурная близость, в выборе в пользу Европы – экономическая прагматика. Однако этими мотивациями выбор не исчерпывается.

Таблица 21. Геополитический выбор и идеалы, %

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Какое общество, на Ваш взгляд, является наиболее справедливым? (03'11)			
Белорусское (28.1)	46.2	12.9	38.8
Немецкое (23.7)	1.7	34.3	11.1
Американское (20.6)	6.3	33.5	7.5
Российское (3.4)	8.4	1.4	2.0
Польское (6.0)	3.6	6.8	7.9
Какая зарубежная страна, по Вашему мнению, может быть моделью для экономического развития Беларуси? (открытый вопрос)(03'11)			
Германия (17.1)	10.8	23.7	9.4
США (11.1)	6.5	15.9	5.8
Польша (7.3)	4.6	10.2	4.0
Россия (7.0)	14.4	2.6	6.5
Швеция (5.8)	2.3	8.7	3.6
Китай (4.7)	5.0	3.9	6.5
Япония (4.6)	3.8	5.7	2.2
Швейцария (2.3)	1.5	2.2	3.6
Англия (1.6)	0.8	2.2	1.4
Италия (1.3)	1.5	1.7	0.4
Собственная модель (3.1)	5.2	0.8	6.1
Иная страна (26 названий, менее 2 % каждая) (11.4)	11.0	8.0	14.0
НО/ЗО (23.6)	32.3	14.0	36.6

Как видно из табл. 21, для «белороссов» немецкое общество справедливее российского, с которым они хотят объединиться, но лидер справедливости для них– «Беларусь – наша Россия».

С другой стороны, табл. 21 показывает, что геополитические предпочтения «евробелорусов» обусловлены представлением не только о европейском материальном благосостоянии, но и о европейской справедливости. Впрочем, высокие оценки касаются стран достаточно далеких и вряд ли достижимых для Беларуси в обозримом будущем. В то же время польское общество, которое могло бы служить в принципе достижимым образцом для белорусов, удостоилось со стороны белорусских приверженцев европейского выбора весьма скромных оценок.

В том, что касается выбора страны-образца для Беларуси, то и тут существенны различия между сторонниками различных вариантов геополитического выбора: для «евробелорусов» это Германия и США, для «белороссов» – Россия и Германия. Возможно, отчасти на выбор последних повлияла ситуация кризиса.

И опять же наблюдается довольно сдержанное отношение всех групп геополитического выбора, например, к польскому опыту: успехи польской экономики впечатляют в достаточно умеренной степени и «белороссов», и «евробелорусов».

Европейские ценности

Группы различных вариантов геополитического выбора различаются в оценках угрозы, которую несут Беларуси зарубежные страны.

Таблица 22. Взаимосвязь геополитического выбора с оценкой геополитических угроз *(возможно более одного ответа),* % (03'10)

От кого исходит угроза для Беларуси	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Беларуси никто не угрожает (49.6)	43.0	53.3	56.5
США (20.6)	32.2	10.7	16.5
Россия (6.5)	1.4	13.5	2.8
Арабские страны (4.6)	5.6	4.6	2.4
Китай (4.3)	3.5	5.7	2.8

От кого исходит угроза для Беларуси	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Европейский Союз (4.2)	7.9	0.3	4.5
СНГ (3.5)	1.1	6.2	2.8
Другие страны (4.8)	4.0	5.2	5.7

Сторонники европейского выбора значимо менее склонны видеть внешнюю угрозу в какой бы то ни было стране, но в той степени, в которой они все же ее усматривают, выбор показателен – на первом месте Россия. Правда, для «евробелорусов» ощущение угрозы со стороны США ненамного уступает ощущению российской угрозы. В то же время для «белороссов» главные источники внешней угрозы – США и, с большим отрывом, ЕС.

Впрочем, различия не очень велики. Они заметно возрастают при переходе к самым животрепещущим в начале 2012 г. сюжетам отношений Беларуси и ЕС.

Таблица 23. Взаимосвязь геополитического выбора с оценкой международных санкций, %

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
ЕС и США расширяют санкции по отношению к руководству Беларуси – теперь запрет на въезд в эти страны будет распространяться на более чем 300 белорусских чиновников, судей и др. во главе с А. Лукашенко, которых считают ответственными за нарушение демократии и прав человека. Некоторые считают, что это хорошо, другие – что плохо. А как считаете Вы? (03'12)			
Это хорошо (24)	17.0	34.7	17.8
Это плохо (32.4)	37.2	29.4	26.7
Мне это безразлично (37.5)	41.8	32.4	40.0
Западные страны добиваются от белорусских властей освобождения людей, осужденных за участие в манифестации после выборов 2010 г. По этому поводу высказываются разные мнения. С каким из них Вы согласны? (03'12)			
Эти люди ни в чем не виноваты, их следует освободить независимо от пожеланий Запада (44.5)	31.1	67.0	31.9

Эти люди виноваты и пусть сидят, нельзя уступать давлению других стран (21.4)	34.2	6.2	19.3
Эти люди виноваты, но их следует освободить, чтобы улучшить отношения с Западом (17.8)	19.3	15.2	20.4

В том, что касается западных санкций, отношение геополитических антагонистов зеркально противоположное, но на разных уровнях: среди «белороссов» доля противников санкций превосходит долю сторонников более чем вдвое, среди «евробелорусов» доля сторонников санкций лишь на 6 процентных пунктов выше доли противников. И это при том, что в отношении проблемы, служащей камнем преткновения в отношениях между ЕС и официальным Минском, наблюдается определенный консенсус – даже среди приверженцев интеграции с Россией половина опрошенных полагает, что политзаключенных стоит (или следует) освободить, среди тех, кто выбирает Евросоюз, так считает подавляющее большинство – 82 %.

Беларусь в Евросоюзе?

В декабрьском 2005 г. опросе респондентам задавалось несколько вопросов, которые можно назвать «игровыми», – какие бы решения о судьбе ЕС были склонны принимать они, если бы Беларусь уже была членом Евросоюза. На самом деле ответы на эти вопросы описывают не гипотетические решения, а сегодняшние представления белорусов о Европе.

Таблица 24. Взаимосвязь геополитического выбора с ответами на вопрос: «Как Вы думаете, следует или не следует принимать в Евросоюз следующие страны?, % (12'05)

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
Россия			
Следует принять (32.0)	29.5	42.5	25.3
Не следует принимать (31.5)	33.0	32.5	27.7

Вариант ответа	Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?		
	Объединение с РФ	Вступление в ЕС	НО/ЗО
Турция			
Следует принять (26.0)	22.2	38.7	21.1
Не следует принимать (32.4)	33.9	34.8	24.7
Украина			
Следует принять (23.8)	19.2	35.3	21.7
Не следует принимать (39.6)	43.0	39.6	30.4

Наиболее желательным кандидатом в Евросоюз для белорусов оказывается Россия, хотя и сама она не заявляет о своих претензиях на это, и западные политики считают такую перспективу едва ли не самой туманной из возможных. Однако для белорусов, судя по всему, восточный сосед оказывается наилучшей кампанией в движении на Запад. Весьма показательным оказывается довольно низкий уровень религиозной дистанции в ответах на вопрос о вступлении в ЕС мусульманской Турции. Во многих европейских странах такая перспектива вызывает достаточно широкое сопротивление, при этом основной мотив такого отношения – именно культурная, религиозная дистанция. Впрочем, условия тут не совсем сравнимы: поляки или французы оценивают перспективу вступления Турции в союз, в котором они уже состоят, для белорусов это все же в значительной степени игра. Но сильные фобии проявляются и в игре. Однако данные табл. 24 показывают, что как раз сильных фобий по отношению в туркам, осознания их непреодолимой культурной дистанции от Европы у белорусов-то и нет – готовность (если бы это зависело от них) принять Турцию в ЕС у белорусов большая, чем в отношении братской славянской Украины.

Группы различного геополитического выбора существенно различаются в ответах на вопрос о желательных кандидатах на вступление в ЕС. Среди «евробелорусов» относительное большинство за то, чтобы принимать по крайней мере две из трех стран, среди остальных групп относительное большинство за то, чтобы не принимать никого. Но иерархия предпочтений Россия–Турция–Украина сохраняется, и для «евробелорусов» самый предпочтительный из трех кандидатов – Россия.

Таблица 25. Взаимосвязь геополитического выбора с ответами на вопрос: «Если бы Беларусь стала членом Евросоюза, на какие группы стран ей следовало бы ориентироваться?», %

Вариант ответа	**Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?**		
	Объединение с РФ	**Вступление в ЕС**	**НО/ЗО**
На «старых» континентальных членов ЕС – Германию, Францию, Испанию и др. (41.4)	37.4	55.6	31.3
На новых членов ЕС – Польшу, Литву, Чехию, Венгрию, Словакию и др. (12.9)	10.7	20.5	12.0
На Великобританию (5.1)	4.1	9.1	3.3
НО/ЗО (40.6)	47.0	14.8	52.7

Со времен жарких споров в 2003 г. о том, что делать с Ираком, с легкой руки министра обороны США Д. Рамсфельда пошла гулять формула о «новой» и «старой» Европе. С тех пор политическая конфигурация континента изменилась, однако в представлениях белорусов в 2005 г. это разделение оставалось актуальным и их выбор был вполне однозначен. Ответ на гипотетический вопрос раскрывает совсем не гипотетические предпочтения. После присоединения к ЕС новых членов многие и восточноевропейские, и западноевропейские политики высказывали предположение, что новые члены Евросоюза – соседи Беларуси, могли бы стать для нее и примером, и своеобразными проводниками в Европу. Однако данные табл. 25 порождают известные сомнения, готовы ли белорусы к такой роли своих соседей.

Итоги и перспективы

До середины 2000-х гг. примерно каждый второй высказывался за объединение с Россией. Однако потом наблюдался явственный понижающийся тренд, с годами все меньше белорусов выказывают желание интегрироваться с восточным соседом.

Пик как пророссийских, так и проевропейских настроений пришелся на начало 2000-х гг. Именно тогда произошло резкое ухудшение экономического положения страны. Тогда экономические неурядицы породили у значительной части населения желание «прислониться» к кому-то более мощному – даже неважно к кому. Многие опрошенные выступали одновременно и за объединение с Россией, и за вступление в ЕС.

Доля приверженцев одного геополитического выбора, превышающая треть среди сторонников другого выбора, – весьма наглядная иллюстрация амбивалентности.

Часть русскоязычных, русскокультурных белорусов, выступая за сближение с Россией или по крайней мере ощущая свою близость с Россией, нечуждость ей, выступают и за присоединение их страны к ЕС ровно по тем же причинам, по которым за это выступает значительная часть россиян.

Если доли приверженцев европейского и российского геополитического выбора примерно равны, то респондентов, ощущающих большую культурную близость к русским, в разы больше, чем тех, кто ощущает большую близость к европейцам. Отсюда, в частности, следует, что и значительная часть «евробелорусов» чувствует большую культурную близость не с Европой, а с титульным этносом России, объединение с которой они отвергают.

Пользуясь образной формулой белорусского философа Валентина Акудовча, для большинства тех, кто оценивает российскую жизнь выше, чем белорусскую, Россия – «на востоке от Беларуси», это неплохая соседняя страна, но они хотели бы равняться не на нее, а на иные, еще более высокие образцы. Для тех, кто оценивает белорусскую жизнь выше, Россия чаще всего – «восток Беларуси», куда же от своего востока денешься? Эти люди хотели бы Россию сделать такой, как Беларусь, такой, какой Россия, с их точки зрения, должна быть.

Мотивация пророссийского и проевропейского выборов имеет различную политико-психологическую природу. Среди «евробелорусов» имеется «ядро», чей выбор объясняется ценностями и культурной близостью. Однако для значительной части «евробелорусов» их проевропейский выбор в значительной мере обусловлен прагматичной мотивацией. В выборе «белороссов» большее значение имеет культурная, ценностная идентичность, для них их выбор – выбор в пользу «своих».

«Евробелорусы» при том, что их число сопоставимо с числом «белороссов», констатируют, что страна в целом сделает европейский выбор нескоро, если сделает его вообще.

Для значительной части «евробелорусов» «Беларусь в Европу» вовсе не синонимично «Прочь от России» даже в институциональном смысле. В отношении большинства интеграционных структур, в которые входят Беларусь и Россия, доли тех, кто желает их сохранения, довольно близки среди «белороссов» и «евробелорусов», а в отношении некоторых (например, Таможенного союза) сторонники европейского выбора проявляют даже больший энтузиазм, чем их геополитические оппоненты. При этом если больше половины «белороссов» предпочли бы еще более тесную степень интеграции с Россией, то больше половины «евробелоруссов» считают, что следует сохранить уровень нынешних, по мнению эспертов беспрецедентно тесных, отношений.

Кумирами «евробелорусов», стремящихся в ЕС, оказываются не лидеры Евросоюза, как можно было бы предположить, а лидеры страны, от которой они хотят дистанцироваться.

Оценки степени зависимости личного благосостояния от отношений с Россией практически идентичны у «белороссов» и «евробелорусов», что свидетельствует о том, что их геополитический выбор определяется по меньшей мере не только этим практическим фактором.

Геополитические предпочтения «евробелорусов» обусловлены представлениями не только о европейском материальном благосостоянии, но и о европейской справедливости.

Сторонники европейского выбора значимо менее склонны видеть внешнюю угрозу в какой бы то ни было стране, но в той степени, в которой они все же ее усматривают, выбор показателен – на первом месте Россия.

В том, что касается западных санкций, отношение геополитических антагонистов зеркально противоположное, но на разных уровнях: среди «белороссов» доля противников санкций превосходит долю сторонников более чем вдвое, среди «евробелорусов» доля сторонников санкций лишь на 6 процентных пунктов выше доли противников.

Среди России, Турции и Украины наиболее желательным кандидатом в Евросоюз для белорусов оказывается Россия, хотя и сама она не

заявляет о своих претензиях на это, и западные политики считают такую перспективу едва ли не самой туманной из возможных.

После присоединения к ЕС новых членов многие и восточноевропейские, и западноевропейские политики высказывали предположение, что новые члены Евросоюза – соседи Беларуси – могли бы стать для нее и примером, и своеобразными проводниками в Европу. Однако имеются известные сомнения, готовы ли белорусы к такой роли своих соседей, среди «евробелорусов» большинство считает, что в случае вступления Беларуси в ЕС ей следует ориентироваться на страны Западной Европы, а не на центральноевропейских «новобранцев» Евросоюза.

Представляется вполне обоснованной гипотеза, согласно которой в краткосрочной – до 5 лет – перспективе нынешнее примерное равновесие между «белороссами» и «евробелорусами» не изменится. Однако можно назвать факторы, которые могут повлиять на него даже в ближайшие годы. Важнейший из них — Таможенный союз и Единое экономическое пространство, проект нынешнего президента России В. Путина, который по замыслу должен найти свое конечное выражение в Евразийском союзе, тесном политико-экономическом объединении. Значение этой инициативы, в значительной степени уже воплощенной в жизнь, не следует недооценивать. Однако перспективы проекта пока выглядят несколько туманными. Не исключено, что ему уготована судьба многочисленных предыдущих интеграционных начинаний, в том числе и Союзного государства Беларуси и России. Если нынешний «медовый месяц» новой интеграции (прочем, «мед» которой и сейчас весьма относителен) обернется новыми скандалами и конфликтами, новыми торговыми и информационными войнами, то это, безусловно, приведет к снижению доли «белороссов».

Последствия успеха этого проекта менее определенные: часть белорусского населения может воспринять этот успех – углубление интеграции, в том числе и политической, как угрозу белорусскому суверенитету, а часть белорусского бизнеса может быть недовольной ростом конкуренции со стороны российских коллег. Но все-таки представляется, что в этом случае можно ожидать скорее роста рядов приверженцев интеграции с Россией.

Еще одним фактором, могущим повлиять на геополитические предпочтения белорусов, являются отношения между официальным Мин-

ском и Евросоюзом. Опыт показывает, что всего лишь нормализация этих отношений, прекращение антизападной информационной политики белорусских государственных СМИ в 2008–2010 гг. привело к заметному увеличению доли сторонников евроинтеграции. Можно предположить, что возвращение к этой политике вызовет похожие последствия на уровне общественного мнения.

Если прогнозировать динамику геополитических предпочтений на средне- и долгосрочную перспективу, то следует принимать во внимание их тренд. А он очевиден – на протяжении нулевых годов наблюдалось постепенное снижение. К тому же анализ структуры геополитических ориентаций показывает, что ориентация на Россию в максимальной степени свойственна лицам преклонного возраста, и в минимальной молодежи. Поэтому в среднесрочной перспективе – до 10 лет – даже не предполагая кардинальных политических изменений, можно прогнозировать дальнейшее снижение доли «белороссов», несмотря на колебания и попятные движения. Возможно, хотя и не обязательно, оно будет сопровождаться увеличением доли «евробелорусов».

1 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. М., 2007. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с анг. М., 2003.

2 Ж. Баррозу: Украине надо выбирать между ТС и свободной торговлей с ЕС. 18.04.2011, Сегодня.ua, http://www.segodnya.ua/politics/power/barrozu-ukraine-nado-vybirat-mezhdu-tc-i-cvobodnoj-torhovlej-c-ec.html

3 Медведев объяснил Януковичу, что нельзя сидеть на двух стульях. 18.05.2011, Сегодня.ua, http://www.segodnya.ua/politics/power/medvedev-objacnil-janukovichu-chto-nelzja-cidet-na-dvukh-ctuljakh.html

4 Фонд «Общественное мнение», Россия и Евросоюз. 11.09.2008. Отчет. Опрос населения, http://bd.fom.ru/report/cat/fre_an/d083622/printable/

5 Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Россия и Европа: сотрудничество или противостояние?, Пресс-выпуск № 1550. 02.08.2010, http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13711

6 Аналитический центр Юрия Левады. Отношения власти и народа в России, сотрудничество с международными организациями. Пресс-выпуск. 04.07.2012, http://www.levada.ru/04-07-2012/otnosheniya-vlasti-i-naroda-v-rossii-sotrudnichestvo-s-mezhdunarodnymi-organizatsiyami

7 Сіліцкі В. Кухонная апазыцыя гаворыць па-руску // ARCHE Пачатак, 2010. № 6 (93).

8 Пазьняк З. Беларусь – Усходняя Эўропа. Беларуская салідарнасьць. 14.12.2003, http://www.bielarus.net/archives/2003/12/14/63

9 Акудовіч В. Мы і Расея // Акудовіч В. Дыялёгі з Богам. Минск, 2006.

Ханс-Георг ВИК

Трансформация Беларуси: на перекрестке[*]

I. Судьба Беларуси в меняющемся европейском пейзаже

Президент Лукашенко – навсегда?

Сегодня создается впечатление, что Беларуси придется существовать при авторитарном режиме, если не сказать диктатуре, Александра Лукашенко вечно, и постепенно оказываться во все большей и большей зависимости от России. А белорусы, не довольные существующей ситуацией, стремятся устраивать свою жизнь за рубежом. Европейский союз и США не устают обличать режим в нарушении прав человека и демократии, однако они не в состоянии и, разумеется, не готовы навязывать демократию Беларуси извне. Такие изменения должны происходить внутри страны.

Беспрецедентное использование грубой силы в день и после президентских выборов 19 декабря 2010 г. является показателем слабой природы режима. Зависимость от России с одной стороны, и претензии на национальный суверенитет и независимость с другой, плохо сочетаются. Столь нелюбимый белорусскими властями Европейский союз является необходимой третьей стороной в хрупком равновесии сил и возможностей для будущего страны.

Исторические вехи, о которых необходимо помнить

Распад Речи Посполитой во второй половине XVIII века привел к включению территорий современной Беларуси в состав Российской

[*] Перевод с английского Натальи Манаевой.

империи. В итоге русское культурное и политическое влияние на страну резко возросло и многовековые глубокие культурные связи с Европой угасли.

Установление коммунистического режима в результате распада Австро-Венгерской, Германской и Российской империй в конце Первой мировой войны привело к распаду социальной и экономической структуры, сложившейся в стране на протяжении веков. Частное предпринимательство в городах, а также в сельской местности было насильственно ликвидировано.

Вторая мировая война, в частности, германское вторжение и Холокост, привели к фактическому исчезновению еврейской культуры и цивилизации в Центральной и Восточной Европе. За этим последовала социалистическая реконструкция страны и ее социальной структуры с преобладанием социалистического управления в сельском хозяйстве, государственном управлении и структуре промышленности.

Социалистическое общество не предусматривало законной роли для частного бизнеса. Однако государственные и партийные организации допускали существование «серого сектора» экономики вне правовой системы социалистического государства. «Серый сектор» может быть полезным инструментом командной экономики и тоталитарной системы государственного и партийного управления, но вряд ли может служить основой модернизации промышленности в условиях глобальной конкуренции в мире.

Европейский союз – фактор страха для России и Беларуси или образец для подражания?

В течение десятилетий холодной войны становление и развитие единой Европы, основанной на общих политических ценностях и на уважении прав человека, едином рынке и инновационной, конкурентоспособной на мировом рынке индустриально-экономической зоне, явилось решающим и чрезвычайно важным уходом от исторического соперничества между государствами Европы, а также между Европой и колониальными владениями. Этот процесс, тем не менее, был прак-

тически не замечен в коммунистической Восточной Европе в связи с идеологическими предрассудками и слепотой.

Мирное окончание холодной войны, становление экономически и технологически высоко конкурентоспособной Германии, а также распад Восточного блока и самого Советского Союза поставили государства, образовавшиеся в результате этого процесса, перед серьезными политическими и экономическими проблемами, а также высокой неопределенностью.

Официальная постсоветская Беларусь – страна с расколотой исторической памятью и идентичностью – опиралась и продолжает опираться на тесные связи с Россией и субсидируемые поставки газа, беспрепятственный доступ на российский рынок своей продукции, которая все менее и менее конкурентоспособна на международном и европейском рынках. Также как и Россия, Беларусь вернулась к авторитарному правлению в конце девяностых.

В целях снижения зависимости от России авторитарный режим Лукашенко пытается диверсифицировать свои международные связи, но при этом не трансформирует страну в подлинно демократическую систему и современное индустриальное государство. Он не стесняется использовать все формы прямой и косвенной силы, пытаясь предотвратить возникновение открытого общества, ориентированного на Европу. В то же время, система остается уязвимой к воздействию демократического движения из России и Украины, а, в конечном счете, и внутри страны.

Опросы общественного мнения показывают, что белорусское общество расколото по ориентации в сторону большего сближения с Россией или с Европейским союзом. В ситуации отсутствия свободы СМИ и собраний очень трудно установить подлинные политические предпочтения граждан. Фактор страха является важным ограничителем в публичных, открытых высказываниях и заявлениях граждан. Опросы показывают тенденции, выявляют направления формирования общественного мнения.

Стремление России восстановить свои позиции в современном мире обусловлено усилением национализма как реакции на потерю коммунистической империи, высокими доходами от продажи нефти и газа, а

также тщетными попытками модернизации стратегического арсенала, необходимого, чтобы идти в ногу с США. Однако Россия уязвима из-за односторонней зависимости от доходов от продажи нефти и газа, неопределенности наличия таких резервов в будущем и отсутствия промышленной базы, конкурентоспособной на международном уровне.

Следуя духу Римского договора 1957 г., Европейский союз утвердил в 2009 г. принципы Восточного партнерства, которое предлагает ближайшим соседям Евросоюза в Восточной Европе (Беларуси, Украине и Молдове), а также трём странам Южного Кавказа постепенное сближение этих стран с Европейским союзом в политическом и экономическом плане. Однако возможный успех такой политики – по крайней мере, в долгосрочной перспективе – зависит от развития открытого общества в этих странах.

Римский договор 1957 г. подтвердил готовность государств-членов Европейского союза принимать новые государства Европы при условии, что они должны принять европейскую систему демократии и открытого общества, т.е. систему политических ценностей, а также рыночную экономику, демократические институты государственного управления и независимость судов. Предусмотрено также, что Европейский союз должен быть в состоянии адаптировать новых членов к уровню государственных и общественных институтов объединенной Европы, а также к уровню ее экономического развития, ведь для этого требуются дополнительные финансовые средства.

Европа не пытается проводить политику доминирования, однако преимущества открытого общества для граждан и общества в целом представляют препятствие для Москвы, которая стремится к доминированию над бывшими членами Советского Союза. В этом смысле Европа находится в состоянии нового политического соперничества с Москвой. Этого не случилось бы, если бы Россия реализовывала принципы, согласованные в рамках Парижской хартии в ноябре 1990 г., которая предусматривала строительство общеевропейского дома на основе общих ценностей (права человека, независимость судов, плюрализм демократических государственных институтов, разделение полномочий между высшими государственными институтами, рыночная экономика).

Не исключено, что Россия все же станет постепенно развиваться в этом направлении, поскольку такое развитие событий будет способствовать развитию эффективного современного индустриального общества, что включает в себя формирование конкурентоспособной промышленной базы. Однако на то, что Россия в конечном итоге выберет такой путь, нельзя рассчитывать как на нечто само собой разумеющееся.

Остается также открытым вопрос, как именно Русская Православная церковь будет осуществлять свою самостоятельно выработанную миссию в России. РПЦ считает себя основным архитектором возрождения русской нации и культуры после десятилетий варварского коммунистического контроля над обществом и государством. Тем не менее, её социальная модель обращена скорее в прошлое, поскольку исключает эмансипацию женщин и едва ли поддерживает демократическую диверсификацию политической власти.

II. Основная задача гражданского общества: изменить менталитет людей

Гражданское общество – политический фактор возрастающего значения

Гражданское общество, включающее в себя широкий спектр гражданской активности, организованной негосударственными субъектами, играет очень важную роль в формировании общественного мнения. Независимые СМИ и независимые суды являются незаменимыми партнерами гражданского общества. На политическом уровне такое общество трансформирует основные представления граждан в институты плюралистической демократии президентской или парламентской системы.

Гражданское общество является основой того, что Карл Поппер определил как «открытое общество» в своей главной книге «Открытое общество и его враги», опубликованной в 1945 г. Он открещивается

от нацистской диктатуры и считает, что именно структуры открытого общества могут создавать социальные и политические структуры, основанные на уважении индивидуальных прав человека. Это было философским ответом на идею предопределенности, стоящую в основе тоталитарных систем, таких как советский коммунизм, национал-социализм Гитлера и фашизм Муссолини.

Вполне вероятно, что в сегодняшней реальности Европейский союз является воплощением такой концепции открытого общества, включающей в себя ошибки, которые должны быть исправлены в случае необходимости, как, например, нынешний кризис общеевропейской финансовой системы.

Авторитарные режимы – режимы прошлого

В военное время и в условиях авторитарных режимов – таких, как режим Лукашенко или действующая в России система власти – власти стремятся сохранять политический контроль над ключевыми элементами гражданского общества: политические партии, профсоюзы, церковь и предприятия взяты под жесткий контроль, не говоря уже об академических и учебных заведениях и СМИ. Все решения полностью подчинены потребностям авторитарного режима и предоставлены на усмотрение властей. Таким системам суждено рано или поздно рухнуть, потому что остальной мир движется дальше. Такова была судьба Советского Союза, ГДР, а также плановой экономики в Китае.

Гражданское общество путем общественного диалога создает представления об идентичности нации, ее истории, которые используются для позиционирования страны на международной арене. Такого рода диалог происходит в условиях открытого обсуждения, свободных и справедливых выборов. Утверждая за собой исключительную ответственность за эти важные вопросы, любой авторитарный режим лишает свой народ не только права на самоопределение, но и лишает население прав человека и гражданина.

В таких условиях международное сообщество, в частности Европейский союз и его государства-члены отстаивают международно признанные политические ценности и права человека. Стремление поддержи-

вать демократические преобразования не оставляет им иного выбора, кроме как установить рабочие отношения с гражданскими обществами авторитарных стран – настолько, насколько этой возможно, не отказываясь от контактов с авторитарными режимами, как было согласовано Парижской хартией 1990 г.

Фундаментальные изменения в отношении Европейского союза к Беларуси произошли после 10 декабря 2010 г. Теперь гражданское общество признается в качестве важного партнера. Смысл этих изменений – помимо заявления и конференций – должен обсуждаться и быть обоснованным.

Недостатки плановой социалистической экономики

В Беларуси существуют пробелы и искажения в общественном сознании и восприятии старой социалистической политической и экономической системы, а также социально-ориентированной рыночной экономики, такой, как в Европейском союзе. Похоже, что общественность и большая часть номенклатуры в постсоветских странах воспринимают распад Советского Союза и советской системы в целом как «несчастный случай» («величайшую геополитическую катастрофу XX века»), произошедший по вине Михаила Горбачева, а не как закономерное следствие фундаментальных недостатков социалистической системы как таковой.

Тем не менее, в конце семидесятых годов в Китае и Советском Союзе было осознано на самом высоком уровне, что так называемая капиталистическая система не рухнет в результате внутренних непреодолимых противоречий. В результате было ясно, что социалистическая система не сможет победить «загнивающую капиталистическую систему». Поэтому коммунистическим или, лучше сказать, социалистическим экономическим системам пришлось приспособиться к капиталистической системе, преуспевающей в технологических инновациях и развитии социально-ориентированной рыночной экономики, в которой капитал и рабочая сила являются заинтересованными сторонами в экономическом успехе и выгоде. В частности, ключевые страны Европейского союза преуспели в этой области.

Китай предпочел преобразовать экономику страны в рыночную экономику с частной собственностью и с централизованным политическим контролем коммунистической партии по ключевым вопросам. Советский Союз пытался добиться преобразования экономики, отказавшись от монополии Коммунистической партии, но не смог этого сделать. Лидеры, кто бы они ни были, государств-членов Советского Союза оказались в вакууме власти, создавшемся после распада коммунистической системы. В большинстве этих стран не произошло ни глубоких демократических преобразований, ни становления социально-ориентированной рыночной экономики. Они оказались не готовы к столь далеко идущим преобразованиям, политическим силам не хватило ясного понимания и решимости для таких далеко идущих реформ. Только страны Балтии сумели трансформироваться и теперь являются полноправными членами европейских и трансатлантических структур.

Похоже, что общественное мнение в России и Беларуси не понимает того, что в свое время понял Андропов: фатальных последствий социалистической экономической системы. Ликвидация частной инициативы, частного предпринимательства и свободы СМИ, а также потеря независимости судебной системы превратило Советский Союз в экономику, полностью контролируемую государством, и поставило страну в тотальную зависимость от доходов от экспорта природных ресурсов (таких как нефть, газ, золото и других полезных ископаемых), а также привело к снижению производительности труда.

Одновременно с плановой экономикой, управляемой государством, вне правовой системы существовала теневая экономика, которая как раз и поддерживала многие семьи и производства. Такая экономическая и политическая система может поддерживаться только средствами жесткого контроля и подавления. Ей приходится изолировать себя от остального мира и сталкиваться с катастрофой, когда природные ресурсы истощаются или спрос на них падает за счет новых технологий. Именно это и происходит сейчас. С другой стороны, не существует никаких ограничений на технологические инновации. В конце концов, мы будем жить, пользуясь товарами, произведенными из переработанного мусора.

Существует урок, который следует извлечь из судьбы ГДР – той части Германии, которая была под советским контролем с 1945 по 1990 гг.

Территории, которые стали ГДР с 1949г., были центром высокотехнологичной промышленности Германии до конца Второй мировой войны – в особенности Берлин, Саксония, Тюрингия и Ангальт. В 1989 г. ГДР была близка к экономическому коллапсу: в стране не было промышленности, конкурентоспособной на международной арене. Власти ГДР устранили частное предпринимательство и пытались опираться на крупные государственные предприятия. Они изгнали предпринимателей и специалистов в Западную Германию, которая приняла в период с 1945 по 1948 г. около 12 миллионов беженцев из бывших провинций в Восточной Европе, а также три миллиона немцев из ГДР с 1949 по 1990 г. В условиях социальной рыночной экономики, где «капитал», «управление» и «трудовые силы» являлись заинтересованными сторонами, в период холодной войны западногерманская промышленность превратилась в третью по величине экономику в мире. Она до сих пор испытывает нехватку рабочей силы.

Гражданское общество и понимание ключевых проблем Беларуси

Постсоветская номенклатура отвергает внешние советы и поддержку гражданского общества как акт империализма, продолжающегося после окончания холодной войны, и как попытку навязать западные модели России и Беларуси. Это необоснованная критика, но, тем не менее, и в нашем обществе раздаются голоса, разделяющие эту критику. Они считают постсоветское пространство законной областью российского влияния и отрицают роль гражданского общества в развитии промышленных и социальных инноваций. В доказательство своей правоты они приводят пример Китая. Но это неудачный пример, поскольку Китай испытывает серьезный кризис не из-за освобождения части частных предприятий из-под гнета политической системы, а из-за сохранения политического контроля центральными органами Коммунистической партии.

Зачем обсуждать эти вопросы в рамках дискуссии о будущем Беларуси? Затем, что роль гражданского общества Беларуси заключается, прежде всего, в формировании общественного мнения в стране. И это

убедительно доказано многолетними независимыми исследованиями – о фатальных недостатках посткоммунистической системы в продвижении этических основ социальной рыночной экономики, такой, например, как в Европейском союзе.

Такие дебаты ведутся сегодня и в Германии. Ведь ГДР существовала на протяжении сорока лет и старалась создать продуктивную социалистическую систему. Однако, как однажды признался бывший высокопоставленный сотрудник Штази: «ГДР могла существовать только до тех пор, пока Советский Союз поддерживал нас, и ни на день дольше». Это одновременно и удивительное признание, и приговор. Я также добавлю, что даже советской поддержки было не достаточно. На протяжении многих лет ФРГ оказывала серьезную финансовую поддержку ГДР – «в интересах человеческих отношений», как мы это называли.

Белорусы не уверены, насколько им нужен европейский выбор, поскольку до сих пор не смогли понять, что, за исключением системы рент, основанной на нефтяных и газовых доходах, у плановой экономики нет будущего на глобальном рынке конкурентоспособных национальных или региональных экономик.

20 апреля 2012 г. в Минске состоялся круглый стол на тему «Европейский диалог о модернизации в Беларуси: проблемы и перспективы», который был организован в рамках Национальной платформы Восточного партнерства и Платформы гражданского общества. Через несколько дней Штефан Фюле, комиссар Европейского союза, отвечающий за расширение ЕС и Европейской политики добрососедства, объяснил в интервью Радио Свобода принципы, определяющие санкции против основных элементов режима Лукашенко, а также принципы роста и углубления сотрудничества Европейской Комиссии с гражданским обществом в Беларуси. Такая политика должна быть успешной. Но этот успех может быть достигнут только в том случае, если в белорусском обществе будет происходить открытый диалог о фундаментальных недостатках плановой, контролируемой государством экономики, и о достоинствах рыночной экономики. В Беларуси плановая экономика используется главным образом для обеспечения президентского контроля и предотвращения поглощения Россией. Что не может не произойти, если Беларусь по-прежнему будет сталкиваться с дефицитом и

продолжать функционировать за счет российских дотаций. Эта мрачная перспектива должна побуждать гражданское общество к тому, чтобы активнее формировать общественное мнение, расширять диалог о важнейших проблемах и перспективах Беларуси.

Перспективы Беларуси в европейском контексте

- Политическая неопределенность будет еще долго преобладать в странах с авторитарными режимами, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации. По мере возможности европейские институты и страны-соседи будут продолжать оказывать поддержку процессу трансформаций, все больше и больше через сотрудничество с формирующимся гражданским обществом, нежели через сотрудничество с нерасположенными к этому авторитарными режимами. В конце концов, обновления должны зародиться в самих этих странах.
- Европа не может позволить себе не обращать внимания на сложный процесс трансформации в Беларуси и других странах и должна оказывать поддержку в рамках гражданского общества. Условия Восточного партнерства должны уточняться и обновляться снова и снова. Мы вовлечены в цивилизационный процесс, а не в силовую игру, направленную на то, чтобы добиться быстрых успехов и изменений. В определенный момент развития будет возможно оказывать финансовую поддержку, направленную на реализацию трансформационных процессов, как это было сделано в других случаях Евроинтеграции, как например, на Балканах. Промышленные инновации могут и должны быть предметом предпринимательского участия, однако опыт учит нас, что для таких процессов необходима надежная правовая система.
- Объединенная Европа не может согласиться с претензиями одной страны на доминирование над другими странами, но в то же время не в состоянии навязать свою волю другим странам на континенте.
- Европе необходимы общие правила: нынешний финансовый кризис заставляет ее принимать единые и согласованные правила

для всех участников – правила не навязанные, но согласованные в интересах экономической и политической стабильности всех государств-членов и Европейского союза в целом. Экономики, которые не могут оставаться в равновесии в условиях глобальной экономической конкуренции, не смогут выжить. Как показал недавний пример Германии, болезненные изменения в областях трудового права и социальных льгот позволили ей стать одной из самых конкурентоспособных стран в мире. В случае провала таких реформ повторная национализации рынков неизбежна. Эта угроза омрачает небо над Европой.

- В свете описанного состояния гражданского общества в Беларуси, мы должны увеличивать наши усилия, направленные на более глубокое ознакомление граждан страны с принципами и последствиями социально-экономического развития в социалистических странах и странах социальной рыночной экономики. С этой целью можно было бы организовать в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе кафедру трансформаций в Восточной Европе. Необходимо составить список успешных белорусских промышленников и предпринимателей за пределами Республики Беларусь, обеспечивающий доказательства успешной экономической деятельности белорусов в условиях международного рынка. В ключевых странах нужно создавать не только «Белорусские дома» по правам человека, но и «Белорусские академии», которые бы организовывали исследования и обсуждения по важнейшим вопросам развития Беларуси в прошлом, настоящем, а также возможные пути развития в будущем. Это, несомненно, аккумулировало бы белорусские и зарубежные знания, способствовало бы принятию более правильных решений.

Об авторах

Вик Ханс-Георг (Hans-Georg Wieck) – доктор права, экс-посол ФРГ в СССР, НАТО, Иране, Индии, президент Федеральной службы внешней разведки (БНД), руководитель Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ в Беларуси, председатель Германской ассоциации «Права человека в Беларуси», руководитель семинара «Развитие демократических государств и гражданского общества в Восточной Европе» в Свободном университете Берлина, автор работ «Демократизация Беларуси», «Демократическое гражданское общество – альтернатива авторитарному режиму Лукашенко в Беларуси», «Беларусь насмехается над Европой» и др.

Дракохруст Юрий – кандидат физ.-мат. наук, эксперт НИСЭПИ, политический публицист и аналитик, работает на Белорусской службе радио «Свобода» (Прага), был секретарем Управы Белорусского Народного Фронта, автор книги «Акцэнты Свабоды» (2009).

Дубнов Вадим – обозреватель журнала «Новое время», gazeta.ru, Русской службы Радио Свобода и «Ежедневного журнала» (Москва, Россия).

Заико Леонид – кандидат экономических наук, доцент, был проректором ИПК БГУ, руководитель Аналитического центра «Стратегия», редактор и соавтор книг «Национально-государственные интересы Республики Беларусь» (1999), «Беларусь: на пути в третье тысячелетие» (2001), «Беларусь 20/20: в лабиринте экономической идентичности» (2011) и др.

Зиссер Юрий – владелец УП «Надежные программы», основатель и совладелец крупнейшего интернет-ресурса Беларуси tut.by.

Иоффе Григорий (Grigory Ioffe) – профессор географии Университета Рэдфорда (Вирджиния, США), автор книги «Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark» (2008).

Карач Ольга – руководитель международного центра гражданских инициатив «Наш Дом» (зарегистрирован в Чехии), председатель Витебской организации Объединенной гражданской партии, издатель газеты «Витебский курьер», в 2008 г. объявлена «Лучшим правозащитником года» Белорусской группой Amnesty International, лауреат международной Радебойльской премии за 2010 г. «За гражданское мужество», была депутатом Витебского городского совета в 2003-2007 гг.

Лысюк Анатолий – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, автор книги «Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция» (2008).

Манаев Олег – доктор социологических наук, основатель и директор (до июля 2006 г.) НИСЭПИ, основатель и профессор (до июля 2012 г.) кафедры социальной коммуникации Белогосуниверситета, с октября 2012 г. профессор департамента медиа и коммуникации Европейского гуманитарного университета (Вильнюс), был одним из организаторов Объединенной демократической партии Беларуси (нынешней ОГП), учредителем и председателем Правления Белорусского фонда Сороса, Координационного совета Белорусских фабрик мысли, автор трилогии «Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991-2010» (2000, 2005, 2011).

Марплз Дэвид (David Marples) – доктор истории, профессор Университета Альберты (Эдмонтон, Канада), председатель Североамериканской ассоциации белорусоведческих исследований, автор книг «Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe» (1996), «Belarus: A Denationalized Nation» (1999), «The Lukashenka Phenomenon: Elections, Propaganda, and the Foundations of Political Authority in Belarus» (2007).

Николюк Сергей – политолог, эксперт НИСЭПИ.

Радзик Рышард (Ryszard Radzik) – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальных макроструктур Института социологии Университета им. Марии Складовской-Кюри в Люблине, зам. председателя Польской ассоциации белорусистов, автор книг «Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową (Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia)» (2000), «Беларусы (Погляд з Польшчы)» (2002).

Соснов Александр – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора НИСЭПИ (до июля 2006 г.), член Политсовета Объединенной гражданской партии, председатель Наблюдательного совета Белорусского Хельсинского комитета. Был членом Президиума Верховного Совета 12-го созыва, министром труда Республики Беларусь.

Уилсон Эндрю (Andrew Wilson) – доктор политологии, ведущий научный сотрудник Европейского совета по международным делам (Лондон, Великобритания), автор книг «Myths of National History in Belarus and Ukraine» (1997), «Belarus: The Last European Dictatorship» (2011).

Чернявская Юлия – кандидат культурологи, доцент Белорусского университета культуры, ведущий авторских телепрограмм tut.by, автор книг «Белорус: штрихи к автопортрету» (2006), «Белорусы: от «тутэйших к нации» (2010).

Ярошук Александр – председатель Белорусского конгресса демократических профсоюзов (БКДП).

Именной указатель

Абламейко С. 350, 351
Абрамович 440,
Абушенко А. 157,
Акудович В. 94, 136, 155,158, 276, 293, 488, 506, 509
Алексеева Т. 213
Алешко А. 369
Альтюссер Л. 119
Аметсрайтер Х. 325
Андерсон Б. 131
Андропов Ю. 90, 517
Антипенко А. 293
Апанасевич И. 207
Аристотель 280
Аслунд А. 468
Афонин Н. 188
Ахиезер А. 228, 231, 235, 240
Ахмадинежада М. 466, 495
Байдэ А. Э. 213
Бакун К. 199
Баранчиков И. 193, 194
Баррозу Ж. М. 479, 509
Бекус Н. 456
Белозеров 185
Беннет Б. 459
Бердяев Н. 272
Берия Л. 446
Берлускони С. 494
Бернерс-Ли Т. 325
Берут Б. 91
Бжезинский З. 13
Блаженный В. 150
Богардус Э. 52
Богдан С. 458
Богушевич Ф. 156
Брежнев Л. 90, 124, 183, 278, 471
Бродель Ф. 34, 68
Бугрова И. 112, 293, 347
Будинас Е. 347
Булгаков В. 113, 153, 157, 158, 168, 170, 293
Бумажков Т. 174
Быков В. 119, 149
Быкова Т. 368
Валенса 242
Валенса Л. 421
Василевич Г. 367
Васильковский В. 177
Вацкевич Е. 84
Ващук В. 194
Вебер М. 274, 292, 293
Великая Екатерина 27
Вик Х.-Г. 366, 510, 522
Виненков Ф. 197
Винник Ю. 187
Витовт 91, 124, 149, 159
Виши 132
Вишневецкая Ю. 152, 169
Власенко Г. 206, 207
Войтович 255
Войтович А. 370
Волошин А. 186
Воронин А. 193
Ворошилов К. 193, 199
Вучетич Е. 191
Вячорка Ф. 165
Гавел В. 242
Гайдукевич С. 461

Галич А. 340
Гамильтон А. 316
Гастелло Н. 177, 178
Гачев Г. 118
Геллнер Э. 131
Герасимук И. 193
Геращенко А. 99, 114
Герстенберг Э. 401
Гигин В. 159, 160, 161, 170
Гитлер 249, 515
Глыбина Г. 202
Гоголь Н. 458
Гончарик В. 368
Горбачев М. 160, 183, 184, 300, 398, 399, 445, 516
Горовец А. 180
Гриб М. 278, 365
Грибаускайте Д. 494
Гринкевич А. 196
Гринчук Н. 193
Громов Д. 181, 182
Гудков Л. 238, 240, 369
Гулегин М. 134
Гутка Н. 196
Гэдди К. 233, 240
Дашкевіч З. 367
Дашкевич В. 347
Делягин М. 453
Денисович Н. 199
Джей Д. 316
Дзержинский Ф. 91
Дизраэли Б. 393
Дмитриев А. 352
Дойч К. 131
Домшайт-Берг А. 325
Дракохруст Ю. 26, 68, 103, 105, 106, 131, 149, 150, 336, 476, 522
Дроздовский С. 371
Дубавец С. 155
Дубин Б. 241
Дубинин В. 181, 182
Дубнов В. 242, 361, 522
Дубровский Н. 194
Дубянецкі С. 293
Екатерина II 91, 124, 159
Елкин И. 203
Ельцин Б. 230, 434, 444, 445, 464
Ермолович М. 124
Ерошенко П. 176, 186
Жданов А. 150
Жуков Г. 177, 188, 189
Заико Л. 19, 21, 429, 522
Зверев В. 180
Зеленко Г. 272, 193
Зимовец Э. 195, 196
Зиссер Ю. 19, 317, 523
Злобин Н. 240
Зюганов Л. 438
Иванов А. 175
Ивановский Е. 187
Икес Б. 233, 240
Ильюшин 178, 180
Иоффе Г. 14, 21, 152,162,170, 365, 457, 458, 459, 523
Исаченко 174, 175
Каддафи М. 452
Кадолко И. 194
Казакевич А. 275
Казей М. 176, 206
Калашников 327
Калашников А. 213
Калинкина С. 126

Калиновский К. 26, 91, 123, 159, 210
Кандидатов Ф. 187
Капустин Б. 266, 293
Каразін В. 293
Карач О. 18, 295, 523
Карбалевич В. 165, 170
Карп И. 187
Карский Е. 157
Кассиль Л. 181
Кастро Ф. 91, 494
Катаев С. 282, 293
Катунин И. 179, 180
Квасьневский А. 421
Квислинг 132
Кебич В. 399, 460
Кечко Ф. 175
Киселев П. 161
Климова А. 301
Клюня В. 350
Козлов Н. 198
Козулин А. 63, 255, 296, 301
Колас Я. 98, 149
Колесник С. 183
Колесова Е. 200
Колобущенко А. 199
Колючкин Н. 208
Колючкина П. 208
Корж В. 172
Коростелева Е. 280, 293
Короткевич В. 119,124
Космодемьянская З. 176, 178
Костюшко Т. 91
Котченко Ф. 175
Коцарев И. 184, 185, 186
Кошевой О. 176
Коялович М. 157
Краснов 188
Криштапович Л. 100, 114
Крол Дж. 370
Крупицкая Н. 179
Кубе В. 194, 198
Кудрин А. 464
Куприянов П. 176
Куприянова А. 176
Курт Г. 112
Кустов И. 177, 206
Кутровская М. 192
Кучма Л. 194, 294
Кэмерон Д. 494
Лаар М. 243
Лабусов М. 208
Лазарсфельд П. 150
Ластовский А. 113, 457
Лаўрова С. 293
Левада Ю. 222, 228, 239
Левитский С. 460
Ленин В. 90, 91, 124, 149, 159, 169, 277, 399
Леонов В. 402
Лепешко Б. 159, 160, 170, 293
Лещенко Н. 155, 157
Лещенко Н. 459
Ливенцев В. 200
Ливенцев М. 204
Липпман У. 315
Лихачев 185
Лобанова В. 200
Лосев А. 124
Лукас Э. 12
Лукашенко А. 12, 14, 16, 17, 18, 20, 21,24, 46, 63, 64, 66-70, 75, 77,

78, 80, 84, 86, 87, 90, 91, 92, 98, 103, 105, 109, 123, 126, 132-134, 146, 149, 152, 153, 156-159, 161, 162, 164-172, 192, 209-212, 218, 221, 225, 229- 237, 242, 243-264, 266, 268-279, 283-287, 292, 293, 294, 298, 299, 303, 304, 306, 310, 329, 331, 332, 350, 352, 359, 360, 364, 366, 371, 372, 381, 385, 392, 398, 402, 403, 409, 422, 428, 433, 434, 435, 443-446, 449, 451, 455-472, 486, 494, 502, 510, 512, 515, 519, 522
Лукьянович Т. 191
Лыпынский В. 458
Лысюк А. 16, 21, 265, 523
Мазаник Е. 194
Мазовецкий Т. 243
Майер-Шонбергер В. 325
Максимюк Я. 134, 138, 150, 165, 170
Малофеев А. 399
Мальдис А. 118
Мальцев Л. 207
Мальчук Н. 190
Манаев О. 22, 24, 68, 103, 105, 106, 113, 116, 124, 148, 149, 150, 213, 294, 342, 347-351, 366, 371, 523
Манаева Н. 69, 455, 510
Маринич М. 254, 255
Маркс К. 399
Марплз Д. 16, 21, 171, 458, 523
Масалов Н. 191
Масловская А. 198
Матросов А. 176
Маузер Г. 307
Мацкевич В. 366
Машеров П. 26, 90, 123, 132, 149, 159, 166, 167, 209, 274
Медведев Д. 91, 479, 480, 486, 488, 494-496, 509
Мельник О. 213
Мень А. 128
Меркель А. 91, 495
Меркулов П. 199
Мертон 287
Метелица Т. 203
Мечковская Н. 154, 170
Мигранян А. 293
Мид М. 146
Микульчик Е. 206-208
Милинкевич А. 63, 352, 369
Миллер 12
Милошевич С. 252, 326
Михеев К. 150
Мицкевич А. 85, 86, 91
Моисей 274
Молотов В. 174
Монюшко С. 86
Морозов В. 181
Морозов Е. 467
Морозов И. 175
Мубарак 132, 259
Муссолини 515
Мэдисон Д. 295, 316
Мясникович М. 254, 402-404, 436, 440
Назарбаев Н. 443-446, 449
Найс А. 462
Наумова С. 347
Некляев В. 133, 352, 371, 487
Николюк С. 16, 131, 150, 217
Новак С. 108

О'Генри 412
Обама Б. 91, 494, 495
Оборина М. 201
Окрестин Б. 178-179
Ортега-и-Гассет Х. 141
Осипова М. 198
Павич М. 136
Павловский Г. 372, 461
Панкратов А. 177
Паньковский С. 347
Папсуевич М. 202, 203
Пархоменко 198
Пашкевич С. 183, 184
Пелипенко А. 225, 230, 240
Першаи А. 456, 458
Петр I 90, 108, 123, 124, 159
Пикулик А. 470
Плескачевская И. 197
Подгол В. 68, 213, 293
Поздняков Б. 188, 189
Позняк З. 10, 27, 274, 277, 488, 509
Полевой Б. 191
Поляновский М. 181
Пономаренко П. 178
Попеску Н. 462
Поппер К. 514
Потоцкая Г. 199
Потупа А. 347
Почобут А. 242
Пригожин А. 268, 293
Путин В. 12, 26, 78, 90, 91, 123, 159, 209, 246, 304, 372, 435, 445, 446, 448, 451, 453, 454, 461, 463-465, 495, 496, 508
Радзивиллы 120
Радзик Р. 14, 18, 21, 524
Радос А. 327
Радьков А. 166
Разумков А. 40, 42, 69
Райнхард К. 453
Ракова Е. 113
Рамсфельд Д. 505
Рейвак Е. 204
Ровда В. 285, 294
Рогофф К. 453
Рокоссовский К. 189
Романенко А. 192
Романчук 139
Ромпей Х. 495
Рубинов А. 234, 241
Руссо 253
Рыбак У. 189
Рябчук Н. 457
Саломатов А. 206, 207
Сапега Л. 92, 120, 124, 159
Саркози Н. 494
Свинарчук Н. 187
Северинец П. 272
Сенько В. 365
Сидоров Д. 187
Силицкий В. 347, 463, 482
Ситуха В. 181
Скачкова Д. 200
Слизовский Д. 294
Словацкий 86
Смирнов Ю. 176
Смит Э. 67
Снопков Н. 239
Собчак К. 446
Соколова Г. 279, 293
Солженицын А. 272, 339
Солодухин В. 178

Сорос Дж. 347
Соснов А. 17, 21, 375
Сталин И. 90, 124, 159, 184, 207, 208, 277
Статкевич Н. 296
Степанова К. 182
Столыпин П. 90, 405
Таран А. 205
Твен М. 412
Тендитников Д. 179
Терещенко Н. 191
Тимофеев Н. 187
Тимошенко Ю. 280, 465
Тито Й. Б. 463
Тихонович Г. 179
Тойнби А. 116
Тойнби А. Дж. 240
Токвиль А. 295, 316
Третьяк И. 179
Тризно Г. 199
Троян Н. 198
Тульчинский Б. 175
Туск Д. 495
Туснолобова-Марченко З. 198
Тышкевич 120
Тэтчер М. 91, 123
Уилсон Э. 15, 20, 21, 157, 455, 524
Утюпин П. 241
Уэй Л. 469
Федута А. 459
Фредро 86
Фридман Дж. 13
Фролов В. 12, 255
Фромм Э. 140
Хабермас Ю. 226, 240
Хадеев К. 115
Хакамада И. 230
Халип И. 139
Хантингтон С. 316, 476, 480, 509
Хаттори М. 368
Хирш Ф. 157
Хиршман А. 9, 22
Хобсбаум Э. 131
Хрущев Н. 124, 159
Хущева Б. 114
Цзиньтао Х. 495
Чавес У. 466
Чайкин Н. 171
Чернявская Ю. 15, 21, 115, 524
Шагал М. 134
Шеремет П. 126
Шэйман В. 10
Шимов В. 159
Шапатов М. 175
Шатило М. 180
Шингель 182
Шепелевич И. 192
Шаматурина А. 203
Шоков В. 206
Шеверенко А. 208
Штомка П. 267, 287, 293
Шушкевич С. 278
Шарецкий С. 278
Штукина Т. 293
Шуленина Н. 294
Штотц Г. 403
Энгелькинга А. 114
Ярошук А. 17, 31, 367, 397, 524
Янчевский В. 367
Яковлев А. 447
Янукович В. 459, 460, 479, 494, 509

Основные сокращения

Alexa – информационная интернет компания
CASE – Центр социальных и экономических исследований (Варшава)
Gemius – компания исследований on-line
ITU – Международный союз электросвязи
LiveInternet
PACT – неправительственная организация по повышению качества жизни (США)
PONTIS – неправительственный благотворительный фонд Словакия)
TUT.BY – крупнейший интернет портал Беларуси
USAID – агентство международного развития США
USIS – информационная служба США
Акавіта – каталог белорусских веб сайтов
АПК – аграрно-промышленный комплекс
Атлант – минский завод холодильников
БГУ – Белорусский государственный университет
БДГ – Белорусская деловая газета
БелАЗ – Белорусский автомобильный завод
БелаПАН – белорусское независимое информационное агентство
Белпочта – государственное предприятие «Белорусская почта»
Белсоюзпечать – белорусское государственное предприятие по распространению печати
Белстат – Белорусский комитет по статистике и анализу
Белта – Белорусское государственное телеграфное агентство
Белтелеком – Белорусское государственное агентство по телекоммуникации
Белтрансгаз – Белорусская государственная нефтегазовая компания
Би-Би-Си – Британская теле-радиовещательная корпорация
БКДП – Белорусский конгресс демократических профсоюзов
БНР – Белорусская народная Республика
БНФ – Белорусский народный Фронт
БРСМ (ранее БПСМ) – Белорусский республиканский союз молодежи
БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай
БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка

Бритиш Американ Тобакко – Американская табачная компания
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
БТ – Белорусское телевидение
Бундеснахристендинст – Германская внешняя разведка
БФМ – Белорусские фабрики мысли
ВВП – внутренний валовый продукт
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ВОВ – Великая Отечественная война
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВТО – Всемирная торговая организация
ВЦИОМ – Всероссийский центр по изучению общественного мнения
Газпром – Российская государственная газовая компания
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
ГУВД – Главное управление внутренних дел
ДОСААФ- Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ЕАС – Евразийский Союз
ЕвраЗЭС – Евразийское экономическое сообщество
ЕС – Европейский Союз
ЕЭП – Единое экономическое пространство
ЖЖ – живой журнал
ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство
Институт FORSA – Институт по изучению общественного мнения (Германия)
ИО – индекс ожиданий
ИПК – индекс правильности курса
КБВО – Краснознаменный Белорусский военный округ
КГБ – Комитет государственной безопасности
КоАП РБ – Кодекс административных правонарушений Республики Беларусь
КПБ – Коммунистическая партия Беларуси
КПД – коэффициент полезного действия
КПП – контрольно-пропускной пункт
МАЗ – Минский автомобильный завод
МВД – министерство внутренних дел

МВФ – Международный валютный фонд
Минюст – министерство юстиции
Моссад – израильская внешняя разведка
МПБ – минимальный потребительский бюджет
МТЗ – Минский тракторный завод
МЧС – министерство по чрезвычайным ситуациям
МЭА – Международное энергетическое агентство
НАН РБ – Национальная академия наук Республики Беларусь
НАТО – Организация Североатлантического договора
НГО – неправительственная организация
НИСЭПИ – Независимый институт социально-экономических и политических исследований
НИЦ – независимый исследовательский центр
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НОВАК – Новая аксиология
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОГП – Объединенная гражданская партия
ОДКБ – Объединенная демократическая партия Беларуси
ООН – Организация объединенных наций
ПТУ – профессионально-техническое училище
РБ – Республика Беларусь
РОА – Российская Освободительная Армия
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество независимых государств
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ЦК ЛКСМБ – Центральный комитет Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
ЦСБТ САТИО – Центр системных бизнес технологий
ЮНЕСКО – Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры

Научно-популярное издание

БУДУЩЕЕ БЕЛАРУСИ
Взгляд независимых экспертов

Под редакцией профессора Олега Манаева

Компьютерный дизайн и верстка *А. С. Полякова*
Корректор *З. И. Плисецкая*
Перевод с английского *Н. Манаева и Н. Чайкин*

Подписано в печать 22.10.2012 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 38,2. Уч.-изд. л. 28,5.
Тираж 500 экз. Заказ №
Издательство ООО «Невский простор»
194100, г. Санкт-Петербург, пр. Мориса Тереза, 6.

Напечатано в типографии «Т-Сервис», г. Москва.